BECTHIK APEBHEЙ ИСТОРИИ

REVUE D'HISTOIRE ANCIENNE

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE D'HISTOIRE ANCIENNE

2(3)

И. О. ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА $A.~B.~M~U~\coprod~y~\varPi~U~H$

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва. K_{P} асная площадь, зданив Верховного Совета СССР, 3-й этаж

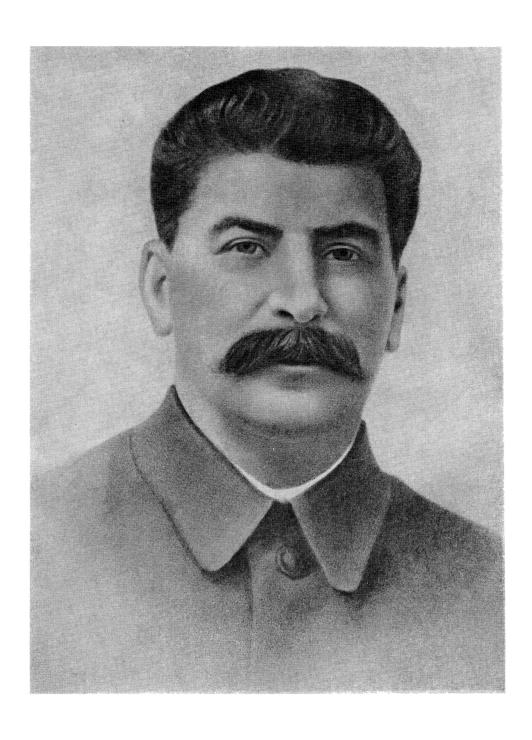
Тираж 20 000 экз. 22 печ. л. 70×108¹/₁₈.В 1п.л. 57 024 знака. Сдано в набор 20,IV 1938 г. Подписано к печати 18/VII 1938 г. Соцэкгиз № 20
Заказ типографии № 669

Tехнический редактор C. T o n a s

Заставки и концовки худ. Люминарского—Столярова

Уполномоч. Главлита № E-47906. Отпечатано в 16-й типографии Огиза РСФСР треста «Полиграф-книга», Москва, Трехпрудный пер., θ . 9

Henker

РЕЧЬ тов. СТАЛИНА

на приеме в Кремле работников высшей школы . 17 мая 1938 г.

Товарищи!

Разрешите провозгласить тост за науку, за ее процветание, за здоровье людей науки.

За процветание науки, той науки, которая не отгораживается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой (а п л о д и с м е н т ы).

За процветание науки, той науки, которая не дает своим старым и признанным руководителям самодовольно замыкаться в скорлупу жрецов науки, в скорлупу монополистов науки, которая понимает смысл, значение, всесилие союза старых работников науки с молодыми работниками науки, которая добровольно и охотно открывает все двери науки молодым силам нашей страны и дает им возможность завоевать вершины науки, которая признает, что будущность принадлежит молодежи от науки (а п л о д и с м е н т ы).

За процветание науки, той науки, люди которой, понимая силу и значение установившихся в науке традиций и умело используя их в интересах науки, все же не хотят быть рабами этих традиций, которая имеет смелость, решимость ломать старые традиции, нормы, установки, когда они становятся устарелыми, когда они превращаются в тормоз для движения вперед, и которая умеет создавать новые традиции, новые нормы, новые установки (а п л о д и с м е н т ы).

Наука знает в своем развитии не мало мужественных людей, которые умели ломать старое и создавать новое, несмотря ни на какие препятствия, вопреки всему. Такие мужи науки, как Галилей, Дарвин и многие другие общеизвестны. Я хотел бы остановиться на одном из таких корифеев науки, который является вместе с тем величайшим человеком современности. Я имею в виду Ленина, нашего учителя, нашего воспитателя (а п лоди с м е н т ы). Вспомните 1917 год. На основании научного анализа

общественного развития России, на основании научного анализа международного положения Ленин пришел тогда к выводу, что единственным выходом из положения является победа социализма в России. Это был более, чем неожиданный вывод для многих людей науки того времени. Плеханов, один из выдающихся людей науки, с презрением говорил тогда о Ленине, утверждая, что Ленин находится «в бреду». Другие, не менее известные люди науки, утверждали, что «Ленин сошел с'ума», что его следовало бы упрятать куда-нибудь подальше. Против Ленина выли тогда все и всякие люди науки как против человека, разрушающего науку. Но Ленин не убоялся пойти против течения, против косности. И Ленин победил (а п л о д и с м е н т ы).

Вот вам образец мужа науки, смело ведущего борьбу против устаревшей науки и прокладывающего дорогу для новой науки.

Бывает и так, что новые пути науки и техники прокладывают иногда не общеизвестные в науке люди, а совершенно неизвестные в научном мире люди, простые люди, практики, новаторы дела. Здесь за общим столом сидят товарищи Стаханов и Папанин. Люди, неизвестные в научном мире, не имеющие ученых степеней, практики своего дела. Но кому неизвестно, что Стаханов и стахановцы в своей практической работе в области промышленности опрокинули существующие нормы. установленные известными людьми науки и техники, как устаревшие, и ввели новые нормы, соответствующие требованиям действительной науки и техники? Кому неизвестно, что Папанин и папанинцы в своей практической работе на дрейфующей льдине мимоходом, без особого труда, опрокинули старое представление об Арктике, как устаревшее, и установили новое, соответствующее требованиям действительной науки? Кто может отрицать, что Стаханов и Папанин являются новаторами в науке, людьми нашей передовой науки?

Вот какие еще бывают «чудеса» в науке.

Я говорил о науке. Но наука бывает всякая. Та наука, о которой я говорил, называется ПЕРЕДОВОЙ наукой.

- За процветание нашей передовой науки!
- За здоровье людей передовой науки!
- За здоровье Ленина и ленинизма!
- За здоровье Стаханова и стахановцев!
- За здоровье Папанина и папанинцев! (аплодисменты).

ЗА ПЕРЕДОВУЮ НАУКУ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

К построению марксистской «Истории древнего мира» АН СССР

«Люди никогда не отказываются от того, что уже добыли... Чтобы не лишиться добытых результатов, чтобы не потерять плодов цивилизации, люди вынуждены, как только способ их общения (соттегсе) между собою перестает соответствовать уже завоеванным производительным силам, изменить все традиционные общественные формы» (Маркс—Письмо к Анненкову. Собр. соч., т. V, стр. 285).

Основная мысль Маркса заключается здесь в том, что именно сохранение «добытых результатов», «плодов цивилизации» требует обязательной перестройки «традиционных общественных форм», когда они мешают дальнейшему накоплению и развитию производительных сил и добытых «плодов цивилизации». Вместе с тем Маркс подчеркивает здесь и самое значение «добытых результатов», от которых «люди никогда не отказываются». А сюда относятся не только все технические изобретения, культурные достижения и все прочие оматериализованные продукты труда человеческого гения, но и вся история людей, их прошлое со всем их арсеналом мыслей, идей и теорий, которые создавались и появлялись на различных ступенях социального развития.

Насколько актуальны эти мысли Маркса, написанные им еще в 1846 г., и как прекрасно они выдерживают проверку временем, говорит современная историческая действительность.

Разве в капиталистических странах на наших глазах не происходит разрушение «добытых результатов», потеря «плодов цивилизации» именно потому, что теперь «традиционные общественные формы» капитализма не только мешают сохранению великих достижений культуры, но прямо направлены против культуры, против цивилизации, против результатов развития человечества? Разве не являются лучшей иллюстрацией к этому сжигание книг на кострах фашистской инквизиции, империалистические войны в Испании, Китае, влекущие за собою уничтожение древнейших городов, исторических памятников науки и искусства, развитие человеконенавистничества и мракобесия? Капитализм уже исчерпал свою историческую миссию, как фаза движения общества, теперь он сковывает развитие людей, мешает развитию цивилизации и направлен против культуры.

Совершенно противоположное мы видим в СССР, в Стране социализма, где разрушены «традиционные формы» капитализма и победили социалистические отношения людей, невиданные еще в истории.

Победа социализма в СССР не только создала новые формы экономической и социальной жизни, но вызвала и культурную революцию. Именно новые общественные формы, пришедшие на смену «традиционным», неизбежно должны были повлечь за собою культурное строительство, подъем цивилизации на более высокую ступень. Эта культурная революция не только создает новые ценности, она дает возможность наиболее плодотворно использовать наследство старого мира. «Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества» (Ленин, Соч., т. XXV, стр. 387).

Поэтому социалистическая эпоха и борется не только за создание новых культурных ценностей, но и за овладение накопленными знаниями, достижениями науки и техники, искусства и литературы, той прочной базсй «добытых результатов» и «плодов цивилизации» человечества, для развития которых открылись еще невиданные горизонты.

Отсюда понятно все то внимание к науке в Стране советов, которое поднимает советский народ на большевистскую борьбу за знания. Партия и правительство, заботливо развивая научную деятельность в нашей стране, создают тем самым ту основу, благодаря которой вся колоссальная созидательная работа масс по строительству социализма протекает планово, обосновывается теоретически, предваряется научным исследованием, серьезным изучением и точным расчетом. Вся завоеванная в прошлом культура, все достижения человеческого знания, весь мощный аппарат науки и научных учреждений—все это ставится на службу социализму, на службу народу.

Это назначение науки в Стране социализма прекрасно выразил товарищ Сталин в своем выступлении в Кремле на приеме работников высшей школы. Нам нужна такая наука, «которая не отгораживается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой» (С т а л и н).

История социалистического строительства в СССР наглядно показывает нам весь путь науки, ее перестройки, постановки ее на службу народу. Успехи социалистического строительства объясняются в значительной степени тем, что партия большевиков и советское правительство сумели на службу народу поставить науку со всем богатейшим арсеналом накопленных знаний. Всем известен тот замечательный факт, что В. И. Ленин в те дни, когда формулировал в своей брошюре «Очередные задачи Советской власти» практические вопросы диктатуры пролетариата, одновременно занимался разработкой плана научно-технических работ Академии наук. Борьба за социализм являлась у В. И. Ленина борьбой за науку, равно как борьба за науку, за историческую истину, за правду народа неизбежно превращалась у него в борьбу за социализм.

Это объясняет нам то, почему ни в одной стране не производятся такие исключительные по масштабу исследования, как в Советском Союзе. Изучение недр земли, почвы, морей и климата, исследования в области физики, биологии, медицины, в области общественных наук—археологии, истории, философии, экономики—проводятся с воодушевлением при максимальной поддержке правительства. Дальнейший подъем всего многообразия исследовательской деятельности в СССР на высоту именно такой науки, о которой в своем выступлении говорил товарищ Сталин и которая

называется передовой, — является очередной задачей. Именно в связи с этой задачей и был поставлен 8 мая с. г. отчет Академии наук в Совете народных комиссаров СССР. Как известно, Академия наук СССР является колоссальным научным организмом в стране, с массой отдельных институтов, с большим планом работ. Но эта работа еще недостаточна, она требует дальнейшей перестройки, привлечения молодых сил из кадров новых специалистов, выросших в процессе социалистического строительства.

Недостаточной является работа Отделения общественных наук Академии. Марксизм-ленинизм, единственно плодотворный научный метод, открывает огромные возможности перед нашими историками, философами, экономистами. Но академики-марксисты играют до сих пор заурядную роль и в достаточной степени ни они, ни возглавляемые ими институты по общественным наукам не отвечают непрерывно растущим запросам масс советского народа. В особенности сейчас становятся настойчивыми запросы вузов, школ, советской интеллигенции, широких масс колхозного и рабочего актива на учебники по истории, на литературу по истории нашей родины, на капитальные работы по всеобщей истории и истории народов СССР. Историческая наука страны должна ответить на все эти запросы.

Вот почему в напряженной борьбе социалистической эпохи за знания, за развитие «точного знания культуры, созданной всем развитием человечества» (Ленин), немаловажная роль принадлежит той когорте армии культурного фронта, которая выковывает марксистскую историческую науку.

Не приходится говорить о значении этой области науки. Историческая наука ценна нам не только тем, что она раскрывает, как приобретался и умножался практический и теоретический опыт человека в борьбе за новую, более прогрессивную организацию общества, но и тем, что она вооружает человека знанием законов развития общества для сознательного применения их в борьбе за коммунизм.

Значение этой науки отмечено соответствующими постановлениями партии и правительства. Историки нашей страны всерьез взялись за создание подлинно-научной истории. Важная задача поставлена сейчас Академией наук СССР—составление многотомной «Всемирной истории», в которую шеститомником входит, как его первая серия, «История древнего мира». Задача, поставленная товарищем Сталиным о передовой науке, заставляет подойти к этому делу с исключительной серьезностью. Это относится и к такому отдаленному от нас по времени отрезку человеческой истории, как история древнего мира. Дело составления и написания многотомной «Истории древнего мира» является безусловно крупным и ответственным предприятием, ибо стоит задача всеобъемлющей систематики наших знаний по древности и обработки их с подлинно-научной, марксистско-ленинской точки зрения. Ниже мы попытаемся установить, чем была история, как наука, до сих пор, каково должно быть построение марксистской «Истории древнего мира» и как эта наука должна быть поставлена на службу народу, стать передовой.

* *

Судьба исторической науки вплоть до нынешнего состояния ее в капиталистических странах наглядно показывает, как беспомощно человек оперирует наследством прошлого, как он иногда боится истины и бежит от исторической правды.

Советский историк прекрасно знает, что само возникновение истории еще в глубокой древности связывалось не столько с желанием дать точную картину прошлого, сколько с стремлением воспеть деяния богов, подвиги царей и героев, божественную генеалогию людей силы, власти и богатства.

Египетская «богиня истории» торжественно регистрирует военные походы фараонов, количество захваченных пленников, важнейшие события царствования. Потомству в назидание она завещает гимны только в честь «светлых» людей.

Созданная Зевсом муза истории Клио воспевала деяния богов, все созданное доблестью знатных героев и поэтому была провозвестницей только славы, которая увенчивает немногих.

На всем Востоке история, поскольку она не являлась простой регистрацией фактов, притом критически не проверенных, сводилась к истории религии, подчинялась богословским идеям.

История человечества представлялась древним, как проявление воли божества, провидения, рока. Фатум как бы заранее определяет судьбу общества и отдельных людей. Fata scribunda, по представлениям римлян, уже по истечении недели со дня рождения ребенка начинали руководить судьбой человека. Августин пошел дальше и развивал даже идею некоторого фатума в исторической миссии отдельных народов. Отдельные выдающиеся историки и мыслители древности—Фукидид, Аристотель, Полибий, Аппиан и др.—пытались осмыслить исторический процесс, но они не могли выйти за пределы, которые ставила им эпоха, и неизбежно разделяли иллюзии этой эпохи.

Вследствие младенческого состояния исторической науки в древности ее значение было ничтожно. На этом уровне исторического знания, естественно, не могло еще стоять ни проблемы о закономерностях социального развития, ни вопроса об учете опыта прошлого для применения к настоящему. Само знание исторического прошлого не могло иметь научного характера, не возбуждало широкого интереса, не имело воспитательного значения и было почти целиком во власти богословов, риторов и просто любителей-дилетантов. Этим объясняется тот факт, что истории как самостоятельной дисциплины, как предмета преподавания, до самого XIX в. вовсе и не существовало.

Античная школа не знала истории в системе обучения и, кроме математики, философии, риторики и гимнастики, ничего вообще знать не хотела.

Великие мыслители и ученые древности—Демокрит, Аристотель, Теофраст, Варрон и др.—были энциклопедистами, изучавшими все отрасли знания. Но школьное преподавание не интересовалось ни естествознанием, ни историей. Для школы история была родом красноречия, искусством драматизации исторических событий путем напыщенной риторики. Такому отношению к истории способствовали и сами историки.

Знаменитый «отец истории» Геродот менее всего намеревался дать верную картину исторических событий, о которых сам писал: «Правда ли это, я не знаю; но что говорят, то и пишу» (II, 123). Об этом уровне истории хорошо говорят античные писатели, из которых Плутарх пишет «О злостности Геродота», Аристотель называет последнего «мифологом», Авл Геллий—«homc fabulator», Ктесий—лжецом, а Лукиан даже уготовил Геродоту место в аду за его ложную историю. Вряд ли, конечно, это может в какой-либо степени послужить для недооценки Геродота, ибо ведь другие-то античные историки не всегда были лучше «отца истории».

Известно, что Лукиан, ввергнувший Геродота за ложь в преисподнюю, сам рекомендовал исследовать у историков не то, что они говорят, а как они говорят, их риторику. Может быть, еще самокритичнее был Сенека, который в своих «Естественно-исторических вопросах» рекомендовал другим, как и себе, поступать, как «историки», «много сочиняющие на свой страх и риск, но не желающие что-либо доказывать» (Quaest. nat., IV, 3, 1).

В античности на историю обычно смотрели не как на науку, а как на область риторических упражнений. «Historia est opus maxime oratorium»,— говорил Цицерон (De orat., II, 62).

В средние века развитие истории сковывается рамками теологии, исходным пунктом которой была библия.

История в эпоху средневековья превратилась в служанку богословия и была подчинена доказательству непреложности «истин» священного писания. Всякая попытка правильно взглянуть на историю объявлялась ложью, внушенной дьяволом. Господство теологии позднее не только разрушало приобретенные ранее исторические знания, но и вело к фальсификации истории. Разве только фашистская Германия может конкурировать с средневековьем по количеству подделок истории и документов. Напомним только общеизвестные в истории подделки, как «дарение Константина», на которое опирались притязания римских пап на светское господство в Италии, и «Лже-исидоровы декреталии», которыми папы обосновывали свои права на господство во всей христианской церкви. При этих условиях средние века в области исторического исследования не шли дальше составления хроник.

Школа на всем протяжении средних веков, как и в античности, не знала преподавания истории, как самостоятельной дисциплины. Как служанка богословия, она лишь потом стала входить, и только своими некоторыми элементами, в те семь свободных искусств (septem artes liberales), изучением которых и замыкалась средневековая школа. Как известно, и в «тривиуме» (грамматика, риторика и диалектика) и в «квадривиуме» (арифметика, геометрия, астрономия и музыка) места для истории не было.

Даже в эпоху Возрождения экскурсы в область истории, в связи с изучением античных рукописей, древних языков, не идут далее изучения смены династий, составления каталога царей и заучивания голой хронологии различных, преимущественно военных, событий. Судьба науки постепенно переходила в руки филологов, включавших историю в ведомство грамматических наук. Строятся даже исторические схемы, основанные, главным образом, на изучении судьбы «мирового» латинского языка (например у Целлария в XVII в.—исторические эпохи «золотой», «серебряной» и «железной» латыни).

Некий сдвиг в развитии исторической науки наступил вместе с периодом буржуазных революций, начинавших борьбу против средневекового строя и старых теорий. Резкой критике подверглись и старые методы изучения истории. Реакция наступила и против прежнего увлечения древностью. «Зачем отдавать столько времени древним языкам и басням», — говорит Декарт. Древность, с его точки зрения, уже теряла актуальность. Против средневековых методов изучения древней истории с ее каталогами царей выступил и другой ученый начала XVIII в., Боленброк, человек необычайно тонкой иронии и большого ума. «Я готов лучше смешивать Дария Кодомана с Дарием Гистаспом, —писал он, —и про-

виниться в стольких хронологических ошибках, сколько когда-либо делал еврейский хронолог, чем тратить полжизни на то, чтобы собрать весь ученый хлам, наполняющий голову знатока древностей». О сущности старого изучения истории хорошо в начале XVIII в. сказал аббат Перро: «Чем занимаются в гимназиях?—Гимназии содействуют только обсгстворению древних; там только и делают, что хвалят классиков, а потом уже действует привычка».

Развитие новых, буржуазных отношений отразилось в области идеологии в появлении рационалистических идей в результате роста индивидуального сознания, личной предприимчивости собственника, владельца капитала. Буржуазия в ее борьбе против феодализма пересматривала старые исторические концепции, в особенности в области древней истории, где особенно прочно держались старые традиции. Здесь идеологам старого порядка легче было проводить реакционные взгляды, чем в преподавании новейшей истории, которая творилась у всех на глазах. Другое дело-древняя история; здесь политические установки труднее поддаются контролю. Учитель здесь был полным хозяином. От ловкости его рук, от хитрости его ума здесь многое зависело. Прославляя древних царей, риторов или философов, можно было внушать враждебные новому режиму идеи. И когда буржуазия приходила к власти, она не могла не обратить на это внимание. При помощи своих видных теоретиков она устроила известного рода поход против старого преподавания древней истории. Во всяком случае любили повторять то, что об изучении древней истории сказал еще Джамбатиста Вико: «В древней истории не будет ошибок в том случае, если рассказывать эту историю будет человек, сам участвующий в современном деле». Было совершенно ясно, что речь идет далеко не о каких-нибудь хронологических ошибках. Ставился вопрос о борьбе со старым освещением истории.

«Все старые общественные и государственные формы, все традиционные понятия были признаны неразумными и отброшены как старый хлам» (Энгельс—Анти-Дюринг. Соч., т. XIV, стр. 12). Были провозглашены «вечные истины», в которых идеализировалась сущность буржуазного строя. Классовая буржуазная мораль была объявлена «вечной нравственностью», и с ее точки зрения оценивалось прошлое человечества. Не приходится говорить, что такой подход к истории прошлого создавал такое именно «морализирование», которое стремилось к извлечению уроков из прошлого, к защите новых буржуазных норм общественной жизни, к формированию буржуазной теории исторического познания. Для класса, пришедшего к власти на смену господству феодалов, это имело большое практическое значение. «Мораль» становится предметом преподавания. В 1802 г. во Франции вводился следующий круг предметов в школе: «В гимназиях должны преподаваться древние языки, риторика, логика, мораль и начатки наук математических и физических» (§ 10 закона 1802 г. о лицеях). Впервые вводившаяся «мораль» должна была стать азбукой буржуазной политграмоты, бороться со старой моралью феодального общества. Эта «мораль» давалась на исторических примерах прошлого и явилась своего рода суррогатом древней истории.

Таким образом, хотя во Франции после буржуазной революции и ощущалась необходимость введения в школы преподавания истории, однако истории, как самостоятельной школьной дисциплины, еще не существовало. Как известно, потребовалось еще 12 лет, чтобы история была введена в школе, хотя и в весьма своеобразной форме. В 1814 г. было пред-

ложено вести в школе получасовые занятия по истории «по вечерам от 1 апреля и до вакаций» (§ 129 закона 1814 г.). Наконец, в 1818 г. последовал декрет о введении новых предметов—и с т о р и и и г е о г р аф и и. Преподавание истории вверялось отдельному преподавателю или его особому помощнику («agregé spécial» в § 5 закона 1818 г.).

Только с XIX в. овладение историческими знаниями прошлого мыслится не в форме уже риторического искусства, морализирующих сентенций и составления генеалогических таблиц царей, а в форме специального, самостоятельного и, главное, сознательного изучения прошлых культур, их достижений.

Историческая наука в XIX в. строится заново. Богатое наследство исторических трудов древности и средневековья подвергается всестороннему критическому изучению. Оно не воспринимается, как достойный подражания образец, а лишь как ценный материал, который нуждается в проверке, в освобождении от искусных прикрас ритора, тенденциозности философа, теологических навождений богословов и излишнего вдохновения поэтов.

Солидный шаг в деле переработки материала древней истории с целью освобождения его от феодально-теократической одежды был сделан Нибуром по Риму и Гротом по Греции.

Маркс и Энгельс хорошо знали их и в особенности занимались работой Грота, которой посвятили ряд критических замечаний. Характерно, что центр внимания Грота в изучении истории Греции переместился. Раньше в истории древней Греции выдвигалась Спарта с ее аристократическим строем, с тем землевладельческим классом во главе, который импонировал феодальной знати и ее придворным историкам. Так было у Митфорда, современника Французской революции, специально использовавшего спартанские образцы в качестве «исторических» аргументов против Французской революции. У Грота, наоборот, превозносились Афины, демократические движения, что делает автора «адвокатом афинского демоса». Банкир, парламентский деятель, либерал по убеждениям, Грот выступал в начале XIX в. за принципы «свободной торговли», за развитие буржуазной демократии и старался эти принципы отыскать и в древности. И материал для этого давали Афины, а не Спарта.

Двенадцатитомная «История Греции» Грота свидетельствовала не только о развитии исторических знаний, но и о том, как историческая наука в университетах буржуазной Европы отражала собою развитие буржуазной идеологии.

Лучше, чем в какой-либо другой работе, это нашло свое выражение в знамєнитой «Истории Рима» Меммзена, которая явилась своего рода политическим трактатом в Германии 50-х годов. Известно, что идеализация Цєзаря у Моммзена служила целям «власти сильного человека», политики Бисмарка, который в образовании Германской империи 1871 г. должен был бы сыграть роль Цезаря.

Хотя сам по себе труд Моммзена и свидетельствовал о колоссальной исследовательской работе автора, о переработке исключительного по объему исторического материала, наконец, о том, что история встала действительно на научные рельсы, однако было ясно на примере «Истории Рима» самого Моммзена, что буржуазная наука не может дать объективного, подлинно-научного освещения исторического прошлого. Недаром еще Маркс заметил, что автор «Истории Рима» готов был даже в Риме и Карфагене открыть капитализм.

Такое модернизаторское извращение истории древности категориями капитализма с целью апологии последнего и доказательства его извечности характеризует и последующие работы Белоха, Пельмана, Мейера, Ростовцева и др.

Интересно, что сами представители буржуазной науки иной раз не скрывали того, что они выполняют социальный заказ своего класса. «Современность историка,—пишет Э. Мейер,—есть тот момент, который никоим образом не может быть изъят из исторического изложения». Самая тема древней истории, ее «выбор покоится,—по словам того же Мейера,— на интересе, проявляемом современностью к какому-либо действию или результату развития». Сам автор приводимых слов сумел показать это с отчетливостью, когда в начале мировой войны он оставил древнюю историю и занялся... исследованием социально-политического строя Англии. Это было своеобразным ответом на неожиданность выступления Англии против Германии в 1914 г.

Так создавалась историческая наука на Западе. Колоссальная работа по открытию документов, их публикации и переработке в плане исторической реконструкции прошлого сочеталась с подчинением ее узким классовым задачам буржуазии: «Найти в истории прошлого масштаб, приложимый к новейшему ходу развития» (Э. Мейер).

Было бы неправильно думать, что историческая наука в период прогрессивного развития буржуазии не сыграла положительной роли. И Грот и Моммзен не только переработали, систематизировали и публиковали колоссальный материал источников, но и своими историческими концепциями древности старались обеспечить прогресс современности, развитие буржуазных отношений. В этом и только в этом смысле на данном этапе буржуазная наука приближалась к познанию действительности. Так было, пока буржуазия являлась прогрессивной. Но последующее существование буржуазии, когда она исчерпала свою историческую миссию, направлено против истории именно потому, что против нее выступает сама история.

Буржуазия не может приближаться к пониманию объективной действительности, ибо последняя выступает против нее. Научная историческая правда говорит о неизбежной гибели капитализма, и партийный интерес буржуазной науки требует извращения этой исторической истины.

Именно с этим связаны отказ буржуазной науки от исторического исследования, фашистская фальсификация истории или даже прямой поход против исторической науки, против объективного исследования прошлого. «История,—пишет фашиствующий историк Поль Валери,—самый опасный из всех продуктов, вырабатываемых в химической лаборатории нашего ума. Она побуждает к мечтаниям, она опьяняет народы, она пробуждает у них ложные воспоминания, преувеличивает их рефлексы, растравляет старые их раны, лишает их покоя и ввергает в мании—величия или преследования».

Не приходится говорить, что в борьбе против исторической науки, это—последнее слово умирающего класса.

Такова судьба исторической науки при капитализме. Только пролетариат, интересы которого совпадают с тенденциями исторического процесса, создает подлинную историческую науку, правильную точку зрения на процесс познания объективной действительности. Путь к подлинно научному изучению истории, «как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса», указал

К. Маркс. «Домарксовская «социология» и историография в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая совокупность всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных к лассов общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая корни без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил» (Ленин—Карл Маркс. Соч., т. XVIII, стр. 13). На научных собраниях и конференциях, прошедших недавно в связи со 120-летием со дня рождения К. Маркса, представители советской общественности и советской науки с чувством глубочайшего уважения и благодарности отмечали мировое значение жизни и трудов этого гиганта мысли и великого революционера. Маркс не только «открыл закон развития человеческой истории» (Энгельс), но и дал нам бессмертные образцы конкретно-исторического исследования. В частности, Маркс, прекрасно знавший и непрерывно изучавший древние общества и их культуру, оставил нам ценнейшие указания для понимания всех этапов и периодов древней истории человечества-от Индии до «державы Рюриковичей», от первобытно-коммунистического общества до расцвета и гибели античных государств. В известной мере по инициативе и указаниям Маркса написана классическая работа Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которая для историков древнего мира дает исключительной научной ценности указания для дальнейшего исследования. На громадном материале, собранном до Энгельса, и в частности Морганом, Энгельс путем его исследования сформулировал законы развития первобытного общества, исторические условия происхождения классов и государства, те закономерности развития античного мира, которые привели к образованию феодальной Европы, этой необходимой ступени для последующего развития европейского капитализма. В трудах Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина мы имеем блестящие образцы исторических исследований, в свете которых историки-марксисты получают возможность ясно видеть прошлое человечества и творить новое общество. Марксизм руководство к действию. В героической борьбе за социализм, в созидательной работе по строительству нового общества рождается объективная истина, всеми ныне осязаемая и являющаяся практическим достоянием народов одной шестой части мира, --социалистическое общество в СССР. На практике революционной борьбы за социализм проверена и оправдана подлинно-объективная, марксистско-ленинская правда. Эта правда говорит о неизбежной гибели капитализма и о победе социализма во всем мире. Борьба за социализм, против капитализма, есть вместе с тем борьба за историческую правду, за подлинное, за действительно научное освещение прошлого человеческой истории.

* *

Однако было бы неправильно полагать, что в деле создания подлинной, марксистско-ленинской исторической науки совершенно отпадает весь запас человеческих знаний, накопленных от Геродота и до наших дней, в области изучения прошлого.

Буржуазная историография необычайно обогатила технику исторического исследования. Создались новые специальные дисциплины (эпиграфика, нумизматика, палеография и т. д.), без знания которых невозможна работа ученых в области древней истории. Изданы исключительной научной значимости своды надписей, публикации археологического, нумизматического материала и т. д. Наконец, в деле создания научной систематики различных источников достигнут значительный прогресс, ибо даже при буржуазном освещении отдельных проблем истории древнего мира ученые силой вещей должны были развивать и оттачивать приемы техники исторического исследования. От этих приобретений марксизм никогда не отказывался и включает в свою науку «прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме» (Ленин, Соч., т. XXV, стр. 387).

Это ни в какой мере, однако, не меняет отношения марксистов к науке буржуазных ученых, поскольку последние не исследуют и не могут исследовать закономерности исторического процесса, дать научные понятия о законах развития общественных явлений, о прошлом для правильного действия в настоящем. «Их наука в лучшем случае была лишь описанием этих явлений, подбором сырого материала» (Ленин, Соч., т. I, стр. 61).

Поэтому отношение марксизма к буржуазной исторической науке характеризуется критическим усвоением положительных знаний и отрицательным отношением ко всем беспомощным или прямо фальсификаторским построениям развития общества на той или иной его ступени.

Лучше всего это выразил Ленин, когда он писал: «Одно дело—не закрывать глаз на буржуазную науку, следя за ней, пользуясь ей, но относясь к ней критически и не поступаясь цельностью и определенностью миросозерцания, другое дело—пасовать перед буржуазной наукой» (Соч., т. III, стр. 500, прим. 3).

В деле составления «Всемирной истории», равно как и любого учебника истории, это указание Ленина обязывает советского историка к весьма многому, ибо во «Всемирной истории» и в любом нашем учебнике истории необходимо и отразить критическое преодоление завоеванных при капитализме положительных знаний по истории и в то же время дать впервые опыт построения мирового исторического процесса по всем странам и эпохам на подлинно-научной, марксистской основе.

Из вопросов, которые непосредственно стоят перед историками в деле написания первой серии «Всемирной истории», посвященной как раз «Истории древнего мира», встает ряд как общих, так и частных вопросов исторического построения такой серии.

Некоторые из них уже подвергались обсуждению в Академии наук СССР, на которую возложено издание «Всемирной истории».

К этим вопросам построения относятся: характер издания; периодизация как в рамках «Всемирной истории», так и в серии шеститомника по древней истории; включение в историю древнего мира народов, истории которых мало уделялось внимания; распределение материалов, при котором экономический базис и политические и идеологические надстройки даны были бы в соответствующей пропорции частей; учет достижений советской историографии по древней истории. Главное, необходимо, добиваясь, путем применения марксистского метода, подлинно-научного, объективного изложения, вместе с тем дать отпор фашистской фальсифи-

кации древней истории. С этой точки зрения, серия «Истории древнего мира» должна стать выражением силы и мощи марксистского исторического знания, показом падения буржуазной исторической науки и боевым разоблачением фашистских фальсификаций в области истории.

Здесь не место останавливаться на всех этих общих вопросах. В применении к серии «Истории древнего мира» они должны быть обсуждены специально на страницах нашего журнала.

Но уже теперь становятся ясными линии, по которым надлежит разрешать все эти вопросы.

Прежде всего, совершенно понятно, что шеститомник по древней истории не должен быть построен по типу учебника для высших учебных заведений. Задача написания такого учебника весьма важна, но серия «Истории древнего мира» не может и не должна подменить эту особую задачу.

Данное издание мыслится, как концентрированный свод наших знаний по истории древнего мира на основе марксистско-ленинской методологии. Этот свод исторических знаний должен дать ответ любому читателю по основным вопросам и в основных их плоскостях (хронологической, историографической, социально-экономической, культурной истории и т. д.).

Ясен и вопрос о периодизации древней истории. В буржуазной науке на этот счет царит полная путаница. Энциклопедические издания Анри Бера («L'évolution de l'humanité...»), Глоца («Histoire générale»), серия «Кембриджской истории» («Cambridge Ancient History»), «Народы и цивилизации» Альфана и Саньяка («Peuples et civilisations») и др. придерживаются самых различных вариантов периодизации. В основе нашей периодизации лежит принцип развития социально-экономических формаций. Рабовладельческие общества древности должны составить основное содержание нашей серии, причем хронологические рамки будут простираться от первобытного общества и до ликвидации рабовладельческих обществ в связи с революцией рабов и завоеванием Римской империи кельтскими, германскими, славянскими и другими «варварами».

Буржуазная теория «классического» Востока, связанная с европоцентрической точкой зрения на историю, получит отпор в марксистском построении истории Востока. И Индии и Китаю будет отведено соответствующее место. В греческой истории займут свое место Спарта, Беотия, Фессалия, Крит. В римской—Испания, Галлия, Малая Азия и т. д. •

Одной из задач марксистского построения шеститомника по древней истории является ликвидация социологизма, связанного с антиленинскими тенденциями «школы» Покровского.

Историки-марксисты прекрасно знают, что наряду с мобилизацией богатого и красноречивого материала древности им придется формулировать основные выводы о закономерностях исторического развития, но это не должно быть оторвано от исторического материала; конкретный анализ не должен быть подменен абстракциями. «Абстракции эти сами по себе, обособленные от реальной истории, ничего не стоят» (М а р к с, Соч., т. IV, стр. 17). Написать гражданскую историю во всех ее опосредствованиях, с описанием важнейших и красочных событий в области социальной и культурной—такова задача.

Особенно ответственной задачей в этом плане становится изучение и изложение социальных движений в древности, что по понятным причинам не могло занять своего места в буржуазной историографии. И в этом случае надо руководствоваться высказанными в свое время указаниями В. И. Ленина. «Марксизм отличается... замечательным соединением полной

научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс» (Соч., т. XII, стр. 32.—Разрядка наша. А. М.). Советская историография имеет некоторые достижения в изучении социальных движений древности, и это, несомненно, должно быть учтено.

Советский ученый в серии «Истории древнего мира» безусловно отведет соответствующее место исследованию тех очагов античной культуры, которые создавались на территории СССР в древнейшую эпоху. Как известно, на юге СССР, на северо-восточном побережье Черного моря, еще в глубокой древности сложились такие вошедшие в историю античности государственные образования, как Ольвия, Херсонес, Боспор и т. д. Эти античные колонии, выраставшие в целые города-государства, существовали и развивались параллельно расцвету древних Греции и Рима. Безусловно, что культура этих античных городов-государств на юге СССР принимала своеобразные формы, определявшиеся местными культурно-историческими условиями.

Учесть это звено античной культуры, являющееся неотделимой частью не только древней истории народов СССР, но и истории античного мира, и найти этому звену надлежащее место в общем построении «Истории древнего мира»—безусловно важная задача для советского историка.

Особое место в историческом построении должен занять вопрос об освещении истории религий и развития атеизма. Объективное изучение роли религий в древности, как способа наивного восприятия мироздания, должно, вместе с тем, показать религию, как усыплявший массы дурман, как одно из орудий эксплоатации трудящихся. Например, в отношении христианства историк-марксист обязан показать специфику христианства, которое в известном смысле должно было «стать одним из самых революционных элементов в истории человеческого духа» (Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 419), и, вместе с тем, показать реакционную роль христианства, как опиума народа, объяснить, почему христианская церковь должна была развиться и неизбежно стать сложным аппаратом одурманивания масс и их эксплоатации.

• Антирелигиозное воспитание масс на примере изучения исторического прошлого—одна из важнейших задач историков древности.

Заключительная часть шеститомника «История древнего мира», посвященная революции рабов, вторжению варваров и падению Римской империи, является наиболее актуальной и с научной и с политической точки зрения. Известно, как фашистские «историки» подвизаются на этой тематике со своими антинаучными теориями, сущность которых сводится в основном к тому, что, дескать, только «чистая кровь» германских варваров сохранила и передала Европе «античную цивилизацию». Превознесение «германского элемента» сопровождается обычно у фашистских борзописцев явным принижением других народов, как, например, кельтских, славянских и др., которые выдаются за «низшие расы». Историк-марксист должен дать отпор этому фашистскому мракобесию и путем привлечения материала и всестороннего изучения заключительного этапа Римской империи показать роль всех народов-«варваров», которые объединились с восставшими рабами и колонами и с громом опрокинули Рим. Особенный для нас интерес представляет изучение роли галлов, ранее всех других поднявшихся против Рима (восстание багаудов) и в дальнейшем своем

развитии заложивших начало своей государственности и культуре великого французского народа.

Товарищ Сталин на XVII съезде партии говорил о том, как фашисты третируют славян. Поэтому отпор фашистским «историкам» должен быть дан и путем вскрытия исторической роли древних славян, изучения их роли в судьбе Восточноримской империи. Кстати сказать, старогерманская наука не страдала третированием славянства и в лице некоторых своих важнейших представителей (Фальмера йер) устанавливала большую роль славянских варваров в образовании Византии и ее культуры. Поэтому современные фашистские фальсификации насчет славян можно разоблачить путем привлечения не только источников, но и соответствующих ссылок на работы старых немецких же ученых.

Во всяком случае, вопрос о древних славянах, из которых вышел и великий русский народ, должен занять по праву соответствующее место в заключительной части шеститомника.

Все издание «Истории древнего мира» должно быть подчинено задаче показа исторического прошлого, культурных завоеваний человечества, отдельных красочных эпизодов героической борьбы угнетенных за свободу, ученых—за знание, за культуру против невежества и мракобесия. Такое изложение будет встречено с интересом; оно, несомненно, будет иметь для советского народа большое образовательное значение и послужит целям коммунистического, интернационального, антирелигиозного воспитания граждан Советского Союза.

При создании нашей «Истории древнего мира» должны быть объединены старые и молодые силы историков античности, сломлены закоренелые традиции, выработаны «новые нормы, новые установки» (С т а л и н).

Существует ряд отдельных и специальных вопросов построения марксистской истории древности. И в одном из следующих номеров нашего журнала они будут подвергнуты детальному обсуждению.

Но уже сейчас мы можем сказать, что издание «Всемирной истории» и ее первой серии мобилизовало историков-марксистов на это большое и почетное дело. На языке промышленности или сельского хозяйства такие предприятия называются ответственной стройкой ответственного комбината. На нашем историческом фронте эта стройка будет проходить в свете тех указаний партии и правительства и лично вождя народов товарища Сталина, которые по этому вопросу были даны советским историкам.

Советские историки всех специальностей полны сознания ответственности порученного им дела. Они объединятся, ликвидируют последствия вредительства на историческом фронте, разоблачат до конца всех фашистских выродков, пробравшихся на их участок работы, и дадут подлиннонаучное марксистское изложение истории прошлого.

«Задача материалистов—правильно и точно изобразить действительный исторический процесс» (Ленин, Соч., т. I, стр. 81).

За передовую науку, науку для народа!

А. Мишулин

ХЕТТСКИЕ НАРОДЫ И ЯЗЫКИ

Проф. Б. Грозный *(Прага)*

Хеттология—наука молодая. Всего лишь два десятка лет прошло от расшифровки клинописного хеттского языка до новейшего открытия в этой области—расшифровки хеттских иероглифических надписей. 24 ноября 1915 г. я прочел берлинским профессорам первую лекцию о своей расшифровке клинописно-хеттского языка, и в тот же день Немецкое Восточное общество издало эту лекцию в печати в расширенном виде. Правда, мои открытия столкнулись с сильным сопротивлением специалистов—или, по крайней мере, тех, которые себя считали специалистами. Только мюнхенский ориенталист проф. Гоммель опубликовал через два дня после моей лекции очень благоприятный отзыв о ней в «Мünch. Neueste Nachr.», где назвал день моей лекции—историческим днем для индоевропейской филологии и археологии, а лекцию—эпохальной. Но о судьбе своих открытий я буду говорить позднее.

Расшифровка хеттских надписей—клинописных, а потом и иероглифических—произвела полный переворот в наших взглядах на древнейшую историю человечества. Я считаю, что мы можем говорить о перевороте в древнейшей истории, если сегодня ясно видим, что не только сумеры, вавилоняне, ассирийцы и египтяне,—но и индоевропейские народы уже 4000 лет тому назад играли очень важную роль в истории древнего Востока.

Благодаря расшифровке хеттских надписей нам удалось определить на древнем Востоке шесть народов, до тех пор неизвестных, из которых четыре—индоевропейского происхождения, то есть родственны народам, живущим в настоящее время в Европе и в Индии. Таким образом, возникла совершенно новая наука, называемая хеттологией, наука, считающаяся сегодня равноправной с ассириологией и египтологией, но возбуждающая, благодаря индоевропейскому происхождению большинства новооткрытых народов, в Европе более значительный интерес, чем обе вышеупомянутые науки, посвященные чуждым нам по происхождению народам. Общая кровь и общий язык связывают нас с этими новооткрытыми народами, которые еще 4000 лет тому назад оказывали сильнейшее влияние на историю древней Азии и которые употребляли такие слова, как куис, что означает «кто» и напоминает латинское quis—«кто»; затем небис, что значит «небо» и похоже на русское «небеса»; далугасти, что значит «длина» и напоминает русское «долгий», «долгота».

До самого недавнего времени наши сведения об истории древнего Востока ограничивались тем, что мы могли о ней узнать—кроме библии—из ассировавилонских клинописных и египетских иероглифических надписей, расшифрованных и изученных в течение XIX столетия.

Рис. 1. Хеттские пехотинцы в битве при Кадеше

Благодаря им было до мельчайших подробностей установлено участие древних сумеров, вавилонян, ассирийцев и египтян в самой древней мировой культуре, культуре, захватывающей период от IV до I тысячелетия до н. э.

Но зато мы очень мало знали до сих пор о народах и судьбах древней Малой Азии и Сирии. В корне изменить это положение было суждено нашему XX столетию, а именно, благодаря расшифровке хеттских клинописных и иероглифических надписей. В то время как ассириология и египтология должны сегодня довольствоваться лишь мелкой дорисовкой деталей в общей уже готовой и неизменной картине сумеро-вавилонской и египетской культуры, -- хеттология, возникшая в начале XX столетия, открывает в Малой Азии и в Северной Сирии целый ряд нам до тех пор еще неизвестных государств, народов и языков, подробным изучением которых наука будет занята еще несколько десятилетий.

Правда, хеттский народ или «сыны Хета» были нам отчасти известны уже из Ветхого завета. В

Рис. 2. Надгробная стела из Мараша 🐪

Х главе книги Исхода говорится, что Хет был сыном Ханаана, а в XXIII главе—что его сыновья жили в Хевроне, где Авраам вел с ними переговоры о могиле для своей жены Сарры. По сведениям Ветхого завета, хетты селились, главным образом, в Сирии, хотя они в то же вре-

мя—вместе с аморитянами и хиввитянами — составляли значительную часть населения Ханаана.

сть населения ханаана. Эти сведения Ветхого завета были несколько расширены древнееги-

Рис. 3. Тешуб—стела из Сенджирли

Рис. За. Тешуб—стела из Вавилона

петскими источниками, которые во время восемнадцатой—двадцатой династий — приблизительно 1500—1200 лет до н. э.—сообщают о постоянных сношениях и частых столкновениях Египта с могущественным северным государством Хета, стремящимся достигнуть политического влияния на Сирию. Около 1288 г. до н. э. между войсками обоих государств произошла большая битва у Кадеша на Оронте.

Вскоре после этого, в 1272 г., фараон Рамзес II заключил договор с хеттским королем Хаттушилем III и впоследствии взял его дочь себе в жены. Но еще несколько десятилетий спустя, около 1200 г. до н. э., Хеттское государство было покорено так называемыми северными народами.

Из клинописных записей нам также известно могучее государство Хатти и его народ, причинявшие Ассирии и Вавилону во II и в I тысячелетии до н. э. много забот. Так, одна вавилонская хроника сообщает, что народ Хатти около 1800 г. напал на Аккад-Вавилонию, что, вероятно, привело к падению династии Хаммураби.

вело к падению династии Хаммураби.
После гибели Хеттского государства в 1200 г. название Хатти обозначает в частности царство Кархемиш на Верхнем Евфрате, но относится также и ко всей Сирии. Лишь Саргон II в 717 г. окончательно уничтожает Хеттское государство Кархемиш.

Но в общем весь этот материал был весьма незначителен; прежде всего он был недостаточен, чтобы сообщить что-нибудь о происхождении и языке народа Хатти. Когда, наконец, в течение XIX столетия удалось найти в Сирии и Малой Азии особые произведения искусства, которые нельзя было считать ни вавилоно-ассирийскими, ни египетскими и которые часто сопровождались неизвестными до того времени иероглифами, -- тогда авторами этих произведений стали в большинстве случаев считать хеттов. Это предположение было тем более обоснованным, что изображенные лица часто принадлежали к совершенно другому антропологическому типу, отличающемуся прежде всего большим кривым носом и косым лбом. Сюда относятся, например, памятник из Мараша и рельефы из Кархемиша, далее сюда относятся рельефы из Сенджирли в Северной Сирии и стелы хеттского божества бури из Вавилона и Сенджирли. Но и в Ма-

лой Азии были также найдены многочисленные подобные скульптуры, которые также были немедленно отнесены к хеттам. Такова скульптура

из городских ворот хеттской столицы Богазкеой, затем скульптура Giaur Kalesy в скале. Так называемый хеттский профиль мы встречаем на Востоке и до сегодняшнего дня. Исходя из этого антропологического типа, сделали вывод, что хетты не могут быть ни семитами, ни индоевропейцами. Как я уже сказал, при этих скульптурах часто находятся так называемые хеттские иероглифы. Хеттские иероглифы принадлежат к разряду пикто-

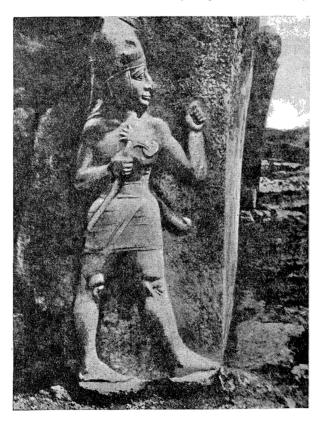

Рис. 4. Статуя божества на внутренней стороне городских ворот Богазкеойя

графического письма, но первоначальное значение очень многих знаков нам неясно. Хеттские иероглифические надписи писаны bustrophedon; это значит, что строки пишутся попеременно справа налево и слева направо, причем фигуры и головы всегда направлены к началу строки. Эти письмена были еще совсем недавно почти непонятны, прежде всего по той причине, что не были найдены подходящие двуязычные надписи. Те, которые пока известны, написаны иероглифами и клинописью, но так незначительны (как, например, серебряная печать Таркумувы) и к тому же обычно так неясны, что помощи от них, собственно говоря, очень мало.

Таким образом, до начала XX в. о хеттском народе было известно очень мало. Прежде всего предполагали, что хетты были только о д н и м н а р од о м. Лишь в нашем XX столетии удалось открыть большой архив хеттских царей в Богазкеое в Малой Азии, содержащий на глиняных табличках в высшей степени ценные записи на хеттском языке, писанные кли-

нописью. Тогда удалось эти надписи расшифровать и понять содержание этих документов. Но когда они были прочитаны и переведены, оказалось, что они принесли много неожиданного. По этим надписям мы знакомимся не с о д н и м хеттским народом, как мы ожидали, а с целым рядом народов—по меньшей мере, с пятью,—которые нам до сих пор были совсем или почти совсем неизвестны. Еще более неожиданным было открытие, что некоторые из них являются совершенно незнакомыми прежде индоевропейскими народами, которые мы можем считать самыми старыми народами этой семьи языков. К ним принадлежит и главный хеттский народ, который был основателем могущественного Хеттского государства и который—что также было большой неожиданностью—первоначально

Рис. 5. Охота на оленя. Малатия

назывался совсем иначе, а именно, как мне удалось установить, —неситы. Наконец, в последние годы—опять-таки совершенно неожиданно—удалось расшифровать так называемые хеттские иероглифы, которые нас познакомили еще с одним хеттским народом, также индоевропейского происхождения.

Но вернемся к открытиям в Богазкеое. Берлинскому ассириологу Гуго Винклеру удалось при его эпохальных раскопках, произведенных между 1906 и 1912 гг. у развалин Богазкеоя (восточнее Анкары), найти большое количество глиняных табличек, исписанных хеттской клинописью. Найдено было около 13 тысяч обломков и целых табличек, не оставляющих сомнений, что они принадлежали к архиву королей Хатти и что Богазкеой являлся столицей Хеттского государства, пока этот город (около 1200 г. до н. э.) не был уничтожен и сожжен так называемыми северными народами. На этом месте Немецкое восточное общество производило раскопки и в последние годы, причем были найдены еще 3 300 обломков и целых табличек.

Только сравнительно небольшая часть найденных табличек была исписана вавилонской клинописью на вавилонском языке. Большинство

их было покрыто также вавилонской клинописью, но на хеттском языке. Более подробное исследование этих документов, написанных на хеттском языке, показало, что хеттский язык тождествен языку Арзава, т. е. Западной Киликии и Исаврии, уже известному по двум письмам из клинописного архива в Тель-эль-Амарна в Египте.

Издание хеттских табличек из Богазкеоя было поручено нескольким ассириологам, в числе которых находился и я. В апреле 1914 г. я поехал

в Константинополь, чтобы там в музее скопировать и расшифровать эти таблички. Когда я в сентябре того же года был вынужден из-за вспыхнувшей войны вернуться в Вену, где я был приват-доцентом, я уже успел скопировать столько табличек, что и там мог заняться их расшифровкой. Результатом этих исследований была моя работа «Язык хеттов», которая была в 1916— 1917 гг. издана в Лейпциге. В этой работе мне удалось-как это в настоящее время признано всеми специалистами-разрешить загадку хеттского языка, составить его первую грамматику и, неожиданно для всех. констатировать индоевропейский характер его строения. Даже я сам не ожидал такого результата. При своей поездке в Константи-

Рис. 6. Серебряная печать

нополь я взял с собою целый ряд книг по лингвистике, но индоевропейские языки были между ними представлены слабее всего. Я имел только маленькую книжку Мерингера о индоевропейских языках, в издании Гешена. Почти одновременно со мной ассириолог Вейднер издал работу, в которой говорит, что хеттский язык принадлежит к языкам кавказским.

При своей расшифровке я должен был исходить из одноязычных хеттских клинописных текстов из Богазкеоя, которые должны были быть объяснены самостоятельно, сами по себе. Большую помощь при этом оказали фразы, содержащие имена собственные, а также те, в которых находились сумеро-вавилонские идеограммы, т. е. клинописные знаки, обозначающие целые слова или определенные предметы, как, например, знаки «страна», «город», «отец», «сын» и т. д. Исходя из таких идеограмм, я пытался установить смысл целых фраз. При этом было необходимо сравнивать отдельные хеттские фразы между собою и искать смысл отдельных хеттских форм и слов, или, другими словами, применить так называемый комбинационный метод. Способ моей работы лучше всего виден по следующему предложению, одному из первых, смысл которых мне удалось установить, и в котором я распознал три хеттских слова индоевропейского происхождения. Это клинописное предложение я читал фонетически:

nu -an ezateni vâdar-ma ekuteni.

Когда я впервые натолкнулся на это хеттское предложение, я знал в нем только значение идеограммы, которая часто, если и не всегда, означает «хлеб». По другим местам можно было судить, что окончание -an означает винительный падеж единственного числа. Несмотря на наличие и других возможностей, было легко предположить, что в предложении, говорящем о хлебе, можно ожидать также глагол «кушать». Поэтому я—

сначала, конечно, чисто гипотетически-предположил, что слово эзатэни означает понятие еды. Вскоре я заметил, что хеттский корень эза также во многих других местах значит «кушать» и что вместе с этим встречается и корень ад с тем же самым значением, например в форме аданзи, «они едят», который, вероятно, тождествен с эза. Тогда я сравнил опять-таки только гипотетически—эти хеттские корни $a\partial$ -, эз-, «кушать» с латинским edo, немецким essen и т. д. По другим местам я видел, что тэни — окончание второго лица множественного числа настоящего и будущего времени, так что первое предложение я мог перевести: «Хлеб будете есть». Следующее предложение казалось параллельным с первым: vâdar имя существительное, ma-предлог, ekuteni-глагольная форма с окончанием -тэни. Так как слово вадар было параллельно слову «хлеб», то нетрудно было предположить в нем название какого-нибудь простого кушанья. Здесь можно было легко допустить значение «вода», да и все остальные данные говорили в пользу этого слова. В то же время мне вспомнилось английское слово water—«вода», англо-саксонское watar и т. д. Если я здесь, таким образом, имел слово «вода», то в следующем глаголе экутэни, который был параллелен глаголу эзатени—«вы будете кушать», я должен был видеть выражение «вы будете пить». Затем я нашел, что наряду с корнем еку—«пить» встречается также близкий ему корень аку— «пить», например в слове акуванна—«пить». Сравнение слова акуванна, «пить», с латинским aqua— «вода» получалось само собой. Поэтому я перевел все предложение следующим образом: «Хлеб будете есть и воду будете пить».

Но хеттское слово vâdar—«вода» принесло еще следующую неожиданность. Я вскоре заметил, что, несмотря на то, что именительный и винительный падежи этого слова-vâdar, родительный падеж имеет форму не vadaras, a vedenas, то есть с n, а не с r, дательный-местный vedeni, отложительный vedenar и инструментальный—vedenit. Таким образом, это совершенно особенное склонение, в котором суффикс r чередуется с суффиксом n. Но и упомянутое индоевропейское слово со значением «вода» склоняется по тому же особенному склонению, как, например, прежде всего видно из греческого ύδωρ, родительный падеж ύδατος из ύδντος (сравните также с латинским femur—feminis). Лучшего согласия с индоевропейскими языками и желать нельзя. О возможности того, что хеттский язык принадлежит к индоевропейским языкам, я впервые начал думать тогда, когда нашел хеттские причастия с суффиксом nt-, как humanza родительный падеж humandas, что можно было сравнить с латинским ferens—ferentis. Также склонение и спряжение оказались почти тождественными с индоевропейским склонением и спряжением. Особенно большое значение имело для меня то, что мне удалось найти целый ряд хеттских местоимений, которые были явно индоевропейского происхождения. Так, например, «я» на хеттском языке будет uga, что сравнимо с латинским едо; «мне, меня» будет ammuga, что сравнимо с греческим ἐμέγε; «ты» по-хеттски ziga (ср. с греческим σέγε—«тебя»); «мой»—по-хеттски mis, ср. с латинским meus; «твой»—tis, ср. с латинским tuus; «кто»—kuis, ср. с латинским quis; «что»—kuit, ср. с латинским quid; «кто-нибудь» kuis-kuis, ср. с латинским quisquis и т. д. Из хеттских глаголов приведу здесь только глагол esmi-«я есмь», тождественный с индоевропейским esmi; затем хеттское spandi-«жертвует», ср. с греческим σπένδει; хеттское kittari-«его кладут», ср. с греческим каїтал-«он лежит». В этом глаголе, как и в многих других, я констатировал, что хеттский язык имеет

Рис. 7. Хеттский кодекс

также mediopassivum со знакомым окончанием r: третье лицо единственного числа kittari, множественное число kijantari, ср. с латинским amatur, amantur и т. д.

При таком соответствии не оставалось сомнений, что хеттский язык принадлежит к числу индоевропейских языков. При этом хеттский принадлежит, как нам показывают его гортанные гласные, к так называемым Септитвраснеп, т. е. к западным индоевропейским языкам, к латинскому, греческому, кельтскому, германскому и тохарскому. Хеттские mediopassiva, как kittari, указывают на определенную тесную связь хеттского языка с итало-кельтскими языками и с тохарским языком. Впрочем, уже ассириолог Кнудцон подозревал родство языка аггаwа, тождественного с хеттским, с индоевропейскими языками. Но его мнение встретило у индогерманистов такое сильное сопротивление, что Кнудцон от него впоследствии отказался.

Самые древние хеттские надписи относятся к первой половине II тысячелетия до н. э. Хеттский язык, следовательно, имеет полное право претендовать на почетный титул самого старого индоевропейского языка. Поэтому в нем можно было бы ожидать встретить очень старые, архаические черты, и они в нем действительно встречаются, как, например, в склонении слова vådar. Но при этом удивительно то обстоятельство, что в этом языке встречается также далеко идущее упрощение, которое создает странный контраст с его глубоким возрастом. Хеттские слова часто производят впечатление чужих, чего, впрочем, нельзя переоценивать, так как дальнейшие исследования могут найти хорошие индоевропейские этимологии еще неясных сегодня хеттских слов. Все эти странности лучше всего объяснить предположением, что хеттский язык о ч е н ь р а н о отделился от других индоевропейских языков и очень рано попал под влияние чужих языков.

Именно эти странности заставили филологов очень сдержанно, даже отрицательно отнестись к моей расшифровке хеттского языка и к моей теории его индоевропейского характера. В доказательство неправильности моих выводов также приводился неиндоевропейский антропологический тип хеттов. По каким ничтожным причинам часто отвергались мои взгляды, показывает следующий факт-не анекдот: один очень известный индогерманист, который прочел в рукописи мое предварительное сообщение о расшифровке, резко отказался интересоваться дальше этим делом, когда при чтении рукописи дошел до того места, где я установил, что хеттское vådar значит «вода». Он заявил, что в этом хеттском слове первое a—долгое, что в индоевропейском совершенно невозможно. Следовательно, и вся теория Грозного не стоит того, чтобы ею занимались. Нужно согласиться с тем, что хеттский язык вел себя очень скверно. Он нарушал многие правила сравнительной индоевропейской грамматики. Но позже, когда нашлись специалисты-индоевропеисты, которые с целью изучения хеттского языка изучили клинопись, начало постепенно пользоваться успехом мнение, что мое чтение, моя расшифровка, моя хеттская грамматика и моя индоевропейская теория-правильны. Первый индоевропейский филолог, который еще в 1919 г. согласился с моей теорией, был норвежский ученый Марстрандер. В настоящее время моя теория, как я уже сказал, принята всеми специалистами.

Но царский хеттский архив в Богазкеое принес нам еще одну неожиданность. В конце 1919 г. я—одновременно с Форрером—сделал открытие, что в клинописных надписях из Богазкеоя сохранились остатки еще одного

прежде неизвестного языка, который совершенно отличен от индоевропейского языка и там носит название Хаттили, т. е. «Язык города Хатти», или просто хаттский, или хеттский. В религиозных текстах, которые написаны на индоевропейском хеттском языке, встречаются также литании, молитвы и заклинания, которые написаны на языке Хаттили, т. е. на хаттском. Песнопения во время богослужений очень часто пелись певцами на хаттском языке. Это показывает, что население страны Хатти не было

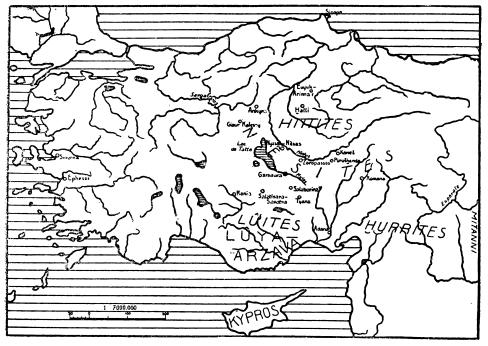

Рис. 8. Карта Малой Азии после нашествия индоевропейцев (ХХ в. до н. э.)

однородно, а смешанно, причем важная роль, которую хаттский язык играл при хеттских богослужениях, говорит в пользу того, что старшим был язык хаттский.

Когда индоевропейские хетты, около 2000 лет до н. э., проникли в Малую Азию—с севера, вероятно из Южной России, Украины—они, очевидно, нашли там старое население, носившее название своей столицы Хатти. Это население они, правда, покорили, но его кровь и частично и язык позже оказали на них определенное влияние. Так называемый «хеттский», или «арменоидный», с большим носом тип, вероятно, относится именно к этому коренному населению Малой Азии. Теперь, впрочем, уже известно, что и так называемый «еврейский», или «семитский», тип сегодняшних евреев также происходит от этой древней переднеазиатской расы. Его название «семитский» поэтому неправильно.

Хаттский, или протохаттский, язык мы знаем недостаточно хорошо, так как он представлен лишь немногими текстами. Нам известно о нем прежде всего то, что он при образовании различных форм в большей степени пользуется префиксами, чем суффиксами, как это установил Форрер. Так, например, множественное число от слова binu «ребенок» будет le-binu

«дети». Кажется возможным, что этот язык находится в связи с северовосточно-кавказскими языками, в которых также часто употребляются префиксы. От хаттов хетты переняли в свой язык много слов.

Перед нами теперь странный факт, что хетты сами назвали этот неиндоевропейский язык коренного населения их страны хаттским, т. е. языком столицы Хатти. Настоящим хеттским языком является, следовательно, хаттский. Как же тогда в действительности назывался язык индоевропейских хеттов, настоящих основателей великого Хеттского государства? Я полагаю, что мне в последние годы удалось установить настоящее название индоевропейского хеттского языка.

В одном хеттском тексте индоевропейский хеттский язык обозначается выражением nâsili. По аналогии с выражением hattili, происходящим от названия города Hatti, следует предположить, что nâsili производится от названия города Nâs. Но такое название города или страны в хеттских текстах не встречается, поэтому это выражение осталось необъясненным. Я сам сначала считал nâsili местоимением притяжательным первого лица множественного числа, со значением «наш», т. е. «наш язык», причем я думал о латинском поѕ, русском и чешском нас. Форрер, напротив, хотел произвести nâsili от названия хеттского города Канеш, что филологически совершенно невозможно. Впоследствии я нашел правильное значение этого слова в совсем другом направлении.

Сохранилась очень древняя и очень ценная хеттская надпись одного из самых древних хеттских царей, которые в то время царили в городе Kussare, а не в городе Chatti или Chatusas. Это-царь Anittas, который царствовал около 1930 г. до н. э. Царь Anittas сообщает в своей надписи, которую я перевел, что уже его отец Pithanas овладел городом Nêsas, который я склонен отождествить с позднейшим Nyssa, сегодняшним Миraddli Ojük, к югу от Галиса, которым владел другой царь. В то время Малая Азия делилась на несколько независимых друг от друга городовцарств: такие независимые царства тогда были в городах Kussara, Nêsas, Hatti, Zalpa. Это было время непосредственно после нашествия индоевропейских хеттов на Малую Азию, когда отдельные индоевропейские вожди боролись между собою за гегемонию над этой страной. Царь Anittas сделал завоеванный Nêsas своей столицей, овладел всеми землями между Черным и Средиземным морями и провозгласил себя великим царем. Таким образом, он основал первое великое царство, в котором господствовали индоевропейские хетты. После этого он блестящими постройками расширил город Nêsas. Лишь позже, к концу XIX столетия до н. э., цари городов Kussara и Nêsas перевели свою столицу в город Hatti, или Hattusas, где она осталась до падения Хеттского царства. При таких обстоятельствах я считаю очень возможным, что коренное население страны называло индоевропейских хеттов по их самой старой общей столице Nêsas—неситами, а их язык—неситским или наситским. По-моему, выражению nasili производится от названия города Nesas; переход ева в хеттском встречается часто. Я нашел, впрочем, и другие доказательства правильности своего предположения, что индоевропейские хетты, в сущности говоря, должны были бы называться неситами. В так называемом втором письме из Арзавы, которое написано на хеттском языке и адресовано египетскому двору, хеттский автор письма пишет находящемуся в Египте адресату, чтобы он ему ответил nesumnili, т. е. на неситском языке, на языке города Nêsas, а не по-египетски. Nesumnili—это параллельное выражение для nasili.

Но наряду с языками ḫattili—«хаттским» и nâsili, nesumnili—«неситским», хеттские тексты называют еще язык lûili, т. е. «луйский». Название lûili производится от названия страны Lûja, которая называлась также Агзаwа и которую мы, по моему мнению, должны предполагать в Западной Киликии и в Исаврии. Но луйский найден не только в стране Lûja, но также в столице Хатти и в государстве Kizvatna, которое мы прежде обыкновенно предполагали в позднейшем Понте, на берегу Черного моря, но теперь, по примеру Гёца, ищем у залива Иссос на юго-востоке Малой Азии. В общем, на луйском языке говорили, главным образом, в Киликии и в граничащих с нею областях, т. е. к югу от страны Хатти.

На луйском языке до сих пор найдено несколько заклинаний, которые цитированы в хеттских текстах. Целых текстов на луйском языке, поскольку мне известно, не существует. Форрер считал луйский язык сначала финноугорским языком, но потом согласился с моим мнением, что луйскийв основном язык индоевропейский. Также и это мое мнение в настоящее время принято всей наукой. Определить характер луйского языка, несмотря на незначительное количество имеющегося материала, мне удалось, главным образом, с помощью одного луйского места, хеттский-неситский перевод которого я нашел в той же надписи. Из этих мест следует, что хеттское предложение kueš veššanta, т.е. те, которые одеваются, что сравнимо с латинским quis и vestio, по-луйски—kuinzi vašanteri. Одним этим коротким предложением в луйском языке доказано индоевропейское относительное местоимение quis-«кто» и глагольный корень ves,--«одеваться». Кроме того, мы из этого предложения узнаем, что в луйском множественное число имело окончание -nzi и что в луйском языке встречались медиопассивные формы на -ntari, которые похожи на такие формы, как латинское amantur. Это не оставляет сомнений, что луйский язык—язык индоевропейский, родственный индоевропейскому хеттскому языку. Впрочем, все остальные известные мне луйские места в значительно меньшей степени могут быть истолкованы в пользу индоевропейского происхождения его. Повидимому, луйский намного сильнее смешался с местными языками Малой Азии, чем индоевропейский хеттский. Луиты, вероятно, проникли из Южной России в Малую Азию на несколько столетий раньше, чем неситы, может быть, уже около 2500 лет до н. э., так что они значительно сильнее подчинились влиянию неиндоевропейских языков Малой Азии, чем неситы. Оба этих индоевропейских народа пришли в Малую Азию, несомненно, из стран, лежащих к северу от Черного моря и от Кавказа. На луйском языке в Хеттском государстве говорили прежде всего крестьяне-поскольку они, конечно, не говорили на хаттском языке. Луйский язык у хеттов считался языком варварским.

Но хаттским, луйским и неситским языками языково-историческое содержание хеттского государственного архива в Богазкеое далеко еще не исчерпано. Он знакомит нас еще с двумя важными языками, центр которых находится, впрочем, скорее в Месопотамии, чем в Малой Азии. Это в первую очередь—хурриты, или, как их еще недавно называли, харрийцы. Это название читалось harri и обычно полагали, что это имя тождественно с именем арийцев, агуа, и что харрийцы, следовательно, являются арийским народом. При этом обыкновенно опирались на то, что в государственных договорах, заключенных хеттами со страной Mitanni и господствовавшими там харрийцами, встречаются также арийские божества Mitra, Varuna, Indra, Nāsatya. Но я доказал, что название этого народа должно читаться churri, а не charri: я нашел два места, где это имя напи-

сано не единым знаком, имеющим два значения har и hur, а знаками hu и ur-Поэтому невозможно приравнить это имя к имени арийцев. Чрезвычайно важно еще то обстоятельство, что в надписях из Богазкеоя найдены также образцы другого языка, который называется hurlili, т. е. хуррийским. Слово hurlili относится к имени народа и страны Churri, которое в хеттском языке имеет форму hurlas. Из хуррийских образцов следует. что хуррийский не является ни арийским, ни индоевропейским языком. Как я установил еще двадцать лет тому назад, хуррийский язык почти если не совсем-тождествен с неарийским языком страны Митанни, знакомым нам из длинного письма митаннийского царя Тушратта, которое было найдено в Тель-эль-Амарне в Египте. Очень важной особенностью хуррийского языка является то, что родительный падеж, зависящий от имени существительного, получает и окончание этого существительного, стоящего перед ним. Так, например, слова: «Боги города Šamûha» на хуррийском языке будут: Hani-na Samuha-hi-na; окончание множественного числа в первом слове «боги» -na здесь приставлено и к следующему родительному падежу единственного числа Samûha. Подобное нам знакомо и изнекоторых кавказских языков. Поэтому очень возможно, что хуррийский язык находится в хотя бы отдаленном родстве с этими кавказскими языками. Важно затем, что можно констатировать некоторое сходство хуррийского языка с так называемым урартийским, или халдским, языком, на котором говорило доиндоевропейское население древней Армении. Напротив, хуррийский язык совершенно отличен от хаттского.

Хурриты населяли, главным образом, страны Хурри и Митанни, которые, по-моему, следует искать в Северной Месопотамии. Страна Митанни лежала в области рек Хабур и Дягдяг; Селевкиды впоследствии переименовали ее в Мигдонию. Страна Хурри получила свое название, вероятно, от города Хурра, о котором впервые говорит ассирийский царь Ададнирари наряду с городами страны Митанни. Этот город Хурра я считаю нынешним Урфа в Северной Месопотамии, по-гречески Orrhoi и посирийски Urhôi. По этому имени была названа и вся окружающая местность Orrhcëne, и еще Плиний сообщает нам о Arabes orrhoei, которые жили там. Из первоначального Хурри, или Хурра, по-хуррийски также hurruhe, очень легко может возникнуть позднейшее Orrohe, Urhôi, Urfa. Не исключено, что название hurri в сущности означает «пещеры» и что оно связано с многочисленными пещерами в окрестностях города Урфы.

Город Хурри/а, нынешний Урфа, был, по-моему, столицей хурритов. По этой столице называлась и вся Северо-западная Месопотамия— ${
m X}$ урри. Но и в Сирии жили хурриты, и временами хурриты владели не только-Сирией, но и смежными странами. В первой половине ІІ тысячелетия до н. э. Хурри было могущественным государством, которое сделало много завоеваний и которое ассиро-вавилоняне называли также Hanigalbat. Сирия в хеттских надписях часто называется прямо Хурри, и это же название мы должны видеть и в египетском имени Hôr (неправильно Хару), которым, начиная с XVI в. до н. э., обозначалась Палестина и Сирия. Если Палестина и Сирия от времен гиксосов назывались египтянами Hôr, то очень возможно, что и нашествие гиксосов на Египет, в конце концов, сводится к хурритам и их семитским вассалам. То обстоятельство, что хурриты владели Палестиной и Сирией, оставило свои следы—ветхозаветный народ хоритов, который мы должны считать последними остатками хурритов, несмотря на то, что они были сильно семитизированы. В антропологическом смысле хурриты, несомненно, принадлежат к упомянутому выше переднеазиатскому типу с крупным носом и косым лбом. Своими завоеваниями хурриты в первой половине II тысячелетия до н. э. проникают также в хеттские области и занимают, вероятно, также части Хеттского государства. Этим объясняются хуррийские ритуалы в городах Малой Азии и употребление хуррийского языка в государственном архиве хеттских царей. В хеттских ритуалах встречаются также хуррийские литании, молитвы и заклинания, и при хеттских богослужениях нередко поют и хуррийские певцы. На хуррийском языке существовала, вероятно, довольно значительная литература, как доказывают, например, найденные в Богазкеое обрывки эпоса о Гильгамеше на этом языке.

 ${f X}$ уррийский язык иногда называется специалистами митаннийским. на том основании, что на этом языке написано одно письмо Тушратты, царя Митанни. Но это заключение, по-моему, неправильно. Я нахожу, что название Митанни относится к совсем другому языку и совсем другому народу—пятому народу, который был открыт при помощи надписей из Богазкеоя. Как страна Хатти, так и страны Хурри и Митанни, образующие вместе государство Ханигалбат, не были однородны ни по населению, ни по языку. В политическом отношении связь обеих стран заключалась приблизительно в том, что в первой половине II тысячелетия до н. э. государство Ханигалбат управлялось городом Хурри, в то время как околоначала XV в. власть над государством Ханигалбат захватила, очевидно, страна Митанни со столицей Вассуганни (вероятно, нынешнее Рас эль-Айн у реки Хабур). Мы видим, что в договоре, заключенном в начале XIV в. между хеттским царем Суппилулиумой и царем Маттивазой из Митанни, призываются в свидетели договора также арийские и, в частности, индийские божества Митра, Варуна, Индра и Насатия. Без сомнения, эти божества почитались в государстве Митанни. С этим согласуется и то, что имена царей из Митанни и Хурри носят индоевропейский характер. Так, например, два царя из Митанни и Хурри носят имя Артатама, что-(по Порцигу) приблизительно соответствует индийскому Рта-д'ама, т. е. «имеющий место в святом законе». Имя митаннийского царя Тушратта соответствует, может быть (по Шефтеловицу), индийскому Дусрадд'а, т. е. «тот, которого трудно преодолеть». Но не только цари митаннийскохуррийской династии, но и целый ряд властелинов Сирии и Палестины того времени, знакомых нам по амарнской переписке, носят имена явноиндоевропейского характера. Затем в надписях из Богазкеоя упоминается особый слой населения, называемый мариянни, в котором мы должны видеть своего рода военное дворянство и властвующую касту. Эти мариянни установлены, с одной стороны, в стране Митанни и, вероятно, и Хурри, и, с другой стороны — в сирийских княжествах, находившихся под влиянием государства Митанни. В мариянни имели главную опору сирийско-месопотамские князья в своих военных предприятиях. Уже Винклер сравнил мариянни с ведским мариа — «молодой человек, герой». Династии из Хурри-Митанни и из Сирии, вероятно, тоже происходили от мариянни. Цари Митанни и Хурри, вероятно, вознаграждали своих офицеров за их верную службу тем, что отдавали им во владение сирийско-палестинские города.

Дальнейшими доказательствами существования в то время индоевропейцев, в частности индусов, в Месопотамии являются обозначения чисел, которые я (и одновременно со мной Иенсен) нашел в некоторых хеттских текстах, рассказывающих о коневодстве и дрессировке скаковых лошадей. Это—знаменитый учебник Киккула из Митанни, в котором встречаются технические выражения для гонок на колесницах, явно индийского проистехнические выражения для гонок на колесницах, явно индийского проистехницах.

хождения. Так, например, аикавартанна «один поворот» соответствует индийскому ека — «один» и вартанам—«поворот»; затем панзавартанна «поворот пять раз» (ср. индийское рапса—«пять»); затем атавартанна «поворот семь раз» (ср. с индийским sapta—«семь») и т. д. Этот учебник показывает, что в Митанни было и индийское население и что это индийское население было учителем хеттов и других древних восточных народов по коневодству и гонкам на колесницах, которые индусы так любили. Вообще очень возможно, что лошадь была привезена прежде всего арийцами к концу III тысячелетия до н. э. в Переднюю Азию, где ее до тех пор почти не знали. Язык этих месопотамских индоевропейцев находится в определенной связи особенно с языком древних индусов, как показывает, например, вышеупомянутое число аика—«один».

Из всего этого следует, что, вероятно, в первой половине II тысячелетия до нашей эры в Переднюю Азию проник индийский народ, овладевший Северной Месопотамией, государствами Хурри и Митанни, а позднее и Сирией и другими областями. Здесь возникает вопрос, как эти месопотамские индусы назывались. Надписи из Богазкеоя нам не сообщают никакого имени для этого народа. Я сам придерживаюсь того мнения, что их, может быть, следует называть Митанни. До сих пор, правда, митаннийским называли тот язык, на котором написано письмо митаннийского царя Тушратты, но этот язык почти тождествен с хуррийским, и, вероятно, его и следует так называть. Страна Ханигалбат делилась на две страны: Хурри и Митанни. Страна Хурри была так названа по своей столице Хурри. Происхождение имени Митанни остается неустановленным. Так как в текстах нигде не встречается название города Митанни, я склонен предположить, что это название — эт н и ческого происхождения, т. е. что им первоначально назывался народ, по которому потом была названа вся страна. Нетрудно поэтому отнести это имя ко второму народу стран Хурри—Митанни, название которого нам еще недостает. Более старая форма имени Митанни—это форма Маитени, которая теперь встречается в новооткрытых надписях из Керкука. Каким образом эта часть индийского народа в Месопотамии получила название Маитени, Митанни, пока еще остается загадкой. Также название их столицы Вассуганни, которую они основали около Рас эл-Айна, повидимому, индийского происхождения. Интересно, кроме того, что царь Митанни, Тушратта, который с Египтом переписывался обычно на вавилонском языке, одно из своих писем в Египет написал на хуррийском языке. Из этого можно заключить, что и в царстве Митанни коренной, хуррийский язык был государственным языком, и что поэтому индоевропейцы в этом государстве составляли лишь тонкий верхний слой.

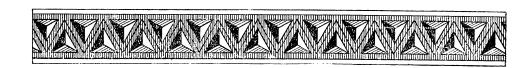
Кроме хаттского, луйского, неситского и хуррийского языков, в надписях из Богазкеоя упоминается еще язык палаумнили, т. е. палайский, на котором возносили молитвы к богу Зибарва. Эти молитвы в текстах из Богазкеоя никогда не цитируются, так что мы об этом языке ничего определенного сказать не можем. Форрер опубликовал два очень маленьких фрагмента, которые, кроме имени бога Зибарва, содержат несколько слов на неясном языке; но при этом не имеется указания, что эти слова сказаны на палайском языке, так что остается большим вопросом, имеем ли мы здесь дело с этим языком. Эти несколько сохранившихся слов производят впечатление смешанного хуррийско-луйского языка.

Очень интересно то, что, повидимому, в надписях из Богазкеоя упоминаются также древние греки, а именно под названием Аххиява или

Аххия, которое Гёце и Форрер приравнивают к греческому 'Αγαία. Правда, здесь идет речь о стране в Малой Азии, а не о европейской Греции. как это утверждал Форрер. К сожалению, данных, имеющихся в текстах, недостаточно, чтобы точно определить положение Аххиявы в Малой Азии. Эту страну искали то в Западной Киликии, то в Памфилии, то на Родосе, то поблизости от острова Лесбоса. Несомненно, эти старейшие малоазийские ахейцы были сильно смешаны с малоазийскими элементами. Возможно, впрочем, что еще догреческий народ лелегов упоминается в хеттских надписях под именем Лулахху, что, вероятно, значит «варвары», Наконец, я хотел бы еще кратко упомянуть о том, что хеттские надписи, кажется, вносят много нового и в этрусский вопрос. Теперь намечаются новые связи между этрусским языком и недавно открытыми малоазийскими языками. Кажется даже, что этрусские божества Кулсанс и Кулсу происходят от хеттских богов-хранителей Кулсес. Это обстоятельство подтвердило бы старое предположение, что этруски пришли из Малой Азии в Италию. Но вопрос этот требует изучения.

Лишь в краткой, сжатой форме я мог здесь изложить главные результаты хеттологических исследований, поскольку они были получены благодаря расшифровке хеттской клинописи. Но я думаю, что и из этих поверхностных сведений можно видеть, сколько нового внесли находки в Богазкеое и расшифровка клинописного хеттского языка в древнюю историю—не только Малой Азии и соседних стран, но и в историю древнейших индоевропейцев.

СОГДИЙСКИЙ РУКОПИСНЫЙ ДОКУМЕНТ АСТРОЛОГИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ (КАЛЕНДАРЬ)

(Рукопись 34 A 12 собрания согдийских рукописных документов с горы Муг в Таджикистане)

Проф. А. А. Фрейман

І. Палеографическое описание документа.

В «Согдийском сборнике» 1 на стр. 44 о рукописи 34 А 12 напечатано следующее: «Согдийский документ на коже. Сшит в форме мешочка, письмом внутрь. В виду узости отверстия невозможно определить число строчек. Тушь поблекла, читаемость, повидимому, плохая. Размеры: ширина мешочка (в сшитом виде)—7 см, вышина—15 см. Назначение мешочка неясно».

Документ был летом 1934 г. подвергнут обработке, и внутренняя сторона его, где текст, сфотографирована Институтом исторической технологии Государственной академии материальной культуры, под руководством проф. Н. П. Тихонова.

После того как документ был распорот и подвергнут обработке, расправлен, он представляет продолговатую, суживающуюся к концу полосу кожи, пожелтевшей на внутренней стороне, где письмо, грязновато-серого цвета на наружной, незаполненной письменами стороне. Длина документа—311/2 см. Ширина—от 5 до 9 см. Начало документа—около 7 см с правого его края, там, где было отверстие мешочка, —сильно пострадало. Кожа потрескалась, разорвалась, оборвана. Большая трещина—у края документа в верхней его части, длиною в 6 см и шириною около 0,5 см; лакуна 1×1 см на расстоянии 6 см с правого края и 2 см сверху; оборван нижний край документа с правой стороны 1×2 см. По краям документа заметны следы швов. В этих местах текст несколько пострадал: в некоторых местах поблекла краска (от сырости?), стерты буквы. Читаемость документа, в общем, неплохая. Документ разделен пятью вертикальными линиями на шесть столбцов; кроме того, одна горизонтальная линия, проведенная на расстоянии 3 см с верхнего края, делит третий столбец на две части. Так как этот документ не связан, подобно другим документам нашего собрания, с именем Диваштича, его корреспондентов и с окружавшей его хозяйственной обстановкой, то датировка его не может быть установлена с такой же точностью, с какой были датированы прочие согдийские документы нашего собрания с именем Диваштича и другие (первая

¹ «Согдийский сборник». Сборник статей о памятниках языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР. Л. 1934, изд. Академии наук СССР.

четверть VIII в. н. э.)¹, в особенности же арабский документ (718—719 гг.)²; тем не менее он, будучи найден вместе с другими документами, не может относиться ко времени после 722 г. — года пленения Диваштича; с другой стороны, палеографические данные документа, похожие на данные других наших документов, не дают основания для предположений о значительно более ранней его датировке сравнительно с другими.

II. Содержание документа

Первые два столбца и часть третьего до черты представляют перечень названий тридцати дней месяца. Эта часть документа, как выше указывалось, больше всего пострадала. Восстановление утраченных частей в значительной мере становится все же возможным благодаря наличию в нашем собрании датированных документов. Согдийскому календарю на основании этих данных сравнительно со сведениями, приведенными Аль-Бируни³, была уже посвящена статья «Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане»⁴. Следующие столбцы (конец третьего, четвертый и пятый), под заглавием 'nyrn'm'k «Книга звезд», содержат список так называемых лунных станций, отдельных частей знаков Зодиака, в равной мере засвидетельствованных в названном сочинении Аль-Бируни на стр. 240.

Последний, шестой столбец содержит список известных в древности планет, к числу которых относились также солнце и луна и от которых получили название дни недели. Нынешнее состояние документа не дает данных для суждения о первоначальном его размере. Можно думать, что в нем находился также список названий месяцев. О широком распространении астрологических, космогонических интересов, о значении календаря у иранских народов дают нам представление остатки этой литературы в зороастрийской и манихейской письменностях, и опубликование нашего документа, так же как и ранее изданного исследования5, окажет свою пользу возросшему за последние годы, после опубликования новых манихейских материалов, интересу к этой области иранской культуры 6.

¹ «Согдийский сборник», стр. 12.

² Там же, **ст**р. 63.

³ См. издание его сочинения «Athār-ul-Bākiya». Dr. C. Eduard Sachau—Chronologie orientalischer Völker von Albêrûnî, Leipzig, 1878.
4 Стр. 137—165 сборника «Доклады группы востоковедов» на сессии Академии наук СССР 20 марта 1935 г. («Труды Института востоковедения», XVII), изд. Академии наук СССР, 1936. В этой статье не отмечены названия согдийских месяцев, приведенные из неизданных манихейско-согдийских текстов Ф. В. Мюллером в его статье «Die «persischen» Kalenderausdrücke im chinesischen Tripitaka» на стр. 8 (465) (Sitzungsberichte der Königlich-Preussischen Akademie der Wissenschaften, 1907):

⁵ См. выше. ⁶ Cp. F. C. Andreas-Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch Turkestan. Aus dem Nachlass herausgegeben von Walter Henning, SBAW, Phil.-Hist. Kl. 1, 1932, S. 188—191. Walter Henning —Ein manichäisches Henochbuch. SBAW, Phil.-Hist. Kl. 1934, S. 8—11. Bundahišn, главы I, II, V, XXV (в изданиях: 1) The Bûndahishn. Ed. by the Late Ervad Tahmuras Dinshaji Anklesaria with an Introduction by Behramgore Tahmuras Anklesaria, Bombay 1908 (—The Pahlavi Text Series, vol. III); 2) Bundehesh, liber pehlvicus. E vetustissimo codice Havniensi descripsit... N. L. Wes-

Наличие в нашем документе 27—28 названий лунных станций наряду с тридцатью названиями дней солнечного месяца и семью названиями планет может свидетельствовать, с одной стороны, о пережитках лунного календаря¹, своими корнями ведущих нас в Ассиро-Вавилонию и хорошо засвидетельствованных и в среднеперсидской зороастрийской литературе, и, быть может, о наличии манихейских и христианских влияний, сказавшихся в семи названиях планет (семидневной неделе)—с другой². Название согдийского месяца *пу*sn, вероятно, также своими корнями восходит к Ассиро-Вавилонии скорее, чем к позднейшим, христианским, влияниям, шедшим в Иранские земли из Сирии³.

III. Текст

1. rw [č]
2. .rmzt rwč
3. 'š m'yn rwč
4. 'rt' wšt rwč
5. γšywrwč
6. 'sp'ntrmt rwč
7. .. t rwč
8. .. t rwč δts
9. /// 'ts rwč
10. ... rwč

11.

12. m'γy rwč

14. . δts rwč15. ?...

13. [ty] šy rwč γwš

1 столбец

1. yšy rwč
2. sr'wš rwč
3. .n rwč
4. [p] rwrtn
5. šγ'n rwč
6. r'mn rwč
7. [w]'t rwč δts
8. rwč δyn'k
9. rwč 'rtwγ
10. rwč .ršt't
11. rwč sm'n
12. rwč

2 столбец

tergaard. Havniae, 1851; 3) Der Bundehesh... von F. Justi, Leipzig, 1868: 4) перевод текста: E. West, Sacred books of the East, vol. V (Pahlavi Texts, vol. I) Oxford 1880. Dhanjishah Meherjibhai Madan. The complet Text of the Pahlavi Dinkard.Bombay, 1911. E. West, SBE, vol. 37 (=Panlavi Texts, vol. IV), Oxford, 1892. Цитированное сочинение Аль-Бируни passim. См. также цит. выше работу F. W. Müller—Die «persischen» Kalenderausdrücke im chinesischen Tripitaka. SBAW. Phil.-Hist. Klasse 1907. J. Mark wart—Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Zweites Heft. Leipzig, 1905. S. 192—215. H. S. Nyberg—Texte zum mazdayasnischen Kalender. Uppsala Universitets Årskrift 1934. Uppsala. H. S. Nyberg—Questions de cosmogonie et de cosmologie mardéennes (JA, Avril—Juin 1929, pp. 193—310; Juillet—Septembre 1931, pp. 1—134; Octobre—Décembre 1931, pp. 123—244). Dr. G. R. Rach mati—Türkische Turfan-Texte VII (Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Jahrgang 1936, Phil Hist. Klasse), Berlin, 1937. Dr W. Henning—Ein manichäisches Bet- und Beichtbuch. APAW 1936, Phil.-Hist. Kl. № 10, Berlin, 1937, S. 85. H. W. Bailey—Handschriften aus Chotan und Tunhuang. ZDMG, B. 90, Heft 3/4, S. 575 H. W. Bailey—Hvatanica, BSOS, vol. VIII, part 4, 1937.

 $^{^{1}}$ См. напр. Denkard, 3-я книга, стр. 402 цитированного выше издания Мадан: awar an i x²arseou uò an i mahōesti sal—«О солпечном и о лунном годе».

² См. к этому вопросу цитировачные выше работы Мюллера и Маркварта. ³ Следует в этом смысле исправить высказанную ранее точку зрения на стр. 143 цит. выше статьи «Датированные согдийские документы».

3 столбец		4 столбец
1. 'zmwt'γ r)č 2. mspnt r 3. rwč n 4. rwč 1. 'nγrn' m'k 2. nγr prwy 'nγr 3. pr prw'k 4. 'nγr γβy 'nγr 5. mtry nzk 6. 'nγr γwδ3 7. 'nγr tyry 'nγr	8. ymsryš 'nyr	1. w 'nyr ????????? 2. my' 'nyr 3. wyô'k 'nyr 4. 's'st 'nyr 5. wyšprn 'nyr 6. 'strwšk 'nyr 7. srwy 'nyr 8. nynwnt 'nyr 9 ô'rn 'nyr 10. srôyw 'nyr
5 cτοπδεμ 1. mryšyk 'nyr 2. γtšmny 'nyr 3. ywy 'nyr 4. stmyy 'nyr 5. mštwnt 'nyr 6. βrwyšt 'nyr 7. prwprwyšt 'nyr 8. wsmwn 'nyr 9. rnt	10. pwrn 'nyr rn?	6 столбец 1. туүх z 2. тү zт'п 3. wrү'n zт'п 4. tyr zm'n 5. wrmšt zm'n 6. 'пүу& zmn

IV. Перевод и комментарий

А. Названия тридцати дней месяца

Как уже говорилось выше, первые два столбца и часть третьего представляют список тридцати дней месяца иранского солнечного календаря. Эта часть документа отделена (в 3-м столбце) горизонтальной чертой от следующей, содержащей названия лунных станций. Первая строка, над трещиной, сохранилась очень плохо. У края можно заметить две буквы гw — вероятно, часть слова rwč. Остальная часть строки (приблизительно до половины длины) содержит, как кажется, около 4—5 знаков, прочесть которые не представляется возможным. Трудность чтения этой строки усугубляется еще тем обстоятельством, что через нее прошел шов. Можно думать, что эта строка представляла заглавие списка дней. Об этом можно судить на том основании, что: 1) перечень дней начинается со второй строки, 2) в этой строке сохранилось слово rwč «день» (как часть сложного слова в названиях дней) и 3) второй отдел этого документа также начинается заглавием ('nyrn'm'k)—«Список звезд». Позволительно поэтому предположить, что не поддающиеся чтению остатки знаков второго слова пред-

¹ См. об этом стр. 144 цит. статьи «Датированные согдийские документы».

ставляли так же, как и во втором отделе, слово n'm'k «список» и первая строка могла иметь вид rwč n'm'k—«список дней». Вторая строка состоит из двух слов .. rmzt rwč---«день Ормузда», название первого дня месяца. Как было указано на стр. 144 цит. статьи «Датированные согдийские документы»¹, это название дня в других документах нашего собрания встречается, как 'үwrmztrwč, үwrmztrwč. Это позволяет легко восстановить почти совершенно поблекшие два или три знака в начале этого слова 'үw. Наличие в нашем документе (см. ниже) названия планеты *wrm*št «Ормузд», «Юпитер» (пятый день недели) с š (вм. звонкого ž) т. е. urmaž б отражает, повидимому, живое произношение этого слова в Средней Азии в ту эпоху, представленное и у Аль-Бируни согдийским خرمود и хорезмийским ريمژد, с z, а не с z; в названии же первого дня месяца үwrmztrwč слово 'үwrmzt, обнаруживая сильную зависимость от персидской зороастрийской традиции, является, повидимому, заимствованием из западноиранских (персидского) языков, носителей этой традиции². Название же планеты wrmšt, с другой орфографией в том же д ок у м е н т е, может свидетельствовать об исконности этого слова и названия в этой форме в согдийском языке.

Третья строка содержит название второго дня. Второй день в зороастрийско-иранском календаре посвящен божеству «доброй мысли» авест.— Vohu Mano, которое отражено в новоперсидском بهني В нашем собрании согдийских документов это название дня отмечено уже в документе 45 В 2 'šw*myn rwč*³, о чем уже говорилось на стр. 145 Д. Начало подлежащего разбору слова третьей строки не вполне ясно. Не подлежит сомнению конец сложного слова; но даже и последний допускает возможность двоякого толкования:—m'nrws или—mynrwe. Начало слова может быть предположительно прочтено 'šw или 'š-и целое слово 'šwm'nrwč, 'šwmyn rwč, šwm'nrwč, šwmynrwč. Аль-Бируни дает для согдийского названия جهيز или и для хорезмийского—از مین. Несомненное наличие r в этом слове в обоих наших согдийских документах, где оно засвидетельствовано,в 45 Б 2 и 34 А 12—указывает на подлинность его. На ў указывают также приведенные Аль-Бируни слова согд. ازمین и хорезм. ازمین, в которых > может выражать š (звонкий корреспондент ž) или может быть исправлено на مه سازمین .— должен быть исправлен на ن , хорезм بازمین .— на Так или иначе оба приведенных названия Аль-Бируни, так же как. ارْدُمين и эти названия в наших двух согдийских документах, свидетельствуют о несомненном наличии в их прототипе шипящего (глухого или звонкого). Это совершенно естественно для слова, восходящего к родительному падежу древнеиранского Vohu Mano: * Vahauš Manaho (авест. Vanhauš Mananho) день «доброй мысли».

Четвертая строка содержит название третьего дня, посвященного иранском календаре «лучшей праведности»—*Arta Vahišta. Новоперсидское название этого дня رديه , согдийское, согласно Аль-Бируни—

¹ Дальше впредь эту статью для сокращения будем цитировать под шифром Д.

² На последнее уже было обращено внимане в Д на стр. 144.

³ Т. е. «день доброй мысли». О функции в наших документах слова $rw\check{e}$ —«день», продолжающего дргвнеиранское $*rau\check{z}a^h$ лишь в качестве заимствования, как часть сложного слова, и об отношении его к живому согдийскому слову $my\check{e}$ —«день»—сказано в $\mathcal{I}$, стр. 144.

⁴ Стр. 46 и 47.

-- согдийское других наших документов زردوشت--хорезмийское, اردخوشت 'rtywšt и 'rtyw; в этих словах вторая часть древнеиранского названия, состоящего из двух слов (*Arta Vahišta), отражена соответственно полной или сокращенной формой слова- γ wst или- γ w. Это название третьего дня в данном документе (в четвертой строке) может быть прочтено 'rt'wšt rwč, причем первый знак недостаточно ясен. Таким образом, название третьего дня в данном документе 'rt'wst (без γ) несколько отличается от формы этого слова в других документах нашего собрания 'rtywst, 'rtyw (с ү), равно как и от приведенного Аль-Бируни согдийского названия (с خ), но зато оно очень близко к хорезмийскому того же Аль-Бируни اردوشت). Это может свидетельствовать о том, что согдийские названия с ү и خ ('rtүwšt, 'rtүw, اردخوشت), отражают западноиранские влияния на зороастрийский пантеон, на зороастрийскую календарную терминологию, сказавшиеся в согдийском в стремлении сохранить придыхательное h, отсутствовавшее в согдийском, путем замены его артикулированным в полости рта заднеязычным спирантом у или э. Близость (если не совпадение) этого названия в нашем документе к приведенному Аль-Бируни хорезмийскому свидетельствует, с другой стороны, что реально произносившиеся, более близкие к народным, согдийские календарные и астрономические термины зачастую совпадали или были очень близки к засвидетельствованным Аль-Бируни, как хорезмийские; в последнем можно будет убедиться неоднократно в дальнейшем.

Начало пятой строки, как и в большинстве других строк первого столбца, неясно. Трудно с уверенностью сказать, состоит ли данное слово из восьми или из семи знаков. Остальные знаки, за исключением первых двух, если слово состояло из восьми знаков, или одного, если оно состояло из семи,—читаются без затруднения. Это слово—'үзушгше, или 'ззушгше, или 'ззушгше, или 'ззушгше, или 'ззушгше, или 'ззушгше, или ззушгше, или ззуштше, или ззушгше, или

В шестой строке—'sp'ntrmt rwe, так же, как и в других документах нашего собрания,—название пятого дня, посвященного древнеиранскому *Spanta Armatis—«святое смирение». Ему соответствует в новоперсидском سندارمذ У Аль-Бируни приведена для согдийского форма.

авест. Daðušo «творца» (род. п. ед. ч.), новоперсидск. دى, согдийская форма у Аль-Бируни دست. То же название в нашем документе и для пятнадцатого и двадцать третьего дня. В Д, стр. 146, уже указывалось, что в совпадении названия дня для восьмого, пятнадцатого и двадцать третьего дней месяца. посвященных «творцу», т. е. Ормузду, имени которого посвящен первый день ('ywrmzt rwč), надо видеть следы деления месяца, согласно фазам луны, на четыре части (недели), -- несомненное влияние лунного календаря. Там же, в примечании 2, указывалось на основании Аль-Бируни. что к этим названиям біз для восьмого, пятнадцатого, двадцать третьего дней прибавлялись иногда для уточнения порядковые числительные: «первый, второй, третий» бts. Эти числительные в данном документе не представлены, но одно из них засвидетельствовано в документе 26 А 4 нашего собрания, что отмечено также уже в $\mathcal{I}$, стр. 146, 149 и 151: MNwp'nč'k 'rtywšt kw n'wsrbyš nyyy bts rwč от «пятерки» 'rtywšt (т. е. от последнего из пяти добавочных дней в конце года) вплоть до первого δts rwč (месяца) $n'wsr\delta yč$. Ожидаемое в нашем документе после δts слово гис, которое не могло уже поместиться в одной строке, было, очевидно, написано в начале следующей строки. Это место, к сожалению. стерто, и здесь можно лишь отметить следы букв. В той же девятой строке дальше 'ts rwč «день огня», согдийская форма по Аль-Бируни اتسر, новоперсидская آذر.

Следующий за девятым «днем огня» десятый «день вод»—новоперсидск. T , согдийск. по Аль-Бируни, в искаженной, повидимому, форме не может быть засвидетельствован в нашем документе, так как находящиеся в начале следующей (десятой) строки несколько знаков (приблизительно три) стерты, неразборчивы; в конце этой строки—rwe, относится, повидимому, к этому слову.

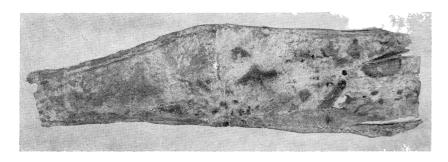
Ожидаемое дальше название одиннадцатого дня (в других документах нашего собрания үшт rwč «день солнца», по Аль-Бируни خویر, новоперсидск. خویر) также не засвидетельствовано. Оно находилось, повидимому, на той части документа (в одиннадцатой строке) в нижнем углу справа, который оторван.

Следующий, двенадцатый день посвящен луне, новоперсидск. مام, согдийск., по Аль-Бируни, ماخ, в нашем документе m'үү rwč. Тринадцатый день, посвященный Сириусу (древнеиранск. Tištrya), новоперсидск. رتير — засвидетельствован в следующей строке нашего документа. Начало слова (вероятно, две буквы) находилось на оторванной части документа в нижнем углу справа. От названия дня сохранилось зуштис, две первые буквы ty восстановлены по указанию Аль-Бируни и древнеиранскому прототипу данного слова [ty]syruc. Дальше в этой же строке, к концу—үwš—название четырнадцатого дня, посвященного «творцу быка» (авест. Gauš Tašno, новоперсидск. ركوش). Вторая часть названия, слово rwč «день», находилась, повидимому, в начале следующей строки в углу, на оторванной ныне части. От этого слова сохранилась лишь черта, представляющая, повидимому, росчерк последней буквы č влево. үwš rwč засвидетельствован в других докумен-

¹ С неправильной расстановкой (рукой издателя) точек вместо ابخن.

Recto

Verso

Согдийский рукописный документ на коже (34 A 12 из собрания согдийских документов с горы Муг в Таджикистане)

тах нашего собрания, у Аль-Бируни—غش. Дальше в этой строке—название пятнадцатого дня δts rwč, идентичного с восьмым.

В самом низу этого столбца несколько букв (три), прочесть которые весьма трудно. Быть может, это my — название следующего, шестнадцатого дня, дня Митры, у Аль-Бируни с с согдийским δ , соответствующим древнеиранскому δr , новоперсидск. Но так как в первой строке второго столбца сохранились поблекшие знаки, которые могут быть прочтены y δy δv δv

Во второй строке отчетливо sr'wš rwč, название семнадцатого дня, посвященного Сраоша, посланцу Ормузда, новоперсидск. سروش, согдийская форма у Аль-Бируни — سرش. Начало третьей строки (две первые буквы) уничтожены лакуной. Остальная часть названия восемнадцатого дня сохранилась. Он посвящен «справедливости», древнеиранск. Rašnu-, в нашем документе с восстановлением утраченного $[r\ddot{s}]n$ rw $\ddot{c}$, у Аль-Бируни رسن, новоперсидск. رشن. В следующей строке той же лакуной затронута лишь верхняя часть первой буквы. Это название девятнадцатого дня, посвященного *Fravartīnām (древнеиранск. род. пад. мн. ч.), идеям, прототипам всего сущего, новоперсидск. فروردين, согдийская форма у Аль-Бируни $\dot{b}$, в нашем документе — $[p]rwrtn\ rw\ddot{c}$, в других документах нашего собрания — prwrtnrwč и \(\begin{align*} \begin{align*} \begin{align*} \align \graphi'r[tnr]wč. \\ \begin{align*} \begin{a строке — название двадцатого дня, посвященного божеству победы древнеиранск. Vərəдrаүпа, новоперсидск. بهرام, согдийская форма у Аль-Бируни وخشفر ², в нашем документе, повидимому, šү'n rwč, не отчетлив второй знак и трудно определить, стерто ли начальное ж, которое должно было быть в согдийском названии, судя по Аль-Бируни, или же данный документ представляет сокращенную форму этого слова. В этом названии в представляет закономерное согдийское отражение древнеиранск. ϑr^3 . В следующей строке нашего документа $r'mn \ rwe$ — название двадцать первого дня — отражает древнеиранск. (авест.) род. падеж: Ramano (X astrahe), т. е. «(день) мира с (хорошими лугами)». У Аль-Бируни согдийская форма رامن, новоперсидск. رام. В следующей строке — название двадцать второго дня, посвященного ветру, древнеиранск. Vata, новоперсидск. الك. В нашем документе от первой буквы этого слова, почти полностью уничтоженной лакуной, сохранилась лишь точка в нижней части буквы. Восстановление этой буквы, по всем данным, не представляет затруднений (w). [w]'t rw $\ddot{c}$ нашего документа соответствует

¹ Ср. *miši(?)roč* и *sroš-roč* — заимствованные из согдийского в тюркском названия шестнадцатого и семнадцатого дней. См. цитированную выше работу Dr. G. R. Rachmati.

وخشغن Испр. на وخشغن.

³ Ср. wšүnyy в издании: Dr. W. Henning — Ein manichäisches Bet-und Beichtbuch. APAW, 1936. Phil-hist. Kl., № 10, Rerlin 1937, S. 86.

у Аль-Бируни ذ с , очевидно, под влиянием персидской фонетики. Пальше в той же строке — не вполне отчетливое от с относящимся к нему в начале следующей строки $rw\check{c}$ — название двадцать третьего дня, то же, что и для восьмого и пятнадцатого. В той же строке дальше — $\delta \gamma n'k$ с относящимся к нему в следующей строке $rw\check{c}$ — название двадцать четвертого дня, посвященного «религии» — древнеиранск. Daena, новоперсидск. دین, согдийская форма у Аль-Бируни — دین. В той же строке дальше 'rtwy с относящимся к нему в начале следующей строки rwč — название двадцать пятого дня, посвященного «доброму воздаянию». древнеиранск. *Artiš Vahuš > *artvah, новоперсидск. ι , согдийская форма у Аль-Бируни ارذخ с ن под влиянием персидской фонетики. В той же строке дальше—' $\dot{s}t't$ с относящимся к нему в начале следующей строки rwč — название двадцать шестого дня, посвященного «прямоте», «праведности», новоперсидск. اشتاذ, древнеиранск. Arštat, у Аль-Бируни согдийская форма اشتاذ с ; под влиянием персидской фонегики. В нашем документе последний знак t неясен, стерт (правая его сторона), росчерк этой буквы размашисто заходит налево в следующий столбец. После слова $rw\ddot{c}$ в той же одиннадцатой строке второго столбца — sm'n, название двадцать седьмого дня, новоперсидск. آسمان, согдийская форма у Аль-Бируни , древнеиранск. $A\check{s}no$ (род. пад.), в других документах нашего собрания 'sm'n. Относящееся к этому названию слово rwč паходится в начале следующей строки, знаки с трудом заметны. Эта последняя строка второго столбца после слова rwe заполнена лишь чертой, других знаков в ней нет. Очевидно, писец не был в состоянии начертить название следующего дня на этой узкой и короткой для следующего названия полосе кожи. Это название следующего, двадцать восьмого дня помещено в первой строке третьего столбца.

Третий столбец отделен от второго вертикальной, несколько изогнутой чертой. Первые четыре строки третьего столбца, в которых перечислены названия последних трех дней месяца: двадцать восьмого, двадцать девятого и тридцатого,—не отделены чертой от четвертого столбца. Лишь с начала следующего раздела, перечня лунных станций, отделенного от названий дней горизонтальной чертой, третий столбец отделяет от четвертого вертикальная черта, подобно тому, как она отделяет его во всю длину от второго. В левой половине первых строк третьего столбца, в особенности во второй и третьей, краска расплылась, повидимому, от сырости, и слова в этих местах плохо поддаются дешифровке. Можно думать, что это место было влажно в момент заполнения этих строк писцом, так как последний, написав второе слово третьей строки, повидимому, остался им неудовлетворенным и повторил его в начале третьей строки.

В первой строке третьего столбца—название двадцать восьмого дня, посвященного в древнеиранском календаре духу земли z = m0 (род. пад.), новоперсидское его название زاميان, согдийское, по Аль-Бируни, 1. Как уже было сказано в $\mathcal{I}$, стр. 148, чтение и толкование этого названия в наших согдийских документах представляет некоторое затруднение

 $^{^1}$ Исправить на $z^*mwxt\gamma$ (?). Заимствовано в уйгурском $zmu\gamma tu\gamma$ $ro\~o$, ср. Dr. W. Henning, на стр. 161 цитированнной выше работы Dr. G R. Rachmati.

ввиду расхождения показаний. В нашем документе это название может быть прочтено 'zmwүt' ү rwč. Во второй строке — ms3nt, название двадцать девятого дня, посвященного «святому слову», древнеиранск. Мадага Spanta, новоперсидск. هارسفند, засвидетельствовано и в других документах нашего собрания. Как уже было сказано в Д, стр. 148, приведенная Аль-Буруни согдийская форма этого названия نشيند, очевидно, исковерканное مسبند (из *Maš-sband). Слово rwč, сопутствующее всем названиям дней, писец написал в этой же строке, и первая буква этого слова rможет быть еще отмечена. Очевидно, сразу же после того, как это слово rwč было написано, краска расплылась, слово сделалось неудобочитаемым, и писец видел себя вынужденным повторить его в начале следующей, третьей строки rwč. После этого слова в этой же строке находится комплекс знаков, которые должны, повидимому, обозначать название последнего дня месяца, посвященного «безначальным светилам» (авест. Апаугапат Raoča у ham, новоперсидск. انيران, согдийская форма этого названия по Аль-Бируни نخر. Это название дня встречается несколько раз и в других документах нашего собрания: nyrnh rwč 1. К сожалению, этот комплекс знаков в третьей строке, который должен был бы представлять пугпћ, не может быть разобран. Вторая часть сложения, слово *rwč*, помещена в четвертой строке третьего столбца.

Этим словом заканчивается список 30 названий дней солнечного месяца.

Б. Лунные станции

Как уже было сказано выше, конец третьего столбца, а также четвертый и пятый занимают список так называемых лунных станций. Помещение этого списка, рядом со списком тридцати названий дней месяца и семи планет, указывает на пережитки лунного календаря, существовавшие еще в сасанидскую эпоху у иранских народов, и на астрологический характер назначения нашего документа.

Названия лунных станций у иранцев (персов) известны нам по передаче их в среднеперсидском тексте Bundahišn — «Основное творение», книге космогонического, космологического содержания. В обоих изводах этой книги, большом, так называемом иранском (по рукописи иранского происхождения), и в сокращенном, так называемом индийском, эти названия приведены по-пазендски, т. е. на среднеперсидском языке авестийским алфавитом. Передача среднеперсидского текста авестийским алфавитом, обладающим большим количеством знаков, чем так называемый пехлевийский, в том числе прежде всего знаками для гласных звуков, преследовала цели уточнения, облегчения чтения и понимания текста. К сожалению, однако, как известно, плохое понимание текста редакторами, плохая традиция, коверкая слова, передали нам текст в настолько исковерканном состоянии, что вместо облегчения создались сплошь и рядом еще большие затруднения. Это в полной мере применимо к названиям персидских лунных станций, засвидетельствованных в Bundahišn, гл. II². Лишь отдельные из них могут быть осмыслены, большинство же пока не

¹ Уйгурское $n\gamma rn\ ro\check{c}$, см. там же.

 $^{^2}$ Стр. 25 цитированного выше издания Anklesaria, стр. 6 издания Юсти, стр. 6 изд. Вестергорда, а также стр. 11 перевода Уэста.

поддается анализу. Наш согдийский документ сможет и в этом отношении оказать некоторую помощь. Совершенно очевидно, что лишь путем привлечения всех исторических данных возможно будет прийти к удовлетворительным результатам. Здесь могут быть сделаны лишь первые попытки в этом направлении, дабы не задерживать издания самого документа.

Количество названий нашего ' $n\gamma rn'm'k$ — «Списка звезд» (2 $\tilde{7}$ —28)—не могло не подсказать сразу, что этот «список» есть список названий лунных станций. Аль-Бируни и здесь оказался ценным источником сведений. В главе ІІ цитированного его сочинения, после описания хорезмийских праздников, следует список согдийских и хорезмийских лунных станций. Сравнение списка нашего документа с приведенными у Аль-Бируни согдийскими и хорезмийскими показывает, что данные нашего документа отнюдь не совпадают полностью с данными Аль-Бируни, ни в отношении диалектологическом, как это имело место и с названием месяцев в $\mathcal{I}$, ни в отношении их порядка. Параллели для нашего документа находятся у Аль-Бируни то в согдийском, то в хорезмийском списке. Несовпадение порядка, впрочем, могло бы быть приписано плохо сохранившейся традиции астрологического искусства в среде, из которой вышел наш документ или данные Аль-Бируни. Последний в начале главы олунных станциях свидетельствует, что хорезмийцы сохранили названия лунных станций, но их астрологи 'xtr vynyk (т. е. $axtar \ venik$), которые умели бы их наблюдать и делать из этого заключения, вымерли.

В первой строке нашего списка— заголовок 'nүrn'm'k— «Список звезд». Так как в согдийском языке 'nүr соответствует персидскому 'xtr «созвездие», «звезда», то отсюда следовало бы, что в согдийском языке, в противоположность персидскому и древнеиндийскому, особых названий для лунных станций не существовало. В арабском лунные станции носили описательные названия منزل «станции» и نجوم الاخذ «звезды»,

чавшее также *отдельную звезду созвездия*, минуту ² (соответственно его этимологии — маленький). В древнеиндийском языке лунные станции носили названия nakšatra. В противоположность обычному числу лунных станций, засвидетельствованных у арабов, у самих согдийцев и хорезмийцев, согласно Аль-Бируни, а также в среднеперсидском, — в нашем документе, насколько можно судить, их всего 27, как у индусов. Список начинается и кончается словом 'пүг «звезда». Это же слово налицо между всеми названиями. Очевидно, таким образом, что одно 'пүг, начальное или конечное, скорое всего начальное, — лишнее.

Во второй строке первая буква первого слова, вероятно алеф, замарана краской: ['] пүт ртшу' пүт, т. е. «созвездие парви созвездие». Согдийское и хорезмийское название у Аль-Бируни также پروین, арабское — плеяды, новоперсидское پروین, авест. paoiryaeini, древнеиндийское Krttikah. В среднеперсидском списке первое место занимает padevar, второе и третье Peš-parvez и Parvez, которые следует, конечно,

¹ Цит. место Bundahišn.

^{*} Bundahišn, гл. XXV: раб 300 ид 60 ид 5 гох ид 6 zaman ид х агдаү i hast sal e awar о han vyaү raseд — «(солнце) в 365 дней 6 часов и (несколько) минут, то есть в год, возвращается в то же место».

исправить на Peš-parven и Parven. Очевидно, что первая лунная станция среднеперсидского списка не совпадает с первой станцией согдийско-хорезмийского. Последней соответствует вторая или третья станция среднеперсидского списка. Быть может, здесь имеет место несовпадение начала списков среднеперсидского и согдийского, подобно тому, как в арабском ¹, где плеяды занимают третье место, а первая и вторая арабские лунные станции соответствуют двадцать седьмой и двадцать восьмой согдийского списка (по Аль-Бируни).

В третьей строке — p'prw'k «за плеядами». У Аль-Бируни согдийское и хорезмийское название у (то же слово, без суффикса k), арабское l, передает по существу то же значение: звезда, «следующая за», плеядами, древнеиндийск. Rohini — «красная».

В четвертой строке ' $n\gamma r$ ү βy ' $n\gamma r$. Если правильно это чтение, эквивалентом этой третьей лунной станции нашего документа могла бы быть, по Аль-Бируни, хорезмийская четвертая станция خویا, арабский ее эквивалент — الْهَقَمَة, древнеиндийск. Mrgasiras.

В пятой строке — четвертая станция $mtr\beta$ nzk. Ее эквивалентом в согдийском списке у Аль-Бируни могла бы быть третья станция об станция. Среднеперсидская четвертая станция — Paha. Третья хорезмийская станция, по Аль-Бируни — أخماه. Четвертая согдийская — رشنو المناف الموادية والموادية والموادي

В шестой строке — пятая станция 'nүr үwδ3. Этому названию у Аль-Бируни точно соответствует пятая согдийская станция غثف и хорезмийская غوثف. Среднеперсидская пятая станция — avesar («корона»?), арабск. الذراع, древнеиндийск. — Punarvasu.

В седьмой строке — шестая станция 'nүr tyrу; 'nүr tyrу нашего документа, очевидно, соответствует у Аль-Бируни хорезмийская шестая же станция چير с переходом, согласно хорезмийской фонетике, t перед передними гласными в $\check{c}$ (т. е. в c?) ^{2} . Шестая согдийская станция у Аль-Бируни — غننب Соответственная среднеперсидская шестая станция — $be\check{s}n$ ^{3} . Названия tyry $\Rightarrow$, вероятно, отражают древнеиранское Tistrya, звезда Сириус, новоперсидск. $\ddot{z}$, а предыдущая, пятая станция состоит из двух звезд, носящих, по Аль-Бируни, у арабов названия Сириус сирийский и Сириус йеменский ^{4} . Арабский и древне-

индийский эквиваленты шестой станции соответственно — и и Pusya. Следующая строка написана вертикально, параллельно к черте, отделяющей третий столбец от четвертого, так что предыдущие семь строк списка к ней перпендикулярны. В этой восьмой строке, последней в этом столбце, — название седьмой станции үтвгув' пүт. У Аль-Бируни с незначительными изменениями, вызванными, вероятно,

¹ См. Аль-Бируни, цит. соч., стр. 341, 342.

 $^{^2}$ Согласно вновь найденным подлинным документам хорезмийского языка в нем засвидетельствован переход t в аффрикату c; например akic — «он делает», см. статью «Хорезмийский язык» в «Записках Института востоковедения», т. VII (печатается).

Персид. بشن — «фигура, поверхность»?
 Стр. 343 текста и стр. 345 перевода.

описками, согдийское название — خمشریث и хорезмийское — خمشیش. Среднеперсидская седьмая станция — raxvat. Если это слово, написанное пазендским алфавитом بالمالك , написать первоначальным так называемым пехлевийским алфавитом, оно приняло бы вид بالمالك , очень близкий к بالمالك , что можно бы было легко сблизить с شنوند , — согдийским названием четвертой станции у Аль-Бируни. Арабский и древнеиндийский эквиваленты седьмой станции и Āslesā.

Согдийское үттуў, быть может, этимологически и по значению соответствует древнейндийскому Āslešā— «объятие». Этому значению соответствовало бы и среднеперсидское Веšп (шестой станции) новоперсидск. شن «фигура, поверхность» и араб. طَرُف испр. вм. بشن (?).

В следующем, четвертом столбце — десять строк. В первой строке этого столбца название восьмой станции состоит из 4 или 5 знаков. плохо поддающихся дешифровке: w..., nүr. Ей соответствует, по Аль-Бируни, согдийск. فم и хорезмийск. اچير. Арабские и древнеиндийские ее эквиваленты الحبه и Magha, среднеперсидск. Taraha. Во второй строке название девятой станции тү 'лүг. Девятая станция, по Аль-Бируни, носит название: согдийск وفه и хорезмийск. '۸ه'. Названию девятой станции нашего документа соответствует, таким образом, хорезмийское название этой станции, по Аль-Бируни 🙌 и согдийское 🌣 восьмой станции. Древнеиндийское название восьмой станции Magha, вероятно. представляет то же слово, что ту', к и к 1. Арабское и среднеперсидское соответствия девятой станции — і и Avra, древнеиндийск. — Purvarhalguni. В третьей строке — $wy\delta'k$ ' $n\gamma r$ — название десятой станции, по Аль-Бируни, согдийск. ویذیو и хорезмийск. ویذیو названия, совпадающие с таковым нашего документа. Арабский его эквивалент الصرفة, среднеперсидск. Nahn, древнеиндийск. Uttaraphalguni. В четвертой строке's'st nyr — название одиннадцатой станции. فستشت — Согдийское и хорезмийские названия этой станции у Аль-Бируни и — представляют, повидимому, то же слово. Арабский ее эквивалент — العواء, среднеперсидск. — Miyan, древнеиндийск. Hasta. В пятой строке — название двенадцатой станции wyšprn («с хорошим блеском») 'пүг. У Аль-Бируни согдийск. название اخشفرن и хорезмийск. — اخشفرن, из которых последнее (uxšfarn) в точности передает наш документ, согдийское же несколько, очевидно, изменено графически (і на і). Арабский эквивалент этой станции — السماك, среднеперсидск. Avdem, древнеиндийск. Citra. В шестой строке — название тринадцатой станции

¹ Но во вновь открытых хорезмийских документах امغ соответствует древнеиранск. mer = 7a — «птица, курица», новоперсидск. — «ответствует древне-

'strwšk 'nyr. У Аль-Бируни согдийское название этой станции и хорезмийское شوشك Арабский эквивалент ее الغفر, среднеперсидское Māšāha, древнеиндийск. Svati. В седьмой строке — название четырнадцатой станции srwy 'nyr. У Аль-Бируни, соответственно, согдийск. فسرو и хорезмийск. سرفسريو. Арабское название الزبانيان, среднеперсидск. Spur, древнеиндийск. Visakha. В восьмой строке — название пятнадцатой станции nynwnt 'nyr. У Аль-Бируни, соответственно, согдийск. غنوند и хорезмийск. اغنونه. Арабское название этой станции الأكليل «корона», быть может, соответствует по значению согдийскому названию предыдущей станции, у Аль-Бируни فسرو. Среднеперсидский эквивалент пятнадцатой станции — Husru, древнеиндийск. Anuradha. В девятой строке — название шестнадцатой станции б'гп ... 'пүг. Последние знаки неясны. Хорезмийское название следующей, семнадцатой, станции, по Аль-Бируни ذاریند, соответствующее, повидимому, нашему, позволяет приблизительно восстановить неясные знаки согдийского и хорезмийского названия шестнадцатой станции, по Аль-Бируни — одинаково بغنو نلد Это название повторяет название пятнадцатой станции с прибавлением префикса ра, объединяя эти две станции, состоящие из звезд одного созвездия (Скорпиона), одним названием. Аналогичное повторение наззания станции с префиксом в нашем перечнеуже встретилось вначале, для первой и второй станции: prwy 'ny'r и ртргш'к 'пүг. Арабское название шестнадцатой станции القلب, среднеперсидск. Srob, древнеиндийск. Jycstha. В десятой, последней строке четвертого столбца — название семнадцатой станции srovw 'nyr. И в этом названии, так же как и в названии предыдущей, шестнадцатой станции, последние знаки неясны. Но и в данном случае хорезмийское название следующей станции, которое соответствуєт, повидимому, данной — برديو, позволяет прочесть с достаточной вероятностью последние два знака. Согдийское название нашей семнадцатой станции, по Аль-Бируни, очевидно, отражение, سلويس представляет во втором слове, سلويس древнеиранского Satavaesa. Хорезмийское название этой станции — упомянутое уже раньше ذاریند. Арабское название — الشواة, среднеперсидск. Nur, древнеиндийск. Mula.

В пятом столбце — конец списка лунных станций, от восемнадцатой до двадцать седьмой. Последнее название, для которого не нашлось места в горизонтальной строке, помещено сбоку, параллельно к черте, отделяющей пятый столбец от шестого, подобно тому, как это имело место с названием седьмой станции үтвгуў 'пүг. В первой строке пятого столбца — название восемнадцатой станции таку 'пүг; оно соответствует хорезмийскому названию девятнадцатой станции, по Аль-Бируни مرخشيك. Согдийское и хорезмийское название восемнадцатой станции, по Аль-Бируни, соответственно سرنيو и بستم. Арабское название — النعائم, среднеперсидск. — Gēl, древнеиндийск. Purvašadha. Во второй

строке название девятнадцатой станции — үtšmny 'nyr, соответствует хорезмийскому названию двадцатой станции, по Аль-Бируни خجمن. و وريك Согдийское название девятнадцатой станции, по Аль-Бируни, و وريك хорезмийское — упомянутое выше مرخشيك. Арабское название — البلده, среднеперсидск. Grafša, древнеиндийск. — Uttarasadha. В третьей строке — название двадцатой станции ушу 'пут, которому соответствует согдийск. и хорезмийск. يوغ, по Аль-Бируни, как названия двадцать первой станции; двадцатая же станция, по Аль-Бируни, носит название: согдийск. ونند и хорезмийск. названное выше خجمن. Арабское название двадцатой станции سعدالذابيح, среднеперсидск. Varant (вм. Vanant cootветственно согдийскому?), древнеиндийск. Śravana. В четвертой строке название двадцать первой станции stmyy nyr («звезда ста туч»). Согдийск. سدمسيح и хорезмийск. سامسيح названия следующей, двадцать второй станции, у Аль-Бируни представляют, повидимому, графические видоизменения засвидетельствованного в нашем документе stmy. Согдийское же и хорезмийское названия двадцать первой станции у Аль-Бируни يوغ. Арабское название этой станции — سعدبلع, среднеперсидск. Gao, древнеиндийск. Dhanistha. В пятой строке — название двадцать второй станции mštwnt 'nyr. Этому названию соответствует, как и в несколько других случаях, у Аль-Бируни не согдийское, а хорезмийское название следующей, двадцать третьей станции مشتوند. Согдийское название двадцать второй станции у Аль-Бируни — названные выше , سعدالسعود — Арабское название سدمسيح , хорезмийск , شدمشير персидск. $Go\overline{i}$, древнеиндийск. — Śatabhisaj. В шестой строке — название двадцать третьей станции в гмүз t'nүr; оно отражено у Аль-Бируни в согназваниях двадцать четвертой فرخسيث и хорезмийском فرشت باث станции. Названия двадцать третьей станции у Аль-Бируни: согдийское и хорезмийское — названное выше مشتوند. Арабское название двадцать третьей станции سعدالاخبيه, среднеперсидск. Миги, древнеиндийск. Purvabhadra. В седьмой строке — название двадцать четвертой станции prwβrwyšt 'nyr; оно повторяет название предыдущей станции с прибавлением префикса prw; это название отражено в согдийском названии двадцать пятой станции у Аль-Бируни بوفوشت. Согдийское и хорезмийское названия двадцать четвертой станции у Аль-Бируни — ,الفرغ المقدم ــ Арабское название . فرخشبيث и فرشت باث среднеперсидск. Bunda, древнеиндийск. Uttarabhadra. В восьмой строке название двадцать пятой станции — неотчетливое wsmwn 'nyr. Согдий-33333 ское название двадцать пятой станции у Аль-Бируни названное выше -средне , الفرغ الموخر — Арабское название . وبير , хорезмийск , средне персидск. — Kahtsar, древнеиндийск. — Revati. В девятой строке название двадцать шестой станции — неотчетливое [r][y][w]nt ' $n\gamma r$. Согдийское название этой станции у Аль-Бируни отражает это же название ريوند, ему соответствует хорезмийское название следующей, двадцать седьмой, станции ريوند. Хорезмийское название двадцать шестой станции يَ مُنُ الْحُوت. Арабское название بَطُن الْحُوت, среднеперсидск. Vaht, древнеиндийск. Asvini. Название последней, двадцать седьмой, лунной станции помещено в вертикальной строке параллельно черте, отделяющей пятый столбец от последнего, шестого. В этом названии — неясны второй, третий и четвертый знаки: pwrn 'nyr. Ему могут соответствовать у Аль-Бируни согдийское и хорезмийское одвадцать восьмой лунной станции. Соответственные названия двадцать седьмой станции у Аль-Бируни: согдийск. البُطِين и хорезмийское и двадцать восьмой — карезмой станции Міўап, двадцать восьмой — Каht, древнеиндийское название двадцать седьмой станции Вharani.

В. Названия дней недели

Последний, шестой, столбец содержит в шести строках шесть названий дней недели. Название седьмого дня могло находиться в следующем, не сохранившемся (отрезанном?), столбце. Дни недели были посвящены у согдийцев, как и у других народов древности, планетам. Последние имеют в нашем документе по преимуществу согдийскую форму, а не заимствованную из персидско-парфянского языка. Из согдийского посвященные планетам названия дней недели заимствованы уйгурами, от последних — китайцами 1.

 $\dot{B}$ первой строке шестого столбца — $my\gamma \dot{s} z[m'n]$ «день Митры, солнца», воскресенье, «dies Solis». Как показывают заимствования в уйгурском, первая буква слова гт'п выражала соответственный звонкий шипящий $\tilde{z}$: $\tilde{z}$ aman. Наш документ с γ (т. е. X) в слове myү $\tilde{s}$ подтверждает приведенную у Аль-Бируни на стр. 46 издания для названия шестнадцатого дня форму مخش. Во второй строке — m'ү zm'n «день луны» понедельник, «dies Lunae». В третьей строке — wryn zm'n «день Варахрана (в древнеиранск. Vrdrayna), Марса» — вторник, «dies Martis». Wry'n — форма слова, заимствованная из персидско-парфянского varahran — дала позднейшее $wn\gamma'n$, существовавшее наряду с чисто согдийским wšyn². В четвертой строке — tyr zm'n «день Меркурия» — среда, «dies Mercurii». В пятой строке — wrmšt zm'n «день Ормузда» — четверг, «dies Jovis». Буквы $\dot{s}t$ передают здесь, совершенно очевидно, соответственные звонкие žd и подтверждают ственные звонкие žd и подтверждают Аль-Бируни (стр. 46); wrmšt zm'n произносилось, как urmaž žaman. В шестой строке — 'nyy zm'n «день Анахиты, Венеры» — пятница, «dies Veneris». Заимствовано в уйгурский. Форма 'пүүб с конечным б указывает на заимствование из персидского. Название последнего, седьмого, дня недели — субботы, которая была у иранцев, как и у других народов, посвящена Сатурну, kaivan (ср. уйгурское kivan žmnu «суббота»). — в нашем документе не засвидетельствовано, не сохранилось.

 $^{^1}$ Ср. цитированную выше работу Dr. G. R. Rachmati — Türkische Turfan-Texte VII (APAW, 1936), стр. 61.

 $^{^2}$ Dr. W. Henning на стр. 85 цитированной выше его работы «Ein manichäisches Bet-und Beichtbuch» постулировал промежуточную между varahran и $wn\gamma$ и ныне засвидетельствованную нашим документом форму $wr\gamma$ и.

АНТИЧНОЕ ПРЕДАНИЕ О ДОРИЙСКОМ ПЕРЕСЕЛЕНИИ ¹

Р. В. Шмидт

 $N_{
m c au opun}$ Греции на рубеже II и I тысячелетия до н. э. представляет особенно много трудностей для ее изучения. В это время в Греции шел дальнейший процесс развития родо-племенных отношений, образование новых племен, союзов племен, слияние племен в народы, формирование классовых и государственных отношений. Процесс разложения родоплеменных отношений и образование рабовладельческих государств в различных областях Греции протекали не одновременно и в разнообразных формах. И если возникновение Афинского государства, как показал Энгельс, явилось типичным примером образования государства в чистом виде, без воздействия внешнего и внутреннего насилия и непосредственно из родового общества, то в других областях Греции можно наблюдать целый ряд вариантных форм и, в частности, например в Спарте, имели место свои специфические особенности в развитии общества. Вопрос о развитии классовых противоречий в Лаконике, о возникновении Спартанского государства тесно сплетается с вопросом о так называемом дорийском переселении. Вопрос этот весьма сложен и запутан: сравнительно недавно, в 1928 г., Эд. Мейер писал, что «дорийское переселение—еще не разрешенная проблема»². Одним из основных затруднений при решении этой проблемы является то, что свидетельства античных авторов о дорийском переселении связаны в большинстве случаев с мифами и легендарными рассказами о возвращении потомков Геракла—Гераклидов, вместе с дорийцами; найти в этих легендах зерно исторической действительности крайне трудно³.

Дорийское переселение относится традицией к тому времени, когда еще не было письменности, а следовательно, если оно действительно имело

¹ Данная работа является извлечением из моей более обширной работы: «К вопросу о дорийском переселении», о которой я докладывала на•заседании ГАИМК 23 марта 1937 г.

² Ed. M e y e r—Geschichte des Altertums, II, 1, 1928, S. 570.

³ Большинство исследователей не признают историчности предания. Из новейших исследователей рассматривают предание, как исторический источник: G. V i t a l i s—Die Entwicklung der Sage von der Rückkehr d. Herakliden. Dissertation, Griesswald, 1930; F. M i l t n e r—Die dorische Wenderung, «Klio», 1934, S. 56, и целая группа ученых, изучающих вопрос преимущественно на основании археологического материала; см. мою рецензию на работу Th. Cr. S k e a t—The Dorians in Archaeology, «Вестник древней истории», I, 1937, стр. 157.

место, о нем могли сохраниться только смутные воспоминания в устной традиции, и, как «всякая минувшая действительность», оно могло оказаться отраженным «в фантастических творениях мифологии». Окончательное решение вопроса о дорийском переселении может быть дано только после всестороннего анализа античной традиции, языковых данных, археологических и сравнительного этнографического материалов.

Настоящая работа не претендует на решение всей сложности проблемы о дорийском переселении, задача работы—поставить вопрос о возможности трактовать античное предание, как отражение исторической действительности.

Античная традиция обычно говорит о дорийском переселении, как о возвращении Гераклидов (χάθοδος τῶν Ἡρακλειδῶν) и походе дорийцев (Δωριέων στόλος), причем ни у одного автора мы не встречаем цельного, связного рассказа, изложения всего предания, но по большей части имеются только отдельные краткие упоминания о приходе в Пелопоннес дорийцев под предводительством Гераклидов¹.

Эти свидетельства передаются в различных вариантах. Разнообразие вариантов связано с той или иной локальной особенностью предания, с той или иной политической тенденцией; мы имеем, например, такие локальные версии традиции, как спартанская, аргосская, коринфская, мессенская, элидская, аркадская, локридская, фиванская, афинская и др., причем некоторые локальные традиции имеют в свою очередь особые варианты, связанные с теми общественными кругами, которые их сохраняли. Разнообразные версии выступают и в свидетельствах различных античных историков, дающих определенную историческую концепцию. Установить единую цепь традиции, исходящую из одного источника, не удается. Уже древнейшее упоминание о дорийском переселении у Тиртея (fr. 2) говорит о нем очень кратко, как о событии, всем известном. Множественность вариантов традиции является одним из моментов, указывающих на возможность отражения действительности в легендарных рассказах.

Почти во всех вариантах традиции особенно отчетливо выступают два момента, искусственно соединенные друг с другом: во-первых, легендарный рассказ о походе дорийцев в Пелопоннес; во-вторых, явно вымышленный генеалогический миф о возвращении Гераклидов, утверждающий фантастическую родословную для басилеев, захвативших наследственную власть. Этот миф нужен был для укрепления политической власти басилеев; божественная родословная, тесные родственные узы с божественным предком Гераклом возвеличивали их род, поднимали их авторитет. В этом политически тенденциозном мифе требует реального объяснения только момент прихода родоначальников басилеев. Второй момент—легендарный рассказ о походе племени или части его, о захвате им новой территории—не представляет сам по себе ничего невероятного и фантастического; а ргіогі он может рассматриваться, как народное или первоначально племенное предание, отражающее реальные исторические события². Первичные формы этого племенного предания, быть мо-

² Обычно в научной литературе отрицается народный характер предания, указывается на бедность содержания, но это, конечно, недостаточный аргумент. См., напри-

мер, Ed. M e y e r—Geschichte des Altertums, III Bd. 2 Aufl., 1937, S. 234.

¹ Более подробное изложение мифа дано у Диодора, IV, 57, 58; здесь дается описание первого похода; о втором походе, в результате которого была захвачена большая часть Пелопоннеса, Диодор обещает рассказать в другом месте, а именно в VII книге, которая до нас не дошла. См. также Ароllod, II, 8.

жет, зафиксированы в эпическом варианте традиции, связанном с именем легендарного вождя дорийцев Эгимием перед походом в Пелопоннес ^{1} .

Однако оба момента — генеалогический миф и племенная легенда—так тесно сплетаются в традиции, что четко отделить их друг от друга не всегда представляется возможным.

Попытаемся прежде всего на основании античного предания дать общую картину похода дорийцев, дать основные моменты, из которых складывалось предание, придерживаясь исторической последовательности событий. начиная с исходного пункта похода и кончая приходом дорийцев в Пелопоннес, а затем сопоставим эти моменты с этнографическими данными для выяснения их исторической вероятности. Одним из первых встает вопрос о том, кто такие дорийцы. Термин дорийцы толкуется в античной традиции по-разному. Иногда дорийцы называются племенем или родом (ёвос или γένος), вышедшим из Дориды или других более северных областей; иногда которое носило другое название, македнов племенем, (μαχέδνοι). и только в Пелопоннесе было названо дорийским (δωρικόν) (Herod., I, 56; VIII, 43); некоторые считали дорийцев ахейцами, переменившими только свое наименование по прибытии в Пелопоннес (Plat. — Leg., III, 682 d.). Иногда вместо термина дорийцы употребляются такие выражения, как «предки лакедемонян»². Термин дорийцы выступает и как более широкое наименование для населения большей части Пелопоннеса. Арголиды, Локоники, Мессении, прилегающих островов, Крита, ю.-з. части Малой Азии, сицилийских дорийских колоний и др. Среди всего этого населения сохранились представления о каких-то родственных отношениях между собой (τὸ ξυγγενές, Т h u c., VI, 6, 2), оно говорило на дорийском диалекте, правда, имевшем свои особенности в каждом полисе. У большинства из них засвидетельствовано деление на три дорийские филы—динамов, памфилов и гиллеев³; они соблюдали общедорийский праздник Карнейи, во время которого должны были прекращаться военные действия (T h u c., V, 54; X e n.—Hell., IV, 7, 2; V1, 1, 29), и иногда еще говорится о дорийских обычаях, правда, весьма неопределенного характера (T h u c., VI, 4, 3). Итак, термин дорийцы выступает в разных значениях: и как племенной термин, и как более широкое понятие, охватывающее уже целый ряд классовых обществ, отдельных самостоятельных государств, причем согласно античной традиции устанавливается такая последовательность в содержании понятия: сначала мы имеем племенное название для населения небольшой территории в Средней или Северной Греции, в дальнейшем же это наименование начинает распространяться на все более и более широкий круг населения Греции, сохранявшего представление о кровных связях. Следовательно, содержание понятия с течением времени изменялось, исторически развивалось, приобретая новое значение, не соответствующее первому племенному названию, но генетически с ним связанное.

Исходным местом похода дорийцев традиция не всегда называет одну

O существовании эпического варианта см. Него d. VI, 52; о поэме «Эгимий» — A t h., XI, 503, d. Ср. Ріпd.—Руth. I, 62; V, 68; S t r a b., IX, 427.
 I s o kr.—Archid, VI, 20. Характерно, что на дорийское происхождение особенно

² Isokr.—Archid, VI, 20. Характерно, что на дорийское происхождение особенно упирали спартанцы, в то время как в других дорийских областях этот момент не выдвигался так сильно.

³ В некоторых случаях количество фил было больше трех, но это были уже новые добавочные филы, быть может, формируемые из местного населения.

и ту же область. Обычно называют Дориду¹, именуя ее иногда метрополией; иногда упоминается Дриопида, которую Геродот отождествляет с Доридой, говоря, что Дорида в древности называлась Дриопидой (Н еr o d., VIII, 31). В другом месте Геродот говорит об изгнании дриопов из страны, называемой теперь Доридой (H e r o d., VIII, 43; ср. D i o d. IV. 37; Strab., VIII, 373). Дриопы выступают в традиции, как более древнее племя, предшествующее образованию дорийского племени, может быть, как племя пеласгического периода. Геродот (1, 56) устанавливает следующий маршрут передвижения дорийцев, которых он называет πολυπλάνητον; сначала он их локализирует в Фтиотиде, затем в Гестиэотиде, затем у Пинда под названием македнов и, наконец, в Дриопиде, откуда они двинулись в Пелопоннес, где и получили название дорийцев. Противоречивы показания источников и в отношении местоположения Дориды; большинство помещает ее в Средней Греции около Парнаса, но есть и свидетельства, локализующие ее в Фессалии, в Гестиэотиде². Таким образом, традиция наиболее северным пунктом местопребывания дорийцев называет Гестиэотиду в Фессалии, западным—район Пинда и южным—Дориду, откуда они двинулись на Пелопоннес. Поэтому точную географическую локализацию местопребывания дорийского племени на основании античной традиции дать нельзя; указания на другие наименования, например македнов, повидимому, свидетельствуют о процессе формирования племени, быть может, — слияния с другими. Весьма возможно, что дорийское племя занимало более обширную территорию, чем Дорида V в.

Вопроса о причинах передвижения дорийского племени на юг античная традиция почти совсем не освещает: мифологическая мотивировкавозвращение Гераклидов—носит явно искусственный характер. Вопроса о передвижении племен на территории Греции касается Фукидид (I, 2): «В древнейший период страна, называемая Элладой, не была прочно заселена, но в ней происходили переселения, и все легко покидали свою землю, будучи теснимы кем-нибудь другим, всякий раз более многочисленным». Причины легкости передвижения, по мнению Фукидида, лежали в малой развитости земледелия, в отсутствии избытка продуктов и в том, что племена становились более могущественными благодаря плодородию земли, которую они заселяли. «Всегда перемене населения, — говорит Фукидид, подвергались преимущественно на илучшие земли Эллады, именно области, называемые теперь Фессалией и Беотией, также большая часть Пелопоннеса, кроме Аркадии, и, наконец, все плодороднейшие области остальной Эллады». Помимо экономических причин, Фукидид выдвигает и внутренние социальные моменты, вызвавшие, по его мнению, передвижение племен: «Но если, благодаря плодородию почвы, могущество некоторых племен и возрастало, то, порождая внутренние распри, ведшие их к тибели, оно вместе с тем еще скорее вызывало посягательство на себя со стороны иноплеменников». Здесь у Фукидида уже выступают моменты, связанные с зарождением классовых противоречий, которые вызывают распад родовых отношений и усиление межплеменных войн.

¹ Т h u c, I, 107; III, 92. Т и р т е й (fr. 1) называет Эриней, который локализируется в Дориде, S t r a b., IX, 427.

² S t r a b. X, 437, 475; Sch. P i n d.—Pyth., I, 121; S t. B y z. s. v. Δωρίς. Возможно,

² Strab. X, 437, 475; Sch. Pind.—Pyth., I, 121; St. Byz. s. v. Δωρίς. Возможно, что в этих свидетельствах отражаются взгляды Геродота. Некоторыми исследователями устанавливается связь дорийцев с иллирийскими племенами, например: Ridgeway—The early age of Greece, v. II, 1931; устанавливается также и лингвистическая связь с иллирийцами, Blumenthal—«Glotta», XVIII, S. 152.

Общие причины передвижения племен хорошо вскрыты Фукидидом, но они недостаточны для нашего конкретного вопроса о причинах дорийского переселения. Такой причиной могла быть земельная теснота. Область Дориды была малоплодородной страной и при росте населения она не могла всех прокормить, недаром существовал эпитет дорийцев — $\lambda \iota \mu \circ \delta \omega \circ \iota \iota \iota$, «голодные дорийцы» 1.

Для греков ранних периодов большие переселения не были чем-то невероятным; вспомним, как ионянам, после завоевания Ионии Гарпагом, Биант из Приены советовал собраться всем вместе и отплыть в Сардинию, основав там общеионийское государство (Него d., I, 170). Также и бесчисленные колонизаторские походы, проходившие в течение VIII—VII—VI вв. до н. э. иногда на весьма далекие расстояния, говорят о большой подвижности греков; многие из этих колоний были основаны, как земледельческие колонии, в результате роста населения и земельной тесноты, вследствие недостаточного развития производительных сил.

Обычно современные историки пытаются объяснить дорийское переселение движением более северных племен, народов или рас, которые, двигаясь на юг, теснили другие племена и заставляли их сниматься с мест, причем дорийцев нередко выводят, вопреки традиции, из далеких северных областей, например Дунайских. В античной традиции применительно к дорийцам эти моменты, за редким исключением (Herod., I, 56), почти не выдвигаются, инициатива похода обычно переносится на Гераклидов. Таким образом, если придерживаться традиции, то движение племен на север Греции, например мисян и тевкров (Herod., VII, 20), затем фессалийцев из страны феспротов (H e r o d., VII, 176) и других, следует рассматривать, как передвижение племен на сравнительно небольших расстояниях, происходившее в процессе дальнейшего развития родоплеменных отношений и не составлявшее единого переселенческого потока нового народа или новой расы, как это часто конструируют западные ученые. Некоторые античные авторы пытались объяснить возвращение Гераклидов моментами социальными, междоусобиями и изгнаниями, возникшими после возвращения на родину героев Троянской войны (T h u c., I, 12; P 1 a t.—Leg., III, 682 d.). За этими свидетельствами может также скрываться некоторая доля исторической действительности, так как в период разложения родового строя нарастающие классовые противоречия, противоречия между различными общественными группировками, например между родовой знатью и остальным населением, могли приводить к столкновениям, к изгнаниям и выселениям.

Следует еще отметить, что в античной традиции дорийское переселение, в сущности говоря, никогда не рассматривалось как большое переселение, но трактовалось, скорее, как военный поход (στόλος) дорийцев под предводительством Гераклидов; повидимому, оно мыслилось даже как поход только части племени, а не всего племени, так как Дорида и впоследствии оставалась дорийской. Правда, диалект классической Дориды неизвестен, но родственные связи дорийцев, в частности спартанцев, с Доридой сохранялись. Еще в V в. до н. э. лакедемоняне оказывали помощь дорийцам в Дориде, которую они считали своей метрополией, они помогали им в борьбе против фокидцев, а также против этеян (T h u c., I, 107; III, 92).

 $^{^1}$ P I u t.—Prov., I, 34. См. о вынужденной эмиграции в результате роста населения Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 278.

Тот факт, что лакедемоняне считали своей метрополией маленькую, незначительную, ничем не замечательную Дориду, является одним из моментов, подтверждающих историчность предания. Искусственно создавать легенду о происхождении из Дориды не имело никакого, ни экономического, ни политического, ни идеологического, смысла. Происхождение из Дориды не могло ни поднять авторитет лакедемонян, ни придать им славы, а между тем, они гордились этим происхождением. Против историчности дорийского переселения обычно выдвигается еще то положение, что из столь маленькой области, как Дорида, не могло выйти большое племя, которое завоевало и заселило большую часть Пелопоннеса. Но. во-первых, как уже говорилось выше, дорийцы, быть может, занимали более обширную территорию, чем Дорида V в., или Дорида являлась только последним местопребыванием дорийцев перед их походом в Пелопоннес; во-вторых, количество участников похода могло быть не столь значительно, представление о сравнительно незначительном отряде дорийцев сохранилось и в предании. Так, Исократ говорит только о 2 000 человек, участвовавших в походе (I s o k r.—Panath. (XII), 255), но эта цифра, конечно, слишком ничтожна. К. О. Мюллер¹ считал, что дорийцев во время похода было около 20 000, на основании того, что ко времени греко-персидских войн в Спарте было около 8 000 дорийцев, в Аргосе около 6 000, в других же дорийских городах их было еще меньше. Конечно, эта цифра довольно произвольная, но во всяком случае те данные, которыми мы располагаем, например для Спарты, действительно показывают наличие небольшого количества полноправных граждан, именующих себя потомками дорийцев по отношению к остальному бесправному и порабощенному населению.

Расстояние, отделяющее Дориду от Спарты, одного из конечных пунктов похода дорийцев, равняется не более 200—250 километрам; расстояние, в сущности говоря, ничтожное, которое можно пройти в несколько дней. И этот момент в свою очередь показывает, что поход дорийцев, как он представлен в античной традиции, не есть длительное переселение целого народа, а является скорее естественным расселением племени, быть может, в форме похода военной дружины. Указание в предании на ряд попыток проведения похода, может быть, указывает на то, что переселение протекало не как единовременный акт, но как длительный процесс, состоявший из нескольких походов, происходивших в течение долгого времени.

Относительно маршрута следования дорийцев в Пелопоннес античная традиция дает следующие пути: через Истм, путь, который, согласно преданию, не был осуществлен до конца благодаря сопротивлению пелопоннесцев²; другой путь—через Навпакт (Paus., V, 3, 5; X, 38, 10; Poly b., XII, 12); еще на один, морской путь, хотя он и не дан непосредственно в предании, указывают свидетельства о захвате прибрежного Солигея, откуда велось наступление на Коринф (Thuc., IV, 42; морской путь особенно защищает Miltner, ук. соч.), и Темения, откуда велась осада Аргоса (Paus., II, 38, 1).

Путь через Истм и морской путь наиболее приемлемы для захвата Арголиды. Путь же через Навпакт вел в Лаконику. Некоторые исследователи высказывают предположение, что захват Лаконики проходил через Арголиду, после ее завоевания, но об этом традиция умалчивает.

¹ K. O. Müller—Die Dorier, I, 1842.

² Об этом походе говорится, например, в аркадском варианте традиции.

Дальнейший маршрут следования дорийцев в самом Пелопоннесе весьма неясен. Согласно элидской версии традиции (P a u s., V, 3, 5), дорийцы прошли через Аркадию, но никаких других, более ясных и подробных, сведений мы не имеем.

Таким образом, вопрос о детальном маршруте похода дорийцев, если придерживаться античной традиции, остается открытым. Здесь можно только выдвигать более или менее правдоподобные предположения без достаточного их обоснования. Появление дорийцев в Пелопоннесе, по преданию, ознаменовалось прежде всего разделом завоеванной страны на три части между Гераклидами и учреждением трех полисов—Аргоса, Мессены и Лакедемона (Р 1 a t.—Leg., III, 683 d.). Рассказ, в котором представлены и бросание жребия при разделе страны и обман со стороны Кресфонта, желавшего получить Мессению, носит явно вымышленный характер и относится к мифу о Гераклидах, оставляя совершенно в стороне дорийцев.

Вопрос о том, как был проведен захват областей дорийцами, следует рассматривать для каждой области в отдельности, так как, по всей вероятности, завоевание происходило не одновременно и, как свидетельствует традиция, в разных формах.

Для Арголиды античная традиция называет различные откуда шло наступление дорийцев, причем первоначально, по преданию, был захвачен Аргос, а затем уже из Аргоса были захвачены и другие города; в некоторых случаях указывается на слияние дорийцев с местными элементами, на постепенную доризацию населения¹. Косвенным указанием на включение в состав гражданства местного населения служат данные, говорящие о наличии наряду с дорийскими филами еще других фил2. Также и в отношении Мессении предание говорит о первоначально мирных взаимоотношениях между дорийцами и местным населением, о предоставлении местному населению одинаковых прав с дорийцами и только уже о последующем обособлении дорийцев в одном полисе в Стеникларе (S t r a b., VIII, 361; N i c. D a m., fr. 33). Но при разборе традиции о Мессении следует помнить, что наши источники особенно ненадежны; многие легенды о ней создавались задним числом, в тот период, когда Мессения была восстановлена Эпаминондом и когда, с одной стороны, мессенцы старались воссоздать, а иногда и создать заново древнее предание о былой самостоятельности Мессении, а с другой стороны—спартанцы старались создать такие легенды, которые обосновали бы их притязания на Мессению, так что вопрос о доризации Мессении требует специального разбора. Некоторые, например, высказывают предположения, что доризация Мессении произошла после завоевания ее спартанцами.

Относительно прихода дорийцев в Лаконию сведения в античной традиции весьма скудны; в предании не говорится подробно ни о том, каким путем шли дорийцы, ни о том, каким образом они утвердились в Спарте. Мы знаем только, что город Спарта был образован не путем синойкизма нескольких городов или поселений, разбросанных по всей области, как это было, например, в Аттике, но из селений, хорай, находящихся в близком расстоянии друг от друга (T h u c., I, 10, 2). Кроме того, археологические данные говорят нам о том, что на месте Спарты не

 $^{^1}$ P a u s., II, 13; 30, 10; 29, 5; 6, 7; см. также доризацию Кинурии—H е r о d. VIII, 73; M i I t n е r, ук. соч., стр. 59 сл., считает, что дорийцы вступали в договорные отношения с ахейцами.

² Miltner, там же.

было какого-либо значительного микенского поселения и что она была основана в X—IX вв. до н. э. ^{1}

Нет почти никаких сведений в предании и о самой первоначальной борьбе местного населения с дорийцами. Правда, быть может, следы разрушения и пожара в поселении позднемикенского периода на возвышенности Терапны, близ святилища Менелайон, были результатом вторжения дорийцев 2, но это только предположение, которое пока нельзя обосновать какими-либо другими данными.

Эфор (Strab., VIII, 364) говорит о первоначальном разделе Лаконии на шесть частей с установлением в ней власти басилеев и о первоначальном равноправном положении всего населения Лаконии. Хотя большинство считает это свидетельство искусственным построением Эфора, не имеющим отношения к исторической действительности, все же, быть может, частично здесь отражено то состояние Лаконики, когда в Спарте уже утвердились дорийцы, окружающие же города, πτολίεθρα, не были еще окончательно подчинены. Это состояние Лаконики получило свое отражение и в каталоге кораблей «Илиады» (II, 581), где наряду со Спартой упоминаются, как равноправные, различные другие лаконские города. Завоевание и подчинение Лаконики, повидимому, происходило, как это нам рисует традиция, постепенно в течение нескольких столетий. Предание сохранило рассказы о завоевании ряда ахейских городов, напримеро завоевании и разрушении города Эги при царе Архелае (P a u s., III, 2, 5), завоевании городов: Амикл, Фариса и Геронтр (P i n d.—Pyth., I, 62; P a u s., III, 12, 9; 2, 6), причем жители Фариса и Геронтр будто бы ушли из страны, жители же Амикл оказывали упорное сопротивление. Сыну Телекла Алкамену приписывалось завоевание города Илоса, с покорением которого связывалось порабощение илотов (P a u s., III, 2, 7; 20, 6). Рассказывает предание и об основании нового города Бэи одним из Гераклидов, который будто бы собрал в этом поселении жителей трех городов (Р a u s., III, 22, 11). Первоначально завоевание шло преимущественно по долине реки Еврота, а затем были поставлены в зависимое положение от Спарты и другие окружающие поселения. По вопросу об отношении дорийцев к местному населению, к ахейцам, античная традиция дает самые разнообразные и противоречивые сведения: в одних случаях говорится об изгнании всех ахейцев из страны, о переселении ахейцев в Ионию, в Ахайю (Herod. VIII, 73; Strab. VIII, 383, 364; Isokr.-Panath. (XII), 253; Paus., III, 26; V, I); в других случаях говорится о порабощении ахейцев, об обращении их в илотов (T he o p.—Ath., VI, 265); иногда порабощение илотов связывается с завоеванием города Илоса (Strab., VIII, 365; Paus., III, 20, 6).

В некоторых свидетельствах выступают моменты, характеризующие процесс ассимиляции пришлых дорийцев с ахейцами, например в рассказе о Филономе (S t r a b., VIII, 365; N i c. D a m., fr. 30), оказавшем помощь дорийцам; в спартанской культовой легенде о прорицателе Крии и культе Карния (Р а и s., III, 13, 3); в свидетельстве Эфора, согласно которому первоначально все население Лаконики пользовалось одинаковыми правами со спартанцами. Имеются указания и на существование в Спарте ахейских родов, например Талфибиадов, глашатаев, которые вели свое происхождение от Талфибия, глашатая Агамемнона (Н е r o d.,

Dawkins—Excavations at Sparta, 1907. «Annual of British School». XIII.
 Dawkins—The Mycenean City near the Menelaion. «Annual of British School»
 XVI. Пиндар (Isthm. I, 36) называл Терапны ахейским поселением.

VIII, 134; VI, 60; P a u s., III, 12, 7). Даже и царские роды, как мы знаем, вели свое происхождение от ахейцев. Геродот приписывал спартанскому царю Клеомену следующие слова: «Не дорянин я, но ахеец» (Него d., V, 72). Ахейские связи особенно сильно подчеркивались Спартой в VI в.; в это время Спарта претендует на Агамемнона, переносит его резиденцию из Аргоса в Спарту (Р i n d.—Pyth., XI, 32), в это же время происходит торжественный перенос останков Ореста в Спарту (Него d., I, 68; Ра и s., VII, 1, 8). Здесь мы видим использование и даже изменение в своих интересах древнего предания, стремление в легендарном прошлом придать Спарте большее значение, связав с нею прославленных героев эпических сказаний, и тем самым унизить Аргос, своего соперника и врага.

Таким образом, спартанцы, с одной стороны, стремились связать свою историю с ахейскими героями, и эта связь устанавливалась по линии господствующей верхушки; с другой стороны—основная масса ахейцев считалась либо изгнанной, либо порабощенной, либо доризированной; последний момент особенно сильно выступает в преданиях об Арголиде. Исключают ли эти свидетельства друг друга? Думается, что нет, так как все эти моменты могли иметь место.

Что касается ухода ахейцев, то здесь имеются и лингвистические данные, которые, повидимому, подтверждают историческую вероятность частичного их выселения; я имею в виду установление связи между диалектом, распространенным на Кипре и в Памфилии, с аркадским диалектом, который, в свою очередь, связывается с до-дорийскими элементами языка. Эти связи обычно объясняются тем, что на Кипр и в Памфилию выселялись ахейцы, населявшие до прихода дорийцев Пелопоннес, и что это выселение было вызвано приходом дорийцев.

Особое специфическое положение непосредственных производителейилотов в Спарте, напоминающее положение пенестов в Фессалии, по всей вероятности, говорит о том, что и в Спарте и в Фессалии процесс порабощения части населения протекал в условиях завоевания этих областей.

Однако следует заметить, что захват спартанцами господствующего положения в Лаконике и развитие классовой диференциации в Спартанском государстве, превращение основной массы населения в илотов и периэков почти нигде в античной традиции не связывается непосредственно с завоеваниями дорийцев, но в традиции выступают моменты, указывающие, с одной стороны, на длительность этого процесса, с другой стороны—на те внутренние волнения, которые происходили в Спарте в ранний период ее истории, в период образования Спартанского государства. Смутные указания на внутренние волнения имеются у Геродота (І, 65), согласно которому благозаконие в Спарте было установлено только Ликургом; Фукидид (I, 18) говорит, что «сам Лакедемон, после основания его дорянами, живущими теперь в этой области, очень долго, насколько мы знаем, страдал от внутренних волнений». О внутренних волнениях, о социальной борьбе в Лаконике, в результате которой народ был обращен в периэков, говорит и Исократ в Панафинейской речи (177), также и Эфор (Strab. VIII, 365) порабощение илотов приписывает Агису, который отнял у окрестного населения права, в результате чего подняли восстание граждане города Илоса, которые были усмирены вооруженной силой и обращены в общественных рабов, в илотов. О внутренних беспорядках перед появлением Ликурга говорит и Плутарх (Lyc., II).

Все это свидетельствует против установления непосредственной связи между дорийским походом и социальным строем Спарты, о чем обычно

говорят многие западные ученые. Внешний момент, приход нового племени и завоевание новой территории, связывается многими авторами с представлениями о внутреннем процессе общественного развития, правда, далеко не настолько ясными, чтобы по ним можно было восстановить весь ход исторического развития. Но, во всяком случае, все эти свидетельства говорят о том, что «дорийское переселение» следует рассматривать, как сложный комплекс этнических передвижений и социальных сдвигов, протекавших в процессе образования классового общества и государства.

В отношении датировки дорийского похода античная литературная традиция и вычисления античных хронографов дают самые разнообразные даты; они исходят в большинстве случаев от времени взятия Трои, но и этому событию, как известно, давались различные даты¹. Самая распространенная дата это та, которую дают Фукидид (І, 12) и Эратосфен, а именно 80 г. после Троянской войны, датируемой 1184 г.; следовательно, приход дорийцев по этой хронологии падает на 1104 г.

Исократ и Эфор дают для основания дорийского поселения в Лаконике 1069 r.

Тимей давал более ранние даты: разрушение Трои в 1334 г. и возвращение Гераклидов в 1154/53 г. Таким образом, в основном древние авторы относили приход дорийцев к XII—XI вв.; если же мы обратимся к археологическим данным, то для основания города Спарты устанавливается Х в. Несомненно, что данные античных писателей являются произвольными и искусственными и ни в коей мере не могут считаться соответствующими действительности. Вообще, говорить о точной хронологии дорийского похода не представляется возможным; во всяком случае он должен был произойти перед основанием города Спарты, следовательно, примерно, должен был закончиться к Х в.

Таковы в общих чертах те основные моменты, из которых складывалось предание о дорийском походе и которые выступают в различных вариантах античной традиции. Все авторы, приводившие легенду, считали ее бесспорным историческим фактом, но для нас, конечно, это еще далеко не достаточно, чтобы всецело присоединиться к их мнению. Карштедт, иронизируя над сторонниками историчности дорийского переселения, писал: «Кто думает, что дорийцы переселились в Пелопоннес, потому что так решили Гекатей и Геродот, на основании исторического метода своего времени, тот должен также признать, что земля в продолжение всего V в. была плоскостью, обтекаемою океаном, так как это утверждает Гекатей»². Карштедт этой в меру остроумной фразой с легкостью отмахивается от довольно солидного багажа античной традиции, распространенной в различных областях Греции. Но вправе ли мы последовать за ним? Ведь были ученые, которые отвергали какую-либо историческую основу для Троянской войны, а между тем, археологические исследования вскрывают за поэтической легендарной оболочкой историческую действительность. Как же мы должны отнестись к легенде о дорийском походе? Превратим ли мы ее в чисто надуманное творение античной мифологии или мы признаем наличие действительных исторических фактов, которые сыграли свою роль в создании этих легенд и получили в них свое фантастическое отражение?

 $^{^{1}}$ О хронологии дорийского переселения см. В u s o 1 t — Griechische Geschichte,

I, S. 259 f.; Beloch-Griechische Geschichte, I, 2, S. 195.

Kahrstedt-Die Nationalität der Erbauer von Mykenae und Tyrins, «Neue Jahrbücher für klassische Philologie», 1919.

Несомненно, что характерной чертой античной традиции является чрезмерное преувеличение роли переселений в истории общественного развития; легенда о дорийском походе далеко не стоит особняком. Имеется огромное количество различных рассказов о всяческих передвижениях племен, о переселениях, о выселениях, об изгнаниях, о колонизационных движениях и т. д. Несомненно, в целом ряде случаев мы имеем дело с легендами, созданными либо для объяснения наличия того или иного сходного этнического или топонимического названия, либо для объяснения появления новых общественных форм, или же созданными в определенных политических целях.

Но большей частью в античной традиции внешний момент переселения выдвигается на первый план, в то время как остальные весьма существенные моменты общественного развития почти совершенно затушевываются.

На рубеже II—I тысячелетий, в период, к которому обычно относят и дорийское переселение, на территории Греции происходил сложнейший процесс исторического развития, протекавший «среди пестрого хаоса переходных форм». С одной стороны, существовали еще родо-племенные отношения; в это время продолжали формироваться новые родовые и племенные объединения, происходили расселения родов и племен, сегментация племен, образование союзов племен, создавались предпосылки для образования народностей, а с другой стороны—нарастали сословные и классовые противоречия, формировались классовые общества, государства, и родовые и племенные отношения уступали классовым и государственным.

В буржуазной историографии в отношении терминов «племя», «народ», «нация», «раса» господствует полный хаос. Иногда греки называются народом, иногда нацией, иногда расой. В отношении термина дорийцы также существует большая разноголосица: иногда говорят о дорийской расе; особенно злоупотребляют этим термином, как известно, фашистские историки. Иногда говорят о дорийской национальности, иногда—о дорийском народе и т. д.

В нашей советской античной историографии вопросы этногенезиса, вопросы формирования племен, союзов племен, образования народов не получали должного освещения, а между тем, в работах основоположников марксизма-ленинизма процесс образования племен и народов занимает видное место.

Прежде всего следует решительно отвергнуть применение термина «нация» к античным обществам. Также и к понятию «народ» следует подходить, как к исторической категории. Нет надобности вскрывать всю нелепость построения тех историков, которые, например, говорят о греках, как о цельном народе, массиве, переселившемся из далекой прародины в Грецию, как о народе, сформировавшемся чуть ли не с неолита. Вспомним, как Н. Я. Марр говорил, что «ученые ищут то, чего никто не терял, они ищут доселе примитивными приемами расовой этнологии, ищут народовмассивов без изменчивости типа во времени и пространстве».

Прежде, чем говорить об образовании народов в Греции, кратко остановимся на вопросе об образовании племен.

Племя не является чем-то застывшим и неподвижным; оно живет и изменяется на разных ступенях общественного развития. В процессе развития племен происходят как бы два момента, которые, в сущности говоря, являются двумя сторонами одного и того же процесса: с одной стороны,

происходит распад племен, с другой стороны—объединение их в союзы племен и слияние их в народы.

В процессе распада племен происходит расселение племен, сегментация племен, образование новых племен. Об этом процессе у американцевиндейцев подробно говорит Морган¹:

«Новые племена, равно как и новые роды, образовывались постоянно путем естественного роста, причем этот процесс значительно ускорялся большим протяжением Американского континента. Процесс этот был весьма прост. Сначала происходил постепенный отлив людей из какогонибудь перенаселенного географического центра, не обладавшего большим запасом средств существования. Поскольку это продолжалось из года в год, в некотором отдалении от первоначального местопребывания племени вырастало значительное население. С течением времени интересы и чувства эмигрантов должны были обособиться и, наконец, возникало также различие в языке. За этим следовали разобщение и независимость, хотя территории их и граничили между собою. Так создавалось новое племя. Это—краткое изображение того процесса, путем которого образовались племена американских туземцев, представляющегося вместе с тем процессом всеобщим. Он повторялся из века в век и во вновь занятых, равно как и в старых областях и должен считаться столь же естественным, как и неизбежным результатом родовой организации, а вместе с тем и необходимостью соответствующего состояния».

Энгельс писал, что «новообразование племен и наречий путем распадения прежних происходило в Америке еще недавно и вряд ли совсем прекратилось в настоящее время»².

Таким образом, образование новых племен происходило в результате неизбежного развития родовых отношений, путем отлива людей из перенаселенного места, путем сегментации первоначального племени, путем переселения части племени на новую территорию, причем иногда отделившаяся часть племени обосновывалась в непосредственном соседстве от своего исконного племени, иногда же на более или менее значительном расстоянии. Обособление шло также и по линии языка, вырабатывались новые диалектические различия, и одновременно с обособлением происходило объединение отделившихся племен в союз племен в целях взаимной зашиты.

На территории Греции в период родового строя и его разложения процесс развития племен и образования новых, повидимому, протекал в более или менее аналогичных формах; здесь также должны были происходить расселения племен, сегментация их и образование новых племен. С другой стороны, процесс объединения племен происходил по двум путям: и как слияние и скрещение племен и как образование союзов племен.

Так, Энгельс указывает на слияние двух ослабевших племен в одно, причем иногда во вновь образовавшемся племени сохраняются два наречия (ук. соч., стр. 115).

На слияние и скрещение племен большое внимание обращал и Н. Я. Марр; в связи с вопросами скрещения языков он указывал на неизбежность скрещения языков, «процесса, столь же необходимого вначале для зарождения вообще человеческой речи, как впоследствии для выра-

¹ «Дома и домашняя жизнь американских туземцев». Л. 1934, стр. 16.

² Энгельс—Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат, 1933, стр. 115.

ботки новых, более совершенных ее типов и для зарождения новых многочисленных видов и подвидов» ¹. «Различные виды языков возникают от скрещения различных племен,—говорит Н. Я. Марр.—Самое зарождение человеческой речи имеет предпосылкой скрещение различных племенных видов»².

В другом случае при образовании союзов племен слияние их не происходит, племена остаются самостоятельными, но основой союза является, как, например, у американских племен, родственность объединяемых племен по крови, общность языка, организация союзного совета и выделение двух военачальников (Э н г е л ь с, ук. соч., стр. 118).

Об образовании союзов племен Энгельс (ук. соч., стр. 117) говорит

следующее:

«Дальше соединения в племя значительное большинство американских индейцев не пошло. Немногочисленные племена их, отделенные друг от друга обширными пограничными полосами, ослабленные вечными войнами, занимали небольшим числом людей громадное пространство.

Союзы между родственными племенами заключались местами под воздействием требований момента и с устранением опасности распадались. Но в отдельных местностях первоначально родственные племена, разобщенные друг от друга, вновь сплачивались в длительные союзы и, таким образом, делали первый шаг к образованию народа. В Соединенных штатах наиболее развитую форму такого союза мы встречаем у ирокезов.

Выйдя из мест своего поселения к западу от Миссиссиппи, где они, вероятно, составляли ветвь большой семьи дакота, они после долгих странствований осели в нынешнем штате Нью-Йорке, разделившись на пять племен: сенека, кайюга, онондага, онейда и могавк.

Они занимались рыбной ловлей, охотой и примитивным огородничеством; жили селами, большей частью окруженными частоколами. Число их никогда не превышало 20 000 человек, каждое из пяти племен имело несколько общих родов; они говорили на родственных наречиях одного и того же языка и населяли сплошную область, которая была поделена между пятью племенами. Так как область эта была вновь завоевана, то естественным являлось и сплочение этих племен против вытесненных ими. Это соединение, самое позднее в начале XV столетия, превратилось в формальный «вечный союз», федерацию, которая в сознании приобретенной ею силы немедленно приняла наступательный характер и, на вершине своего могущества около 1675 г., завоевала кругом значительные пространства, частью истребив, частью обложив данью их население».

И несколько ниже Энгельс (стр. 119) делает следующее заключение: «Мы видим у североамериканских индейцев, как первоначально единое племя постепенно распространяется по всему материку; как племена, разветвляясь, превращаются в народы, в целые группы племен, как изменяется язык, пока не только становятся непонятными один для другого, но и утрачивают почти всякий след первоначального единства».

Образование союза племен у ирокезов хотя и относится еще к материнскому роду, к периоду низшей ступени варварства, но включает целый ряд моментов, которые выступают и в традиции о дорийцах.

- Здесь мы имеем развитие межплеменных войн, ослаблявших племена, передвижение племен и оседание их на сравнительно большом расстоянии

¹ Н. Я. Марр—Яфетиды. Избранные работы, т. I, Л. 1933, стр. 131.

² Н. Я. Марр—Избранные работы, т. III, стр. 8.

от первоначального места поселения (около 1 000 км, в то время как в Греции значительно меньшее расстояние), небольшой состав пришлого племени, около 20 000 человек (такое же количество, примерно, устанавливается и для дорийцев), распределение захваченной территории между несколькими племенами, создание племенного союза, завоевание значительной окружающей территории, истребление части прежнего населения, обложение оставшихся данью, развитие и изменение языка, образование новых диалектов и, наконец, образование народов.

Вопрос об образовании союзов племен в Греции остается пока ещемало исследованным; повидимому, элементы таких союзов мы имеем в амфиктиониях, прежде всего в племенных объединениях, которые продолжали существовать и в более поздние периоды, когда уже развились классовые государственные отношения.

Также и в организации фил можно уловить остатки прежних племенных объединений, и, повидимому, первоначально фила (τὸ ςῦ (ον) была племенем, позднее она входит в состав союза племен или других племенных объединений. Фила сохраняется и при образовании народа как общественная и военная организация, принимая в дальнейшем при формировании государства политическое значение в качестве избирательной единицы (ἡ ϕ ύ\ η). И, наконец, в государстве появляется новая территориальная фила в качестве политической единицы, в то время как старая родовая фила сохраняет преимущественно религиозные функции¹.

Филы, которые мы встречаем у дорийцев в количестве трех, с определенными названиями почти во всех дорийских полисах, повидимому, являются остатками племенных объединений, причем это объединениестало настолько слитным, что филы в отдельности нигде не встречаются.

Еще одним косвенным указанием на существование союза племен в Спарте является наличие в Спарте двойной царской власти, которая, повидимому, восходит к двум высшим военачальникам союза племен. Таких двух высших военачальников, обладавших равными полномочиями и равной властью, мы видим, например, в союзе племен у ирокезов (Энгельс, ук. соч., стр. 119).

В качестве примера передвижения племен на средней ступени варварства можно взять ацтеков, о которых говорит Морган².

Передвижение племен, естественная сегментация их, поиски новых удобных мест поселения, незначительное число пришлых ацтеков, использование выгодных природных условий болотистой долины, войны с окружающими племенами, обеспечение господствующего положения над туземными племенами долины, стремление последних к восстаниям и, наконец, отражение всех этих моментов в племенных преданиях—все это находит свои аналогии и в античной традиции о дорийском переселении. Можно привести еще много других примеров, касающихся передвижения племен на стадии родового общества и его разложения. Так, богатый материал дает, например, история германских племен³, но ограничимся приведенными примерами.

¹ См. К. М. Колобова—К вопросу о структуре греческого рода в период образования Афинского государства. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 7—8, стр. 111 сл.

² Морган—Древнее общество. Л., 1934, стр. 111 сл. ³ Энгельс—К истории древних германцев. Маркс—Энгельс, Собр. соч., т. XVI, ч. 1, 1937, стр. 339 сл.

В связи с поднятыми вопросами встает еще вопрос об образовании народов. Когда, на какой стадии общественного развития мы можем говорить уже о появлении народов?

Энгельс, устанавливая общие экономические условия, которые вели к разложению родового строя, говоря о росте производства и производительности труда, о разделении труда и появлении рабства, о разделении общества на свободных и рабов, а также на богатых и бедных, развивает далее следующие мысли: «Возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и во вне. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре затем такой же необходимостью становится уже их слияние, а тем самым слияние раздельных племенных территорий в единую общую территорию всего народа. Военачальник народа—rex, basileus, thiudans—становится необходимым постоянным должностным лицом. Появляется народное собрание там, где его еще не было. Военачальник, совет, народное собрание образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии. Военной потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатство соседей подстрекает жадность народов, которым приобретение богатства представляется уже одною из важнейших жизненных целей»¹.

Образование народов, обусловленное экономическим развитием общества й ростом населения, происходит в процессе слияния племен, в период развития военной демократии. «В поэмах Гомера,—говорит Энгельс²,—мы видим, что греческие племена в большинстве случаев уже объединились в небольшие народности (kleine Völkerschaften), внутри которых, однако, еще вполне сохраняют свою самостоятельность роды, фратрии и племена»...

«Отдельные народцы (Völkchen) вели беспрерывные войны за обладание лучшими земельными участками, а также ради добычи: обращение в рабство военнопленных было уже признанным учреждением».

Таким образом, слияние племен в народности или народцы предшествует еще периоду образования государства; здесь происходит не объединение самостоятельных племен, как это было в союзе племен, но уже более тесное слияние их, причем племена продолжают сохранять еще свое значение, как филы, имея, например, значение в военной организации общества. Общественной организацией вновь образованных народцев становится военная демократия с советом, народным собранием и военачальником. Упоминая о германских племенах, Энгельс также говорит: «У объединившихся в народы германских племен существует такое же общественное устройство, как и у греков героической эпохи. То было наиболее развитое общественное устройство, какое вообще могло развиться при родовом строе; оно явилось образцовым устройством для высшей ступени варварства» (там же, стр. 173).

Следует отметить еще некоторый оттенок в терминологии у Энгельса: он говорит о слиянии племен в маленькие народности (kleine Völkerschaften) и народцы (Völkchen). Эти термины, повидимому, должны оттенить отличие их от термина народ, который уже в большей степени применим к обществу, стоящему накануне завершения формирования государства, и к сложившимся классовым обществам.

 $^{^1}$ Энгельс—Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 193. ^{2} Там же, стр. 128.

Но если расселение племен, разветвление их и, вместе с тем, объединение их в племенные группы, в союзы и, наконец, слияние их в народ являются вполне закономерным явлением, то это еще не значит, что в процессе общественного развития решающую роль играют именно моменты племенных передвижений. Эти внешние моменты, так же как и моменты завоевания, являются не основными движущими силами развития общества, но только конкретными историческими условиями, которые могут быть, а могут и не быть. Но в нашем конкретном случае, в истории Спарты, повидимому, эти условия, т. е. передвижение племени и завоевание новой территории, —действительно имели место.

Итак, можно предположить, что легенда о дорийском походе не является чисто надуманной и что «минувшая действительность оказалась отраженной в фантастических творениях мифологии».

Конечно, нет возможности и нет надобности считать, что античное предание сохранило все детали передвижения племени. Несомненно, большую часть в легендарных рассказах следует отнести за счет фантастического мифологического творчества, но основной остов, основное ядро легенды, повидимому, содержит зерно исторической действительности.

К ОРГАНИЗАЦИИ НОТАРИАТА В ГРЕЧЕСКОЙ МЕТРОПОЛИИ

(Надпись IG VII 3172)

Проф. С. А. Лурье

Надпись из Орхомена, сообщающая об уплате Орхоменским государством долга феспиянке Никарете (IG VII 3172), привлекла к себе больше внимания, чем какая бы то ни было другая беотийская надпись. О ней трактуется с большей или меньшей обстоятельностью не менее чем в сорока ученых трудах. После того как в «Berl. Phil. Wochenschrift» за 1893 г., S. 267 появилась рецензия Thalheim'а на изданные Dareste'ом и др. «Inscriptions juridiques grecques», окончательно выяснившая все хронологические вопросы и точно установившая, где начало и где конец каждой из «гиперамерий», текст коих приведен в надписи между учеными появилось единогласие по поводу этого документа и, казалось бы, нет основания снова возвращаться к нему. Я позволяю себе снова остановиться на этой надписи не только потому, что общепринятый взгляд ошибочен в отдельных подробностях, но и потому, прежде всего, что общепринятое понимание неправильно расценивает организацию нотариата в греческой метрополии по сравнению с греческим Египтом.

Я не разойдусь с принятым в науке взглядом, если изложу общий ход дела так.

¹ Весь сопоставленный здесь материал, поскольку не оговорено иного, относится к Беотийскому союзу III в. до н. э. Города Феспии, Орхомен, Хорсии, Фисбы, Акрефия и др. входили в этот союз, главным городом которого были Фивы. Общесоюзными должностными лицами были 7 беотархов; все основные стороны общественной и хозяйственной жизни регулировались общебеотийскими законами, но, сверх того, в каждом городе циркулировали свои местные законы. Во главе каждого из городов стояли три полемарха.

² S o 1 m s e n, Incr. gr. ad. inl. dial. sel., 1905 (Teubner) р. 27, возвращается, повидимому, без всяких оснований, к старому до-Thalheim'овскому разделению текста гиперамерий (на 5, а не на 4 гиперамерии). В литературе надписи (р. 25) он не указывает на цитируемую мною статью Thalheim'а, сделавшую эпоху в истории изучения нашего документа. Возможно, что он вовсе не знаком с этой статьей. Теория П. Виноградова, по которой όμολογά написана позже σούγγραφος (Outlines of Historical Jurisprudence, II, 1922, р. 241 sqq.; Rendic. dei Lincei, 33, 1924, 89), противоречит, как показал Вгапdileone (ibid., 33, 1923, р. 105 sqc.), контексту όμολογά и поэтому несостоятельна. Зато Виноградов прав в споре с Брандилеоне, когда считает σούγγραφος литеральным экзекутивным контрактом.

В V, VI и VII месяцах (Фие, Гомолое и Филифии), в архонтство Ликиска в Феспиях (III в. до н. э.), Никарета по четырем заемным письмам (σουναλλάγματα) ссудила Орхоменскому государству последовательно $10.085^{1}/_{8}$ драхм, 2.500 драхм, 4.000 драхм и 1.000 драхм. Из того, что первая сумма не круглая, можно заключить, что эта сумма исчислена уже вместе с процентами: это ясно, как мы увидим ниже, и из незначительности процентной прибавки при окончательном расчете с Никаретой. Что касается 2-й, 3-й и 4-й уплат, то, конечно, возможно, что здесь произведен был учет и проценты были высчитаны из общей суммы долга и удержаны Никаретой; однако, ввиду того что при первом займе такого учета не было произведено, мне представляется более вероятным, что в этих случаях нищее Орхоменское государство произвело уплату процентов натурой (например разрешением пасти бесплатно скот на Орхоменских казенных лугах, как в надписи IG VII 3171)1. Таким образом, весьма вероятно, что по 2—4-му обязательствам и в действительности было взято 7500 драхм, столько же было взято, вероятно, и по первому обязательству 2, всего, таким образом, 15 тысяч.

Так как ни в одном из содержащихся в надписи документов срок платежа по этим документам не указан точнее, чем $\frac{1}{6}$ πὶ Ξενοχρίτω ἄρχοντος, т. е. в следующем за архонтатом Ликиска году, и так $\frac{1}{6}$ как все $\frac{1}{6}$ «гиперамерии» не содержат никакого упоминания о сроке уплаты, кроме общей даты Ξενοχρίτω $\frac{1}{6}$ λαλχομενίω, то можно положить, что сроком уплаты по всем обязательствам был установлен следующий за сделкой год, т. е. фактически последний его месяц Алалкомений (вернее, определенное его число, установленное общим законом и соответствующее афинскому $\frac{1}{6}$ νη χαὶ νέα).

Что представляли собой эти 4 σουναλλάγματα — простой ли договор, όμολογά, или так называемый «экзекутивный контракт» 3 — мы не знаем. Однако из части VI (А) надписи мы видим, что и в Беотии был в ходу особый вид документа σούνγραφος 4, заключающий характерную клаузулу экзекутивных контрактов (105/28): ἐἀν δὲ μὴ ἀποδῶσι, πραχθήσονται κατά τὸν νόμον, ἡ δὲ πρᾶξις ἐστω ἔχ τε αὐτῶν τῶν δανεισαμένων καὶ ἐχ τῶν ἐγγύων... καὶ ἐχ τῶν ὑπαρχόντων αὐτοῖς, πραττούση δν ἄν τρόπον βούληται. От классической клаузулы экзекутивных контрактов эта формула отличается только тем, что вместо χαθάπερ ἐχ δίχης мы здесь читаем πραττούση δν ἄν τρόπον βούληται, но это очевидно синонимные выражения 5.

¹ Так же в акрефийской надписи SEG, III, 356.

² Проценты начислены приблизительно $1^{1}/_{2}-2^{0}/_{0}$ в месяц. Точная сумма не получается; повидимому, сюда включена еще небольшая сумма казенных сборов или других накладных расхолов.

⁸ Экзекутивным называется контракт, имеющий силу исполнительного листа, выданного на основании судебного приговора (χαθάπερ ἐχ δίχης). Взыскание по такому договору производится в исполнительном порядке, без суда.

⁴ Большинство ученых считает, что σούγγραφος — специальное обозначение для экзекутивного контракта, например, Foucart, BCH, IV, 10: «σύγγραφος est un contrat ayant force éxécutoire», VIII, 362 ss.: «Les Grecs entendurent par syngrapha un acte emportant éxécution parée, c'est à dire pouvant être mis à éxécution sans jugement à terme échu». Обратный взгляд у Ваксмута («Rhein. Mus.», XL, 1885, S. 295, A. 2).

6 Как правильно указал Н і t z i g—Pfandrecht, S. 65 ff., в клаузулах договоров

⁵ Как правильно указал Hitzig—Pfandrecht, S. 65 ff., в клаузулах договоров πράττε!ν, ἔμπρακτος (κατὰ νόμον) вообще означает «взыскивать в исполнительном порядке». Иначе эти выражения были бы бессмысленны: ведь право обращаться в суд имеет всякий Поэтому неправилен взгляд Ваксмута (1. с.). Wenger'a («Arch. für Pap.», II, 52, A. 2), Mitteis'a («Reichsrecht u. Volksrecht», 416, A. 3) и др., согласных ви-

Раз в Беотии был в ходу экзекутивный контракт, то ясно, что ввиду своего большего удобства он должен был в бесспорных и простых денежных обязательствах (т. е. не осложненных побочными условиями) вытеснить простой договор, требовавший полной судебной процедуры, как это произошло и в других местах. Таким образом, эти 4 σουναλλάγματα были, повидимому, «экзекутивными контрактами», σούνγραψο, и взыскание по ним должно было производиться упрощенным способом, без судебного разбирательства.

Этим мы объясним и то, что с наступлением срока платежа по сооуаддауната в Алалкомении (XII месяц) следующего года (года Ксенокрита) Никарета обращается не в суд а в какое-то феспийское присутственное место (как мы увидим ниже, в τεθμοφυλάνιον), куда и сдает все σουναλλάγματα (с этого момента их как бы не существует — они больше не фигурируют в надписи), получая вместо них краткую выпись из казенных книг, ούπεραμερίη, применяясь к нынешним понятиям — «исполнительный лист». Этим беотийское право выгодно отличается от долгового права других греческих государств, где силу исполнительного листа по наступлении срока уплаты долга получала сама синграфа. Во-первых, этим достигалось то, что взыскания производились по однообразным документам казенного образца — производство непосредственных взысканий по разнообразным на вид домашним «цидулкам», конечно, должно было вести ко всевозможным злоупотреблениям. Во-вторых, тем, что синграфа лишалась значения исполнительного листа, ограждались интересы фиска. Правда, и в других местах Греции синграфа, для того, чтобы получить исполнительную силу, должна была быть зарегистрирована в присутственном месте (άργεῖον, γρεωφυλάχιον, βιβλιοφυλάχιον и т. д.), однако договаривающиеся, чтобы сэкономить на налоге, всячески уклонялись от этой регистрации; поэтому в Аркезине на Аморге приходилось предавать суду тех, которые «не зарегистрируют документа у нотариуса» (μη ὑπογραφήμ ποιῶνται πρὸς τὸς γρεωφύλακας), и лишать гражданских прав тех είσαγωγείς, которые поставили бы на повестку суда дела по незарегистрированным документам. Поэтому же и в Египте царям и наместникам приходилось неоднократно принимать суровые меры против обращения незарегистрированных συγγραφαί. Здесь даже

деть экзекутивную клаузулу только там, где читается καθάπερ έχ δίκης, и полагающих, что Никарета, по прибытии в Орхомен, обратилась в суд (см. ниже). Goldschmidt («Zeitschr. f. Rechtsgeschichte» 10, 366 ff.) и издатели «Inscr. jur. grecques» правы, когда считают укороченную клаузулу имеющей одинаковую силу с полной («Il ne faut pas attacher trop d'importance à une formule banale»). Тот же Миттейс («Reichsrecht u. Volksrecht», 71) сам справедливо обращает внимание на однообразие частноправовых норм во всем эллинистическом мире: «Das griechische Recht kennt allseits eine Exekutivurkunde, welche überall in den gleichen Formen und mit gleichen Wirkungen ausgestellt wird». Во всяком случае, выражение πραττούση δυ αν τρόπου βούληται, вытеснившее формулу καθάπερ εκ δίκης, также и в папирусе Flinders Petrie I, 84a (ἡ πρᾶξις εκ τῶν ὑπαρχόντων, τρόπω ῷ αν βούληται) имеет экзекутивный смысл. Наиболее полная формула: καθάπερ έγ δίκης κατά νόμον τέλος έγούσης, подчеркивающая освобождение кредитора сразу от всех судебных инстанций (Еleph. Рар. № I, IG XII, 7, 67 В—IJG I, XV A из Аркезины на Аморге; в последнем документе мы имеем целых три выражения: и χαθάπερ έγ δίκης τέλος έγούσης — 1. 12-13, μ πράξει πάση - Ι. 25, μ καθάπερ δίκην ὧφληκότων ἐν τῷ ἐκκλήτω - Ι. 28 — все это очевидные синонимы). Так как формула κατά νόμον сплошь и рядом соединяется с λαθάπερ έλ δίλης, то в ней никак нельзя видеть указание на устрачение экзекутивной клаузулы и передачу дела в суд, как хочет Ваксмут, 1. с.

был придуман любопытный обход регистрации включением в текст выражения: «пусть документ имеет такую же силу, как если бы он был зарегистрирован в присутственном месте»: ή δε συγγραφή χυρία έστω ώς έν δημοσίφ ἀρχείφ κατακεχωρισμένη (LGU 10, 11; BGU 717); κακ видно из LGU 10, правительство, однако, не считалось с этой формулой и не признавало таких документов ео ірѕо законными. Такая же картина, вероятно, наблюдалась и на Хиосе (Aristot. — Oecon., 12: Χτοι... νόμου όντος αυτοίς ἀπογράφεσθαι τὰ γρέα είς τὸ δημόσιον). Беотийцы, лишив синграфу значения исполнительного листа и передав эту роль гиперамерии, избавились от всех этих неудобств. Чтерацеріа в прямом смысле означает «просрочка» (ВСН ХХ, 323, стр. 10: ὑπεραμερία τῆς ἡμέρας ἐκάστης), но в нашей надписи оно не означает «удостоверение о просрочке», а удостоверение о том, что должник оперфиерос. «Үперфиерос, как справедливо 1 указывает Гарпократион s. v. Үперүнгрөм (ср. Роllux, III, 85), означает: «осужденный по суду за неуплату ез таїс тахтаїс провездіа су». Это подтверждается и словоупотреблением Демосфена (с. Lacr. 12 § 4): ёстю ή πράξις... χαθάπερ δίχην ωφληχότων χαὶ ὑπερημέρων ὄντων 2. После введения документов с клаузулой хадатер ех діхис слово отерпиерос, естественно, получило новый смысл, так как синграфа стала равняться судебному приговору. Вот почему слово ὁπεραμερία в точности соответствует нашему понятию «исполнительный лист», грамматически ему соответствует второе название гиперамерии — ἔμπραξις (πράττειν, как мы уже видели выше, стр. 51 прим. 5, означает: «взыскивать в исполнительном порядке»)3.

Подробно о характере этих гиперамерий я скажу ниже, теперь же укажу на то, что Никарета после полугода, ушедшего, вероятно, на бесплодные попытки получить деньги добром, в VIII и IX месяце третьего, считая с начала сделки, года, при феспийском архонте Эпителии, прибыла, наконец, в Орхомен и начала «взыскивать с города долг, согласно бывшим у нее гиперамериям», — πράττεμεν τὸ δάνειον τάν πόλιν κάτ τὰς ούπεραμερίας τὰς ἰώσας αὐτῆ (ΙΙΙ F. 1. 45 sqq.), — κομενμο, не судебным порядком: это не испугало бы орхоменские власти, так как в беотийских государствах суд был послушной игрушкой в руках беотийских правительств 4, тем более, что из надписи IG VII 3198—3199 (ср. 3301-3365) и указания Полибия (XX, 6, 1-3) можно с большой вероятностью заключить, что, исключая бывший под афинским влиянием Opon (IG VII 399-400), в Беотии никаких особых дикастериев не существовало, а судебные функции принадлежали той же коллегии из 7 άργόντων (Polyb., XX, 6, 2) — 3 полемархов и 4 синдиков ^{5} , которые были ответственны за все государственные дела, в том числе и за уплату долга, и являлись, таким образом, одновременно и ответчиками и судьями. Никарета, конечно, имея в руках «экзекутивный конгракт», начала πράττεμεν τὸ δάνειον более простыми и действительными средствами, теми средствами, которые на образном языке греческих документов

¹ Это не частный смысл, как полагают изд. «Inscr. jur. grecques» (стр. 289), а основной смысл.

² Это место Демосфена имеет, по моему мнению, пропуск; его надо читать так: ἔστω ἡ πρᾶξις τοῖς δανείσασι <ἐξ αὐτῶν τῶν δανεισαμένων> χαὶ ἐχ τῶν τούτων ἀπάντων...

³ Гиперамерия — исполнительный лист — в Беотии засвидетельствована, кроме Орхомена, еще для Лебадеи (IG VII 3054, в форме οπεραμερία), но была в ходу, конечно, всюду, так как нотариат был организован по всей Беотии однообразно (см. ниже).

⁴ См. мой «Беотийский союз», СПБ, 1914, стр. 187, 255.

^{• «}Беотийский союз», стр. 167.

называются «хозяйничанье» (οίχονομία) 1 («Inscr. jur. grecques» 37 из Дримеи в Фокиде; Pap. Rein. 7 из Акориса = Mitteis-Wilcken, Chrest. II, 2, № 16, 31 сл.). Мы уже указали, что πράττειν значит взыскивать в исполнительном порядке. Когда ответчиком являлось частное лицо, то πρᾶξις заключался в причинении ему всяческих затруднений наложением запрещения (ἐνεγυρασία) на самые необходимые вещи обихода. Если истец видит, что ответчик обрабатывает поле, он совершает «набеги», χαταδρομάς (Mitteis-Wilcken, II, 2, № 26—27) и «οπечатывает» (ἐνεγυρά-Се!) соху, борону и т. д., приостанавливая таким образом работу в самое страдное время. Если у домовладельца есть договор об арендной плате, составленный в форме синграфы, то он в случае неуплаты квартирных денег закрывает колодец, снимает двери, разнимает черепичную крышу (την θύραν άφέλη, τον χέραμον άφέλη, τὸ φρέαρ ἐγκλείση, Бион y Stob. Serm. V, 67, p. 127 М., цит. y Thalheim-Hermann—Lehrb. d. gr. Alt. II, 14, 100); в тех случаях, когда истец сам не был в силах проделать подобные вещи, он обращался за помощью к чиновнику, носившему в большинстве греческих государств название πράχτωρ (например Pap. Magd. 23: γράφας τῷ ξενιχῷ πράχτορι πρά(ττειν) και ἀποδοδναί μοι). Это было особенно необходимо, когда истец считал для себя необходимым производить взыскание (πράττειν) не с имущества (ἐχ τῶν ὑπαργόντων), α ἐξ αὐτοῦ τοῦ δανεισαμένου, т. е. посадить ответчика (также без суда) в долговую тюрьму. Но к этому прибегали редко, так как это было сопряжено с большими расходами для кредитора (на содержание заключенных) и лишало должника возможности изыскать средства для уплаты долга. Перенести дело в суд ответчик мог только в том случае, если он предъявлял истцу уголовное обвинение в подделке или получении путем обмана или насилия синграфы. Так, в Рар. Rein. 7 из Акориса (=Mitteis-Wilcken, II, 2, № 16, 31 сл.), истец пытается πράττειν по синграфе, по которой ему уже уплачено. Ответчица подает прошение с изложением обстоятельств дела и просит, чтобы с момента получения истцом копии прошения и до суда «истец не имел права ни на какое взыскание с меня никаким способом... чтобы до этого времени он не имел права ни на какое хозяйничанье» («μηδεμίαν είναι αὐτῷ παρ' ἐμοῦ πρᾶξιν χατά μη(δέ)να τρίπον... μέγρι δὲ τούτου μη ἐξῆ αὐτῷ... [μη]δεμίαν οἰχονομίαν лат' εμοῦ ποιείσθαι μηδέ περισπαν με»). Вдобавок она требует, чтобы истец заложил «у судебного пристава по делам иностранцев» (τῷ ξενικῷ πράκτορι) полагающийся штраф (πρόστιμον). Πράττειν с государства было, конечно, несколько труднее. Римский офицер Скантий мог, конечно, с отрядом всадников напасть на Саламин и осаждать βουλή в течение стольких дней, так что некоторые булевты умерли с голоду (Mitteis, Reichsrecht u. Volksrecht, 419). Для Никареты такой образ действий был, конечно, невозможен; с другой стороны, она не выговорила себе права налагать ένεγυρασία на имущество каждого отдельного гражданина, как сделал Праксикл в Аркезине (IG XII, 7, 67 В). Однако и у нищего Орхомена был ряд общеполезных государственных сооружений, и даже не покушаясь на самое необходимое и не доводя население до крайнего раздражения, Никарета могла чувствительно беспокоить орхоменцев. Так, из хорсийской надписи SEG III, 342 г нам известно, что Фисбийское государство, когда Хорсийское государство оказалось не в состоянии

¹ Не следует ли рассматривать это выражение как ироническое, но настолько укоренившееся, что оно проникло в прошения к официальным лицам.

² Впервые опубликована Паппадакисом в «'Αρχ. Δελτ.» VIII, 1923, 182 сл., № 1.

уплатить ему долг по гиперамерии, стало на законном основании «в силу гиперамерии» (хат тах обтерареріах) препятствовать ему снимать плоды и жатву с казенных садов и полей; хорсийцы были вынуждены дать новое обязательство об уплате долга с процентами в рассрочку в течение 11 лет, а фисбийцы за то обязались прекратить свои репрессии: а δè πόλις θισβείων ἰαέτω τὰν πόλιν Χορσιείων χαρπίδδεσθη τὰν χώραν... [χη μεὶ] ἐπιχωλυέτω χὰτ τὰν οδπεραμερίαν.

Но это могло себе позволить Фисбийское государство. Для отдельного гражданина такой способ был делом небезопасным, требовавшим известного такта; вот почему Никарета, имея возможность передать документ другому лицу (синграфа действительна на предъявителя, см. ниже), тем не менее поехала в Орхомен сама. Принятые ею меры подействовали, и ей удалось добиться того, что, во-первых, полемархи и казначей вынуждены были дать ей от своего собственного имени (то πολέμαργο κή ο ταμίας άγαγκάσθεν δόμεν κάτ αὐτὸ αὐτῶν, τ. e. αὐτοὶ καὐ' α υτῶν) обязательство с правом экзекутивного взыскания, σούγγρα ϕ ον, — полемархи и казначей, не в пример нищей государственной кассе, были обыкновенно людьми богатыми, а сумма в 18 тыс. драхм была настолько незначительной, что Никарета могла считать себя вполне обеспеченной. Во-вторых, полемархи и казначей оградили свое личное благополучие от Никареты тем, что народ постановил на этот раз произвести ² немедленную уплату не только из собственно казенных сумм (которых не имелось), но из всех государственных денег (πόρον δ'είμεν έν ούτο ἀπό τῶν πόλιος ποθοδωμάτων πάντων (ποθοδωμάτων = προσόδων), Τ. е. и из священной казны богов, в которой всегда водились деньги³.

Только это толкование дает нам возможность понять, почему в предварительном соглашении (όμολογά, VII) сроком уплаты долга с новыми процентами назначен (как и в гиперамериях для предыдущего года) месяц Алалкомений (XII), тогда как в заключенном на основании этой όμολογά экзекутивном контракте с полемархами (σούνγραφος, VI A) сроком уплаты назначен праздник Памбеотий, т. е. Х месяц года. Священная казна могла расходоваться только на культовые нужды, поэтому

 $^{^1}$ Этот контракт был заключен на сумму 18 833 драхм, тогда как общая сумма долга к месяцу Алалкомению архонтата Ксенокрита равнялась 17 585 $^1\!/_3$ драхмы. Таким образом, за год начислено процентов всего 1 248 $^1\!/_3$ драхмы, т. е. $70\!/_0$, — процент крайне низкий по тогдашним понятиям. Во всяком случае, эта низкая процентная сумма служит доказательством того, что в гиперамериях долг исчислен вместе с процентами; в противном случае оказалось бы, что Никарета начислила по $2^2\!/_3^0\!/_0$ годовых, что уже совершенно нелепо.

 $^{^2}$ Слова в стр. 46 сл. (147 и сл.): [ἐν τ]ὰν κα ἐνενιχθείει ἀ ἀνορρὰ ἐν οῦτο κ[τ] κομίττ[ει] (sc. Νικαρέτα) τὰ σουγχωρειθέντα χρείματα, κακ справедливо указывает С. D. B u c k — Introduction to the study of the greek dialekts, N. Υ. 1910, стр. 200, относятся к предыдущему: ἀναγκάσθεν τὸ πολέμαρχυ... δόμεν... σούνγραφον, причем εν τὰν οзначает: «до тех пор, пока» (подразумевается: ἀμέραν); ἐν οῦτο οзначает: «для этой цели». Видеть в ἀ ἀνφορά налог, специально введенный для упчаты долга Никарете, невозможно, так как о нем не могло бы быть упомянуто в декрете (и во всей надписи) только мимоходом; больше уже оснований переводить ἀνφορά — «средства для избавления (от тяжелого положения)» ср. P1ut.—Phoc. 2, 2, 14 Sint.: τῶν πραγμάτων ἀναφορὰν ἀμαρτήματος οὐχ ἐχόντων. Скорее всего это просто «взнос», «поступление». Нельзя также дополнять в 1.50 (151) κομίττ[τ] (= κομίσαι, inf. aor. act.,), а необходимо читать κομίττ[ει] (= κομίση, conj. aor. act.) и связать с κα и с ἐνενιχθείει (возможно и κομίττ[ειτη], conj. aor. med.).

3 См. мой «Беотийский союз», стр. 208 сл.

выражение εδάνεισεν είς τὰ Παμβοιωτία мы должны переводить: «ссудила для (расходов на) Памбеотии»; таким образом, здесь обычный в Беотии пример фиктивного договора, где божество оказывается вовлеченным в невыгодную сделку¹. Фактически этот более ранний срок ничем, вероятно, кредиторам не угрожал, так как, сославшись на ὁμολογά и свидетелей, они всегда могли потребовать судебного разбирательства и тем доказать, что фактически уплата долга была отсрочена Никаретой до Алалкомения.

Остается еще рассказать о том, как, наконец, в месяце Алалкомении втором² долг был отдан Никарете, но здесь я коренным образом расхожусь с общепринятым взглядом на этот вопрос³. По этому взгляду, орхоменский казначей Поликрит, сын Фаропа, отправился в сопровождении полемарха Афанадора, сына Гиппона, в Феспии, внес там в банк Пистокла (почему не самой Никарете, раз она уже приехала в Феспии? Об ее присутствии в тексте переводного билета, διαγραφά, ничего не сказано) и представил эту диаграфу в феспийский тефмофилакион, где и были аннулированы все четыре гиперамерии [δ:αγράφη в V (H)].

С таким взглядом я не могу согласиться, так как чисто языковые соображения не позволяют мне видеть в части V (H) надписи какоелибо упоминание о феспийских тефмофилаках.

Действительно, если оставить пока в стороне наш документ и документ VIII (С), о происхождении которого (в смысле места) я скажу ниже, то в нашей надписи 6 документов: 3 орхоменских [I (D), II (E), III (F)], 1 феспийский [IV (9)] и 2 нейтральных — двусторонние договоры [V (A) и VI (B)]. Последние написаны в «интернациональном» стиле (имена как феспийцев, так и орхоменцев совершенно одинаково снабжены этниконами, первый из этих документов — σούγγρα μος — для придания ему большего юридического веса написан даже на χοινή); в первых трех, как это и естественно, орхоменцы упоминаются без этникона, а Орхомен называется просто ά πόλις; наоборот, феспийцы (кроме лишь — иногда — общеизвестной Никареты) всегда упомянуты с этниконом, город Феспии называется не $\dot{\alpha}$ πόλις, а θ εισπι $\tilde{\eta}$, орхоменский архонт назван просто lphaруων, а феспийский — $\ddot{\sigma}$ руων $\dot{\epsilon}$ ν Θ εισπι $\tilde{\eta}$ ς и т. д. Наоборот, в феспийском документе IV (G) феспийские граждане и архонт названы без этникона ^{4} , а город Орхомен не просто $\dot{\alpha}$ πόλις, $\dot{\alpha}$ $\dot{\alpha}$ πόλις Έργομενίων. Такого принципа держатся и составители других беотийских надписей 5.

¹ См. мои этюды «Частноправовые документы эллинистической Греции», вып. 1, СПБ, 1915, 3—17. Сходное положение мы имеем, повидимому, в Акрефийской надписи SEQ III 359, где мы читаем, что Акрефийское государство задолжало деньги фиванцу Евклиду ἐπὶ [τῆ] ἰαρῆ γῆ τ[ω] ᾿Απολλωνος. Как бы мы ни поняли это выражение — «под залог священной земли» или «на обработку священной земли», и в том и в другом случае эта оговорка дает Евклиду право на взыскание долга из священной казны.

² Год был високосный. Это не было специально устроено орхоменскими заправилами, так как календарь был общий во всем Беотийском союзе.

³ Этого взгляда держался прежде и я, «Беотийский союз», стр. 217.

^{4 &#}x27;'Εγγυος θίων Συννόμω назван без этникона; значит он феспиец. Почему же Никарета, не получив долга с Орхомена, не взыскивает долг с Фиона? Поручительство Фиона могло быть чисто формальным: возможно (так как договор заключался в Феспиях), что закон требовал для жителя другого беотийского города, даже в официальном нотариальном документе, поручителя феспийца, который удостоверил бы его самоличность.

⁵ Например, 1G VII, 2383, BCH XXI 557 сл., № 2 (мой комментарий в «Revue des études grecques», XXVIII, р. 51) и др.

Теперь перейдем к той части надписи, которая, по мнению ученых, представляет собой расписку секретаря феспийских тефмофилаков: Διαγράψη τὰς οδπερ[αμ]ερίας τὰς Νιχαρέτας ἐν Θε[ισ]πιῆς (sic!) τὰς κὰτ τὰς πόλιος (без. Έργομενίων!). Των τεθμοφουλάκων γραμματεύ; Σα... Ποсле сказанного выше вряд ли можно сомневаться, что эта расписка выдана не феспийским, а орхоменским магистратом: город Орхомен здесь назван просто ά πόλις, Никарета же с έθνιχόν. Вдобавок διαγράψη никак не значит ont été radiés, как думают издатели «Inscr. jurid. grecques» (1,281). Это — беотийское неопределенное наклонение, звучащее на χοινή «διαγράψαι», и в такой связи, как здесь, это слово может иметь смысл только повелительного наклонения. Но феспийские тефмофилаки, и никто другой, были теми магистратами, которые «хранили контракты» (ἐφούλαττον τὰ τεθμία), заключенные в Феспиях, и выдавали на основании их официальные выписи — ούπεραμερίη: кому же могли они предписывать διαγράψη τὰς ουπεραμερίας?1. В случае уплаты долга они могли сами διαγράψη τὰς ούπεραμερίας, вызвав Никарету и отобрав их у нее; их секретарь написал бы διέγραψα, a не διαγράψη. Ποэτοму-το издатели «Inscr. jurid. grecques» и были вынуждены перевести διαγράψη изъявительным наклонением.

Очевидно, орхоменский казначей Поликрит, после получения билета о переводе денег Никарете — диаграфы (VIII, C), выданной банкирской конторой Пистокла, предъявил его орхоменским (а не феспийским!) тефмофилакам. Секретарь их, в ведении которого находилась официальная переписка тефмофилаков, немедленно послал в феспийский тефмофилакион вышеприведенный ордер: «Соблаговолите уничтожить гипера-

мерии Никареты на наш город».

Итак, в Беотии (как, вероятно, и в остальной Греции) был хорошо налаженный нотариат; во избежание громоздкости процедуры нотариусы отдельных государств постоянно непосредственно адресовались друг к другу, минуя союзные учреждения. И, тем не менее, при общепринятом понимании остальных частей надписи эта организация производит впечатление злой карикатуры на нотариат, института как бы специально предназначенного для того, чтобы затруднить коммерческие сношения. Действительно, нет ничего удивительного в том, что Никарете с ее «опекуном» (χόριος) пришлось поехать в Орхомен. Никакая самая идеальная организация нотариата ничем не могла бы помочь Никарете, полгода, повидимому, тщетно хлопотавшей у нищего Орхоменского государства о возвращении долга и не получившей его; ей оставалось только поехать в Орхомен и приступить κ оглороді α^2 . Но нельзя понять, почему в то время, как в греческом Египте денежные обороты были настолько налажены, что банковые чеки и квитанции казенных зернохранилищ принимались к уплате наравне со звонкой монетой 3, в метрополии коммерческий аппарат доставляет столько неудобств и страданий договаривающимся, принуждая их к ряду разъездов; почему здесь, при существо-

³ Preisigke — Girowesen im Griechischen Ägypten. Strassburg, 1910.

¹ Если бы δ ! $\alpha \gamma \rho \alpha \psi \gamma$ предписывалось самой Никарете, то ее имя не могло бы быть упомянуто в документе в третьем лице.

² Совершенно невероятно, чтобы она возила с собой, кроме мужа, еще 7 свидетелей-феспийцев, указанных в документах VI (A) и VII (B). Думаю, что эти лица временно или постоянно жили в Орхомене во время приезда туда Никареты. Во всяком случае, документы эти написаны в Орхомене, а не в Феспиях; не могла же вся коллегия высших должностных лиц — 3 полемарха — бросить управление государством и поехать іп согроге в Феспии, а относительно них определенно сказано, что они «присутствовали», παρεταν (1. 30/1. 53). Ср. сказанное ниже.

вании стройной организации нотариальных контор, тем не менее для уплаты небольшого долга в 18 тыс. драхм необходимо было проделать следующие бессвязные и бессмысленные акты, напоминающие игру в жмурки: 1) дежурный казначей, переобремененный непосредственным надзором за всеми выдачами и получками государственной кассы, и полемарх, бывший в одно и то же время министром, членом городской управы, судьей, священнослужителем и военачальником, должны были бросить все свои дела и ехать за 30—40 км только для уплаты 18 тыс. драхм; 2) прибыв в Феспии они, вместо того, чтобы передать тем или иным способом долг кредиторше, у которой были на руках гиперамерии, почему-то вносят его в банк Пистокла в ее отсутствие; 3) хотя они и были в Феспиях, они не воспользовались этим случаем, чтобы зайти в феспийский тефмофилакион и там непосредственно погасить векселя (διαγράψαι τὰς ούπεραμερίας), потребовав вызова Никареты; вместо этого они немедленно же возвращаются в Орхомен и представляют документ орхоменским тефмофилакам, которые уже от себя просят феспийских тефмофилаков διαγράψη τὰς ούπεραμερίας.

Весь этот абсурдный ход дела окажется простым недоразумением если мы допустим, что у феспийского банкирского дома Пистокла была контора, отделение или представитель в Орхомене. Тогда окажется, что и в метрополии был очень недурной аппарат для международных денежных оборотов. Казначей и полемарх, после того как с разрешения Շጃµ၁ና'а был сделан налет на «священную казну», оказались обладателями необходимой суммы и, отправившись к орхоменскому представителю феспийской банкирской конторы Пистокла, внесли ему сумму долга, и он выдал им переводной билет — διαγραφά². Нас не должно смущать, что в этой δαγραφά номенклатура большей частью феспийская а не орхоменская (орхоменяне с этниконом, Никарета — без) — ведь она выдана феспийским гражданином от имени феспийского же банкирского дома. Однако «фескийская» номенклатура здесь не выдержана: мы чиτα ε Μιστοχλείος εν θεισπιης, Έπιτέλιος άρχοντος εν θει- $\sigma\pi\iota\tilde{\eta}\varsigma$, что было бы излишне, если бы документ был выдан в Феспиях. С этой διαγραφά казначей и полемарх направились к орхоменскому же тефмофилаку, и только он вступил уже в сношения с Феспиями, чтобы добиться уничтожения находящихся у Никареты гиперамерий. Коммерческий аппарат был настолько налажен, что для орхоменцев копия ордера своих тефмофилаков служила уже достаточным доказательством для уплаты долга.

Теперь сопоставим скудные свидетельства древних авторов и надписей, касающиеся беотийских тефмофилаков, чтобы составить себе ясное представление об организации и сфере деятельности тефмофилакионов.

У Плутарха (Quaest. Graecae, VIII, 292 D=Moralia, II, 339, 5 Nachst.) мы читаем: Τίς ὁ παρὰ Βοιωτοῖς «πλαΓυχειτάς»³-Τοὺς οἰχία γειτνιῶντας ἤ χωρίοις

¹ Он дежурил в течение 4 месяцев.

 $^{^2}$ Точно таким же порядком делались денежные переводы в Египте. В Рар. Rein. 7 (=Mitteis-Wilcken, II, 2, № 16) ответчик переводит деньги через банк Сотиона. Употреблен глагол διαγράφειν, соответствующий беотийскому παραγράφέμεν (но и по-беотийски переводный билет — διαγραφά), а самый переводный билет в Египте называется не διαγραφά, а τὸ τῆς τραπέζης σύμβολον. Вся процедура совершенно одинаковая.

³ πλατυχαίτας codd.; πλατωχέτας Schneider, πλαΓυχέτας Ahrens. Υμταιο πλαΓυχειτάς μπι πλατυχειτάς; (по-беотийски πλατίον—πλησίον, Γυχειτάς—οἰχητής житель).

όμοροδντας, αἰολίζοντες οὅτω καλοδοιν ως [τὸ] πλησίον ἔχοντας. Παραθήσομαι δὲ λέξιν μίαν ἐχ τοῦ θεσμοφυλακίου νόμου, πλειόνων οὐσῶν. «Ќто называется у беотийцев «плавикитом»? Они называют так по-эолийски соседей по дому или имеющих общие границы полей, так как они «живут близко друг к другу». Я удовольствуюсь приведением этого одного слова из закона о фесмофилаках, хотя таких слов там много». Это место Плутарха дает нам два интересных указания:

- 1. Организация тефмофилаков регулировалась общебеотийским тедиофордажноς убис; и, следовательно, была одинакова во всех беотийских государствах. Это, конечно, значительно облегчало коммерческие сношения. Обратим еще внимание на то, что в синграфе, приведенной в нашей надписи (VI, A), несмотря на то, что истица и ответчик граждане различных государств, отсутствует обычное в таких документах выражение: $\dot{\eta}$ δè συγγραφ $\dot{\eta}$ $\dot{\eta}$ δè χυρία πανταχ $\dot{\eta}$ έπιφερομένη (например, папирусы Mitteis.-Wilck. II, 2, 35 и 47 и др.) или в более полном и ясном виде: $\dot{\eta}$ δè συγγραφ $\dot{\eta}$ $\dot{\eta}$ δε χυρία έστω πάντη πάντως ώς έχει τοῦ συναλλάγματος γεγενημένου οποδ $\dot{\eta}$ $\dot{\eta}$
- 2. Из глоссы πλα Ευχειτάς ясно, что у тефмофилаков заключались крепостные акты на землю; это слово показывает, что речь шла о межевых спорах или разделе земельного имущества. Далее, надписи IG VII 2415—2416 из Платей показывают, что во II в. н. э. платейский тедиоφουλάχιον назывался уже γρεωφυλάχιον. Этот перевод с беотийского на хоги очень поучителен. Самым простым напрашивающимся переводом было бы, конечно, τεθμοφουλάχιον—θεσμοφυλάχιον. Но это было бы неверным переводом, так как слова θεσμός и θέσμιον на χοινή и вообще вне Беотии означают γόμος (например, в обычных выражениях θεσμοθέτης, θεσμοφόρος), так что θεσμοφύλαχες—νομοφύλαχες, т. е. высшие государственные магистраты, надзирающие за правосудием или сами производящие суд³; между тем, в Беотии это были чиновники второго ранга, исполнявшие всего только обязанности нотариусов. Объясняется это тем, что по-беотийски τέθμιον означает не «закон», а «документ, договор, составленный по законной форме», то же, что в κοινή — συγγραφή. Отсюда тот магистрат, который в греческом Египте назывался συγγραφοφύλαξ, в Беотии назывался τεθμοφούλα[‡]. Поэтому составители надписей IG VII 2415—2416 не могли перевести беот. τεθμοφουλάχιον, «договорохранилище», словом θεσμοφυλάχιον, означающим в χοινή «присутственное место высшего магистрата, надзирающего за законностью», и перевели его словом χρεωφυλάκιον: так назывались

¹ τὸ πλεῖστον codd. Ϥμταιο πλησίον. ἔχοντας-οἰκοῦντας μπη γῆν κὰι οἰκίαν ἔχοντας, cp. X en. Anab. VII, 8, 21: κώμας ὑπὸ τὸ Παρθένιον ἐχούσας, Cyr. IV, 2, 2:οἱ κατὰ την ᾿Ασίαν ἔχοντες.

² См. мой «Беотийский союз», стр. 52, мою заметку в «Revue des études grecques» XXIX (1916), 52.

³ Таковы, например, элидские θεσμοφύλαχες в договоре афинян с пелопоннесцами у Фук. V, 47, 9.

повсеместно в Греции присутственные места, где хранились долговые обязательства¹.

Уразумение смысла слова τέθμων на беотийском диалекте дает нам право отвергнуть понимание и перевод текста 4 гиперамерий, сделанный проф. В. В. Латышевым («О некоторых эолических и дорических календарях», СПБ, 1883, 67 и прилож.) и поддержанный издателями «Inscr. jurid. grecques» (I, 281). Текст этих документов, я полагаю, надо пунктуировать так:

Ξενοχρίτω 'Αλαλχομενίω

Νιχαρέτα Θίωνος. Τᾶς π[ό]λιος 'Ερχομενίων κη τῶ ἐγγόω Θίωνος Συννόμω. ΤΑΗ-ΠΑΜΑΤΑ, μοόριη ὀγδοείχοντα μ.τ. μ. κη ΤΩ ΤΕΘΜΙΩ ΕΙΣΤΩΡ 'Αριστόνικος Πραξιτέλιος. Λιουκίσχω Θιουίω ΤΟΣΟΥΝΑΛΛΑΓΜΑ.

Эти документы в виду бессвязности, отсутствия сказуемого и пр. могут быть только точной копией записи в казенный реестр ^{2} , которая должна была иметь, примерно, такой вид:

Δανιστάς	Πράττι ἐς	Τἀππάματα	Τῶ τεθμίω Γίστωρ	Τὸ σουνάλλαγμα
Νικαρέτα Θίωνος	τᾶς πόλιος Έρ- χομενίων κη τῶ ἐγγόω Θίωνος Συννόμω	Μ ΓΓΔΔΔΓΙΙ	'Αριστόνιχος Πραξιτέλιος	Λιουχίσχω Θιουίω
Νικαρέτα θίωνος	τᾶς πόλιος 'Ερ- χομενίων κὴ τῷ ἐγγόω Θίωνος Συννόμω	XXI ^F	ό αὐτός	Λιουχίσχω Θμολωίω

Ξενοχρίτω 'Αλαλχομενίω

2 Cp. J. Goldschmidt — «Zeitschr. für Rechtsgeschichte» 23, 364 пр. 2: «(тефмофилаки) — Beamten, welche ein Verzeichnis der nicht bezahlten fälligen Schulden hielten»; E. Rabel, ibid.,41(28) 323—325: (ὑπεραμερίαι) «Verzugsurkunden, Abschriften aus dem Register der τεθμοφούλαχες von Thespiai»; издатели «Inscr. jurid. grecques», 289: «la copie

exacte du registre» (ὑπεραμερία).

¹ Так, например, хреофилакионы для хранения долговых обязательств, кроме Египта, были в Термессе (Писидия, ВСН, XXIII, 183, № 42), в Иерусалиме (Јо s е р h, Bell. lud., II, 427; здесь народные массы напали на χρεωφιλάχιον, оπεύδοντες τὰ συμβόλαια τῶν δεδανειχότων καὶ τὰς εἰσπράζεις ἀποχόψαι τῶν χρεῶν), в Полиррении на Крите (ВСН, XIII, 68). Этот городок интересен тем, что он был в особо близких отношениях с Беотией; см. декрет-письмо фиванских ἄρχοντες, σύνεδροι и народа к полирренийцам (ВСН, XIII, 68): на этом декрете изображен тот же щит, изображение которого мы видим на монетах ҡак Беотии, так и Полиррения. В надписи ВСН, XIII, 68 я дополняю: 1 : ἀποδ[όντων] или [οὐχ] ἀποδ[ιδόασιν], 1. 2: τιμην ἴχ[οσι h, cp. Рар. Magd. 31 τιμῆ[ς] χαλχοῦ F ε, ἀπαιτούμενος ὑπό μου την τιμην[οὐχ ἀποδίδωσιν. L. 3 читается: χρεωφυλάχιον. Ταλθυβίου τοῦ Βιάθθο[υ. Дополнить: ἐχ τῶν] ὑπαρχ [όντων αὐτοὶ, πράττου]σι χαθάπερ ἐχ δίχης или χ[ατὰ νόμον. Таким образом, здесь, повидимому, — συγγραφή, зарегистрированная в хреофилакионе.

При снятии копии писец прежде всего поместил общий заголовок страницы казенного журнала-реестра, куда занесены были интересующие нас записи 1. Это, конечно, месяц и число — срок «протестованного векселя»: Ξενοχρίτω 'Αλαλχομενίω. Далее переписаны записи в отдельных графах. относящиеся к делу истицы, причем для ясности в 3-й и 4-й графе выписаны и заглавия граф (иначе было бы, например, непонятно, кто такой 'Αριστόνιχος Πραξιτέλιος). Для большей связи последняя графа 2 присоединена к предыдущим союзом хү, что и послужило причиной затруднения и ошибки Латышева и редакторов «Inscr. jurid. grecques», читающих так в: τάππάματα Μ РГΔΔΔΓΙΙ κή τῶ τεθμίω. Γίστωρ ὁ δείνα, т. е.: «сумма долга 10085 др. 2 об. и законный (sc. процент, gen. part.). Свидетель такой-то». Это объяснение, как мы видели, не годится, так как τέθμιον означает по-беотийски «договор, написанный по законной форме», а не процент (процент и по-беотийски, как и в χοινή, τόχος, как мы видим из ряда надписей, см. Index в IG, VI). Таким образом, надо связывать τῶ τεθμίω с Γιστωρ; затруднившее Латышева хη нам тоже удалось объяснить.

И все же, кто такой τω τεθμίω Fίστωρ? Гиперамерии, как мы видели, официальный документ, имеющий силу исполнительного листа. Мыслимо ли, чтобы такой документ не был снабжен подписью официального лица, выдавшего его, а только подписью одного свидетеля? Ведь даже квитанция об уничтожении их п дписана секретарем тефмофилаков (V H, 77/178). Далее: в беотийских контрактах чаще всего 4 Fίστορες (IG VII 1779—1780 из Феспий, IG VII 2872 из Коронеи, IG VII 3080—81 из Лебадеи, IG VII 3173 из Орхомена и др.), реже свидетелей 6 (IG VII 3376 из Херонеи) или 7 (наша надпись, VI A 115/38 — VII B, 165/88 и сл.). Но нет случая, чтобы, как в наших гиперамериях, довольствовались только одним свидетелем ^{4} , — очевидно, это какой-то квалифицированный Fίστωρ. И в этом случае нам приходит на помощь аналогия греческого Египта. Здесь, как мы знаем, беотийским тефмофилакам соответствовали συγγραφοφόλαχες. В папирусе P. Petr. II, 21, col. 1 (=Mitteis-Wilcken, II, 2, 24, N0 28) 1, 21, синграфофилак официально именует себя μ άρτυς

¹ Что денежные записи велись в Беотии в журнальном порядке, видно из отчетов феспийских же казначеев катоптам IG VII 1737—1738. В этих отчетах не подведен почему-то отдельно общий итог приходу и расходу (как, например, в обработанном отчете IG VII 2426); они представляют собой простую копию с денежного журнала казначеев. Ср. мой «Беотийский союз», стр. 220.

² Λιουχίσχω θιουίω το συνάλλαγμα и под. представляет собою «nebensächliche Randbemerkung» чисто справочного характера; оно не имеет юридического значения, почему и помещено после подписи: действительно, как я показал выше, в сумму долга, τᾶππαμα (plur. τἀππάματα в наших гиперамериях, скорее всего, объясняется тем, что писец скопировал общий заголовок графы: «τἀππάματα», «суммы»), были уже включены проценты, так что время заключения συνάλλαγμα не играло никакой роли.

³ Впрочем, искусственность перевода Латышева отмечена все же редакторами «Inscr. jurid. grecques», I, 294, пр. 2. Все прочие ученые связывают τεθμίω с Γίστωρ.

⁴ Греческое правосознание требовало для действительности документа наличия нескольких свидетелей. Ср. Plato, Leges, XII, р. 953e: ...τὴν πρᾶξιν πᾶσαν διομολογούμενος ἐν συγγραφῆ καὶ ἐναντίων μαρτύρων μἡ ἔλαττον ἢ τριῶν ὅσα ἐντὸς χιλίων, τὰ δ'ὑπὲρ χιλίας μἡ ἔλαττον ἢ πέντε. Другое дело, конечно, казенные нотариальные документы (δημόσιοι χρηματισμοί); здесь ни в каких свидетелях нет нужды: «Zeugen werden bei ihnen nur selten zugezogen, ja in der ptolemaischen Zeit fehlt sogar die Unterschrift der Parteien» (Mitteis-Wilcken, II, 1, 152).

έπὶ συγγραφήν, выступая на суде, куда он вызван для дачи показаний об обстоятельствах заключения долгового обязательства. Точно так же в Pap. Petrie I, 24 некий Οὐδαναεός, дающий показания по тому же поводу, употребляет то же выражение, что и в первом папирусе: ἐπεγράφην μάρτυς εἰς συγγραφήν. Ввиду полной аналогии обоих случаев и ввиду того, что именно Уданаей, и не кто-либо иной, читает суду текст συγγραφής, надо полагать, что он также был συγγραφοφύλαξ. Если мы вспомним, что μάρτυς—беот. Γίστωρ, а συγγραφή—τέθμιον, то станет ясно, что τεθμίω Γίστωρ

и есть тефмофилак 1.

Thalheim (у Hermann'a— Eehrb. d. Ant. II, 14, 109) обращает внимание на то, что синграфа стала «zum gefürchteten Werkzeug in der Hand der Geldwucherer». В Беотии такой роли синграфы не играли, здесь эта роль принадлежала гиперамерии. Причина такого значения синграфы (на что не обратил внимания Тальгейм), заключалась в том, что синграфа вне Беотии, а в Беотии гиперамерия, была действительна на предъявителя 2, и для этого не требовалось никакой именной передаточной надписи. Правда, в науке господствует обратный взгляд. Так, Дарест полагает: «Il éxistait une obligation pour le porteur de prouver sa qualité de mandataire» (ВСН, VIII, 375). В «Inscr. jur. grecques» этот взгляд несколько смягчен (р. 300): «En cas de contestation, il aura sans doute l'obligation de prouver sa qualité de mandataire» 3.

Ηο этот взгляд неверен, иначе какой смысл имело бы для воров похищать συγγραφαί? А между тем, такие случаи бывали. В Рар. Тевт. 1, 52 (114 г. до н. э.) читаем: ἐπιβαλόντες εἰς τὸν ὑπάρχοντά μοι οἰχον (οἱ δεῖνα) ῷχοντο ἔχοντες τ[ην] τῆς οἰχίας μου συγγραφὴν καὶ ἔτερα βιστικὰ σύμβολα⁴. «Вторгшись в принадлежащий мне дом (такие-то) ушли, взяв синграфу на мой дом и другие документы, с которых я живу». Еще интереснее Р. Тевт. 11, 32, где проситель сообщает, что вор похитил у него в числе других вещей «συγγραφὴν ἢν εἶχον ἐπὶ σίτφ δεδα[νει(σμένην?)] ἐπὶ δρ. 720, ας καταβὰς ἐχκεχόμισται» 5. Если бы требовалась передаточная надпись, то ограбленным нечего было бы беспокоиться, так как воры, не имея возможности

¹ Cp. B. Busolt — Griech. Staatskunde, 1920, 333. Anm. I: «II. XVIII, 511: ἀμφω δ' ϊέσθην ἐπὶ ἴστορι πεὶραρ ἐλέσθαι. Istor ist zunächst der Kundige, der wissende, Hes. Erg. 792, Sophocl. El. 850, Plat Cratyl. 406 B, 496 C. Der Kundige kann, wie II. XXIII, 486, zugleich Zeuge und Richter sein. In diesem Falle ist Istor der kundige Schiedsrichter; Lipsius, Leipz. Stud. 12 (1890), 225 ff.; Attisches Recht, I 4; Hirzel, Themis, 65».

² На это обычно указывается в тексте синграфы (как, например, в синграфе нашей надписи). Если такой клаузулы нет, то она подразумевается (Dareste, BCH, VIII, 375). Иначе Thalheim (o. c. 106): «Es bedurfte ausdrücklicher Festsetzung in dem Vertrage». Неправильно.

⁸ В сущности, это одно и то же: ответчик всегда заинтересован в том, чтобы создать истцу максимум формальных препятствий: «le cas de contestation» будет налицо в каждом случае взыскания. В действительности onus probandi недобросовестного приобретения синграфы лежал не на истце, а на должнике и на старом кредиторе.

⁴ Σόμβολα—συμβόλα:α, cp. беот надп IG, VII, 2383, дополн. в «Wiener Stud.». XXIV, 1902, crp. 279 cл. l. 8: δίχα[ζ] ἐώσας τῆ πόλι ἀμέων [χ]ὰ[τ] τὸ [σ]ού[μ]βο[λ]ον τὸ ποτ' αὐτώς. Cp. A p p i a n.-Bell. civ. II, 132; D i o C h r y s. I, p. 16 (договор, обязательство). Просительница была рантье и жила процентами с капитала, отданного под σύμβολα (συγγραφαὶ δανείου, ὑποθῆχαι, ὑπαλλάγματα и т. д.). Отсюда βιοτιχὰ σύμβολα.

⁵ Издатель Pap. Tebt. замечает к этому месту: «A legal document with some sort of order upon debtors? I do not understand it». Ему очевидно, неизвестно, что синграфа, как экзекутивный договор, была «a sort of order upon debtors».

пустить в ход именной документ, либо уничтожили бы его, либо отослали бы назад пострадавшему.

Итак, синграфа, resp. гиперамерия, давала всякому, кому она попала в руки, право чинить при помощи еуеуоразіа всякого рода обиды и неприятности просрочившему должнику. Таким образом, «der entwickelte Geschäftsverkehr der späteren Zeit machte es notwendig, dass der Gläubiger sich durch eine dritte Person vertreten liess» (Thalheim, o. c. 106). но, с другой стороны, это право, упрощая коммерческие сношения, служило причиной тяжелых злоупотреблений. Действительно, не могло быть недостатка в недобросовестных людях, которые в целях вымогательства уклонялись от получки долга и продолжали самую бесчеловечную οίνονομία или даже продолжали «хозяйничать» (οίνονομεῖσθα!) с «векселем» (ὑπερημερία) в руках, несмотря на то, что причитающаяся им сумма была внесена на их счет в банк. Одной отметки об уплате в книге тефмофилакиона было недостаточно, так как владелец гиперамерий, имея их на руках, мог продолжать свои самоуправства до тех пор, пока ответчик не вызовет его в суд и не докажет незаконность его действий. Иногда, впрочем, и возвращения должнику или уничтожения гиперамерий могло оказаться недостаточно, так как недобросовестный кредитор мог явиться на суд (с лжесвидетелями) и доказывать, что гиперамерии уничтожены или попали к должнику случайно, ссылаясь на запись в тефмофилакионе. Поэтому, например, в лебадейской надписи IG VII 3054, после того, как государственный кредитор был так или иначе удовлетворен лебадейцами, с ним заключается соглашение на том условии $(\mathring{\epsilon}\varphi, \mathring{\delta})$, чтобы: 1) город получил назад гиперамерии ([ά πόλις τὰ|ς ὑπεραμερίας λάψετη) и 2) чтобы кредитор переписал гиперамерии на новый срок (хаі єпιγράψει Fαναξ[ίων... τὰς κὰτ πόλ]ιος οπεραμερίας); здесь γποτρεблен глагол ἐπιγράφειν, α не διαγράφειν, вероятно, потому, что Ванаксион не перестает быть кредитором города; он только обменивает старые обязательства города на новое, которому не вышел срок, т.е. город уже не ὑπερήμερος; поэтому в тефмофилакских книгах надо было не διαγράφειν τὰς ὁπεραμερίας (аннулировать), а только ἐπιγράφειν (сделать приписку).

Точно так же и отдача долга Никарете не кончилась на том, что феспийские тефмофилаки «аннулировали гиперамерии» (διέγραψαν τὰς ούπεραμερίας) Никареты в своих книгах, согласно ордеру (V, H) их орхоменских коллег. Они потребовали у Никареты бывшие у нее на руках гиперамерии и, вероятно, через орхоменских тефмофилаков вернули их должникам, получившим таким образом возможность снять с них копии для нашей надписи. Никарета, конечно, немедленно вернула гиперамерии, в противном случае она, согласно όμολογά VII (В), должна была бы уплатить штраф в 50 тыс. драхм 1.

Понятно, почему такой случай был предусмотрен: гиперамерия, как мы видели, открывала широкое поле для злоупотреблений.

¹ Так же в орхоменской же надп. IG VII 3173: [τ δέ κα] μεὶ διαγράψει, ἀπο[τισάτω] διπλασίαν τὰν εἴσ[πρα]ξιν (т. е. двойную сумму иска) ττ πόλι. И наоборот, если город не уплатит в срок, то Вифиад обязан отдать Никарете и синграфу и гиперамерии, т. е. она получит долг в двойном размере, как справедливо толковал эту клаузулу G. De Sanctis («Rivista di Filologia», 1925, 78 sqq.; возражения P. Roussel, «Revue des études grecques», 39, 1926, стр. 269, мне кажутся неосновательными).

ИЗ ИСТОРИИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ НА РОДОСЕ

К. М. Колобова

В I в. до н. э. знаменитый путешественник Страбон оставил одно из первых подробных описаний Родоса и его государственного устройства¹. «Город Родос лежит на восточной оконечности острова. Своими гава-

нями, улицами и стенами он настолько выделяется среди прочих городов, что мы не могли бы назвать другого города, не то что лучшего, но хотя бы равного этому. Удивления достойно также его прекрасное законодательство и продуманность всего его государственного устройства, в особенности, что касается морского дела, благодаря которому этот город издавна сделался владыкой морей, уничтожил пиратов, стал другом римлян и царей, преданным Риму и эллинству. Поэтому он сохранил свою независимость и украсился множеством подношений, большая часть которых находится в храме Диониса и в гимнасии, остальные — в других местах города. Первое место среди них занимает колосс Гелиоса, о котором сложена ямбическая надпись, гласящая, что сооружен он в семь десятков локтей Харесом Линдосцем. После землетрясения он рухнул и ныне лежит на земле, разбитый в коленях, а не восстановили его из-за одного оракула. Родосны всячески пекутся о народе, так как, хотя правление у них и не пемократическое, они все же стараются содержать массы бедняков. Народ пользуется хлебными раздачами, и люди состоятельные, следуя отцовскому обычаю, поддерживают нуждающихся. Существуют у них и некоторые повинности, за которые выдается пропитание от государства, так что одновременно и бедняки получают прокорм, и государство в необходимых случаях всегда поспевает к сроку, в особенности, когда дело идет о мореплавании. В гавани же родосской кое-что остается тайной для простого народа, о чем уже и говорить нельзя: а тому, кто станет подсматривать или проникать внутрь, наказанием положена смертная казнь».

Один из героев Лукиана, во время плавания остановившийся на Родосе, совершая на досуге прогулку по городу, получает «наслаждение чрезвычайное». «Это настоящий город солнца и красота его достойна бога»².

Количество восторженных отзывов о Родосе можно было бы увеличить. Древние писатели единодушно восхваляют красоту города и не только его архитектурную красоту и благоустройство, но и изысканный греческий стиль города и его обитателей.

¹ Strabo, XIV, 2, 5, p. 652.

² Lucian—Erotes, 6.

«Помимо прочего, все признают немалыми вашими достоинствами вашу походку, прическу, то, что никто в вашем городе не бесчинствует, но. напротив, следуя вашим обычаям, и приезжие иноземцы вынуждены соблюдать установленный порядок. Так точно, думается мне, люди, не получившие воспитания, попадая в палестру или гимнасий, начинают двигаться с меньшей неловкостью. К этому надо добавить ваш наряд, —иному. пожалуй, это смешным покажется,—в меру употребляющий пурпур. Еще больше бросается в глаза ваш спокойный вид, ваша приветливость. Все это делает ваш город величавым, за все это вас считают не такими. как все; всем этим люди восхищаются и удивляются. И не столько украшают гавани, стены, верфи, сколько старинные, чисто эллинские, обычаи. Кто бы ни прибыл к вам, стоит ему сойти с корабля, и он тотчас видит. даже если он варваром окажется, что попал он не в какой-нибудь сирийский или киликийский город»¹.

Такова внешняя сторона города и его обитателей, сохраненная нам древними авторами. Попытаемся теперь заглянуть в закулисную жизнь этого города, скрытую от нас временем.

Город Родос основан в 408/7 г. до н. э. Он возник, по сообщениям древних авторов, путем синойкизма трех общин-Линда, Ялиса и Камира, которые, однако, продолжали существовать и дальше, наряду с Родосом, но уже как второстепенные центры острова. Подобно городам, построенным эллинистическими династами Востока, он был городом «умышленным», т. е. построенным по заранее выработанному и определенному плану с приглашением одного из лучших архитекторов того времени2. Однако переселения жителей трех городов, в с е х жителей, не происходит. Выселяются, очевидно, те, на чьи средства будет строиться новый островной центр, и те, чьими руками он будет строиться. Обстоятельства, предшествующие основанию, и самый процесс сооружения нового города нам почти неизвестны. Диодор говорит³: «Обитатели острова Родоса и Ялиса, и Линда, и Камира были переселены (μετωχίσθησαν) в один город, ныне именуемый Родосом». Пассивный оборот—μετωχίσθησαν—подчеркивает, что не только инициатива исходила не от широких масс, но даже имел место момент какого-то принуждения и, как можно думать, скорее экономического, чем юридического порядка. Не вполне ясно, имеет ли Диодор в виду переселение только из трех городов, или же, говоря οί την Υόδον νήσον хατοιχούντες, он разумеет переселенцев со всего острова и лишь особо выделяет три главных центра, давших основной контингент населения всего города. Нам кажется более вероятным именно последнее4.

Закладка нового города в географически наиболее выгодном для торговых сношений пункте была «частным делом» крупнейших купцов Линда, Камира и Ялиса. После 405/4 г. в уже сложившемся городе образуется олигархия крупных торговцев, при поддержке спартанских гармостов, осуществляющих власть над всем островом. Это положение длится до 395 г. За это десятилетие новый город вырастает в первоклассный торговый центр, тем более, что Афины совершенно обессилены после

¹ Dio Chrysost.—Rhodiaca, 651 R. ² Strabo, XIV, 2, 9, p. 654. ³ Diod., XIII, 75, I.

⁴ Ср. также S tr a b o, XIV, 2, 10, p. 654. У него вместо диодоровского μετοιχίζω—συγοίχίζω—συγοίχιζαν. Об основании Родоса см. также A e l. A r i s t i d ., XLIII, p. 86 (Dind); XXV, 50 (Keil.); S y n k.—Chron., p. 258a, ed. Bonn; E u s t a p h.—ad Homer. II., II, 156, 315.

битвы при Эгоспотамах. Этот город, как все искусственно созданные и быстро отстроенные города, представляется нам с самого начала городом резких имущественных контрастов, городом, в котором классовая борьба вскрывается особенно четко и ярко. Средние зажиточные слои создаются именно долгою жизнью на одном месте. И эти средние слои, повидимому. остались на старых насиженных местах. Таким образом, внутренняя борьба, начавшаяся до возникновения Родоса (сам Родос был результатом и «вещественным доказательством» этой борьбы), в Родосе принимает иные, более резкие формы, чем в Линде или Камире. Родосский демос в широком смысле этого слова, т. е. наемные феты-поденщики и рабы, мастера и строители, работавшие над сооружением гавани и возведением городских укреплений и храмов, по крайней мере в первые годы существования города представляют в гораздо большей степени трудовые низы, чем мелкие и средние лавочники и ремесленники Линда. Эта родосская беднота образует афинскую партию города; именно на этот широкий демос опираются в своей борьбе купцы и хозяева рабских мастерских Родоса. Богатая правящая верхушка образует в свою очередь спартанскую партию. Афинская и спартанская партии в конечном счете-лишь политические ярлыки, лишь лозунги внешней политики, тесно связанные с классовыми противоречиями и ожесточенной борьбой внутри города, борьбой, обусловленной не только политическими, но и чисто-экономическими

В 396/5 г. в городе переворот: Родос отпадает от Спарты и переходит на сторону Афин. В этом перевороте большую роль сыграли внутренние волнения в городе, которыми воспользовался Конон1.

Источники, которыми мы располагали для истории этого переворота до открытия Hellenica Оксиринхского папируса, давали лишь краткие сведения, не вскрывающие социальной сущности этого события. Павсаний говорит: «Конон убедил родосский демос отпасть от лакедемонян и войти в союз с персидским царем и афинянами»². Диодор, описывая самый переворот, говорит просто о «родосцах»³: «Родосцы, прогнав спартанский гарнизон, отложились от лакедемонян и приняли Конона со всем его флотом в город». И только беглая заметка у Диодора о захвате родосцами и флотом Конона египетских кораблей с хлебом, предназначенным для спартанцев, бросает, может быть, некоторый свет на сущность происходящего ⁴.

Hellenica .Оксиринхского папируса дает детальное изложение самого переворота. Что касается событий, непосредственно ему предшествующих, то здесь в наших источниках имеются действительные или мнимые расхождения, на которых сейчас останавливаться не будем. Повидимому, мы можем принять, следуя более подробному изложению в тексте папируса, что собственно демократическому перевороту предшествовало, может быть, на несколько месяцев изгнание спартанского гарнизона из Родоса⁵. Можно думать, что изгнание это было делом той же олигархии,

¹ Cp. H. Van-Gelder—Geschichte der alten Rhodier, Haag, 1900, S. 83—85; K. J. Beloch-Griechische Geschichte, B. III, Abt. I, S. 42; II, S. 215-216, Brl. u. Ľpz., 1923.

² P a u s., VI, 7, 6; Ψοδίων τὸν δημον πεισθέντα. ³ D i o d., XIV, 79, 6—8. ⁴ D i o d., XIV, 79, 7. «Родосцы и Конон, наварх персов, завели суда в гавань и наполнили город хлебом (εμπλήρωσαν σίτου τὴν πόλιν)», наполнили, очевидно не для торговли, а для облегчения положения демоса, совершившего переворот. 5 Такова именно точка зрения Белоха, см. прим. 1.

которая была установлена Лисандром. Возможно, что и здесь, как это бывало часто, имел место обман родосского демоса со стороны олигархов. Об этом мы ничего не знаем, кроме того, что к моменту разбираемых событий спартанцев в городе уже давно нет; флот Конона занимает гавань, и под предлогом не приучать к праздности воинов ежедневно происходят маневры его войск, но власть в городе продолжает оставаться в руках олигархов-Диагоридов. Возможно, что изгнание спартанцев было совершено с их санкции. Однако волна оппозиции широко захлестнула родосский демос, и в городе готовится переворот. Конон знает о готовящемся истреблении Диагоридов и не только знает, но и тайно подготовляет революцию. Однако по каким-то политическим соображениям он не желает присутствовать при перевороте и в решительный момент выводит большую часть своего флота из гавани. Одновременно он отдает распоряжение своим помощникам Гиерониму и Никофему быть на страже и следить за событиями. В день переворота войско Конона занимает важнейшие пункты в городе, но в дальнейшие события, повидимому, не вмешивается, предоставляя полную свободу действий родосским заговорщикам.

Кто же такие эти «заговорщики»? Это для нас наиболее интересный и важный вопрос. В изложении Hellenica Оксиринхского папируса они обозначены, как οί συνειδότες την π[ραξιν], т. е. создается впечатление, что главным действующим лицом является как будто Конон и не он посвящен в планы родосцев, а некоторые из родосцев посвящены в его планы. Такое освещение вопроса совпало бы с изложением Павсания. Нам кажется, что здесь мы имеем дело с обычной у античных историков трактовкой событий, выдвигающей на первый план внешние политические моменты. Хотя, конечно, в расчет Конона входило желание упрочить за собой Родос, но все же дело не в том, что Конон «убедил» родосцев, а в том, что афинская партия родосцев вошла в соглашение с Кононом, и он охотно, сохраняя тайну своего вмешательства, принял в этом участие, как не менее охотно до него спартанцы принимали участие в заговоре спартанской партии на Родосе.

Далее историк рассказывает о том, как родосцы, вооружившись ножами, явились на агору, и родосец Доримах, взойдя на камень глашатая, закричал так громко, как только мог: «Идем, граждане, на тиранов немедленно». Остальные при его крике поспешили с ножами в дом, где заседали архонты, и убили Диагоридов и еще одиннадцать человек, составлявших, очевидно, олигархическое правительство. Совершив это, они собирают «толпу» на народное собрание², и, пока еще собрание не разошлось, в гавань входит вновь Конон с флотом3.

Зачинщики переворота, убившие Диагоридов, разрушили олигархическое управление, установили демократию и кое-кого из граждан изгнали.

Нам следует несколько остановиться на этом рассказе, сохраненном. Оксиринхским папирусом4.

βω]λόμενος μὴ παρεῖναι τῆ διαφθο[ρᾶ τῶν Διαγορείω]ν (Cratippi Hellenicorum fragmenta Oxyrhynchia, ed. Lipsius, Bonn, 1916) X, 10—11.
 Τὸ πλῆθος τὸ τῶν Ῥοδίων (εἰ)ς ἐκκλησίαν.
 «Rhodos» RE Suppl. V., S. 773 (Hiller v. Gaertringen).

⁴ Авторство еще не может считаться установленным. Первые издатели этого папируса Grenfell and Hunt, The Oxyrhynchus Papvri, V, 1908 (отдельное издание Hellenica Oxyrhynchia cum Theopompi et Cratippi fragmentis, Oxon. 1909), также В u s o l t (Der neue Historiker u. Xenoph., «Hermes», XLIII, 1908; Zur Glaubwürdigkeit Theopomps, «Hermes» XLV, 1910), Ed. Meyer (Theopomps Hellenica, Halle, 1909) и др. высказываются за авторство Феопомпа; другие, например P a r e t i (Cratippo e «Elle-

Точно следуя рассказу историка, мы должны были бы считать, что кучка заговорщиков убила кучку правителей и установила новую форму правления. Однако, если бы все обстояло именно так и народ сохранял полную пассивность, оставаясь только «толпой», которую post factum знакомят с положением дел, не для чего было бы Конону перед отъездом предусмотрительно распорядиться о занятии наиболее важных пунктов войсками, не для чего было бы ему вести на подмогу еще и добавочные триеры и явиться, как deus ex machina в эпилоге только что разыгравшейся трагедии. Против кого готовились выступить войска Конона и прибыл в гавань еще и новый флот? Против олигархии или против «толпы»?

Затем, если народ не участвовал никак в убийстве олигархов и резне, учиненной кучкой заговорщиков, то зачем было Доримаху кричать «насколько возможно громко» в самом людном месте города, на камне глашатая, и призывать граждан к немедленной расправе над тиранами? Мы бы теперь сказали, что это приемы демагога и явного подстрекателя. Конечно, не все граждане пошли за Доримахом. Часть испуганно разбежалась по домам, но часть, пострадавшая в свое время от олигархов, наверно, устремилась вслед за сторонниками Доримаха. Маленькой кучке заговорщиков было бы опасно предпринимать это дело днем и всенародно, если она не рассчитывала на поддержку массы. Несомненно, партия Доримаха на это и рассчитывала, но на всякий случай войска стояли наготове, и если бы родосцы не захотели переворота, их заставили бы захотеть.

Но дело обошлось без вмешательства войск. В ожидании экономических благ от нового демократического правительства родосцы приняли участие в социальной борьбе. Но обман должен был скоро обнаружиться. Оттого, что во главе города встали теперь выдвинувшиеся из низов купцы, владельцы рабских мастерских и другие представители рабовладельческой демократии, положение низов не улучшилось. Низы были недовольны и возбуждены, но флот Конона, стоявший в гавани, отнимал всякую надежду на возможность продолжения борьбы. Для умиротворения раздраженной бедноты Конон щедро распределяет среди народа хлеб, отнятый у спартанцев.

Проходит некоторое время, и вдруг в самом военном флоте Конона начинается явное революционное брожение. Его зачинщики—кипрские моряки. До них дошли слухи, что на Кипре жестокими мерами Конон только что подавил восстание матросов, начавшееся из-за неполной выплаты заработанных денег. Глава восстания, карпатянин, был распят на кресте и многие из участников убиты. Кипрские моряки, находящиеся в родосской гавани во флоте Конона, сбрасывают своих военачальников, покидают лагерь и гавань, забрав с собою, вероятно, и других недовольных, и находят себе поддержку у родосцев (πολύν) δόρυβον καὶ ταραχὴν παρέσχον τοῖς 'Ροδ[ίοις]). Родос вторично становится ареною гражданской борьбы. Олигархи недавно изгнаны, у власти демократы; чем же объяснить это «большое смятение и беспорядок»? На кого опираются в городе восставшие кипрские моряки из флота Конона, восставшие в виде протеста против несправедлив ой и жестокой расправы с их товарищами и земляками на Кипре? По-

niche» di Oxyrhynchos. «Studi Ital. di filol. class», XIX, 1912), Lehmann-Haupt («Griech. Gesch.» в «Einleitung in die Altertumswissenschaft», v. Gercke u. Norden, III², 1914), Beloch («Griech. Gesch.»), III, 2², 1923, «Kratippos», считают автором Hellenica Кратиппа, значительно меньшее число ученых называют Эфора. В данной работе цитирую по изданию: Cratippi Hellenicorum fragmenta Oxyrhynchia scholarum in usum ed. J. H. Lipsius, Bonn, 1916. [X, 1 Col. XI (D Col. 1)].

видимому, мы имеем здесь дело с несомненным на этот раз восстанием угнетенных родосских низов, дважды обманутых—и олигархами и демократами. Народ—наемники-моряки и рабочий родосский люд—не соблюдает уже здесь строго регламентированных рамок «афинского» переворота. Восстание происходит и против олигархических узурпаторов власти и против квази-демократических ее узурпаторов¹. Восстание принимает резкие формы. Это видно из того, что, узнав о происшедшем, вновь в Родос спешно возвращается Конон. Но на этот раз, вместо миролюбивой демонстрации военных сил и щедрой раздачи захваченного египетского хлеба, следует быстрая и крутая репрессия. Зачинщики все убиты, оставшимся матросам Конон раздает плату с целью усмирить и успокоить волнующийся флот. Это первое, известное нам в истории Греции, восстание войска. В экономическом отношении, как в свое время отмечал К. Маркс, войско обгоняет развитие греческих полисов, и социальные конфликты в наиболее резких и острых формах выступают как раз в войске. Подобно тому, как восстание карфагенских наемников вбирало в себя и рабов и всех недовольных карфагенским политическим режимом, так и здесь восставшая часть флота предстает перед нами в качестве представителя и революционного вожака угнетенных низов.

Восстание окончилось неудачей. Состав флота пересмотрен, и новый набор флота (из эллинов и карийцев) слепо следует повелениям начальника. Оксиринхский историк облегченно вздыхает: «Царский лагерь, подвергшийся такой великой опасности, благодаря Конону и его предусмотрительности избежал смуты»².

Итак, на Родосе снова восторжествовала кононовская «демократия», продолжающая борьбу со сторонниками спартанской партии. Политика давления на олигархов и раздач народу тесно связана с военной обстановкой, когда родосские партии используют каждый промах или неудачу противника, пользуясь поддержкой то афинского, то спартанского флота³.

Родосская «свободная» демократия заботится о народе путем хлебных раздач и старательно сглаживает резкие проявления недовольства, как на то намекает Страбон, рассказывая о заботах правительства, чтобы в городе не было бедноты; это указывает на централизованность родосской демократии. Самая политика этого правительства во многих случаях проявляет ростовщические тенденции, а ростовщический капитал, как мы знаем, способствует росту централизации⁴. Мощь Родоса и заключалась

Hell., IV, 8, 20), которые, повидимому, смогли закрепиться только в городе, а не на острове (X е п о р h.—Hell., IV, 8, 22). Повидимому, демократы снова овладевают городом со времени «Царского мира» (387/6 г.) и остаются хозяевами положения до 354 г. до н. э..

¹ Именно так, как нам кажется, нужно понимать выход из гавани в город восставшей части кононовского флота. Только опираясь на сочувствующие низы, восставшие киприоты могли укрепиться в городе. Восстание карфагенских наемников, происходившее на 150 лет позднее, также привлекало на свою сторону недовольную бедноту и рабов, причем карфагенская армия играла роль революционного вожака восстания, поднимая за собой угнетенную массу. «Смятение и беспорядок» у родосцев происходили, конечно, не без участия родосской бедноты при испуге и страхе имущей верхушки. Рассказ историка неприкрыто тенденциозен, а с точки зрения имущей верхушки каждое восстание низов является неприятным «беспорядком».

XV, 6 Col. XVIII (D. Col. VIII).
 В 391 г. городом вновь овладевают олигархи (ср. Diod., XIV, 97; Xenoph.—lell., IV, 8, 20), которые, повидимому, смогли закрепиться только в городе, а не на

⁴ К. Маркс — Теории прибавочной стоимости, изд 1932 г., т. II, 381—382, «Капитал», изд. 1929 г., т. III, ч. 2, стр. 108 сл.

в концентрации в своих руках торгово-ростовщического капитала, и вся политика этого купеческого государства была направлена на увеличение благосостояния купцов и ростовщиков. Поэтому, несмотря на систему хлебных раздач, несмотря на тщательное оберегание своего города от скопления бедноты, демократическое правительство Родоса не могло ни удержать, ни остановить развертывание классовой борьбы, рост социальных противоречий и оппозиции как в пределах полиса, так и на его территориальной периферии. Централизованная под влиянием ростовщического капитала родосская демократия была гораздо более жестокой и страшной для угнетенных низов, чем, например, афинская.

Интересно отметить, что в 305/4 г., когда городу угрожает осада Димитрия Полиоркета, родосская демократия выселяет из города большую часть населения не столько из опасения недостатка провизии, но боясь, главным образом, что найдутся желающие воспользоваться силами Димитрия Полиоркета для борьбы с демократией и передачи города врагам¹. В Родосе было оставлено только около 7 000 человек,—цифра очень маленькая для такого города.

Можно предполагать, что и землетрясение 227/6 г.² (?) сопровождалось волнениями в городе. Наше внимание поневоле останавливает, во-первых, запрещение оракула восстанавливать разрушенный колосс и, во-вторых, присылка на Родос домостроителей и мастеров для отстройки города³.

Гигантская статуя Гелиоса, одно из семи чудес света, символ государственности и торговой мощи родосцев, не восстанавливается. При втором родосском землетрясении, происшедшем при Элии Аристиде, волнения сопровождались нежеланием отстраивать город и намерением вообще выселиться из него. Может быть, подобные настроения имели место среди бедноты, не заинтересованной в выгодах географического положения острова, и в 227/6 г. Падение колосса для одних было падением символа могущества, для других—падением символа угнетения. Вероятно, оракул, запретивший восстановление колосса, был лишь маской, скрывшей фактическую невозможность восстановить этот символ угнетения при настроениях, господствующих в низах. Той же оппозицией и волнениями в городе объясняется, может быть, посылка Птолемеем не только квалифицированных мастеров для восстановления разрушенных зданий, но и низшей рабочей силы, повидимому, подмастерьев или чернорабочих для той же цели.

Однако и на этот раз город был восстановлен в не меньшем, если не большем, блеске. И до последних времен Родос сохранил и внешний блеск и централизованный демократический строй. Несмотря на внешнюю широкую «демократичность», централизованная под влиянием ростовщического капитала, «свободная» родосская демократия была одной из наиболее жестоких форм правления для угнетенных и порабощенных слоев.

Основной линией борьбы первого периода развития Родоса как торгового центра является борьба «между свободными богачами и свободными бедняками», находящая свое выражение в политической борьбе

¹ Cp. Diod. XX, 84, 2; Van-Gelder, S. 103 ff.

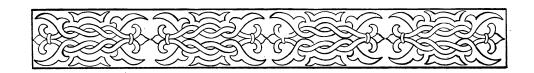
² Hiller v. Gaertringencтавит знак вопроса, не решаясь на более точную датировку (там же, стр. 785); Van-Gelden (стр. 114, прим. 1) датирует землетрясение 225 г.; по Полибию (V, 88) оно произошло незадолго до 219/8 г., причем были разрушены не только колосс Гелиоса, но и большая часть городских стен и корабельные верфи.

³ Strabo, XIII, 9; Polyb., V, 88, I—90, 4.

партий¹. Несмотря на то, что руководителями партийной борьбы являются представители состоятельного класса (мы не могли бы считать, что демократы опираются только на бедняков, олигархи только на богачей), искусственно раскалывающие сельское и городское население, мы все же видим из слабых намеков античных писателей, что здесь свободные бедняки образовывали какой-то не всегда сплоченный и не всегда непрерывный, но все же единый фронт в борьбе против класса угнетателей. Так, в восстании родосцев, руководимых восставшими матросами кононовского флота, восстании, непосредственно следующем за демократическим переворотом, и в тех жестоких мерах его подавления, которые предпринял Конон, мы видим несомненные признаки объединенной борьбы угнетенной массы против правящей группы угнетателей. Далее, в факте выселения из Родоса неблагонадежных элементов, к которым в первую очередь принадлежат свободные низы, и в намеке на какие-то репрессии по отношению к рабам, не входящим в число тех «хороших мужей», которым будет дарована исополития, -- мы видим опять определенное объединение, и на этот раз не только городского населения, но и сельского населения с трудовыми элементами города, может быть, и с городским люмпен-пролетариатом. Также в отказе от восстановления колосса мы склонны видеть намек на этот же единый фронт борьбы угнетенных против угнетателей. Но было бы ошибочно рассматривать эту борьбу в классически четких линиях классовой борьбы, когда борющиеся стороны сознательно образуют два фронта, готовые ежеминутно к вооруженному столкновению. Здесь налицо гораздо более спутанные отношения. Олигархи ведут за собой отсталые земледельческие слои населения, демократы в значительной степени-городскую бедноту. Система подачек, главным образом, распространяется на люмпен-пролетариат, в больших размерах скапливающийся в торговых центрах такого масштаба, как Родос. Но по мере развития рабовладельческого общества идет расслоение в среде самих земледельцев-одни превращаются в землевладельцев и рабовладельцев, другие лишаются своих земельных наделов или попадают в расставленные силки ростовщического капитала. На этой стадии и происходит более тесное объединение обедневших и притесняемых земледельцев с городскою беднотою и рабами. Это они выступают, образуя совместно с рабами единый фронт, в последние периоды существования рабовладельческой формации.

¹ «В древнем Риме, — говорит Маркс, — классовая борьба разыгрывалась лишь в пределах привилегированного меньшинства, между свободными богачами и свободными бедняками, в то время как огромная производительная масса населения, рабы, составляла только пассивный пьедестал длл борцов. Забывают меткое замечание Сисмонди: «Римский пролетариат жил на счет общества, в то время как современное общество живет на счет пролетариата» (Предисловие ко второму изданию «18 брюмера», М.—Э., Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 313, 1936).

«ДЕРЖАВА РЮРИКОВИЧЕЙ»

Проф. С. В. Бахрушин

Одной из очередных проблем, привлекающих за последнее время внимание советской исторической науки, является проблема генезиса феодализма в древней Руси. По справедливому замечанию Б. Д. Грекова, «без решения этой задачи нельзя построить правильного представления о русском историческом процессе в целом»¹. При изучении истории зарождения феодальных отношений в Киевской Руси должно было неизбежно поставить на очередь вопрос о социальном политическом строе «державы Рюриковичей», как Маркс называл этот период в истории Восточной Европы, охватывающий двухсотлетний промежуток времени от середины ІХ в. до середины XI века. В «Secret diplomatic history of the XVIII century»² Маркс дал блестящую и тонкую концепцию этого периода, который он называл «готическим» (т. е. варварским). Набросанная широкими и яркими чертами картина «империи Рюриковичей», при всей своей краткости, заключает в себе ряд тонких мыслей, намечает разрешение сложнейших научных задач. Естественно, что исследователь, работающий над историей генезиса феодализма, не может пройти мимо этих брошенных мельком, но полных глубокого содержания суждений, не может не попытаться понять и истолковать гениальные намеки, разбросанные на страницах названного сочинения. Невольно исследователи вносят в понимание концепции Маркса много своего, субъективного. Неудивительно поэтому, что вокруг сжатых и отшлифованных фраз «Секретной дипломатической истории» разгорались горячие прения и дискуссии, как мы это видели на пленуме ГАИМК в апреле 1933 г. в Ленинграде и на пленуме МОГАИМК в октябре 1934 г. в Москве³.

Трудность поставленного вопроса в значительной степени обусловливается скудостью наших источников. В основу изучения истории державы Рюриковичей приходится класть повесть о первых князьях, вошедшую в Начальный летописный свод⁴. Повесть эта дошла до нас в двух редак-

² Издано в Лондоне, в 1899 г.

 ^{3} С. В. Б а x р у ш и н—Некоторые вопросы истории Киевской Руси, «Историкмарксист», 1937, № 3.

 $^{^1}$ Б. Д. Греков—Феодальные отношения в Киевском государстве, М.—Л., 1935, стр. 3.

⁴ Я не касаюсь вопроса о том, имеем ли мы дело с самостоятельной повестью, существовавшей первоначально независимо от Свода, или с органической частью Свода, как думал А. А. Шахматов.

циях: в Новгородском своде (Новгородская первая летопись) мы имеем более архаический текст, хотя и подвергшийся некоторым изменениям благодаря вставкам, легко, впрочем, поддающимся выделению. В Киевском своде (Лаврентьевская летопись) та же повесть сохранилась уже в значительно переработанном виде, с обширными позднейшими дополнениями, поправками и перегруппировкой материала. Даже древнейшая редакция повести не может быть отнесена ко времени раньше первой половины XI в. (княжение Ярослава), т. е. на 100—200 лет позже описываемых событий. К тому же повесть далеко не представляет собою простодушного пересказа преданий; в ней проводится определенная политическая тенденция, имеющая целью возвеличение династии Владимира Святославича, и этой тенденции подчинено все изложение. Единственный современный источник на древнерусском языке, дошедший до нас, -- договоры Олега, Игоря и Святослава с греками, —далеко не подтверждает сообщений летописной повести и часто им противоречит, но по самой своей задаче такого рода источники не дают ни достаточно полной картины социальных отношений в Приднепровье Х в., ни, тем более, фактической истории Восточной Европы в эту эпоху. Дополнением к местным источникам служат иностранные источники, которые, однако, сообщают крайне односторонние сведения о Восточной Европе. Греческие хроники ограничиваются описанием набегов Руси на Константинополь и на берега Черного моря. Только Константин Багрянородный пытается обрисовать внутренний строй Приднепровья-полюдье, торговые поездки Руси в Грецию, взаимные отношения между Русью и славянскими племенами. Известия арабских писателей с трудом поддаются вполне точному истолкованию вследствие компилятивного характера многих из них и в силу особенностей арабской транскрипции имен.

В настоящее время делаются попытки привлечения археологического материала для разрешения поставленной проблемы, и параллельное изучение письменных и археологических памятников обещает открыть новые и интересные перспективы. Однако главная масса археологических данных, которыми оперировала до сих пор историческая наука в этом вопросе, почти не идет глубже конца X в. С другой стороны, в трактовке археологического материала возможна очень большая субъективность. Так, известный шведский археолог Арне построил на нем в высшей степени тенденциозный вывод о сильном проникновении скандинавского элемента в Восточную Европу, вывод, который противоречит всем объективным данным и справедливо опровергается советской археологической наукой.

Первый вопрос, который приходится разрешать на основании скудного и требующего большой критической проверки материала, это вопрос об общественном строе славян в IX—X вв., в момент появления среди них варягов. Еще недавно некоторые выдающиеся специалисты по истории Киевской Руси склонны были считать, что уже тогда у славян господствовали феодальные отношения. В настоящее время среди большинства советских ученых нет, повидимому, разногласия относительно того, что в изучаемую эпоху мы имеем у приднепровских славян разложение родовой общины, которую сменила территориальная община типа «марки», как ее определяет Энгельс. В законодательстве второй половины XI в. уже нет намеков на общинное владение пашней, но наряду с бортями, находив-

 ¹ См. сводку археологических данных у Б. Д. Г р е к о в а—Феодальные отношения в Киевском государстве, М.—Л., 1936, стр. 44—47.
 2 Т. A r n e—La Suède et l'Orient, Upsal, 1914.

шимися в частном владении, есть указание на общинные бортные угодья; Б. Д. Греков полагает, со своей стороны, что «луга, повидимому, находятся еще в общем пользовании»². Обычно считают, что «вервь» «Русской Правды» и соответствует понятию марки. Еще более сложным является вопрос о том, существовали ли государственные объединения на территории, занятой восточными славянами, до образования «империи Рюриковичей». Некоторые исследователи склонны считать государствами те племенные княжества, которые сложились у полян и у ильменских славян, повидимому, в довольно раннюю эпоху. Эта точка зрения имеет за собою длинную традицию. Синопсис XVII в. проводил такую мысль в отношении полян, а другое такого же типа историческое произведение конца XVII начала XVIII в., так называемая Иоакимовская летопись, —в отношении славян новгородских3. Однако то немногое, что нам известно о восточнославянских княжествах в IX в., не позволяет нам делать таких категорических выводов. Летопись XI в. помнит лишь, что у каждого славянского племени в старину было свое «княженье»⁴. Такое княженье было и у полян, но о полянской княжеской династии в летописи имеются только необоснованные догадки, которые, строго говоря, нельзя даже относить к легендам. Имена полянских князей сочинены искусственно, в результате наивной попытки осмыслить названия географических урочищ: Кий получил свое имя по названию города Киева, а не наоборот, как это хочет показать летопись; Щек-от горы «иде же ныне зовется Щековица»; Хорив-от горы, которая будто бы «от него же прозвася Хоровица»; даже сестре трех князейэпонимов было присвоено имя от речки Лыбеди. Сводчик, внесший все эти имена в летопись, сам вскрыл те наивные «научные» приемы, посредством которых создавались подобные исторические концепции. Оказывается, версия, которую он принял, не была единственной в современной ему литературе. Другие авторы, «не сведуще», толковали название города Киева от имени одного «перевозника»: «у Киева бо бяше перевоз тогда с оноя стороны Днепра, тем глаголаху: на перевоз на Киев». Эта версия, по существу, ничем не лучше и не хуже той, которая попала в летопись и благодаря этому была легализована в позднейшей исторической литературе. О новгородских князьях в древнейших летописях вообще ничего неизвестно, и имя Гостомысла появляется лишь в поздних списках.

Итак, мифические имена древних славянских князей едва ли могут служить достаточным основанием для утверждения существования у полян и новгородцев государственной организации уже в IX в. Летописный рассказ показывает лишь, что в XI в., еще смутно помнили о существовании своих князей, от которых не сохранились даже имена. Более точные сведения мы имеем о племенных князьях у древлян в X в. Легенда помнит о местных древлянских князьях, которые «распасли суть Деревьску землю» 6. Но и

¹ Это явствует из сопоставления 83-й статьи карамзинского списка «Русской Правды», говорящей о меже бортной и имеющей, следовательно, в виду частновладельческую борть, со статьей 82-й, запрещающей уничтожать знамя на бортном древе, очевидно, в общинном лесу.

² Б. Д. Греков—Феодальные отношения в Киевском государстве, М.—Л., 1935, стр. 21. Там же автор дает всестороннюю характеристику пережитков общинымарки в XI—XII вв. по «Русской Правде» (стр. 22—25).

³ Летопись по Лаврентьевскому списку, изд. 3-е, Археограф. ком. СПБ, 1897, стр. 9. ⁴ Там же, стр. 8—9.

⁵ Синопсис, СПБ, 1746, стр. 18—21. Иоакимовская летопись напечатана В. Н. Татищевым в его «Истории Российской», СПБ, 1768, т. І, ч. 1, стр. 29—50. ⁶ Там же, стр. 54.

тут может быть речь лишь о племенных князьях-предводителях, а не о древлянском государстве. В Древлянской земле упоминается несколько князей, среди которых Мал был только главным. Это скорее «патриархальные главы племени»¹, «старейшины», как их в одном случае называет летопись², чем правители государства. По сравнению с киевским князем, который «аки волк восхищая и грабя», древлянские князья «добри суть», т. е. племя не испытывало с их стороны той тяжелой эксплоатации, которой оно подвергалось со стороны киевского князя; дело ограничивалось, вероятно, «почетными приношениями», о которых пишет Энгельс³.

Все это соответствует «высшей ступени варварства», но не более. Племенное княжество, несомненно, таило в себе зародыш будущей государственной организации, но для данной эпохи отождествлять его с государством, даже примитивным, конечно, еще нельзя.

Летопись XI в. представляет дело так, что государство у восточных славян возникло в результате призвания варягов из Скандинавии. Такая концепция была нужна придворным киевским историкам, чтобы, во-первых, возвысить княжескую династию над народной массой, выделив ее из общего состава населения, и, во-вторых, доказать законность княжеской власти, созданной не путем принуждения и насилия, а вследствие доброволиного призвания предка княжеского дома. Эта тенденциозная заостренность рассказа о «призвании» первых князей оказала большое воздействие на дворянскую и буржуазную историографию XVIII и XIX вв. Образование «государства Российского» выводилось именно из факта призвания Рюрика, Синеуса и Трувора. В 1862 г. в память тысячелетия Русского государства был даже воздвигнут в Новгороде довольно безвкусный памятник. Более научный критический подход к летописному рассказу позволил рассеять эту литературную легенду и выяснить ее источники. Зачатки государственного строя, как мы увидим, следует искать не в дружинах скандинавских искателей приключений, а в славянских племенных княжествах. Варяжские конунги лишь возглавили тот процесс, который шел внутри славянских обществ Восточной Европы.

На территорию Восточной Европы варягов привлекли возможности грабежа и торговли. То и другое тесно переплеталось между собой: в одном месте торговали, в другом грабили, в третьем продавали награбленное. Этот разбойничий характер варяжской торговли хорошо отражен в известной саге о Торварде Собаке: участники экспедиции в Биармию сговариваются, что каждый получает в свою пользу прибыль от проданных имтоваров, добыча идет в общий дележ; в устье Двины они днем меняют сукно на пушнину, а ночью совершают грабительский набег на соседнее святилище. Торговые поездки сопровождались захватом пленников. Арабские источники говорят о набегах на славян руссов, т. е. скандинавов, которые «подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, отвозят в Хазран и Булгар и продают там»⁴. Отдельные конунги со своими дружинами захватывали наиболее важные пункты на речных путях, прорезывавших территорию восточных славян. Достаточно взглянуть на карту варяжских «княжеств», чтобы убедиться, что такова первоначальная

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс—Немецкая идеология, 1934, стр. 12. ² Лаврентьевская летопись, стр. 58.

³ Ф. Энгельс—Происхождение семьи, частной собственности и государ**с**тва, 1937, стр. 188.

 $^{^4}$ А. И ахматов—Древнейшие судьбы русского племени, II, 1919, стр. 54—55.

цель норманских захватов в славянских землях. Один из таких искателей приключений Рорек утвердился сперва в Ладоге, а позже у истоков Волхова из Ильменя, в Новгороде, который служил ключом с севера к Днепровскому пути, ведшему «из варяг в греки»; на другом варианте пути из Балтийского моря на Днепр,—в Полоцке, на Западной Двине, в X в. находилось княжество Рогнвальда. Конунг Торвард (Трувор), предполагаемый брат Рюрика, по преданию, утвердился в Изборске, близ Чудского озера, откуда Нарвою шел путь в Финский залив. Другие предводители варяжских дружин в лице Аскольда и Дира завладели Киевом в земле полян, который являлся конечной станцией на пути «из варяг в греки», ключом к нему с юга. На Белоозере, через которое проходил путь из Финского залива на Волгу, княжил, согласно легенде, Синиут (Синеус), которого, подобно Торварду, литературная легенда называла братом Рорека¹.

В зависимости от обстоятельств конунги вступали в различные отношения к туземному населению. Славянские племена могли в отдельных случаях и добровольно подчиниться той или иной шайке завоевателей, поскольку присутствие ее гарантировало им безопасность от набегов и грабежей со стороны других подобных же разбойников. Такова реальная основа легенды о «призвании» варягов. Если между пришельцами и туземцами не достигалось соглашение, то варяги «примучивали» непокорных, насильно собирая с них дань пушниной и другими продуктами хозяйства, которые затем направлялись в Константинополь и на приволжские рынки для обмена на предметы роскоши. Дело шло исключительно о том, чтобы выкачивать из населения потребные для торговли товары. Так возникли небольшие варяжские «княжества» на территории славянских племен. Княжества эти сохраняли тот военно-разбойничий характер, какой носила вся торговля варягов. В течение зимнего сезона князь с дружиной обходил подвластные племена для сбора дани скотом, медом и другими продуктами туземных промыслов (полюдье). Никакой нормы в этих сборах не было: брали, сколько могли. Если требования превышали благоразумие, то плательщики восставали и избивали сборщиков дани, как это получилось с Игорем и его дружиной. Весною собранная за зиму дань грузилась на однодеревки и сплавлялась вниз по Днепру в Константинополь². Чтобы избегнуть полюдья и связанных с ним «насилий» и требования кормов, ближайшее к занятому варягами городку население предпочитало само «возить повоз», т. е. приходить в город с данью³. Вся эта система эксплоатации славянских племен варягами напоминает даже в деталях сбор ясака с сибирских народов вооруженными отрядами московских ясатчиков или калмыцких и монгольских алманщиков и отнюдь не отражалась на внутреннем строе славянских племен, которые попрежнему продолжали управляться племенными князьками и старейшинами. Это и имеет в виду Маркс, когда говорит о «примитивной организации» норманских завоеваний. Несомненно, что поверхностный характер завоевания был обусловен тем, что на месте у славян процесс феодализации еще только начинался, и варяги не нашли у них условий, которые позволили бы им осуществить более интенсивную эксплоатацию страны путем захвата земель и закре-

 $^{^{1}}$ Скандинавские имена князей см. В. Том с е н—Начало Русского государства, М., 1891, приложение.

² «Известия византийских писателей о Северном Черноморье», вып. 1, стр. 10 («Известия ГАИМК», вып. 31, М.—Л., 1934); Лаврентьевская летопись, стр. 53—54. ³ Лаврентьевская летопись, стр. 82.

пощения жителей, как это произошло в Северо-западной Франции, на территории, захваченной норманнами.

Между отдельными искателями приключений шла непрерывная борьба за дань и за обладание наиболее выгодными пунктами на Днепровском пути. Память об этом сохранила легенда о захвате Киева Олегом. Но, с другой стороны, варяжские дружины объединялись неоднократно, чтобы совместно с славянами производить набеги за пределы славянских земель, для грабежа богатых стран Черноморья и Востока. Для военных походов на Черное море и Каспий необходимо было концентрировать в какой-то мере власть в руках одного предводителя—«великого князя», которому подчинялись прочие «светлые князья». Впервые с таким «великим князем» мы встречаемся в начале X в. в лице Олега. Его посольство в Константинополе в 911 г. выступает официально «от Олега, великого князя руского и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь и его великих бояр»¹. Позже, в 945 г., новый договор заключен от имени «Игоря, великого князя рускаго, и от всякоя княжья и от всех людий Руския земли»².

Эта концентрация власти произошла не сразу и не без ожесточенной борьбы, отзвук которой мы находим в легенде о завоевании Владимиром Святославичем Полоцкого княжества, обеспечившем ему господство на Двинском пути в Балтийское море. Победительницей в этой борьбе оказалась та княжеская династия, которая сумела сосредоточить в своих руках оба конечных пункта пути «из варяг в греки»—Новгород и Киев. Легенда хорошо уловила смысл этого факта, когда поставила в связи с захватом «матери градам руським» Киева Олегом объединение под его властью Руси: «И седе Олег, княжа, в Киеве... И беша у него варязи и словени и прочи прозвашася Русью»3. Договоры не подтверждают непосредственной преемственности Руси Олега и Руси Игоря, но и последний был «великим князем руским» и держал под рукою все прочее мелкое «княжье», потому что сам он княжил в Киеве, а в Новгороде сидел его сын Святослав4.

Первоначально «светлые и великие князья», находившиеся «под рукою» великого князя, сохраняли известную долю независимости, которая выражалась, между прочим, в посылке самостоятельных послов, наравне с великокняжескими, в Константинополь для заключения договора. «Великий князь» выступает потому с чертами главы большой коалиции, в состав которой входят, кроме варяжских, и славянские князьки⁵.

Только в договоре Святослава 971 г. отсутствует упоминание о его вассалах (за исключением Свенелда), и это свидетельствует о том, что к этому времени процесс объединения завершился, и мелкие князья были либо истреблены, либо сошли на положение «посадников» «великого князя». Быстрый успех киевских князей обусловливался в значительной мере тем, что среди славянских племен наблюдалось очень сильное стремление к объединению. Особенно яркое выражение это стремление находит себе в летописном рассказе об Ярославе: потерпев поражение и прогнанный из Киева, он готовился бежать за море, но новгородцы «рассекоша лодье Ярославле, рекуще: хочем ся и еще бити с Болеславом и с Святополком», и собрали средства, необходимые для продолжения борьбы за Киев.

¹ Лаврентьевская летопись, стр. 39.

² Там же, стр. 46. ³ Там же, стр. 23.

^{4 «}Известия византийских писателей», вып. 1, стр. 8.

⁵ Среди князей, перечисленных в договоре 945 г., есть два несомненно славянских имени: Владислав и Предслава.

Так сложилась «держава Рюриковичей».

«Несообразная, нескладная и скороспелая», она была собрана, по выражению Маркса, «из лоскутьев, подобно другим империям аналогичного происхождения». В ней не было этнического единства. В ее состав входили разнообразные племена, впоследствии обособившиеся в отдельные народности. «Империя Рюриковичей, — говорит Маркс, — явилась предшественницей образования Польши, Литвы, балтийских поселений, Турции и самой Московии». В этом-то и заключалось ее сходство с империей Карла Великого, которая тоже «предшествовала образованию нынешней Франции, Германии и Италии». В момент образования «державы Рюриковичей» это было в сущности искусственное объединение разнородных этнических элементов, которое при отсутствии у них экономических связей, держалось исключительно силой оружия.

«Держава Рюриковичей» основывалась не на интенсивной феодальной эксплоатации населения, а лишь на сборе дани с покоренных племен. В стране, где господствовали еще общинные порядки, хотя и находившиеся в состоянии разложения, иначе и не могло быть. Отсутствие развитого феодального землевладения в Приднепровье и Приильменье и явилось причиной того, что эксплоатация славянских племен завоевателями приняла крайне примитивную экстенсивную форму. Отсюда «примитивная организация завоеваний», о которой говорит Маркс: «вассальная зависимость без ленов и лены, состоящие из дани». Мы не видим в IX в. и в первой половине Х в. признаков княжеского землевладения. Летопись приписывает захват земель впервые княгине Ольге, в результате ее побед над древлянами. На первом плане тут стоит освоение охотничьих и бортных угодий—«ловищ» и «знамений»¹. Село Ольжичи, якобы принадлежавшее Ольге, более чем сомнительно; это часто встречающийся случай попытки осмысления географического названия. Основной формой эксплоатации населения была дань, и только дань. Это очень наглядно видно из рассказа о полюдье Игоря. Совершенно конкретно это вытекает и из сообщения Константина Багрянородного, который говорит, что русские князья каждую осень пускаются в полюдье в земли славян, «платящих дань русам» и прокармливаются там в течение всей зимы². Точно так же мы не видим, чтобы служба в княжеской дружине сочеталась с владением землей на ленном или ином праве. Это в полном смысле слова «вассалитет без ленов». Служба дружинников вознаграждалась исключительно участием в сборе дани. В одних случаях мы имеем дело с передачей сбора дани с того или иного племени отдельному вассалу. Так, по легенде, Игорь «дасть же дань Деревьскую Свенелду и имаше по черне куне с дыма». Точно так же, «примучив» угличей, он «возложи на ня дань и власть Свенелду»³. Это дает повод остальной дружине жаловаться: «се дал еси единому мужеви много». Эпизод с Свенелдом объясняет, как надо понимать термин «посадник», и вскрывает смысл позднейшего рассказа летописи о том, что Рюрик «раздая мужем своим грады»⁴. Более мелкие дружинники непосредственно участвовали в княжеском полюдье, и князь должен был делиться с ними добычей. Поэтому дружинники Игоря, жалуясь, что они «наги», настаивали на отправлении в полюдье: «а поиде, княже, с нами на дань, а ты-

¹ Лаврентьевская летопись, стр. 58—59.

² «Известия византийских писателей», вып. 1, стр. 10.

³ Новгородская летопись по Синодальному списку, изд. Археолог. ком., Спб, 1888.

⁴ Лаврентьевская летопись, стр. 19.

добудиши и мы»¹. Ярослав из дани, получаемой с новгородцев, 1 000 гривен раздавал «гридям»². Эти примеры поясняют нам выражение Маркса: «феоды, состоящие из дани».

Итак, не освоение земли, а грабеж населения в виде дани является основной задачей военной организации, возглавляемой киевскими князьями. При невозможности интенсивно эксплоатировать покоренное население, необходимо было непрерывно увеличивать число даньщиков, расширять территорию, облагаемую данью. Можно сказать словами Энгельса, что «война... ведется теперь только ради грабежа, становится промыслом»³. «Необходимость новых завоеваний,—говорит Маркс,—поддерживалась наплывом новых авантюристов, жаждавших славы и добычи. Когда у князей являлось желание отдохнуть дружина заставляла их двигаться дальше».

Говорить о прочной государственной организации в эту эпоху еще трудно. Нет даже государственной территории в полном смысле этого слова. Покоренные племена отпадают при первой возможности, и приходится их покорять сызнова. Если верить летописи, древляне были покорены уже Олегом; вторично их покоряет Игорь, но при нем же они восстают и не только избавляются от киевской дани, но и угрожают Киеву; в третий раз их покоряет вдова Игоря, Ольга, и с этого времени только Древлянская земля прочно входит в состав Киевского государства. Владимир должен был дважды совершать поход в землю вятичей, уже покоренную в свое время его отцом Святославом, и т. д. Каждый новый князь начинал свое правление с того, что приводил опять в подчинение племена, входившие при его предшественниках в состав державы. Походы на Византию, Дунайскую Болгарию, Малую Азию, Крым, Поволжье, Каспий носят характер простых набегов и не приводят даже на короткое время к установлению власти киевских князей над подвергшимися разорению странами.

Вместе с тем у киевских князей, вечно стремящихся к новым завоеваниям, еще нет прочной связи с Приднепровьем. Типичным представителем этих князей-завоевателей является Святослав, который «легко ходя, аки пардус, войны многи творяше», настоящий вождь бродячей дружины постоянно ищущий добычи и славы. Для такого князя-завоевателя Приднепровье, по меткому выражению Маркса, было лишь временной «стоянкой, от которой надо двигаться дальше в поисках империи на юге». «Ты, княже, чюжея земли ищещи и блюдеши, а своея ся охабив», —говорят Святославу киевляне⁴. Только успехи Цимисхия, положившие предел дальнейшему распространению «державы Рюриковичей», останавливают это неудержимое стремление вперед киевских князей. «Рюриковичи, — говорит Маркс, —окончательно утвердили свое господство в России, вынужденные к этому сопротивлением Византии при Цимисхии».

Откинутые в Приднепровье, киевские князья должны были отказаться от широких завоевательных планов. Сыновья Святослава уже пытаются опереться на местные социальные силы.

В то время как князья и их сборные дружины искали новых земель, «своея охабив», в славянских землях шли глубокие внутренние процессы, подготовлявшие переход к феодализму. К этому моменту варяжские эле-

¹ Новгородская летопись, стр. 8—9.

² Там же, стр. 75.

³ Ф. Энгельс—Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 217.

⁴ Лаврентьевская летопись, стр. 65.

менты княжеских дружин уже окончательно потонули в массе восточного славянства. Ославянившиеся потомки Рюрика оседали постепенно в Приднепровье. Сыновья Святослава возглавляют отдельные славянские племена: Ярополк вокняжился в земле полян, Олег-в земле древлян; Владимира, славянина по происхождению, сына Святослава от наложницы, новгородская знать посадила князем в Новгороде. Древлянская земля после гибели Олега вошла очень скоро опять в состав Киевского княжества, но попытка Ярополка вновь объединить всю страну под властью Киева встретила сильное сопротивление со стороны новгородцев. При их поддержке Владимир сам овладел Киевом и вновь собрал под своей властью и Приильменье и все Приднепровье, за исключением, может быть, Северянской земли¹. Подобно отцу своему Святославу, Владимир много воевал: «Радимичи победи и дань на них положи, вятичи победи и дань на них положи на обоих, и ятвягы взя, и сребреныя болгары победи и на козары шед победи»². Благоприятная международная ситуация позволила ему возобновить широкую завоевательную политику на юге. Вмешательство во внутренние дела Византии открывало доступ его войскам на Босфор; его замыслы направились на Черноморье: «умысли же на гречьский град Корсунь». При Владимире «держава Рюриковичей» достигла своего «кульминационного пункта». Но в Приднепровье уже складывались новые условия, которые подготовляли переход в феодальному строю. Внутри славянского общества происходили глубокие изменения, шел процесс выделения из славянской общины класса крупных землевладельцев, «старейшин града» или «старцев градских», потомков «добрых» племенных князей, некогда боровшихся против насилий киевских князей. С этим зарождавшимся землевладельческим классом князьям приходилось считаться. Владимир окружал себя «старцами градскими», считался с их мнением; «старцы градские» фигурируют рядом с дружинниками и в качестве советников князя и в качестве его сотрапезников3. Это свидетельствует о том, что сила киевского князя теперь основывалась не только на его дружине, но и на местных землевладельческих кругах.

В отличие от своего отца, вечно стремившегося туда, «где вся благая сходятся», Владимир уже подлинный киевский князь, тесно связанный с территорией Приднепровья и с феодализирующимися группами местного населения. При нем «держава Рюриковичей» приобретает черты более организованного государства. Владимир думает со своей дружиной не только «о ратех», но и о «строи землянем» и об «уставе землянем»⁴.

Большое внимание уделяет Владимир укреплению границ своего государства со стороны степи. Он «нача ставити городы по Десне и по Востри и по Трубежеви и по Суле и по Стугне», создал своего рода засечную черту вал, защищенный частоколом; заселил пограничную полосу «лучшими» мужами, «бе бо рать от печенег»⁵. Эту систему обороны границ продолжал и развил его сын Ярослав. Усиление княжеской власти подчеркивает титул кагана, заимствованный от хазар. Очевидно, начавший складываться среди восточного славянства землевладельческий класс уже испытывал

¹ Согласно интересной гипотезе проф. Пархоменко в одной из его неизданных работ.

² «Похвала князю Владимиру Иакова мниха» (Е. Голубинский — История церкви, М., 1880, т. 1,, ч. 1 стр. 213). ³ Лаврентьевская летопись, стр. 104, 122.

⁴ Там же, стр. 124. ⁵ Там же, стр. 119.

потребность в сравнительно сильной государственной власти, способной защищать его классовые интересы. Не случайно к эпохе Владимира относится и создание единой государственной религии. Первой попыткой в этом направлении было устройство общеславянского святилища близ княжеского теремного двора, где бок о бок стояли и общеславянский бог-громовик Перун, отождествленный со скандинавским Тором, и конкурировавшие между собой солнечные божества Хорс и Даждьбог, и бог ветров Стрибог, и какие-то женские божества. Решительным моментом было принятие из феодальной Византии христианства, которое способствовало ускорению процесса феодализации и строительства феодального государства. Греческое духовенство поспешило перенести на главу Киевского государства византийское представление об императорской власти. Оно же явилось проводником в Приднепровье юридических норм римского права, переработанного для нужд феодального общества Византии. Это внедрение в жизнь приднепровского общества феодального права, знаменовавшее определенный этап в развитии государства, шло, однако, медленно, встречая упорную оппозицию в пережитках родовых обычаев. Известный летописный рассказ о попытке епископов добиться замены смертной казнью виры за убийство хорошо показывает, на какие компромиссы в отношении «устроения отьня и дедьня» должно было итти византийское правовое сознание¹. Даже «Суд Ярославов» в его древнейшей редакции сохранял первоначально для славянского населения родовую месть и вводил головщину в пользу князя лишь для княжеской дружины и других лиц княжеского «mundeburdum»2.

Таким образом, феодализация государственной власти происходила медленно и постепенно, и в лице Владимира, как тонко отметил Маркс, «теократический деспотизм порфирородных» еще сочетался с чертами, характерными для «северного завоевателя».

После Ярослава «держава Рюриковичей» «распадается на уделы, распределяется и подразделяется на части между потомками завоевателей, раздирается на части феодальными войнами, разбивается вторжением чужеземных народов». Со смертью Ярослава наступает феодальный период, характеризующийся политическим раздроблением страны. Это не значит, конечно, что возникшее еще в дофеодальный период Киевское государство перестает существовать. Несмотря на наступившую во второй половине XI в. феодальную раздробленность, понятие единства Русской земли выступает, может быть, еще с большей силой, чем во времена Игоря. Это понятие с исключительной яркостью и пафосом находит выражение в произведении, возникшем в самый разгар феодальных междоусобиц, в «Слове о полку Игореве». Оно проходит красной нитью через летописный свод XI—XII вв., ставящий себе целью разрешить вопрос, «откуду есть пошла Руская земля... и Руская земля стала есть». В политической жизни единство Русской земли осуществлялось между княжескими «снемами» и номинальным верховенством великого князя киевского, который «думает-гадает о земле Русской».

Попытаюсь подвести итоги. «Держава Рюриковичей» не есть еще феодальное государство, как одно время высказывались в нашей литературе. В замечаниях товарищей Сталина, Кирова, Жданова по конспекту учебника истории СССР совершенно отчетливо указывается, что

¹ Лаврентьевская летопись, стр. 124.

² «Русская Правда» по Академическому списку, ст. 1-я.

не следует смешивать «в одну кучу феодализм и дофеодальный период, когда крестьяне не были еще закрепощены». Поскольку в изучаемую эпоху мы не имеем еще закрепощенного крестьянина, и князю с его дружиной противостоит вольный общинник, облагаемый данью, мы, конечно, не вправе еще говорить о феодализме. С другой стороны, родовые пережитки, наблюдаемые в быту восточного славянства вплоть до XI в., еще не позволяют характеризовать господствовавший в IX—X вв. в Приднепровье строй, как родовой. Род уже распался на большие семьи, и процесс социального расчленения общины пошел очень далеко.

Характеристика «державы Рюриковичей», как она дана выше, мне кажется, дает основание видеть в ней «военную демократию», при которой «война и организация для войны становятся теперь нормальными функциями народной жизни»¹.

«Главный отличительный признак» киевского князя—«военное предводительство», как это было и у греческих царей героической эпохи². Силу его составляет дружина, живущая войной и для войны³. «Держава Рюриковичей» стоит, таким образом, на переломе между высшей ступенью варварства и цивилизацией, является переходным периодом между родовым строем и феодальным.

Условия, способствовавшие переходу к феодализму, следует, однако, искать в первую очередь не в завоеваниях князей и их дружин, а в тех органических процессах, которые происходят внутри славянского общества по мере того, как на развалинах общины вырастает феодальная собственность на землю.

К концу X в. процесс феодализации уже делает некоторые успехи, и в княжестве Владимира мы уже можем наблюдать некоторые элементы зарождающегося феодального государства, причудливо переплетающиеся с остатками отмирающей военной демократии.

¹ Ф. Энгельс—Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 216.

² Там же, стр. 139.

³ Там же, стр. 189—190.

О ВОЗНИКНОВЕНИИ ГОСУДАРСТВА ВОЛЖСКИХ БУЛГАР

А. П. Смирнов

Изучение древней истории народов СССР раскрывает перед нами ряд интересных культурных центров Восточной Европы и Азии, часто не уступающих по значению в истории культуры одновременным государствам Западной Европы.

Одним из таких центров было государство волжских булгар, расположенное при впадении Қамы в Волгу.

Оно занимало значительную территорию, имея северную границу по правому берегу Камы, западную—между Сурой и Волгой и простираясь на юг до Самарской Луки.

История этого государства сравнительно хорошо изучена, начиная с X в., когда появляется ряд заметок арабских путешественников, первое место среди которых принадлежит Ибн-Фадлану, участнику посольства халифа Муктадира к булгарскому царю Альмасу в 922 г. О времени более позднем немало сведений сообщают русские летописи. По всем этим данным царство Булгар встает перед нами как крупное феодальное государство, с развитой торговой и ремесленной деятельностью.

Хуже обстоит дело с более ранними периодами его истории, когда это государство формировалось. Об этой темной эпохе мы знаем лишь из немногих отрывочных сведений армянских и византийских писателей да из археологических материалов.

Наиболее древним упоминанием имени булгар является приводимое Моисеем Хоренским, автором VIII в. н. э., свидетельство сирийца Мар-Абас-Катину, жившего, как установлено, в III в. н. э., о том, что около 149—127 гг. до н. э. булгары устремились в Армению, первоначально же обитали к северу от Кавказских гор¹.

Значительно больше сведений сообщают о булгарах византийские историки, в числе которых нужно упомянуть Феофана, отметившего булгар в своей хронографии под 671 г.²

«...В это время вторгнулось во Фракию булгарское племя. Необходимо сказать и о прежней жизни оногундуров, булгаров и котрагов. В север-

¹ К. П. Патканов—Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хоренскому WMHI 1883 стр. 27

Хоренскому, ЖМНП, 1883, стр. 27.

¹ Theophanis Chronographia, Bonnae, MDCCCXXXIX, р. 545—547. Цитирую по статье П. Д. Шестакова—Кто были древние болгары? «Известия общества археологии при Казанском университете», Казань, 1884, т. III.

ных, по ту сторону лежащих, частях Евксинского Понта есть так называемое Мэотийское болото, в которое впадает великая река, текущая из океана по Сарматской земле, по имени Атал; в нее впадает так называемая Танаис-река, выходящая от Иберийских ворот, что в Кавказских горах.

От слияния же Танаиса и Атала (Атал отделяется выше Мэотийского болота) происходит так называемая Куфис-река и впадает у конца Понтийского моря близ Мертвых ворот у мыса, именуемого Лицом Барана. От указанного выше болота море, подобно реке, впадает в залив Евксинского Понта через Боспор и Киммерийскую область. В этой реке ловится мурзули и подобные ей рыбы. У восточной части лежащего впереди залива близ Фанагории и живущих там евреев расположены многие племена. От того же самого болота к пределам реки Куфис, где ловится булгарская рыба ксист, расположена Великая Булгария; там же так наазываемые

котраги, одноплеменные с булгарами. Во времена Константина Кробат, повелитель сказанной Булгарии и котрагов, скончался, оставив пять сыновей. Он завещал им отнюдь не выходить с родины и не отделяться друг от друга, чтобы самим всегда быть повелителями и не подпасть в рабство другому народу. Немного времени спустя после его смерти эти пять его сыновей, рассорившись, разошлись, каждый с подвластным ему народом. Старший сын Батбайян, заняв восточную часть отцовских владений, остался в своей родине до сего времени. Второй брат, по имени Котраг, перешедши реку Дон, поселился напротив старшего брата. Четвертый и пятый перешли реку Истр, или Дунай, и один из них вошел в Паннонию Аварскую и, подчинившись аварскому хагану, остался там со своей силой, а другой, занявши Пентаполис у Равенны, признал власть царя христиан. Затем третий брат, по имени Аспарух, перешедши Днепр, Днестр и занявши Олгу (эти реки севернее Дуная), поселился между Дунаем и этими реками, признав это место безопасным и трудноодолимым со всех сторон, ибо спереди оно болотистое, а с других сторон окружено реками и потому представляло большую безопасность от неприятелей для народа, ослабленного отделением (от своих собратьев).

После разделения их на пять частей и вследствие этого ослабления вышедшее из внутренних стран Вердзилия, что прежде Сарматия, великое племя хазар овладело всею страною до Каспийского моря, сделало своим данником старшего брата Батбайяна, властителя первой Булгарии,

и берет с него дань до сего дня...»

Отметил булгар в своей истории Никифор Грегора¹, считавший их одним из скифских племен. «Теперь я объясню, откуда получила имя Булгария. Есть страна, лежащая по ту сторону и севернее Истра, а река через нее протекает Волга, от нее и сами туземные жители получили название булгар, а сначала были они скифы. Оттуда с детьми и женами переселялись они сюда в то время, когда язва иконоборства напала на благочестивых. Перешли они реку Истр в громадном числе и распространились по обеим Мизиям. Подобно саранче или молнии, охватили они Македонию с лежащею по ту сторону Иллириею—понравились им здешние удобства. По распространении имени этого народа и страна прозвана Булгарией». Далее, говоря о скифах, Грегора пишет: «Названия различные дают им древние мудрецы: Гомер называет их киммерийцами, Геродот—разнородными и скифами, Плутарх—кимврами и тевтонами...»

«...так и скифы те, которые поселились ближе всех в древней скифской земле, сохраняли неизменным свое название, ибо и сами называются скифами, и земля, питающая их, зовется скифской землей; а другие скифы, после многих веков вышедши из великого первоначального источника, делятся на две части—одни, сокрушившие азиатских савроматов, дошедших до Каспийского моря, позабыли даже и имя отеческое и называются савроматами-массагетами, меланхленами; другие же, отправившиеся в Европу, изменили свои имена на имя савроматов-германцев...»

Там же, в Приазовье, помещает булгар и Моисей Хоренский. В одном из списков его географии² мы имеем следующее упоминание о булгарах: «Восемнадцатая страна, азиатская половина Сарматии, граничит восточными оконечностями с г. Рипия, рекой Танаисом, морем Мэотис, проли-

¹ Nicephori Gregorae—Byzantina historia, cura Ludovici Schopeni. Bonnae, MDCCLXXIX, p. 26—27.

² К. П. Патканов—Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хоренскому. ЖМНП, 1883, стр. 27.

вом, соединяющим его с Понтом Евксинским; далее на восток, берегами того же моря (Понта) до впадения в него реки Каракса (Ингул); далее Кавказскими горами, прилегающими к Грузии и Албании до Камийского моря и до впадения в него реки Соянос (Сунджи). О такой реке никто не слыхал. В Сарматии лежат горы Кераунские и Иппийские, которые выпускают из себя пять рек, впадающих в Мэотийское озеро. Из Кавказа текут две реки: Валданис, текущая до горы Кракс, которая начинается у Кавказа и тянется на северо-запад между Мэотисом и Понтом; другая река, Псевхрос, отделяет Босфор от тех мест, где находится городок Никокс. К северу от них (нее) живут народы турков и булгар, которые именуются по названию гор: Купи—булгар, Дуги—булкар, отхондор; Бикар—пишельцы; Чда—болкар. Эти названия чужды Птолемею. Из Гиптийских гор бежал сын Худбарда. Между булгарами и Понтийским морем живут народы гарши, куты, сваны...»

П. Д. Шестаков¹ совершенно прав, отмечая, что булгары явились автохтонами области к северу от Мэотиды и входили в комплекс племен, долгое время по литературной традиции называемых скифами; точнее же их нужно называть аланскими племенами, генетически связанными с сарматами. Той же точки зрения придерживался Иловайский². К этому взгляду склоняется и М. И. Артамонов³.

Значительно позднее, в X в., в сочинении Абуль-Хасана Али ибн-Хусейна-Аль-Масуди болгары (булгары) упоминаются иногда вблизи Черного и Азовского морей. Это последнее свидетельство относится к остаткам прежних булгарских племен. Этим и объясняется сбивчивость и кажущаяся ошибочность сообщений Аль-Масуди⁴.

Булгарские племена по занимаемой территории и по характеристике, данной им византийскими историками, должны быть отнесены к группе аланских племен, связанных с сарматами.

История I тысячелетия н. э. в Северном Причерноморье представляет картину постоянных столкновений между отдельными племенами. В хрониках византийских историков на коротком отрезке времени можно наблюдать смену названий господствующих племен. Это положение может быть объяснено только тем, что слагавшиеся союзы племен, как союзы оборонительные и наступательные, быстро возникали и распадались под влиянием военных неудач. В VI—VII вв. н. э. в Причерноморье создался могущественный союз племен, возглавляемый булгарами. Этот союз объединял, повидимому, не только аланские племена, но и ряд других. Этим можно объяснить некоторую разноголосицу в определении византийскими историками племенной принадлежности булгар: то они считали их скифами, то связывали с гуннами. Булгарский племенной союз охватил значительную территорию. Еще в конце V в. военные дружины булгар ходили даже во Фракию (482, 499, 502 гг.).

Распад этого могущественного племенного союза можно связать с сообщением о смерти вождя Кубрата (Кробата) и о расселении его сыновей.

Военные столкновения между племенами Северного Причерноморья заставили часть булгарских племен откочевать к северу.

¹ П. Д. Шестаков—Кто были древние болгары? ЖМНП, 1883, стр. 66—67.

² Д. Иловайский—Розыскания о начале Руси. 1882, стр 171. ³ М. И. Артамонов—Очерки древнейшей истории хазар. 1937, стр. 11.

⁴ А. Я. Гаркави—Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах. 1870, стр. 127—128 и 133.

Так могли кочевники-булгары из группы алан-сарматов появиться в Среднем Поволжье.

Появление здесь кочевников не было новым. На несколько веков раньше здесь кочевали сарматы, о чем можно судить по раскопкам могильника близ Уфы, открытого экспедицией ГАИМК под руководством П. А. Дмитриева и относящегося ко времени III—II в. до н. э.

Слишком отрывочные исторические документы, относящиеся к древней истории булгар, заставляют привлечь для освещения ряда вопросов вещественный материал камских булгар и предшествующей им эпохи.

Археологический материал булгар достаточно хорошо известен по раскопкам ряда городищ.

Изучение его дает возможность установить тесную связь между собственно булгарскими памятниками и более ранними городищами края с «рогожной» керамикой. В нижних слоях булгарских городищ находят керамику, сделанную от руки, аналогичную находимой на ранних городищах края, и керамику более северной, Ананьинской культуры. Такая зависимость наблюдается и в других вещах, в частности в украшениях. Все это заставляет видеть в материале булгарских городищ продолжение предшествующих эпох.

Генетическую зависимость можно установить также между материалом булгарских городищ и скифо-сарматской культурой, хорошо прослеживаемую, например, в орнаментике ряда вещей.

Эта преемственность в материале объясняется прежде всего тем, что сарматы издавна кочевали в области Прикамья, одним из доказательств чего является упомянутый выше сарматский могильник III—II вв. до н. э., открытый у реки Белой близ Уфы.

Сарматские могильники и в области Кубани и в Поволжье не исчезли бесследно, на юге они перешли в культуру аланских могильников типа Салтовского; их можно наблюдать также и в позднем сарматском погребении, открытом экспедицией Нижневолжского института краеведения близ деревни Зиновьевки, Саратовской области.

Эта генетическая зависимость между булгарскими археологическими памятниками и более ранними позволяет привлечь последние для уяснения некоторых вопросов ранней истории булгар. При этом, в виду фрагментарности материала, приходится расширить хронологические границы используемого материала и привлекать все памятники I тысячелетия н. э.

Арехологический материал Среднего Поволжья V—IX вв. н. э. представлен двумя культурами. Одна занимает лесную и лесостепную часть области—культура городищ рогожной керамики оседлого населения, вторая—позднесарматская, простиравшаяся на всю степную часть края, представляет культуру кочевников.

К материалу городищ необходимо присоединить также могильники Армиевского типа, оставленные нам оседлым населением края. Их материал позволяет дополнить некоторые стороны истории Поволжья этого времени.

Городища добулгарской эпохи весьма однообразны. Почти во всех случаях они расположены по берегам рек, с двух сторон ограждены оврагами, а с напольной стороны защищены валом—одним или двумя. Таковы тородища близ Нового починка против селения Яндашево, близ деревни Камаево, у деревни Оба-Касы, у деревни Липсеры и близ деревни Вурлуги в пределах Чувашской республики. Все городища довольно однообразны:

размером в среднем 1 200—2 800 кв. м. Конструкция укреплений одна и та же. Почти во всех случаях вал сделан из обожженной глины, причем слои ее перемешиваются с прослойками угля и дерева. Такая конструкция вала обычна для городищ Дьяковой и Городецкой культур¹. Подобные городища имеют широкое распространение в Поволжье. В окрестностях Ульяновска мы имеем ряд городищ, относящихся к этой же культуре, поскольку это возможно установить по их морфологическим признакам2. Ту же картину мы встретим и южнее, в Куйбышевской области, где вся лесная полоса занята памятниками этой культуры. Как и всюду, городища занимают малодоступные места; хорошим примером этого могут служить памятники Самарской Лукиз. Размеры этих городищ невелики в среднем около 1 400 кв. м. Таковы городища на Белой горе близ селения Подгор на берегу реки Воложки; городище на горе Каменная Коза между селениями Винновское и Ермаково на берегу р. Волги; городище в местности Кирпичных сараев в 5 км от Куйбышева; городище близ селения Царевщина; городище на Лысой горе близ деревни Моркваши; городище на Вислом Камне между селениями Шелехметы и Винновка и городище близ селения Сосновый Солонец в саду ссвхоза. Часть этих городищ, повидимому, существовала весьма продолжительное время. Основной материал с этих городищ-керамика является характерным для данной культуры и делает возможной датировку памятников. Эта керамика представлена обломками посуды довольно крупных размеров, плоскодонных, с прямыми стенками. Глина чаще без примеси; обжиг выше среднего. Орнамент рогожный, покрывающий всю поверхность сосуда. Посуда вылеплена без выточки на гончарном круге. Вместе с керамикой этого рода встречаются небольшие сосуды в форме горшка с вертикальной, иногда слегка отогнутой шейкой, с тонкими стенками, с круглыми днищами. В глине этих сосудов заметна сильная примесь толченых раковин. Вылеплены они без гончарного круга. Обжиг сосуда сильный, цвет темносерый. Орнамент нанесен чеканом: круглым, трехгранным, угловым и располагается одним или несколькими рядами по шейке или плечикам сосудов. По краям сквозные отверстия.

Аналогичные городища с такого же типа керамикой встречены и южнее, в районе города Хвалынска, например городища в 7 км от города Хвалынска близ ущелья Мамакрова; городище в 5 км от Хвалынска на вершине Каланечного гребня между ущельями Петрова, Арбузова и Каланечного; городище в 5 км к западу от Хвалынска близ Бухарова ущелья; городище в 6 км от города на хребте Эрасткиных гор между ущельями Пивикова и Трех Колодцев; городище в 6 км от города в местечке Крутец; городище в 6 км от Хвалынска на хребте Катюшины горы между ущельями Арбузова и Туманова; городище в 2 км от деревни Старой Яблонки на вершине Белой горы; городище в 4 км от Старой Яблонки на хребте Козьей горы между Горелым Долом и Проснянским и другие. Ту же картину мы встретим и в районе города Вольска, где отмечены городища на стрелке, образуемой впадением речки Верхней Малыковки в Волгу, близ деревни

² В. Н. Поливанов—Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 900.

¹ В. Ф. С м о л и н—Археологические разведки в Чувашской республике в 1926 г. См. «Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XXXIII, вып. 4, стр. 18.

³ В. В. Гольмстен—Доисторическое прошлое Самарского края, журнал: «Краеведение», 1924.

Кошели, близ с. Березянки и против озера Поганая Яма¹. Подобные городища продолжаются и в Саратовской области (например Ахматское городище² близ с. Ахмата между оврагами Большим Елоховым и вторым, безыменным).

Эти городища продолжали существовать весьма долго. На них встречаются даже вещи золотоордынской эпохи. Так, например, на городище близ селения Березняки против озера Поганая Яма в верхнем слое встречены фрагменты татарской посуды, в то время как нижний слой дал вещи, обычные для ранних городищ: небольшую зернотерку, глиняные грузила и керамику с сетчатым орнаментом. Перечисленные выше городища не представляют собой какую-то новую, привнесенную со стороны культуру, а являются следствием развития местного общества. На это указывает присутствие на данных городищах нижнего слоя с архаической керамикой, приготовленной из плохо промешанного глиняного теста с примесью дресвы и пресноводных раковин. Подобная керамика имеет широкое распространение в пределах Саратовской и Сталинградской областей.

К сожалению, мало мы можем сказать о характере самих городищ. И в данном случае мы можем делать выводы, лишь опираясь на аналогичный материал Дьяковой культуры, хорошему знанию которой мы обязаны научным исследованиям проф. В. А. Городцова.

Большую часть найденного на городищах материала составляет керамика. Вся она резко делится на два типа: первый тип—керамика, покрытая сетчатым орнаментом. Она представлена в большинстве сосудами крупных размеров, приготовленными из глины без примесей или же с небольшой примесью песка; высокий, но неравномерный обжиг объясняет и наличие неравномерной окраски поверхности. Второй тип дает гладкую посуду небольшого размера с плоским дном. Посуда хорошего обжига, приготовленная так же, как и первый тип, вручную, без выточки на гончарном круге. Посуда этого типа бывает украшена по верхней части или верзвочным или точечным орнаментом, но необходимо отметить, что большинство обломков принадлежит гладким сосудам.

Соотношение разных типов керамики на разных городищах различно. На некоторых подавляющее количество принадлежит сетчатой керамике, а второй тип изделий, с гладкой поверхностью или украшенных веревочным или точечным орнаментом, встречен в незначительном числе. Таковы городища: близ г. Хвалынска, расположенные между Мамонтовым и Роговым ущельем; близ Хвалынска между ущельями Бухаровым и Петровым; городище, находящееся в 6 км от Хвалынска, между ущельями Пивиковым и Трех Колодцев; городище в 6 км от Хвалынска в местечке Крутец и некоторые другие.

Другие же городища содержат сетчатую керамику в меньшем количестве. Таковы: городище, расположенное в 5 км от Хвалынска, на вершине Каланечного гребня; городище близ деревни Старой Яблонки на вершине Белой горы. Наконец, есть еще одна, последняя категория городищ, на которых черепки сетчатой керамики встречаются лишь спорадически. Сюда относится городище близ деревни Старой Яблонки на хребте Белый

¹ С. А. Щеглов—Предварительные археологические разведки у селения Кошели и Березняки, Вольского уезда. «Труды Саратовской уч арх. комиссии», 1912, № 29.

^{1912, № 29.} ^{2} С. А. Щеглов—Поездка на Ахматское городище. «Труды Саратовской уч. арх. комиссии», 1912, № 29.

Гребень и городище, расположенное в 2 км от Старой Яблонки на склоне Золотой горы, давшее 360 обломков гладкой посуды, 30 украшенных по оплечью резным орнаментом и ни одного обломка сетчатой керамики. Таковы городища Кузнецкого района: Неклюдовское, 1-е и 2-е Армиевские, Нижнелиговское и Труевское.

По наблюдениям, сделанным Л. А. Евтюховой над материалом Дьяковых городищ, сетчатая посуда соответствует более древним стадиям

культуры и исчезает на более поздних этапах развития1.

Эти наблюдения позволяют установить хронологию памятников, без чего использование их для исторических выводов было бы невозможно.

В результате мы получаем несколько условное деление городищ по хронологическим этапам: до нашей эры; I—V вв. н. э.; V—VIII вв.; эпоха Булгарского царства—X—XIII вв. Никакого перерыва между древними городищами сетчатой керамики и «булгарскими», как это утверждает проф. В. Гольмстен², на территории Поволжья не было.

Наряду с городищами, которые могут быть определены, как укрепленные деревни, встречаются и открытые селища. Так, они известны в районе г. Хвалынска, где Радищев открыл в лесу группу ям—землянок с культурным слоем. Отмечены они и проф. В. Гольмстеном для Куйбышевской области. Таковы: селища близ деревни Новинки, селище близ деревни Винновки на берегу оврага Ближний Крутенький, селище в 5 км от Куйбышева близ Кирпичных сараев, селище близ селения Царевщины, недалеко от Куйбышева. Эти селища представляют более раннюю стадию, предшествующую образованию городищ. Как в Дьяковой культуре, где более древние селища не были еще укреплены, переход к укрепленным деревням произошел только в последующую эпоху. Здесь решает вопрос наличие большого числа сетчатой керамики, которая характеризует более древнюю стадию культуры и позволяет определить эти культурные слои, как открытые поселки, предшествующие появлению укрепленных деревень (времени первых веков до н. э.).

Другой характер имеют селища, находящиеся в Кузнецком районе в бассейне реки Узы: там, близ селения Армиева, недалеко от могильника V в., рядом с городищами открыто экспедицией несколько селищ. На одном из них раскопками обнаружены землянки 8—9 м в диаметре. Это селище примыкает к городищу, которое имеет несколько наслоений, показывающих его долговременное существование.

Нижний слой городища содержит рогожную керамику, верхний имеет гладкую керамику, аналогичную могильной. Та же керамика обнаружена и на селище. Таким образом, поздний характер этого селища можно считать установленным. Аналогичное же селище было открыто около второго Армиевского городища.

Разобранный материал позволяет пока прийти к следующим выводам. Вначале мы имеем неукрепленные поселки. Затем появляются городища, расположенные на малодоступных местах и укрепленные в наиболее уязвимых пунктах рвом и валом—городища, являющиеся в основе укрепленными деревнями (первые века н. э.). Наконец, третий этап—расселение родовой группы по селищам и превращение прежней укрепленной деревни в городище-убежище, refugium. Последний этап падает приблизительно

² См. «Труды Саратовской уч. арх. комиссии», вып. 31.

 $^{^1}$ Р. А. Евтюхова—Городище у деревни Прислон. «Труды секции археолочии РАНИОН», т. IV, стр. 216.

на время существования Армиевского могильника, т. е. приблизительно на V—VI вв. Он продолжался весьма долго, во всяком случае в булгарскую и позднее в татарскую эпоху мы встречаем этого же рода поселения. В качестве примера можно привести селище Мордова Поляна близ деревни Подгоры; селище между деревнями Выползово и Подгоры у подножья горного массива; селище близ селения Сосновый Солонец; селище близ деревни Вали; селище между деревнями Александровка и Моркваши; селище между деревнями Мордово и Кольцево на южном берегу Лерки. Из городищ-убежищ булгарской эпохи отмечу Карамлинское городище близ селения Терновая, городище на Мангихе и др.

С археологическим материалом поздних городищ теснейшим образом увязываются могильники типа Армиевского.

Таких могильников изучено несколько. Я остановлюсь на двух: Иваньковском, находящемся в пределах Чувашской республики, близ селения Иваньково на берегу р. Суры, исследованном П. П. Ефименко¹, и на могильнике Армиевском, расположенном близ селения Армиево, недалеко от Кузнецка в районе рек Узы и Суры. Первый могильник датируется временем III—VII вв. н. э. и в своем инвентаре обнаруживает полное сходство с могильниками Борковским, Курманским и Кузьминским. Армиевский могильник относится ко времени около V в. и так же, как и Иваньковский, дает в своем инвентаре черты, сходные с рязанскими могильниками. Итак, эти два могильника—одной эпохи и одной культуры. Если мы обратимся к отдельным погребениям и постараемся их проанализировать, то прежде всего обращает на себя внимание наличие богатых и бедных погребений — факт, свидетельствующий о далеко ушедшей вперед социальной диференциации. Большинство могил, как отмечает П. П. Ефименко, принадлежали бедным членам рода, очевидно потому, что сохранилась только окраина древнего могильника, но все же экспедиции удалось вскрыть одно погребение № 10, оказавшееся весьма богатым. Более выразителен Армиевский могильник. Наличие экономического неравенства устанавливается здесь весьма твердо. В качестве примера из числа бедных могил отмечу № 26, где были найдены только остатки костяка и гроба, или погребение № 37, где найдены только остатки глиняного сосуда. Наряду с такими бедными погребениями встречаются и весьма богатые, как, например, могила № 2.

Среди захоронений Армиевского могильника встречено два погребения воинов, № 33 и 72. По качеству могильного инвентаря их необходимо отнести к богатым. Отмечу, что погребение № 33 содержало остатки ткани с позументом. Обычно же в могилах находят только остатки полотняной ткани, грубой, редкой, и ткани шерстяной. Кроме того, эти могилы содержали военное оружие. Находка мечей резко выделяет их из общего числа других могил, в которых, если и найдено оружие, то только рядовое (например стрелы и копья).

Материал могильников Армиевского и Иваньковского в сочетании с материалом поселений позволяет наметить следующие основные этапы исторического развития племен Среднего Поволжья.

К началу нашей эры основным занятием населения являлось оседлое скотоводство, охота и мотыжное земледелие. О скотоводстве можно говорить на основании находок костей домашних животных: коровы, лошади,

 $^{^1}$ П. П. Е ф и м е н к о—Средневолжская экспедиция 1926—1927 гг. «Сообщения ГАИМК», 1929, стр. 168—169.

овцы и свиньи. Примером может служить материал Хвалынских городищ. Удельный вес охоты трудно определить, но во всяком случае наличие стрел и костей диких животных дает право говорить о развитии и этой отрасли хозяйства. Земледелие было мотыжным, на что указывает находка мукомольных плиток на городище Ахматском и близ селения Березняки. На таких плитках зерна растираются при помощи терок. Эти примитивные орудия размола зерна соответствуют мотыжной обработке земли. Первые поселения открытого типа, как поселение близ селения Винновка на берегу оврага Ближний Крутенький, или поселения у деревни Новинок на берегу реки Воложки, дают материал, указывающий на наличие скотоводства, которое при дальнейшем развитии явилось богатством, потребовавшим защиты. Появление первых укрепленных деревень-городищ рогожной керамики и явилось прямым следствием этого.

Если мы станем реконструировать характер семьи, то с неизбежностью должны будем прийти к выводу о переходе к патриархальной форме семьи. Скотоводство и охота, являвшиеся главной основой хозяйства, находились в руках мужчин; на долю женщин падало мотыжное земледелие, которое при своем небольшом удельном весе не могло сравниться с занятиями мужчин. Уменьшение роли женщины в производственной жизни неизбежно вело к подчиненному положению женщины в семье. Патриархальная семья-последний этап развития родового общества, время, когда разделение труда в роде приводит к переходу средств производства в собственность семейных общин. Этому освоению средств производства семейными общинами должно предшествовать разделение труда внутри рода. Армиевский могильник дал среди материала металлические орудия труда и металлические украшения. Прежде всего—орудия и оружие: мечи, копья, кельты, не считая мелких вещей, как-то: стрел, удил, ножей, все вещи, требовавшие значительного количества металла и определенной сноровки в выделке их. Бронзовые вещи, несмотря на простоту, указывают на применение литья, штамповки (например обоймы, привески конические из коллекций Армиевского могильника) или чеканки, которая применялась при нанесении орнамента на бляхи и пластинки, входившие в число украшений.

Такая сравнительно сложная техника требовала известной специализации и заставляет говорить о выделении кузнецов-литейщиков.

Развитие производительности труда шло, главным образом, по линии развития скотоводства и связанного с ним земледелия. Изменение формы поселения, замена укрепленных деревень селищами и тесно связанными с ними refugium'ами говорит о прогрессе в земледельческой технике, который в корне изменил отношения внутри возникающей патриархальной семьи. Если в данных условиях мотыжное земледелие, являясь подсобным в хозяйстве, до некоторой степени давало возможность женщине принимать участие в производстве, то преобладание в лесистой местности подсечной системы передало в руки мужчин и эту отрасль хозяйства, отстранив тем самым женщину от участия в производственной жизни и оставив за нею только домашнее хозяйство. Этот переход способствовал укреплению патриархального строя, укреплению власти мужчин. Появление открытых селищ, судя по материалу Армиевского городища, датируется временем V—VI вв. н. э. Во всяком случае, уже ко времени образования Булгарского государства этот край был в основе земледельческим. Таким его знают арабские путешественники. Ибн-Даст отмечает: «Булгаре—народ земледельческий и выделывают всякого рода зерновой хлеб,

как-то: пшеницу, ячмень, просо и др.»¹ То же говорит и Ибн-Фадлан—участник посольства халифа Муктадира в страну Булгар: «Главной пищей их служит просо и конина, хотя их поля с избытком дают ячмень и пшеницу»².

Йереход к плужной обработке земли потребовал большого количества железных орудий—топоров и сошников. Это содействовало развитию

металлургии.

Подводя итог, мы должны признать. что в середине I тысячелетия н. э. оседлые племена, занимавшие лесную часть Поволжья, уже переживали эпоху классообразования. Патриархальная семья, экономическое неравенство, военные дружины, находившиеся в лучшем экономическом положении, а в силу этого являвшиеся опорой нового института частной собственности на средства производства,—все эти явления подводят нас вплотную к классовому обществу.

Таким образом, не поддающиеся пока этническому определению оседлые племена лесной части Поволжья в середине I тысячелетия н. э. шли по пути образования государства. Но в его возникновении сыграли главную роль кочевые племена степной части Поволжья—собственно булгары.

В археологической литературе кочевники Поволжья первых веков нашей эры определяются одним общим термином «сарматы». Этот, эпитет объединял разные племенные образования, включавшие в свое число и булгар. В это время сарматы переживали эпоху распада родового строя. Несмотря на кажущееся однообразие, инвентарь погребений дает право говорить о наличии экономического неравенства. В качестве примера можно привести Сусловский могильник, погребения сарматов по реке Колышлею, Аткарского района, погребения под Бугурусланом и Куйбышевым. К числу особо богатых могил можно отнести могильный комплекс близ деревни Федоровки, Бузулукского района. О сарматах можно говорить, как о кочевниках, оседавших на зимнее время, чему в качестве параллели можно привести казахов XVIII—XIX вв. Кочевое скотоводство обусловило определенный тип разделения труда между мужчиной и женщиной. Мужчина — скотовод, охотник, женщина занимается домашним хозяйством. Роль женщины в хозяйстве была ничтожна по сравнению с мужчиной, а это говорит о патриархальном строе. Женщина потеряла свое равноправное положение и превратилась в собственность мужчины. На это указывает факт захоронения ее вместе с другим имуществом мужчины в могиле умершего. Примером может служить курган № 16 Сусловского могильника, где было обнаружено два костяка, один-мужчины лет тридцати, лежавшего в вытянутом положении на спине, другой-девочки лет двенадцати, причем голова покойницы лежала на кисти правой руки мужчины. Или же погребение кургана № 46, где посреди могилы лежал костяк мужчины зрелого возраста, а слева от него, на расстоянии 18 см, в западном подбое на дне могилы-костяк женщины средних лет в вытянутом положении. Непосредственно под костяком мужчины, лежавшим на досках, оказался костяк подростка 15 лет.

Эти два примера характеризуют положение женщин, как собственности мужчины, который, кроме того, являлся собственником и рабов. Наличие патриархального рабства устанавливается по характеру погребений.

² Там же, стр. 82—116.

¹ А. Я. Гаркави—Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах. СПБ, 1870, стр. 260—270.

В качестве примера приведу могилу около селения Тонкошуровка, где рядом с основным костяком найдены были кости человека, сложенные в специально изготовленной выемке рядом с погребенным покойником, или курган № 49, Сусловского могильника, где раб был похоронен в особой могиле. На черепе костяка заметно отверстие круглой формы. Вещей при костяке не было. В этом впускном погребении мы имеем факт насильственного умерщвления человека, на что указывает пробитый череп, а отсутствие вещей говорит о низком социальном положении погребенного.

Перед нами типичная картина заката родового строя. Этот процесс распада родовой организации был несколько ускорен благодаря тому, что Поволжье было втянуто в обмен: шкуры, скот и меха шли отсюда на далекий юг. Но значение этой торговли не приходится переоценивать. Импортные вещи не часты. Золотые бляшки, бусы, римские фибулы—все эти вещи очень дешевые, массового производства, и встречаются они далеко не во всех погребениях.

Этот процесс классообразования у кочевников продолжался в первые века нашей эры. Часть погребений может быть доведена до IV в. н. э.

Более поздние эпохи представлены слабо. Во всяком случае «сарматская» культура, правда, в очень фрагментированном виде, прослеживается в VII-VIII вв. н. э. В районе рек Сопры и Узы вскрыто одно-«сарматское» погребение. Поздние «сарматские» погребения были исследованы Арзютовым близ г. Аткарска¹. Однако поздние погребения совсем. иные. Вещи по характеру близки вещам Салтовского и Борисовского могильников. Нужно учесть, что с IV—V вв. в Поволжье появляются новые волны кочевников, которые накладывают на «сарматские» племена свой отпечаток и смешиваются с ними. История называет гуннов, которые прошли из Азии² по южной части Приволжских степей. Гунны, несомненно, в некоторой части смешались с «сарматами». Движение гуннов произвело некоторую перегруппировку среди «сарматов», нашедшую свое отражение в известиях византийских историков-Феофана и др., и привело к переходу булгар на Каму. В языке современных чувашей, которых: связывают с древними булгарами, мы найдем немало гуннских слов³. Таким образом, смешение древних обитателей Приволжских степей—сарявляется несомненным. матов---с гуннами

Сравнивая материал оседлых племен, оставивших нам городища и могильники типа Армиевского, с материалом сарматской культуры, мы можем констатировать, что процесс классообразования у кочевников проходил более интенсивно, чем у оседлого населения края.

О тесном взаимоотношении оседлого населения и кочевников свидетельствует археологический материал. Часто оседлое население получало от кочевников украшения, лучшее оружие, отдавая взамен сырье; эти отношения носили далеко не мирный характер. На территории Республики немцев Поволжья был найден костяк с сарматским инвентарем; в бедре костяка оказался костяной наконечник стрелы—типичный для культуры оседлого населения.

Вещественный материал, оставленный кочевыми и оседлыми племенами времени второй половины I тысячелетия н.э., позволяет установить,

¹ «Сборник Нижневолжского краевого музея», 1932, стр. 56, прим. 2.

² К. А. Иностранцев—Хунну и гунны. ³ Н. И. Ашмарин—Болгары и чуваши. «Известия общества археологии, истории и этнографии», т. XVIII, вып. 1, 2, 3, стр. 51 сл.

что феодальные отношения в Среднем Поволжье сложились и оформились на большой территории и у кочевников и (немного позднее) у оседлого населения края к ІХ в. н. э.

Археологический материал показывает, что в образовании Булгарского государства участвовали многие племена. К этому же выводу приводит нас и лингвистический анализ.

Различные города сложившегося Булгарского государства принадлежали первоначально разным племенам. Н. Я. Марр¹ отмечает, что «Сувар—название города—племенное название, что такое племенное название существовало при булгарах...» и далее: «Одновременно с этим становится ясным, что города Приволжья именовались по племенным названиям, как вообще у всех яфетических народов». Кочевники, которые представлены племенами, входившими, судя по памятникам материальной культуры, в комплекс сармато-алан, являлись булгарами, т. е. одним из племен, входивших в существовавший в V—VI вв. булгарский союз племен, покоторому они и могли получить свое имя, дав его в свою очередь одному из городов по Волге.

Более высокая военная организация кочевников дала им перевес над оседлыми соседями, и то обстоятельство, что все государство именовалось «булгарским», показывает, что булгары подчинили себе более слабых: феодалов-кочевников и феодалов, вышедших из среды оседлого населения.

Пережитки кочевого хозяйства у болгарской знати сохранялись весьма долго—и это также служит доказательством их былого кочевого хозяйства. Еще в X в. на лето булгары оставляли города и переходилик кочевому образу жизни. Араб Абул-Касим Эль-Балхи, автор X в., и Ибн-Хаукаль ^{2} отмечают это.

Археологический материал Поволжья дает право говорить, что в Булгарское царство вошли частично племена, связанные генетически с Ананьинской и Пьяноборской культурами, с культурой городищ рогожной керамики, и булгары-кочевники. И делается совершенно понятным, что арабские писатели давали различную характеристику языка булгар. «Язык булгар сходен с языком хазар»,—пишет Ибн-Хаукаль. Того же мнения придерживается и Эль-Балхи. Напротив, Ибн-Фадлан отмечает, что хазарский язык не похож на остальные, а Хаджи-Хальфа указывает, что язык и нравы булгар похожи на язык и нравы Руси. Эти противоречия и сбивчивые показания совершенно понятны: булгарская государственность сложилась из ряда племен.

Булгарское государство сложилось в эпоху расцвета Хазарской державы, когда складывалось Русское государство в Новгородской земле, в эпоху, к которой относится легенда о призвании варягов.

В первый период своего существования (IX в.—начало X в.) Булгарское государство представляло не единое государство, а ряд отдельных феодальных княжеств.

Об этой эпохе мы можем судить по письму хазарского царя Иосифа (в пространной редакции). «Ты еще настойчиво спрашивал меня касательно моей страны и каково протяжение моего владения. Я тебе сообщаю, что живу у реки по имени Итиль, в конце реки Г-р-гана. Начало этой реки обращено к востоку на протяжении четырех месяцев пути. У этой реки расположены многочисленные народы в селах и городах, некоторые—в откры-

¹ Н. Я. Марр—Чуваши яфетиды на Волге. Чебоксары, 1921, стр. 49.

² А. Я. Гаркави—Сказания мусульманских писателей, стр. 188—216.

тых местностях, а другие—в укрепленных (стенами) городах. Вот их имена: Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, В-н-н-т-р, С-в-р, С-л-вины. Каждый народ не поддается точному обследованию и им нет числа. Все они мне служат и платят дань»¹.

В первые века нашей эры торговля Юга и Востока с Севером шла по Волге. В эпоху Сасанидов торговые связи укрепились. Естественно, что Булгар вырос в значительной мере в связи с этим, как крупный торговый центр, и совершенно естественно, что князья булгарские первые стали на путь объединения раздробленных княжеств в одно целое.

Много дало в этом отношении поражение хазар печенегами и русским князем Святославом. Это обстоятельство помогло булгарским княжествам

эмансипироваться от власти хазар.

С Х в. начинается интенсивная борьба булгарских князей за первенство. О такой борьбе, происходившей между двумя крупными городами— Булгаром и Суваром-можно судить по нумизматическому материалу. Из суварских монет до нас дошли: монета Наср бен-Ахмеда, чеканенная в 319 г. хиджры, затем—монеты Талиба бен-Ахмеда от 337, 338, 341, 347 гг. хиджры и монеты Мумина бен-Ахмеда от 366 и 370 гг. (одна монета чеканена в Суваре и две-в Булгарах). Этот нумизматический материал и некоторые сведения арабских путешественников дают основание для следующих выводов. Повидимому, в половине X в. произошло объединение Булгара и Сувара под властью одного хана. Восточные писатели этого времени, начиная с Эль-Балхи, и, позднее, составитель восточной географии Ибн-Хаукаль дают суммарную характеристику этих двух городов. Это объединение двух областей могло произойти в эпоху между Насром и Талибом, при отце последнего, Ахмеде. А до этого времени, во всяком случае при булгарском князе Альмасе Ибн-Шальки Балтаваре, Сувар мог представлять серьезную враждебную силу, заставившую князя Альмаса прибегнуть к помощи халифата.

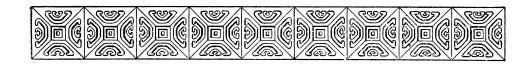
После Ахмеда эти области были поделены между его сыновьями Талибом и Мумином, оставившими нам ряд монет, чеканенных в Суваре в 337, 338, 341, 347 гг. хиджры, и в Булгаре и Суваре—в 366 г. Борьба между братьями привела к войне и к потере политической самостоятельности Суваром в 976 г. н. э. Об этом и свидетельствуют монеты Мумина, чеканенные в Булгаре и Суваре в 366 г. и в Булгаре в 370 г. хиджры.

Х век в истории Булгарского царства—это эпоха расцвета. Границы государства расширяются к югу. Территория Самарской Луки имеет городища, относящиеся в булгарской культуре. При расширении границ царства к югу были включены в государство области, прежде входившие в хазарский каганат. Мукадеси упоминает об одном городе в стране Булгар, который больше обоих (Булгара и Сувара) городов. Жители сперва были иудеями, а потом сделались мусульманами, когда-то отправлялись к берегу моря, но теперь возвратились в этот город². Повидимому, этот город ранее принадлежал хазарам.

¹ П. К. Коковцов—Еврейско-хазарская переписка в X в. Академия наук СССР, 1932, стр. 98—99.

² Д. А. Хвольсон—Известия Ибн-Даста. СПБ, 1870.

ГАЛИАТСКИЙ МОГИЛЬНИК, КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АЛАН-ОССОВ

(По материалам Северокавказской экспедиции Государственного Исторического музея 1935 г.)

Е. И. Крупнов

Новые данные, из года в год получаемые в результате последовательных исследований культур прошлого и отдельных археологических объектов, дополняют и корректируют наши представления об этих памятниках, созданные при первоначальном ознакомлении с ними.

Если для археологических культур степной и лесостепной полосы такие признаки, как курганные, ямные, катакомбные погребения или погребения в срубах и т. д., и могут являться признаками устойчивыми, характеризующими определенную культуру определенной эпохи, то в условиях Кавказа эти признаки, как правило, теряют свою устойчивость и исключительность. Достаточно наглядно это положение можно проиллюстрировать примерами из истории исследования памятников Кобанской культуры.

Как известно, с момента первых исследований Кобанского могильника (Г. Д. Филимоновым, Б. В. Антоновичем, Э. Шантром и др.) было установлено, что для кобанских погребений характерно скорченное положение костяка в каменном ящике, без внешних признаков каких-либо надмогильных сооружений. Уже последующие изыскания обнаружили наряду с погребениями в каменных ящиках и погребения в колодцах, обложенных булыжником².

Исследованиями же нашего времени установлены новые варианты способов погребения носителей Кобанской культуры. Так, например, раскопками Радищева в 1921 г. по г. Орджоникидзе типичнейший кобанский инвентарь был добыт в кургане. Курганные же погребения сопровождались кобанской бронзой и в Кабарде (раскопки Нальчикского музея)³. И, наконец, в самое последнее время кобанская бронза была обнаружена с костяками в глиняных сосудах, вскрытых в окрестностях сел. Эшери (Абхазия)⁴.

4 М. М. Ивашенко-Иследование арх. памятников матер. культуры в Абха-

зии, Тифлис 1935, стр. 51-63.

¹ Г. Д. Филимонов—Доисторическая культура Осетии; «Протоколы заседания комитета по устройству Антропол. выставки», М., 1878, № 20; Б. В. Антонович—Дневник раскопок на Кавказе. «Труды подготовительного комитета к V Археолог. съезду в Тифлисе»; Е. С hantre—Recherches anthropologiques dans le Caucase. 1885—1887, t. I—IV.

² П. С. У варова—Могильники Сев. Кавказа. МАК, 1900, вып. VIII, стр. 87.

² П. С. Уварова—Могильники Сев. Кавказа. МАК, 1900, вып. VIII, стр. 87. ³ А. А. Иессен—К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе «Известия ГАИМК», 1935, стр. 135.

Все, что сказано о Кобанской культуре, в равной мере может относиться и к кругу памятников раннего средневековья—VI—X вв.

На примерах способов погребения эпохи раннего средневековья как нельзя лучше убеждаешься в том, что на Кавказе, и особенно в горной его части, такие признаки, как погребения в каменных ящиках, и другие, ранее казавшиеся устойчивыми, позволявшими характеризовать собою определенные комплексы памятников, в действительности не являются таковыми.

Очевидно, при изучении культур Кавказа необходимо учитывать специфику местных условий и раньше всего каменистость почвы, острый недостаток земли, что заставляло древнее население каждый мало-мальски сносный земельный участок использовать под пашню, а не под могильник.

Учтя это обстоятельство, мы без затруднения поймем и другое—почему в последующую эпоху (ІІ тысячелетие н. э.) все горные области Кавказа, в связи с возрастающей плотностью населения (судя по остаткам населенных пунктов), почти сплошь покрываются надземными склепами-усыпальницами в несколько ярусов, в которых в течение 3-4 столетий находили упокоение целые фамилии горцев. Подобный способ захоронения мертвых значительно экономил земельную площадь для живых. Все эти надземные, многоярусные склепы («каши»—у чеченцев и ингушей, «дзападзы»—у осетин, «обаи»—у дигорцев, «кашенэ»—у кабардинцев) и были вызваны к жизни земельной теснотой, которая особенно чувствовалась с возрастающей плотностью населения В условиях горного Кавказа, только учтя это обстоятельство и можно понять живучесть и тысячелетнее использование меняющимся населением древнейших могильников до самого последнего времени. Лучшим примером, подтверждающим это, может служить могильник, расположенный близ сел. Галиат в Дигории (Сев.-Осетинская АССР). Обычное представление у археологов о Галиатском, равно как и соседних Камунтских могильниках, прочно ассоциируется с археологическим материалом VI—X вв., добытым первыми исследователями катакомб и каменных ящиков, вскрытых на этих могильниках. Правда, последующими изысканиями и находками (отдельные находки кобанской бронзы, регистрация надземных и полуподземных склепов XIV—XVII вв.) были внесены некоторые изменения в представление об этих могильниках, но в основном оно оставалось прежним, создавшимся при первом знакомстве с объектами.

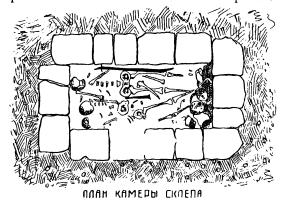
Экспедицией Гос. Исторического музея 1935 г. на территории Галиатского могильника были вскрыты три погребения, одно от другого отделяющиеся громадными отрезками времени. Первое, скорченное погребение в грунте, по ряду признаков сближается с погребениями северокавказской культуры II тысячелетия до н. э. Второе, коллективное погребение, являющееся предметом настоящей статьи, связывается с кругом памятников алано-хазарской культуры VI—X вв. и, наконец, третье, в каменном ящике, датируется концом XVIII—началом XIX в.

Уже наши раскопки 1935 г. показывают, какой широкий хронологический диапазон имеет Галиатский могильник. Как выясняется, этой особенностью отличаются многие могильники горного Кавказа.

Самый значительный Галиатский могильник расположен по склону отрога, под углом в 24°, против самого сел. Галиат, и отделен от него только

 $^{^1}$ В. Ф. Миллер, МАК, 1888, вып. 1; Г. А. Кокиев—Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928, стр. 31—38.

речкой Коми-доном. Могильные памятники этого объекта очень разнотипны и разновременны. Встречаются и скорченные погребения в грунте, каменные ящики, катакомбы, склепы. Здесь же и поздние по времени могилы с выступающими камнями, и полуподземные и надземные склепы XIV—XVII вв., и современные нам могилы с надгробными надписями. Поверхность этого могильника мало изрыта ямами. Находясь в поле зре-

ния всего сел. Галиат и являясь похоронным полем и в последние века, этот могильник не подвергался хищническим раскопкам с целью добычи дорогих вещей, подобно тому, как это практиковалось на других Галиатских могильниках «Гуронта» и «Фаскау».

Раскопками 1935 г. почти в центре могильника на глубине около 0,5 м

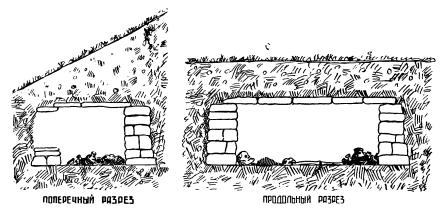

Рис. 1. Раскопки могильника у сел. Галиат (Сев.-Осет. АССР)

была обнаружена прямоугольная камера, или склеп, сложенная из толстых, грубо обтесанных плит и брусков известняка и сланцевых пород камня. Камеру покрывали массивные плиты. Кладка стен сухая. В одной из продольных сторон камеры—лаз или вход (рис. 1).

Проникшей в камеру землей и грызунами были перемещены некоторые наиболее легкие предметы, входившие в погребальный инвентарь погребения, и даже сдвинуты костяки. Это обстоятельство несколько затруднило точное определение по назначению ряда вещей, не найденных in situ.

Склеп содержал коллективное погребение, состоящее из трех костяков: одного женского (лежавшего первым от лаза) и двух мужских.

В ногах всех трех костяков, заполняя всю ширину камеры, находились сложенные скученно: 2 деревянных седла, 4 глиняных кувшина, из которых три имели по 2 ручки, 2 деревянных блюда на ножках, 1 деревянная чаша, остатки конской сбруи, удила, псалии, остатки колчана с 18 желез-

ными трехперыми черешковыми наконечниками стрел и другие мелкие предметы.

Хорошо сохранившиеся седла являются лучшими предметами склепа (рис. 2). Оба седла одного типа. Обломок подобного седла (задней части) был обнаружен Д. Я. Самоквасовым в 21-й катакомбе могильника Чим в 1882 г. Поразительное сходство с галиатскими седлами имеет седло на известном каменном всаднике из Бердянского уезда1.

Кроме указанных предметов, весь могильный инвентарь составляли

следующие предметы:

1) Две бляхи серебряные, штампованные, выпуклые, золоченые, орнаментированы двухрядным орнаментом из кружков и уточек (табл. 1,

Рис. 2. Деревянное седло `

№ 1). Некоторое сходство имеют с бляхой из Камунты из собрания Эрмитажа (МАК, в. 8, таблица СХХV, рис. 9).

- 2) Девять бляшек серебряных, поясных, золоченых, с внутренней стороны заполненных пастой. К ремню прикреплялись штифтиками. Подобные бляшки, но грубее, обнаружены были И. А. Владимировым в 1898 г. в «Песчанке», катакомба № 4 («Отчет Археолог. ком. за 1898 г.» стр. 128, рис. 11, 12).
- 3) Восемь бляшек, подобных № 2, но, в отличие от первых, не заполненных пастой.
- 4) Шесть целых бляшек, «крылатых», штампованных. Очевидно, поясные.
  - 5) Пять бляшек серебряных, золоченых.
  - 6) Две бляшки той же техники, в виде подковок; поясные.

Аналогии этим бляшкам встречаются в Приуралье², на Кавказе³,

¹ «Отчет Археолог. ком. за 1904 г.», стр. 124,

² МАК вып. 26, табл. XXXVIII, рис. 8. ³ МАК, вып. 10, табл. XIV, рис. 10.

Рис. 3. Находки с Галиатском могильнике

были найдены подобные бляшки и в Томниковском могильнике¹, и даже в Венгрии².

7) Четыре наконечника пояса той же техники.

- 8) Один наконечник пояса, серебряный, с изображением фантастического зверя—грифона. Абсолютное сходство с этим наконечником имеет наконечник из катакомбы № 5 «Песчанки».
- 9) Две бляшки-трилистника той же техники, подобные бляшкам из Камунты.
- 10) Две бляшки от поясного набора, близкие бляшкам из Борковского могильника, погребение № 42.
- 11) Две бляшки треугольные, с глухой петелькой, аналогичные бляшкам из Салтовского могильника.
  - 12) Двадцать три бляшки от конского набора, внутри заполненные пастой.

13) Девятнадцать блях прямоугольных, от конского набора.

- 14) Четыре бляхи круглые, орнаментированные, от конской сбруи.
- 15) Три бляхи круглые, неорнаментированные, от конской сбруи.

16) Две медные лунницы, штампованные.

- 17) Сорок восемь различных бус, встречающие себе аналогии во многих памятниках Северного Кавказа VI—X вв. Все они находились у женского скелета.
- 18) Золотая монета с двумя отверстиями, византийского императора Ираклия (610—641 гг.). Найдена была среди бус у женского костяка. Сильно потертая.
- 19) Сабля железная, с прямым перекрестьем у рукояти. Общая длина— 90 см. Подобные сабли, слабо изогнутые, были находимы в могильниках Северного Кавказа, Кобанском, у сел. Алхасте и др.
  - 20) Четыре железных ножа с короткими рукоятками.
  - 21) Наконечник копья железный.
  - 22) Два железных крючка от колчана.
  - 23) Две железных дужки-накладки от колчана.
- 24) Серебряный диргем отличной сохранности. Диргем бит в Басре в 701 г. при омейядском халифе Абдуль Малеке (685—705 гг.). Диргем был найден под одним из седел.

Кроме того, были обнаружены и другие вещи, имеющие себе многочисленные аналогии среди памятников эпохи раннего средневековья.

Уже при перечислении всего могильного инвентаря даже вскользь отмеченные аналогии и параллели многим предметам среди ряда памятников Северного Кавказа, Харьковщины и других мест устанавливают ориентировочную дату галиатского погребения. Это-VI-X вв. Следует признать, что для точного определения времени нового памятника эпохи раннего средневековья имеются определенные трудности. Они заключаются, прежде всего, в том, что почти все, без исключения, объекты этой эпохи датировались не по могилам и комплексам, а в целом, причем могильники определялись только по монетам, как будто весь сопутствующий материал не вносил никаких коррективов в датировки, установленные по монетам, которые в ряде случаев функций денег уже не несли, а служили украшениями и, следовательно, уже никак не могли являться опорными точками для точного определения времени памятника^з. Даты

¹ МАК, вып. 8, стр. 91, 130.

² «Отчет Археолог. ком.», 1898, стр. 133, рис. 43, 44. ³ J. Hampel—Atlas, Taf. 112.

ряда могильников, как Чми, Камунта, Дергавс и др., определяются просто—от VI до IX вв., без детального определения отдельных комплексов или групп.

На данной стадии изучения памятников этой эпохи мне представляется необходимым не ограничиваться подобным определением, основанным только на сближении отдельных объектов. Если мы не будем пытаться по возможности точно хронологически определить каждый новый комплекс в отдельности, мы тем самым лишаемся возможности иметь твердые опорные даты для датировки и старого материала.

В инвентаре Галиатского склепа отсутствуют руководящие формы, характерные для более ранних столетий, чем VI в. Нет здесь золотых блях, украшенных альмандинами и другими цветными камнями и стеклами. Отсутствуют даже бронзовые фибулы, часто встречаемые в погребениях, вскрытых Владимировым в урочище «Песчанка», определяемых им «эпохой не ранее VI в.». Сравнение всего инвентаря с владимировским материалом убеждает в том, что наряду с некоторой близостью форм и даже отдельных деталей в вещах мы имеем и существенное различие. Оно заключается, прежде всего, в технике выполнения первой группы вещей и второй. В то время как владимировские вещи в большинстве своем—бронзовые или медные, сделанные довольно грубо, некоторые даже литые, галиатские бляшки, например,—серебряные, штампованные или тисненые, покрытые тончайшим слоем золота. Очевидно, это—дальнейшая стадия техники изготовления вещей, имеющих одни и те же функции.

Вместе с тем галиатские предметы не имеют уже той монументальности и прочности, которой отличаются инвентари «Песчанки», например катакомбы № 6, 7, 8. Среди подавляющего большинства вещей Галиатского склепа, наоборот, наблюдается вычурность форм, бутафорская пышность отделки и непрочность. Весь комплекс украшений носит черты более позднего времени.

Золотая византийская монета, чеканенная в первой половине VII в., не решает вопроса об окончательной дате погребения. Ее состояние указывает, что захоронение в склепе вряд ли могло состояться и во второй половине VII в. Сильная истертость монеты говорит о том, что она ходила по рукам, прежде чем попасть в ожерелье, а затем и в могилу, не один десяток лет. Использование ее в ожерелье вряд ли продолжалось более одного-двух десятков лет, судя по сохранившимся заусеницам у краев отверстий в монете.

Для суждения о точной дате захоронения в Галиатском склепе серьезной, очень убедительной опорой является диргем. Серебряный арабский диргем, битый в Басре в 81 г. хиджры (700—701 гг. до н. э.), без какихлибо следов использования его не по назначению, отличной сохранности, с безупречно четкими надписями на обеих сторонах, в данном случае является единственным и безусловно верным аргументом в утверждении даты захоронения. Это—VIII в. Больше того, особенность его состояния—редкая сохранность—позволяет с полной категоричностью утверждать, что захоронение в склепе состоялось в первой половине VIII в. и никак не позднее, ибо трудно себе представить, чтобы тонкий серебряный диргем мог пропутешествовать почти от Персидского залива до Северного Кавказа в течение долгого времени, прекрасно сохранив при этом все детали чеканки. Разумеется, в отношении всего вещевого комплекса нельзя придерживаться такой категоричности. Вероятнее всего, весь инвентарь бытовал и в VII в.

Вне всяких сомнений, мы имеем дело с семейной гробницей. В этом неоспоримо убеждает опыт систематических исследований Верхнесалтовских могильников, родственных Северокавказским этого же времени.

Было бы неправильно полагать, что все три покойника были положены одновременно. Совершенно очевидно, что первым в склеп был положен мужчина с саблей и последней—женщина. Но вряд ли эти моменты были отделены друг от друга большим промежутком времени, чем одно-два десятилетия.

Выше уже было установлено, что инвентарь Галиатского склепа связывается с многочисленными памятниками Предкавказья и Украины, объединяемыми эпохой VI—X вв. Известно, что рядом исследователей этот круг памятников связывался с аланами, бытование которых в Предкавказье и Придонье отмечено и историческими свидетельствами.

Но вряд ли мы будем правы, если весь этот очень широкий круг памятников будем приписывать аланам как единому в этнически-языковом отношении народу. Еще в древности (Аммиан Марцеллин) подвергалось сомнению племенное единство аланов. Вероятнее всего, что еще до подчинения хазарам это был конгломерат различных сарматских племен, среди которых только в определенных районах аланский элемент превалировал, что и дало повод раннесредневековым писателям отмечать аланов большими массами и на значительной территории. На Северном же Кавказе аланский элемент безусловно господствовал, и очень долгое время.

Разумеется, правы исследователи, призывающие быть осторожнее и не искать аланов, на основании только сходства археологического материала, ни в Тамбовском, ни в Вятском районах. Последние данные говорят о том, что родственный Салтовскому и Северокавказскому материал имеется даже в Средней Азии. Конечно, об этническом родстве населения столь отдаленных областей не может быть и речи.

Территориально широкое распространение богатого ассортимента материала и самой техники изготовления археологического материала не будет казаться столь странным, если мы учтем очень оживленные политические и торговые международные связи племен и народов Юго-восточной Европы, ставшие особенно заметными с момента возвышения Хазарской державы. Только в таком аспекте мне представляется правильным разрешение аланской проблемы. За всем этим обильным и разнообразным материалом из самых отдаленных областей мы не можем рассматривать аланов, как этнически чистое, определенное имя, независимо от того, какое понятие мы будем вкладывать в самое имя аланы—«человек», «люди», «народ» и т. д.

Но применительно к Северному Кавказу эта категоричность отрицания обязательной связи археологического материала с этносом, мне кажется, неуместна. Увлечение в этом направлении может оказаться просто вредным и привести к тому, что мы обескровим богатое прошлое многих народов, ныне населяющих Советский Союз, и раньше всего—осетин, родство которых с аланами как будто считается бесспорно установленным.

С древнейших времен идут исторические справки, регистрирующие бытование аланских племен в предгорьях Северного Кавказа.

По Прокопию (современнику Юстиниана), аланы занимают страну, которая простирается от Кавказского хребта до Каспийских ворот. Подобное же свидетельство мы находим и в письме хазарского царя Иосифа (960 г.).

Как известно, через аланов, занимавших центральное положение на Северном Кавказе, осуществлялись связи с Византией авар, хазар и других

народов¹. Аланы были той реальной силой, с которой приходилось считаться и Византии, и арабам, и хазарам. И если даже под именем аланов разуметь множество соседственных «племен, покоренных коренными носителями этого имени, которым обычно приписывается иранское происхождение и прямыми потомками которых до сих пор принято считать современных осетин (оссов)»², то и тогда мы должны будем признать, что местонахождением этих коренных носителей имени алан будет являться срединная часть предгорья Северного Кавказа вообще, территория Северо-Осетинской АССР, в частности.

Особенно важно отметить, что здесь, как нигде, на определенный археологический родственный материал прочным слоем ложатся свидетельства средневековых писателей. Нельзя не учитывать также и большую работу, проделанную В. Ф. Миллером по языковому материалу³.

Все это, вместе взятое, согласно говорит о том, что в эпоху VI—X вв. н. э. срединную часть предгорья Северного Кавказа, в частности, территоторию Северной Осетии, населяли аланские племена.

Возвращаясь к галиатскому коллективному погребению в склепе, я считаю возможным рассматривать последнее, как погребение семьи аланского воина, могильный инвентарь которого несет на себе отражение тех международных связей аланских племен с Югом (Византия) и Востоком (арабы), которые особенно характерны для периода расцвета Хазарской державы, в состав которой давно уже входили многие аланские племена.

¹ М. И. Артамонов—Очерки древней истории хазар, 1937, стр. 25—28 ² Б. Е. Деген-Ковалевский — Археологические работы на новостройках, т. II, стр. 28. ³ В. Ф. Миллер—Осетинские этюды, томы I—III.

ХАЛДЫ-УРАРТИЙЦЫ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ ВАНСКОГО ЦАРСТВА

В. Н. Худадов

I Іоследняя халдская надпись, надпись царя Еримена III, датируется приблизительно 575 г. до н. э. Бегистунская надпись, датируемая приблизительно 525 г. до н. э., относит области, прилегающие к Ванскому озеру, к Армении. Армянскими их считает и Геродот, а Ксенофонт, прошедший вместе с Десятью тысячами по долине Мурад-су и Верхнего Аракса, дает достаточно точные границы Армении: на юге-Бохтан-су, на севере. повидимому, хребет Кесадаг. Таким образом, в районе собственно Ванского озера уже в VI в. до н. э. мы не встречаем больше халдов-урартийцев. Значит ли это, что они исчезли бесследно или же переродились в течение полустолетия (575—525 гг. до н. э.) в армян? Отнюдь нет, и ряд классических авторов говорит нам о халдах-урартийцах в эпоху, последующую за падением Ванского царства. Начну с современника Дария Гистаспа, Гекатея Милетского. В одном из отрывков Гекатей определенно γκαзывает, что κ югу от халивов находятся армяне (γαλύβοισι πρὸς νότον Αρμένοι διμουρέουσιν). Наименование халивы является равнозначащим названию халды (см. Страбон, XII, 3, 19, а также Ксенофонт— Анабазис, где часто эти названия чередуются). Халды-халивы прекрасно известны Ксенофонту. Он посвящает им целые страницы в «Киропедии» и в «Анабазисе». В «Киропедии», в частности, в кн. III, гл. 1, § 34; III, 2, 1; III, 2,7; VII, 2, 5; в «Анабазисе»—VII, 8, 25; IV, 3, 4; V, 5, 17; V, 5, 1; IV, 7, 15 ит. д. Они известны Э с х и л у—«Прикованный Прометей», 74; «Семеро против Фив», 727; Еврипид у (см. «Схолии к Алкестиде», 980); Аристот е л ю—περί θαυμασίων ακουσμάτων—«О достопримечательностях», т. II, § 48; Геродот у под названием алародийцы, III, 94 и VII, 79. Гекатей Милетский и Ксенофонт знают два халдских образования: одно, обширное и независимое, к северу от Армении, другое, незначительное и зависимое от мосинейков, на Черном море. Остальным классическим авторам, за исключением Геродота и Диодора Сицилийского (кн. XIV, 29) известны лишь черноморские халды-халивы. Здесь, в районе Трапезунда, Фарнакии, Котиоры наименования халды и их область Халдия оказались чрезвычайно устойчивыми. Черноморские халды известны Стефану Византийскому (V в.), область, вернее округ, Халдия, — Константину Порфирородному (Х в.). Княжество Халдия продержалось вплот до турецкого завоевания (вторая половина XV в.), а Халдская митрополия—до Локарнского договора, т. е. вплоть до наших дней. Таким образом, халдыурартийцы не были полностью ассимилированы армянами; они на протяжении столетий продолжали жить самостоятельной жизнью как в Центральном Закавказье, так и на Черноморском побережье. Название $\chi \acute{\alpha} \lambda \upsilon \beta : \varsigma$ или халивы легко может быть объяснено при помощи картвельских языков. Так, по-мегрельски слово «хал»— означает обжигать, погрузинкси слово «халва» — означает обжигание, «мхалави»—обжигающий, откуда весьма легко получить «халивы», известные классикам как металлурги. В первобытной же металлургии, конечно, наиболее поражающим действием было обжигание руды, а не ее ковка. Поэтому не удивительно, что на ранней ступени обработки металла племя или народ, занимавшийся ею, обозначались под названием обжигатель, а не кузнец. Совпадение халды-халивы совершенно случайное, так как первое из наименований по-грузински передается с придыхательным κ , второе же—с χ .

Известны ли халды грузинским и армянским летописцам? Да, в чем можно убедиться из следующих цитат: «Как только это заметил Василий «Македонский, император Византийский XI в.), повернул из Триалетии, обошел Джавахетию и Артан во время зимы и, еще больше прежнего опустошив их, ушел и стал зимовать в стране Халдийской, в городе Трепизонде» (см. Н. Жордания—Три хроники. Хроника Сумбата. Жизнь и известия о Багратидах, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», № 28, стр. 163, § 60, Тифлис, 1900). Данные хроники Сумбата вполне подтверждаются следующими данными армянского историка XI в. Аристака Лаздивертского: «Забрав пленных, Василий велел увести их в Халдийскую провинцию и сам направил свой путь через Басен и пришел в Вананд...» (там ж е, сноска на стр. 163). «Разрушив все до наступления зимы, Василий, по словам Аристакэса, цветущую страну превратил в бесплодную пустыню и вернулся на зимовку к берегам Понта и остановился в стране Халди» («История Аристакэса Ластивераци», гл. I и II, там ж е, стр. 164).

Подобных текстов можно привести множество. Но есть один текст, который заслуживает сугубого внимания. Текст этот относится к разрушению идолов картвельцев—Армаза, Гаци и Га перед крещением грузинского царя Мириана Ниной. Текст этот гласит: «...царь Мириан и весь народ пришли, чтобы искать своих богов и, не найдя их. они... встревожились и удивились. Большинство... народа... говорило: бог халдейцев Итруджан и наш бог Армаз всегда во вражде между собой, ибо сей Армаз когда-то напустил на него море, а теперь тот отомстил и это явил на этом» (Ж о р д а н и я—Три хроники, стр. 69).

Крещение Грузии имело место в середине IV в. н. э., т. е. почти через тысячу лет после падения Вавилонского царства Навуходоносора, царства, связанного с древней Халдеей. Могли ли воспоминания о ней сохраниться в памяти картвельских племен, незнакомых, конечно, ни с библией, ни с классическими авторами, сообщавшими о Берозе? Конечно, нет. Но если халдейцы ни в коем случае не могли быть известны картвельцам IV в., то халды, один из основных элементов, создавших грузинскую народность, наоборот, сами являлись одним из протокартвельских племен, обитавших в области, находившейся к юго-востоку от района Тбилиси. На что указывает борьба между Армазом, племенным богом иверов, возглавлявших тогда восточных картвельцев, и Итруджаном, богом халдов? По-моему, на борьбу из-за гегемонии между отдельными картвельскими племенами, не слившимися еще в одну народность. На это же

указывает наличие различных династий—Картлосидов, Небротидов и т. д.—и различные двоецарствия. Здесь, в борьбе двух племенных богов, Армаза и Итруджана, мы имеем далекий отголосок борьбы племен иверов и халдов за гегемонию над восточными картвельцами. Нечего и говорить, что Армаз, главный бог иверов, ничего общего не имел с персидским Агура-Маздой, Ормуздом классических авторов. Этому прежде всего противоречат тексты грузинской хроники «Мокцевай Картлисай», посвященной обращению грузин в христианство. Вот, что мы находим в ней: «И видела я (Нина): вот стоял человек из меди... и каждый говорил: горе мне, если я упустил себе что-нибудь для возвеличения бога Армаза, если я позволил себе что-нибудь говорить с евреями, или довелось мне слушать магов, служителей огня, или тех, которые говорят по невежеству, что есть какой-то великий бог небесный. И как бы он (Армаз) не нашел какого-нибудь порока во мне и не поразил бы меня своим мечом» (Ж о р д а н и я—Три хроники, стр. 68).

Таким образом, культу Армаза ясно противополагались верования магов и культ огня. Исторические данные не позволяют отождествлять культ картвельского бога Армаза с Агура-Маздой персов. Судя по древним грузинским традициям, отраженным в различных хрониках, в «Картлис Цховреба», «Мокцевай Картлисай» и т. д., культ бога Армаза был введен царем Фарнаозом в IV в. до н. э., вскоре после македонского завоевания Передней Азии, т. е. в эпоху падения персидского могущества. Странно было бы думать, что бог побежденных Агура-Мазда мог стать объектом культа, притом у народа, находившегося в очень отдаленных районах от центров зороастризма. К тому же зороастризм стал орудием распространения персидского влияния лишь в эпоху Сасанидов, т. е. шесть столетий спустя. Поэтому сомнительно, чтобы культ Агура-Мазды мог получить распространение у картвельцев в IV в. до н. э. К та-

кому же выводу приводят и соображения лингвистические1.

Агура-Мазда у греческих авторов превратился в Ормузда, точно так же, как Кшайарша в Ксеркса, Дарайавуш в Дария и т. д. Можно ли предполагать, что в картвельских языках имели место идентичные процессы видоизменения персидских имен, давшие Агура-Мазда—Армаз, точно так же как в греческом—Ормузд? Этому предположению противоречит все то, что мы знаем о трансформации собственных имен как в греческом, так и в картвельских языках. Уже в силу этих соображений отождествление Армаза картвельцев с Ормуздом греческих авторов должно вызвать сомнения. Эти сомнения оправдываются при изучении древних собственных имен северной части Передней Азии. Это изучение дает нам ряд собственных имен, начинающихся на Ар—Ардини, Аргишти, Арарат, Артавазд, Араме, Ара и т. д. В эту категорию собственных имен входит и древний бог картвельцев Армаз, тем более, что вторая часть последнего имени*—маз*, вернее мази, как указывал еще в введении к переводу «Географии» Грузии Вахушти М. Джанашвили (стр. X—VIII), соответствует картвельским словам вази-бжа-мзе—солнце. Ар же, по мнению М. Джанашвили, соответствует грузинскому «али»—пламя. Таким образом, Армази = Алмази = пламя = солнце. Однако объяснение это, повидимому, недостаточно.

В силу этого ни с точки зрения исторической, ни с точки зрения лингви-

¹ Грузинские и армянские хроники и отдельные авторы не смешивали наименования «Ормузд» («Агура-Мазда») и «Армази—Арамазд» (последняя форма—у армян). В грузинской транскрипции Ормузд—Агура-Мазда передается «Ормиздом» и «Урмиздом», в армянской—«Ормиздом», что соответствовало пехлевийской транскрипции.

«стической нельзя согласиться с тем, что Армаз картвельцев соответствует 'Агура-Мазде древней Персии, Ормузду Геродота и прочих греческих авторов. Кем же тогда является Армаз картвельцев? Племенным богом племени иверов, в IV в. до н. э. получившим преобладание в верхнем бассейне р. Куры вместе с двумя богами, Гаци и Га, причем, повидимому, с ними были связаны культы солнца, луны и грома. Кем же тогда являлся соперник Армаза—Итруджан? Одним из племенных богов халдов-урартийцев позднейшего периода. Но, могут возразить, боги халдов-урартийцев известны; они составляли троицу—Халди, Теишба и Ардини. Совершенно правильно; но центром культа этих богов был стольный город Тушпа, и первоначально они прежде всего были богами определенного района (в данном случае Ванского) и племени, владевшего им. Однако, когда пал город Тушпа, культ бога Халди должен был захиреть, и гегемония даже среди халдов-урартийцев могла перейти к какому-нибудь другому богу, возможно даже к местному богу какого-нибудь из покоренных и ассимилированных племен. Возможно, что Итруджан грузинских хроник относится именно к одному из богов ассимилированных халдамиурартийцами племен.

Название же Армаз тесно связано с именем мифического родоначальника грузин, с Картлосом, и с древним городом Картли-Армази. При таких условиях можно поставить вопрос: не является ли слово Армази эпитетом для Картлоса, разновидность о имени древнего бога города Тушпы-Вана, Халди? Что означает этот эпитет?

Если взять грузинскую транскрипцию слов Картлос (легендарный родоначальник грузин) и Халди (главный бог халдов-урартийцев), идентичность обоих собственных имен не вызывает сомнения. Как то, так и другое имя на грузинском языке начинается с придыхательного к. Форма Картлос грецифицирована, карт служит корнем, например картвели—грузин, грузинский; Карт-ли—Грузия, Карталиния и т. д. Таким образом, остаются, с одной стороны—Карт, с другой Калд. Равнозначимость этих имен особенно заметна в производных формах, например картвели (т придыхательное) и калдевели (халдский); превращение лд в рт с придыхательным т, в котором слышится е, вполне закономерно. Поэтому можно смело утверждать, что форма Карт— лишь видоизменение основной формы Калд.

Какова же была участь халдов-урартийцев после падения Ванского царства? Ванское царство пало не под ударами ассирийцев. Победоносный поход Саргона II в 714 г. до н. э. нанес, конечно, весьма чувствительный удар Вану, однако далеко не сокрушил его. Ванское царство продолжало существовать, как независимое от Ассирии государство, часто не считавшееся с требованиями Ниневии. Именно поэтому ассирийские царевичи, убившие отца своего Сенахериба, смогли укрыться в «землях Араратских» (IV кн. Царств, 19, 37) и, по армянским традициям, положить даже начало роду Арцруни, сыгравшему столь крупную роль в истории Армении. Ван был сокрушен также не армянским продвижением на восток в VI в. до н. э. Правда, армяне заняли основные территории Ванского царства и раскололи халдскую народность. Именно в результате их продвижения на восток владения халдов-урартийцев сохранились лишь в Центральном Закавказье, колонизировавшемся ими на протяжении IX—IV вв. до н. э., а также на Черноморском побережье, в районе Котиоры, Трапезунда, Фарнакии, причем первое образование, в Центральном Закавказье, было обширным и достаточно могущественным, благодаря чему и сохранило свою независимость во всяком случае до II в. до н. э. Халдское же образование

на Черноморском побережье, наоборот, было невелико и слабо, а потому уже в V—IV вв. до н. э. находилось в зависимости от мосинейков. Могущество Халдского государства, повидимому, пало в результате скифского нашествия VII в. до н. э. Отсюда непримиримая вражда халдов к скифам. и союз их с Персией Ахеменидов. Этот союз привел к тому, что халдыурартийцы повсюду, где только встречали греков Ксенофонта, оказывали сопротивление отступавшим Десяти тысячам1. Наоборот, враждебные отношения халдов к грекам обеспечили последним дружеский прием со сто-«скифинов» (скифов), занимавших в момент отступления Десяти тысяч верхнее течение р. Куры; р. Арпазос, вернее Харпазос Ксенофонта, Харпагос Диодора Сицилийского, может быть только Курой, так как к северу от Аракса ни одна река, кроме Куры, не имеет четыре плетра (120 м) ширины и не течет по равнине на протяжении ста с лишком километров2. В IV в. до н. э. грузинские племена, из которых в дальнейшем образовалась грузинская народность, вытеснили с долины Куры скифов, после чего между этими племенами, повидимому, возникла борьба за гегемонию.

Вероятно, в этой борьбе активное участие принимали месхи, давшие свое имя древней столице Грузии—Мцхета, иверы и халды. Верх взяли иверы. Однако воспоминания о борьбе остались живучими вплоть до принятия. иверами христианства (IV в. н. э.). Что же касается халдов, то их могуществу и значению в Закавказье положили конец армянские завоевания II в. до н. э., в результате которых армяне прочно обосновались на территории современной Армянской ССР и захватили область Гугарк-Гогарене, лежавшую к юго-востоку от Тбилиси и в большей части колонизированную халдами. Здесь крайне любопытно отметить идентичность армянского наименования грузин—враци с одной из форм названия Урарту—Урасту, встречаемой в вавилонском тексте трехъязычных надписей Ахеменидов3. На сходство армянских наименований, враци—грузины, Врастан (первоначально Урастан)—Грузия с Урарту—Урасту говорил еще М. Джанашвили4. Таким образом, как в грузинских, так и в армянских источниках мы имеем ряд указаний на наличие халдов-урартийцев в Центральном Закавказье. Исчезают они лишь в результате уничтожения племенного деления и родового строя в Грузии, чему в значительной степени способствовало арабское завоевание (VII и VIII вв.). Возможно, что последним отголоском пребывания халдов на территории Центрального Закавказья является указание армянского историка Вардана на то, что цанары, жившие на территории современной Кахетии, —выходцы из Халдии5. Как самостоятельное племя халды исчезли наряду с другими картвельскими племенами (в том числе и иверами) в вихре арабских нашествий. После этих нашествий племенное деление грузин исчезает вместе с родовым строем, уступившим окончательно место строю феодальному. Племенное деление и родовой строй в Грузии сохранились лишь в труднодоступных районах, в Пшавии, Хевсуретии, Тушетии, где продержались вплоть до русского завоевания. Вместе с исчезновением родового строя и племенного деления исчезли и халды и иверы и на их месте образовалась грузинская народность.

¹ «Анабазис», кн. IV, гл. 3, § 4; V, 5, 17; IV, 4, 18; IV, 6, 5; IV, 7, 15. ² «Анабазис», кн. IV, гл. 7, § 8; Диодор Сицилийский, XIV, 29. ³ О форме *Урасту* см. М. В. Никольский—Клинообразные надписи ванских царей, открытые в России. «Древности восточные», т. I, вып. 3, стр. 387, Москва, 1893.

⁴ См. Введение к переводу «Географии» Вахушти, стр. 24. ⁵ Brosset—Collection d'historiens arméniens, t. I, p. 61.

РЕЛЬЕФЫ ДРЕВНЕЙ СОГДИАНЫ, КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

А. А. Потапов

Открытый в 1932 и 1933 гг. в развалинах замка на горе Муг, в верховьях Зеравшана, архив последнего согдийского царя, «самаркандского дихкана» Дивастича, начала VIIIв. привлек вновь внимание ученых к древностям Средней Азии. Однако изучение рукописей на мертвом согдийском языке чрезвычайно затрудняется вследствие скудости наших сведений о материальной культуре древней Согдианы. Поэтому параллельно с исследованием документов согдийской письменности безусловно следует ввести в научный обиход все те вещественные документы, которые способны пролить некоторый свет на материальную культуру Согдианы. Такими памятниками являются прежде всего согдийские рельефы, известные пока лишь весьма узкому кругу археологов².

Среди древностей Средней Азии имеется одна категория, за которой давно и прочно закреплено определение ее домусульманского времени,— это оссуарии (ящики для хранения костей покойника). Вопрос об оссуариях одно время привлекал внимание ряда ориенталистов³ и породил значительную литературу⁴.

Однако подход к этим памятникам был в значительной мере односторонним: с точки зрения их места и значения в зороастрийском культе⁵. Делались также попытки сопоставления оссуариев с известными из пехлевийской литературы терминами (астоданы, дахмы, наусы). Однако никто не рассматривал оссуарии, как важные произведения домусульманского изобразительного искусства Средней Азии, могущие заполнить пробел в наших представлениях о культуре древней Согдианы⁶.

¹ А. А. Ф р е й м а н—Находка согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане. «Согдийский сборник», Л., 1934, стр. 12.

² Помимо рельефов, бесспорно согдийских, автор привлекает к рассмотрению некоторые памятники, найденные в СССР за пределами Средней Азии и известные под именем «сасанидского серебра».

³ Историю вопроса см. В. Бартольд—К вопросу об оссуариях Туркестанского края. Изд. Рус. ком. для изучения Средней и Восточной Азии, стр. 1—23.

⁴ Наиболее подробный библиографический обзор литературы вопроса принадлежит К. А. И н о странцеву (ЗВОРАО, т. XVII, стр. 166, прим. 2 и т. XVIII, стр. 64). Кроме того, см. ЗВОРАО, тт. XIX и XXIV и ЖМНП, 1909, а также «Протоколы Турк. кр. люб. арх.», 1896, 1897, 1899, 1901, 1903, 1906 и 1908, где воспроизведены находки оссуариев.

⁵ В. Бартольд—К вопросу об оссуариях, стр. 17 сл.

⁶ В. Бартольд—Отчет о командировке в Туркестан, **ИРАИМК**, 1922, т. II, стр. 19.

Для нашей цели будут полезны два положения, прочно установленные в указанной выше литературе. Первое это то, что оссуарные захоронения в качестве массового обычая характерны лишь для Средней Азии и составляют специфику ее домусульманской археологии. Вторым является наблюдение, что формы оссуариев различных областей различны¹.

В настоящее время можно считать установленным, что: 1) глиняные оссуарии ящичной формы, с отдельно вылепленной крышкой, находимые в Самарканде и его окрестностях,—согдийские; 2) алебастровые ящич-

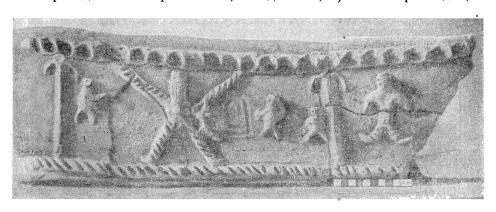

Рис. 1. Сцена оплакивания (рельеф V—VI вв.)

ные оссуарии на ножках—хорезмийские² и 3) глиняные оссуарии в форме овальной юрты со срезанной крышкой характерны для Джетису (Семиречья) и Чирчик-Ангренской долины. Речь ниже будет итти исключительно о памятниках первой группы, бесспорно согдийских.

Согдийские оссуарии всегда богато украшены рельефами и резьбой либо со всех сторон, включая и крышку (более ранний тип), либо с одной только лицевой стороны—более поздний тип. Благодаря этому мы имеем обильный материал для суждения о разных способах изготовления согдийского рельефа.

Один способ состоял в том, что вся изображаемая на стенке оссуария композиция заранее вырезалась на особой доске-штампе, и затем эта доска оттискивалась целиком на сырой еще глиняной стенке³. При другом способе композиция рельефа составлялась по частям из отдельных налепов, оттиснутых каждый в особой формочке⁴ и примазанных затем в сыром виде на сырую стенку⁵.

¹ Единственная попытка в этом направлении имела место лишь в отношении одного оссуария Гос. Исторического музея в сборнике «Искусство Средней Азии», М., 1930, стр. 106—110 и табл. XVI.

² Такие оссуарии были доставлены в 1929 г. в Гос. Русский музей из Караузян-

ского района, К.-КАССР (инв. этногр. отд. № 5188, 1, 2 и 3).

³ Об этом см. в статье Кастальского в «Протоколах Турк. кр. люб. арх.»
т. XIII (с отдельной пагинацией), стр. 8.

⁴ В. Вятки н—Афрасиаб—городище былого Самарканда. Ташкент, год не ука-

зан, стр. 20 сл.

⁵ Оссуарные налепы были объектом коллекционирования для любителей среднеазиатской археологии, и потому в музеях накопилось значительное их число, преимущественно с городища древнего Самарканда. Значительная часть их теперь издана
в публикации К. Т р е в е р—Terracottas from Afrasiab. М.—Л., 1934.

Третий способ заключался в налепливании на гладкую сырую стенку оссуария глиняных валиков, из которых уже на самой стенке вылепливался при помощи пальцев или стеки как узор, так и изобразительные мотивы (рис. 1). Рельефы, изготовленные этим наиболее простым способом, всегда грубее оттисков с доски и налепов, указанных выше. Было бы, однако, ошибочным считать их, основываясь на их более примитивном внешнем виде, за более древние по сравнению с прочими рельефами. При массовом спросе на оссуарии, производство их в древней Согдиане, безусловно,

было массовым же, ремесленным. И, разумеется, мы должны отличать высокохудожественные произведения согдийских мастеров-художников, работавших по заказам крупных феодалов, от массовой дешевки, на которую мастер затрачивал минимум труда и искусства. Способ лепки рельефа непосредственно на самом оссуарии был наиболее дешевым, а отнюдь не наиболее древним.

Последним техническим приемом изготовления согдийского оссуарного рельефа была резьба по сырой глине. Но этим способом мастера, повидимому, выполняли лишь узоры; фигурная резьба нам неизвестна.

Обращаясь к сюжетам согдийского изобразительного рельефа на оссуариях, мы можем определить три темы, все связанные, ко-

Рис. 2. Погребальная процессия (бия-найманские рельефы конца V в.)

нечно, с погребальным ритуалом: 1) сцена оплакивания; 2) погребальная процессия и 3) сцена суда.

Сцена оплакивания дошла до нас лишь в грубо вылепленном рельефе (рис. 1), а потому почти не дает бытовых деталей. Между двумя колоннами помещен арочный вход и пять человеческих фигур. Четыре из них—маленькие, изображают участников погребального ритуала, при этом двое в позе плачущих находятся возле самого входа. Роль шестой фигуры (среднего размера), стоящей вне пространства между колоннами, неясна. Большая фигура бородатого мужчины с высоко поднятыми руками должна изображать либо царя, либо бога. В его костюме выделяется пояс из круглых блях.

Согдийская погребальная процессия (рис. 2) является сюжетом известных бия-найманских рельефов¹. В ней участвуют четыре персонажа:

¹ Б. Н. Кастальский—Бия-найманские оссуарии. Самарканд, 1908, 36 стр., с 2 фототаблицами и 1 литографским чертежом.

двое мужчин и две женщины. Каждая фигура помещена под отдельной аркой четырехпролетной аркады, занимающей длинную стенку оссуария. Мужчины помещаются посередине стенки, женщины—по краям. Всев костюмах и коронах, но без обуви на ногах, босые. Прическа и мужчин и женщин одинакова: простые локоны закрывают уши и спускаются почти до самых плеч. В руках у каждого особые атрибуты, корона у каждого также своей особой формы.

Сцена суда (рис. 3) известна нам в одном лишь экземпляре на фрагменте, хранящемся в Историческом музее в Ташкенте. Сохранилась только

Рис. 3. Сцена суда (рельеф V в.)

левая половина длинной стенки оссуария, заключающая две фигуры. Слева, на прямоугольном возвышении, сидит, поджав ноги, судья в зубчатой короне, голова повернута вправо. Правая рука спокойно опирается на бедро. В левой, протянутой вправо руке судья держит весы. Справа, перед судьей, человек в длиннополом костюме и короне шагает влево, протягивая к судье правую руку с оригинальным сосудом (закрытая чаша на высокой ножке?). Левой рукой человек держит за руку какую-то утраченную теперь фигуру, которую он ведет к судье. Снизу сцена отделена балюстрадой из гладких столбиков от горизонтальной ленты, изображающей воду, поток.

Описанные сюжеты оссуарного рельефа не мо-

гли, разумеется, оставаться неизменными в течение всего периода культурной жизни древней Согдианы. Изменения шли, повидимому, в двух направлениях. Одно уже было указано выше—это упрощение приемов лепки, позволявшее выполнять целую изобразительную сцену, хотя и очень грубо, но зато быстро и легко. Кроме того, сюжетная композиция упрощалась, и изобразительные элементы заменялись узорными, декоративными мотивами. Такой рельеф строился по частям из отдельных элементов—налепов и резьбы.

Рельефов, запечатлевших эти распавшиеся на элементы изобразительные сцены, дошло до нас значительно большее количество, нежели полных сцен. Так, результат распада сюжета оплакивания мы видим в двух вариантах. В одном из них от всей сцены остался лишь один изобразительный мотив, бывший центральным в сцене оплакивания,—вход или дверь

(рис. 4). По бокам двери рельефные полуколонки с капителями, сверху—слабо изогнутая рельефная арочка¹. Дверь двустворчатая, резная.

В другом варианте (рис. 5) мы имеем посередине резной узорной стенки рельефную фигуру, стоящую в фас с поднятыми руками, подобно самой крупной фигуре в сцене оплакивания². По сторонам, у края, стоят в фас две фигуры со скрещенными на груди руками. Все три фигуры здесь, повидимому, женские, в длинных платьях, с пояском. Головки их исполнены по способу налепа готовых, отдельно отформованных маскаронов, высоким рельефом. Прочие части фигур вылеплены барельефом непосредственно на самой стенке оссуария. К этому же сюжетному варианту относится, повидимому, фрагрельефа, оттисну-

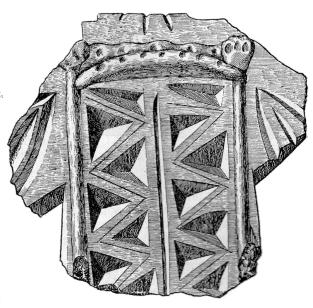

Рис. 4. Резная дверь (рельеф VII-VIII вв.)

того штампом на краю одного оссуария — фигура со скрещенными на груди руками (рис. 6).

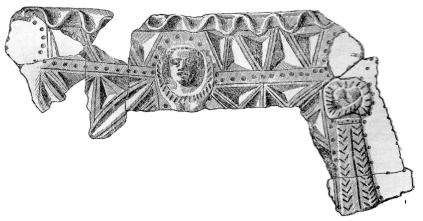

Рис. 5. Вариант сцены оплакивания (рельеф VI в.)

Еще больше дошло до нас вариантов распавшейся композиции, изображавшей ранее ритуальную процессию на бия-найманских оссуариях.

3 Хранится в Историческом музее в Ташкенте.

¹ Фрагмент хранится в Историческом музее в Ташкенте.

² Фрагменты хранятся в Гос. Русском музее в Ленинграде (инв. этногр. отд. № 29—48) и происходят из сборов Дудина в 1902 г. в Самарканде и его окрестностях.

Ее изобразительные мотивы (четыре арки, колонны, четыре фигуры людей) представлены в этих вариантах с весьма значительными сокращениями.

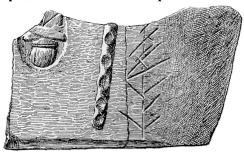

Рис. 6. Фигура из сцены оплакивания (рельеф VI—VII вв.)

Например, ряд колонн (рис. 7), но без арок, а между колоннами, на месте участника процессии, одна лишь его голова, даваемая всегда налепом, горельефом маскарона 1. Или еще вариант (рис. 8): от аркады оставлены лишь треугольники между арками без колонн; под каждой аркой, теперь треугольной, участник, чаще участница процессии представлены одними лишь головками-маскаронами, числом четыре, т. е. соответственно числу участников бия-найманской про-

цессии, а иногда, повидимому, позднее — три (рис. 9)².

Наконец, имеются рельефы, где от всей сцены процессии осталась одна лишь аркада, да и то сильно схематизированная³.

Примером объединения двух сюжетов в одной композиции может слу-

жить рельеф Гос. Исторического музея, происходящий также из Самарканда, с Афрасиаба⁴. Здесь центральный элемент сцены оплакивания (дверь) соединен с четырехпролетною аркадою из сцены процессии.

Таков репертуар изобразительных рельефов, происходящих из центра древней Согдианы. Можно думать, что наиболее ранними из них являются те, которые изображают ту или иную сцену полностью, независимо от техники лепки рельефа. Рельефы, в которых сложная изобразительная композиция упрощена, сокращена, схематизирована, заменена частично узором — должны были появиться позднее. И, наконец, наиболее поздними по происхождению следует

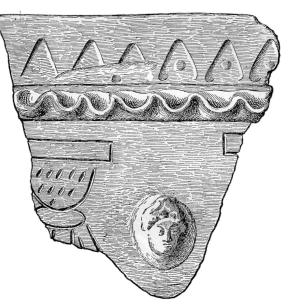

Рис. 7. Колоннада с маскаронами (рельеф VI — VII вв.)

признать те рельефы, на которых изобразительные элементы [целиком уступили место декоративным мотивам. Основными в этих последних мо-

¹ Из той же коллекции Гос. Русского музея (инв. этногр. отд. № 29—30).

^{√2} Оба последних экземпляра в Историческом музее в Ташкенте. 3 Например фрагмент Гос. Русского музея (инв. этногр. отд. № 247—280).

⁴ Детальное описание рельефа и воспроизведение его см. в сборнике «Искусство Соедней Азии», М., 1930, стр. 106—110 и табл. XVI—I.

тивах выступают либо характерная четырех- или восьмилепестковая розетка в квадрате, либо, реже, многолепестковая розетка в круге. Основным техническим приемом выполнения декоративных рельефов была глубокая резьба по сырой глине.

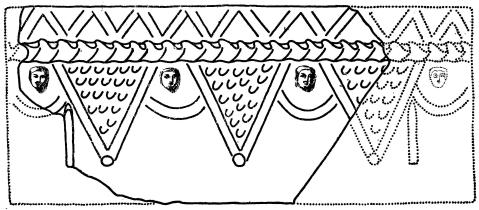

Рис. 8. Аркада с маскаронами и бойницами (рельеф VII в.)

При обзоре согдийских рельефов нельзя не остановиться на одном замечательном по своей сохранности оссуарии из Семиречья¹. Находкой его, по мнению В. Бартольда, «подтверждаются известия письменных источников о согдийских колониях в Семиречье, хотя по грубости изображений он резко отличается от оссуариев настоящего Согда, т. е. самаркандских и катта-курганских»². Отличие этого экземпляра, по нашему

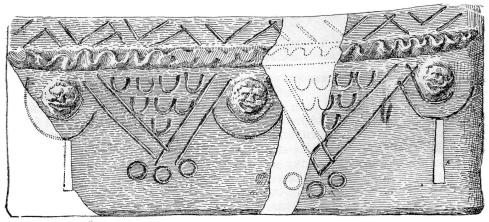

Рис. 9.) Аркада с маскаронами и бойницами (рельеф VII и VIII вв.)

мнению, состоит отнюдь не в «грубости изображений»—они выполнены очень аккуратно,—а в крайнем схематизме изобразительных мотивов. По всем остальным своим признакам этот оссуарий становится в один ряд с лучшими из ранних согдийских (лепка из отдельных прямых стенок,

² Ук. соч., стр. 19.

 $^{^1\,}$ В. $\,$ Б а р т о л ь д—Отчет о командировке в Туркестан. ИРАИМК, т. II, стр. 18—19 и табл. III.

оттиск рельефа целой стенки с доски, отсутствие прорезов или отверстий, характерных для позднего времени). Любопытно, что вся композиция его рельефа изобразительна¹, подобно ранним согдийским. Оригинальным является лишь изображение на крышке человека с двумя мечами в руках (рис. 10).

Рассмотренный нами репертуар форм рельефа, представленного в памятниках, найденных на территории древней Согдианы, позволяет сопоста-

Рис. 10. Рельеф из согдийской колонии в Семиречье

вить их с некоторыми сасанидскими рельефами. Наиболее близкую аналогию среди изобразительных тем сасанидского серебра мы находим для сцены процессии. Как мы видели выше, персонажи этой процессии, состоявшей на бия-найманских оссуариях из двух мужчин и двух женщин, в дальнейших вариантах превратились исключительно в женщин; короны при этом постепенно исчезли с их голов². Вполне возможно, что эта смена в составе участников процессии и в их одеянии явилась выражением реальных перемен, которые с течением времени не могли не происходить в самом погребальном обряде. Можно предположить, что согдийские владыки (они же маги), первоначально выполнявшие все обрядовые функции персонально, в дальнейшем передали некоторые из своих ролей специальным лицам. Так, к женщинам должна была перейти роль исполнителей ритуального

танца при культовых церемониях. Известно, что в сасанидском Иране при маздеистских святилищах существовали штаты таких танцовщиц. В Согдиане, где маздеизм приобрел весьма своеобразные формы (например массовый характер оссуарных захоронений), погребальный обряд стал выполняться с течением времени исключительно или почти исключительно женщинами³. Аналогию согдийской погребальной процессии мы усматриваем на рельефах сасанидского серебра, изображающих процессию жриц-танцовщиц под аркадою. Она воспроизведена на четырех кувшинчиках (из Слудки—восточное серебро, № 79; из Лимаровки—восточное серебро, № 80; из Квацпилеевой—восточное серебро,

¹ Так, горизонтальная полоса крючков внизу должна, повидимому, изображать воду, как в сцене суда, а схема человека, стоящего под повторенной круглой аркой, напоминает сцену процессии.

² На многих налепах, повидимому, более ранних, короны еще имеются, см. Тревер, ук. соч.

³ Нелишне вспомнить, что уже на бия-найманских рельефах женщина, а не мужчина, несет на плече оссуарий (рис. 2).

№ 81 и из Пермской губ.—сасанидский металл, № 46—47), не одинаковых между собою по стилю и технике. Из них наиболее интересен для нас лимаровский кувшинчик (восточное серебро, № 80). На нем, также в четырех пролетах аркады, размещены четыре женские фигуры в легких одеждах, с разными атрибутами в руках. Сходство этих фигур с женщинами биянайманских рельефов не только внешнее: в покрое одежды, в отсутствии обуви, в наличии шарфа, но и внутреннее—в несении атрибутов. Однако это сходство еще не дает оснований предполагать заимствование либо зависимость согдийских рельефов от иранских (или наоборот). Правильнее думать, что и те и другие развивались самостоятельно, но имели общий источник форм, одинаково распространенных в Малой и Средней Азии в предыдущую эпоху, т. е. в эллинистическом искусстве. Сасанидские аналогии в изображении процессии не могут, следовательно, быть использованными для датирования соответствующих согдийских рельефов, тем более, что они сами еще не датированы. Более плодотворным в этом отношении оказывается сравнение наших рельефов с сасанидскими монетами.

Едва ли можно сомневаться в том, что согдийские правители стремились подражать шахам Ирана, если не во всем внешнем убранстве, то, во всяком случае, во внешних признаках царского достоинства: в короне и прочем. А так как убранство сасанидских царей с течением времени изменялось, как это легко прослеживается по их монетным портретам, то представляется возможным определить время, к которому относится совпадение некоторых особенностей согдийских рельефов с изображениями сасанидских монет.

Головной убор на ранних монетах Арташира I Папакана (226—241), первого сасанидского шаха, еще не сложен. Это высокая, яйцевидная шапка—тиара с наушниками; кроме нее, изображается повязка (диадема) на лбу с двумя лентами у затылка. Но уже на поздних монетах того же Арташира I корона усложняется прибавлением жреческого шара. Это—символ зороастрийского культа, ставшего при Сасанидах государственной религией Ирана. Наличие его в короне должно было указывать на то, что шах является верховным жрецом, и потому этот символ стал обязательной принадлежностью сасанидской короны¹.

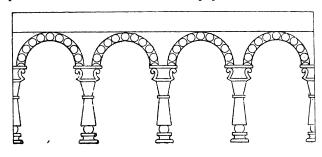
В коронах второго и следующих шахов появляются, кроме шара, все новые и новые символы: ступенчатые зубцы у Шапура I (241—272), лучиострия у Варахрана I (273—276), крылья у Варахрана II (276—293), и сасанидская корона превращается в сложную комбинацию символов царского достоинства, комбинацию особую у каждого отдельного шаха, что и позволяет нам легко узнавать портретные изображения шахов на знаменитых сасанидских блюдах и скальных барельефах.

Наряду с появлением новых элементов шло исчезновение из сасанидской короны старых, арсакидских черт. Исчезла прежде всего высокая шапка, а за нею и наушники, фигурирующие лишь на монетах III в. Диадема с лентами у затылка, являясь безусловно эллинистическим элементом, продержалась почти до конца IV в. Одновременно с диадемой исчез в конце IV в. еще один эллинистический признак костюма—круглая застежка (фибула), помещавшаяся сбоку, на вороте, на левом плече шаха; у Варахрана IV (388—399) ее уже не имеется. Начиная с середины V в.,

¹ Весьма любопытно поэтому отсутствие этого символа в короне одного из последних Сасанидов—Хозроя II (590—628), у которого на месте шара звезда.

в костюме Пероза и следующих шахов мы видим на месте ворота платья ожерелье с медальоном посередине груди¹.

Возвращаясь теперь к костюму согдийских царей, известному по биянайманским рельефам, мы находим в нем, наряду с местным согдийским покроем платья, две особенности, свойственные убранству шахов: корону и ожерелье с медальоном посередине груди. Корона у каждого согдийского феодала была своей особой формы, подобно тому, как это имело место

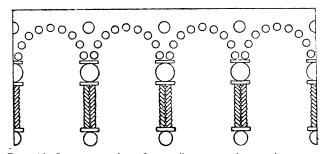

Рис. 11. Схема аркады—бия-найманская (вверху) и лимаровская (внизу)

у сасанидских царей. На бия-найманских рельефах насчитывается 13 разных корон².

Само собою разумеется, что рядовой согдийский правитель не смел поместить на своей короне ни шара верховного жреца, ни других символов «царя царей». Он мог лишь возможно богаче украсить свою корону, подражая шахам. И тут следует отметить, что в украшениях биянайманских корон совершенно отсутствуют эллинистические мотивы, хотя они имеются в бия-найманском декоративном рельефе (на крышках оссуариев). Из сасанидской короны, как отмечалось выше,

эллинистические мотивы исчезли лишь с конца IV в. Поэтому бия-най-манские короны едва ли могут быть ранее V в.

Еще более точно установить terminus post quem для бия-найманских рельефов позволяет характерное ожерелье на месте ворота, с медальоном посередине груди. Оно появилось в костюме сасанидских шахов,. начиная лишь с Пероза (457—484). Ранее этого времени согдийские цари и не могли заимствовать у сасанидских царей эту характерную деталь туалета для своего убранства. Следовательно, бия-найманские рельефы могут быть датированы временем не ранее второй половины V в., а рельефы, изображающие аркаду с маскаронами, следует относить к VI—VIII вв.

Единство времени и культурной традиции в согдийском и иранском рельефах позволяет рассматривать некоторые бытовые формы, изображенные в этих рельефах, как единый комплекс. Так, например, мы можем

¹ Наиболее сильно эллинистическая традиция проявилась на рубеже III и IV вв. у шаха Нарсе (293—302), отражая, быть может, филэллинские его тенденции: только в его короне на месте обычных ступенчатых зубцов оказываются характерные семилепестковые пальметки.

² Кастальский, ук. соч., стр. 30.

иметь теперь некоторое представление о согдийской архитектуре, памятники которой, кроме развалин замка Дивастича, пока неизвестны1.

Что архитектурные мотивы на согдийских рельефах не являются плодами фантазии художника, а передают реальные, бытовые формы, в этом легко убедиться, сравнивая бия-найманскую аркаду с аркадой на лимаровском кувшинчике: они совпадают во всех существенных частях (рис. 11). Безусловно и мастер-резчик в центре Согдианы и иранский мастер-чеканщик имели перед глазами одинаковую архитектурную форму аркады.

Сравнение формы колонн, встречающихся в согдийском и сасанидском рельефах, проливает новый свет на вопрос о формах раннемусульманских колонн Средней Азии. Мы встречаем, с одной стороны, форму, ставшую типичной для ранневизантийской архитектуры, а с другой—шаровидную базу, перешедшую позднее в мусульманскую колонну в виде шара, покрытого четырьмя акантовыми листами. Эта последняя форма базы, но с выродившимися, давно позабытыми акантами, превратившимися в странные лопасти, дожила в Средней Азии до самого последнего времени².

Изучение согдийских рельефов, вопрос о котором мы имели в виду лишь поставить в настоящей статье, позволяет не только датировать некоторые факты в истории материальной культуры древней Согдианы, но даже установить такие явления, о которых мы не имели пока никаких письменных свидетельств. О том, что форма оссуариев должна соответствовать форме реального жилища, много писалось уже первыми их исследователями3. На этом основании можно говорить о том, что дома согдийских дихкан уже в ${
m V}$ в. строились прямоугольной формы, причем верх их стен был увенчан рядом ступенчатых зубцов. Вполне возможно, что некоторые дома имели четырехскатную крышу⁴, а не плоскую, как в дальнейшем. Входная дверь помещалась посередине длинной стены дома и была двустворчатой. Перед этой стеной находился тот навес на колоннах (айван), который и в наше время представляет характерную особенность среднеазиатского жилища, однако в V в. перекрытие айвана покоилось на аркаде, опиравшейся на колонны, а не непосредственно на колоннах, как теперь.

Более того, изучение рельефов позволяет установить даже некоторую эволюцию в согдийской архитектуре. Так, можно отметить, что в V в. стены строились глухими, без окон, а в VI и VII вв. в них уже делаются узкие окна-бойницы. Они отмечаются в рельефах либо узкими вертикальными углублениями, как на экземпляре Гос. Исторического музея5, либо сквозными прорезами (рис. 8 и 9).

И. А. Васильев—Согдийский замок на горе Муг. «Согдийский сборник», Л., 1934, стр. 18—32.

² Форма согдийской колонны с ее шаровидной базой поможет, повидимому, осветить по-новому некоторые элементы в генетике древнерусских декоративных полуколонн с шаровидными базами.

З Особенно в статье Остроумова—Новые данные о глиняных погребальных урнах. «Протоколы Турк. кр. люб. арх.», Ташкент, 1907, т. XI.
 4 Такая крыша известна ныне в некоторых глухих горных районах Таджикистана.

⁵ См. «Искусство Средней Азии», табл. XVI—I.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

К истории витрувианства на Западе и у нас

С именем римского архитектора и инженера Витрувия неразрывно связано представление об античной классической архитектуре и об образцовой, полноценной архитектуре вообще. «Витрувий, или совершенный архитектор», «Витрувий Британский»—«Vitruvius Britannicus», «Витрувий Датский»,—«Vitruvius Danicus»¹ и т. п.— таковы обычные заглавия массы сохранившихся всевозможных изданий, претендующих дать наиболее совершенные руководства по архитектуре или наиболее совершенные ее образцы в самых различных странах и в разные эпохи.

Ни до Витрувия, ни после него равноценной его труду работы не появлялось. До Витрувия были лишь частичные трактатики, particulae errabundae, как он их сам называет, почти все на греческом языке, по отдельным вопросам архитектуры или единичным ее сооружениям. Витрувий первый дал сводку критически просеянного материала, своего рода «свод законов полноценной архитектуры»—corpus architecturae. как он сам свой труд называет. И, повидимому, он не имел в античности подражателей. если не считать его эпитоматоров и Плиния, анахронистически, фрагментарно и схематически повторяющих все тот же витрувианский комплекс архитектурно-строительных правил и ровно ничего нового к нему не прибавляющих. А между тем, в эпоху, отделяющую их от эпохи Витрувия, несомненно, имел место значительный прогресс технических приемов и достижений, почему-то, однако, совершенно не регистрировавшихся, не учитывавшихся и не систематизировавшихся. Этот загадочный факт приходится только констатировать, объяснение ему могла бы дать только научно-разработанная история античной техники. Но таковой, как известно, пока не существует. Получился своего рода порочный круг: для ее появления нужна в виде предпосылки историко-техническая обработка таких документальных источников, как трактат Витрувия, «Естественная история» Плиния и пр., но настоящий исторический подход к этим источникам в свою очередь затруднен как-раз отсутствием четких исследований истории античной техники.

До XIX в., до установления критической и исторической точек зрения на явления жизни человечества и его культуры, выход был довольно прост. Трактат Витрувия считался откровением идеальной архитектуры «идеальной эпохи» Августа. И если Витрувий в античности не нашел себе достойных последователей и подражателей или продолжателей, то, начиная с эпохи Возрождения, подражавшие Витрувию трактаты и переводы его собственного трактата, равно как и комментарии к последнему и иллюстрации, посыпались массой, как из рога изобилия. Три итальянских витрувианца чуть было совершенно не заслонили самого Витрувия: в теории—Альберти,

¹ Называю те издания, которые наиболее часто попадаются на глаза в наших московских и ленинградских библиотеках.

который открыто претендовал заменить своим, якобы «более ясным, стилистически более литературным, технически более современным» трактатом «темный по языку и формулировкам, нелитературный» трактат Витрувия; в практике—Виньола, который подкупал простотой и изяществом формулировок своего «упрощенного Витрувия», и, наконец, Палладио, который сам скромно признавал себя лишь учеником Витрувия, но как наиболее зрелый и совершенный представитель, корифей итальянской архитектуры Ренессанса, стал главой школы палладианцев, воспринимавших античную архитектуру и Витрувия сквозь призму «палладианства».

Что касается Альберти, то против его притязаний заменить Витрувия открыто протестовали более поздние и более зрелые представители того же итальянского зодчества, указывая даже, что он со своим схематизмом был первым виновником искаженных представлений об античной архитектуре. Желая заслонить собой Витрувия, он не останавливался даже перед явными на него наветами и передержками, чтобы выставить себя в более выгодном свете и оттенить свое пред ним преимущество и превосходство. Так, Альберти возводит на Витрувия явный навет, будто тот требует от архитектора «всезнайства», тогда как совершенно напротив —Витрувий сам восстает против таких требований, предъявлявшихся к архитекторам греческим архитектором Питеем. Альберти берет на себя роль ментора Витрувия, а Витрувию отводит роль опровергаемого им Питея. Такой литературный прием весьма характерен для общего облика гуманиста Альберти и показателен для популяризаторских артистически-дилетантских установок его трактата, который, по меткому выражению немецкого витрувианца конца XVIII в. Августа Роде, тщетно своим лунным, заимствованным светом силится затмить свет оригинального солнца. Этот-то чисто литературный прием редактор серии «Классиков теории архитектуры» (Альберти, Палладио, Витрувий и пр.) А. Г. Габричевский в одном из своих докладов об Альберти (см. стенограмму в журнале «Академия архитектуры» за 1934 г., № 1—2) принял за чистую монету и за доказательство самостоятельности Альберти, независимости его от Витрувия, критического отношения первого к последнему. А во вступительной статье к выпущенному Академией архитектуры переводу трактата Альберти тот же А. Г. Габричевский приписывает Альберти новаторство в том, что является чистейшим заимствованием у Витрувия, разумеется, mutatis mutandis. Далее мы видим, как сомнительные аргументы пускаются в ход для доказательства якобы несправедливого выдвигания Витрувия в ущерб теоретикам архитектуры эпохи Возрождения: На самом же деле, как раз наоборот, на протяжении веков идет борьба за подлинного Витрувия против теоретизирующего схематизма Альберти, против узко-практического упрощенчества Виньолы, против фасаднического формализма палладианства. Французский классицизм, опять-таки под знаменем Витрувия, выступил открыто против «итальянского классицизма» — «виньолизма» и его эволюции в свою противоположность - барокко. Точно так же против господства французского классицизма и его эволюции в свою противоположность — рококо в XVIII в. — выступили, опять-таки под знаменем Витрувия, все подпавшие под французское влияние европейские страны (отсюда вышепоименованные «Vitruvius Britannicus», «Vitruvius Danicus» и т. п.) и выработали каждая свой более или менее оригинальный классицизм.

Как уже было указано, Витрувий с самой эпохи Возрождения вплоть до XIX в. культивировался, главным образом, как откровение «образцовой» эпохи Августа с ее расцветом искусств и особенно архитектуры, имевшим место исключительно якобы благодаря его, Августа, «меценатству». Предисловие к Витрувию Перро, переведенное в виде предисловия к русскому переизданию Баженова, является яркой к тому иллюстрацией. Все старые издания Витрувия, начиная с самого первого («Editio princeps,

¹ «Качество архитектора при Юлии Кесаре и при Августе и слава того века, в котором оп, т. е. Витрувий, жил, и в котором, как думают, все находилось в величайшем

С у л ь п и ц и я, XVI в.), посвящаются содействующим их появлению в свет самым высокопоставленным лицам. В XVIII в., в веке по преимуществу, можно сказать. витрувианском, когда возникает витрувианство, наконец, и в России, оно, как и в предыдущие века, остается под знаком меценатства. Но если в предыдущие века меценатами были римские папы, итальянские кардиналы и французские короли, которым посвящались издания Витрувия, то в XVIII в. мы имеем английское издание, посвященное английскому королю Георгу III (Ньютона), испанское издание, посвященное испанскому королю Карлу III (Ортиса), итальянское издание, посвященное Альфонсу, королю арагонскому и неаполитанскому (Галиани), и, наконец, русское, посвященное имп. Елисавете Петровне, «христианских веков Августу» (кабинетпереводчика Степана Савицкого). Таким образом, Россия не отставала от других европейских стран, но развитие в ней искусств и специально архитектуры, как показывает оставшийся неизвестным старый перевод Витрувия или выявленноевпервые на Останкинской выставке творчество крепостных архитекторов, остается до сих пор почти совершенно неисследованным. Между тем, при самом поверхностном обзоре изданий по архитектуре, вышедших на протяжении XVIII в., мы можем констатировать совершенно аналогичные западноевропейскому витрувианству явления: при Петре I появляется переводное с французского руководство по архитектуре «Яков-Бароций де-Вигнола. Правила о пяти чинах архитектуры» (Алексея Зубова, СПБ, 1709). Затем вырастает, как реакция против виньолизма, течение в пользу перехода от виньолизма к первоисточнику и отцу архитектуры, Витрувию; и вот, в результате, к моменту основания Академии художеств в 1757 г., приурочивается подношение имп. Елисавете перевода Витрувия, выполненного с латинского подлинника кабинет-переводчиком Степаном Савицким. Судьба этого перевода неясна ввиду вообще полной нерасследованности вопросов архитектуры тех времен. Этот перевод Витрувия, и в смысле точности, и в смысле литературности весьма ценный, не был, повидимому, опубликован, хотя и этого еще нельзя категорически утверждать. Остается совершенно неразысканным (печатный или рукописный?) экземпляр, поднесенный имп. Елисавете, который, возможно, стал жертвой гонений вообще на все елисаветинское с воцарением имп. Екатерины ІІ. В 1906 г. видел воочию рукописный экземпляр перевода Савицкого ленинградский архитектор, профессор б. Института гражданских инженеров (ныне Институт коммунального хозяйства в Ленинграде) И. Б. Михаловский, как он и сообщает об этом в своем курсе по теории и истории архитектуры: «Архитектурные ордера», Петроград, 1916, стр. 14: «Существует перевод Витрувия на русский язык Савицкого, времен имп. Елисаветы Петровны: кажется, он не был напечатан, --мы видели его в рукописи». После больших усилий нам удалось, наконец, в подвалах рукописных фондов отыскать эту интересную рукопись перевода

Этому переводу Витрувия, его культурно-историческому и архитектурно-техническому значению, в сопоставлении с переизданием французского Витрувия вышеупомянутым знаменитым русским архитектором Вас. Ив. Баженовым, будет посвящена особая статья. Здесь же скажем только, что как первая полоса русского витрувианства (в первой половине XVIII в.) завершилась появлением русского перевода Савицкого, с латинского оригинала, так вторая полоса русского витрувианства (во

совершенстве, должно нас много уверить о достоинстве его сочинений» (Марка Витрувия Поллиона об архитектуре кн. 1-я и 2-я с примеч. д-ра медицины и Франц. Академии члена г. Перро. С франц. на российский язык переведены при Модельном доме в пользу обучающегося архитектуре юношества, иждивением Римской Академии св. Луки профессора, Флорентинской и Болонской Академий члена, Императорской Санкт-петербургской Академии художеств академика, Императорской Академии Российской и Экспедиции строения Кремлевского дворца члена г. Коллежского Советника Василья Баженова. В Санкт-Петербурге, при Имп. Академии наук, 1790 года), стр. 11.

второй половине XVIII в.) завершилась, как уже неоднократно упоминалось, русским переводом французского перевода Витрувия Перро (СПБ, 1790—1797). Никаких связующих нитей между первой и второй полосой русского витрувианства обнаружить до сих пор не удалось. Но в то время, как перипетии развития первой полосы покрыты пока мраком неизвестности, перипетии второй полосы прощупываются довольно четко, благодаря имеющимся некоторым биографическим сведениям о двух главных представителях витрувианства этого периода — Фед. Вас. Каржавине и Вас. Ив. Баженове, благодаря их собственным высказываниям. Ф. В. Каржавин, друг Баженова, в своем предисловии к изданному в 1789 г. переводу¹ с французского языка на русский «Abregé de dix livres de Vitruve» Клода Перро (Claude Perrault) пишет (стр. VII): «Ежели найдутся какие-либо неясные места — да и нельзя им не быть — тогда Вы можете справиться в полном Витрувии, напечатанном в лист в Париже с примечаниями и с фигурами помянутого медика и архитектора Перро (Perrault). Оного творения две первые только книги мною переведены 1772 года для школы Архитектурной, что была тогда при Модельном доме в Москве под ведомством Кремлевской Экспедиции и Господина Архитектора Баженова, который список оных сообщил СПБ-ской Имп. Академии и сия выдала их в свет на конце прошедшего года с изрядными фигурами, а оригинал и поныне хранится в библиотеке сего славного в разных Европейских Академиях художника». Таким образом, ясно, что после первой полосы витрувианства новая полоса, начиная с 60-х годов XVIII в., в связи с стройкой нового Кремлевского дворца в Москве, порученной архитектору В. И. Баженову, и с теми вспомогательными учреждениями, какие организовались при этой стройке (Кремлевская экспедиция, Архитектурная школа, Модельный дом и т. п.), вызвала попытки приспособления Витрувия к нуждам архитектурного образования и появление перевода двух первых книг с французского издания Перро, сначала только для нужд преподавания в Архитектурной школе в рукописном виде, а затем и для широкой публики в печатном виде. Вот от этого Витрувия 1772 г., циркулировавшего в рукописных списках, а с 1787 или 1788 г. появившегося в печати, пока нет никаких нигде следов. Имеется только неизвестно чем отличающаяся перепечатка этого издания в виде первого тома полного переиздания на русском языке «Витрувия» Перро (1790—1797), полный титульный лист которого был выписан выше. Выпускал это полное переиздание В. И. Баженов в сотрудничестве с Фед. Вас. Каржавиным. Об этом сотрудничестве Баженов умалчивает; есть сведения, что это замалчивание авторства Каржавина послужило поводом к временной размолвке и даже некоему третейскому разбирательству взаимных претензий друг к другу двух друзей. Во всяком случае, последующие четыре тома после первого, где на титульном листе выписаны все титулы и почетные звания Баженова, появились уже без всякого упоминания Баженова, без обозначения переводчиков, под именем лишь автора французского оригинала Перро. Мотивы издания и взаимоотношения переводчиков-издателей крайне спутаны и сложны и в данном кратком очерке распутать их невозможно. Ясно одно, что после 1772 г., когда Каржавин уехал за границу, а Баженов впал в немилость у Екатерины, витрувианство пошло на убыль и опять начало было сменяться виньолизмом. Казаков, заменявший опального Баженова, снова ввел в Архитектурной школе Виньолу, пользуясь вышедшим в 1778 г. (а может быть, и, кроме того, еще раньше, в 1775 г.) в Москве «Новым Виньолой»: «Новый Виньола, или начальной гражданской архитектуры наставления с объяснением правил о пяти чинах или ордерах оной, по предписанию Иакова Бароция Виньолы, переведено с французского в Москве 1777. В Московской Университетской Типографии, в 4-ю долю листа, 1778». Как

¹ «Сокращенный Витрувий, или совершенный Архитектор». Перевод Архитектуры помощника Федора Каржавина. Москва. В Университетской Типографии у Н. Новикова 1789 года.

только вернулся из-за границы Каржавин, он тотчас же в противовес этому «Новому Виньоле» выпустил своего портативного «Сокращенного Витрувия» Перро с прибавлением уже совершенно оригинального труда—объяснительного словаря архитектурных терминов, до того представлявших на русской почве сумбурную мешанину чисто-французских и чисто-итальянских терминов: «все так, как кто какую переводил книгу с италианского ли, с французского ли, тот таковые клал и речи» (стр. VIII предисловия к «Сокращенному Витрувию»).

На протяжении почти всего XIX в. и начала XX в. длится, по выражению новейшего витрувианца инженера Заккура, эпоха поразительной недооценки Витрувия («eine Epoche auffallender Minderbewertung Vitruvs», W. Sackur—Vitruv. Berlin, 1925, S. 5), торжества «виньолизма», «палладианства», среди всяческих попыток смягчить тиранию их готовых формул при помощи всевозможных «упрощенных теорий». Наибольший успех среди авторов этих «упрощенных теорий» выпал на долю уже упомянутого ленинградского профессора архитектуры И. Б. Михаловского, который у нас, как Шуази на Западе, создал некий компромисс между витрувианством и виньолизмом¹.

После Октябрьской революции, наряду со всеми прочими областями культуры, оживилась и архитектура, которая совершенно заглохла во время войны. Вначале, однако, новаторство и «дерзание» не шли дальше чертежей, дальше «бумажной» архитектуры, но тем смелее и решительнее отвергались «каноны» архитектуры исторического прошлого. «Все, чем дышали и жили в течение нескольких столетий многие поколения буржуазно-дворянских архитекторов, академические традиции псевдоклассицизма, которым слепо подчинялись и рабски следовали до революции, тирания античных ордеров, архитектура Греции, Рима, Возрождения, ампира, авторитет Витрувия, Палладио, Виньолы, Браманте и пр.—все это подвергалось, в горячечных поисках нового, жестокому обстрелу и разрушению» (В. Я. Х и г е р—Пути архитектурной мысли. 1917—1932, М. 1933, стр. 8).

Но вскоре, с развитием социалистического строительства, поставлена была задача освоения положительного наследства прошлого архитектуры. Воскресло «палладианство» в лице крупнейшего его мастера Жолтовского и его школы; воскрес самый неприкрытый «виньолизм» в архитектурных вузах наряду с прежними смягчающими его «упрощенческими теориями», а в связи с этим, к сожалению, воскрес и чистейший эклектизм как в теории, так и в практике. Задумана была и учреждена как авторитетный, руководящий архитектурный центр,—Всесоюзная Академия архитектуры; следует, однако, сказать, что лозунг соединения энтузиастического революционного порыва с усвоением ценного архитектурного наследия прошлого и с успехами новейшей техники исходил не от Академии, а рождался на самих великих стройках и осуществлялся «на глаз» в процессе их организации и оформления.

Издательство Академии архитектуры выпустило в свет перевод трактата Альберти и затем Палладио, причем попытка определить отношения родоначальника архитектуры Витрувия и Альберти во вступительной статье к переводу его трактата были крайне неудачны, как это уже было отмечено выше, а в издании перевода Палладио они и вовсе отсутствуют. Не касаясь здесь общей оценки этого издания (см. «Историк-Марксист» № 3, 1938), отметим лишь место и роль его в общем ходе развития витрувианства на Западе и у нас, как он рисуется в этом беглом очерке.

Как уже было указано, редактор этого издания Витрувия первоначально склониялся к очень низкой оценке Витрувия при сравнении его с теоретиками эпохи Возрождения. Но на Западе в послевоенное время произошел заметно крупный сдвиг в оценке

¹ Последнее издание вышло в 1937 г. (И. Б. Михаловский — Теория классических архитектурных форм. Изд. Всесоюзной Академии архитектуры, М. 1937).

Витрувия, что отразилось, хотя и не особенно удачно, в редакционной статье к изданию Витрувия (1936). Этот сдвиг исходил не из архитекторских, а из инженерных кругов под влиянием иллюзии якобы неограниченных возможностей развития техники в капиталистических странах. Витрувий представлялся родоначальником современных инженеров, и его «архитектура», включавшая не только статику сооружений, но и динамику строительных механизмов, явилась прообразом современной, обнимающей все отрасли культуры техники. Витрувий представлялся выразителем идеала полноценной архитектуры, соединяющей грандиозный размах строительства с возможным на данном этапе техническим и эстетическим совершенством. Выразителем такого понимания Витрувия и его архитектуры выступил инженер Заккур в своей монографии о Витрувии, которая произвела большое впечатление в Европе и в Америке, пробудила интерес к Витрувию, но осталась все-таки, по существу, изолированным призывом ввиду быстрого разочарования, охватившего инженерные круги на Западе с наступлением кризиса. Однако в то время, как на Западе наступало мрачное разочарование в радужных перспективах развития техники, у нас, напротив, с каждой новой строительной пятилеткой эти перспективы все более оформлялись и крепли. Точно так же крепло сознание необходимости органиархитектурной эстетики и инженерно-строительной техники. ческого синтеза Стало быть, самой практикой социалистического строительства выдвигается основное положение трактата Витрувия, по которому каждое капитальное строительство должно базироваться на трех принципах: монументальной вековечности (diuturnitas), функциональной целесообразности (utilitas) и совершенства эстетического оформления (venustas). Эти моменты классической архитектуры Витрувия осванваются советской архитектурой, отражаются в практике архитектурного строительства.

Так сама жизнь восстает против игнорирования и недооценки Витрувия. Постепенно становится понятным, что только отсутствием настоящего, подлинно-исторического исследования и изучения Витрувия, только крайне поверхностным ознакомлением с трактатом Витрувия и обычным игнорированием Витрувия, как исторического источника, можно объяснить столь распространенное и печатно распространяемое неправильное приписывание трех вышеупомянутых принципов архитектуры Витрувия инициативе итальянского зодчего Палладио, вопреки собственным его ссылкам на Витрувия. Такие «неточности» довольно обычны.

Все это говорит о том, что в теории архитектуры Витрувий, как ее родоначальник, еще не освоен. Овладение им требует большой исторической работы над его трактатом.

Но не только в высказываниях о Витрувии сплошь да рядом повторяются всякого рода грубые ошибки¹, но, что горазд о досаднее, в самые переводы собственного трактата Витрувия вкрадываются такие формулировки и извращения смысла подлинника, благодаря которым Витрувий превращается в проповедника формализма и схематизма, в действительности будучи их непримиримым врагом, а его трактат, служивший на протяжении веков верным противоядием этих язв и глашатаем творчески полноценной архитектуры—в какую-то полную внутренних противоречий и неубязок фальшивку.

По этой части, можно сказать без преувеличения, вышеупомянутый перевод Витрувия в издании Академии архитектуры побил рекорд. Уже прежние, наиболее популярные переводы Витрувия (Перро и Шуази) упрощают Витрувия; первый в духе

¹ Так, в вышеупомянутом руководстве проф. И. Б. Михаловского жизнь и деятельность Витрувия датируются I в. не до нашей эры, а после,—что исторически совершенно невозможно, а инженер Фальковский в своей «Технической книге» приписывает авторство вышеупомянутого «Сокращенного Витрувия» Ф. В. Каржавину, который сам же в предисловии заявляет, что он только переводчик французского сргинала «Сокращенного Витрувия» Перро.

французского классицизма и его «правил» (règles), второй-в духе упрощенческих теорий, стремившихся при помощи Витрувия внести логику в ходячие механические формулы «Виньолы» («Новый Виньола», «Карманный Виньола» «Виньоло» и т. п.). Начало первой главы первой книги Витрувия, ответственное место, где Витрувий дает определение архитектурной науки и ее соотношения с другими науками и искусствами. передано в переводе Академии архитектуры грамматически неверно и совершенно искажено, тогда как у Шуази это место передано точно и верно. Точно так же Шуази, который, по словам редакции Академии архитектуры, взят в основу всего издания. нисколько не повинен в формалистическом извращении даваемого тут же Витрувием тонкого определения взаимоотношений практики (fabrica) и теории (ratiocinatio). Равным образом не повинен Шуази в формалистическом толковании определения, даваемого Витрувием термину «decor», вопреки точному значению слов подлинника. Передача слов подлинника «probatis rebus» словами «по испытанным и признанным образцам» свидетельствует о полном непонимании в данном месте как текста подлинника, так и его перевода у Шуази. Но это непонимание льет воду на мельницу крайних формалистов и схематиков, которые могут цитировать в такой русской редакции текст Витрувия для оправдания его авторитетом своих вредных установок.

В другом, новейшем переводе Витрувия в издании Соцэкгиза таких антиисторических и формалистических установок нет.

Издание сразу двух переводов Витрувия в последние годы у нас должно свидетельствовать о назревшей в СССР настоятельной потребности в основательном изучении этого уникального источника теории и истории античной архитектуры.

Но в настоящее время изучение Витрувия не может ограничивать своих задач исследовательской работой исключительно только в плане теории и истории архитектуры. Успех разрешения задач в этом узком специальном плане целиком зависит от правильной постановки изучения Витрувия в более широком историческом плане, зависит от расшифровки его трактата, как оригинального документа интереснейшей эпохи.

Разработка этого источника именно в историческом плане, несомненно, вскроет нам не одну из темных еще страниц истории античной техники, истории материального производства греко-римского мира. «Витрувий насквозь историчен. Он понятен, он целиком стоит на реальной римской почве. Содержание его, трактата тысячами вполне видимых и осязаемых нитей связано с Римом конца I в. до н. э.». Этим самым автор трактата «Об архитектуре» снимает покров с «загадочного античного сфинкса» 1, этого, добавим, античного «чуда», легендами о котором еще продолжает заполняться буржуазная история древнего мира.

Г. Поляков

 $^{^1}$ Из предисловия А. В. Мишулина $\,$ к переводу Витрувия, Соцэкгиз, 1936, стр. 14.

Новое пособие в области южноарабских древностей

Les noms propres sud-sémitiques, par G. RYCKMANS, professeur à l'université de Louvain, tt. I—III. Louvain, 1934—1935, 8°, XX1, 416+135 +XXIV, 207. «Bibliothèque du Muséon» № 2.

В первом номере «Вестника древней истории» проф. Д. Нильсен (Копенгаген) справедливо указал на исключительное значение, которое за последнее время для истории древнего мира приобрело изучение культуры Южной Аравии¹. Можно сказать, что к концу первой четверти ХХ в. в науке окончательно оформилась новая область, которая по наиболее известному государству и диалекту Южной Аравии получила название сабеистики. Путешествия, часто сопряженные с опасностью для жизни, приобретения в населенных пунктах Йемена и других областей Южной Аравии доставили громадный материал; наука из стадии собирания перешла к стадии кабинетной разработки, начала создавать свои фундаментальные своды и пособия². Немалым она обязана, в частности, и автору упомянутой статьи—проф. Д. Нильсену: им было начато издание большого Handbuch'а староарабской древности, к участию в котором привлечены крупнейшие сабеисты нашего времени³. Читатели «Вестника древней истории» могли с радостью узнать из его статьи, что ІІ и ІІІ томы этого полезного свода близки к осуществлению. Число сабеистов, в общем, естественно незначительное, продолжает расти и пополняться новыми силами.

С 20-х годов одно из первых мест в этой области по своей систематической работе занял профессор Лувэнского университета в Бельгии Г. Рикманс⁴, избранный на Международном конгрессе ориенталистов в Лейдене в 1931 г. секретарем вновь созданной Международной комиссии по изданию и разработке памятников южноарабской древности⁵. По приглашению Парижской Академии надписей он взял на себя с конца 20-х годов неблагодарный и кропотливый труд составления репертуара южноарабских надписей, который уже близок к завершению; три единолично им подготовленных тома являются теперь необходимым и незаменимым пособием для всякого сабеиста, при каждой справке убеждающегося, насколько полно и внимательно они составлены⁶. Кроме репертуара надписей, первый выпуск включил полную библиографию научной литературы по сабеистике, доведенную до 1928 г. включительно⁷; в последнем, имеющем выйти в ближайшее время, выпуске она будет доведена до настоящего момента.

Таким же необходимым пособием обещает стать и та фундаментальная работа Г. Рикманса, которой посвящена настоящая заметка, — трехтомный свод южносемитских собственных имен. Как увидим впоследствии, скромное заглавие значительно уже содержания. Материал извлечен составителем исключительно из эпиграфических памятников, но автор не ограничивается одной Южной Аравией, с четырьмя основными катего-

¹ «Вестник древней истории», 1937, № 1, стр. 95 сл.

² Четыре года назад я имел повод подвести некоторый итог наиболее крупным явлениям в этой области за последнее время («Новые материалы из Йемена». «Библиография Востока», вып. 2—4, 1934, стр. 8—19).

³ Там же, стр. 9.

⁴ Одна из его первых работ в этой области—список коллекций с южноарабскими надписями—напечатана в 1921—1922 гг. («Le Muséon», 1921, т. 34, стр. 159—171; 1922, т. 35, стр. 131—137).

^{1922,} т. 35, стр. 131—137).

⁶ Его основные взгляды на состояние этой области резюмированы в трудах конгресса («Actes du XVIII Congrès international des orientalistes», Leiden, 1922, р. 175).

⁶ Общая характеристика этого труда дана мною в упомянутой статье, стр. 9;

в настоящее время вышло уже пять выпусков.

⁷ Стр. III—LXXXIII.

риями надписей (сабейскими, минейскими, катабанскими и хадрамаутскими), а привлекает и надписи Северной Аравии, восходящие к южноарабской традиции (лихьянские, сафские, самудские), равно как незначительные количественно эфиопские—с другого, абиссинского берега Красного моря. Только в последней, самой скудной по числу находок области Рикманс имел предшественников и мог исходить из списка имен, приложенного Э. Литтманом к одной из его работ по эфиопским над писям (I, V); поэтому они помещены им в приложении (I, 382—383) и не включены в общий список. Во всех других случаях ему приходилось обращаться непосредственно к сырому материалу, так как даже капитальный Согриз хымьяритских надписей, который не закончен до настоящего времени, естественно не имеет еще никаких указателей. Составителю пришлось критически самостоятельно пересмотреть около семи тысяч южносемитских надписей (I, X). Главное количество собственных имен дали обыкновенно незначительные по содержанию северноарабские надписи (лихьянские, сафские, самудские), но на первом месте по значению стоят южноарабские, подтверждая лишний раз положение, высказанное Д. Нильсеном.

Обращаясь к самой работе, не трудно видеть, что только два первых тома остаются в узкой сфере поставленной задачи. Первый том посвящен систематическому перечню (Répertoire analytique) собственных имен. Вслед за предисловием (V-X), характеризующим план и систему работы, равно как и принятую классификацию, дан полный перечень (206 номеров) употребляемых сокращений (XI-XX); он полезен и для других работ, так как помогает разобраться в сокращениях, вошедших в сабеистику вообще. . Транскрипция принята автором, по установившейся в семитологии традиции, еврейская (XXI). В списке имена распределены по алфавиту в пяти группах с систематической классификацией. Первую (1-35)-представляют очень важные для истории древневосточных религий вообще имена божеств; вторую, наиболее богатую количественно. имена личные (36—283). Они распределены по принципу этимологическому и конструктивному. Имена простые разделены на два неравных отдела: имена, производимые от существительных (35-39), и представленные в подавляющем количестве отглагольные (39-217). Следующую категорию составляют имена теофорные (217-253), играющие большую роль во всем древнем Востоке и хорошо известные даже неспециалистам по знаменитому законодателю Вавилона Хаммураби. Малочисленнее группа составных имен другого происхождения (253-271) и тех, которые являются до настоящего времени в науке неразъясненными по своему значению (271 — 283). Третий основной отдел составляют имена этнических групп (284—320), которые для понимания южносемитской эпиграфики, как и вообще всего древнего мира, играют не меньшую роль. чем собственные. В четвертый отдел выделены географические названия мест (321-347) и пятый, незначительный, составляют названия месяцев (348—381). В приложении ланы, согласно намеченному в предисловии плану, имена эфиопские (382-388) -- единственный отдел, в котором составитель имел предшественника в лице знатока и исследователя Абиссинии Э. Литтмана.

В связи с медленным печатанием работы, в ходе его накопились некоторые дополнения и поправки, особенно благодаря новым исследованиям и открытиям, в частности и самого составителя; они даны в конце (389—415) с распределением по тем же рубрикам, как и в основной части, и включены в общий алфавитный указатель второго тома. Оглавление завершает первый том (416).

Автор справедливо указывает, что составление единого общего указателя собственных имен было бы значительно проще и, вероятно, удобнее для пользования. Однако он счел нужным дать диференцированные указатели, потратив значительный труд не только на собирание материала, но и на его классификацию, представляющую во многих случаях серьезную исследовательскую работу. Для облегчения же пользования всеми указателями он не остановился перед тем, чтобы дать к ним специальный алфавитный индекс, который и составил второй том работы (Répertoires alphabétiques).

Первый, сравнительно небольшой и, так сказать, частичный индекс (1—20) включает лишь имена производные и второстепенные элементы имен теофорных или вообще сложных, с ссылками на те имена в следующем индексе, под которыми они в нем находятся; этот второй индекс дает полный алфавитный список всех имен (21—134), встречающихся в первом томе, с ссылками на страницы последнего. Согласно принятой системе все указатели даны в еврейской транскрипции.

Двумя томами автор в сущности вполне исчерпал свою задачу, поскольку она касалась собственных южносемитских имен, и Парижская Академия надписей вполне была права, присудив ему премию за один первый том еще в рукописи в 1930 г. Однако он этим не ограничился и в третьем томе дал под тем же скромным названием работу, как он сам справедливо отмечает (III, IV), выходящую далеко за пределы собственных имен — общий конкорданс южносемитских надписей (Concordance générale des inscriptions sud-sémitiques). За это ему будут благодарны не только те, кому приходится производить какие-нибудь разыскания по поводу собственных имен, но решительно все, кто имеет дело с южносемитскими и, особенно, южноарабскими древностями вообще; третий том станет настольной книгой для них еще в большей степени, чем первые два. Задача и здесь была и очень сложная и очень кропотливая, как можно судить даже по предисловию (V-VII): южносемитские надписи известны в науке и цитируются то под названием тех коллекций, где они находятся, то по именам местностей, где они были найдены, то по фамилиям лиц, их нашедших, то по именам ученых, их впервые опубликовавших, то еще по каким-либо более случайным признакам. Дать полный конкорданс всех этих обозначений, который в нужных случаях позволялбы разобраться в создавшемся десятилетиями хаосе, внести в него некоторый порядок и в то же время помочь сразу ориентироваться в основной литературе по каждой изданной надписи задача далеко не из легких. Составитель привел во введении все сокращения и значки, принятые для обозначения основной литературы в этой области; благодаря первой части по встретившемуся сокращению можно узнать, какие работы имеются в виду (VIII-XIX); во второй (XIX-XXIV)-указывается, как надо сокращать цитируемый труд. Самый конкорданс распределяется по основным категориям надписей.

Глава I посвящена северноарабским надписям (1—58) с их тремя важнейшими подразделениями—лихьянских (1—6), сафских (6—30) и самудских (30—59); глава II, занимающая львиную долю по количеству материала, —южноарабским (60—201), и глава III, наименее значительная, —эфиопским (202—203). И в этом томе даны некоторые дополнения в связи с новыми работами (205—206) и оглавление (207). По своему практическому значению этот том можно сравнить только с такими пособиями, как корпус или репертуар южноарабских надписей: в дальнейшем без него не в состоянии будет работать ни один сабеист.

Неудивительно, что труд Рикманса потребовал целого ряда лет (III, VI). Первоначально работа была завершена к концу 1929 г. (I, IX). Какие трудности пришлось преодолеть автору при работе типографии, ясно из того, что книгу можно было печатать только по одному листу¹; в связи с этим материал, привлеченный во втором томе, доходит до 1933 г. включительно (II, 21); наконец, предисловие к третьему тому помечено 20 января 1935 г. (III, VI), а в дополнениях к нему (III, 205—206) удалось использовать даже некоторые работы, опубликованные в течение 1935 г. (главным образом, австрийской школы сабеистов: М. Н ö f n e r, К. G r e b e n z).

Само собой понятно, что для удачного завершения такого капитального труда автор не мог оставаться узким эпиграфистом или даже вообще семитологом; ему надо было располагать всем историческим материалом, относящимся к соответствующим

¹ Вероятно случайный пропуск заставил в первом томе вставить страницы 222-bis и 222-ter.

эпохам, во всей полноте. Для разъяснения и этимологии собственных имен он систематически привлекает параллели из греческой транскрипции их; во всей широте он пользуется богатым лексическим запасом арабского языка, начиная с классической эпохи и кончая именами или диалектами современных бедуинов. В нужных случаях привлекается параллельный материал из северносемитских языков, вплоть до аккадского.

О степени полноты в привлечении эпиграфического материала и тщательности его проработки удобнее всего судить на каком-нибудь конкретном случае. Я подробнее остановлюсь на разборе только одного примера -- отношения к русским работам по сабеистике и немногочисленным материалам в наших собраниях, которые сравнительно незначительны и крайне разбросаны. Едва ли не первой работой в этой области является статья В. Голенищева, выдающаяся коллекция которого украшает московский Музей изобразительных искусств, о знаменитом впоследствии египетско-сабейском саркофаге в Гизе, опубликованная в 1893 г. в «Записках Восточного отделения» (т. VIII, 219—222). Литература о нем впоследствии сильно разрослась и отодвинула на запний план предположения Голенищева. Тем не менее, русская статья его нашла упоминание в работе Рикманса² и известный приоритет за нею сохранен. Коллекция Н. П. Лихачева, перешедшая теперь в ведение Исторического института Академии наук СССР, сохранила экземпляр очень распространенного южноарабского амулета с именем божества Вадд-Аб. Посвященная ему в 1917 г. моя статья («Записки», XXIV, 91—94) тоже фигурирует в работе Рикманса³ с указанием соответствующих параллелей⁴. В собраниях Эрмитажа имеются только три совершенно незначительных южноарабских фрагмента с письменами; тем не менее, Эрмитаж упомянут в труде самостоятельно (111, 103). Посвященная этим фрагментам в 1921 г. заметка В. К. Шилейко систематически проанализирована с указанием отношения ее отдельных частей к соответствуюшим номерам других коллекций 6.

Совершенно естественно, что особое отражение в труде Рикманса должны были найти две южноарабские таблички, приобретенные Академией наук СССР восемь лет назад из Йемена. Еще тогда, когда было опубликовано мною их издание, в 1931 г.?, Рикманс посвятил им ценную специальную статью, в которой основательно уточнил понимание некоторых меств. В настоящей работе уделено внимание самим надписям в целом. причем они получают соответственный шифр9, и, кроме того, в связи со специальными задачами труда подвергнуты изучению встречающиеся в них собственные имена. Среди них имеются такие, которые были известны по открытым ранее надписям: наименование божества Du Samawi (I, 24), личные имена Sulaim (I, 150) и Binil (I, 221 и дополнение к стр. 258b на стр. 405), связанные с племенными названиями этнические имена Hawliyat (ср. I, 298, 339), Hankiyat (I, 296) географическое название Bayyin (I, 325, ср. 24). Наряду с ними встречаются и такие, которые впервые делаются известными из наших надписей, как имя божества Du Anyat, собственное имя Sammanat (I, 152). Из них я не нашел в указателе единственно только первого, и это обстоятельство уже само по себе говорит, насколько тщательно проделана составителем работа даже в такой области, к которой на Западе часто раньше применялся взгляд: rossica non leguntur.

¹ Cp. Répertoire, VI, 151—154, № 3427.

² III, XII и 119 (в ссылке на «Записки» по ошибке указан т. VI вм. VII, как и в библиографии «Репертуара», 1, XXVII, № 261).

 ³ III, XIV.
 4 III, 86 (=Corpus 590) и 103. Ср. 1, 11, 218 и Répertoire, 240, № 3612с.

 ⁵ «Известия Российской Академии истории материальной культуры», 1, 103—105.
 ⁶ III, XVIII, 86 (=Corpus 579 и 591), 91 (=Corpus C 721), 103, 194. Ср. Répertoire VI, 240, № 3611 и 3612, А и В.

⁷ «Известия Академии наук по ООН», 1931, 427—453.

^{8 «}Revue Biblique», XLI année, № 3, 1-er juillet, 1932, 393-397.

^{9 1,} XV, № 97; III, XIV, XXI, 138.

Относительно же изданных у нас надписей можно с окончательной уверенностью сказать, что они приобрели полное право гражданства в науке¹.

Типографское выполнение работы стоит на высоте современных требований. Технические трудности встречались здесь немалые, как было уже видно; вероятно, ими объясняется значительное количество опечаток в арабском шрифте. Благодаря корневому расположению указателя, они не вызывают особых затруднений и легко будут исправлены читателем. Иногда они попадаются и в европейских словах: например, фамилию арабского ученого в Иерусалиме Marmardji составитель почему-то систематически передает Marmadji².

В итоге можно сказать, что книга Рикманса—одна из тех, которые при своем появлении сразу входят в науку и, войдя, остаются в ней навсегда. При обращении к известным до сих пор южносемитским, в особенности южноарабским, надписям пользование ею совершенно необходимо; при изучении открываемых вновь она значительно облегчит работу и даст большую уверенность в ней. Дополнения и уточнения к монументальному труду Рикманса, конечно, возможны и начнут накопляться быстро; ведь и скромная область сабеистики, несмотря на малое количество ее адептов, продолжает расти и развиваться. Уже со времени появления его работы вышел в свет новый том составленного самим Рикмансом «Репертуара» южноарабских надписей, вышли некоторые исследования Mittwoch, Schlobies и представителей австрийской школы; обнаружились и новые работники, как англичанин Beeston³.

Конечно, все они будут приносить и новый материал и новые толкования, но несомненно, что «Les noms propres sud-sémitiques» Рикманса навсегда останутся достойным памятником сабеистики середины XX в., необходимым пособием для всех, кто к ней имеет отношение в какой-нибудь степени.

В нашей стране слишком мало памятников южносемитской эпиграфики, чтобы можно было рассчитывать на выдающиеся открытия в этой области: надписи Академии наук, вероятно, надолго останутся исключением. Однако принять некоторое участие в разработке уже опубликованных материалов и обосновать свой взгляд наши ученые должны в интересах всей истории древнего мира.

Акад. И. Крачковский

Январь 1938 г.

¹ На Западе в связи с ними уже возникла некоторая литература, главнейшие явления которой я позволю себе здесь отметить ввиду большой их разбросанности. G. Ryckmans—Deux inscriptions expiatoires sabéennes, «Revue Biblique», XLI, № 3, 1-er juillet, 1932, 392—397; J. Mordtmann und E. Mittwoch—Himjarische Inschriften in den Staatlichen Museen zu Berlin, Leipzig, 1935, 35; James A. Montgomery—Arabia and the Bible, Philadelphia, 1934, 157, n. 25; R. Petazzoni—La confessione dei peccati. Parte secondo, Bologna, 1935, 312—365 (особенно 312—323); G. Ryckmans—Répertoire d'épigraphie sémitique, VII, 1936, 9—12, № 3956—3957.

² 1, XVI, № 110, 16, 18, 19, 23, 25 и др. Ср. Répertoire 1, LXXVIII, № 802, где та же ошибка.

³ Особенно важное значение имеет его работа «Sabaean inscriptions», Oxford, 1937, в которой им дан глоссарий, ценный не только для рассматриваемых им надписей, но и для сабеистики вообще (на эту работу уже появилась рецензия G. R у с k m a n s'a, «Le Muséon», L, 1937, 405—406).

Из литературы о текстах Рас-Шамры

The Ras Shamra Mythological Texts, by JAMES A. MONTGO-MERY and ZELLIG S. HARRIS, Philadelphia, 1935.

RENÉ DUSSAUD—Le Mythe de Baal et d'Aliyan d'après des documents nouveaux.

RENÉ DUSSAUD—Les découvertes de Ras Shamra (Ugarit) et l'Ancien testament, 1937.

Раскопки в Рас Шамре (РШ), начатые в 1929 г. и ведущиеся до сих пор Клодом Шеффером, дали ряд блестящих открытий огромной важности, число которых непрерывно возрастает. На месте древнего финикийского городка Угарит, известного по эль-амарнскому архиву, вскрыто пять культурных слоев. Из них первый относится, повидимому, еще к неолиту. Второй слой, судя по керамике, относится к первой половине IV тысячелетия; мотивы керамики этого слоя встречаются на Востоке вплоть до Анау в Туркестане. Третий слой охватывает вторую половину IV тысячелетия и III тысячелетие. Четвертый слой, обнаруживающий уже чисто финикийские черты, относится к XXI—XVI вв. Наконец, верхний, последний слой охватывает XV—XII вв. В XI в. город Угарит исчезает,—вероятно, разрушенный Тиглатпилесером I в его победоносном походе в Северную Сирию.

Помимо обнаруженных при раскопках многочисленных памятников материальной культуры, в Угарите найдено большое количество клинописных текстов, которые могут сравниться по своему значению с эль-амарнским архивом.

Тексты РШ были уже в 1930 г. расшифрованы, независимо друг от друга, Ш. Виролло, Г. Бауером и Эд. Дормом (Е. Dhorme). Они оказались написаны б у к в е н н ы м письмом на протофиникийском, или «ханаанском», языке. Содержание их большей частью мифологическое, но имеется также ряд официальных документов и частных записей и писем. Помимо того, в РШ найдены и вавилонские клинописные таблички. Повидимому, в Угарите в дипломатической переписке, при расчетах и в правовых документах применялись вавилонский язык и вавилонское письмо².

Обилие текстов РШ и их богатое содержание сразу привлекли внимание крупнейших ориенталистов—в первую очередь семитологов. Предстояло прежде всего установить характер и структуру языка, определить место новооткрытого алфавита в истории письма. Язык текстов РШ определяли, как «ханаанский» (Олбрайт), как «специальный диалект северо-западных семитов» (И. Фридрих), как «особый семитический язык» (Бауер). В 1935 г. Montgomery—Harris могли подвести некоторые итоги.

В рецензируемой книге Montgomery—Harris, после кратких сведений об истории открытия и расшифровки текстов, дают сжатый обзор «филологии текстов» —алфавита, орфографии, способа выражения гласных, характера языка, морфологии, синтаксиса. Далее авторы вкратце останавливаются на литературной форме мифологических поэм РШ и излагают содержание поэм. Затем следует библиография, достигшая уже к 1935 г. около 50 названий. Большую часть книги занимает публикация текстов—«миф о смерти и воскресении Алейана, бога растительности», «сооружение храма для Алейана», «рождение милостивых богов», «смерть Алейана». В приложении приведен опубликованный Виролло в 1935 г. в журнале «Syria» текст «La révolte de Košer contre Baal». Подробный словарь-указатель завершает издание.

¹ Три таких текста опубликованы Тюро-Данженом в «Syria», XVIII (1937), p. 245

² Claude F.-A. Schaeffer—Les fouilles de Ras Shamra—Ugarit, «Syria», XVIII (1937), p. 137.

В отличие от Виролло, который публикует тексты РШ в латинской транслитерации, Montgomery—Harris дают еврейскую транслитерацию, что не только облегчает чтение

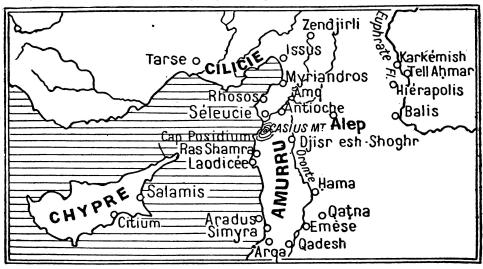

Рис. 1. Город Рас-Шамра и его окрестности

текста, но и нагляднее подчеркивает сходство и различия с другими семитическими языками, в частности с древнееврейским. К сожалению, авторы применяют свою рубрикацию текстов, отличную от рубрикации Виролло, и это затрудняет сличение и сверку текстов.

Авторы определяют язык РШ, как «раннееврейский», понимая термин «еврейский» в широком смысле слова, включающем и финикийский, и устанавливают наличие в нем известной примеси аккадских, хеттских и хурритских слов. Определение языка РШ, как «раннееврейского», или, по терминологии Дюссо, «протофиникийского», приемлемо лишь в смысле стадии в развитии семитических языков, но не в том понимании, какое придают этому термину авторы. Стоя на позиции школы индоевропеистов, они склонны видеть в «протофиникийском» некий праязык, из которого путем филиации развились финикийский и древнееврейский языки.

Несмотря на незначительное еще в то время количество материа-

Рис. 2. Золотое блюдо из Рас-Шамры

ла, которым оперируют Montgomery—Harris, они сумели в общем правильно сконструировать грамматику новооткрытого языка и его синтаксис, очень близкий к древнееврейскому.

После выхода в свет книги Montgomery—Harris опубликовано еще много текстов, главным образом, мифологического содержания, которые расширили знание языка

РШ. В частности считается установленным, что 30 знаков алфавита РШ обозначают только 28 звуков (s и $\overline{s}$ по системе Montgomery—Harris обозначают один звук s, а $\overline{s}$ и $\overline{z}$ один звук s), что этот алфавит не был предшественником классического финикийского, а существовал в Южной Сирии наряду с ним. Но многое еще неясно, особенно в отно-

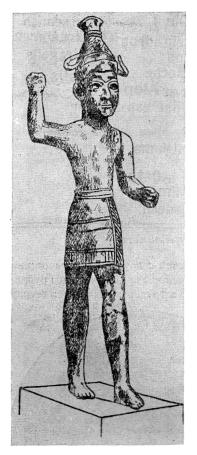

Рис. 3. Ваал

шении вокализации. Даже имя главного героя поэмы транскрибируется по-разному (Aleyan, Aliyan, Aleyun).

Установленные Montgomery — Harris основы грамматики языка РШ подтверждаются и открытыми после 1935 г. текстами; они обнаруживают архаические черты, сближающие язык РШ с аккадским и древнеарабским (употребление редко встречающихся или вовсе не встречающихся в древнееврейском языке глагольных основ polel, palel, pilpel, shafel, itel, pel, shafel, itel, преимущественное употребление imperfectum, остатки падежных окончаний и др.). Но, несмотря на обилие текстов, язык далеко еще не изучен; работа по составлению подробной грамматики и словаря, по определению места и роли языка РШ в истории семитических языков еще впереди.

Поскольку тексты РШ, главным образом, мифологического содержания и дают более или менее связный мифологический эпос, естественно, что они привлекли внимание историков религии и в первую очередь Рене Дюссо. Дюссо занимается вопросом о связи между финикийским и древнееврейским культами давно. Этой теме посвящена вышедшая в 1921 г. его работа «Les origines cananéennes du sacrifice israélite». С самого начала публикации текстов РШ Дюссо проявил к ним живейший интерес, и по мере того как Виролло печатал в «Syria» новооткрытые тексты, Дюссо следом за ним выступал со своими исследованиями о них (преимущественно в «Revue de l'histoire des religions»), с точки зрения истории религии. Примером такого специального исследования является работа Дюсco «Le mythe de Bacal et d'Aliyan d'après des docu-

тепть попусаих» (извлечение из RHR, CXI, № 1—2, 1935). Дюссо здесь дает связное изложение мифа о Ваале и Алийане ('Al'iyn; по транслитерации Montgomery—Наггіз ј'ку-аleyan)¹, известного читателям «Вестника древней истории» по статье Виролло в № 1 журнала.

Реконструкция поэмы представляет особые трудности не только вследствие фрагментарности самих табличек, но и потому, что при наличии больших пропусков между ними трудно установить порядок их последовательности. Многое также сомнитель но и спорно в толковании отдельных слов и выражений. Достаточно указать, что первоначально Алийана отождествляли с Ваалом, так как обычно он именуется 'Al'iyn B^cl, без слова ben (сын), только в одном случае найдена формула полная—'Al'iyn bn B cl;

 $^{^{1}}$ Алфавит РШ имеет три буквы aleph, которые условно транскрибируются, ^{2}a , ^{2}i , ^{2}u .

кроме того, b°1 встречается нередко в нарицательном значении «господин». Принимая Ваала и Алийана за одно лицо, комментаторы часто становились втупик. Сбивает с толку и имя 'Аšrt—(библ. Ашера или Ашерат), которое обозначает двух богинь, из коих одна—рагеdros верховного бога Эл, титулуемая обычно rbt 'Ašrt ym—«владычица Ашерат моря».

Реконструируемый Дюссо пантеон Угарит представляется, с некоторыми уточнениями, в таком виде:

El (Dagon)	'Aserat Mo	ря
Ba'al ben Dagor	(Hadad)	'Ašerat
'Al'iyan (ben) B	a ^e al	c Anat

Миф о Ваале и Алийане в том виде, как он изложен в поэме РШ, Дюссо склонен условно приписать Табиону, о котором Филон Библосский сообщает, как об авторе аллегорического мифа (стр. 8). Содержание поэмы, согласно композиции, предложенной Дюссо в соответствии с Виролло, резюмируется следующим образом:

- 1. Ашерат требует от Эла, чтобы для Ваала был построен храм, каким обладают прочие боги. Храм должен быть построен из кирпича и отделан деревом с Ливана и Антиливана. Постройка храма и изготовление утвари для него поручается Кусору. Храм закончен, и по этому случаю Алийан приносит богам гекатомбы. Ваал садится на трон, провозглашает свою победу над богом Мотом¹ и обещает позаботиться о богах, людях и скоте. Затем он посылает известить Мота о своем пребывании в храме.
- 2. Мот посылает вестника к Ваалу с поклоном. Посол поражает семиголового змея Лотана (библ. Левиафан) и достигает неба; однако Ваал ударами копья прогоняет посла. Но вот настало время Ваалу в свою очередь спуститься в подземное царство. Напрасно Алийан шлет гонца к Моту. Ему самому приходится разделить судьбу Ваала. Перед сошествием в ад Алийан оплодотворяет телицу—богиню Анат—и рождает от нее сына Мѕ². Анат и Латпон оплакивают ушедших Ваала и Алийана и совершают погребальные обряды.
- 3. После совершения траурных обрядов и жертвоприношений Ашерат назначает Аштариса временным заместителем Алийана. Безутешная Анат сначала молит Мота вернуть ей брата-супруга. Но ее мольба тщетна. Тогда она в ярости бросается на Мота (в котором, повидимому, воплощен растительный дух). «Серпом она его режет, на току она его молотит, в огне она его обжигает, на мельнице она его мелет, в поле она его разбрасывает, чтобы его плоть ели птицы»³. После этого обрядового действия-таинства—должны пойти дожди, но подателя дождя, Алийана, нет. Начинаются поиски

² Mš, повидимому, как и египетское mes,—нарицательное имя, означающее «сын». Виролло нашел соответствующую женскую форму mšt в значении «дочь». Но в таком случае имя «Моисей»—Мšh—оказывается мифологическим именем, на что Дюс со не обратил внимания.

¹ Дюссо не согласен с большинством исследователей, толкующих Môt, как еврейское mwth (смерть), так как Мот не всегда пребывает в подземном царстве. Дюссо производит это имя от древнеевр. mth (status constructus—mthj)—«воин»—и полагает, что библейское имя Mthwšlh (Мафусал)—теофорное имя. Он поэтому пишет не Môt, а Mot. Cp. RHR, CXVI (1937), p. 122—123.

³ Здесь Дюссо отступил от того толкования, которое он дал этому месту в RHR, CIV (1931), р. 388, и от толкования Виролло («Syria», XII, 1931, р. 193). Согласившись с Виролло, что s'erh надо переводить «плоть», Дюссо, следуя Бауеру, относит It'ekl к следующему 'srm (птицы?). Но в таком случае пропадает весь смысл обряда. Ведь ритуальное вкушение зерна нового урожая (а именно это здесь имеется в виду, как правильно отмечает Дюссо)—конечная цель всей церемонии; поэтому правильнее будет перевести «чтобы (е й, А н а т) съесть его плоть». Новое толкование Дюссо тем менее приемлемо, что чтение и перевод 'srm весьма сомнительны.

Алийана при помощи богини Солнца. В последней схватке между Ваалом и Мотом Ваал одерживает верх. Кончилось царство Мота, вновь возрождается жизнь. Так рисует поэма смену времен года.

В процессе изложения Дюссо делает ряд ценных сопоставлений с библейской мифологией, приводит этнографические и исторические параллели, вводя таким образом

Рис. 4. Стела с изображением жертвоприношения богу Элу

миф о Ваале и Алийане в определенную культурно-историческую среду. Свои дальнейшие выводы и обобщения, основанные на публикациях до 1936 г. (и отчасти 1936 г.), Дюссо изложил в докладе в Оксфорде в мае 1936 г. Этот доклад лег в основу его работы «Les découvertes de Ras Shamra (Ugarit) et l'Ancien testament».

В книге автор выходит за пределы непосредственной темы, стараясь дать вполне законченное исследование о результатах раскопок РШ. Он поэтому дает географический очерк и стратиграфию Угарита, описывает город и его храмы, посвящает специальную главу финикийскому искусству второй половины ІІ тысячелетия, рассказывает о расшифровке текстов.

Переходя к рассмотрению содержания текстов РШ, Дюссо отмечает, что 'географический кругозор финикийцев в Угарите неодинаков в различных текстах. Небольшие таблички, преимущественно делового содержания, упоминают о народах Малой Азии (хетты), Северной Сирии и Се-

верной Месопотамии. Напротив, большие таблички, на которых по распоряжению Никмада, царя Угарита, записан мифологический эпос, указывают на иную географическую ориентацию. Действие происходит на крайнем юге Сирии, в Негебе, на границе Эдома. Упоминаются Ашдод, Кадеш, Эдом. Имя сидонского царя Керет совпадает с библейским керети, связанным с Негебом (negeb hakerethi); mdbr špm Дюссо толкует, как mdbr ym špm (=eвр. iam suph)—«пустыня Красного моря» и т. д. Таким образом, место действия финикийского мифологического эпоса, записанного в XIV в., но восходящего к гораздо более древнему периоду, совпадает с ареной, на которой подвизаются библейские патриархи.

Еще больше совпадений с библией Дюссо мог бы найти в финикийском пантеоне. Так, богиня Анат была женою Ягве в «царскую эпоху», и еще в элефантинских папирусах конца V в. фигурирует богиня Анат-Ягу, официально почитаемая в храме Ягве.

Не исключена возможность, что имя Алийана אלאין сохранилось в библейском Эл Эльон, искаженное по связи с словом эльон (вышний). Верховный финикийский бог Эл почитается и древними евреями под этим же именем. Но об этом Дюссо умалчивает, так как он, вопреки очевидности, продолжает считать, что древние евреи во II тысячелетии исповедывали «моисееву» религию единобожия. Дюссо отмечает, что прозвище Алийана—Зебулбаал подтверждает правильность чтения Вельзевул (=Becel-zeboul), а не Баал-зебуб, как в Ветхом завете. Но он не обратил внимания, что Зебул был божеством и у евреев, судя по теофорному имени Зебулон. Точно так же Дюссо вслед за Виролло констатирует тождество имени героя поэмы РШ Danel с библейским Даниилом, который у Иез. XIV, 14, 20, XXVIII, 3 называется не Dnj'l, а Dn'l, в полном соответствии с текстом РШ. Но в таком случае Dan-el—божественный родоначальник еврейского племени Дан 1.

Но если Дюссо обходит деликатный для него вопрос о древнееврейском пантеоне, он указывает на ряд параллелей в организации культа у древних евреев и финикийцев. Посвящение храма Ваалу происходит перед периодом дождей, в седьмом месяце, как и освящение храма Соломона. Обряд водоизлияния в Иерусалиме указывает на тесную связь с культом Ваала или Hadad'a. Описанный выше церемониал расправы Анат с Мотом, символизируя ритуальное вкушение зерна нового урожая, повторяет обрядовое содержание еврейского праздника маццот. Дюссо по этому поводу цитирует слова Море: «Здесь мы имеем первый случай, когда очень древний ритуал позволяет удостоверить и подтвердить конструктивную гипотезу сравнительной этнографии».

Тексты РШ знают, как и библия, жрецов (kohanim), возглавляемых первосвященником (rab kohanim), и иеродулов (qedesim). Тексты РШ называют «жертву совершенную»—mtn tm, соответствующую библейскому thamim; «жертву мирную»—slmm—библ. slmjm, «жертву всесожжения»—sгр (ср. древнеевр. saraph), «жертву за грех»—dbn btt. В легенде о Керете описывается обряд жертвоприношения, в общем совпадающий с его описанием в кн. Левит: омовения, заклание ягнят и козлят, «хлебы предложения», возлияния вина и меда.

Большинство параллелей, которые приводит Дюссо, совершенно бесспорны. Сомнительным надо считать сопоставление библейского запрета варить козленка в молоке его матери с текстом SS 13 «принеси в жертву ягненка в молоке». Дюссо полагает, что библейское предписание направлено против этого «языческого» обычая. Мысль эта не нова. Ее высказал когда-то Сол. Рейнак, основываясь на формуле из культа Диониса: $\xi_{\Gamma^{\downarrow} \Gamma^{\downarrow} O} \in \zeta_{\zeta} \gamma \acute{a} \lambda \alpha$ $\xi_{\pi \epsilon \tau \epsilon \zeta^{2}}$. Но ничем не мотивированный запрет варить козленка в молоке его матери, приводимый библией трижды, в том числе в древнейшем декалоге (Исх., XXXIV, 26), слишком архаичен и занимает слишком важное место, чтобы его можно было объяснить только как реакцию против незначительного «языческого» обряда; это тем менее правдоподобно, что древнееврейский жертвенный ритуал с о впадает с финикийским до мелочей. Поэтому правильной следует признать точку зрения Фрэзера, который видит здесь пережиток первобытного табу, основанного на представлении о магической связи между молоком, приплодом и матерью, чему Фрэзер приводит многочисленные этнографические параллели³.

Связь между древнееврейскими и финикийскими обрядами несомненна; но Дюссо делает отсюда необоснованный вывод, что евреи заимствовали эти финикийские обряды задолго до того, как они осели в «земле обетованной». Он упускает из виду, что финикийский ритуал, несмотря на свою глубокую древность, засвидетельствованную в текстах РШ, продолжал существовать без существенных изменений в течение многих веков и мог быть заимствован евреями гораздо позднее эпохи текстов РШ. Напрасно поэтому

¹ Об этом см. Е. D h o r m e, «Syria», XVIII (1937), p. 105.

² S. Reinach—Cultes, mythes et religions, v. II, p. 14, 125.

³ I. G. Frazer - Folklore in the Old Testament, L., 1919, v. III, p. 111-164.

Дюссо считает теперь ошибочной свою прежнюю точку зрения, изложенную им в его «Origines cananéennes...»

Поражает также сходство литературных приемов авторов поэм РШ и библейских текстов—то же обилие сравнений, повторений, тот же параллелизм частей, ритм¹, иногда те же выражения. Плач Латпона по Ваале напоминает плач Давида по Авессаломе, причем заключительный стих—«сойду в землю»—повторяется в плаче Якова по Иосифе: «я сойду к сыну моему в шеол» (Быт., XXXVII, 35). Анат печалится об Алийане: «Как сердце антилопы к своему теленку, как сердце овцы к своему ягненку, таково сердце Анат». Земля, «текущая молоком и медом», обещана Элом Латпону в сновидении.

Не менее разительные параллели древнееврейской литературе, мифологии и культу дает, как известно, и вавилонская и египетская литература. Дюссо поэтому неправ, когда хочет видеть в финикийской литературе единственный источник, которым пользовались библейские авторы. Но его изыскания важны в том смысле, что подчеркивают финикийское влияние на культуру древних евреев, которому раньше уделялось мало внимания.

Если в филологических комментариях к текстам РШ Дюссо дает ряд ценных наблюдений, остроумных догадок и сопоставлений, основанных на глубокой эрудиции, способствуя разъяснению трудных текстов и углубленному изучению языка РШ, то в исторических выводах и обобщениях ему изменяет критическое чутье, и нередко он оказывается на поводу у богословов.

Прежде всего необходимо со всей решительностью отвергнуть совершенно произвольное положение Виролло, которому безоговорочно следует Дюссо, будто Угарит находился с начала II тысячелетия в подчинении у «индоевропейских» митаннийцев и будто финикийское население Угарита и его области в XIV в. управлялось митаннийцами. Единственным основанием для этой гипотезы служит митаннийское якобы имя царя Угарита—Niqmad или Niqmeas. Между тем, не говоря уже вообще о шаткости подобного аргумента, имя Niqmad, Niqmeas легко объясняется из семитического языка (при с хеттским окончанием—аs), а власть митаннийцев не простиралась на запад до Средиземного моря, да еще в первой половине II тысячелетия. Наконец, «индоевропеизм» митанни весьма сомнителен. Гипотеза Виролло—Дюссо вполне основательно опровергнута Раймондом Вейлем² и научного значения не имеет. Она лишь характерна для того тлетворного влияния, которое оказывают расистские «теории» на буржуазных ученых, даже весьма далеких от фашизма.

1АВ 1 11—15: Ты возвеселишь Ашерат и ее сыновей, Элат и потомков ее брата. Когда умер Алийан, сын Ваала, Когда погиб Зебул, владыка земли, Эл воскликнул...

1AB VI 16-20 (о борьбе Ваала с Мотом):

Они наскакивают, как верблюды. Мот могуч, Валл могуч. Они сталкиваются, как быки. Мот могуч, Ваал могуч. Они жалят друг друга, как змеи. Мот могуч, Ваал могуч.

¹ Приведем два только примера:

² R. Weill-Sur la situation historique et politique de Ras Shamra, RHR, CXV (1937), p. 174-187.

Наибольшее значение непосредственно для истории имеет опубликованная Виролло в 1936 г. легенда о Керете (Ch. Virolleaud—La légende de Keret, roi des sidoniens). Эл предписывает Керету разгромить и изгнать терахитов, к которым принадлежит также племя Зебулон. Керет колеблется, но Эл является ему во сне, повторяет свое приказание и обещает ему многочисленное потомство. Пробудившись, Керет приносит в жертву ягненка, козленка и птицу. Все это почти дословно повторяется в рассказе Быт., XV, 7 сл., но здесь действующим лицом выступает именно терахит—Авраам сын Тераха.

Керет выступает в поход с армией, в которой участвует еврейское племя Ашер, упоминаемое как раз в этих местах также в египетских документах Сети I и Рамзеса II. Победив и прогнав терахитов, Керет отправляется в поход против Эдома, по по внушению Эла заключает с царем Эдома мир и женится на его внучке.

Отсюда можно сделать ряд важных выводов. Во-первых, Терах, отец Авраама и родоначальник евреев по библии, оказывается, с одной стороны, эпонимом племени, с другой стороны—лунным божеством, как это прямо засвидетельствовано в других текстах РШ. Таким образом, прямо подтверждается, что библейские патриархи—первоначально божества, лишь впоследствии превратившиеся в мифологические генеалогические фигуры. Во-вторых, из легенды о Керете следует, что уже в то время, когда легенда возникла, еврейские племена обитали на юге Палестины, и поэтому не остается места для включения легенды об исходе евреев из Египта в исторические и хронологические рамки. Тот же вывод вытекает из мифа о Данеле, и Дюссо формулирует его следующим образом: «При этих условиях невозможно поместить исход, как это обычно делают, в столь позднюю эпоху, как 1225 г.». Очевидно, по этим соображениям А. Могет в своей истории Востока, вышедшей в 1936 г. (серия Глоца), вынужден отнести (совершенно произвольно) мифический исход из Египта назад, к XVIII в.

Особенно важно, что отраженная в «Керете» и других мифологических текстах РШ минувшая действительность значительно расширяет хронологические границы истории народов Передней Азии, а одновременные открытия в Мари и др. позволяют глубже вникнуть в характер связей между народами древнего Востока. Тексты РШ блестяще подтверждают мысль Энгельса, что в библии «главное содержание было арабского или, вернее, общесемитического характера» (письмо к Марксу, Соч., т. XXI, стр. 484).

Совершенно неожиданным является вывод Дюссо, будто тексты РШ сводят на-нет результаты библейской критики, достигнутые школой Рейса, Графа и Вельгаузена. Как известно, основной тезис Вельгаузена состоит в том, что рисуемая в жреческом кодексе сложная организация культа и теократия несовместимы с родовым строем общества древних израильтян. Поэтому Вельгаузен и его школа помещают жреческий кодекс в целом на последнем месте среди источников Шестикнижия (хотя он, несомненно, содержит отдельные очень древние элементы). Этот тезис обоснован Вельгаузеном и с т о р и ч е с к и и его правильность не находится ни в какой зависимости от характера материалов, какими пользовались библейские авторы. Имели ли они в своем распоряжении письменный эпос или вплели в ткань своих легенд устные сказания,это не имеет существенного значения. Ведь и до открытия текстов РШ было известно, что мифы о потопе и вавилонской башне, многие псалмы и «пророческие» тексты имеют свои параллели в древнейшей вавилонской и египетской литературе, и ничего принципиально нового и этом отношении тексты РШ не дают. Но Дюссо, в отличие от Вельгаузена, не видит закономерностей исторического процесса и находится, несмотря на свой либерализм, в плену у богословских традиций. Поэтому он, вопреки собственным тонким наблюдениям, показывающим примитивный характер древнееврейской религии, признает не умещающееся в рамках истории «моисеево» законодательство в Кадеше и даже допускает «девтерономистские тенденции» у евреев во II тысячелетии!

Трудно переоценить значение открытий в РШ, являющихся пока достоянием лишь

специалистов археологов и филологов. Надо думать, что полная публикация текстов, уже начатая Виролло (в 1936 г. вышли «Danel» и «Keret»), будет закончена в скором времени. Но уже и на данной стадии изучения текстов ни один историк древнего Востока не может обойти эти важнейшие документы.

А. Ранович

Раскопки в Мари

- A. PARROT—Les fouilles de Mari. Première campagne, «Syria», 1935, XVI, I,2; Les fouilles de Mari. Seconde campagne, «Syria», 1936, XVII, 1; Les fouilles de Mari. Troisième campagne, «Syria», 1937, XVIII. La civilisation mésopotamienne. RA, XXXI, 4, 1934.
- F. THUREAU-DANGIN—Textes de Mari. RA, XXXIII, 1936. Jahdunlim, roi de Hana. RA, XXXIII, 1, 1936. Notes assyriologiques. LXXIX, Ma'eri, RA, XXXI, 1, 1934. Inscriptions votives sur des statuettes de Ma'eri, RA, XXXI, 3, 1934.
- H. FRANKFORT—Mari et Opit. Essai de chronologie. RA, XXXI, 4, 1934.

Исторические судьбы Месопотамии в III и в IV тысячелетии до н. э. становятся теперь в полной мере достоянием исторической науки. Раскопки Ура ¹ позволяют ныне говорить о политической и культурной истории древнейшего Шумера; раскопки древнеаккадских городов Киша², Эшнунны³ и Описа проливают яркий свет на историю древнего Аккада; наконец, раскопки холма Тель-Харири вскрыли новую страницу в истории древней страны Хана, расположенной в северо-западной части Двуречья.

В хеттских, митаннийских и ассирийских надписях упоминается страна Хана; в некоторых текстах можно найти название города или государства, а также династии Мари. Однако только недавние археологические раскопки, произведенные французской экспедицией во главе с Парро на западном берегу Евфрата, дали науке богатейший материал для реконструкции истории довольно значительного государства Мари (или, может быть, точнее Маэри), соперничавшего с Эаннатумом, с Хаммураби и, может быть, с царями Угарита.

В 11 километрах от Абу-Кемаля, на западном берегу Евфрата, приблизительно на одинаковом расстоянии от Алеппо (древней Халпы) и от Вавилона, лежит холм, носящий ныне название Тель-Харири. На этот холм, таивший в себе развалины древнего города, археологи уже раньше обращали внимание. Один из них, Олбрайт, даже высказал предположение, что именно здесь находился город Мари. Но только в 1933 г. случайная находка каменной статуи обратила внимание французских археологов на этот район. Начатые в этом же году раскопки дали богатый и очень ценный материал.

¹ «Ur Excavations». Vol I. Al-Ubaid. By H. R. Hall, L. Woolley, C. J. Gadd, A. Keith. Oxford, 1927. «Ur Excavations». Vol. 2. The Royal Cemetery. Plates and text. By C. L. Wooley, E. R. Burrows, A. Keith, L. Legrain, H. J. Plenderleith. N. Y.1934.

² Langdon and Watelin—Excavations at Kish, vol. I—IV—1925. 1934. ³ «Oriental Institute Communications», № 13, 16, 17, 19. Chicago, 1932—1935, В. И. Авдиев—Раскопки древнеаккадского города в Тель-Амаре, «Историк-марксист», 1937, № 5—6.

Рельеф местности здесь довольно обычен для обширной и однообразной сирийскомесопотамской степи. Окруженный пустынной степью, некогда богато орошенной и тщательно обработанной, лежит холм, занимающий территорию около 1000×600 м. Высшая точка холма достигает 14 м 55 см. Река протекает в 2,5 км от холма. Можно думать, что в древности русло Евфрата проходило в непосредственной близости от города. Уже первое ознакомление с конфигурацией холмов дало возможность предположить, что под этими холмами скрываются развалины довольно значительного города, главные оборонительные сооружения которого находились на южной стороне, защищая таким образом город от вторжения с юга, может быть, из Шумера и Аккада.

Систематические раскопки холма Тель-Харири были начаты 14 декабря 1933 г. и продолжались в течение трех лет. Во время этих раскопок удалось обнаружить некоторые кварталы города, целый ряд погребений, развалины храма в честь богини Иштар, наконец, остатки громадного царского дворца. Хотя эти раскопки еще далеко не закончены, однако громадное количество найденных здесь ценнейших памятников уже дает возможность в общих чертах охарактеризовать город Мари, его политическую историю и культуру того древнесемитского народа, который здесь жил в ІІІ тысячелетии до н. э.

Первые удары заступа обнаружили следы громадной эспланады, покрытой хорошими сырцовыми кирпичами. На эту эспланаду вела кирпичная лестница. Все это сооружение покоилось на более древнем здании с кирпичными стенами, построенными на каменном фундаменте. Тип этой более древней постройки и найденная здесь статуэтка человека, держащего у груди жертвенное животное, указывают на то, что это более древнее здание относится к досаргоновской эпохе. Очевидно, вся эта постройка была частью большого здания государственного значения, существовавшего в течение ряда столетий. На это указывают и найденные в верхнем слое предметы: инкрустированные глаза статуй, бронзовые гвозди и часть большой статуи с надписью. Около этой эспланады, несколько ниже ее, был найден один из городских кварталов с очень скромными домиками, которые, очевидно, принадлежали беднякам. В другом месте был найден другой квартал бедняков. Все эти дома, построенные из плохого необожженного кирпича, сохранились очень плохо, многие из них были разрушены во время пожара. Сохранились лишь остатки канализации, большого вертикального коллектора, а также силосы, печи и кувшины. Значительно лучше сохранились погребения самого различного типа. Так, здесь были найдены расчлененные костяки, остатки трупосожжений, погребения в земле, в двух колоколообразных сосудах, в саркофагах изглины с крышкой и без крышки, наконец, в громадных сосудах с заделанным после погребения отверстием. Наряду с очень скромными могилами, обложенными необожженным кирпичом, встречаются более богатые гробницы, построенные из больших каменных плит и относящиеся к досаргоновской эпохе. Тело, в особенности голова, почти всегда завернуто в саван коричневато-пурпурного цвета. В бедных могилах инвентарь очень скуден. Но иногда встречается и более обильный инвентарь, главным образом, глиняные сосуды, которые очень напоминают керамику из Киша раннешумерийского типа. Большое разнообразие типов погребений, очевидно, указывает на очень смешанное население. Здесь в Мари, на северо-западной окраине месопотамского мира, смешивались шумерийцы, семиты Аккада и Сирии, возможно даже племена субарейскомитаннийского происхождения, создавая своеобразный тип смешанной культуры.

Другой, довольно большой городской квартал был раскопан во время второй кампании 1934—1935 гг. Здесь ничего не сохранилось от того позднейшего маленького города (А), который управлялся в конце ІІ и в начале І тысячелетия до н. э. чиновниками ассирийских царей и остатки которого сохранились в более высоких частях холма и в могилах, вырытых на территории более древнего дворца. Зато здесь были обнаружены развалины города (В) времени ІІІ династии Ура, а также остатки города эпохи Саргона и предшествующего периода (С). Город времени ІІІ династии Ура сохранился очень плохо. Осыпание почвы разрушило то немногое, что осталось после разгрома Мари вавилонским царем Хаммураби. Здесь не было найдено ни одного целого дома. Сохранились лишь погребения, по большей части в больших пифосах. Значительно лучше сохранился город С. Здесь были обнаружены довольно много домов, улицы, переулки, остатки канализации. Среди группы домов иногда удавалось установить нечто вроде площади с массивными кирпичными столбами, которые, может быть, служили для поддержки крытой галереи, своего рода рынка. В погребениях было найдено довольно много вещей: специфическая керамика, бронзовые кинжалы, лезвия и булавки, золотые серьги и кольца, наконец, цилиндрические печати с религиозными и бытовыми изображениями. Тела умерших были положены в гробах или просто покрыты просмоленными цыновками.

Значительно большие результаты были достигнуты при раскопках храма, посвященного богине Иштар. Развалины этого храма были совершенно случайно обнаружены в северо-западной части холма на квадрате E-V. Археологи предполагали здесь найти городские ворота, но, к своему удивлению, наткнулись на остатки древнего храма. На это указывали уже первые находки—вотивные статуэтки, часто поврежденные и разбитые, но все же имеющие большую художественную и историческую ценность. Надпись, сохранившаяся на одной статуэтке и гласившая: «Ламги-Мари, царь Мари», была первым историческим указанием, позволившим установить название города. Раскопанный город был Мари, расположенный в стране Хана.

Как показали раскопки, храм богини Иштар состоит из нескольких археологических слоев. Наиболее поздняя постройка относится ко времени Хаммураби, а расположенное ниже более древнее здание восходит к династии Мари, т. е. к ХХХ в. до н. э., очень напоминая архитектурную форму архаических храмов в Ашшуре.

Так как раскопки еще не закончены, трудно во всех деталях описать храм Иштар в Мари. Но то, что вскрыто, уже позволяет получить некоторое общее представление о нем. Весь храм можно разделить на две части. Западная часть заключает в себе специально культовые здания, а восточная—жилые помещения, предназначавшиеся для служащих храма. Обе эти части довольно резко отделены друг от друга. Храм был окружен большой кирпичной стеной. Проникнуть в храм можно было только через вход, расположенный в стене, выходящей на городскую сторону. Первыми помещениями, в которые попадал посетитель, были маленький вестибюль и длинный коридор. шедший вдоль стены. Слева от этого коридора расположены ряд маленьких жилых комнат, кладовых и кухонь и продолговатая комната привратника. Во время раскопок здесь было обнаружено много бытовых предметов: глиняная посуда, краскотерки и ступки из твердого камня; в углу находился очаг. В других комнатах, расположенных в глубине храма (№ 12, 13, 14), было найдено много драгоценностей, ожерелий и амулетов, что позволяет предполагать, что здесь жили жрицы Иштар, имевшие, очевидно, в своем распоряжении совершенно изолированное помещение. Далее находился большой двор, по всем признакам культового назначения. В него вели два входа, предназначавшиеся для жрецов, и один вход, ведший из коридора, доступный молящимся. На культовый характер этого помещения указывают сделанные здесь находки: статуэтки, большие обломки каменных сосудов, предметы ритуального назначения и специально культовая установка, состоящая из водоема для омовений, алтаря, колодца и жертвенника. Этот жертвенник был той границей, через которую могли переходить только жрецы. Здесь, около жертвенника, молящиеся складывали свои дары богине, главным образом, вотивные статуэтки, которые впоследствии уносились жрецами в святилище. Это святилище (целла № 17) имело форму прямоугольной комнаты размерами $9 \text{ м} \times 7 \text{ м}$. Можно думать, что против входа вдоль стены стояла длинная скамья, на которую клали обетные статуэтки. Внизу были найдены два больших медных гвоздя и таблички без надписей, очевидно, дары, положенные во время закладки здания. Две ямы, обнаруженные в полу, может быть, служили для подпор, на которые был натянут матерчатый навес. Рядом с этим святилищем расположена другая, совершенно изолированная комната (целла № 18), в которую можно было попасть, лишь поднявшись по лестнице из двора № 20. Это было, очевидно, второе святилище богини Иштар. Здесь были найдены скамейка для даров, углубления для «святой» воды и множество вещей: вотивные статуэтки, бронзовые гвозди, таблички из камня и лазурита. В расположенном неподалеку дворе № 20 были также найдены статуэтки, фрагменты мозаик из раковин и обломки стеатитовых ваз. Характерной для этих помещений является довольно сложная система канализации.

План этого храма Иштар в Мари очень напоминает план архаических храмов Иштар (G и Н) в Ашшуре. Мы видим здесь такой же вход с вестибюлем и длинным коридором, который ведет в открытый двор. Святилище с входом, расположенным на длинной стороне, как в Ашшуре, так и в Мари, характерно для северомесопотамского типа храма, образец которого был недавно обнаружен в Тель-Асмаре. Типичны для этих храмов и скамейки, расположенные в святилище вдоль стен, и пять зарытых в святилище глиняных чаш. Однако можно установить и некоторые различия между храмами в Ашшуре и в Мари. В Мари были найдены каменные фундаменты, причем здания были совершенно иначе ориентированы. Наконец, в Мари не было найдено плоско-выпуклых кирпичей. которые раньше считались типичными для раннешумерийских построек. Одновременно с использованием плоского кирпича в Мари была известна техника обработки камня. Это обстоятельство опровергает теорию Иордана, который думал, что плосковыпуклые кирпичи были принесены в Месопотамию горным племенем, которое для своих построек раньше пользовалось только камнем и, попав в Месопотамию, сохранило об этом воспоминание в технике изготовления плоско-выпуклых кирпичей. Как теперь установлено, марийцы знали камень, но в то же время делали правильной формы плоский кирпич.

Храм Иштар в Мари, раскопанный в 1934 г., был внимательно изучен в течение 1935 г. В святилище № 17 были найдены три расположенных друг над другом жертвенника, которые соответствуют четырем основным археологическим слоям. Обследование этих слоев дало следующие результаты.

Слой a содержит остатки храма досаргоновской эпохи, в котором было найдено множество вотивных статуэток, стеатитовых ваз и панно, инкрустированное раковинами. Этот храм состоит из комнат жрецов, расположенных к востоку, и из культовых помещений, двух дворов и двух целл (№ 17 и 18), расположенных к западу. Все эти храмовые постройки окружены со стороны города прочной стеной из необожженного кирпича и находились в черте города внутри городских стен, около городских ворот. Храм этого слоя, как показали находки, был разрушен в 2950—2850 гг. до н. э. Эаннатумом, царем Лагаша.

Слой b содержит в себе развалины более древнего храма, который также делился на святилище и на комнаты жрецов. Здесь была обнаружена лишь целла № 17. Открытый двор был снабжен портиком. Священная территория не была отделена от города специальной стеной. Помещения в храме расположены далеко не симметрично и часто имеют форму трапеции. Святилище представляет собой комнату трапецоидной формы; оно украшено портиком, состоящим из пяти величественных колонн, сложенных из необожженного кирпича. Эти колонны восходят к более древнему слою c и позднее были лишь несколько переделаны. Водосток шел к югу и впадал в большой коллектор, находившийся под улицей. В целле № 17 был обнаружен жертвенник; расположенный на оси, проходящей через вход. Найденные здесь амулеты из лазурита и других камней, сделанные в форме лежащих зверей, цилиндрические печати типа Фара, керамика с инкрустациями из лазурита и маленькие головы безбородых мужчин дают возможность установить, что этот храм слоя b был построен незадолго до 3000 г. до н. э.

Слой c содержит в себе остатки храма, относящегося к еще более древнему времени. Этот храм в общих чертах похож на храм слоя b. Здесь были обнаружены на восточ-

ной стороне комнаты жрецов, а на западной стороне—двор и святилище. Открытый двор, имеющий форму трапеции, с двух сторон снабжен портиками из пяти монументальных колонн. Внутренняя стена украшена пилястрами. Этот храм может быть отнесен к 3100 г.

Слой *d* далеко не всюду вскрыт. Самая важная часть храма, зона над двором и целлой, еще не изучена. Обнаружены жилые постройки несколько иного типа, чем раньше, тщательно построенные и снабженные плинтусами из обожженного кирпича архаического типа. В 25 м к западу от этих жилых построек находилось маленькое святилище, поврежденное при постройке большой городской стены. Однако можно установить, что в данном случае уже налицо основной тип святилища, лишь увеличенный впоследствии. Здесь была обнаружена целла со скамейками и прилегающий к ней двор. К востоку от святилища обнаружены остатки двух больших комнат, может быть, принадлежавших жрецам. Этот храм был, возможно, построен около 3200 г. до н. э.

Различные предметы, найденные в значительном количестве в различных слоях этого храма, представляют большой исторический и историко-художественный интерес. Одно из первых мест среди них занимают вотивные статуэтки высотой от 15 до 50 см, которые обычно возлагались на скамейку в святилище храма. Статуэтки эти сделаны из разных видов камня. Самым дорогим видом был, очевидно, белый алебастр, а самым дешевым-гипс, который добывался в расположенных по близости каменоломнях. Все статуэтки можно разделить на две группы: на художественно выполненные портретные изображения определенных лиц и на статуэтки типично массового, серийного производства. Особенный интерес представляют бытовые детали, как, например, тип бытовой и ритуальной одежды, жесты религиозного поклонения (адорации) или бытовые позы. Наконец, несомненное историческое значение имеют надписи, помещенные на статуэтках знатных лиц и содержащие титул и имя изображенного человека и имя божества, которому посвящена данная статуэтка. Некоторые статуэтки представляют большой исторический интерес. Таковы, например, статуэтки царя Мари, по имени Ламги-Мари, чиновника Эбих-или, снабженная надписью архаического типа, чиновника Идинарум, носящего титул «заведующего снабжением мукой и зерном», наконец, статуэтка богини Иштар. Большое художественное значение имеет ряд бытовых статуэток, отличающихся большим разнообразием. В этом отношении можно отметить скульптурную группу сидящей четы, отличающуюся мягкой и свободной трактовкой тела и чертами несомненного реализма. Не менее интересна и другая скульптурная группа, изображающая двух музыкантов с рогом в руках, выдержанная в стиле своеобразного гротеска. Статуэтки более позднего типа относятся ко времени I вавилонской династии и отличаются большой утонченностью художественного стиля и сложностью костюмов и украшений. К сожалению, эти статуэтки, представляющие очень большой интерес. сохранились в большинстве случаев лишь в обломках. Поэтому среди них особенное значение имеет нетронутая и целая статуя мужчины с именем князя Иштуп-илум.

Крупное историческое значение имеют также найденные здесь культовые сосуды, украшенные геометрическим орнаментом или стилизованными изображениями животных. Среди них заслуживают внимания фрагмент М. 150 с рельефным изображением львиноголового орла, сделанного из голубовато-зеленого стеатита. Эта эмблема, столь типичная для религиозной символики шумеро-аккадской эпохи, встречается на различных памятниках, найденных во многих пунктах Двуречья, что доказывает близость культуры Мари к культуре городов Шумера и Аккада, известных нам по более ранним раскопкам. Не менее интересен и сосуд М. 267 с изображением льва, побеждающего гигантского эмея. В виде аналогий можно в данном случае привести сосуд с именем Эримуша, хранящийся в Берлинском музее, и аналогичный сосуд музея в Стамбуле. Далее следует отметить амулеты в форме совы и орла, бронзовые предметы домашнего обихода, как, например, гвозди, булавки и иголки, бронзовые вотивные вещи, например большие гвозди, которые клались во время закладки храма вместе с табличками из

лазурита, белого камня и серебра. Интересны также образцы глиптики, в особенности цилиндрические печати с изображением героя Гильгамеша и Эабани, побеждающих диких зверей, очевидно относящиеся к досаргоновской эпохе. Но особенно выделяется среди всех этих мелких вещей инкрустация из раковин, красного камня, шифера и лазурита, изображающая процессию воинов, ведущих пленников. Среди них выделяются фигура знаменосца, несущего штандарт с фигурой, очевидно, священного быка, и изображение запряженных онагров. Можно думать, что здесь изображена сцена триумфа семитов—племени Мари над шумерийцами и что эта инкрустированная таблица была поставлена в храме Иштар в честь какой-то победы царя Мари над Шумером, вероятно, около 2900 г. до н. э. Впоследствии эта таблица была разбита во время вторжения Эаннатума в Мари. Чрезвычайно близкая по технике инкрустации, по мастерству выполнения и по своим реалистическим чертам к известным штандартным таблицам, найденным в Уре, инкрустация из Мари, весьма возможно, относится приблизительно к той же самой эпохе. Наряду с этим интереснейшим предметом следует отметить найденное в храме Иштар в Мари, к сожалению, в поврежденном виде, мозаичное панно из раковин. Здесь сохранились голова безбородого мужчины, бюст бородатого воина, парадные одежды и изображение богини в развевающейся одежде.

С точки зрения материальной культуры интересны образцы керамики: вазы, кувшины и чаши, найденные в обломках в комнатах жрецов. Эти сосуды сделаны на гончарном круге, хорошо обожжены, но не покрыты ангобом. Сосуды другого гипа покрыты легким зеленоватым ангобом и снабжены красноватой росписью. Среди этих сосудов представляют интерес ритуальные сосуды, чаши, как простые, так и на подставках, очень похожие на аналогичные сосуды досаргоновской эпохи, найденные в Ашшуре.

Наконец, в слое *b* храма богини Иштар были найдены прекрасные амулеты из лазурита в форме одного или двух лежащих быков, напоминающие аналогичные амулеты из Ура, далее фигурка быка с головой бородатого мужчины и две прекрасные цилиндрические печати с типичными сценами, в которых представлена победа героев над дикими зверями. Эти печати очень близки к печатям, найденным в Уре, в самой древней части царского кладбища. Поэтому они позволяют датировать этот археологический слой приблизительно 3000 г., образуя в то же время цельный археологический комплекс с другими, найденными здесь же вещами—амулетами, инкрустациями из лазурита и раковин и образцами керамики.

Раскопки города и храма Иштар уже дают некоторое представление о том, что представляла собою культура Мари в III тысячелетии до н. э. Однако это представление было бы неполным, если бы археологам не удалось найти развалин громадного, роскошного и прекрасно сохранившегося царского дворца с богатым архивом клинописных документов. Найденные здесь в довольно большом количестве надписи проливают новый свет на политическую историю не только Мари, но и всей Месопотамим в III тысячелетии до н. э.

В течение двух лет была раскопана довольно значительная часть этого грандиозного дворца, состоящая из 138 помещений, занимающих площадь в 1½ га. Хотя двореце еще далеко не весь раскопан, прекрасная его сохранность (стены местами сохранились высотой до 5 м) позволяет восстановить не только его план, но даже целый ряд архитектурных деталей. Дворец, очевидно, строился постепенно, частями, причем основным принципом планировки помещений является размещение вокруг длинного открытого двора ряда комнат, сообщающихся или непосредственно между собой, или через этот двор. Свет проникал в комнаты через широкие двери, выходившие в открытый двор. Парро допускает возможность того, что между балками потолочных перекрытий, в тех местах, где крыши располагались террасами, могли быть особые осветительные «фонари». Однако это предположение не может быть подтверждено даже малейшими археологическими данными. Основным материалом, послужившим для постройки

дворца, был крупный необожженный кирпич. Непрочность этого кирпича принуждала строителей дворца доводить толщину стен до 3—4 м. Пол в большинстве случаев вымощен хорошим обожженным кирпичом или покрыт слоем гипса.

Жилые покои правителя и его семьи были найдены в северной части дворца. Эти помещения, расположенные вокруг двора № 31, устроены лучше и красивее, чем

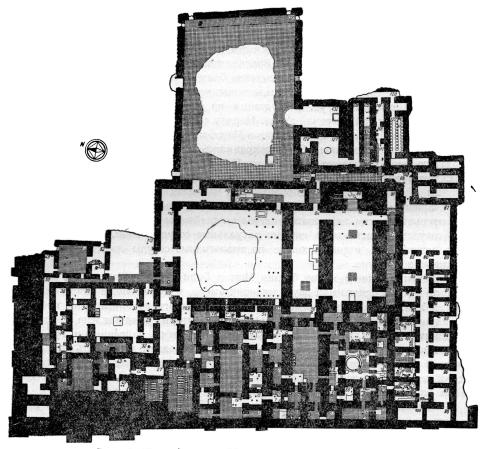

Рис. 1. План дворца в Мари по раскопкам 1936 г.

остальные. Пол здесь покрыт толстым слоем полированного гипса, стены побелены и расписаны геометрическим узором, местами даже сохранились следы более сложных фресковых композиций. Парадные помещения дворца, очевидно, находились в его восточной части. Здесь был обнаружен большой прямоугольный двор с небольшой возвышенной трибуной, на которую вела небольшая лестница. Очевидно, этот двор, живо напоминающий аналогичный зал во дворце Билаламы в Эшнунне, был тоже тронным залом, непосредственно соединенным с дворцовой часовней. Сохранившиеся части стен достигают 5 м высоты, но можно думать, что первоначально их высота достигала 9 м 50 см. Средняя часть этого двора была открытой, но вдоль стен на высоте 2 м 20 см шел навес, поддерживаемый небольшими балками. На это указывают отверстия для балок, сохранившиеся в стенах. Над каменным цоколем, на котором стоял царский трон, в стене обнаружено два ряда дыр, очевидно, для балок, поддерживавших как навес, так еще и особый балдахин. Навес, существовавший в этом дворе, очевидно, несколько напоминает тот навес, который устроен в священном дворе Каабы в Мекке.

Между официальной и жилой частью дворца находились две залы, по всем признакам служившие помещением для дворцовой школы. В большой зале обнаружено шесть рядов скамеек, рассчитанных на 1, 2 и 4 человек. Тут же найдены глиняные чернильницы и таблички с клинописными надписями. В соседней, несколько меньшей, школьной комнате найдены три ряда скамеек и следы сгоревших балок потолка. Археологам, раскапывавшим царский дворец в Мари, посчастливилось найти не только школьные помещения, но и архив, расположенный в юго-восточной части дворца. Здесь было обнаружено 1 600 табличек, сложенных в больших кувшинах. Это по большей части документы хозяйственной отчетности. Писец, сидевший в этой комнате (№ 5), очевидно,

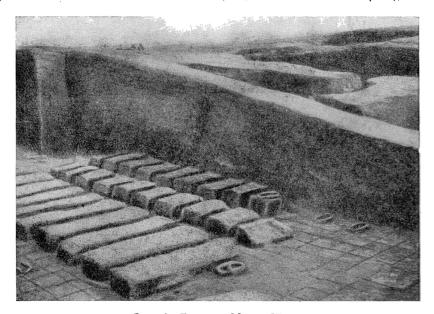

Рис. 2. Дворец в Мари. Школа

записывал продукты, хранившиеся на соседнем дворе, где было обнаружено пять громадных кувшинов, предназначавшихся для хранения продовольствия. Во время раскопок были обнаружены ванные комнаты, уборные и кухни с остатками посуды и печи. Весь дворец был оборудован хорошей системой водостоков, уходивших на глубину до 12 м. Как многие древневосточные дворцы, дворец царей Мари был окружен стеной из кирпича-сырца. Эта стена, так же, как и стена дворца Рамзеса III в Мединет-Абу, имела несомненное оборонительное значение. На это указывают контрфорсы, внутренние казематы и угловой бастион, построенный на прочном фундаменте, сложенном из хороших каменных плит.

Можно думать, что в своей центральной части к югу и к западу от комнаты № 65 дворец имел два этажа. На это указывают сохранившиеся в комнатах № 80 и 82 ряды отверстий, очевидно, служившие для укрепления балок потолочного перекрытия первого этажа и пола второго этажа. Судя по расположению и размерам этих отверстий, пол второго этажа поддерживался массивными, тесно лежавшими балками. Весьма возможно, что на высоте 10 м от нижнего уровня находились террасы. Пол этих террас был покрыт большими обожженными кирпичами, уложенными на балочную основу, покрытую плетенкой из веток. Сверху пол, устроенный таким образом, был покрыт толстым слоем плотного гипса. Скат, водосточные трубы и широкие водостоки служили для отвода дождевой воды.

Хозяйственные помещения, как, например, кухни, кладовые, сыроварни, склады, погреба и канцелярии, были сосредоточены в западной части дворца. Эта часть дворца несколько раз подвергалась перестройкам, что очень затрудняет датировку некоторых архитектурных элементов. Найденные здесь предметы представляют довольно значительный интерес с точки зрения истории материальной культуры. Во внутреннем дворе № 70 были обнаружены две печи со сводчатым покрытием, а в соседней комнате № 77— большой набор художественно украшенных форм. Устройство этих печей, отсутствие в них следов сильного огня и внешний вид глиняных форм позволяет думать, что здесь находилась сыроварня. Из двора № 70 до перестройки дворца, происшедшей в асси-

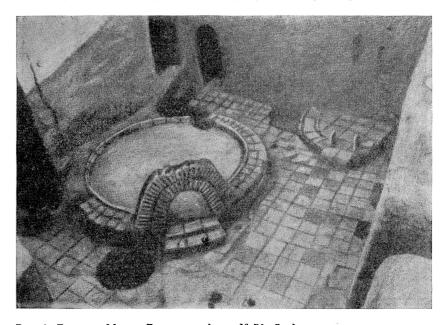

Рис. 3. Дворец в Мари. Две печи во дворе № 70. Сводчатые покрытия рухнули

рийскую эпоху, можно было легко попасть в южную часть дворца, где по обе стороны длинного коридора были расположены склады, совершенно так же, как в больших критских дворцах, например, как в западной части фестского дворца. Между этими складами и сыроварней находился погреб, в котором было обнаружено восемь громадных кувшинов высотой в 115 см и с диаметром, равным 110 см. Другой погреб (№116) находился в официальной части дворца, к востоку от большого центрального зала. Здесь были найдены in situ одиннадцать громадных кувшинов, расположенных на длинной, идущей вдоль стен подставке, что очень напоминает аналогичное устройство погреба, найденного во дворце в Маллия.

Но, конечно, главной частью этого дворца была его официальная, парадная часть, несомненно, имевшая культовое значение. Таким образом, дворец в Мари, так же, как и дворец Рамзеса III в Мединет-Абу или дворец Билаламы в Эшнунне, был не только резиденцией царя и своего рода административным центром, но в то же время и крепостью, центральной частью которой был храм общегосударственного значения, где, возможно, совершались публичные церемонии при большом стечении народа.

В средней части царского дворца в Мари был обнаружен самый настоящий храм, естественно распадающийся на две особые части, как это ясно показали раскопки 1935—1936 гг. Первой частью этого храма является длинный тронный зал (№ 65), в короткой стене которого находилась широкая дверь, ведшая в святилище,

расположенное на возвышении. Второй частью храма был продолговатый зал № 64, у длинной стены которого находилось небольшое возвышение (podium), расположенное на оси, проходящей через три двери. К этой второй части относятся и прилегающие к этому залу помещения. Таким образом, мы видим здесь соединение в одном архитектурном комплексе двух типов древнемесопотамского святилища, которые обычно принято называть «северным» и «вавилонским» типами. Возвышение в зале № 64 было украшено многокрасочным орнаментом, воспроизводящим форму спирали и языков пламени. Судя по этому узору, а также по обломкам найденной тут же культовой статуи богини с сосудом в руках, можно думать, что эта статуя богини воды стояла на этом постаменте и была тесно связана с широко распространенным на древнем Востоке культом священных стихий воды и огня. Из зала № 64 широкий открытый портал вел

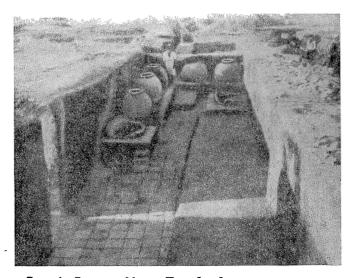

Рис. 4. Дворец в Мари. Погреб с большими кувшинами

в большой, роскошно отделанный прямоугольный двор № 106. Пол этого двора был покрыт гипсом, а стены богато украшены орнаментами и фресками. В полу были обнаружены 25 маленьких кубических камней с отверстиями, которые, возможно, служили для закрепления шестов, поддерживавших легкое покрытие зала, необходимое для защиты роскошной орнаментации стен от солнца и дождя. Двор № 106 окружен коридорами, по которым царь мог незаметно от народа, стоявшего в этом дворе, проходить в тронный зал. К востоку от этого двора был обнаружен другой большой двор (№ 131), откуда полукруглая лестница вела в святилище с возвышением внутри (№ 132). Роспись религиозного характера указывает на культовое значение этого святилища. Однако Парро допускает возможность того, что это помещение могло быть также приемной царя.

В развалинах этого большого дворца был найден ряд интереснейших в историческом отношении предметов и надписей. Среди найденных предметов следует отметить 47 форм для изготовления пирожных, сыров и молочных блюд, подававшихся на царский стол. Тончайшие художественные изображения, покрывавшие эти формы, указывают на высокое развитие прикладного искусства этой эпохи. Наряду с геометрическими узорами, мы находим здесь хорошо выполненные изображения животных, бытовые сцены и сцены религиозного характера. Некоторый интерес представляют отдельные детали, как, например, тюрбан индийского типа, украшающий голову стоящей обнаженной женщины, держащей себя за груди.

Большой интерес представляют также рельефы и статуи, найденные во дворце, как, например, рельеф с изображением богини, нюхающей цветок. На голове богини тиара, украшенная четырьмя рядами рогов. Интересным образцом религиозной скульптуры этой эпохи является уже упомянутая выше статуя богини с сосудом в руках.

Но особенно крупное историческое значение, конечно, имеют таблички с клинообразными надписями, в большом количестве найденные в развалинах дворца. В архиве, в школе и в двух других комнатах было найдено в общей сложности около 16 000 табличек. Наряду с документами хозяйственной отчетности, здесь встречаются исторические тексты, фиксирующие факты крупного экономического и политического значения, а также многочисленные дипломатические послания. Среди надписей историче-

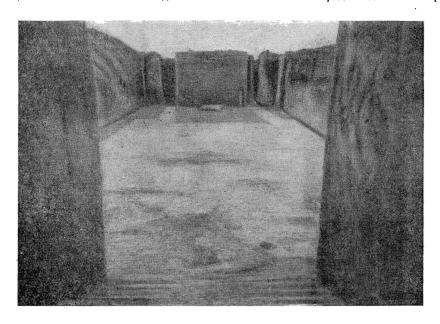

Рис. 5. Тронный зал дворца в Мари (двор № 65). В центре каменный цоколь трона

ского характера большой интерес представляет надпись на глиняном диске, принадлежащая царю Иахдун-лим, который называет себя царем Мари, Туттила и страны Хана¹. В этой надписи Иахдун-лим сообщает о большой победе, одержанной над семью царями и о покорении их стран. Одновременно с этим он сообщает о водворении им в стране мира, об открытии каналов, об укреплении городов Мари и Тирка и об основании «в странах сожженных, в месте жажды», т. е. очевидно в пустынной области, нового города, которому он дал свое имя, назвав его «Дур-Иахдунлим». То обстоятельство, что один из царей Мари в этой своей торжественной надписи упоминает наряду с фактами крупного политического значения также и об открытии каналов и о постройке нового города в пустынном районе, прекрасно подтверждает слова Энгельса, что «земледелие здесь построено главным образом на искусственном орошении, а это орошение является уже делом общины, области или центральной власти...»².

¹ F. Thureau-Dangin-Jahdunlim, roi de Hana. RA, XXXIII, I, P., 1936 p. 49-52

² Ф. Энгельс—Письмо к Марксу от 6 июня 1853 г. (Маркс и Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 494).

Много интересных исторических фактов можно извлечь также из большого дипломатического архива последнего царя Мари, носившего имя Зимрилим. Здесь сохранилась переписка этого царя со своими послами, эмиссарами, шпионами, а также с Хаммураби, царем Вавилона. Одно сохранившееся в этом архиве письмо ясно рисует взаимоотношения, существовавшие в эту эпоху между Мари и Вавилоном. Судя по этому письму, приблизительно около 31-го года царствования Хаммураби, государство Мари находилось в союзе с Вавилоном. Так, мы узнаем, что в это время Хаммураби во главе своих войск осаждал город Манкису, находившийся на левом берегу Тигра. Среди

вавилонских войск находился экспедиционный корпус вавилонского союзника Зимрилима, царя Мари, который находился под командованием некоего Ибал-пи-эля. Хаммураби со своей стороны посылает подкрепления Зимрилиму, в частности во время той войны, которую царь Мари вел со страной Субарту. Имеются некоторые основания предполагать, что этот союз был в некотором отношении вынужденным для царя Мари и выгодным лишь для Вавилона. В нескольких письмах Зимрилим и его чиновники жалуются на то, что Хаммураби не посылает царю Мари достаточного количества военных подкреплений. В одном письме корреспондент царя Мари, очевидно, один из мелких князей Месопотамии, благоприятно относившийся и к Мари и к Вавилону, все же ясно подчеркивает, что он принужден повиноваться Хаммураби, как более сильному партнеру. Особенно характерны в этом письме следующие его слова: «И теперь с тех пор, как я сел на престол своего отца, я твой сын и сын Хаммураби. То, что Хаммураби мне говорит, я делаю» (F. Thureau-Dangin—Textes de Mari. RA, XXXIII, 4. Р. 1936, р. 177). Мы знаем, чем кончился союз между Мари и Вавилоном. Хаммураби, проводивший последовательную военно-агрессивную политику, в нужный момент сбросил с себя лицемерную маску союзника и друга Мари и, пойдя войной на Зимрилима, разгромил в 33-м и 35-м годах своего царствования богатое государство Мари.

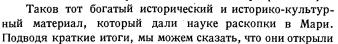

Рис. 6. Статуя богини с сосудом в руках. Выс. ок. 150 см

новую страницу в истории Северо-западной Месопотамии. Раскопки в Мари ясно показали, что в этой части Месопотамии в ІІІ тысячелетии до н. э. существовало довольно значительное и культурное государство, тесно связанное с городами Шумера, Аккада и древнейшей Ассирии. Целый ряд аналогий, позволяющих сближать архитектурные формы, скульптурные произведения, амулеты, керамику, инкрустации из раковин, предметы религиозного культа, религиозные обычаи. характерные для Ура, Киша, Описа, Эшнунны, Мари и Ашшура, говорят о том, что в III тысячелетии до н. э. отдельные государства Месопотамии были тесно связаны между собой прочными экономическими и культурными нитями. Эти аналогии иногда настолько близки, что можно даже говорить об однотипной культуре, объединявшей всю Месопотамию в единое культурное целое уже в досаргоновскую эпоху. Наконец, упоминание в текстах из Мари государства Угарит и целый ряд аналогий, которые сближают искусство Мари с хорошо известными образцами эгейского искусства, еще больше расширяют пределы той территории, на которой развертывалась единая по своему существу политическая и культурная история стран древ-Проф. В. Авдиев него Востока.

Раскопки в Дура-Эвропос

The Excavations at Dura Europos. Preliminary report of Sixth Season of Work. Oktober 1932—March 1933. Edited BELLINGER, HOPKINS, ROSTOV-TZEFF and WELLES. Haven. Yale University Press. 1936. 518 ps. LIII pls.

Большой укрепленный город (современное название ero—Sâlihĭeh), лежащий на правом берегу среднего течения Евфрата, за шестисотлетний период существования испытал много потрясений и перемен. Его положение на торговой и военной дороге из Месопотамии к Северной Сирии служило этому главной причиной. Основателем города, как укрепленного форпоста на восточной границе владений Селевкидов, считается Никанор, возможно, один из стратегов Селевка I (известие это дошло через Исидора из Харакса, Geogr. graeci minores, I, р. 248). Распадение царств Селевкидов, подъем и расширение границ Парфянского царства обращают город в важный пункт на пути парфянской экспансии на запад (II в. до н. э.). В I в. н. э. мы находим его под властью Пальмиры. В начале следующего столетия (116 г.) в него впервые вступили римские войска императора Траяна (во время парфянской войны). В 162 г. под его стенами была одержана решительная победа над парфянами римским полководцем Авидием Кассием (при императоре Люции Вере). В 60-х годах III в. город был захвачен и разрушен парфянами, после чего остался необитаемым. До этого трагического конца внешние пертурбации не препятствовали его внутренней жизни и тем торговым и культурным связям, за счет которых он развивался. Сирийское поселение Dura, греками названное Енгороз, было колонизовано в македонскую эпоху и обратилось в торговый полис, каким в значительной степени продолжало оставаться до конца своего существования. Роль караванного передаточного пункта на магистрали азиатско-средиземноморской торговли обеспечила городу процветание, выразившееся в аккумуляции разнородных культурных элементов, причудливое сочетание которых поражает современного исследователя. Пески пустыни, на краю которой стоял Дура-Эвропос, предохранили его развалины от дальнейшего уничтожения. Окружающие его стены и башни сохранились на высоту 5-6 м и более. Средняя высота остатков зданий внутри города 2-3 м.

Восемнадцать лет назад на стене одного из зданий, освободившейся от покрывавшего ее песка, были замечены остатки фресковой живописи. На место прибыл известный египтолог Брэстед, произведший небольшую расчистку, фотографирование и зарисовки фресок, принадлежавших, как это выяснилось потом, росписи храма пальмирских божеств¹. Первые раскопки города были произведены Ф. Кюмоном и Ренаром на протяжении 1922—1923 гг., в результате чего в 1927 г. первый из них опубликовал большой том в сопровождении прекрасного атласа, где изданы все найденные ими архитектурные, эпиграфические, художественные и бытовые памятники с весьма обстоятельным и разносторонним комментарием (F. C и m o n t — Fouilles de Dura-Europos, Paris, 1927). Свои исследования Кюмон начал с оборонительной стены, произведя расчистку одной из башен. Среди находок им отмечены обломки нескольких деревянных щитов, из которых один сохранил обтягивавшую его кожу с изображением известной уже нашим читателям карты Черноморского бассейна (см. «Вестник древней истории», № 1). В надписи, обнаруженной в башне, упоминается cohors XX palmyrenorum sagittarioгит, из чего Кюмон заключает, что эта часть укреплений была поручена в течение какого-то времени надзору когорты пальмирских лучников, входивших в состав римского гарнизона крепости. Монументальная кладка оборонительной стены из хорошо отесанного камня, без применения внутренней забутовки, с большими четыреугольными башнями через короткие промежутки куртин имеет около 4 м толщины и до 10 м

¹ См. публикации Брэстеда в «Syria» III (1922), р. 178, а также «Oriental forerunners of byzantine painting», Chicago, 1923, р. 53.

в высоту и представляет собой уникальный по величине и сохранности памятник оборонительной техники, принадлежащий еще доримскому времени. Кюмон датировал эти стены временем основания полиса.

В юго-восточной части города к внутренней стороне оборонительной стены примыкает сложенная из камня цитадель со стеной и башнями римской кладки, и в стороне от нее, на господствующей над остальными частями города возвышенности, большой каменный блокгауз, или, как его называл Кюмон и последующие исследователи, редут,—ибо считалось, что это сооружение построено римлянами из стратегических соображений в период нахождения в городе римских войск.

Из исследованных Кюмоном городских зданий наибольший интерес представляют храмы пальмирских божеств и Артемиды Нанайи. Первый из них расположен в северозападной части города и состоит из нескольких небольших помещений, группирующихся вокруг центрального двора. Самое святилище обращено к востоку и предшествуемо нартексом, портик которого лежит на четырех гладких колоннах. Святилище разделяется на пронаос и наос со специальным вместилищем (наиском) для статуй главных божеств храма. В плане здание почти в точности повторяет формы некоторых вавилонских храмов позднего времени. Многие помещения храма были расписаны. Наиболее замечательной является фреска, расположенная на южной стене наоса с изображением жертвоприношения, совершаемого двумя жрецами по поручению Конона, сына Никострата, и членов его семьи, портреты и имена которых написаны тут же. Фреска писалась в несколько приемов и может быть датирована в основной части концом I в. н. э.

Среди других изображений, сохранившихся на стенах наоса и пронаоса, должны быть упомянуты: весьма любопытная, но загадочная мифологическая сцена, несколько портретов жертвоприносителей, имена которых на греческом языке подписаны под изображениями (под одним портретом имеется, кроме того, подпись мастера, носившего семитическое имя Иласалюс), сцена жертвоприношения, совершаемого римским трибуном Юлием Теренцием, и, наконец, жертвоприношение пяти пальмирским богам—Ваалшамину (Зевсу), Аглиболу, Иаргиболу, Арсу и одному неизвестному божеству.

Все эти фрески могут быть датированы от I в. до начала III в. н. э. Сходство их с росписью некоторых пальмирских гробниц заставляет предположить, что их исполняли пальмирские мастера—носители весьма высокой живописной техники, возникшей на сирийской почве, вероятно, еще в эпоху Селевкидов и представляющей собой чрезвычайно интересную разновидность эллинистического искусства. Некоторые фрески храма пальмирских божеств смело могут соперничать с лучшими образцами грекоегипетского портрета, равно как сцена жертвоприношения! Никострата—с лучшими помпеянскими композициями. Значение этой находки выходит за пределы истории пальмирского искусства.

Храм Артемиды-Нанайи, может быть, самое древнее из сохранившихся культовых сооружений Дура-Эвропос. По одной из найденных в нем надписей Кюмон датировал его последними годами I столетия до н. э. Храм посвящен сирийской богине, идентифицированной с греческой Артемидой, но близкой, как свидетельствует ее второе, подсказанное одним граффито имя, к типу малоазийско-сирийского женского божества плодородия. Этот храм многими чертами также принадлежит восточной архитектуре. Кюмон раскопал лишь небольшую часть этого сильно поврежденного здания и не выяснил как следует его плана. В одном из периферийных помещений он усматривал наос, пронаосом которого была комната с каменными сидениями, уступами подымающимися к двум противоположным стенам (salle aux gradins). На каждом сидении имеется надпись лица, которому оно принадлежало,—это все были имена женщин, занимавших выдающееся положение в городе и являвшихся участницами какого-то официального женского культа, имевшего место в этом, специально для него приспособленном, зале. Из других помещений храма наиболее любопытен небольшой театр с орхес-

трой, но без сцены, и святилище Афродиты с фрагментированной статуей богини. Во многих местах храма заметны следы орнаментальной росписи и скульптурных укра-шений (фриз из предметов вакхического ритуала). В одном из помещений найдена неповрежденная портретная женская скульптура. Помимо двух ех voto Артемиде найдено большое количество надписей и граффити.

Весьма неожиданными для первых исследователей города были многократные находки пергаментов с текстами на греческом, арамейском и латинском языках. Среди этих находок на первом месте должен быть назван древнейшей образец античного пергамента, датирующийся 195 г. до н. э.—обрывок текста контракта (на греческом языке) на продажу недвижимого имущества. Кроме того, упомянем: часть диптиха, содержащего несколько торговых контрактов и долговых записей (I—II вв. н. э.), свидетельствующая о практиковавшейся системе официальной регистрации подобных сделок; остатки гражданского кодекса (может быть, нечто вроде lex coloniae), с изложением права наследования имущества; послужной список легионария (на латинском языке); частное письмо на арамейском языке и некоторые другие.

Рецензируемая книга представляет собой публикацию находок, имевших место на протяжении шестой кампании раскопок, предпринятых в Дура-Эвропос Иэльским университетом совместно с Французской Академией надписей (под руководством Голкинса).

Вышеописанные раскопки Кюмона не являлись таковыми в строгом смысле слова. Скорее это была лишь частичная расчистка некоторых памятников, привлекавших внимание исследователя. Американцы, приступившие к работам в Дура-Эвропос в 1928 г., помимо целого ряда новых, весьма важных открытий, последовавших в результате систематических и на широкую ногу поставленных раскопок, внесли целый ряд существенных коррективов в формулированные Кюмоном выводы.

Работы первой и второй раскопочных кампаний были посвящены исследованию оборонительных укреплений, расчистке самых больших, так называемых «пальмирских» ворот и цитадели (см. А.JA, XXXVII, № 1, р. 186 s.) У цитадели были обнаружены архитектурные остатки парфянского периода. Самые ее стены также оказались принадлежащими этому периоду и стояли на остатках какого-то сооружения эллинистического времени (может быть, храма). Городские оборонительные стены на основании новых данных, повидимому, должны быть датированы скорее парфянским, нежели эллинистическим временем. Далее (в течение третьей кампании) была произведена полная и тщательная расчистка открытого Кюмоном храма Артемиды-Нанайи. При этом обнаружилось, что развалины принадлежат не одному, а двум храмам с примыкающим к ним жилым помещением жрецов. Храмы разделяются узким проходом, которого Кюмон не заметил. Второй храм был посвящен культу богини Атаргатис. Здания одновременны и датируются по эпиграфическим находкам первыми годами до нашей эры. Архитектурные и нумизматические находки позволяют предположить, что на этом месте существовало более древнее культовое сооружение. В этом же раскопочном сезоне был открыт храм Тихе Дура-Эвропос, а также надпись с посвящением Юлии Домне, сообщающая официальное название города в римскую эпоху: Aurelia Antoniпіапа Еигороз. Из этой надписи видно, кроме того, что колониальный статут был дан городу при Каракалле.

Раскопками четвертой кампании было установлено, что сооружение, принятое Кюмоном за редут, представляет собой большой дворец, существовавший в парфянскую и римскую эпоху, с примыкающим к нему маленьким храмом. Возможно, что это была резиденция парфянского военачальника, часть помещений которой в более поэднее время разделилась на небольшие частные дома (см. «Jahrb. d. deutsch. Arch. Instituts. 1931, В. 46, S. 581 f.). В этом же сезоне были открыты остатки триумфальной арки с надписью, содержащей имя императора Траяна, из чего следует заключить, что римский гарнизон появился в городе впервые именно при этом императоре, а не при Люции

Вере, как это считалось раньше. Из других объектов, послуживших предметом исследования, необходимо упомянуть о раскопках агоры, отстроенной в парфянское время по греческому образцу. На улицах, ведущих к агоре, помещались мастерские и лавки, расположенные рядами, с колоннадою по фасаду. Они принадлежали торговцам металлическими изделиями, керамикой, ювелирными изделиями, хлебом, лечебными снадобьями. Одно из помещений было, возможно, книжной лавкой, судя по маленьким нишам в его стенах. Раскапывался также римский квартал с преторием, представляющим древнейший пример римских castra stativa, устанавливавшихся в стенах города. План претория следует образцам, известным по Ломбезису и германским лагерям. Было раскопано несколько небольших храмов и святилищ: в одном из них, у городской стены, оказались обетные приношения богу Афладу, вероятно, идентичному с ассирийским Апладом, сыном Гадада. Посвятительная надпись датирует его 54 г. н. э. Другое святилище (близ претория) принадлежало Артемиде-Азанатконе (разновидность великой сирийской богини): в нем было два наоса и зал, в точности соответствующий ступенчатому залу храма Артемиды-Нанайи.

Пятая кампания ознаменовалась открытием древнехристианскго храма. Точнее это был частный дом, в котором первоначально была устроена небольшая и, вероятно, тайно функционировавшая капелла, занимавшая одну из комнат. Впоследствии же все помещение было приспособлено к культовым нуждам. Храм этот весьма интересен своими фресками. На западной стене святилища, за небольшой эдикулой с углублением в полу (баптистерий), изображены две сцены: на первой Адам и Ева у древа познания, на второй—добрый пастырь. Христос, на последней из них, изображен с большим бараном на плечах, среди стада. Эта композиция является неожиданной и уникальной среди многочисленных изображений доброго пастыря, более или менее однообразно повторяющих общеизвестную канонизированную композицию. Обе эти сцены объединены идеей противопоставления земного рая небесному.

На северной и южной стенах также изображены различные сцены на евангельские и ветхозаветные сюжеты.

Техника фресок, не обладающая художественными достоинствами, имеет в одних случаях выраженные восточные черты, в других—столь же выраженные эллинистические черты, что говорит о разновременности отдельных изображений и принадлежности их различным мастерам. Наиболее ранние фрески могут быть датированы началом ІІІ в. н. э.; наиболее поздние—60-ми годами того же столетия, что является датировкой и самого храма.

Таковы некоторые из замечательных находок, сделанных в Дура-Эвропос за годы, предшествующие раскопочному сезону 1932—1933 гг., к рассмотрению которого мы теперь переходим (о находках пергаментов, надписей и граффити за 1928—1931 гг. будет сказано при рассмотрении соответствующих находок 1932—1933 гг.).

Наиболее важным событием этого сезона было открытие еврейской синагоги с большим количеством фресковых изображений на библейские темы.

Здание синагоги расположено на улице, примыкающей к городской стене, между башнями № 18 и 19, среди жилых построек, которые, судя по граффити, найденным в некоторых из них, принадлежали евреям. Это был, таким образом, небольшой еврейский квартал. Синагога состоит из святилища, ориентированного на восток, и небольшого двора перед ним с колоннадой из шести колонн (см. табл. VIII отчета). Она воздвигнута на развалинах более древнего здания, очевидно, также бывшего синагогой. Дом, расположенный к востоку от нее, некогда представлял собой жилое помещение, перестроенное впоследствии для культовых нужд и служившее как бы преддверием храма. Вход в синагогу вел через это здание. Стены святилища (в особенности задняя, западная), отделенные от городской стены лишь небольшим пространством, сохранились благодаря этому соседству на значительную высоту (до 6 м). Святилище имело два входа: широкий—для мужчин, посередине, и женский, у южной стены. По всем стенам

святилища были расположены сиденья в виде широких выступов стены. В задней стене, выше уровня сидений, устроена неглубокая ниша, обрамленная снаружи колоннами, поддерживающими арочное перекрытие - ковчег торы. Рядом с ним расположено сиденье священника, к которому ведут высокие ступени. Задняя и две боковые стены святилища сплошь расписаны фресками. На задней стене, справа, изображены Моисей перед неопалимой купиной и сцена исхода из Египта. Последняя подразделяется на три отдельно представленных эпизода: казней египетских, разделения моря и гибели египетского войска. Под ними изображены: ковчег завета в земле филистимлян и храм Соломона, в виде греческого периптера коринфского стиля. Еще ниже расположены сцены мифа о рождении Моисея и помазании Давида Самуилом. Фрески, таким образом, расположены в три ряда. Остальные, значительно хуже сохравнившиеся, стены имели на себе ряд подобных же библейских сцен. Принцип их выбора и система расположения пока не выяснены. Техника фресок большей частью маловыразительная, краски довольно яркие, с резкими контрастами красного, черного и желтого цветов. Мировоззрение художника или, вернее, художников, так как эти фрески принадлежат нескольким мастерам, насквозь проникнуто эллинизмом. Внешние черты изображенных персонажей (тип, прическа, одежда, аксессуары) также не дают ничего специфически национального или локального. Сколь ни неожиданным может показаться открытие подобного храма, казалось бы, резко противоречащего в своем убранстве правилам и духу иудейской религии, однако этому могут быть указаны кое-какие параллели, числокоторых в дальнейшем, вероятно, будет умножено (см. S u k e n i k—The Ancient Synagogue of Beth Alpha. Jerusalem, 1932, где воспроизведены мозаичные изображения ковчега закона, жертвоприношения Авраама, знаки зодиака и тому подобные украшения синагоги). Многие из изображений синаноги Дура-Эвропос имеют объяснительные подписи на греческом или арамейском языке. Найден также целый ряд греческих и арамейских граффити, а также черепицы с арамейской надписью, с упоминанием жреческих должностей (жреца, казначея, управителя) и с точной датой постройки синагоги — 556 г. эры Селевкидов — 244/5 г. н. э.

В качестве примера жилого дома, которых в сезоне 1932—1933 гг. и до него было раскопано довольно большое количество, нам служит здание, названное издателями домом «римских писцов» (табл. X и XI).

Дома Дура-Эвропос более или менее однотипны и обнаруживают восточные черты. Большей частью это ряд небольших помещений, группирующихся вокруг двора, иногда окруженного колоннадой. Здания обычно одноэтажны (редко в два этажа), но относительно весьма высоки, с небольшими окнами под потолком, в которые иногда вставлялась слюда. Крыши плоски и довольно часто сообщаются с внутренним помещением посредством лестницы. Материалом для построек служили камень и плоский кирпич. Дом писцов первоначально был самым обычным жилым домом, впоследствии же, незадолго до гибели города, после незначительных перестроек, обратился в канцелярию или квартиру нескольких младших офицеров римского гарнизона. На его стенах обнаружены многочисленные остатки живописных украшений (гирлянды, плоды, животные), фрагмент большой фрески с изображением обнаженной Афродиты с нимбом, фрагменты панелей с изображениями божеств (Пан, Флора) и портретами жителей или посетителей дома, среди которых подписями отмечены: Гелиодор актуарий, Ульпий Сильван тессерарий и Масим ойкодом (т. е. архитектор). Среди рисунков—грубо нацарапанные на штукатурке изображения пальмирских лучников.

Стенная живопись—не редкость и в других жилых домах Дура-Эвропос. Весьма интересные образцы ее, с одной стороны, стилистически очень близкие фрескам храма пальмирских божеств, с другой стороны—имеющие параллели в катакомбных росписях Пальмиры, юга СССР, Италии, обнаружены в одном из домов (табл. XLII), раскопанных в сезоне 1932/33 г. Одна из фресок изображает трех возлежащих пирующих мужчин, в греческом платье и в присутствии двух слуг; другая, фрагментированная

с одного края, изображала также пиршественную сцену, но с большим количеством участников, в присутствии сидящей в стороне женщины с покрывалом на голове и в сопровождении другой сцены, очевидно непосредственно связанной тематически с первой, представляющей конную охоту на диких лошадей или ослов. Между этими изображениями помещена фигура эрота (или крылатого гения) с венком и опрокинутым факелом. Перед нами, следовательно, сцена загробного пиршества и охоты как идеального времяпрепровождения в потустороннем мире—концепция, чрезвычайно распространенная по всему эллинистическому Востоку.

Из других архитектурных объектов этого сезона нужно отметить две римские бани (термы) с отопительной и водопроводной системой прекрасной сохранности (табл. IV). Они невелики и почти одинаковы в плане. От них резко отличается третья баня, парфянского периода - сводчатое здание с большим внутренним бассейном. Впоследствии оно было перестроено по римскому образцу, а еще позднее на этом месте был выстроен небольшой амфитеатр, вероятно, силами и для нужд римского гарнизона. Найденное в нем посвящение IV скифского и III киракаинского легионов, которые anpyteatr(u)m a fun(damen)tis e(xtr)uxeru(nt), датирует его 211/2 г. н. э. Нельзя обойти молчанием находки, имевшие место при исследовании башни № 19 оборонительной стены, где обнаружена парфянская мина, пущенная под башню, и часть куртины, а также римская контрмина, встретившаяся с парфянским подкопом, - подземная встреча привела к сражению и пожару деревянных креплений мины. В результате сражения на месте остались: один труп парфянского воина и шесть или семь трупов солдат гарнизона крепости. При них найдены железные кольчуги, шлемы, умбоны щитов, мечи и другое оружие. Пожар крепления вызвал обвал мины, в результате чего последовало частичное разрушение башни. Примыкающая к ней куртина треснула и слегка накренилась. Этот драматический эпизод относится к последнему периоду жизни города.

Как было отмечено вначале, первые исследователи Дура-Эвропос были весьма осчастливлены находкой нескольких пергаментов. Тексты на пергаменте и папирусе в большом числе найдены и в последующих раскопках. Из числа полученных до 1932 г. отметим целый ряд пергаментов и папирусов, найденных в претории, а среди них календарь (фасты) официальных празднеств, списки солдат и контракты на продажу имущества. Одним из наиболее интересных документов этой серии является циркулярное письмо Мария Максима, императорского легата и историографа, командирам нескольких гарнизонов, содержащее точные указания о приеме и содержании посланника парфянского царя (по имени Goces), направлявшегося к императору Септимию Северу (АЈА, XXXVIII, № 1, р. 196). Эти «военные» папирусы проливают новый свет на вопросы организации римских гарнизонов на Евфрате, служат прекрасной документацией римской восточной политики и дипломатии в первой половине III в. н. э.

Пергаменты и папирусы 1932/33 г. дают следующие тексты: отрывок Диатессарона Татиана на греческом языке—произведение, известное до сих пор лишь в переводах; отрывок еврейского литургического текста; отрывок контракта, содержащий номенклатуру некоторых городских должностных лиц парфянской эпохи (βασιλικοι δικα σταί, είσα γωρεύς καὶ πράκτωρ). Текст датируется 87 г. н. э.; контракт на греческом языке, 134 г. н. э., о ссуде суммы в 100 серебряных драхм под залог всего имущества займодержателя, с уплатой в виде процентов двенадцати с половиной амфор вина ежегодно; контракт о продаже виноградника и раба, на греческом языке, 204 г. н. э.; контракт о женитьбе солдата ХХ палестинской когорты, на греческом языке, 232 г. н. э.; контракт о продаже раба из Эдессы, на греческом языке, 243 г. н. э., и несколько других фрагментированных текстов.

Читатель мог убедиться в том, насколько свеж и интересен материал, добытый раскопками Дура-Эвропос. Нашим глазам открывается большой и культурный торговый город Северо-восточной Сирии, где элементы сирийской, иранской и римской куль-

туры спаяны между собой воедино эллинизмом. Греческий язык был преобладающим в официальной и частной жизни на протяжении всего времени существования города. Греческие надписи и граффити встречаются повсеместно, даже в пальмирских, парфянских и иудейских храмах. При этом мы наблюдаем весьма свободное сосуществование самых различных культурных элементов, особенно ярко выраженное в памятниках религии и искусства. Пальмирское искусство, представленное живописью и скульптурой, и пальмирская письменность (раскопки Дура-Эвропос дали наиболее древние ее образцы) продолжали существовать до самого разрушения города. Иранский элемент, наложивший печать на храмовую архитектуру и выраженный в целом ряде скульптурных, графических и письменных памятников, интересен не только с точки зрения его влияния на культуру этого города, но представляет материал, важный для уяснения общих вопросов происхождения сасанидского искусства, парфянской религии и парфянской провинциальной администрации. Элементы еврейской культуры, засвидетельствованные несколькими надписями и текстами, благодаря открытию вышеописанной синагоги, опять-таки выходят далеко за пределы местного значения. Находка христианского храма начала III в. н. э. ставит Дура-Эвропос в число пунктов, важных для истории восточной церкви и раннего христианства вообще. О значении материала, связанного непосредственно с историей римской Сирии, мы уже говорили. Надписи и граффити Дура-Эвропос, сообщающие большое количество собственных имен, послужили уже материалом для изучения этнического состава населения города и позволили поставить ряд просопографических проблем (см. J. J o h n s o n-Dura-Studies, 1932).

Раскопки Дура-Эвропос имели место и в последующие годы (см. обзор археологических раскопок в Средиземноморье) и привели к целому ряду новых открытий (среди них на первом месте Митреум) и к уточнению ранее полученных данных.

Отчет о раскопках Дура-Эвропос выходит, с одной стороны, за рамки «предварительных» сообщений, содержа иной раз целые исследования по тому или другому частному поводу, и в то же время в нем нет того, что является неотъемлемой принадлежностью всякого археологического отчета: стратиграфической характеристики раскопанного объекта, на основе изучения грунтовых условий и данных массового (керамического) материала. Эта сторона дела остается весьма слабым местом американских раскопок. Невнимание к стратиграфическим данным, метод сплошной расчистки, а не правильной послойной раскопки приводят к тому, например, что дата оборонительной городской стены, —так хорошо сохранившегося и обладающего столь определенной физиономией памятника,—не может считаться установленной точно и меняется по мере появления нового эпиграфического материала. Так же точно обстоит дело и с другими сложными архитектурными комплексами. Еще один большой недостаток заключается в множественности и разбросанности отдельных раскопок по территории городища. Это, несомненно, также препятствует возможности обстоятельного решения общих хронологических и топографических проблем.

Издана книга хорошо, тексты и надписи воспроизведены со всей тщательностью, в большинстве случаев даются транскрипция и перевод, найденные монеты подробно перечислены и описаны. Кроме 37 рисунков, в книге даны 53 таблицы, а также 12 указателей.

Л. А. Ельницкий

Л. В. БАЖЕНОВ — Средняя Азия в древний период (между шестым и вторым веками до нашей эры). Узбекистанский научно-исследовательский институт марксизма-ленинизма при ЦК КП(б) Узбекистана. Геиз Уз. ССР. Ташкент, 1937, 80 стр.

Нам уже пришлось в предыдущем номере «Вестника древней истории» подчеркнуть крупное место, которое Средняя Азия должна занять в создаваемой коллективными усилиями советских историков древней истории нашей родины. Отсутствие сколько-нибудь удовлетворительных сводок по древней истории, Средней Азии ставило и ставит преподавание истории СССР в трудное положение. Этот крупный пробел в нашей исторической литературе особенно, конечно, ощутим в самих Среднеазиатских республиках. Поэтому нельзя не приветствовать выход в свет брошюры тов. Баженова, являющейся первой попыткой заполнить этот пробел и дать, в доступной для широких кругов читателей форме, очерк древней истории Средней Азии, хотя и ограниченный автором четырьмя веками—от ахеменидского завоевания (VI в. до н. э.) до окончательного падения власти Селевкидов в Средней Азии (начало II в. до н. э.).

Соответственно этому, материал распределен автором между четырьмя главами: І—«Сведения о древнейших обитателях Средней Азии», где автор, опираясь по преимуществу на свидетельства античных авторов (Геродота, Страбона, Помпея Трога, Диодора Сицилийского), но привлекая и археологический материал (Анау, разведки Г. В. Григорьева в долине Чирчика), пытается воссоздать картину хозяйственного и общественного уклада народов Средней Азии в описываемый период; II—«Персидское завоевание и его последствия»; III—«Поход Александра Македонского»; IV—«Возникновение первых самостоятельных государств на территории Средней Азии»; в этой последней главе автор рисует распад монархии Селевкидов и образование на территории Средней Азии Парфянского и Греко-Бактрийского царств.

Как указано в редакционном предисловии, «работа не претендует на полный охват изучаемого периода и не дает исчерпывающего ответа на многие вопросы о древней истории Средней Азии, как-то: о первых политических союзах и государственных объединениях, об этнических группах, населяющих Среднюю Азию, о месте и значении рабства в социально-экономической структуре Средней Азии и т. п.». Хотя автор, конечно, имел полное право ограничить себя хронологически и тематически, но все же нельзя не пожалеть о том, что как более ранний, так, особенно, более поздний период древней истории Средней Азии остался за пределами этой первой попытки обобщить данные о древнейших исторических судьбах народов наших Среднеазиатских республик.

Досадно, что автор в своей попытке реконструкции древнейшего общественного строя Средней Азии совершенно не использовал такого первоклассного исторического источника, каким является Авеста, древнейшие части которой, особенно Гаты, вопреки тенденциозным попыткам новейшей буржуазной историографии перенести место их создания в Западный Иран, несомненно, восходят к доахеменидскому периоду и связаны с территорией Восточного Ирана и Средней Азии. Работа тов. Баженова весьма выиграла бы, если бы он использовал хотя бы классическую работу В. Гейгера «Ostiranische Kultur», которая, несмотря на большой срок, протекший со дня ее выхода, остается лучшей реконструкцией общественного быта древнейшей Средней Азии и смежных областей Ирана и Афганистана. Привлечение материала Авесты дало бы автору возможность несравненно убедительнее раскрыть процесс разложения родовой организации и формирования первых государственных образований в Средней Азии-процесс, который в изложении автора выступает не столько как результат внутреннего развития хозяйственных и общественных отношений народов Средней Азии, сколько как последствие воздействия со стороны ахеменидской Персии (см. стр. 28—29).

Не менее досадно, что изложение обрывается как раз на том периоде, который завершается окончательной победой растущей местной государственности, слагающейся на развалинах низвергнутой народными освободительными движениями почти четырехвековой власти иноземных завоевателей. Очень мало внимания уделено Парфии. Совсем не освещена история Греко-Бактрии после походов Антиоха III и, особенно—сакских государств и Кушанского царства, с которым связан подлинный расцвет среднеазиатской античности. Это тем более досадно, что этот период, тоже, к сожалению, характеризующийся крайней скудостью источников,—все же освещен, помимо античных, также и китайскими источниками, дающими особенно интересные сведения по общественному строю и историческим судьбам северо-востока Средней Азии (Кангюй—область Средней Сыр-Дарьи, Фергана, Семиречье). Более, чем предыдущий, этот период освещен и археологическими источниками (древний Термез, у-суньские могильники и др.)

Эта некоторая односторонность автора. Связанного с определенным, достаточно узким кругом источников и умолкающего тогда, когда эти источники перестают говорить, составляет слабую сторону рабогы.

Нельзя не отметить также некоторой небрежности автора в терминологии и нередкой голословности, а иногда и неверности довольно ответственных утверждений.

Так, например, автор упорно пишет вместо Агура-Мазда (клинопиєн. Auramazd) — «Аура-Мейдзы», произнося почему-то вторую часть имени на китайский лад (стр. 10, 33). Напротив, антипода Агура-Мазды—Ангро-Майнью он столь же упорно называет Ариманом, употребляя эллинизированную форму. Надо было бы держаться либо авестийского, либо эллинизированного (Ормузд и Ариман) написания обоих имен. Эллинизированную форму автор принимает почему-то и для имени пророка Авесты, именуя его Зороастром, а не Заратуштрой (стр. 33).

Небрежность выступает и в написании имен областей Средней Азии, приводя которые автор ссылается на Авесту (стр. 10). В Авесте Бактры называются не Богдо, а Бахди, Хорезм—не Хоразмия, а Каиризем и т. д.

Почему-то о Бактрии говорится как о городе (стр. 20), между тем, как термин Бактрия ($B_{\alpha x \tau \rho}(r)$) принят в литературе для страны, а город именуется в соответствии с античными источниками—Бактра ($B_{\alpha x \tau \rho}(r)$) или Бактры.

Вероятно опечаткой или опиской является наименование в цитате из Геродота (между прочим, в ссылке вместо III, 117, стоит III, 17) гирканиев (Τρκάνιοι) «гиркамиями», сарангов (Σαράγγ: ι)—«сарамгиями» (стр. 27).

Неточно, что «в IV и III вв. до н. э. Бактрия носит название страны тысячи городов» (стр. 32); этот эпитет употреблен Помпеем Трогом при описании событий середины III в.

Неточно, что «оссуарии характерны для зороастризма»; они представляют специфическую особенность именно среднеазиатского зороастрийского погребального обряда.

Мало употребительным примером представителя бактрийской аристократии является «бактриец» Бесс (стр. 29), который, вероятнее всего, был персом—за это говорит и отмечаемая самим тов. Баженовым (стр. 19—20) традиция Ахеменидов ставить сатрапами Бактрии своих ближайших родственников и также приводимое тов. Баженовым (стр. 30), но недостаточно им продуманное свидетельство источников о родстве Бесса с убитым им Дарием.

Очень смелым является утверждение, что «в то время Аму-Дарья впадала в Каспийское море» и Хорезм занимал «всю территорию от Аральского моря до Красноводска» (стр. 18).

Вопрос о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море остается в науке дискуссионным. Весьма вероятно, что древние имели дело с тем же Узбоем, что и мы, но, возможно несколько более многоводным. На это указывает, в частности, рассказ Геродота о со-

рока устьях (рукавах) среднеазиатской реки Аракса, одно из которых впадает в Каснийское море, а остальные «впадают в болота и лагуны» (Геродот, I, 202), —рассказ, который может быть приурочен только к аральской дельте Аму-Дарьи и Узбою.

Во всяком случае, состояние источников не дает тов. Баженову права высказываться с такой категоричностью, как он это делает.

Совершенно голословно утверждение, что «персидские сатрапы (в Средней Азии), обзаводясь хозяйством, обрабатывали его при помощи труда рабов» (стр. 28) и что «племенные вожди... тоже в этот период обзаводятся собственным хозяйством, построенным на рабском труде, и эксплоатируют подвластные им общины» (стр. 29). Все это очень правоподобно, но, к сожалению, пока недоказуемо, что и обязывает автора держаться более осторожных формулировок.

Непонятно, чем руководствовался автор, говоря, что «всего в Персидской монархии было 32 сатрапии» (стр. 25). По Геродоту их было 20, Бегистунская надпись перечисляет 23 «страны», Персепольская—24, Накширустемская—28.

Несмотря, однако, на все эти досадные погрешности, работа дает много полезного для читателя. Особенно удачен очерк о завоевании Средней Азии Александром (стр. 37—63). Автор правильно характеризует основные этапы завоевания, давая вполне убедительное истолкование изменению отношения населения и, в частности, согдийской аристократии, к завоевателям (стр. 43—45) и изменению политики Александра по отношению к восставшим (стр. 55—56).

Однако и здесь нельзя не отметить весьма произвольного толкования бегства Бесса из Бактрии (стр. 42), как своего рода тактического отступления, рассчитанного на то, чтобы увлечь Александра в пустыню и развернуть партизанскую войну. Здесь сказывается уже отмеченная нами выше ошибка тов. Баженова, видящего в Бессе представителя местной аристократии. Действительный ключ к пониманию событий дает именно тот факт, что п е р с Бесс, пытавшийся под именем царя Артаксеркса из Бактрии восстановить ахеменидскую державу, не мог встретить в Средней Азии никакого сочувствия и поддержки.

Сам же автор на стр. 34—36 правильно подчеркивает ту борьбу, которую Маргиана, Парфия, Бактрия и кочевые среднеазиатские племена вели против персов на всем протяжении периода ахеменидского владычества. Этим объясняются и бегство Бесса из Бактрии, и распад набранной им армии, и те обстоятельства, которые сопровождали его захват в плен македонянами, нейтралитет, скорее благожелательный по отношению к Александру, со стороны согдийских вождей, пока они не увидели, что Александр не только не разрушает государственного аппарата ахеменидской империи, но прибавляет к ненавистному персидскому игу еще более жестокое иго греко-македонской военщины.

Несмотря на отмеченные недочеты, книжка тов. Баженова должна быть оценена, как положительное явление.

Автор дал достаточно убедительную и яркую картину борьбы древних народов Средней Азии против иноземных—сперва персидских, затем македонских—завоевателей, в основном верно, хотя и односторонне, показав путь, которым народы Средней Азии шли от родового строя к созданию самостоятельных государств. Остается пожелать, чтобы инициатива УзНИИМЛ, издавшего эту книжку, не ограничилась ее выпуском, и вопросы древней истории Средней Азии получили дальнейшее исследовательское и популярное освещение в печатной продукции института.

С. Толстов

М. С. АЛЬТМАН — Греческая мифология. Соцэкгиз, Л., 1937, 280 стр., 20 000 экз.

Тов. М. С. Альтман в своей книге «Греческая мифология» пишет на тех двух страницах, которые помещены в начале книги «вместо предисловия», что он стремится «прежде всего дать систематическое и популярное изложение всех древнегреческих мифов», а затем «пояснить их историческую и историко-литературную значимость». Обе эти задачи, конечно, весьма почтенны и заслуживают полного одобрения, особенно, если помнить слова Ф. Энгельса: «А без основания, заложенного Грецией и Римом, не было бы также и современной Европы», так как ведь и мифология—один из камней того основания, которое заложено Грецией. Весь вопрос лишь в том, насколько удачно тов. М. С. Альтман выполнил обе поставленные им себе задачи.

Нельзя не признать, что кое-что по части пояснения исторической значимости мифов сказано тов. М. С. Альтманом удачно и прежде всего в тех местах книги, где говорится о пережитках матриархата и патриархата. В данном случае он имел твердую базу, а именно-те высказывания, которые мы имеем у Энгельса. Излагая мифы фиванского цикла, тов. М. С. Альтман правильно указывает в них ряд пережитков матриархата, следы разложения матриархального родового строя и торжества патриархата. К сожалению только, совершенно не говорится в изложении мифа об Эдипе о той роли, которую в этом мифе играет представление о неумолимом роке, без чего миф об Эдипе остается непонятным. Правильно толкует тов. М. С. Альтман и мифы о рождении близнецов, например братьев Диоскуров. Но, к сожалению, говоря о рождении Геракла и его брата-близнеца Ификла и упоминая о том, что Гера ускорила рождение, автор не объясняет того, что и здесь дело в пережитках родового строя, а не только в том, что Гера обманула Зевса. Но во всяком случае то, что М. С. Альтман указывает эти пережитки, является сильной стороной его книги. Тов. Альтман иногда правильно указывает и сказочные мотивы в греческих мифах, например в мифе о Тезее и Ариадне. Причем, однако, здесь «Кавказский пленник» Пушкина и Л. Толстого, -абсолютно непонятно. Также непонятна и связь тростника, выдавшего тайну Мидаса, со стихотворением Лермонтова «Тростник». Рассказ об ушах Мидаса М. С. Альтман толкует в основном правильно, но все же между ослиными ушами Мидаса и басней Крылова «Осел и соловей» ровно никакой связи нет, как нет связи и с эпиграммой Пушкина. Правильно упоминает М. С. Альтман о муравьях в мифе о Мидасе. Следовало бы ему здесь вспомнить и о мирмидонянах, происшедших, по мифам, из муравьев. Удачно толкует М. С. Альтман мифы об амазонках, об умирающих и вновь оживающих богах и героях, мифы о Миносе и Минотавре, о похищении Европы Зевсом под видом быка, хотя и здесь следует отметить, что вопрос о богах в виде быков много сложнее: он ведет нас к эгейской культуре, но это в книге почему-то обойдено молчанием.

Вот то, что сказано тов. М. С. Альматном более или менее удачно. К сожалению, в книге можно указать гораздо больше неудачных мест, а часто и грубых ошибок. Укажем лишь на важнейшие. Тов. М. С. Альтман, излагая мифы по тому или иному источнику, нередко искажает источники. Так, совершенно неправильно изложил он миф о том, как Зевс и его братья поделили между собой власть над миром. По Альтману, все делит Зевс, взявший себе «надзор над миропорядком в целом и в частности власть над землей»; по мифам же, Зевс взял себе небо, Посейдон—море, Аид—подземное царство душ умерших, земля же осталась в общем владении. В мифе о Прометее, по Альтману, все дело в том, что Прометея освободил Геракл, на самом же деле Геракл потому освободил Прометея, что таково было веление рока, да и Прометей примирился с Зевсом. Альтман, излагая Гомера, допускает целый ряд искажений. По Альтману, Аполлон ударил Патрокла копьем в спину и раздрэбил ему спину, по Гомеру—Аполлон ударяет Патрокла рукой по спине и плечам, чем лишает его сил. По Альтману, Одиссей ушел из подземного царства потому, что души его тесно обступили, по Гомеру же—

нотому, что Одиссей испугался, как бы Персефона не выслала горгону Медузу. По Альтману, Одиссей бьет Терсита жезлом до тех пор, пока он, наконец, не замолчал и т. д. Думается, что излагать Гомера следовало бы точно. Вообще нужно отметить: М. С. Альман мифы излагает не всегда так, как они изложены греками, а так, как ему это нужно.

М. С. Альтман правильно поступил, излагая мифы по циклам, но, излагая мифы по циклам, нельзя вставлять отдельные мифы в тот или иной цикл по своему усмотрению, как это делает тов. Альтман, вставляя миф об Ипполите в «Аттические сказания», а миф о Мидасе—в «Фракийские сказания».

У М. С. Альтмана достаточное количество ничем не обоснованных выводов вроде того, что стимфалийские птицы-это саранча. Толкуя миф о Геракле, тов. Альтман старается доказать, что Геракл «продукт творчества так называемых» «низших» классов». Так ли это? Не вернее ли то, что Геракл первоначально—герой родовой аристократии? Не внесены ли все черты, которые делают Геракла «продуктом творчества «низших» классов» тогда, когда родовой строй разложился, когда создалось классовое государство и появились труженики, эксплоатируемые правящими классами? То, что комики изображали Геракла в комическом виде, абсолютно не показательно; они и богов изображали в комическом виде. Хотя автор и цитирует на странице 96 слова Ф. Энгельса об отражении в фантастических образах религии таинственных сил природы, он крайне мало говорит о том, как отражены таинственные силы природы в греческих мифах. У него совершенно пропали нимфы, дриады, боги рек, морские божества, борьба Зевса с Тифоном и т. д. Да и о том, как и почему фантастические образы мифов «приобретают общественные атрибуты», М. С. Альтман почти умалчивает. В этом случае М. С. Альтману много помог бы миф о Деметре, если бы он вместо того, чтобы распространиться о гранатовом зернышке, указал на связь Деметры с хтоническими божествами, указал па то, что у Гомера Деметра отодвинута на второй план и только в последующую эпоху выдвигается на первый. Странно и то, что тов. Альтман, упоминая о подземном царстве душ умерших, картины этого царства не дает и не говорит, под какими влияниями . создалось представление о загробной жизни. Нашему читателю следовало бы это пок азать.

М. С. Альтман пишет, что он излагает все важнейшие мифы, но это абсолютно не верно. Много важнейших мифов им опущено, часто таких, которые помогли бы ему показать историко-литературную значимость мифов. Например, пропущены мифы о Пелопсе, Кекропе, Эрихтонии и Эрехтее, о рождении Аполлона и Артемиды, о борьбе Пелея с Фетидой и т. д.

В «Одиссее» опущена почему-то поездка Телемаха к Нестору и Менелаю, а ведь автор собирался говорить о литературной значимости мифов. Литературной значимости мифов тов. Альтман вообще ни в коей мере не показал, хотя это-то и нужно было сделать для читателя. Такие же замечания, как на странице 217, о том, что в «Мертвых душах» Гоголя говорится о баранах, пронесших под двойными тулупчиками на миллион рублей кружев, по меньшей мере странны. Какая здесь связь с Одиссеем и его спутниками, спасшимися под баранами от Полифема? Если тов. Альтман подобными замечаниями думает показать историко-литературную значимость мифов, то он только вводит читателя в заблуждение.

Наконец, последнее: показывая значимость древнегреческой мифологии, советский автор должен был показать, как она использована нашими великими учителями—Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным. Правда, тов. Альтман сказал, как товарищ Сталин использовал миф об Антее. Но весь блеск, с которым товарищ Сталин использовал этот миф, пропал, так как тов. Альтман не нашел нужным целиком привести то место из доклада товарища Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г., в котором говорится об Антее. А что касается использования древнегреческих мифов Лениным, то об этом тов. Альтман просто молчит. Миф же о Нарциссе, так метко использо-

ванный Лениным и притом не один раз, тов. Альтман просто выпустил. Вот это педопустимо в книжке советского автора, рассчитанной на широкий круг читателей.

Отметим также, что в сухом, бесцветном изложении М. С. Альтмана мифы древней Греции теряют всю свою привлекательность, все свое обаяние. Становится непонятным, почему поэтов и писателей всех последующих времен так привлекали дивные образы древнегреческой мифологии; такие, например, как Ифигения, Навсикая, Орфей и Эвридика, Ипполит и Федра, Гектор и Андромаха и многие другие. В изложении встречаются неудачные выражения, часто грамматически неправильные, вроде «меж собой помирившись» (стр. 31), «должна была она теперь быть сама заживо похороненной» (стр. 59), «язвили ядовитыми пастями» (стр. 210).

Какой же можно сделать вывод на основании всего сказанного выше? М. С. Альтман той задачи, которую поставил перед собой, несмотря на некоторые удачные места в его книге, выполнить не смог. Он не сумел использовать ни древнегреческой мифологии в целом, ни истории древней Греции, ни литературы—как древнегреческой, так и древнеримской и европейской; он не привлек мифологий других народов и фольклора, а без всего этого нельзя дать научное толкование древнегреческих мифов. Книга получилась слабая. Часто она ведет по ложному пути неподготовленного читателя. Книга требует самой коренной переработки и в первую очередь требует устранения вульгаризмов и сомнительных разъяснений «литературной значимости» мифов.

Проф. Н. Куп

История древнего мира в журнале «Историк-марксист»

Книги: первая (№ 59), вторая (№ 60), третья (№ 61), четвертая (№ 62), пятая—шестая (№ 63—64)—за 1937 г. Книга первая (№ 65). Книга вторая (№ 66) за 1938 г. Тираж 31 000 экз. Цена отдельного номера 3 руб.

В 1937 г. вышло пять книжек журнала «Историк-марксист»—органа Института истории Академии наук СССР. В 1938 г.—две книги. Настоящий обзор не ставит себе целью дать исчерпывающую характеристику материалов журнала «Историкмарксист». Общая оценка журнала уже была дана Центральным органом большевистской партии «Правда» в номере от 20 марта 1937 г. Цель нашего обзора—информировать, как освещается в журнале «Историк-марксист» история древнего мира, насколько журнал справляется с этой ответственной областью исторического фронта.

В пяти довольно объемистых книжках за 1937 г. (от 15 до 18 печатных листов каждая) и в двух номерах 1938 г. по истории древнего мира помещена всего лишь одна статья проф. В. Авдиева—«Раскопки древнеаккадского города в Тель-Асмаре» (кн. 5—6, стр. 152—161). В своей статье проф. Авдиев привлекает внимание историков древнего Востока к крупным открытиям, сделанным американскими археологами в Месопотамии. Раскопками древнеаккадского города Эшнунны на месте нынешнего Тель-Асмара (в 50 милях к северо-востоку от Багдада), произведенными экспедицией Чикагского Восточного института, добыты материалы, свидетельствующие о влиянии древней сумерийской культуры на семитские центры Аккада уже в IV тысячелетии до н. э. Найденные при раскопках древней Эшнунны богатейшие источники материальной культуры открывают новую страницу в истории народов древнего Двуречья.

К сожалению, этой единственной статьей «Историк-марксист» и ограничился в области освещения и разработки материалов по истории античного мира. Помещение нескольких рецензий и заметок на книги по античности отнюдь не компенсирует отсутствия в журнале оригинальных исследовательских статей по древнему миру. Но и опубликованные рецензии на иностранные книги по истории древнего мира говорят о случайном их подборе. За весь 1937 г. в журнале дана библиография следующих работ по античности: 1) А. Бергера на книгу Ф. Альтгейма—«Эпохи римской истории» (F. A 1 th e i m-Epochen der römischen Geschichte. Bd. I. Von den Anfängen bis zum Beginn der Weltherrschaft, Frankfurt a/M. 1934. 247 S.; Bd. II. Weltherrschaft und Krise. Frankfurt а/М. 1935. 333 S.; 2) Г. Полякова на работу известного американского исследователя по истории Рима Т. Франка — «Экономический обзор древнего мира», т. I — «Италия», т. II — «Египет под властью Рима» (Теппеу Frank — An economic survey of ancient Rome. Vol. I. «Italy» by Tenney Frank. Vol. II. «Roman Egypte» by A.Ch. Johnson. Baltimore. 1933—1936 (стр. 174—175); и 3) А. Коростовцева на книгу С. Дэрена— «Государственный социализм за пятнадцать веков до н. э. Экономическое положение Египта при XVIII династии фараонов» (SergeDairain es—Un socialisme d'état quinze siècles avant J.-C. L'Egypt économique sous la XVIII dynastie pharaonique. Paris. Libraire Orientaliste, Paul Geuthner, 1934).

Кроме того, помещены три мелких библиографических заметки на книги: а) Уэллса Брэдфорда—«Послания эллинистических монархов» (Welles C. Bradford,—Royal correspondence in the hellenistic period. A study in Greek epigraphy 1935. С +404 р. +12 ill. (кн. 1, стр. 184); б) С. Я. Лурье—«Письмо греческого мальчика» (кн. 2, стр. 183); в) Н. Д. Флиттнер—«В стране пирамид» (кн. 3, стр. 216), г) И. Папаставру «Амфиполь. Его история и прозопография» (Johannes Papastavru—Amphipolis. Geschichte und Prosopographie. Mit Beiträgen von C. F. Lehmann-Haupt und Arthur Stein. Mit 3 Tafeln. Leipzig. 1936. 152 S. (кн. 3, стр. 217) и д) на книгу Ш. Гудфеллоу—«Право римского гражданства. Исследование территориального и количественного его распространения с древнейших времен до смерти Августа» (Charlotte E. Goodfellow—Roman citizenschip, a Study of its territorial and numerical Expansion from the earliest times to the death of Augustus, Diss. Faculty of Bryn Mawr College. Bryn Mawr (Penncylvania). 1935. 124 р.) (кн. 3, стр. 217).

Если в поле зрения «Историка-марксиста» все же иногда попадала иностранная литература по античному миру, получая соответствующую библиографическую оценку, то хуже обстояло дело с литературой по истории античного мира, выпускаемой советскими издательствами. За весь год журнал ограничился опубликованием всего двух рецензий: 1) акад. С. А. Жебелева на книгу «История античного общества. Греция» (кн. 5—6, стр. 221—233) и 2) А. Хачатуряна на известный труд Б. Тураева—«История древнего Востока», т. І и ІІ (кн. 3, стр. 176—181). Значительная литература по истории древнего мира, появившаяся за последние годы в СССР, оказалась совершенно незамеченной редакцией «Историка-марксиста».

В свое время журнал обещал широко освещать древнюю историю Индии, Ирана, Китая и Японии, но в пяти номерах за 1937 г. и в двух книгах за 1938 г. ни одной работы по этим вопросам журналом не было напечатано.

В интересах объективности следует, однако, признать, что несомненные достижения у «Историка-марксиста» имеются в освещении древней истории СССР. Редакцией проделана значительная работа как по разоблачению концепций буржуазной историографии, так и по разоблачению антимарксистских, антиленинских позиций Покровского и его «исторической школы» в важнейших вопросах изучения древней истории СССР. Редакцией «Историка-марксиста» рассмотрен ряд таких проблем, как вопрос о Киевской Руси, о характере русского феодализма, о татарском нашествии, формировании русской государственности и т. д. В журнале напечатаны серьезные научно-

псследовательские работы акад. Б. Грекова, в которых, наряду с критикой антиисторических утверждений Покровского, приводится чрезвычайно ценный материал по истории Киевской Руси, проф. А. Шестакова об учебнике по истории СССР, проф. С. Бахрушина о крещении Руси, а также ряд интересных статей-рецензий. Проф. А. В. Шестаков в статье «Основные проблемы учебника «Краткий курс истории СССР» (кн. 3, стр. 85—98) на опыте составления учебника дает схему гражданской истории СССР, начиная с древнейших времен. Приведя ряд исторических фактов, проф. А. В. Шестаков показывает, что Киевская Русь отнюдь не была захудалым государством, как это пытаются изобразить фашистские «историки», а являлась крепкой и влиятельной государственной единицей, с которой вынуждены были считаться такие крупные политические фигуры той эпохи, как английский король, германский император, византийский император и т. д.

Статья Б. Д. Грекова «Киевская Русь и проблема генезиса русского феодализма у М. Н. Покровского» (кн. 5—6, стр. 41—76) на большом документальном материале глубоко вскрывает антинаучную концепцию Покровского и его «школы», вычеркивавшей из истории русского народа такой огромной важности исторический фактор, как Киевское государство. Недаром Маркс, подчеркивая значение Киевского периода Руси в истории Восточной Европы, сравнивал Киевскую Русь с империей Карла Великого. Критикуя схематизм и антиисторичность «школы» Покровского, Б. Греков, привлекая ряд первоисточников, воспроизводит историческую картину «империи Рюриковичей» и, анализируя экономическую и политическую жизнь города и деревни древней Руси, дает серьезное объяснение возникновения русского феодализма. Б. Д. Греков также правильно опровергает неверное утверждение Покровского о якобы прогрессивной роли татарского нашествия. Акад. Б. Д. Греков показывает, как русский народ нашел в себе достаточно силы свергнуть татарское иго и укрепить национальное государство. Статья акад. Б. Д. Грекова, несомненно, явится ценным материалом в борьбе с извращениями исторического прошлого народов великого Советского Союза.

В истории русского народа событием громадной важности было принятие христианства Киевской Русью. Буржуазная историография решала этот вопрос вне всякой связи с экономическим и политическим развитием древней Руси и трактовала его, стоя на богословских позициях. Ряд ученых, в том числе и Покровский, подходили к этому факту антиисторически. Как известно, именно под влиянием такой прямой фальсификации прошлого России в работах этой группы ученых и была написана в свое время вредная, антинародная пьеса «Богатыри», в которой извращалась наша отечественная история. Статья проф. С. Бахрушина «К вопросу о крещении Киевской Руси» (кн. 2, стр. 40-77) посвящена вопросу о прогрессивном значении принятия христианства Киевской Русью для тогдашнего этапа исторического развития (X—XI вв.). Подвергнув критике ряд антиисторических концепций по этому вопросу, как, например, известного буржуазного историка Соловьева, видевшего причину принятия христианства в «несостоятельности язычества»; историка Никольского, объяснявшего причину крещения Руси навязыванием своей веры со стороны Византийского государства, а также других историков, в том числе Покровского, Рожкова и др., -- автор статьи ставит ряд вопросов, связанных с этим историческим событием, сыгравшим большую роль в жизни русского народа. Проф. С. Бахрушин показывает положительную роль христианства, которое в эпоху вызревания феодализма в России явилось прогрессивной социальной силой, служившей проводником высокой культуры Византии в Русскую землю и способствовавшей развитию связей последней с западноевропейскими государствами.

Историческая наука в СССР движется быстрыми шагами вперед. Но перед советскими историками стоят большие задачи. Требуется расчистить от буржуазного хлама историю древнего мира, необходимо неустанно разоблачать квази-научные попытки

фашистских ученых, которые самым беззастенчивым образом фальсифицируют историческую науку, пытаясь всю историю человечества рассматривать, как проявление «борьбы рас», грубо искажая и в ряде случаев неприкрыто выдумывая исторические факты. В этом отношении интересна статья Е. Кагарова— «Фальсификация истории общественного строя древних германцев немецкими фашистскими «учеными» (кн. 5—6, стр. 131—150), которая показывает, до какой степени падения способны дойти эти псевдо-ученые. Е. Кагаров срывает маску «научности» с современной фашистской «историографии». С исключительным цинизмом фашистские «ученые» извращают исторические факты, чтобы оправдать гнусную практику фашизма. Аргументируя непреложными объективным историческими данными, Е. Кагаров беспощадно разоблачает антинаучную и глубоко-реакционную идею расового фактора в истории. Какую ценность может представлять фашистская «историография», -об этом могут свидетельствовать труды виднейшего представителя фашистской «историографии» В. Дарре. Сей «ученый» в своих работах упорно проводит мысль о сходстве свиньи с человеком (надо полагать, что материалом для таких аналогий В. Дарре служит практика германского фашизма) и выдвигает свинью, как «критерий северной расы». Такой скотоводческий подход к исторической науке с достаточной убедительностью говорит о том, что фашистскую исторнографию нельзя трактовать в рамках науки, ибо она находится по ту сторону науки.

Фронт советской исторической науки очищается от фашистских агентов, троцкистско-зиновьевских и бухаринских вредителей. О том, как эти гнусные предатели, проникая в наши исследовательские учреждения, использовали их для своей подрывной работы, рассказывает коллективная статья А. Арциховского, М. Воеводского, С. Киселева и С. Толстова «О методах вредительства в археологии и этнографии» (кн. 2, стр. 78—91). Из этой статьи видно, как под крылышком двурушников протаскивались вредительские «теории» о ликвидации археологии и этнографии, как науки, ревизовались марксистско-ленинские взгляды о родовом строе и т. д. На конкретных фактах антинаучной работы врагов народа и их приспешников авторы статьи показывают, что порох надо держать сухим и на участке исторической науки, изучающей древность, на котором почетное место должны занять и археология и этнография.

Библиография литературы по древней истории СССР представлена в «Историке-марксисте» в 1937 г. лучше, нежели библиография по античному миру. Ценной является рецензия С. Бахрушина на книгу Б. Д. Грекова—«Феодальные отношения в Киевском государстве», изд. Академии наук СССР (кн. 3, стр. 165—175). Заслуживает внимания рецензия этого же автора на книгу Матвея Меховского «Трактат о двух Сарматиях», изд. Академии наук СССР (кн. 2, стр. 160—161). Помещены также: обстоятельная рецензия С. Юшкова на книгу «Древнерусские летописи», изд. «Асаdemia» (кн. 3, стр. 182—184), рецензия М. Пархоменко на книгу М. Артамонова—«Очерки древней истории хазар», Соцэкгиз (кн. 5—6, стр. 200) и рецензия А. Золотарева на книгу Д. К. Зеленина—«Культ онгонов в Сибири», изд. Академии наук СССР (кн. 5—6, стр. 201). И все же надо признать, что библиография книжной продукции по древней истории СССР поставлена в журнале не на должную высоту

Необходимо особо остановиться на вышедшей первой книге журнала «Историк-марксист» за 1938 г. В ней помещен ряд интересных и важных материалов по древней истории. В большую заслугу журнала надо поставить опубликование материалов совещания, созванного редакцией «Историка-марксиста» для обсуждения первого тома книги о древнем Востоке, изданного Государственной Академией истории материальной культуры им. Н. Я. Марра (стр. 111—119).

Принимавшие участие в обсуждении профессора Сергеев, Авдиев, Мишулин, Зельин, Ранович, Бергер и др. отметили крупные недочеты первого тома «Древнего Востока», написанного, за исключением вводной статьи и третьей главы, акад. В. Струве.

В результате обмена мнений были констатированы следующие положения:

- «1. Предисловие Ковалева—антимарксистское. Это сплошная социологизация в худшем смысле этого слова. Оно страдает схематизмом, борьбу с которым партия и правительство поставили во главу угла работы историков. Предисловие Ковалева должно быть в рецензии подвергнуто самой жестокой критике. Оно не украшает, а портит работу.
- 2. Акад. Струве незаконно устранил из древнего мира целый ряд древних обществ: Китай, Аравию, Индию, которые обязательно должны быть освещены.
- 3. Бесспорно, что роль восточной общины освещена совершенно недостаточно, и в этом отношении нужно еще проделать большую работу.
- 4. Совершенно бесспорно, что основой Древнего мира была рабовладельческая формация. Конкретная расшифровка этого марксистского положения в работе акад. Струве носит следы схематизма. Рабство у него всюду одно и то же, всюду три силы: правящая верхушка, рабы и бедняки. Таким образом, стирается специфичность отдельных рабовладельческих обществ.
  - 5. Недостаточное внимание уделяется нерабским формам труда.
- 6. Книга акад. Струве—университетский курс, и как бы в ней автор ни гонялся за сжатостью изложения, все-таки надо было дать конкретную историю. Во время обмена мнений правильно подчеркивалось, что роль рабства, его отдельные фазы в различных обществах в книге акад. Струве недостаточно диференцировались. Сказалось и то обстоятельство, что В. В. Струве при всей огромной эрудиции—не в такой степени специалист в области ирановедения и в области истории Израиля, как в области египтологии.
- 7. В книге допущены серьезные ошибки, как, например, в вопросе о монотеизме Израиля.
- 8. История Ирана изложена на недостаточно высоком уровне, который требуется в университетском преподавании. В этом вопросе существуют спорные проблемы, поэтому, конечно, нельзя здесь ограничиться догматическим изложением. Надо было привести существующие в литературе контроверзы, дать источники и т. д.» (стр. 119).

В таком же плане оценивает книгу «Древний Восток» и опубликованная в этом номере рецензия проф. Авдиева (стр. 120—126).

Из других материалов по древней истории привлекает особое внимание опубликованная для обсуждения схема пятитомника по истории СССР (стр. 174—204). Первый том будет целиком посвящен народам СССР, начиная с древнейших времен и до IX в., второй том рассматривает дофеодальный период. Впервые в исторической науке ставится задача дать подлинную историю развития такой могучей мировой державы и народов, ее населяющих, как СССР.

Кроме этих материалов, в книге помещены рецензии: 1) Н. Рубинштейна на сборник документов «Памятники истории Киевского государства» (стр. 130—132); 2) А. Золотарева на две книги: Л. П. Потапова—«Разложение родового строя у племен Северного Алтая» и «Очерки по истории Шории», и на книгу Токарева— «Докапиталистические пережитки в Ойротии» (стр. 137), 3) К. Сивкова на хрестоматию по истории СССР, т. І, содержащую письменные памятники, относящиеся к истории СССР, начиная с V в. до н. э.

В № 2 «Историка-марксиста» за 1938 г. опубликован для обсуждения проект-схема многотомника «Всемирной истории» (история средних веков и нового времени). Схема первого и второго томов «Происхождение и развитие феодализма» обнимает период от III в. до XI в., включая, таким образом, и последний период эпохи древнего мира и древнюю историю народов СССР.

В этом же номере даны краткие библиографические заметки на следующие иностранные книги по древней истории:

- 1) Eugène Cavaignac—Le problème Hittite. Libraire Larousse. 1936. XVIII +200 р.—о Хеттском государстве.
- 2) T. Fish—Letters of the first Badylonian dynasty in the John Rylands Library Manchester. Manchester Universty Press. 1936. 54 р., в которой дается текст 31 письма вавилонской династии.
- 3) Jean Capart et G. Contenau—Histoire de l'Orient ancien. Paris. Hachette. 1936. 336 р., где освещается история Египта эпохи фараонов.
- 4) «Die ägyptischen Listen Palästinesischer und Syrischer Ortsnamen in Umschrift und mit historisch-archäologischem Kommentar». Hrsg. v. Anton Jorks. «Klio». Beiträge zur Alten Geschichte. Hrsg. C. F. Lehmann-Haupt. Beiheft 38 (Neue Folge, H. 25). Leipzig. Dietrichsche Verlagsbuchhandlung. 1937. 62 S., где в сводном виде собраны названия палестинских исторических городов, завоеванных египетскими фараонами в 1501—663 гг. до н э.

В заключение необходимо отметить следующее: несмотря на то, что журнал «Историк-марксист» должен выходить раз в два месяца, он недопустимо запаздывает.

Материалами «Историка-марксиста» должны пользоваться научные работники, педагоги и студенчество, и неаккуратный выход журнала, несомненно, является тормозом в их работе. Следует пожелать, чтоб редакция преодолела это недопустимое отставание и как можно быстрее перевела его из практики сегодняшнего дня в область истории.

К.

История древнего мира в «Историческом журнале»

Книги 1, 2, 3—4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12— за 1937 г. и 1, 2, 3 и 4—за 1938 г. Отв. редактор Б. Волин. Тираж 66 000 экз. Цена отдельного номера 1 р. 50 к.

«Исторический журнал» (раньше «Борьба классов») является массовым ежемесячным популярным журналом по вопросам гражданской истории. Интерес, проявляемый в Советском Союзе к историческим темам, сказывается на разнообразии тематики в журнале и определяет такой высокий тираж (66 000 экз.). «Историческим журналом» ставятся актуальные проблемы древней, средней и новой истории, истории ВКП(б) и Коминтерна в свете указаний товарища Сталина о задачах исторического фронта.

Надо отметить организацию редакцией в журнале специального отдела «Древняя история», в котором публикуются материалы, освещающие конкретные вопросы древней истории мира и древней истории народов СССР. Кроме этого специального отдела, история народов Советского Союза освещается и в разделе «История СССР». Почти в каждом номере редакция отводит особое место важнейшему периоду в истории человечества—его далекому прошлому. Из просмотренного нами комплекта журнала за 1937 г. и четырех книжек за 1938 г. лишь в трех номерах (№ 1, 8 и 10 за 1937 г.) не были напечатаны материалы по древней истории.

Какие же вопросы ставились и освещались в «Историческом журнале» по древней истории мира за последний год?

В книге 2 (за 1937 г.) помещена статья В. Сергеева—«Заговор Катилины». Автор статьи, вскрывая внутренние и внешние противоречия Рима той эпохи и характеризуя личность Луция Сергия Катилины, показывает причины организации со стороны последнего заговора против республики, против тогдашнего правителя ее Цицерона.

Следует заметить, что автор статьи некритически, в соответствии с традиционной установкой, относит движение Катилины к числу демократических.

В этой книге имеется статья И. Мерзона «Записки учащихся по истории в неполной средней школе», в которой автор, базируясь на опыте занятий по истории со школьниками, предлагает свои методы ведения записи при изучении истории древнего мира-

В разделе библиографии помещена автоаннотация акад. В. Струве на первый том пятитомника по истории древнего мира, издаваемого ГАИМК, в основном написанный самимавтором рецензии. Акад. Струве центральной проблемой своей работы считает вопрос о характере эксплоатации в обществах древнего Востока. Отмечая недостатки своей работы, автор обещает устранить их при повторном издании.

В этой же книге напечатана также рецензия М. Соколова на капитальный двухтомный труд акад. Б. А. Тураева, охватывающий пять тысячелетий истории человечества; помещена рецензия-заметка на книгу Аппиана «Гражданские войны» освещающая период древнего Рима, начиная с Гракхов и кончая событиями 37 г. до н. э., и библиографическая заметка на 11 том хрестоматии по древней истории, составленной акад. В. Струве, включающей письменные памятники, относящиеся к истории древнего мира.

В книге 3—4 (1937 г.) опубликована статья А. Казаченко «Замечательный исторический урок» («Ледовое побоище и Невская битва»). Хотя тема и не имеет непосредственного отношения к древней истории, но она подытоживает развитие России в древний период и показывает, как около 700 лет назад германские рыцари, сунувшись в Россию, получили такой сокрушительный отпор, что у них надолго отпала охота ступать на земли русского народа.

К. Зельин в статье «Хетты и хеттская культура» приоткрывает завесу над интереснейшим периодом истории древневосточных обществ—над хеттским обществом и его культурой. Автор показывает, как историческая наука лишь недавно обнаружила «забытую империю» хеттов, существовавшую во ІІ тысячелетии до н. э. Рассматривая на основе новейших научных данных, позволяющих судить об экономическом, политическом и культурном строе Хеттского государства, связи хеттов с другими областями древнего мира, автор опровергает измышления буржуазной историографии, рассматривающей хеттов, как представителей «высшей», «индогерманской» расы.

В этой же книге журнала (№ 3—4) в статье М. Зиновьева «Учебники древней и средней истории проф. Р. Ю. Виппера» дается оценка исторической концепции Виппера в его работах по древнему миру.

В этой книге журнала опубликована в разделе библиографии статья А. Мишулина «О бдительности на фронте древней истории», разоблачающая вредительскую работу на историческом фронте, проводившуюся контрреволюционным троцкистскобухаринским охвостьем. Автор статьи показывает, как некоторые научные работники вследствие притупления бдительности оказались на поводу у троцкистов, пропагандируя в своих работах антимарксистские взгляды. На критике принципиальных ошибок по кардинальным вопросам истории античного мира, оказавшихся в работах О. Крюгера и др., А. Мишулин подчеркивает необходимость повышения большевистской бдительности и на историческом фронте.

Помещена рецензия М. Баскина на русский перевод известной книги буржуазного французского историка А. Валлона—«История рабства в античном мире. Греция».

В книге 5 (1937 г.) опубликована вторая статья по римской истории В. Сергеева—«Триумвират и диктатура Юлия Цезаря». В ней освещается период, следующий за ликвидацией заговора Катилины следующий этап развития Римского государства—установление единодержавия. Автор начинает с установления триумвирата в лице Помпея, Красса и Цезаря, отмечает кровавую борьбу между Помпеем и Цезарем и заканчивает провозглашением Цезаря диктатором. В статье анализируются причины, приведшие к утверждению цезаризма в Риме.

В статье Д. Краснера—«На раскопках в Ольвии»—описывается экскурсия учащихся на место расположения древнего города Ольвии, находящегося недалеко от г. Николаева в УССР.

В отделе библиографии помещена большая рецензия Н. Машкина на книгу С. Ковалева — «История античного общества», ч. 1. — «Греция», охватывающую историю античного мира, начиная от III тысячелетия до н. э. и кончая V в. н. э. В качестве основного вывода автор рецензии считает, что работа С. Ковалева плоха и обсолютно не отвечает требованиям, предъявляемым к учебному пособию для университетского курса.

В книге 6 (1937 г.) помещена статья Б. Грекова—«Татарское нашествие», в которой приводятся материалы, рисующие нашествие Орды и окончательный разгром татар русскими.

В статье «Консультации по древней истории. Миф об Антее» А. Мишулин, привлекая античную историографию и основываясь на первоисточниках, на высказываниях античных писателей, восстанавливает образ легендарного героя Антея, созданный народным творчеством греков. Консультация А. Мишулина является хорошим пособием к известному месту об Антее в выступлении товарища Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) и раскрывает меткость и силу сталинского сравнения образа Антея.

В книге 7 «Исторического журнала» (1937 г.) помещена статья А. Золотарева «Из истории Амурского народа», освещающая прошлое народов Амура, начиная с VII в.

В библиографическом отделе напечатана рецензия Писаревского на новое издание книги К. Доссона «История монголов», являющейся выдающейся работой, посвященной описанию кочевых народов Центральной Азии и началу образования Монгольской империи. Книга издана Восточносибирским областным издательством; несмотря на то, что впервые вышла в свет более 100 лет назад, она и в наши дни все же остается незаменимым трудом по истории монголов.

В книге 9 (1937 г.) опубликована третья статья В. Сергеева—«Второй триумвират и падение Римской империи», освещающая следующий за смертью Цезаря период Рима. Описывая борьбу между претендентами на наследство Цезаря, между Антонием и Октавием, поражение Антония в Мутинской войне, автор показывает, как создался второй триумвират из Октавия, Антония и Лепида, а также рисует борьбу триумвирата с республиканцами и поражение последних.

В этой же книге «Исторического журнала» напечатана рецензия на сборник документов «Древние германцы», подготовленный историческим факультетом МГУ; эти документы разоблачают фашистских историков, фальсифицирующих историю древних германцев.

В книге 11 (1937 г.) имеется статья А. Казаченко—«Крещение Руси», обосновывающая прогрессивное значение введения христианства.

В № 12 «Исторического журнала» (1937 г.) статья К. Ползикова-Рубец—«Золотая Орда и государство Тамерлана»—показывает, как на материалах, собранных в Государственном Эрмитаже, можно изучать тот период Восточной Европы, когда она находилась под игом монгольских завоевателей.

В статье В. Галкина—«Владимиро-Суздальское княжество»—приведены данные, характеризующие образование и развитие Владимиро-Суздальского княжества, как составной части Киевской Руси, «империи Рюриковичей».

В разделе «Древняя история» напечатана четвертая статья В. Сергеева—«Принципат Августа». В ней описывается Римская империя в первой фазе ее существования. Автор рассматривает период после разгрома Антония и Клеопатры, провозглашения императором Октавия, превращения республики в монархию и пожалования Октавиану титула Августа.

В книге 2 (1938 г.) помещена статья А. Аракеляна—«Карабах до завоевания

российским царизмом», в которой автор пытается дать историю Нагорно-Карабахской автономной области, начиная с глубокой древности, с 2000 лет до н. э.

В № 3 «Исторического журнала» ла 1938 г. редакцией сделан полезный почин — помещение публикации художественных произведений по античности. Первым таким материалом напечатан написанный молодым М. Горьким, еще 40 лет тому назад, очерк «Херсонес Таврический» (стр. 39—47). Написанный с присущей Горькому яркостью очерк этот и сейчас читается с захватывающим интересом.

В этом же номере помещена рецензия Л. Писаревского (стр. 124—126) на «Труды I сессии арабистов», изд. АН СССР, 1937.

В четвертой, апрельской книжке за 1938 г. напечатана консультация В. Сергеева— «Греческая мифология» (стр. 118—122), где автор в популярной форме выясняет социально-политические корни античной мифологии, особенно греческой. На конкретных исторических образах автор показывает, как сквозь призму подвигов эллинских героев преломляется в греческой мифологии вся история греческой культуры, — этой богатейшей скоровищницы человечества.

В заключение необходимо отметить, что в опубликованном в книге 6 (1937 г.) плане содержания «Исторического журнала» на второе полугодие включен ряд интересных тем по древней истории. К сожалению, многие из них не были реализованы. Так, не были помещены статьи о кризисе Римской империи в III в., о римской культуре периода поздней империи, о революции рабов и о падении Римской империи и рецензия на учебник Иванова по древней истории.

Редакции «Исторического журнала» следует восполнить этот пробел.

К. К.

Издания исторической редакции Соцэкгиза

В издательском плане исторической редакции Соцэкгиза значительное место занимает новая литература по истории древнего мира.

За вторую половину 1937 г. и первую четверть 1938 г. выпущен ряд интересных переводных, а также оригинальных работ, значительно обогащающих наши научные ресурсы по древней истории мира и истории народов СССР. Ряд ценных книг подписан к печати и ждет своего появления в свет.

Прежде всего необходимо отметить предпринятое исторической редакцией Соцэкгиза издание монументального классического труда по истории Рима выдающегося немецкого буржуазного ученого XIX столетия, Теодора Моммзена— «История Рима». На русский язык этот труд был переведен впервые в 1858 г., переиздавался он в 1885 г. Сейчас сделан новый перевод и подготовлены к изданию томы I, III и V (том II вышел из печати в 1937 г.).

В ближайшие месяцы должно выйти новое переработанное издание первоготома «Истории Рима» Моммзена, создавшей автору мировую известность. Объем первого тома, охватывающего период до битвы при Пидне, составит свыше 57 печатных листов. В первый том входят три книги. Первая—«До упразднения царской власти», вторая— «От упразднения царской власти до объединения Италии», третья—«От объединения Италии до покорения Карфагена и греческих государств».

Вышедший том II «Истории Рима» Моммзена (446 стр., тираж 10 000 экз., цена в переплете 9 руб.) включает четвертую книгу под названием «Революция» и охватывает период от битвы при Пидне до смерти Суллы. В этой книге Моммзендает блестящие характеристики Гракхов, Мария, Суллы, Помпея, Катилины и др.

Однако, впервые вводя в историографию Рима понятие революции, Моммзен целиком остается в плену буржуазной ограниченности и, разумеется, чужд правильному толкованию революции.

Том III, книга V Моммзена—«Основание военной монархии»—посвящен целиком эпохе господства Цезаря. Этим периодом Моммзен оборвал свою историю Рима. Том V охватывает конец Римской империи.

Под редакцией проф. А. В. Мишулина в Соцэкгизе вышла книга А. В алло на —«История рабства в античном мире. Греция» (тираж 15 000 экз., 310 стр., цена в переплете 7 руб.). Являясь первым томом капитального труда известного французского историка Анри Валло на, книга содержит интересный фактический материал по истории рабства в Греции. Она состоит из следующих глав: Рабство в Греции. Порабощенные народы или крепостная зависимость в Греции. Свободный труд в Греции и, в частности, в Афинах. Источники рабства в Греции. Использование рабов. Цена на рабов. О количестве рабов в Греции, в частности в Аттике. Положение рабов в семье и государстве. Об отпуске на волю. Взгляд на рабство в древности. Влияние рабства на порабощенных и свободных.

Подготовлена к печати и в ближайшее время выйдет в свет вторая книга А. В а л л о н а — «И с т о р и я р а б с т в а в а н т и ч н о м м и р е», освещающая историю рабства в Риме.

Из других переводных работ готовятся к печати и выйдут в свет в 1938 г.: 1) работа французского историка Глоца «История труда в античном мире», 2) первый том серии известных французских историков Альфана и Саньяка— «Народы и цивизизации», т. I—«Варвары» и 3) книга Фокса— «Чингисхан».

Из книг советских историков по античности необходимо в первую очередь отметить предпринятое Соцэкгизом подготовленное Академией истории материальной культуры им. Н. Я. Марра издание по «Истории древнего мира». Первые два тома уже вышли в свет.

Том I—«Древний Восток» (443 стр. тираж 31 000 экз., цена в переплете 6 руб.) содержит общую историю древнего Востока. За исключением вводной и третьей глав, вся книга написана академиком В. В. Струве.

Том II, часть 1—«Древняя Греция» (361 стр., тираж 15 000 экз., цена 5 р. 25 к.). Первая часть второго тома охватывает историю Греции с древнейших времен до греко-персидских войн.

Том II, часть 2—«Древняя Греция» (312 стр., тираж 75 000 экз., цена 4 р. 50 к.)—охватывает историю Греции от греко-персидских войн до смерти Александра Македонского.

Особенно полезным необходимо признать издание атласа «Древний Восток» (Атлас по древней истории Египта Передней Азии, Индии и Китая, составлен И. Л. Снегиревым под редакцией акад. В. В. Струве, 259 стр., тираж 10 000 экз., цена 20 руб.). Атлас является иллюстративным учебным пособием по курсу истории древнего Востока. Материалу атласа сопутствует объяснительный текст. Атлас отражает различные стороны социально-экономической жизни древнейших обществ Египта, Передней Азии, Индии и Китая, не только их экономику, но и уровень техники, классовую структуру, науку ит. д. Атлас дает картину богатейшего культурного наследства народов древнего Востока в области архитектуры, скульптуры, живописи ит. д.

Вышла книжка ленинградских историков И. Л. С негирева и Ю. П. Францова—«Древний Египет» (300 стр., тираж 20 000 экз., цена 2 р. 50 к.). В живой и доступной форме излагается история древних египтян. Освещаются основные моменты последовательного хода исторического развития древнеегипетского общества с древнейших времен до македонского завоевания.

«Греческая мифология» М. С. Альтмана вышла в издании Лен. отд. Соцэкгиза. Автор делает попытку дать систематическое изложение мифов древней Греции (см. об этой книге рецензию проф. Н. А. Куна в настоящем номере «В. Д. И.»),

Лен. отд. Соцэкгиза готовит второе издание книги.

«Древние германцы»—сборник документов и материалов по всеобщей истории, составлен Б. Н. Граковым, С. П. Моравским и А. И. Неусых иным с вводной статьей А. Д. Удальцова (222 стр., тираж 10 000 экз., цена 3 р. 60 к.). Сборник включает тексты античных писателей; Юлия Цезаря, Страбона, Тацита, Плутарха и др.

В 1938 г. к началу учебного года должен выйти в свет подписанный к печати учебник В.С. Сергеева— «История древнего Рима». В Лен. отд. Соцэкгиза должны выйти в свет книга Б.Л. Богаевского—«ЭпохаГомера» и книга П.И.Ефименко»—«Первобытное общество».

Из работ по древней истории СССР необходимо отметить изданные Соцэкгизом: 1) «Курс русской истории» проф. В. Ключевского, 1-я часть (394 стр., тираж 20 000 экз., цена 7 руб.) и 2) «Лекции по русской истории» А. Е. Преснякова (т. І, 278 стр., тираж 10 000 экз., цена 5 р. 45 к.). Оба автора являются крупнейшими представителями буржуазной историографии прошлого века, взгляды которых на древнюю историю Руси, несомненно, представляют, большой интерес.

Первый том Ключевского обнимает древний период России и заканчивается распадом Киевского государства. Будучи учеником известных историков Соловьева и Чичерина, сложившись под непосредственным влиянием этих крупнейших представителей
буржуазной историографии, Ключевский целиком воспринял их историческую концепцию. Вся трактовка периода Киевской Руси строится Ключевским на сочетании
родовой теории княжеской власти по Соловьеву и теории городовой торговой Руси,
выдвинутой самим Ключевским. Социологизм Ключевского в этом вопросе, по мнению
редактора данного тома, оказал определенное влияние на русскую историографию
вплоть до Покровского и его «школы». Из работы Ключевского по Киевской Руси марксистско-ленинская историография мало что может почерпнуть, за исключением обильного фактического материала.

Курс лекций А. Е. Преснякова в первом томе охватывает период до XIII в. и посвящен целиком Киевской Руси. Отсутствие марксистского метода у автора лекций не дало ему возможности преодолеть полностью догматизм юридической школы. Однако субъективные способности автора и прекрасное знание исторического материала позволяют Преснякову в отдельных вопросах преодолеть схематизм буржуазной историографической традиции и разрушить отдельные положения старой буржуазной школы. Богатство собранного в вышедшем томе фактического материала делает его полезным пособием для советских историков.

Второй том лекций проф. А. Е. Преснякова охватывает период Западной Руси и Литовского государства; третий том—период Восточной Руси и Московского государства. Оба тома выйдут в свет в ближайшее время.

Подписано к печати и в ближайшее время должно выйти в свет новое издание капитального произведения Павлова-С ильвановского—«Феодализм в Удельной Руси».

Из работ советских ученых вышла книга М. И. Артамонова—«Очерки древней шей истории хазар» (137 стр., тираж 7 250, цена 5 руб.).

Работа эта охватывает один из наименее изученных периодов в истории народов, населявших южную половину Европейской части нынешнего Советского Союза, от распада гуннского племени до образования Хазарского царства (V—VII в.). Рассчитана работа М. И. Артамонова на историков, преподавателей и студентов исторических факультетов.

«История Татарии в документах и материалах» (499 стр., тираж 5 000 экз., цена 11 р. 50 к.). Книга состоит из трех разделов: 1. Булгарское ханство. 2. Монголы в Восточной Европе. Золотая Орда. 3. Казанское ханство.

«Орудия производства и домашние животные Триполья» В. Л. Богаевского (303 стр., тираж 5 250 экз., цена 10 р. 50 к.). Книга построена преимущественно на материале музеев как СССР, так и иностранных, и знакомит с техникой и животноводством на территории УССР и Юго-восточной Европы за пять тысяч лет до наших дней (около 3000 л. до н. э., см. рецензию Т. С. Пассек в № 1 (2) «В. Д. И.»)

В Лен. отд. Соцэкгиза вышла книга акад. Грекова и Якубского «Золотая Орда».

Огромные тиражи выходящей в свет исторической литературы расходятся положительно с молниеносной быстротой. Необходимо пожелать исторической редакции Соцэкгиза ускорить выход подписанных к печати работ и не ослаблять внимания к такому важнейшему участку исторического фронта, каким является выпуск литературы по истории древнего мира. Вместо переиздания отдельных, недавно вышедших работ следует пожелать Соцэкгизу ускорить выход в свет уже подготовленных важнейших работ по истории древнего мира.

Археологические раскопки в Греции и Восточном Средиземноморье за последние годы

ГРЕЦИЯ

Аттика

А ф и н ы. Раскопки, производимые с 1931 г, Американской школой на агоре, имеют большое значение прежде всего для топографии северо-западной части города. За последние годы установлено местоположение и произведена расчистка зданий, ранее известных, за редким исключением, лишь по названиям: стоя Зевса Элейферия, храм Аполлона Патроя, Булевтерий, Эннеакрунос, Одеон (Агриппейон), стоя Аттала и некоторые другие. Раскопочный сезон 1935/36 г. расширил исследованное пространство почти во всех направлениях. Площадь перед Тезейоном (Гефестейон) и Колонос Агорайос стала значительно ясней. Следы металлического производства (бронзы и бронзового шлака), открытые на самом холме, подтверждают идентификацию Тезейона с Гефестейоном.

На нижней части холма были обнаружены остатки фундаментов зданий классической и эллинистической эпохи. По соседству с Тезейоном, к северу, обнаружено большое прямоугольное здание (несколько больше самого Тезейона) позднего времени. Оно разделено по длинной оси на три части двумя рядами колонн (по 8 колонн в каждом) и имеет один вход с северо-западной стороны. Доследование здания, идентифицированного со стоей Зевса Элейферия (в северо-западном углу агоры), обнаружило в северной его части такой же выступ колоннады, какой уже ранее был замечен с южной стороны (см. «American Journal of Archaeology», 1936, XL, № 4, р. 412, fig. 10). Внутри стоя делится на две равные части девятью колоннами по длинной оси. Общая длина стои Зевса равна 45 м. Северный ее конец лежит недалеко от линии дипилонской дороги. За пределами собственно агоры, к северо-западу от стои Зевса, обнаружено еще одно здание-длинной и очень узкой стои позднеэллинистического времени. Подобная же, но несколько более длинная стоя расчищена в южной части раскопанного пространства. Она принадлежит эллинистическому комплексу стои Аттала и длинного, со всех сторон окруженного колоннадой, здания, пересекающего агору в восточно-западном направлении и получившего наименование Южной стои (A JA, XL, № 4, р. 413, fig. 10, № 16, 17, 21). С запада к ней примыкает большое квадратное здание, предположительно идентифицируемое с Элевсинием, рядом с которым расположен Эннеакрунос. Между стоей Аттала и Одеоном, орхестра которого сохранилась довольно хорошо (AJA, XXXIX, № 4, р. 438, fig. 1), обнаружен фундамент небольшого и круглого в плане здания римского времени. Во время расчистки примыкающей с юга к стое Аттала так называемой Валериановой стены был обнаружен фундамент небольшой постройки архаической эпохи. Он лежит уже вне пределов агоры, у края древней дороги, ведущей на акрополь.

Важным дополнением к перечисленным выше памятникам служит обнаруженный раскопками 1937 г. фундамент периптера, расположенный к северо-западу от

Одеона. Его размеры—17×34 м, ориентировка—с запада на восток. Архитектурные данные указывают на V в., как на его дату. Здание имело по 6 колонн на коротких сторонах и по 12 на длинных. Несомнено, это был храм, который по своему положению может быть идентифицирован лишь с храмом Ареса. Другая, важная по своему топографическому значению находка сделана на северо-западном склоне акрополя, где при расчистке Валериановой стены была открыта монументальная лестница протяжением около 40 м, ведущая на акрополь. Она сооружена, вероятнее всего, в I в. н. э.

При раскопках агоры было обнаружено несколько погребений с вещами позднемикенского, протогеометрического и геометрического стиля. Могила позднемикенской эпохи найдена у самого Тезейона. Из нее происходят два целых сосуда (АЈА, XL, № 2, р. 191, fig. 4): энохоя, расписанная горизонтальными и вертикальными полосами, и кратер, покрытый темным лаком. Могилы протогеометрической и геометрической эпохи дали целую серию (около 20 шт.) расписных сосудов прекрасной сохранности.

Погребение несравненно более древнего времени, свидетельствующее о том, что территория афинской агоры была заселена еще до 3000 г. до н. э., найдено близ Метроона, в небольшой прямоугольной камере, соединенной с поверхностью земли узким (около 90 см в диаметре) и глубоким (около 3 м) колодцем. Костяк лежал в скорченном положении; при нем были найдены два сосуда примитивной формы и техники (см. АЈА, XXXIX, № 4, р. 441, fig. 3), по времени предшествующие древнеэлладийской керамике. Шахта, ведущая в камеру, была заполнена культурными остатками более позднего времени: среди них—обсидиановый наконечник стрелы и обломки серой минойской и расписной среднеэлладийской керамики.

Неглубокий колодец протоаттического периода, раскопанный в 1937 г., содержал несколько сосудов, среди которых большая энохоя с изображенной на ее лицевой стороне амфорой. Посуда, датирующаяся от позднего VI в., найдена в одной из пебльших ям, содержавшей фрагменты светильника, архаическую терракоту сидящей женщины и большое количество обломков различной керамики, среди которой почти целиком сохранившийся сосуд с чернофигурным изображением Артемиды на квадриге и Аполлона с лирой в руках. Краснофигурная техника представлена прекрасной амфорой, найденной в расселине скалы, к северу от Тезейона. Она принадлежит мастеру 3-й четверти V в., круга Полигнота (на лицевой стороне агонистическая сцена, на обороте Ника с патерой перед мужской фигурой с посохом). Богатая коллекция поздней керамики получена из глубокого (35 м) колодца, где на глубину до 21 м идут византийские находки X в., затем находки от V до II вв. н. э. и, наконец, у самого дна, предметы I в. до н. э. Находки располагаются в абсолютной хронологической и стратиграфической последовательности, представляя этим самым весьма блаприятные условия для изучения массовой керамики римского времени.

Из отдельных находок, сделанных за последние годы на агоре, следует упомянуть найденный в 1936 г. в цистерне к югу от Тезейона бронзовый щит диаметром 93 см. с грубо нацарапанной надписью: ΑθΗΝΑΙΟΙ ΑΠΟ ΛΑΚΕΔΑΙΜΟΝΙΩΝ ΕΚ.... ΛΟ. Последнее слово восстанавливается вероятным образом как πόλο, и щит, следовательно, является одним из тех, которые были захвачены в качестве военных трофеев афинянами у спартанцев под Пилосом в 424 г. и помещены в Афинах в Stoa Poikile (щит издан в АЈА, XL, № 2, р. 189, fig. 2).

Другой находкой, сделанной в том же году в одном из колодцев на Колонос Агорайос, была статуэтка Аполлона из слоновой кости, около 30 см высоты (JHS, v. LVI, part II, t. IV; AJA, XL, № 4, p. 404, fig. I). Статуэтка принадлежит типу Аполлона-Ликейского, приписываемого Праксителю. Тяжеловатые пропорции и укороченные ноги заставляют предполагать в ней римскую копию или, так как датируемые римским временем копии из слоновой кости неизвестны, копию III—IV вв. с оригинальной статуи той же эпохи.

Среди находок 1935—1936 гг. имеется также мраморная база с подписью Праксителя и посвящением богиням Деметре и Коре. Другая база принадлежала группе тиранноубийц. На ней сохранилась часть посвятительной надписи в виде окончаний двух элегических дистихов, первый из которых воспроизводит стихи Симонида. Кроме того, в 1937 г. найдены: обломок рельефа мраморного лекифа начала IV в. до н. э. с изображением стоящей женщины; рельеф конца греческого периода с изображением сидящей женщины и стоящей перед ней служанки; мраморная статуэтка трехликой

Рис. 1. Статуэтка Аполлона из слоновой кости. Афины

Гекаты, римского времени; мраморная статуэтка Кибелы с сидящим у трона львом; рельеф с изображением Селены или, может быть, Мена с лунным серпом за плечами; форма для изготовления терракотовой статуэтки Гермеса с кадуцеем и кошельком в руках, конца V—начала IV в. до н. э. и целый ряд терракотовых фигурок римского времени, цизображающих различных домашних животных [АЈА, 1937, XLI, р. 177—189 (Т. L. S h e a r); JHS, LVI, part. II, р. 135 f. (М e g a w)].

На ул. Ленормана, к юго-западу от вокзала Пелопоннесской железной дороги, раскапывался некрополь классического времени. Систематические исследования были произведены после того, как случайно, при рытье погреба, были найдены фрагменты краснофигурного килика стиля Пенаитиос-пейнтер'а. Близ этого места было вскрыто несколько грунтовых могил V в. и более позднего времени, содержавших погребения с кремацией. В одной из могил найден белый лекиф, принадлежащий кисти Фанатоспейнтер'а. При раскопке некрополя были отмечены следы древней дороги шириной в 4,5 м (JHS, LVI, part. II, 135 f. M e g a w).

В Керамике, на пространстве между Пирейской ул. и Агиа-Триадой, раскапывался могильник протогеометрического и геометрического периода. Большинство могил было с кремацией, лишь в отдельных случаях наблюдалось

трупоположение (с вещами геометрического стиля). Керамика, происходящая из этих могил, в том числе хорошая, неповрежденная протогеометрическая амфора (JHS, LVI, part. II, fig. 4 a), иллюстрирует непрерывное развитие орнамента двух вышеупомянутых эпох. Среди сосудов более позднего времени, найденных в этом же месте (не в могилах), следует отметить прекрасный протоаттический кратер с изображением двух сфинксов (JHS, LVI, part. II, fig. 4 b).

Близ Агиа-Триады обнаружен некрополь, обнимающий весьма значительный период времени. В древнейших погребениях найдена керамика, сделанная от руки, относящаяся к древне-и среднеэлладийскому периодам, с заметным влиянием кикладских керамических форм; такова, например, чаша с зигзагами и точечным орнаментом в виде розеток, инкрустированных белой пастой по черному фону. Из находок более позднего времени должен быть отмечен протокоринфский килик своеобразной формы, происходящий из погребения позднегеометрической эпохи.

Две могильные насыпи этого некрополя, одна—второй половины VII в., другая, вероятно, первой половины VI в., имели над собой обломки анэпиграфических стел,

являющихся наиболее древними аттическими надгробиями из всех известных, если не считать грубых надгробных камней над могилами геометрического периода. Одна из насыпей, имевшая под собой прямоугольный могильный колодец V в., была безусловно кенотафом, содержащим лишь остатки деревянного гроба, без каких-либо следов костей или пепла. Непосредственно над остатками гроба лежал каменный блок, про-исходящий, очевидно, из какой-либо постройки архаической эпохи и в могилу попавший не случайно, а положенный намеренно—вместо трупа.

Другая интересная могила V в. содержала в себе очень хорошей работы бронзовый лебет (JHS, LVI, part. II, p. 141, fig. 5), в котором лежал пепел умершего, завернутый в пурпурную ткань. Лебет в свою очередь был обернут в ткань и лежал в деревянном ларце; последний же был помещен в каменный саркофаг. По стилистическим данным лебета могила эта может быть датирована последней четвертью V в. (JHS, LVI, part. II, p. 135 f., M e g a w).

Мунихия. На мысе Кумундуру, выше Турколимано были произведены раскопки (под руководством Ойкономоса). На западном склоне мыса открыта часть стены из хорошо обработанного пирейского камня, относящаяся к V в. Это, несомненно, часть оборонительной стены, защищавшей мыс со стороны материка. На самой вершине мыса были найдены терракотовые статуэтки позднегеометрического стиля. Раскопки южного склона дали большое количество фрагментов керамики, последовательно от геометрического до позднеэллинистического периода. Кроме того, были найдены: архаическая женская статуя (без головы) и несколько фрагментов керамики с надписями.

Две из этих надписей имеют большое значение для афинской топографии: первая XEPE МОΥNIX окончательно подтверждает идентификацию Мунихии и Турколимано, а вторая N. APTEMI Δ O Σ локализирует храм Артемиды Мунихии, упоминаемый Павсанием (I,1,4), на мысе Кумундуру, а не на холме Кастелла, как часто считали раньше [RA. t. VIII, p. 99 (Ch. Picard); JHS, LVI, part. II, p. 135 f., Megaw].

Марафон. В 1936 г. здесь было обнаружено маленькое святилище Афины, относящееся к классической эпохе, а в так называемом Гераклейоне—другое святилище, длинное и очень узкое в плане VII в. до н. э. Раскопки производились неподалеку от Гераклейона и на древнем некрополе, где было добыто много керамики, датирующейся от V до III в. до н. э. Некоторые из могил с кремацией не содержали приношений. В упомянутом уже святилище Афины, расположенном в северной части некрополя, найдены фрагменты мраморного трона тонкой работы и куски мрамора с частями драпировки и оружия, принадлежащие статуе богини.

В долине между горами Аргиелики и Котрони, вблизи от упомянутого выше некрополя, обнаружена разрушенная купольная могила. Между дромосом и погребальной камерой имеется небольшой вестибюль, покрытый тремя каменными плитами. При одном из погребений найдена полусферическая золотая чаша с ручкой. При другом—бронзовый предмет плохой сохранности. Пол камеры был усыпан пеплом, костями домашних животных и фрагментами керамики позднемикенской эпохи. Возможно, что это царское марафонское погребение входит в состав пока лишь только частично раскопанного некрополя [RA, t. VII, p. 116; t. VIII, p. 99 sq. (Ch. P i c a r d); JHS, LVI, part. II, p. 135 sq.].

Элевсин. Раскопками 1932—1934 гг. на элевсинском акрополе были открыты значительные доисторические культурные слои всех трех периодов древнеэлладийской цивилызации. Наиболее мощный культурный слой принадлежит позднеэлладийской стадии (около 1,5 м). Архитектурные остатки, заключающиеся в этих слоях, находятся в столь плачевном состоянии, что планы построек далеко не всегда могут быть определены с точностью.

Среди большого количества фрагментов керамики, характерной для среднеэлладийского периода, и позднерасписной (микенской), с растительным, точечным и зигза-

гообразным орнаментом, характерной для позднеэлладийского периода, привлекает к себе внимание целая амфора, относящаяся к самому последнему времени существования позднеэлладийского стиля, имеющая на верхней части тулова включенную в орнамент пиктографическую надпись (см. AJA, XL, № 4, р. 426—428, fig. 13, 14).

В 1936 г. раскопки сосредоточились на участке, заключающем южную часть Писистратовой стены, где был обнаружен комплекс больших помещений с мозаичными полами, примыкающих к Телестерию. По топографическим признакам эти помещения могут быть с большой степенью вероятности приняты за жилой дом жрецов. Своей северной частью он примыкает к оборонительной стене города таким образом, что Писистратова стена является одновременно и его северной стеной. Дом состоит из 11 комнат, расположенных вокруг большого центрального двора, или атрия, с мраморным имплювием в центре (АЈА, XL, № 1, р. 140, fig. 8, 10). К северу от двора комнаты были расположены в два ряда. К югу от дома заметны остатки небольшого сада. Мозаичные полы сохранились прекрасно. Они украшены шашечным и другим разнообразным геометрическим орнаментом. Вход в дом был расположен с восточной стороны. Датируется весь этот строительный комплекс II в. н. э. [RA, t. VIII, р. 99 sq. (Ch. P i- c a r d); АЈА, XLI, № 1, р. 140 f.; JHS, LVI, part. II, р. 135 f.].

Вари. На территории современного селения производились пробные раскопки с целью определения местонахождения культурного слоя, дающего древнеаттическую керамику, попадавшую в Афинский национальный музей в качестве случайных находок в Вари. Раскопки, однако, не дали подобного материала.

Севернее селения, к востоку от дороги в Корони, был обнаружен небольшой некрополь, окруженный оградой из грубого камня. Центральная могила, с каменным плинтусом и остатками кирпичной кладки, ориентирована в широтном направлении и окружена могилами меньшего размера, ориентированными подобно ей. Некоторые из этих погребений были с кремацией, некоторые с полукремацией, встречались и трупоположения. Все они были покрыты толстым слоем золы и в большинстве случаев не имели инвентаря, так что дата могильника не может быть определена скольконибудь точно. К юго-востоку от центрального погребения несколько могил расположено в меридиональном направлении; они имеют относительно более древнюю дату, судя по тому, что одна из таких могил расположена под могилой, ориентированной с востока на запад. В этой могиле, около отдельно лежащего черепа, стоял разбитый пифос с детскими костями и несколько целых сосудов: котиллы, арибаллы и миниатюрные вазы коринфского происхождения. Пифос имеет на верхней части спирали розетки и рельефный фриз с изображениями животных.

Интересной находкой, обнаруженной в изгороди некрополя, был архаический сфинкс из известняка, в сидячем положении. В отличие от подобного ему сфинкса, найденного недавно в Коринфе, оперение его крыльев вырезано тщательнее и тоньше. Голова сфинкса (утраченная) была обращена вправо. Найдена также и часть пьедестала, на котором он в свое время был утвержден, в форме высокой желобчатой колонны [JHS, LVI, part. II, p. 135 f. (М е g a w)].

Пелопоннес

Коринфе были сосредоточены на территории агоры, точнее, в районе так называемой Южной стои, начатой исследованием еще в 1904 г. Раскапывалась как сама стоя, так и несколько примыкавших к ней зданий. В северном направлении открыт длинный ряд лавок римского врёмени, состоящий из 12 отдельных помещений, датируемых І в. до н.э. Шесть лавок, образующих такой же прямоугольный ряд, были открыты к западу от стои. Последние больших размеров, чем открытые ранее, и, кроме того, они имеют перед собой колоннаду.

Сама Южная стоя существовала еще в эллинистическую эпоху, но, очевидно, сильно пострадала во время разрушения Коринфа римлянами и была отстроена почти

заново, причем при перестройке были употреблены архитектурные детали эллинистической и даже архаической эпохи. Так, в северо-восточном углу стои обнаружены архаические колонны дорического ордера, стоящие на фундаменте римского времени.

В центре агоры, к западу от линии римских лавок, обнаружен фундамент пропилей римского времени. Строители пропилей, очевидно, предусматривали возможность прохода с северной стороны агоры на ее южную сторону, в пространство между рядами

лавок, к римской дороге, зафиксированной у Южной стои.

К югу от стои раскапывалось большое здание, получившее название Южной базилики. Оно—прямоугольное в плане, размерами 40×25 м. Его датируют I в. до н. э.

К востоку от Южной базилики обнаружено небольшое помещение из трех комнат с мозаичными полами, в отдельных местах довольно хоро шо сохранившимися. Геометрический орна мент обрамляет панели с изображениями нереиды верхом на тритоне и Эрота—на дельфине (AJA, XXIX, № 1, р. 59, fig. 6).

Кроме того, в 1934 и 1935 гг. открыты три маленьких храма, из которых первый, простильный храм (F) имеет размеры 14×7 м, а два другие (G и H) еще меньшей площади. Целла храмика F стоит на высоком подии.

В 6 м к югу от этого храмика открыто весьма интересное маленькое сооружение (2,5—3 м), прекрасной кладки августовской эпохи. Оно почти квадратное в плане и снабжено двумя каменными каналами, расположенными под углом и служившими для впуска и вывода воды, с приспособле-

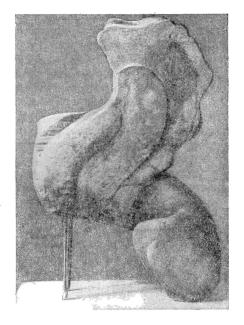

Рис. 2. Архаический сфинкс (голова и передние ноги отбиты). Коринф

ниями для ее очистки. Близ этого сооружения отмечено несколько массивных колонн, образующих ряд, идущий в южном направлении. Как полагают, колонны эти служили опорами акведука, а самое здание представляет собой распределительный и очистительный колодец водопровода, снабжавшего водой торговую площадь Коринфа в римскую эпоху (АЈА, X, № 1, fig. 2 и t. I).

Наконец, в 1936 г. близ Южной базилики было открыто здание необычного, имеющего форму подковы, плана (13×12 м).

Значительная его часть занята большим помещением овальной формы, перед которым имеется лишь узкий вестибюль, образующий закругления по коротким сторонам. При входе в здание найдена мужская статуя в тоге. Вдоль стен главного помещения, с внутренней стороны, тянется довольно широкий выступ, образующий нечто вроде скамьи для сиденья. Здание идентифицируется с булевтерием римского времени и, вероятно, не древнее І в. н. э.

В колодце конца VIII или начала VII в. до н. э. было найдено несколько сосудов протокоринфского стиля. Среди них большой кратер со спиральным и геометрическим орнаментом на всей поверхности и несколько фрагментированных котил.

Из отдельных находок, сделанных за последние годы, следует прежде всего упомянуть о фрагментированном сфинксе, изваянном из пороса (лишен головы и передних ног), который был обнаружен при расчистке Южной стои (см. АЈА, Х, № 4, р. 478, бід. 16 и 17). Он имеет около 1 м высоты и является образцом хорошей работы конца

VI в. до н. э. Кроме того, найдены: обломок статуи Гермеса криофора, статуя Ники I в. н. э., обломок задрапированной женской фигуры (без головы и атрибутов)—римская копия скульптуры второй половины V в. до н. э. школы Фидия, голова Эрота—копия оригинала IV в., портретная скульптура (мужская голова) I в. н. э. Отмечен также целый ряд отдельных керамических находок и большое количество весьма интересных архитектурных деталей: капители колонн, скульптурные акротерии и симы

Из многочисленных объектов, принадлежащих византийской эпохе, упомянем печь для обжига керамики. Ее диаметр равняется 1,65 м, она выложена из камня и черепицы и покрыта грубым цементированным диском, продырявленным во многих местах, для допуска горячего воздуха. Наружный свод не сохранился (AJA, XL, № 1 и 4; JHS, LVI, part. II, 135 f.).

 Π е р а х о р а. Здесь было открыто 11 непотревоженных саркофагов из общего количества двадцати раскопанных могил.

Погребения образуют компактную хронологическую группу, датируясь временем, приблизительно, от 570 до 470 г. до н. э. Самые древние находки, к сожалению, все происходят из потревоженных могил—это чернофигурные аттические сосуды, а также позднекоринфская керамика последнего периода существования зверинофризового стиля. Не в могилах были найдены, кроме того, архитектурные терракотовые украшения, происходящие, вероятно, из архаического храма, остатки которого, может быть, следует искать под стоящей неподалеку от некрополя новой церковью. Фрагменты керамики, заполняющие культурный слой, свидетельствуют о том, что в архаическую эпоху жизнь на этом месте была довольно интенсивна [JHS, LVI, part. II, p. 135 f. (М е g a w)].

В Бербати (близ Микен) шведская экспедиция Персона открыла фолос (купольную погребальную камеру) микенской эпохи. Место этой находки, вероятно, должнобыть идентифицировано с древней Просимной. Фолос оказался разграбленным (издан в IHS, LVI, part. II, р. 146, fig. 6). Найдены лишь мелкие вещи: ручка серебряного позолоченного сосуда, край этого же сосуда, каменная печать, позолоченное навершие, бусы и т. д. Наиболее интересной находкой является целая коллекция больших сосудов (пифосов), самых больших и (как замечает при их описании Ш. Пикар в RA, 1936, t. VII, p. 245) самых красивых из всех, когда-либо до сих пор найденных в континентальной Греции и относящихся к этой эпохе (они имеют около 1 м высоты). Многие из них относятся к образцам так называемого «дворцового стиля» (XV в. до н. э.). Они напоминают, будучи расписаны более искусно, сосуды, найденные в купольных могилах Пилос Каковатос (Трифилия). Орнамент их в большинстве случаев растительный: финиковые листья, цветы лотоса. Один из сосудов имеет восемьножек. Раскопки 1936 г. поставили своей задачей исследование части городища, расположенной на восточном склоне акрополя. Обнаружено в порядке последовательного напластования несколько фундаментов жилых сооружений доисторического периода. Добыто небольшое количество древнеэлладийской керамики из соответствующего слоя незначительной мощности, несколько целых сосудов среднеэлладийского периода, но наибольшее количество керамики, равно как и наиболее мощный культурный слой, относится к позднеэлладийской эпохе. Недалеко от фолоса, открытого в предшествующем году, обнаружено несколько погребальных камер, вырубленных в скале, из которых происходит целая серия сосудов микенской эпохи (JHS, LVI, part II, р. 146, fig. 7). На той же площади было раскопано, кроме того, несколько могил с керамикой геометрического стиля и одна могила с коринфской посудой весьма изящной работы [JHS, LVI, part II, p. 135 s. (Megaw); RA, t. VII, p. 245 s. (Ch. Picard)].

В Сикионе раскапывался гимнасий, длина которого равна 72 м. Среди находок большое количество архитектурных терракотовых украшений. У южной стены здания найдено несколько барабанов и капителей колонн дорического и ионического

ордера вместе со светильниками эллинистической эпохи и монетами III в. до н. э. Добыто несколько скульптур римского времени, статуя Асклепия IV в. и мозаики IV и III вв. до н. э. [JHS, LVI, part. II, р. 155 s. (Медаw)].

Средняя и Северная Греция

Криса (Фокида). Место, где в августе 1935 г. были произведены раскопки, расположено в нескольких минутах ходьбы от современного поселка Криссо и в полутора часах ходьбы от Дельф.

Стена Крисы, руины которой видимы на поверхности земли, имеет протяжение около 360 м. В некоторых местах, как обнаружилось по расчистке, она сохранилась на высоту до 3 м. Стена сложена из больших известняковых блоков, положенных без пригонки друг к другу, с заполнением пустых пространств между ними посредством мелких камней. Она имеет два панцыря, толщиной от 70 до 90 см каждый, расположенных в среднем на расстоянии около 2 м один от другого. Пространство между ними заполнено бутом из земли и мелкого камня. В общем же стена имеет 4, а местами до 5 м толщины. С северной стороны цитадели обнаружены единственные ворота. Описанная система укрепления заставляет отнести эту циклопическую цитадель к весьма древнему времени. Внутри ее, под руинами новой часовни, залегал культурный слой среднеэлладийского периода, характеризующийся присутствием фрагментов серой минийской керамики. В нем было обнаружено погребение, относящееся к той же эпохе. Неподалеку и на большей глубине обнаружены остатки также и древнеэлладийского периода.

Другой раскоп дал сильно поврежденный архитектурный комплекс в слое, содержащем керамику от древнеэлладийского до позднеэлладийского периода. Толщина культурного слоя не превышает 0,5 м, составляя в среднем 35—40 см. Вследствие нарушения стратиграфии строительные остатки не могут быть точно датированы. Близэтого же места найдено 5 погребений в каменных цистах, из которых четыре не имели инвентаря, пятое же оказалось ограбленным, сохранившим лишь один сосуд и одно маленькое бронзовое украшение. Первые могилы относятся, повидимому, к средне-элладийскому периоду, последняя—к позднеэлладийскому. Среди керамических находок следует отметить большой пифос со следами росписи, амфору с тремя ручками и орнаментом из зигзагов и прямых линий, сосуд с лепными выступами и печать изстеатита с изображением лани, относящуюся к позднеминойскому периоду. Отсутствие находок исторического времени указывает на то, что в І тысячелетии до н. э. Криса, как поселение, уже не существовала. Находки имеют чисто континентальный характер с заметным, уже с ранних времен, микенским влиянием (RA, t. VIII, р. 129—145).

Новый Анхиал (Фессалия). В 1936 г. продолжались раскопки базилики, открытой еще в 1934 г. за пределами стены древнехристианского города, и другой, подобной же, базилики, найденной во время последних раскопок в самом городе. Последняя представляет собой трехнефное здание, с галереями, нартексом и атрием. Центральный неф и нартекс вымощены мраморными плитами, а боковые нефы, отделенные от главного высокими столбами, имеют мозаичные полы с геометрическим и растительным орнаментом. Базилика относится к концу V—началу VI в. У ее стен обнаружено несколько могильных склепов. Наибольший из них, сообщающийся с южным нефом, содержал два погребения, разграбленных, вероятно, во время разрушения города. К западу, в непосредственной близости от базилики, открыты термы, состоявшие из четырех помещений.

Додона (Эпир). Эвангелидес, ведущий раскопки Додоны уже на протяжении нескольких лет, в 1936 г. расчищал открытые им ранее жилые здания и еще одно помещение, которое он считает сокровищницей. Находки состоят из бронзовых предметов геометрического и архаического периодов, а также из свинцовых табличек с вопро-

сами к оракулу Зевса. У Радолеви (близ Иоаннины) обнаружены фундаменты большого здания эллинистической эпохи, повидимому храма [JHS, LVI, part II, p. 135 f. (Megaw)].

Аполлония Иллирийская. Французскими раскопками открыто большое общественное здание, получившее наименование «монумента агонофетов». В некотором отдалении от него маленькое святилище и «одеон», засыпанные оползнем, происшедшим с акрополя в эпоху разрушения Аполлонии или некоторое время спустя. «Монумент агонофетов» состоит из трех комнат, портика, вестибюля и помещения с орхестрой. Посвятительная надпись, найденная в самом здании, говорит о том, что оно было построено Кв. Бабилием Прокулом в память его брата; военного трибуна в Паннонии, и что при его посвящении было выставлено 25 пар гладиаторов. Среди отдельных находок, добытых за время раскопок, имеется скульптурный фриз с изображением сражающихся воинов, первой четверти V в. до н. э., барельеф с изображением амазонки между двумя грифонами, обломок саркофага с двумя гениями, архаическая бронзовая фигурка дикого козла [RA, t. VIII, р. 214 (R. L a n t i e r)].

Филиппы (Македония). В 1936 г. Французская школа продолжала раскопки предшествующих лет. В восточной части города были открыты укрепленные ворота, $^{f c}$ тоявшие на Via Egnatia. При исследовании оборонительных сооружений акрополя шурфовки на различных участках оборонительной стены византийской эпохи показали, что стена стоит на линии древних македонских укреплений. Византийская кладка, которую одна фрагментированная надпись датирует Х в., была первой реставрацией укреплений, построенных еще при Филиппе II. Раскопки террасы, господствующей над форумом, позволили выяснить план базилики, открытой в 1935 г. Она имеет выступающие трансепты, нартекс и атрий. К форуму от нее спускается крутая лестница. Базилика должна быть датирована концом IV—началом V в. Она погибла вследствие пожара, просуществовав около ста лет. На той же террасе были найдены остатки сооружений македонской эпохи, а из развалин базилики было извлечено несколько фрагментов надписей IV и III вв. до н. э. Раскапывались также термы, открытые в 1935 г. в южной части города. Они принадлежат IV в. н. э., но использованные при их устройстве глиняные трубы происходят, повидимому, из гораздо более древних и значительных по своим размерам терм, обнаруженных близ современной дороги. Древние термы были расположены к северу от форума. К сожалению, они почти полностью уничтожены при прокладке современной дороги. Все эти находки дают много нового для топографии центральной части города [JHS, LVI, p. II, part. 135 f. (M e g a w)].

Остров Крит

К н о с с. На винограднике к северо-западу от кносского дворца были сделаны следующие случайные находки: обломок надписи V в. до н. э. и две интересных фрагментированных скульптуры: Первая и древнейшая из них представляет собой часть бегущей мужской фигуры и датируется концом VII в. до н. э. Другой обломок является частью головы статуи несколько менее натуральной величины, начала VI в. до н. э. Оба фрагмента изготовлены из мягкого пороса и являются обломками рельефов. Шурфовка, произведенная на месте этих находок, обнаружила культурный слой римского времени и погребение в каменной цисте, содержащее три скелета, положенные один над другим, с монетами императорского времени. Под этим слоем залегали фрагменты позднеминойского стиля без каких-либо промежуточных остатков архаической эпохи и керамики более поздней, чем фрагменты сосудов позднеэлладийского периода. Однако поблизости и несколько выше дворца была раскопана кладка стены, датирующаяся сопровождающей ее керамикой позднегеометрического периода. В забутовке стены найдена терракотовая головка грубой работы (JHS, LVI, part. II, fig. 9). Еще одна интересная случайная находка имела место во рву у дороги близ Текке, откуда была извлечена бронзовая чаша с тремя украшающими ее горгонейонами жонца VI в. до н. э. Обследованием было установлено, что находку сопровождает керамика, содержащая фрагменты аттических чернофигурных сосудов. Никаких архитектурных остатков или следов погребения обнаружить не удалось; чаша лежала непосредственно над позднеминойским слоем (JHS, LVI, p. II, part. 135 f.).

В Амнисе раскопками 1936 г. установлено, что часть обнаруженного ранее здания минойской эпохи была обитаема еще и тогда, когда на территории городища существовал уже греческий храм. Слой пожарища отделяет его от остатков римского

Рис. 3. Глиняные статуэтки из Гази. О. Крит

времени. Находки же нижнего слоя состоят из незначительного количества фрагментов керамики позднеминойского и геометрического стиля, где найдена также глиняная статуэтка с поднятыми руками, минойского типа. Из верхнего слоя происходят четыре надписи римского времени, сообщающие имена нескольких критских хотрог (эфоров) І в. до н. э. Один из них, Латетен, сын Созамена, повидимому, идентичен с полководцем, сражавшимся против Метелла [JHS, LVI, part. II, р. 135 f.; RA, t. IX, р. 244—245 (P. D e m a r g n e)].

В Гази (близ Тилисса) крестьянами были найдены две терракотовые статуи (53 см и 80 см высоты). Меньшая из них, сохранившая следы красной раскраски, имеет на голове рога, между которыми сидят два голубя. Она относится к позднеминойской эпохе. Большая, с причудливым головным убором и гривной на шее (JHS, LVI, part II, p. 151, fig. 10), принадлежит более позднему времени перехода от минойского к эллинскому искусству [JHS, LVI, part. II, p. 135 f. (M e g a w)].

Дрерос. Здесь в 1936 г. производил раскопки Маринатос, открывший небольшой прямоугольный храм (размеры его $9,3 \text{ м} \times 5,7 \text{ м}$). В центре храма помещался врямоугольный очаг, а в юго-западном углу—грубая каменная платформа, на ко-

торой найдены фрагменты сосудов с геометрическим орнаментом и бронзовый горгонейон начала VI в. до н. э. Около этой платформы возвышался херато́ (алтарь и з рога)—прямоугольное сооружение, наполненное козьими рогами, которое прямо воспроизводит знаменитый делосский кератон, описанный Каллимахом (Н у g i n.— Apoll., v. 58 sqq.). На этом алтаре были найдены три бронзовых статуэтки (JHS, LVI, part. II, р. 158, fig. 11), представляющие собой одну культовую группу. Все три изображения принадлежат одной и той же технике и изготовлены из кусков листовой бронзы около 4 см толщины, которые были укреплены бронзовыми гвоздиками.

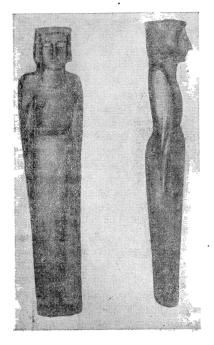

Рис. 4. Бронзовая статуэтка из архаического святилища в Дреросе на о. Крите

на деревянной болванке. Наибольшая из статуэток имеет около 80 см высоты и изображает обнаженную мужскую фигуру с отломанной правой рукой, левой, сохранившейся до локтя, и слегка расставленными ногами. Две других статуэтки-40 и 45 см высоты-изображают женщин с калафами на головах, в пеплосах с узорчатой каймой по краю. Статуэтки ксоанизирующего стиля, руки у обеих: вытянуты и прижаты к бокам. Несмотря на известный контраст между мужской и женскими фигурами, все три, очевидно, одновременны и могут быть датированы с вероятностью началом VII в. до н. э. Пикар (RA, 1936, t. VII, р. 116) видит в них изображения Аполлона, Лето и Артемиды. Храм Дрероса является наиболее древним из архаических храмов на Крите. Сооружение егодолжно быть отнесено к VIII в. до н. э. [JHS, LVI, part. II, p. 135 f. (Megaw);

В Трапезе (близ селения Тзермиадо), на высоком плато Лассити, в 1936 г. была исследована полуразрушенная пещера, имевшая большой мощности неолитический культурный слой, характеризующийся выраженно-местным типом керамики.

t. VII, pp. 116-117 (Ch. Picard)].

Некоторые из фрагментов принадлежат круглодонным сосудам «двухъярусного» типа,

имеют трубчатые ручки или носообразные придатки, глазки, прицарапанные на тулове, и в отдельных случаях отверстия в донной части. Над этим культурным слоем лежат остатки первого древнеминойского периода, когда пещера была опустошена и использована в качестве места погребения. Второй древнеминойский период представлен глиняной посудой, каменными вазами и большим количеством различных мелких вещей. Среди них печатка из слоновой кости (JHS, LVI, part. II, p. 155, fig. 14) в виде сидящей обезьяны (сирийского происхождения, как полагает Р. D е m a r g n е в RA, 1937, t. IX, p. 244) и головка из слоновой кости (JHS, LVI, part. II, fig. 15 b) с инкрустированными глазами, восточного стиля (импорт или подражание).

С наступлением среднеминойского периода пещера была окончательно покинута. Из позднейших находок наибольший интерес представляет стеатитовый скарабей эпохи XII династии [JHS, LVI, part. II, p. 135 f. (M e g a w)].

Остров Родос

В Камейросе обнаружен храм эллинистической эпохи и позднеэллинистические здания на склоне акрополя. В г. Родосе найдены круглые камни для мета-

тельных машин, с обозначенным на них весом, колеблющимся от 5 аттических мин до 20 талантов. Они относятся, вероятно, ко времени осады города Деметрием Полиор-кетом [JHS, LVI, part. II, p. 135 f. (M e g a w)].

Остров Кос

В 1936 г. раскапывалась центральная часть города эллинистическо-римской эпохи. Открыт ряд зданий римского времени. Обнаружен также некрополь геометрической эпохи, погребения (в пифосах или выложенных камнем могилах), все с кремацией. Посуда с геометрическим орнаментом, полученная из этих могил, в известной части имеет локальные особенности и представляет интерес для изучения родосского геометрического стиля. Близ гавани раскопаны три храма, которые идентифицируются по найденным в них надписям, как храмы Афродиты Пандемос, Потнии (Артемиды) и Геракла. Недалеко от этих храмов открыта группа эллинистических зданий, перерезаемых двумя улицами, и часть крепостной стены, сооружение которой должно обыть отнесено к 366 г. до н. э. На агоре, в восточной части, под остатками эллинистической эпохи обнаружено здание V в., принадлежащее наиболее древнему комплексу агоры. Там же обнаружены массивные пропилеи с колоннами коринфского ордера, раннеимператорского времени, и термы, относящиеся к той же эпохе, но позже перестроенные, когда одно из их помещений было приспособлено под христианскую церковь [JHS, LVI, part II, р. 135 f. (М е g a w)].

Остров Кипр

В Кирокитии, в 30 милях от Никозии, по дороге к Лимассону, Дикайос приступил в 1936 г. к систематическим раскопкам места, разведанного в предшествующем году.

Близ раскопанных им жилых построек, сложенных из необработанных камней и круглых в плане, было открыто большое, тоже круглое, сооружение, по всей видимости сакрального характера (JHS, LVI, part. II, p. 157, fig. 17). Стена его имеет 1,3 м толщины при высоте, сохранившейся местами до 2 м. Диаметр здания равен 9,4 м. Внутри него стоят два массивных, сложенных из камня столба, четыреугольных в сечении, каждый из которых сверху покрыт большой плитой из местного белого камня.

На полу здания найдены пять скелетов, причем один из них принадлежал ребенку. Скелеты лежали в скорченном положении, и один из них, находившийся в пространстве между вышеупомянутыми столбами, был прикрыт прямоугольной каменной плитой. Вход в помещение устроен был, повидимому, с юго-восточной стороны, на некоторой высоте от земли. Все сооружение окружено длинной подковообразной стеной, примыкающей к нему вплотную с востока. Стена имеет 3,6 м. толщины. На площади между круглым зданием и этой стеной обнаружено несколько круглых в сечении, выложенных из грубого камня невысоких помостов, накрытых белыми плитами. На одной из них лежал камень овальной формы. Эти сооружения, вероятнее всего, представляют собой жертвенные столы. Окружающее их пространство изобиловало костями животных в карбонизированном слое различной толщины. Все здание предположительно может быть признано царской или жреческой усыпальницей. При раскопках керамика была встречена только в верхнем слое. Она была из глины красного цвета с процарапанным волнистым орнаментом. В нижних же горизонтах найдено много жаменной посуды, продолговатой, круглой, реже полусферической формы, с плоским или закругленным основанием. Из других находок встречались лишь кремневые. и костяные орудия. Отсутствие керамики помещает поселение Кирокитии ранее той фазы неолитической культуры, которая представлена в Эрими (JHS, LV, р. 170), и характеризуется всеобщим употреблением красной или покрытой белой облицовжой керамики [JHS, LVI, part. II, p. 135 f. (Megaw)].

МАЛАЯ АЗИЯ

Троя. Новые раскопки на холме Гиссарлык были начаты в 1931 г. университетом Цинциннати, причем первые годы в работах принимал участие старейший исследователь Трои В. Дерпфельд. Американцы (Field director К. Бледжин) приняли стратиграфическую схему Дерпфельда, установленную им еще в 90-х годах прошлого века (девять культурых напластований, из которых последнее относится к римско-византийской эпохе, слой VIII охватывает греческий период, а остальные слои принадлежат к доисторическому периоду). Однако в некоторых важных пунктах хронология Дерпфельда была подвергнута критике. Так (и это является одним из важных результатов, добытых за последние годы), на основании анализа керамических находок было установлено, что слой VI Гиссарлыка в самых верхних горизонтах не моложе конца XIV начала XIII в., и, стало быть, его нельзя идентифицировать с гомеровской Троей; а именно это, как известно, провозгласил в свое время Дерпфельд, называвший Трою-VI-городом Приама, Трою VII a (по Дерпфельду VI b)-городом Энея и его потомков и Трою VII b—городом тририев и киммерийцев, пришедших в Малую Азию из-Европы в первой половине первого тысячелетия до н. э. Установлено было также что город VI слоя перестал существовать скорее всего в результате землетрясения, а не пожара или разрушения, произведенного человеческими руками. Эпохе же гомеровской Трои, по новым данным, ближе всего соответствует слой VII, хронологически обнимающий два последующих столетия—период, в течение которого город дважды становился жертой большого пожара.

За шесть лет раскопок исследована значительная часть холма. В ранних слоях (Троя I—IV) наряду с простой, серой, полированной и инкрустированной белым керамикой, каменными и бронзовыми орудиями обнаружены остатки жилых и оборонительных сооружений, сложенных из небольших, совершенно необработанных или едва обработанных камней. Жилые постройки I-II слоя невелики (в среднем 4 мimes5,6 м), сложены на глине и обычно состоят из одной комнаты. Впрочем, в верхнем горизонте II города обнаружены остатки «дворца»—несколько помещений, повидимому, хозяйственного значения, принадлежавших какому-то большому зданию (A JA, XXXIX, № 4, р. 552—557, fig. 1, 3—6). Наиболее мощные слои городища Гиссарлык—V и VI характеризуются местной керамикой, близкой по типам к позднеэлладийской керамике Греции, импортированной расписной позднемикенской посудой и развитой строительной техникой из обработанного камня, с жилыми постройками, имеющими два и более помещений, снабженных иногда портиками, с круглыми каменными колоннами. Оборонительная стена VI города, как это установлено лишь теперь, своим основанием лежит в верхнем горизонте V слоя. С перестройками она продолжала существовать весьма долго. В отдельных пунктах обнаружены остатки стены эллинистическо-римского времени, стоявшей над развалинами древней стены VI—VII города.

Слои «гомеровской Трои» — город VII (a и b) — характеризуются серой (так называемой минийской) керамикой и так называемой Buckelkeramik (закрытые сосуды с рогообразными выступами на тулове, темной глины).

Находки эллинистическо-римского времени—времени греческого Илиона—весьма небогаты, но все же они дали и остатки зданий, и образцы различной (начиная с протокоринфской) керамики, и надписи.

Во время последних раскопок посчастливилось обнаружить также небольшой некрополь VI города, лежащий вне линии оборонительной стены. Все погребения с кремацией, на незначительной глубине, в больших урнах, в сопровождении глиняных сосудов, изредка бронзовых украшений, предметов из терракоты, слоновой кости и бус (AJA, XXXIX, № 1, р. 27—29, fig. 17—23).

Каких-либо замечательных находок, на которые так был счастлив Шлиман, городище пока что не дало. Следует все же упомянуть серебряное блюдо из II слоя, не-

сколько грубых и примитивных каменных идолов (весьма похожих, между прочим, на северные неолитические мотыги), несколько украшений из золота, бронзы и слоновой кости.

Вблизи Гиссарлыка были обследованы три небольших холма. Первый из них— Эски-Гиссарлык—дал керамику VI и VII слоев Трои, другой—Кум-Тепе—в верхних горизонтах содержал остатки, соответствующие первым (нижним) пяти слоям Трои,

под которыми залегал мощный неолитический слой. Третий холм—Кара-Тепе—не дал доисторического культурного слоя, а имел на своей вершине лишь остатки небольшого эллинистического храма с портиком и целлой, разделенной на три части двойным рядом колонн (AJA, XXXIX, № 1, р. 33—34; AJA, 1932—1937 гг., отчеты В I е g e n 'a).

Гейук-Аладжа. Раскопками 1935 г. обнаружены четыре культурных напластования: 1) оттоманской и византийской эпохи, 2) эпохи нового Хеттского царства, 3) древнего Хеттского царства, 4) эпохи ранней бронзы.

Наиболее интересные находки имели место в могилах, принадлежащих самому древнему из перечисленных периодов и обнаруженных на глубине около 6 м. Всего было найдено три могилы. Одна из них, прямоугольная в плане камера, содержала значительный погребальный инвентарь, состоящий из золотых вещей: кувшинчика, чаши, наконечника скипетра и украшений. Там же были найдены: плоская печать из диорита, глиняный сосуд и целый ряд бронзовых предметов. Среди последних некоторые встречаются в Малой Азии

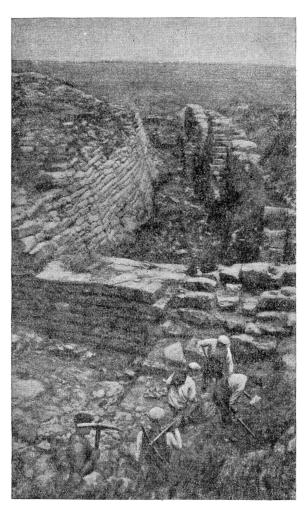

Рис. 5. Оборонительная стена Трои (VI)

впервые. Другие же—нечто вроде печаток, круглых, с крестообразным орнаментом—известны уже давно, как официальные печати на сосудах эпохи нового Хеттского царства (RH, 1936, III, хроника).

В Кузуре (в вилайете Афион Карагизар) раскапывалось в 1936 г. доисторическое поселение. Время его существования укладывается в рамки 3000—1000 гг. до н.э. Никаких следов более поздней фригийской, греческой или римской цивилизации найдено не было. Произведено несколько шурфовок и расчищена большая площадь с остатками жилых сооружений. Стратиграфия делит их на три слоя: древнейший содержит

находки, типичные для западноанатолийской культуры, обнаруживая связь с Троей I, Омероде, Иортане, Ферми. Находки состоят из керамики, каменных орудий, терракотовых предметов и бронзы. Следующий период, органически развившийся из первого, отмечается появлением оригинальной красной полированной посуды, иногда украшенной широкими горизонтальными полосами. Последний период имеет известные параллели в Трое VI и Алишаре. Его керамика, красная или темная, не имеет орнамента. Характерными для этого периода являются глиняные (терракотовые) предметы со штампованными украшениями. Они иногда имеют рогообразные выступы (JHS, LVI, part. II, p. 157, fig. 16) и употреблялись, возможно, в качестве жертвенников. Два из них имеют форму колонны, заканчивающейся в верхней части большим терракотовым диском [JHS, LVI, part. II, p. 135 (М е g a w)].

МЕСОПОТАМИЯ

Эшнунна (Тель-Асмар). Раскопки группы холмов Тель-Асмар, покрывающих развалины древней Эшнунны, начались в 1930 г. Эшнунна была центром небольшой области, игравшей большую роль в древнейшей истории Месопотамии и оказавшей сопротивление завоевательным стремлениям Хаммураби. Раскопки в 1931—1933 гг. дали богатый материал, относящийся к древнеишему периоду месопотамской цивилизации, имеющий параллели в доисторической культуре бассейна Инда (Мохенджо-Даро и Гераппа—III тысячелетие до н. э.).

Северная часть городища Тель-Асмар в верхнем слое содержала цилиндрические печати, клинописные таблички и керамику времен Саргона І. В других местах обнаружены остатки более позднего времени-целый ряд жилых построек, относящихся ко времени нашествия гутиев и ко времени правления семитической династии. Непосредственно под этими постройками залегали остатки зданий из плоско-выпуклых кирпичей, давших материал, современный некрополю Ура. Один из хорошо сохранившихся домов этого времени состоит из большого центрального помещения, вокруг которого группируются маленькие комнаты. В стене одной из них сохранилось окно. Центральное помещение имеет очаг посередине и небольшую лежанку у стены (А ЈА, XXXVII, № 4, р. 531, fig. 2). Жилые дома окружают площадь с большим зданием, возможно, дворцом (Frankfort, Jacobson, Preusser—Tell Asmar and Khafaje, The first season's work in Eshnunna 1930—1931; Frankfort—Tell Asmar. Khafaje and Khorsabad, Second preliminary Report of the Iraq Expedition, 1932; AJA, XXXVII, № 4, p. 529—533). В 1934—1935 гг. расскапывался храм бога плодородия — Абу, развалины которого сохранили следы 26 перестроек, произведенных за время его многовекового существования. Наиболее древняя часть храма сложена из кирпичей плоско-выпуклой формы и относится к концу периода Емдет-Назра (Суза II). К этому же периоду относятся находки цилиндров с геометрическим орнаментом, богато представленных в Сузе. Несколько выше было обнаружено около 600 жертвенных сосудов из глины, разбитых, но расположеных в известном порядке, что позволяет предположить, что эти сосуды приводились в негодность из ритуальных соображений. Кроме того, в этом же слое было найдено несколько сосудов в форме кратеров с четырьмя ушками и нацарапанным орнаментом по верхней части тулова, а также печати с изображением стилизованных животных.

Развалины храма Абу позволяют установить три главных периода его существования: І—архаическое святилище, ІІ—квадратный храм, ІІІ—так называемый Single Shrine, т. е. святилище с одной целлой. Эти архитектурные периоды располагаются между эпохой Емдет-Назра и появлением династии Агаде (материал опубликован у H. F r a n k f o r t—Progress of the work of the Oriental Institute in Iraq, 1934—1935. Preliminary report of the Iraq Expedition, 1936. RA, t. IX, p. 141 f. C o n t e n a u).

Опис (Гафаджа). В 1935—1936 гг. производились раскопки храма Сина (лунное божество), расположенного невдалеке от так называемого «овального храма»,

раскопанного ранее. Во время этих раскопок был сделан целый ряд весьма интересных находок. Найдена медная головка быка с инкрустированными глазами из раковины и ляписа и с инкрустированным перламутровым треугольником на темени—украшение арфы (как думает Контено, RA, 1936, t. VII, р. 162, который датирует эту находку временем несколько более поздним, чем эпоха царского некрополя в Уреробеж четвертого и третьего тысячелетий до н. э.). Ко времени еще более древнему относится фрагмент рельефа с изображением нескольких сцен: пиршества, сельско-хозяйственных работ и военной сцены, а также шиферная фигурка птицы (орла) с голо-

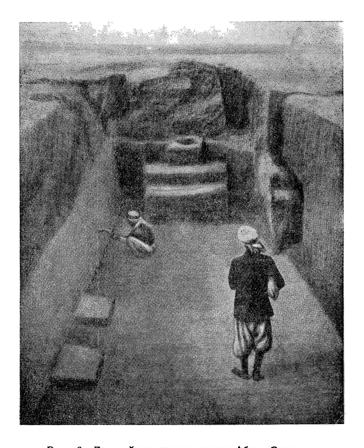

Рис. 6. Древнейшая целла храма Абу в Эшнунне

вой льва (в пасти виден язык, сделанный из красной яшмы). Фигурка покрыта надписью, исполненной весьма архаическими знаками. В более глубоком залегании найдена фигурка богини-матери (или жрицы) с плоским лицом и знаками татуировки на плечах. Вблизи храма Сина обнаружены погребения в плетенных корзинах, помещавшиеся под жилыми постройками. В маленьком святилище, открытом между храмом Сина и «овальным храмом», найден сосуд из зеленого камня с изображением двух быков, стоящих перед стойлом, ваза для возлияния на конусообразной ножке с фигурным туловом в виде птицы, голова и шея которой служат носиком сосуда. Эти находки относятся к периоду Емдет-Назра. Глубже упомянутых ранее могил под жилыми домами были найдены погребения с частичной кремацией (обожжением). Эти могилы

могут быть сравнимы с могилами III слоя Урука и Тепе-али-Абада (т. е. опять-таки соответствуют эпохе Емдет-Назра¹.

Для этих горизонтов характерны маленькие кирпичи удлиненной формы, монохромная керамика типа Емдет-Назра и цилиндры с геометрическим или стилизованным растительным орнаментом. В подстилающем слое маленькие удлиненные кирпичи исчезают и замещаются большими плоскими кирпичами неправильной формы, в сопровождении серой и красной керамики типа Урук.

Стратиграфия упомянутых выше храмов предполагает для каждого из них три периода существования, находящихся между собой в прямом соответствии. Периоды I и II этих храмов соответствуют по времени периоду царского некрополя в Уре.

В 1937 г. холмы Тель-Асмара и Гафаджи, а также и городища, расположенные между ними, вновь подверглись археологическому исследованию. Было найдено несколько статуэток, представляющих большой интерес для истории древнесумерийского искусства: статуэтка бородатого жреца, две статуэтки чиновников в стилизованных платьях, бронзовая группа из двух борющихся мужских фигур [см. АЈА, 1937, N2, p. 192, fig. 3—6; RA, t. VII, p. 161 sq., t. IX, p. 141 sq. (C o n t e n a u); AJA, XLI, N2, p. 190].

В Ишхали (между Гафаджей и Багдадом) раскапывалось древнее городище, на котором найдены остатки крепостной стены и развалины храма Иштар-Катитум, датирующегося временем Хаммураби (2000 лет до н. э.). Храм был окружен большим двором, к которому примыкали еще два небольших святилища. Храм Иштар состоял из целлы с нишей для статуи богини, антецеллы и длинного, выходившего на внутренний двор, коридора. При расчистке храма найдены: обломки фигурной асфальтовой вазы в виде барана (подобные вазы известны по находкам в Сузе), глиняные таблички с изображением Иштар и неизвестного мужского божества [RA, t. VII, р. 161 sq. (С о п - t е п а и)].

Арпахияг. Древнее городище расположено на возвышении, рядом с которым находится некрополь, лежащий на культурном слое древнейшей эпохи. Раскопки последних лет установили на холме десять культурных напластований. Четыре первых от поверхности слоя принадлежат эпохе Обеида. Им современен упомянутый выше некрополь. Следующий, V слой является переходным; в верхних горизонтах он соответствует начальной стадии Обеида. Нижние же его горизонты, равно как и весь слой VI, дают керамику, типичную для Тель-Гальфа. Слои VII—X содержат остатки сооружений, напоминающих фолосы, т. е. состоящих из одной комнаты, круглой в плане, соединяющейся с прямоугольным помещением. Постройки эти глинобитные, на каменных фундаментах. Таким образом, верхние горизонты V слоя представляют свидетельства первых завоеваний древнесумерийской культуры в северных областях Междуречья [Маllowan and Rose—Prehistoric Assyria. The excavations at tell Arpachiyah. Oxford. 1935; RA, t. VII, p. 161 sq. (С o n t e n a u)].

Тепе-Гавра. Раскопки этого городища, находящегося в 50 км от Мосула, привели в 1936 г. к выяснению всей стратиграфической шкалы. Городище имеет XXII культурных напластования, из которых I—III (считая сверху) относятся к середине II тысячелетия. Ведущий эти раскопки Шпейзер (Филадельфийский университет) считает наиболее важным и интересным в научном отношении слой XIII, являющийся переходным от периода, еще недавно признававшегося наиболее древним этапом месопо-

¹ Не имея возможности входить здесь в подробности тех соображений, на основании которых устанавливается соответствие названных культур, в этом, так же как и в других случаях, отсылаем читателя к книге G. C h i l d 'a—L'Orient prehistorique, Paris, 1936, дающей сводку новейших обобщений в области восточной археологии.

тамской цивилизации, к периодам, уходящим значительно дальше в глубь веков (см. А. Ј. А. Ј. А. 1937, № 2, р. 190).

Этот период времени характеризуется вообще употреблением расписной монохромной керамики. Однако Гавра XIII своей керамической продукцией вносит много нового в существующие представления об этой эпохе. Не только ее керамика свободна от традиционных ограничений в отношении формы и орнаментальных мотивов, но подобный же индивидуализм проглядывает в одновременных ей архитектурных сооружениях. Главный архитектурный комплекс этого периода, акрополь (АЈА, 1937, № 2, р. 191, fig. 1), имеет на своей вершине остатки трех храмов—северного, центрального и восточного—и замкнутый с трех сторон импозантный главный двор. Храмы эти

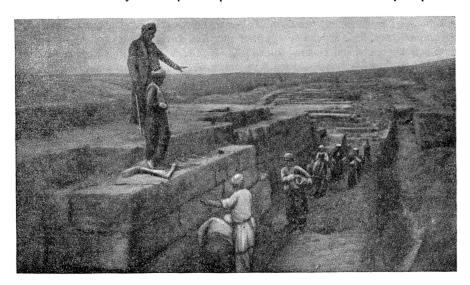

Рис. 7. Раскопки канала Сеннахериба близ Ервана

имеют весьма открытые формы. Стены разделены столбами, украшены пилястрами, имеют глубокие ниши. Культовые помещения и целлы были расписаны с внутренней стороны яркокрасной краской, а с внешней стороны хорошо оштукатурены. Каждый храм имеет свои индивидуальные особенности. весь же комплекс должен был быть весьма гармоничен [С. Speiser—Excavations at tepe Gavra, v. I. 1935; AJA, XLI. № 2, 190 f. (Speiser); RA, t. VII, p. 161 sq (Contenau).

В Е р в а н е раскопан древний акведук, который, как это явствует из найденной при раскопках надписи, составлял часть огромных работ Сеннахериба, предпринятых им для обеспечения водой Ниневии. В этой надписи царь перечисляет реки, которые он отвел к столице, и упоминает о постройке каменного моста через канал. Акведук, тщательно вымощенный каменными плитами, был снабжен высоким парапетом. Оншел через Ерван до Бавиана, собирая там воду со всего района. Надпись упоминает не менее 18 каналов, посредством которых вода изливалась в реку Козр, текущую через Ниневию [С. J а с о b s о п and L I о у d—Sennacherib's aqueduct at Jerwan Chicago, 1935; AJA, v. XXIX,№ 2; RA, t. VII, p. 161 sq. (C o n t e n a u)].

Хорсабад. В 1936 г. частично раскапывалась цитадель, обнаруженная в предшествующем году. Рядом с ней были обнаружены остатки дворца Син-ах-утсора, брата и великого визиря Саргона, и богатый дом некоего царедворца, в котором удалось проследить сохранившуюся роспись на стене, имевшей протяжение в 31 м. Перед входом расположено панно с изображением царя в сопровождении царедвор-

ца, представших перед божеством. По краям изображены: коленопреклоненные гении по обе стороны розетты, символизирующей солнце, животный фриз (быки) и геометрический орнамент. Краски—синяя, красная и белая—в весьма живых и веселых тонах, очень хорошо сохранились. У входа в здание были найдены скульптурные украшения, а внутри—обломки шкатулки из слоновой кости с пальметочным и лотосным орнаментом.

Другое, еще не определившееся окончательно, сооружение обладало, как и царский дворец, скульптурным постаментом для трона. На основании этого факта в нем хотят видеть дворец наследника престола (Сеннахериба). Из этого дворца происходят большие базальтовые базы колонн (1,75 м в диаметре), на которых покоились терракотовые колонны.

Теперь уже очевидно, что Хорсабад—это не дворец, окруженный городом, как полагали еще недавно, а целый комплекс дворцов, который может дать ассириологии памятники первостепенного значения [RA, 1936, t. VII, p. 161 sq. (C o n t e n a u)].

ИРАН

Т е п е-Г и я н. Городище имеет пять культурных слоев. Самый нижний, соприкасающийся с материком на глубине 19 м, подымается до глубины 10 м, считая от поверхности на вершине холма. Найдены были лишь остатки поселения, погребения же встречались редко-их на территории городища немного. Тысячи черепков, добытые из древнейших горизонтов нижнего слоя, имеют розоватую облицовку и соответствуют керамике древнейших слоев Реи и первой монохронной керамике севера Месопотамии (Тель-Галаф, Арпахияг, нижние слои Ниневии). Выше лежит керамика типа Обеид. В самых древних горизонтах металл отсутствует, имеются лишь костяные и каменные орудия. Несколько выше встречается обсидиан. В верхнем горизонте нижнего слоя начинают появляться металл и керамика, орнаментированная в стиле Сузы І. На верхней границе этого слоя найден маленький кратер с ушками и процарапанным орнаментом, имеющий параллели в Уруке IV, и несколько толстых полихромных фрагментов, соответствующих керамике Емдет-Назра. Слой Обеида в Тепе-Гияне продолжает свое существование еще и тогда, когда в Месопотамии культура Обеида уже сменилась культурой Урука IV. Выше лежит слой IV (считая сверху), занимая пространство от 10 до 7,2 м глубины, достаточно связанный в нижнем горизонте с концом V слоя, ибо как раз на их границе находился некрополь, и первые могилы оказались глубже; нежели последующие. Костяки лежали на боку, в скорченном положении, монохромная погребальная посуда из глины, более плотной, чем керамика предшествующего слоя, может быть сближена со стилем II слоя Сузы. В Тепе-Гияне нет перерыва между керамическими стилями V и IV слоев. Многие сосуды орнаментированы мотивами стилей I и II слоев Сузы. В слое III (от 7.5 до 6 м глубины) керамика приобретает красный цвет как в изломе черепка, так и в облицовке. Появляются новые формы: вазы на трех ножках, вазы в форме поплавка. Орнамент состоит из горизонтальных или волнистых полос и линий,

Слой II, между остатками двух архитектурных напластований, занимает по вертикали около 2 м. В нем встречается весьма характерная категория керамики с орнаментацией из птичьих фигурок, напоминающих петушков, и сосуды весьма белой глины, орнаментированные горизонтальными линиями. Подобная керамика характерна для верхних слоев Тепе-Гавра. Слой I, начинающийся на глубине 4 м от поверхности Тепе, содержит чашкообразные сосуды, с росписью и без таковой, а также красную и серую лощеную керамику. Лишь в верхних горизонтах этого слоя появляется железо.

Судя по описанным находкам, слои могут быть приурочены к следующим датам (по Контено, см. RA, 1936, t. VII, р. 162): І слой—от 1100 до 1400 г. дон. э., ІІ—от 1400 до 1800 г., ІІІ—от 1800 до 2500 г., ІV—от 2500 до 3000 г.; слой V, который представляет ранний и средний периоды Обеида (последний современен Сузе I) и продол-

жает существовать в то время, когда в других местах следуют периоды Урука IV и Емдет-Назра, должен обнимать значительную часть четвертого тысячелетия и кончаться к 3000 г. [С. Сопtenau et Shirshman—Fouilles du tépé Giyan près de Néhavend, Paris, 1935; RA, t. VII, p. 161 sq. (Сопtenau)].

Тепе-Сиалк (близ Казгана). Раскопками 1933—1935 гг. в нижнем горизонте городища обнаружена темная керамика с черным геометрическим орнаментом, выше которой залегает керамика типа Обеида. Период Урука представлен грушевидными сосудами с косыми носиками и двумя табличками, близкими протоэламским. Период Емдет-Назра представлен двумя полихромными сосудами. Около Тепе открыты два некрополя: один—эпохи бронзы, другой—начала железной эпохи. Оба содержат красную и черную лощеную керамику. В последнем, кроме того, встречается керамика, имитирующая формы металлических сосудов, с длинными носиками и красной орнаментацией звериного и геометрического стиля. В составе могильного инвентаря обоих некрополей встречаются конские уборы [RA, t. VII, р. 161 sq. (С о п t е п а и)].

Шах-Тепе-Бузург. Городище, раскопанное шведской экспедицией (М. Т. Арне), содержит три культурных слоя. Верхний слой относится к мусульманской эпохе. Ниже его лежит доисторический слой с погребениями, дающими керамику черносерого цвета. В самом нижнем слое (также с могилами) керамика серо-черная, черная и красная. Сосуды II и отчасти III слоя могут быть сближены с керамикой Астрабада, имеющей те же формы: чаши, блюда на длинных ножках, кувшины с ладьевидными носиками. Встречаются двойные сосуды, напоминающие находки в некрополе у Тепе-Сиалка. III слой, повидимому, соответствует периоду Емдет-Назра. Но в нем же встречаются сосуды, напоминающие керамику предшествующей эпохи (Урука). [См. Агпе— The Swedish Archaeological Expedition to Iran 1932—1933. Copenhague, 1935; RA, t. VII, p. 161 (С о n t e n a u)].

СИРИЯ

Тель-Таинат. Холмы Тель-Таинат, Хаталь-Гиюк и Тель-Джудейдег, расположенные в Антиохийской равнине и исследованные экспедицией Восточного института Чикагского университета, в свое время составляли часть территории Сиро-Хеттского царства Гаттина (или Патина), которое в первой половине I тысячелетия до н. э. оказывало упорное сопротивление распространению ассирийского могущества. Раскопки на холме Хаталь-Гиюк дали XIV последовательных напластований, древнейшие из которых относятся к IV тысячелетию до н. э. и имеют параллели в Ниневии I и в V слое Угарита (Рас-Шамра). Верхнийже слой датируется VI в. н. э. Раскопками добыто огромное количество керамики (около 5 тысяч целых сосудов). Изучение этого материала должно привнести много нового в познание материальной культуры хеттской Сирии и осветить историю ее сношений с соседями.

Пробные раскопки на Тель-Таинате были предприняты в 1935 г.; непосредственным их продолжением послужили большие работы 1936 г. В результате открыты два больших здания, принадлежащих IV слою и датирующихся IX—VII вв. до н. э. Одно из них—дворец (hilani), прямоугольный в плане, с фасадом на север. Вход в него находился за колоннадой, в открытом портике. Три базальтовые базы колонн портика лежали in situ. На западной стороне портика обнаружены ступени лестницы, подымавшейся на второй этаж или на крышу. Тип кладки стен дворца (см. АЈА, XLI,№ 1, р. 9, fig. 4; р. 13, fig. 5) тот же, что и в нижнем (III) дворце Сенджирли: наружная сторона обшивалась досками, за которыми были проложены деревянные балки, шедшие вдоль и поперек стены через регулярные промежутки, заполненные необожженным кирпичом. Поперечные балки проникали в стену на глубину от 80 см до 1 м. Таким образом, фасады стен должны были представляться деревянными. Другое здание, несомненно храм, расположено к югу от дворца. Несмотря на то, что южная стена его не сохранилась, оно с уверенностью может быть восстановлено, как мегерон. Фасад здания смо-

214 ХРОНИКА

трит на восток. Три каменных ступени ведут к открытому портику, массивные боковые стены которого являются продолжением стен самого здания. Портик имел колонны, одна из баз которых лежала in situ. База эта является самой замечательной находкой этого года. Она имеет форму двух высеченных из камня больших, рядом лежащих львов, поразительных по стилю и технике работы (AJA, XLI, № 1, р. 9, fig. 4). Непосредственно за входом находилось главное помещение, в западной стене которого был устроен широкий проход в небольшое святилище. Перед этим проходом стоял квадратный, сложенный из кирпича стол, сохранившийся лишь частично. От задней

Рис. 8. База колонны с двумя лежащими львами из Тель-Таината

(западной) стены святилища к его входу были проложены два ряда каменных плит, по-коящихся на невысокой кладже из кирпича и продолжавшихся, вероятно, до самого входа в святилище. Храм существовал одновременно с дворцом, который трижды подвергался реставрации между 850 и 600 гг. до н. э.

Из других находок следует упомянуть об обломках головы колоссальной статуи, найденных вместе с обломками трона, принадлежавшего этой же статуе, во дворце; о бронзовой ассирийской статуэтке и о рельефе с изображением воина в шлеме с лу-

ком, стрелами и головой поверженного врага в руках [См. «American. Journal of Semitic languages and literaturs», 1935, Octobre; AJA, XLI, № 1, p. 8—16 (McE wa n); RA, t. VII, p. 161 sq. (Сопtепаи)].

Антиохия на Оронте. За три раскопочных сезона (начиная с 1932 г.) здесь сделано много интересных находок. Раскопки производились одновременно в нескольких местах, в самой Антиохии и в близлежащей Дафне. К северо-западу от современного города открыты значительных размеров термы, состоящие из трех отдельных зданий, дом римского времени и византийский стадий. Римский дом имел мозаичный пол, сохранивший изображения танцующего мальчика и девочки, пиршественной сцены, Федры и Ипполита и суда Париса (последняя сцена издана в A JA, XXXVIII, № 2, XXI а). Целый ряд мозаик очень хорошей сохранности был обнаружен при раскопках виллы римского времени в Дафне. В центре одного из этих мозаичных изображений в медальоне представлен женский бюст с букетом цветов и надписью МЕГАЛОЧІ-XIA. Вокруг медальона изображены цирковые сцены (гладиаторы и дикие звери), а также здания древней Антиохии с надписями, сообщающими об их принадлежности. Среди этих зданий указана вилла римлянина Ардабирия (A.JA, XXXVIII, № 2, t. XXII а), что позволяет довольно точно датировать и самую мозаику. Ардабирий был magister militum в Антиохии около 450 г., мозаика же должна относиться ко второй половине V в. Одна из мозаик имеет изображение восьмиугольного храма, знаменитого domus ацгеа, выстроенного в Антиохии при Константине. Изображение дает общий вид храма с окружающими зданиями и людьми на улицах. Это целая панорама Дафны. Раскопками 1934 г. был расчишен большой цирк (spina длиной в 283 м). Ввиду того, что в слое, лежащем непосредственно под фундаментом цирка, идут лишь эллинистические находки IV-II вв. до н. э., датой его сооружения является I в. до н. э., что согласуется

с эпиграфическим свидетельством о постройке цирка в Антиохии Квинтом Марцием Рексом, проконсулом Киликии, в 67-66 г. до н. э.

К северу от цирка раскопано здание, давшее вновь целую серию прекрасных мозаичных изображений. Одно из мнгочисленных панно содержит два больших бюста (мужской и женский), подписанных ΕΥΡΩΤΑΣ и ΛΑΚΕΔΕΜΟΝΙΑ и являющихся персонификациями реки и страны. На одной из панелей фрагментированного фриза представлены Форкис и Динамена (AJA, t. XXXVIII, № 2, XXIV а), первый с факелом в руках, вторая с длинным, развевающимся над головой покрывалом. На других сохранившихся частях фриза изображены: ГН—богиня земли, и олицетворения КАРПОІ и

Рис. 9. Форкис и Динамена. Мозаика из Дафны Антиохии на Оронте

APO(TPA) (там же, t. XXIV b. и XXV a). Все мозаики очень красочны и датируются IV в. н. э.

В 1936 г. в Дафне были открыты новые мозаики в вилле с нимфеем III в. н. э. Случайная находка привела к обнаружению целого клада скульптур, датируемых от III до V в. н. э. Позднейшие раскопки показали, что скульптуры были помещены в маленькой комнатке небольшой виллы IV—V вв. Клад содержит, в числе прочих, следующие скульптуры: статую Афродиты, бюст неизвестного философа, панцырный бюст императора, бюст Ареса в шлеме, мужской бюст из порфира, голову бородатого сатира, медальон с горельефным изображением сидящего сфинкса, статую спящего Силена и многие другие. В художественном отношении представляют большой интерес: бюст императора (возможно Гордиана III) и бюст из порфира очень хорошей работы позднего времени [АЈА, LX, № 1, р. 10, fig. 15, 16); АЈА, ХХХVIII, № 2; ХL, № 1 (С а m р b e 1 l].

Дура-Эвропос. В 1934—1935 гг. на этом городище, раскапывающемся в продолжение 10 лет и уже давшем богатейший материал из области парфянской, сирийской и римской культур, были сделаны следующие находки: обнаружено святилище Митры, впервые на Востоке, с прекрасно сохранившейся росписью и вотивными рельефами. План помещения обычен для митреума.

Вдоль стен главной комнаты шли широкие скамьи, на которых сидели участники мистерий. В задней стене ее имеется большая ниша под аркой. По своду арки и верхней части ниши хорошо видна фресковая роспись на сюжеты митраистской космогонии, в середине же помещены два рельефа с изображением Митры тавроктона. Стены и колонны святилища также покрыты сакральными изображениями и текстами, среди

Рис. 10. Ниша задней стены святилища Митры в Дура-Эвропос с рельефными и фресковыми изображениями на сюжеты митраистского культа

которых, помимо перечисления священнослужителей и посвященных, имеются тексты чисто ритуального содержания. Первоначально, как показывают археологические данные и надписи, здание этобыло домом начальника лучников, устроившего у себя небольшую капеллу (168 г. н. э.), которая затем (170 г.) была расширена и перестроена (209-211 гг. н. э.). Недалеко от башни № 2 оборонительной стены были найдены три расписных деревянных щита, из которых два сохранились полностью, а третий сильно фрагментирован. Щиты имеют овальную форму. На одном из них изображены сцены взятия Трои ахейцами (введение деревянного коня и разграбление города), на другомсражение греческих воинов с амазонками, на третьем же представлено некое военное божество с нимбом вокруг головы и с копьем в руке. Возможно, что это Иаргибол, подписное рельефное изображение которого было найдено в одном из храмов Дура Эвропос. Храм этот помещался к

югу от раскопанного ранее храма Гадада, с которым он соединен общим двором. Здание сильно пострадало. При его расчистке обнаружены рельефы с пальмирскими надписями. На одном из них представлена Тихе Пальмиры, увенчиваемая победой и принимающая возлияние от стоящего слева жреца. Богиня города изображена в чертах, весьма близких к иконографии Кибелы (на троне, с калафом на голове и сидящим львом у ног). На другом рельефе представлена Тихе Дура-Эвропос, на этот раз в виде мужского божества; его увенчивает безбородый мужчина в костюме воина, который, как сообщает текст пальмирской надписи, помещенной на рельефе, изображает Селевка Никатора, основателя этого города. Храм может быть датирован II в. н. э.

В 1936 г. была полностью раскопана главная квартира стоявшего в крепости римского гарнизона (преторий). Это большой комплекс зданий с двумя дворами, окруженными разного рода службами, кладовыми, конюшнями и т. п. Помещения, предназначенные для командования, богато декорированы, и стены их отделаны под

мрамор. Сверх того были открыты два новых храма. Один из них содержал вотивы трем пальмирским божествам: Белу, Арсу и Азизу. В другом были найдены посвящения Юпитеру Гелиополитану, Юпитеру Долихену, Митре и анонимному женскому божеству, названному в надписи Кирия (владычица).

На некрополе раскапывались могилы близ развалин так называемых Пальмирских ворот, давшие большую коллекцию глиняной и стеклянной посуды. Были открыты также две квадратные башенные могилы, чрезвычайно типичные для пальмирского некрополя. Внутри были обнаружены погребальные урны, первое доказательство применения кремации в Дура-Эвропос. Изучение материала, добытого на некрополе, заставляет отнести некоторые могилы к эллинистической эпохе, сообщая этим важные данные для установления начальной даты существования города. Некрополь дал также весьма любопытную погребальную часовенку (единственную пока в Дура) с пальмирской надписью, обращенной к Баалу и Иаргиболу, датируемой 33 г. до н. э. Это наиболее ранний образец пальмирской письменности.

Из отдельных находок хотелось бы отметить фрагментированную костяную пластинку, найденную при расчистке башни № 15 и имеющую рельефное изображение трех лосей или оленей с пригнутыми к спине рогами, стилизованное в манере, весьма близкой классическим образцам звериного стиля Скифии и Кавказа [А JA, 1937, XLI, № I, p. 146 f.; RA, t. VII, p. 161; t. IX, p. 141 (C o n t e n a u)].

Пальмира. Последние раскопки производились в северо-западной части города. Были открыты постройки III в. из сырцового кирпича на фундаментах из камня и извести. В некоторых случаях дома бывали окружены дворами. Следует указать на один весьма любопытный факт: крыши домов, были, повидимому, не плоские, как это принято на Востоке, но со скатами. Среди развалин обнаружено 22 храма. Некоторые состоят из одной лишь прямоугольной комнаты с небольшим двором вокруг или без такового. Несколько храмов имеют по два помещения, неодинаковьго размера. Самым большим из раскопанных храмов был храм Абгада; он имел несколько комнат, выходящих во двор, окруженный стеной с одним входом. Целла его сложена из камня и имеет окна, на которых были укреплены решетки. В храме было пять отдельных помещений для трапезы, что указывает на большое значение церемониальной трапезы в сирийском культе. По стенам целлы храма стояли каменные подставки, очевидно, для поддержки рельефов. Подобные же подставки отмечены и в некоторых других храмах. Среди находок много рельефов с пальмирскими надписями. Пальмирский пантеон, представленный на этих рельефах, отразил на себе влияние Аравии и сирийского побережья. Классическое же влияние сказывается лишь в архитектуре храма Абгада, главным образом в его орнаментике. Найдена всего лишь одна греческая надпись с частью имени Кастора.

На некрополе раскапывался большой гипофей Германуса с богатыми архитектурными украшениями и целой серией рельефов. Открыта также погребальная башня Элагбела, в которой было найдено несколько обрывков папируса с греческими текстами и огромное количество тканей II в. н. э., включая тирский пурпур и китайские шелка. Эта находка дает много нового для истории текстильного производства в дрерности и для истории торговых связей Пальмиры в эпоху ее процветания [АЈА, XLI, № 2, р. 317; RA, t. VII, р. 161 sq. (С о п t е п а и)].

Шагар-Базар (к западу от Тель-Галафа). Наиболее древние наслоения городища характеризуются керамикой типа Тель-Галафа, над которыми лежит слой периода Обеида. Некоторые керамические находки этого последнего слоя могут быть сближены с керамикой Тепе-Гияна. В слое же Тель-Галафа некоторые образцы керамики аналогичны сосудам из нижных слоев Тепе-Сиалка. Таким образом, это городище Верхней Сирии обнаруживает очень тесные связи с древнейшими культурами Ирана. Во втором из упомянутых слоев была встречена также керамика без росписи с нацарапанным орнаментом, которую следует датировать периодом династии Агаде.

В слое, лежащем еще выше (IV), керамика украшена горизонтальными линиями или простым геометрическим орнаментом, красным по желтоватому фону. Датируется она серединой второго тысячелетия до н. э. Подобная же керамика представлена в изобилии в III и II слоях Тепе-Гияна [RA, t. VII, p. 161 sq. (C o n t e n a u)].

Мар и (Тель-Гарири). Местоположение древневавилонского города и области Мари (в стране Субарту) до самого последнего времени оставалось неизвестным. По древним спискам (ниппурского архива) династий царей конца третьего тысячелетия до н. э. Мари имел свою династию из 6 царей с 136 годами царствования. Древнейшие свидетельства о Мари относились до сих пор ко времени Эаннатума лагашского и Саргона, завоевавшего в числе прочих областей также и Мари, о чем упоминается в надписи на одной из его статуй (см. Е b е r t—Reallexicon, s. v.). Во время династии Дунги в Уре (ок. 2400 г.) владетели Мари были наместниками аккадских царей. Вслед за этим город, очевидно, пользовался автономией, так как его вновь завоевывает Хаммураби.

Несколько лет назад Albright предположительно локализировал Мари на одном из холмов у границы Ирана, на Среднем Евфрате, ниже Дура-Эвропос. Раскопки, предпринятые там А. Парро в 1933/34 г., подтвердили эту идентификацию. В самом начале работ были открыты здания и погребения досаргоновской эпохи, датирующиеся началом третьего тысячелетия до н.э. Затем был обнаружен досаргоновский храм богини Иштар с многочисленными статуэтками из пасты, многие из которых имели на себе надписи, содержащие три семитических аккадских царских имени. Одно из них—Ламги-Мари звучало как имя правителя Мари, что и послужило первым подтверждением предположений Albright'а. Досаргоновская культура Тель-Гарири почти идентична современной ей вавилонской. Существенное различие заключается в том, что плосковыпуклые кирпичи не употребляются в сооружениях Тель-Гарири и что здесь преобладало аккадско-семитическое население (см. Albright в «Bull. of Am. School of Orient. Researches», LIV, p. 24 f.; Рагго t в «Syria», XIV, p. 110 s.; о н ж е в «Revue d'assyriologie» XXXI, p. 137. sq.; Palestin Exploration Fund. Quarterly Statement, July, 1935).

В 1935 г. раскапывался храм богини Иштар, давший несколько важных находок, среди которых голова Иштар с инкрустированными глазами и большим полосом, а также пластинка с изображением воина, вооруженного кельтообразным топором, в шлеме с высоким султаном. Одновременно раскапывались развалины дворца, датирующегося концом III тысячелетия до н. э., разрушенного в эпоху Хаммураби.

В 1935 г. удалось раскопать около 70 комнат, что, предположительно, должно было составлять около половины всего здания. Некоторые стены сохранились на высоту от 4 до 5 м. Пол комнат выложен из обожженного кирпича или из толстых гипсовых пластинок. Стены оштукатурены глиной, размешанной на измельченной соломе (соман), как это делается во многих местах еще и теперь. На стенах уцелела орнаментация из черных и красных горизонтальных полос или синих и белых спиралей. Одно из помещений, очевидно предназначавшееся для дворцовых писцов или для царского архива, дало несколько десятков тысяч клинописных табличек. Среди них имеется одна с именем Иахдунлима, царя Мари. Во дворце же найдена была статуя другого царя Мари Иштуп-Илума (около 2100 г.). Царь представлен с бородой, усами и тюрбаном на голове. Мускулатура несколько преувеличена, исполнена в той манере, которая свойственна скульптуре Северного Сумера, являющейся предшественницей ассирийского искусства I тысячелетия.

Раскопками 1936 г. в храме Иштар были прослежены 4 последовательные реконструкции, из которых последняя датируется временем третьей династии Ура. Хаммураби взял город и разрушил храм на 35-м году своего царствования. Над храмом Иштар расположены развалины доагадейского святилища с двойной целлой, которое, вероятно, было разрушено Эаннатумом, царем Лагаша. Под фундаментом храма Иштар

219

обнаружены остатки более раннего храма с одной целлой и портиком о шести колоннах. На этом же уровне найдены цилиндры начала III тысячелетия. Последнему храму предшествует еще более раннее святилище, расположенное невдалеке от него. Оно, повидимому, также было посвящено богине Иштар. В нем были найдены терракотовые лодочки, употреблявшиеся, как сосуды для приношений.

Продолжены были также и раскопки дворца. Число расчищенных комнат было доведено до 140. На стенах вновь обнаружена роспись, на этот раз со следующим изображением: богиня Иштар, в вооружении, ногой попирает львицу и протягивает царю знаки его достоинства в присутствии множества других божеств. Сцена эта обрамлена пейзажем из деревьев, на которых сидят птицы. На одном из дворов дворца, близ постамента, служившего пьедесталом, найдена большая статуя богини Иштар. Волосы богини ниспадают на плечи, глаза инкрустированы. На голове тиара с рогами—обычным атрибутом богини. На одежде изображены рыбы, в руках богиня держит сосуд.

Некоторые из помещений дворца, повидимому, были вновь обитаемы в ассирийскую эпоху. На территории двух дворов обнаружен некрополь XIII столетия до н. э. с весьма богатым инвентарем.

Важнейшей находкой 1936 г., так же, как и предшествующего года, являются тысячи клинописных табличек, из которых часть представляет собой дипломатическую переписку последнего царя Мари Зимри-Лимма, а часть—главным образом, документы хозяйственной отчетности.

Таблички архива Зимри-Лимма написаны знаками первой вавилонской династии, с некоторыми особенностями и заимствованиями у западных семитов. Содержание текстов дает представление о международных торговых связях этой эпохи. Упоминаются суда, идущие в Кархемыш за кедром. Есть упоминания об Угарите, Канеше и об Алепе. Упоминаются божества Мари: Даган, Шамаш и некое речное божество. Имеются данные, характеризующие отношения Зимри-Лимма и Хаммураби, а также рапорты, адресованные царю и сообщающие о состоянии сельского хозяйства в царстве и о доходах с полей на берегах реки Габур [АЈА, XLI, № 1, р. 146 f.; RA, t. VII, р. 161; t. IX, р. 141 sq. (С о п t е п а и)].

ФИНИКИЯ

Библос. Раскопками 1936 г. открыто святилище эпохи Аменофиса III. Оно имеет около 30 м длины и окружено небольшой стеной. Целла разделена на две части, из которых одна предназначалась для приношений и имела выдолбленные (так называемые «чашечные») камни, другая—для алтаря, приподнятого над полом несколькими ступенями. Стены святилища были выбелены известью. Во дворе находились сосуды для очистительной воды и два маленьких наоса, из которых один с небольшой лесенкой. У самых святилищ стояли сосуды с приношениями, состоящими из позолоченных, бронзовых или терракотовых фигурок. Там же была найдена табличка с непонятными знаками, многие из которых являются предшественниками финикийского алфавита. Всего насчитывается 80 различных знаков. Полагают, что это письмо семитического происхождения [А JA, XLI, № 1, р. 146 f.; RA, t. IX, р. 141 sq. (С о п t е п а и)].

В Тире в 1934—1935 г. были произведены работы по изучению древних каменных кладок, видимых в порту под водой, и составлен их план. На берегу расчищена северная набережная. Можно считать вероятным, что южная гавань Тира представляла собой искусственное сооружение. Внешний порт, длиной в 600 м и шириной в 22 м, был окружен волноотражающими быками, видимыми на глубине от 9 до 15 м [RA, t. IX, р. 141 sq. (C o n t e n a u)].

Угарит (Рас-Шамра). Раскопки в Рас-Шамре были предприняты впервые в 1928 г. Шефером и Шене. В результате первой же кампании в помещении царского архива или дома писцов было обнаружено большое количество клинописных табличек, из которых многие оказались написанными алфавитным (как это было установлено

ХРОНИКА

при их расшифровке) прафиникийским письмом. Этим самым был открыт доступ к чрезвычайно важному и интересному кругу новых документов, проливающих свет на культуру древнейшего Ханаана, теснейшим образом связанную с древними культурами Палестины и Месопотамии.

Таблички, содержащие неизвестную клинопись, были расшифрованы усилиями нескольких ученых разных стран за 1930-1932 гг. Среди них в первую очередь должны быть названы: Виролло, Дорм, Бауэр. Работая независимо друг от друга, они пришли к одинаковым результатам. Расшифровка дала западносемитическое письмо, алфавитное по структуре, содержащее 26 или 29 знаков. Большая часть текстов представляет собой фрагменты мифологического эпоса о ханаанских божествах Al'êyân, Ba'al Môt (см. об этом статью Виролло в № 1 «Вестника древней истории», стр. 78 сл.). Заключительная часть этого эпоса фиксирует его дату царствованием Nqmd, царя Угарита, который может быть идентичен с Niqmeaz, упоминающимся в другом, найденном в Рас-Шамре тексте, принадлежащем первой половине ІІ тысячелетия до н. э. Тексты содержат также отрывки эпоса о Keret, который после пребывания в Палестине становится царем Тира и Сидона - области, являющейся древнейшим ареалом финикийской цивилизации. В рассказе о Керете имеются моменты, важные для библейской истории. Терах, отец Авраама по Ветхому завету (Быт. II), представлен в нем, как лунное божество; племена Ашер и Забулон (дети Иакова) (Быт. 30) представлены, как враждующие, а бог Jav фонетически близок к Ягве (см. публикацию V і r о 1leaud B «Syria», XIII, 1232, p. 113-163; Albright B «Bull. of Amer. School of Orient. researches», № 50, p. 13-20; D h o r m e-«Revue Biblique», XI, № 1, p. 32 sq.; Bauer B ZDMG IX, 3/4 S. 251 f.; Friedrich B «Der Alte Orient», B. 33 Heft 1/2, 1933, S. 38 f.; B a u e r—Das Alphabet von Ras Schamra, seine Entzifferung u. s. Gestalt, 1932; Friedrich—Ras Schamra, 1933).

Городище Рас-Шамра на основании найденных в нем текстов было признано идентичным Угариту тель-амарнских табличек. Оно имеет пять культурных слоев: I (верхний) датируется 1450—1100 гг. до н. э.; II—2000—1450 гг., III—третьим тысячелетием, IV и V принадлежат эпохе древнейшей бронзы и неолита и должны быть датированы четвертым и пятым тысячелетиями до н. э. Во II слое (около 7 м толщины) обнаружена керамика, характерная для периода средней бронзы Ханаана и отмечены отдельные предметы времени двенадцатой династии. Керамика III слоя соотносится с Сузой I bis. IV слой дает каменные и кремневые орудия, а типы его керамики принадлежат культуре, распространившейся в третьем-четвертом тысячелетиях от Средиземного моря до Персидского залива. Для IV слоя характерны кремневые орудия и нерасписная посуда.

Наиболее поздний верхний слой, в котором были найдены древнефиникийские таблички, а также тексты на сумерийском, аккадском, хуррийском языках, имеет около 2 м толщины и содержит кипрскую и микенскую посуду. К этому же периоду относится некрополь в Минет-ель-Вейда (порт древней Рас-Шамры), состоящий избольшого числа прямоугольных сводчатых гробниц с дромосами и нишами. Из этих гробниц происходит микенская керамика. Раскопки Рас-Шамры начались с исследования храма Баала, вблизи которого затем были открыты весьма богатые жилые здания с внутренними дворами. Они дали несколько кладов с вещами из драгоценных металлов, замурованных в стены, очевидно, под угрозой вражеского нашествия в начале XII в. до н. э. К востоку от библиотеки с клинописными текстами был открыт второй большой храм, близкий по плану первому. Две стелы из известняка с надписями, расшифрованными Дюссо, посвящены богу Дагону, отцу Баала, в финикийском пантеоне. Среди многочисленных клинописных текстов-словари писцов, торговые контракты и т. п. Одной из наиболее важных находок является письмо, адресованное царю Угарита, что подтверждает идентификацию Рас-Шамры с его столицей (см. D u ss aud B «Liverpool Annales», XXI, 1934, p. 93—98; Schaeffer, Virolle aud, Thu-

221

reau-Dangin—La deuxième campagne de fouilles à Ras Shamra, Paris, 1931; они же—La troisième campagne de fouilles à Ras Shamra, Paris, 1933).

Раскопками 1936 г. расчищена северо-западная часть города, между оборонительной стеной и акрополем, где было обнаружено много жилых сооружений XV—XIV столетий до н. э. Сооружения этого времени носят следы пожара, что совпадает с данными тель-амарнских табличек, упоминающих о пожаре Угарита приблизительно между 1385 и 1380 гг. Оборонительная стена, к которой примыкает раскопанная часть города, должна относиться ко времени двенадцатой династии, так как известно, что в эпоху Нового Царства Угарит был незащищенным городом. В верхнем горизонте раскопанной площади остатки домов расположены в том же плане, что и здания предшествующего им нижнего горизонта. Верхний горизонт обнаруживает по отношению к нижнему значительный прогресс в коммунальных удобствах: много колодцев, устроена примитивная канализация, имеются бани, самые дома имеют большее число комнат (до 20).

В каждом доме под землей устроен, одновременно с его постройкой, свой склеп. Этот обычай находит себе параллель в Уре, где каждый дом также имеет склеп, расположенный под святилищем домашних божеств.

В одном из домов найдены фигурки из стеклянной пасты, являющиеся поздним подражанием египетскому стеклу, возникновение которого относится к эпохе двенадцатой династии. Под этим же самым домом обнаружен неразграбленный склеп с тридцатью костяками, давший более сотни глиняных сосудов. Некоторые из них критского происхождения и принадлежат второму позднеминойскому периоду (XV—XIV вв. до н. э.). В другом доме была найдена серия гирь от 1/4 сикля (2 г) до 1 мины (470 г). Вес угаритской мины—средний между весом мины вавилонской и египетской (435 г) и равен весу мины палестинской. Весовая единица имеет форму лежащего быка и изготовлена из бронзы. Весьма важной находкой является также клад серебряных греческих монет VI в. до н. э., из общего количества которых в 170 штук часть оказалась расплавленной и сильно пострадала. Отметим также находку стелы, на которой изображен царь Угарита, совершающий возлияние богу Элу. Стела незакончена, и помещение, где она была найдена, являлось, может быть, мастерской скульптора.

Среди клинописных табличек, найденных при раскопках, имеются вавилонские (аккадские) документы, содержащие контракты на продажу имущества, объявление об освобсждении и замужестве рабыни и т. д. Найдено также несколько табличек ханаанского клинописного алфавита. Одна из них содержит перечень жрецов и прислужников какого-то храма.

ПАЛЕСТИНА

А и (Эт-Тель), городище расположено в 25 км к северу от Иерусалима. Наиболее важные объекты, открытые раскопками 1935 г., таковы: дворец III тысячелетия до н. э., сохранившийся настолько, что можно утверждать с уверенностью, что он был одноэтажным и имел окна; святилище, существовавшее еще в III тысячелетии, целла которого была разделена на три части, —архитектурный принцип, положенный в основу также иерусалимского храма и храма Баала в Самарии. Раскопки свидетельствуют с том, что Аи, уничтоженный сильным пожаром в конце периода древней бронзы, был вновь заселен лишь между 1200—1000 гг. до н. э. [См. Магque t-K r a u s e—La deuxième campagne de fouilles à Ay в «R. des études semitiques», 1935, р. VII—XVI, а также «Syria», 1935, р. 325 sq; RA, t. VII, р. 161 sq. (С o n t e n è u)|.

Раскопками 1935—1936 гг. установлена следующая стратиграфия городища: слои I—VII принадлежат эпохе ранней бронзы; слой VIII—поздненеолитическому периоду с «иерихонской» кремневой культурой; слой IX представляет средний период неолита; слои X—XVII—древненеолитические, без керамики. В нижних, лишенных керамики, слоях обнаружены образцы относительно очень высокой строительной техники. Полы

и стены найденных там глинобитных построек были облицованы гладким слоем извести, окрашенной, с заполированной поверхностью. В IX слое обнаружено здание, по плану подобное мегарону. Оно имело портик с шестью деревянными столбами, обширный вестибюль и большое внутреннее помещение. В нем найдено несколько глиняных фигурок, изображающих домашних животных. Назначение этого здания, несомненно, культовое. В этом же слое были найдены сырцовые кирпичи плоско-выпуклой формы.

Керамика средненеолитического горизонта очень груба, плохо обожжена и служит примером эволюции гончарной техники от необожженной «керамики», без примеси скрепляющих веществ, до хорошо обожженной и приготовленной с примесью измельченной соломы и кремневого песка. Эту керамику следует датировать первой половиной IV тысячелетия до н. э.

В этом же неолитическом горизонте были найдены две группы глиняных статуэток—одна из вовсе необожженной глины, другая из слабо обожженной. Каждая группа состоит из трех фигур: мужчины, женщины и ребенка. Линии темной краски намечают волосы и бороду. Глаза инкрустированные, из выпуклых ракушек. Под нижними неолитическими слоями Иерихона отмечается присутствие микролитов. Конец же его существования относится к XIV столетию до н. э. [См. G a r s a n g—L'Art néolitique à Jéricho, «Syria», 1935, р. 353 sq;. AJA, XLI, № 1, р. 146, sq.; RA, t. VII, р. 161 sq., t. IX, р. 141 sq. (С о n t e n a u)].

Мегидо. Шурфовками и раскопками, произведенными в 1935—1936 гг., стратиграфия городища определена следующим образом: нижний (XIII) слой принадлежит времени, переходному от древней к средней бронзе (около 2000 лет до н. э.). Следующие три слоя (XII, XI, X) относятся к эпохе средней бронзы, а слой IX может быть датирован XVI и началом XV в. до н. э. Слои VIII—VII относятся ко времени поздней бронзы, наиболее поздно датируемые предметы последнего из этих слоев принадлежат времени от 1350 до 1150 г. до н. э. VI слой обнимает следующее столетие, а слой V относится к концу XI—началу X в. до н. э.

Во время раскопок открыты два храма. Один из них (восточный храм IX слоя) датируется сігса 1500 г. до н. э. и состоит из единственной комнаты, широкий вход в которую фланкирован помещениями, разделенными двумя колоннами, поддерживающими потолок портика. Несколько найденных в нем статуэток Баала указывают на объект культа этого храма. Другой храм принадлежит V слою. В нем найден алтарь из известняка, курильница или жаровня, сосуды для возлияния, ступка на трех ножках и т. д. Все эти предметы могут быть датированы временем около 1000 г. до н. э. Здесь же была найдена маленькая протоэолийская или протоконийская капитель, повидимому, деталь внутренней отделки храма (см. «III. London News», 1937, 20 р. 1108—1111). Эта находка имеет большое значение для истории древнейшего периода греческой архитектуры (АЈА, XLI, № 1, р. 146 f.).

Лахиш (Тель-Дувейр). Наиболее интересным результатом раскопок 1936 г. было открытие двух храмов ханаанского периода, остатки которых были обнаружены под оборонительной стеной акрополя, в культурном слое эпохи средней бронзы. Благодаря многочисленным датирующим предметам, найденным в храмах, удалось установить, что верхний храм относится к концу XV—началу XIV столетия, а нижний—к середине XV в. до н. э.

Наиболее интересной керамической находкой является сосуд II позднеэлладийского периода, орнаментированный темными полосками и листьями плюща. Он происходит из нижнего храма и является первой находкой элладийской керамики столь
ранней даты в Палестине. Раскопками обнаружен также сосуд, наполненный глиняными фигурками животных, и другой сосуд, эпохи Рамзеса II (первая половина XIII в.),
имеющий на себе надпись, исполненную алфавитными знаками справа налево. Эти
буквы являются промежуточными между уже известным финикийским алфавитом
и синайскими надписями. Найдены, кроме того, письма, писанные на обломках кера-

мики за некоторое время до того, как Небукадонецар напал на Лахиш. Они имеют отношение к политической жизни эпохи и упоминают лиц, известных из книги Иеремии.

Две вырубленные в скале погребальные камеры оказались заполненными погребениями, относящимися, судя по сопровождавшей их керамике, ко времени осады Сеннахерибом Лахиша в 700 г. до н. э. В одной из камер было не менее 1 500 костяков, в другой—более 500. Некоторые черепа обнаруживают искусственную деформацию (удлинение окципитальной части) [AJA, XLI, № 1, р. 146 sq.; RA, t. VII, р. 161 sq.; t. IX, р. 141 sq. (С о п t е п а и)].

ЕГИПЕТ

Саккара. В 1936—1937 гг. раскапывался древнейший некрополь. Найдены в хорошей сохранности могилы эпохи первой династии. Одна из наиболее интересных—могила Сабу, жившего при Энезиб-Мерпеба, пятом фараоне первой династии. Она принадлежит к древнейшему типу и состоит из большого углубления, выдолбленного в скале и разделенного на отдельные помещения стенами из сырцового кирпича. Погребение находилось в центральном и самом большом помещении. По совершении погребения над гробницей была настлана деревянная крыша. Самое погребение было, кроме того, окружено кирпичной стеной, межстенное пространство засыпано песком, а сверху опять-таки заложено кирпичом. В гробнице имелось шесть маленьких комнат для приношений, которые оказались разграбленными. Погребение, однако, было нетронуто. Скелет лежал в скорченном положении на правом боку, в деревянном гробу, от которого мало что сохранилось. Близ скелета найдены обломки каменного сосуда своеобразной формы, несколько бронзовых инструментов, кремневый нож, разнообразные сосуды из камня и слоновой кости (АЈА, XLI, № 2, р. 317 f.).

Т у д (близ Луксора). В 1936 г. продолжались раскопки храма Монту, во время которых была сделана весьма редкостная находка. Под зданием храма птолемеевской эпохи были обнаружены остатки более древнего сооружения, датирующегося временем Сезостриса I (XX столетие до н. э.). Некоторые камни этого первоначального храма были употреблены вторично: на них имеются рельефы, восходящие ко времени Ментухотепа V (одиннадцатая династия). На уровне храма Сезостриса I, под плитами пола, были найдены четыре бронзовых ларца, наполненных драгоценностями и имеющих на себе надписи с именем и титулом Аменемхета II. Эти сокровища были спрятаны или при жизни Сезостриса, когда Аменемхет был его соправителем, или в царствование самого Аменемхета — третьего фараона двенадцатой династии. Содержание четырех ларцов (частично опубликовано в «III. London News» от 18 августа 1936 г.), знаменательно не только по своей материальной стоимости. Оно свидетельствует о сношениях Египта и Передней Азии, имевших место в эпоху двенадцатой династии, и о известной зависимости фараонов от индустрии своих восточных соседей. Множество украшений, содержащихся в ларцах, золотых, серебряных и из ляпис-лазури, чужды Египту по фактуре и стилю. Некоторые предметы обнаруживают черты сходства с находками в Малой Азии: орел с человеческой головой, серебряный крылатый лев, грифон. Среди вещей имеются также вавилонские цилиндры, датирующиеся 2100-1900 гг. до н. э. Некоторые металлические сосуды и серебряные перстни имеют много общего с находками на o. Крите [RA, t. VIII, p. 97 s. (Ch. Picard); «III. London News» от 17 августа 1936].

Эдфу (Apollonis magna). Город, раскапывавшийся в 1936 г., расположен к западу от храма Гора. Верхний слой принадлежит римскому времени и лежит на слое птолемеевского периода. Раскопан целый ряд зданий римского времени, среди них термы с каменными бассейнами. Ниже культурных слоев, на глубине 65 футов от поверхности, открыт древнеегипетский некрополь. Среди находок—алебастровая ваза с именем фараона Тети II (шестая династия) (АЈА, XLI, № 2, р. 317 f.).

Остатки торфяного поселения Лужицкой культуры в Польше

В течение 1934—1936 гг. в северо-западной части Польши, в Жнинском уезде (Żnińskim powiecie), были исследованы замечательные остатки торфяного поселения

Рис. 1. Вид сверху на центральную часть раскопок

так называемой Лужицкой культуры, время существования которого определяется исследователями эпохой раннего железа — 700 — 400 гг. до н. э.

Великолепная сохранность основных частей поселения (рис. 1)—деревянных оборонительных стен, жилищ, улиц, мощеных деревом в виде гати, и других остатков материальной культуры, придает этому памятнику первостепенное значение, быть может, равное остаткам свайных поселений Швейцарии.

Данные обследования этого замечательного памятника опубликованы в виде нескольких статей, имеющих характер предварительных сообщений, состоящих из отчета о раскопках и общего описания памятника, краткого описания остатков фауны, описания конских удил и описания стратиграфии торфяника и остатков флоры¹.

Остатки поселения расположены на низком мысу, вдающемся в Бискупинское (Biskupińskie) озеро (рис. 2). Мыс поднимается над совре-

менным уровнем воды всего на 1,5 м. Все сооружения лежат прямо на поверхности болота и подстилаются торфом. В северо-западной, более низкой части мыса остатки поселения покрыты слоями озерного ила и песка, свидетельствующими о затоплении этой части водами озера. Вся площадь поселения покрыта задернованным слоем торфа, мощностью около 50 см.

В течение 1934 и 1935 гг. раскопками вскрыто свыше 2 500 кв. м, что составляет около $^{1}/_{9}$ части всего поселения, имеющего площадь до $^{21}/_{2}$ га.

Планировка поселения, судя по данным отчета, имела следующий вид. Вдоль берега озера с западной, северной и восточной стороны, на линии прибоя волн, вбито

^{1 «}Przegląd Archeologiczny», t.V, z. 2-3.

несколько рядов наклонных свай, иногда укрепленных горизонтальными бревнами (рис. 3, 4, 5). Ряды этих свай образуют сложную систему укрепления берега от напора волн и, вероятно, льда.

Далее все поселение обведено системой оборонительных стен, состоящих из бревенчатых срубов, заполненных плотно утрамбованной землей и глиной (рис. 6).

Северная часть поселения, вскрытая раскопками, представляет очень своеобразную картину. Поперек мыса, в направлении с востока на запад, идет 8 параллельных рядов длинных домов (рис. 5, 7), выходящих концами на окружную улицу, идущую

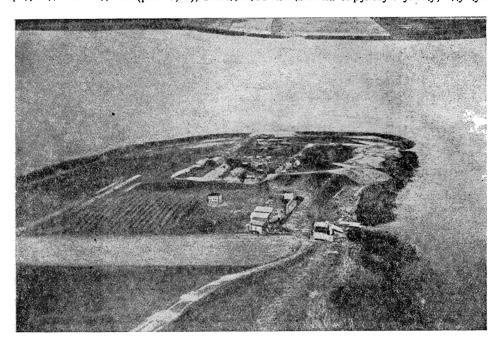

Рис. 2. Общий вид мыса с остатками поселения, снятый с аэростата

вдоль вала. Дома разделены шестью поперечными улицами, выходящими на ту же окружную улицу.

Все дома имеют выходы лишь на поперечные улицы.

Никаких остатков специальных культовых и других общественных зданий в исследованной части поселения не обнаружено. Возможно, что они будут найдены при дальнейших раскопках в южной части поселения.

Оборонительные сооружения представляют собой деревянные стены, состоящие из срубов, заполненных плотно утрамбованной землей и глиной. Высота сохранившейся части стен равняется 1,10 м, но исследователь предполагает, что их первоначальная высота могла достигать 3—4 м. Остатки стен расположены в три ряда, относящиеся к разному времени.

Самая древняя стена идет с внешней стороны. От нее сохранилось лишь основание, состоящее из дубовых бревен, лежащих в поперечном направлении. Основание двух других стен составляют также дубовые бревна, но идущие в продольном направлении. Срубы стен (рис. 6) поставлены прямо на этот настил из бревен. Средняя стена, построенная позднее, на большом протяжении несет следы сильного пожара. Повидимому, в результате этого пожара с северо-восточной стороны на месте сгоревшей была построена третья стена, упирающаяся на северо-западе в линию домов.

226 ХРОНИКА

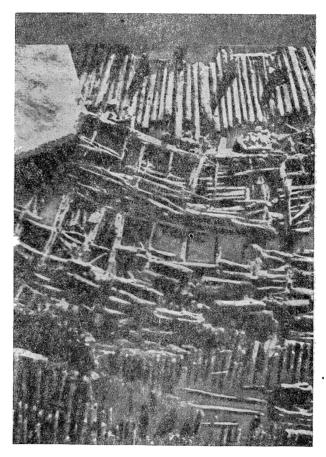
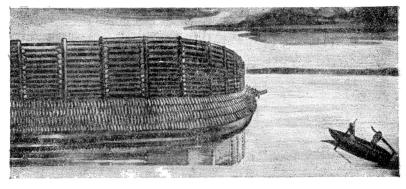

Рис. 3. Северо-восточная часть поселения—вверху окружная улица, ниже остатки деревянных стен из срубов, внизу ряды свай

Риг. 4. Реконструкция вида оборонительных стен со стороны озера

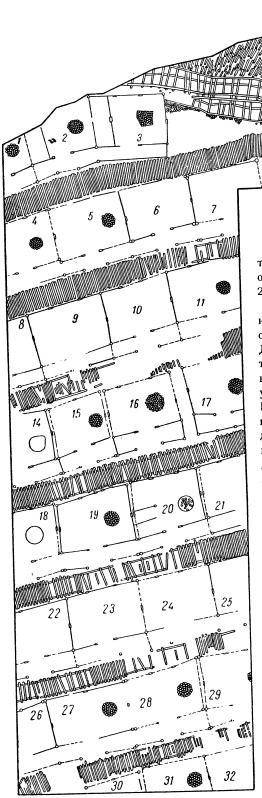

Рис. 5. План исследованной части Бискупинского поселения

Ширина внешней стены неизвестна, так как от нее сохранилась лишь часть основания, средняя стена имеет ширину 2,40—2,60 м и внутренняя—4 м.

Дома. Как уже говорилось выше. на исследованной части поселения было обнаружено 8 длинных домов (рис. 5). Длина их зависит от местоположения: так, самый северный дом, расположенный на конце мыса, между окружной улицей и стеной, - самыи короткий. В средней, наиболее широкой части поселения расположены самые длинные дома. Каждый из домов разбит внутр по длине на ряд секций, отделенных друг от друга глухими стенками. Секции между собой не сообщаются, и каждая из них имеет отдельный выход с южной стороны дома на поперечную улицу (рис. 5). Число секций зависит от длины дома. В самом коротком, северном, доме их всего 3, а в средних, наиболее длинных, число секций достигает, повидимому, до 10-12. Секции, судя по отчету исследователя, имеют во всех домах одинаковый характер. Размеры их довольно значительны. Большая часть секций состоит из двух отделений (рис. 8): большой камеры с очагом и сеней, занимающих всю ширину фасада. В северном доме секции состоят из трех помещении (рис. 9): основного-большой камеры с очагом, сеней и небольшой камеры, отделенной от обшего помещения поперечной стенкой. Размеры двухкамерных секций следующие: длина-8,80-9,60 м, ширина камеры с очагом-о,∠0-6,50 и ширина сеней-1,65-2,20 м. Таким образом, вся площадь секции равна 70—80 кв. м. В некоторых случаях сени, повидимому, не отделялись от главного помещения стенкой, так как в соответствующих угловых столбах отсутствуют пазы. Также не вполне ясен вопрос, имели ли сени во всех случаях переднюю стенку или некоторые из них были открытыми.

Вопрос о назначении небольшой камеры в трехкамерных секциях не вполне ясен. По предположению исследователя, она, повидимому, служила стойлом для скота,

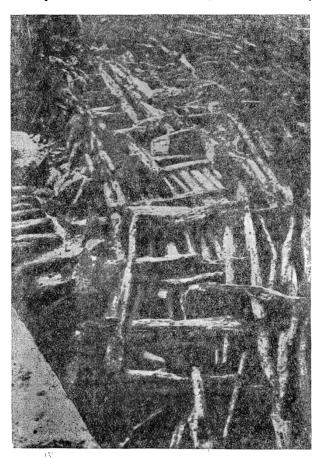

Рис. 6. Внутренняя оборонительная стена

так как пол у нее сильно выбит, возможно копытами животных. В трехкамерных секцих помещение с очагом имеет меньшие размеры, чем в двухкамерных, за счет выделения в нем третьей камеры.

В большой камере, направо от входа в нее, располагается очаг, сложенный обычно из камней, покрытых сверху слоем глины, а в некоторых случаях состоящий из одной глины. Все очаги имеют округлую форму, с диаметром 1,20—2,0 м.

Никаких остатков внутренней обстановки в домах не найдено, за исключением одной секции (№ 20), где на полу большой камеры обнаружены 3 параллельно лежашие балки с четырехугольными отверстиями на концах и с сохранившимися в этих отверстиях концами вставленных в них столбов. Исследователь считает их остатками помоста для спанья. Размеры этого помоста, судя по расположению балок, равнялись 3,60-3,70 м. Внутри некоторых секций и перед домами находились пни деревьев с об-

рубленными корнями и гладко срезанным верхом, которые могли служить для сиденья или столиками.

Конструкция домов. Пол во всех домах деревянный, сложенный из круглых бревен или отесанных плах, покрытых сверху слоем глины. Ввиду тонкости грунта пол укладывался на настил из березовых или ольховых жердей, иногда переплетенных между собой.

Стены возводились следующим образом (рис. 10): по углам дома вкапывались столбы 30—40 см в поперчнике, с двумя продольными пазами, расположенными под прямым углом друг к другу. Между угловыми столбами ставилось несколько столбов с пазами на противоположных сторонах. Пространство между столбами забиралось отесанными плахами или бревнами с плоскозатесанными концами, вставлявшимися в пазы столбов (рис. 11).

Крыша была, по всей вероятности, двускатной, так как в средней части большой камеры в некоторых случарх были обнаружены столбы, служившие, повидимому, для поддержки стропильной балки. Крыша была, несомненно, общей для всего дома, так как между отдельными секциями, за редкими исключениями, нет промежутков, а передняя и задняя стены домов также представляют единое целое. Крыша могла покрываться тростником, соломой или дранью.

Входы в отдельные секции располагались всегда с южной стороны дома.

Вход с улицы в сени имеет ширину от 2,20 до 2,55 м и из сеней в большую камеру— 1,75—2,05 м.

Большая ширина дверей, по мнению исследователя, объясняется тем, что они служили также для освещения внутренности домов, вместо окон.

Дверная коробка состоит обычно из двух вкопанных столбов и порога; структура верхней части осталась невыясненной.

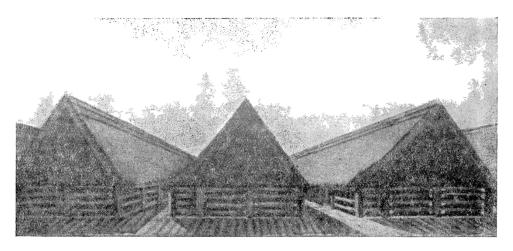

Рис. 7. Реконструкция домов

В боковых столбах, со стороны, примыкающей к стене, имеются продольные пазы, в которые впущены концы плах или бревен, из которых состоят стены. Остатков самих дверей не обнаружено, за исключением двух деревянных решеток из тонких жердей, которые, по предположению исследователя, могли заменять двери в летнее время.

Окон в домах не обнаружено.

Улицы имеют ширину от 2,40 до 3,40 м. Все они вымощены деревом в виде гатей. Замощение производилось следующим образом: на поверхность болота укладывались в продольном направлении два бревна, на которые настилались поперечные дубовые бревна в виде сплошного настила. На некоторых улицах поверх бревенчатого настила насыпан слой земли толщиной 30—40 см, покрытый вторым настилом из березовых жердей с хорошо сохранившейся корой. Эта сохранность коры заставляет исследователя предполагать, что по улицам либо не происходило движения колесных экипажей, либо верхний настил был в свою очередь прикрыт слоем земли, предохранявшим его от разрушения.

В процессе раскопок удалось установить, что поселение во время своего существования подвергалось неоднократной перестройке в различных частях. Так, например, троекратной перестройке подвергались оборонительные сооружения, что уже отмечалось выше. Следы перестройки прослеживаются также на сохранившихся остатках домов и покрытий улиц.

230 ХРОНИКА

Часть этих перестроек связана с пожарами, следы которых ясно прослеживаются как на домах, так и на средней стене. После пожара дома восстанавливались на том же месте, причем столбы от старых домов обычно срубались на уровне поверхности земли, а иногда оставлялись на месте, рядом со вкопанными вновь. В северной, более

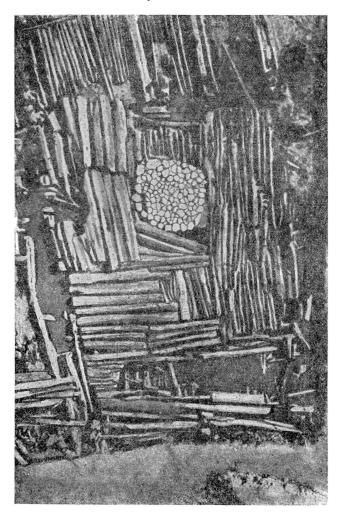

Рис. 8. Центральная камера двухкамерный секции (№ 19 по плану), в центре—очаг из камней

низкой части поселения наблюдается картина иного характера. У большинства расположенных здесь домов имеется два слоя деревянных полов с очагами, разделенных прослойкой земли толщиной 20—50 см. Улицы в этой части также имеют двуслойное деревянное покрытие (рис. 12). Это явление, несомненно, связано с поднятием уровня вод, затопивших нижние части поселения, что заставило жителей подсыпать грунт и произвести вторичную настилку полов и покрытие улиц. Возможно, что дальнейший подъем воды с течением времени заставил жителей окончательно покинуть поселение. Над остатками древнего поселения, в верхних горизонтах почвы, встречаются следы отдельных небольших жилищ, относящихся к более позднему времени, но

ввиду плохой сохранности установить их планировку и архитектуру полностью не удалось.

Остатки материальной культуры, собранной на площади поселения, состоят из большого количества глиняных сосудов, украшений, производственных орудий и т. д.

Ввиду того, что весь этот материал не отличается от обычного инвентаря поселений и могильников Лужицкой культуры, мы остановимся лишь на некоторых предме-

тах, более редких, наличие которых объясняется исключительной сохранностью памятника. Богатство найденной глиняной посуды позволило установить, что большинство сосудов, встречаемых обычно в погребениях, являются, вопреки мнению многих авторов, не специально ритуальными, а обычными бытовыми сосудами, ашиг использовавшимися для погребального ритуала. Исключение составляют «лицевые урны», характерные лишь для могильников и не встреченные на поселении. Огромное большинство сосудов, несомненно, производились на месте, хотя во время раскопок не было обнаружено ни остатков обжигательных печей, ни мастерских для выделки посуды.

Среди сосудов большой интерес представляют два сосуда со схематическими изображениями всадников и оленей (рис. 13). Вся посуда имеет характер, вполне типичный для Лужицкой культуры. Большинство найденных украшений сделаны из бронзы, часть из железа тает импортом из Египта.

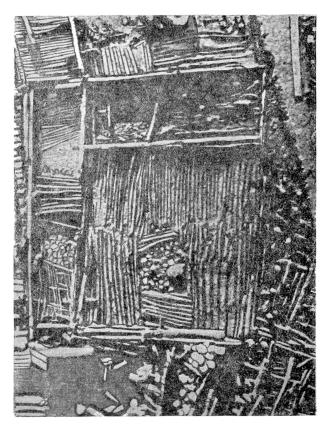

Рис. 9. Трехкамерная секция (№ 3 по плану); внизу центральная камера с очагом, вверху—небольшая камера и сени

из бронзы, часть из железа и несколько бус из голубого стекла. Бусы эти автор считает импортом из Египта.

Кроме того, найдено некоторое количество украшений или амулетов из просверленных клыков кабана и волка.

Большинство производственных орудий изготовлены из рога и кости, очень немногие—из металла.

Из металлических орудий заслуживают внимания топор, 4 железных серпа и несколько мелких предметов из бронзы и железа.

Среди костяных орудий найдено несколько мотыг из рога оленя, много костяных шильев, наконечников копий и стрел, молотков и ряда других бытовых предметов.

Несомненно, большой интерес представляет находка нескольких конских удил из оленьего рога. Они имеют вид пластинок, толщиной 1—3 см и длиной 11—14 см.

На концах пластинок имеются подквадратные или круглые отверстия для продевания ремней уздечки.

Удила—очень примитивной конструкции, без псалий. Все они сильно погрызены лошадиными зубами.

Очень важной является находка остатков деревянного колеса. Колесо массивное, сделанное из одного куска ясеня, с пропущенными с обеих сторон шпонками для укрепления (размеры колеса исследователем, к сожалению, не приводятся). Отверстие для оси квадратное, так что колесо вращалось вместе с осью. С обеих сторон отверстия для оси имеются два больших полукруглых выреза, сделанные, повидимому, для облегчения веса колеса.

Среди других предметов можно указать на находку нескольких каменных топоров, встречавшихся и ранее в Лужицких могильниках, и большого количества каменных зернотерок.

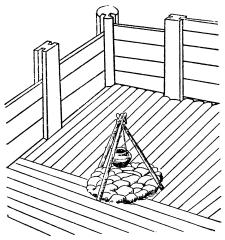

Рис. 10. Реконструкция техники постройки стен и устройства очага

Находка нескольких глиняных форм для отливки бронзовых украшений указывает на существование в Бискупинском поселении местного меднолитейного произ-

водства. Находки таких форм в Лужицких поселениях являются большой редкостью.

Близ очагов в некоторых домах было найдено большое количество обугленных остатков культурных растений, среди которых удалось определить два вида пшеницы—мелкозернистой—Triticum compactum, обычно встречаемой в свайных постройках, и Triticum vulgare, ячменя, проса, льна и большого количества семян сорняков и болотных трав.

Остатки костей животных, встреченных в количестве нескольких десятков тысяч, отличаются, по словам описывающего их проф. Незабитовского, сильной раздроблен-

ностью. Все мозговые полости, даже у мелких костей, оказываются вскрытыми, эпифизы отломаны и частью измельчены. Это относится к костям всех животных без исключения, даже собак. Явление это автор объясняет тем, что мясо всех животных употреблялось в пищу, а кости, повидимому, перед варкой измельчались. Можно отметить, что такой способ измельчения костей был распространен среди многих северных народностей.

Среди находок костей почти совершенно отсутствуют остатки птиц и рыб, несмотря на то, что поселение было расположено на большом озере.

Большинство костей принадлежат домашним животным, среди которых встречены остатки собаки, свиньи, козы, овцы, коровы и лошади. Кости собак принадлежат 36(8) особям. Ввиду плохой сохранности костей автор не дает определения породы собак, отмечая лишь, что они отличались крупными размерами¹.

Свиньи (38 особей)—небольшого роста с маленькими клыками. Эта порода, помнению автора, была выведена из местной дикой свиньи.

Козы—24(6) особи. Автор, давая подробный разбор остатков коз, считает их принадлежащими к типу Capra prisca Adametz et Niezabitowski.

¹ При указании количес∎ва найденных особей нами указывается общее количество найденных во всех горизонтах, а в скобках—количество из этого числа, найденное в верхних слоях с поздними поселениями.

Овца представлена 13 особями, из которых 3 относятся к типу palustris, а остальные—к другой породе.

Крупного рогатого скота встречено 42 особи. Он отличается небольшими размерами, меньшими даже, чем находимый на неолитических стоянках Польши. Принад-

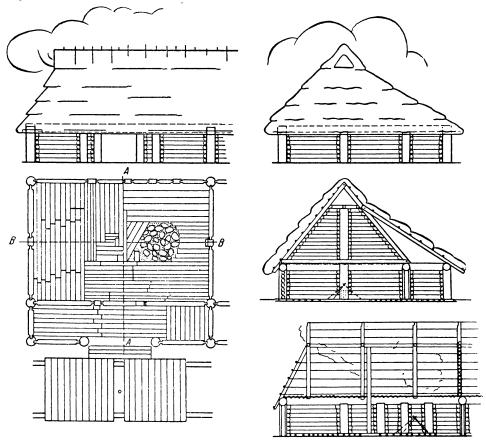

Рис. 11. Реконструкция плана секции и внешнего вида домов

лежит он к типу короткорогого (Brachyceros) скота, известного по находкам в свайных постройках Европы.

Домашняя курица—найдено небольшое количество костей в верхних слоях, относящихся к IX-X вв. н. э.

Кости диких животных встречены в очень небольшом количестве. Среди них имеются кости медведя (4 особи), волка (1), барсука (несколько костей), выдры (несколько особей), зайца (15), бобра (9), дикого кабана (несколько костей), благородного оленя (14), косули (19), зубра (1 кость), тура (1 кость) и небольшое количество костей мелких хищников. Все животные являются типичными представителями лесной фауны северовосточной части Европы.

Из птиц найдены лишь остатки 8 особей утки и 1 гуся.

Среди кухонных отбросов на площади поселения было собрано 23 обломка человеческих костей, принадлежащих людям разного возраста. Среди них имеются обломки черепов и костей конечностей. Об условиях нахождения человеческих костей в отчете ничего не сообщается.

При обследовании ближайших окрестностей описываемого поселения, на расстоянии около 1 200 м к северо-западу от него, был обнаружен могильник Лужицкой культуры, принадлежавший, по мнению исследователей, жителям Бискупинского поселения.

Все приведенные выше данные имеют характер предварительных сообщений и не содержат выводов общего характера, выходящих за пределы описываемого материала.

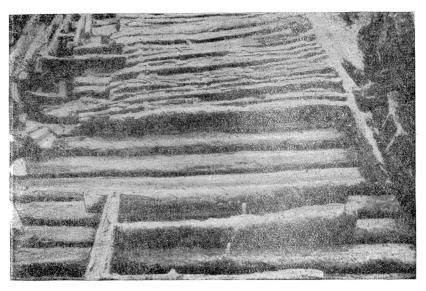

Рис. 12. Часть улицы с двойным покрытием

Но все же исследователь поселения проф. Костржевский пытается дать краткую характеристику хозяйства и общественных отношений населения описываемого поселения. Так, он считает, что основным занятием жителей было земледелие (что следует из находок роговых мотыг, железных серпов, ручных мельниц и остатков культурных растений) и разведение домашних животных. Охота имела лишь подсобное значение, а рыболовство было развито, повидимому, еще слабее. О том, что оно все же существовало, свидетельствуют находки нескольких поплавков из сосновой коры и игл для вязания сетей.

Судя по находкам в большом количестве льна, пряслиц и грузил от стана, ткачество было хорошо известно. Исследователь предполагает, что ткачество, земледелие, гончарство и собирание диких ягод и плодов находились в руках женщин. Мужчины же занимались охотой, рыбной ловлей, бортничеством и некоторыми ремеслами, как [кузнечное, меднолитейное и плотничное, выделкой орудий из рога и кости и т. п.

Пастбища для скота и пашни были, по всей вероятности, расположены на материке, близ поселения.

Относительно общественного строя автор говорит следующее (стр. 134): «Необычная планировка поселения, построенного по единому руководящему замыслу, как будто его спроектировал современный урбанист, мощное крепление берегов, тройные оборонительные сооружения, построенные подневольным трудом, указывают на наличие сильной верховной власти, которая умела обеспечить беспрекословное послушание. На основании различных данных можно предполагать, что дома (домом проф. Костржевский называет каждую отдельную секцию), их оборудование и инвентарь

составляли индивидуальную собственность, уже давно изъятую из совместного (коллективного?—М. В.) владения. В этом же направлении указывает и намечающееся существование разного рода квалифицированных ремесленников-специалистов. Намечается также имущественное неравенство, хотя оно не могло быть значительным, как это видно из одинаковых размеров жилищ».

Ряд любопытных высказываний приводится на странице 124 при общей характеристике поселения. «Причинами для выбора сырого болотистого места для поселения были, несомненно, оборонительные цели. Только опасение нападения могло принудить наших предков поселиться в столь неудобном месте. Врагом, перед которым должны были скрываться в Бискупинском укреплении, была прибалтийская народность, говорившая на языке, сходном с языком нынешних литовцев и латышей, а также вымерших прусов и ядзвингов. Эта народность хоронила своих умерших в каменных ящиках. В эпоху сооружения Бискупинского укрепления начался напор этой северной культуры каменных ящиков на юг, на территорию, занятую народностью могильников

с трупосожжением Лужицкой культуры, которую мы считаем праславянской. Эта народность под угрозой нанествия начинает строить укрепления». Из приведенных кратких выдержек концепция автора совершенно ясна. Для буржуазного исследователя, особенно новейшей формации, необычным является лишь признание возможности существования, правда, во времена более древние, чем описыва-

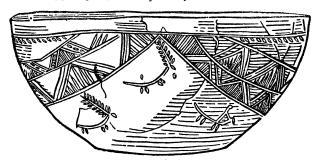

Рис. 13. Глиняный сосуд с изображением всадника и двух оленей

емое поселение, коллективной собственности. Прочие же высказывания являются вполне типичными для буржуазного археолога, но приведенное выше высказывание о причинах возникновения Лужицких укреплений, несомненно, связано с агрессивными планами польского фашизма, направленными в сторону Восточной Прибалтики и в первую очередь против Литвы и Латвии. В ответ на «социальный заказ» военной клики реакционный ученый пытается представить племена литовцев и латышей исконными врагами славян, способствуя в меру своих сил созданию шовинистических настроений.

При попытке дать действительный анализ общественных отношений населения описанного поселка сразу бросается в глаза полное несоответствие всего комплекса фактических данных с выводами проф. Костржевского.

Так, его первый тезис (стр. 134) о том, что «столь мощные оборонительные сооружения, построенные подневольным трудом, указывают на наличие сильной верховной власти, которая умела обеспечить беспрекословное послушание», из которого можно сделать вывод, несмотря на чрезвычайно туманную формулировку, что исследователь предполагает здесь наличие, повидимому, феодальных отношений, —окажется совершенно необоснованным, если мы попробуем обратиться для сравнения к классическому материалу родовых поселений американских индейцев, с исключительной полнотой описанных Морганом¹. Среди этих поселений многие были укреплены мощными деревянными стенами, как, например, главное поселение онондага (М о р г а н, стр. 83).

¹ Морган—Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Перевод М. О. Косвена, изд. Института народов Севера, Л., 1934.

ХРОНИКА

окруженное «четырьмя рядами палисад из больших бревен, вышиной в тридцать футов», со сложной системой галерей и парапетов, оказавшихся достаточно прочными, чтобы устоять против огнестрельного оружия европейских колонизаторов.

Что касается поразившей проф. Костржевского правильности планировки поселения, то среди тех же индейских родовых поселений мы найдем достаточное количество совершенно аналогичного материала. Также необоснованным является и второй, основной тезис о том, что отдельные секции («дома», по его номенклатуре), их оборудование и инвентарь «составляли индивидуальную собственность, уже давно изъятую из совместного владения».

Как раз именно конструкция и планировка домов дает достаточно данных для доказательства того, что они были коллективной, а не индивидуальной собственностью. Ввиду большой важности этого вопроса мы позволим себе остановиться на нем несколько подробнее. Так, судя по приведенному выше описанию и планам жилых сооружений, совершенно ясно видно, что многие из домов со всеми секциями строились одновременно. Это ясно из того, что они имели не только общую крышу, но и переднюю и заднюю стены, а боковые стены секций являлись лишь внутренними переборками внутри единого дома. О некоторых домах можно предположить, что они первоначально строились несколько меньших размеров, имея иногда 2—3 секции, а затем с течением времени к ним пристраивались дополнительные секции, подводившиеся под одну крышу с первоначальным домом. И в том и в другом случае совершенно очевидно, что весь дом, состоявший иногда из 10—12 секций, представлял собой единый неразрывный жилой комплекс. Если мы обратимся за сравнениями к тем же американским индейцам, то найдем там поразительные аналогии в длинных домах, типичных для целого ряда племен (см. Морган, стр. 80—82, рис. 13, 14).

Основное отличие бискупинских домов от типичных длинных домов американских индейцев будет то, что здесь каждая из секций отделена от соседних глухой стенкой и имеет отдельный выход на улицу и, кроме того, имеются отдельные очаги в каждой секции. Это, несомненно, указывает на известное обособление отдельных семей.

На отсутствие частной собственности на домашний скот и основные орудия производства указывает тот факт, что при секциях нет ни стойл для скота, ни складов для крупных земледельческих орудий и средств передвижения. Небольшие боковые камеры в трех секциях северного дома едва ли служили стойлами. Весь инвентарь секций заключается в отдельных небольших сельскохозяйственных орудиях в виде роговых мотыг или серпов и в мелком бытовом инвентаре.

Надо предполагать, что при дальнейших исследованиях поселения будут найдены остатки общественных зданий, которые помогут с большей полнотой осветить общественные отношения населения описываемого поселка. Тезис о наличии имущественного неравенства опровергается самим же исследователем, отмечающим совершенно одинаковую структуру секций и всей их обстановки. И, наконец, предположение о том, что причиной постройки Бискупинского и ряда других укрепленных поселков Лужицкой культуры послужило вторжение на юг «прибалтийской культуры каменных ящиков», в действительности не соответствует ни археологическим, ни историческим данным и является отзвуком шовинистической полемики, ведущейся между известной частью польских и германских фашиствующих археологов, и лишний раз подчеркивает, что тезис буржуазных ученых об «аполитичности» науки является лишь своего рода дымовой завесой для пропаганды реакционных взглядов.

На самом же деле значение открытия Бискупинского поселения гораздо шире ограниченных выводов исследователя.

Его значение заключается в том, что впервые на территории Восточной и Центральной Европы было обнаружено в великолепной сохранности поселение поздней стадии родового общества, детальное изучение которого лишний раз подтверждает правильность положений Моргана—Энгельса. Особенно ценным является нахождение коллекторого положений моргана из подтверждает правильность подт

тивных жилищ в виде длинных домов, известных до сих пор у американских индейцев. Этот материал с достаточной яркостью, вопреки желаниям реакционных исследователей, подчеркивает единство развития человеческого общества.

Дальнейшие исследования этого замечательного памятника позволят осветить фрагментарный материал огромного количества других археологических памятников этого времени.

В частности, необходимо отметить, что в различных пунктах Европейской части СССР за последние годы обнаружен ряд поселений с остатками больших коллективных жилых построек, относящихся к эпохе поздней бронзы и начала железа, т. е. ко времени конца II и начала I тысячелетия до н. э.

М. Воеводский

Саяно-алтайская археологическая экспедиция в 1937 г.

Минувшим летом работы Саяно-алтайской экспедиции ИИМК и ГИМ были сосредоточены в Горном Алтае, в Ойротской автономной области, на среднем течении р. Урсул. Обширные могильные поля в окрестностях селений Туяхта, Каракол и Курота были объектом наших исследований, преследовавших задачи изучения памятников гуннского времени и эпохи распространения орхонского письма. Однако в процессе работы мы вышли за рамки первоначального плана, так как встретили факты исключительной научной значимости, относящиеся к более древнему времени. Так, во второй группе курганов, на левом берегу р. Куроты (в 2,5 км от одноименного селения), были обнаружены могилы древнейшего времени, эпохи бронзы Сибири, весьма сходные с «афанасьевскими» Среднего Енисея. Они на поверхности были отмечены кругами, выложенными из камней, иногда в сочетании с невысокими земляными насыпями. Под ними скрывались неглубокие четырехугольные ямы, покрытые деревянным накатом или каменными плитами.

В большинстве могил обнаружены одиночные погребения, но в одной оказалось два костяка, а в другой—скелеты мужчины и двух женщин. Все покойники клались скорченно, иногда на боку, чаще же на спине, с ногами, согнутыми коленями вверх. Из утвари обращает внимание прежде всего посуда, представленная яйцевиднымисферическими и баночными горшками, украшенными елочным и фестонным орнаментом. Фрагменты одного сосуда из наиболее крупного кургана украшены геометрическим узором, приближающимся уже к андроновской орнаментации середины второго тысячелетия до н. э. Особо следует отметить глиняную вазочку-курильницу, выдержанную в типично «афанасьевской» форме. Бронзовые височные колечки, роговой перстень, костяные наконечники стрел, прекрасный каменный пест и каменная колотушка — таков несложный уцелевший инвентарь курганов. Во всех своих деталях он показывает настолько близкое сходство с «афанасьевскими», обнаруженными на Енисее, что можно с полным правом считать их местным вариантом и по ним характеризовать до сих пор еще мало изученный нижний культурный пласт бронзовой эпохи Северной Азии. Не менее важно открытие на курганном поле с. Туяхты бо льшой серии каменных курганов догуннского времени, до сих пор остававшихся неизвестными на Алтае и обнаруживающих большое сходство с рядом памятников из Тувинской народной республики, степей Северного Казахстана и Южного Приуралья. В глубоких, обширных могилах мы обнаруживали здесь прочно сработанные невысокие погребальные срубы, плотно закрытые толстыми досками. С северной стороны лежали костяки одной или двух лошадей, рядом или одна за другой. Их сбруя была украшена большим числом кабаньих клыков или бронзовыми бляшками, среди которых выделяется стилизованное изображение грифона и льва в классическом скифо-сибирском

стиле. Наряду с железными удилами встретились и бронзовые. Погребальные срубы все оказались ограбленными, но кое-что уцелело. Устанавливается, что покойники лежали и вытянуто и скорченно на боку. Они были снабжены бронзовыми клевцами классической тагарской формы V-IV вв. до н. э., бронзовыми трехгранными стрелами этого же времени и носившимися на украшенном бронзовыми бляхами поясе железными кинжалами с крыльевидным перекрестием, с рукояткой, украшеннои головками грифонов, также находящими аналогии у восточноскифских племен этой эпохи. Из деталей упомянем обыкновение украшать косы сверлеными раковинами Unio. Интересно отметить находку в одном из курганов второго погребения, сделанного в могильной яме значительно выше основного. Возможно, что это человек, насильственно положенный с воином-конником IV в. При продолжении раскопок подобных памятников соберется, можно надеяться, достаточный материал для освещения новой страницы в истории Алтая скифо-тагарской стадии, явившейся основой развития следующего сармато-гуннского периода, охарактеризованного памятниками типа Пазырык-Катанда. Наши раскопки в отношении этого времени были сосредоточены на большом кургане пазырыкского типа в первой группе Куроты и на разведочном исследовании одновременных рядовых могил. В шестиметровой могиле большого кургана, к сожалению, ограбленной через боковую шахту, мы нашли много золотых украшений седла и остатки узды с хорошо сохранившимися бляхами в виде золотых цветков и фрагментами блях с изображением фантастических хищников. Рядовая могила, отмеченная на поверхности кольцом из камней, содержала погребение с конем. Среди костей ограбленного покойника уцелели много вырезных золотых бляшек, пуговиц, обломки фигурок оленей, серьги и т. п. Высокогорлый сосуд особенно подчеркнул сходство этой могилы с курганом, раскопанным в 1927 г. в находящемся неподалеку селении Шибэ.

Наконец, раскопки представили разнообразную серию материалов по эпохе орхонского письма. Каменные курганы этого времени, раскопанные около Туяхты, содержали погребения в грунтовых могилах и каменных ящиках. Несмотря на ограбленность основных погребений, в них вместе с остатками костяков лошадей и людей нашлась большая серия вещей—железные стремена, удила, стрелы, ножи, резные из кости украшения седла, сходного с современным алтайским, костяные накладки сложного лука. Обращают на себя внимание найденные в двух курганах золотые бляхи от пояса, а также золотая бляшка-брактеат с поясным изображением восточного владыки в сложном головном уборе. Особенно интересно, что вокруг этого изображения идет надпись из знаков, напоминающих орхонский курсив.

Наряду с такими богатыми погребениями воинов-конников под курганом мы исследовали рядовые могилы—каменные ящики, отмеченные на поверхности скромным кругом или кучей камней. Но и они распались на два типа. В одних лежали воины с луками и рядом с их ящиком были положены кони. В других мы встретили скелеты, лишенные какого-либо инвентаря. Напрашивается здесь сопоставление выясненных трех групп с традиционным делением древнетюркских племен на аристократию «вечного эля», на свободный вооруженный народ «kara budun» и бесправный слой рабов.

С. Киселев

В Академии наук СССР и в московских вузах

Систематические, проводившиеся в конце каждого месяца, сессии Отделения общественных наук АН СССР, а также развернувшаяся научно-исследовательская работа кафедр истории древнего мира в московских вузах (на исторических факультетах) не могут не привлечь внимания и интереса самых широких кругов научной общественности и специалистов.

Последняя сессия ООН АН СССР 1937 г., проведенная в конце декабря, была посвящена рассмотрению и утверждению схем по истории СССР, средних веков и древнего мира, что должно явиться основой для написания соответствующих серий по «Всемирной истории».

На сессиях текущего 1938 г., за период с январской до июньской сессии, ООН проделана большая работа по ряду секций.

По интересующему нас разделу исторических наук на январской сессиии были заслушаны доклады, из которых наибольший интерес вызвал доклад чл.-корр. С. Б. Веселовского на тему «Синодик Ивана Грозного». Из других работ сессии особо следует указать на доклады по группе языкознания. Академики А. С. Орлов, Л. И. Ляпунов, чл.-корр. С. П. Обнорский, Л. В. Щерба и проф. Б. А. Ларин посвятили свои доклады вопросам научной разработки, составления и издания нормативной грамматики русского языка и словарей по древнерусскому и современнорусскому языкам. Эти животрепещущие проблемы русской филологии и практические вопросы борьбы за чистоту русского языка, о чем в свое время писал В. И. Ленин, вызвали большой интерес и внимание.

Из докладов на февральской сессии ООН представляют большой интерес для специалистов по древней истории доклады акад. С. А. Жебелева и акад. Б. Д. Грекова, посвященные памяти акад. Васильевского, 100-летие со дня рождения которого и было отмечено на данном заседании.

Свой доклад акад. С. А. Жебелев посвятил рассмотрению работ покойного акад. Васильевского, главным образом, по древней Греции, истории Византии и о влиянии последней на древнюю Русь. В обстоятельном докладе акад. Жебелев раскрыл путь русского ученого от занятий по истории древней Греции к изучению Византии. Особенно подробно докладчик охарактеризовал магистерскую диссертацию Васильевкого «Политическая реформа и социальное движение в древней Греции периода ее упадка» (СПБ, 1869 г.). В работе, как известно, автор из русских ученых впервые поставил для исследования проблему социального переворота, связанную с законодательной деятельностью Агиса и Клеомена.

В другом докладе—акад. Б. Д. Грекова—анализу были подвергнуты работы Васильевского по русско-византийским отношениям. Докладчик подробно остановился на актуальном в настоящее время вопросе о взаимоотношениях славян, аваров, печенегов и других народов с Восточноримской империей, а также на проблеме про-исхождения «россов» или «руссов» и о связях последних с Византией как до, так и после образования Руси.

После обмена мнений было признано необходимым издать работы акад. Васильевского, а также усилить в настоящее время работы по исследованию Византии.

На мартовской сессии ООН большое внимание привлек доклад директора Института этнографии акад. В. В. Струве об издании четырехтомника материалов по этнографии народов СССР. В прениях говорилось о желательности такого издания этнографических материалов и были высказаны также пожелания о более тщательной подготовке к этому большому начинанию Института этнографии АН СССР. Некоторые из выступавших (тт. Мишулин, Толстов, Токарев) указывали на необходимость более четкого соотношения исторических экскурсов по отдельным народам с приведением антропо-этнографических материалов при написании томов вышеназванного издания. В частности обращено было внимание директора на необходимость более тщательного подбора авторов и в особенности руководителей этнографических экспедиций, которые запроектированы в столь широком плане институтом.

Директор принял указания ООН к руководству, считая эти указания весьма ответственными и ко многому обязывающими.

Почти одновременно (28 марта с. г.) с состоявшейся сессией ООН, в Институте истории (секторе истории народов СССР) был заслушан доклад проф. П. П. Смирнова

«Об археологической литературе и проблеме руссов». Автор поставил своей задачей в свете археологического материала разрешить проблему руссов в совершенно ином плане. Следует заметить, что проф. Смирнов разочаровал собравшуюся большую аудиторию. Основываясь не более, как на сопоставлении трех топоров, найденных в Восточной Европе, со скандинавскими, автор построил странную теорию господства «скандинавской» культуры в Восточной Европе не более, не менее, как за 20 столетий до н. э.!

Все выступавшие справедливо критиковали автора теории «трех топоров», который норманистскую точку зрения доводит до абсурда, о чем, к сожалению, сам автор узнал на самом заседании, непосредственно в прениях, ибо до этого он искренно верил, что его точка зрения антинорманистская.

Нечего говорить о том, что автор доклада своей теорией «скандинавской культуры» за 20 веков до н. э. сводит совершенно на-нет положение об автохтонности руссов и их культуры, —положение, которое автор ухитрился выставить в конце доклада, позабыв, повидимому о том, что говорилось в начале его доклада. А между тем, положение автора об автохтонности руссов и их культуры, несомненно, интересное и могло бы получить дальнейшую разработку, если бы только сам автор не расправился с этим положением посредством «скандинавской теории».

Справедливо указывалось, что для доказательства этого положения следовало бы по крайней мере использовать свидетельства о «Ръс» греческих писателей «Rocas» Иордана или о «руссах» арабских писателей, а не создавать теорию скандинавской культуры «руссов» путем демонстрации мифических трех топоров, которые так же могли встречаться у скандинавов в XX столетии до н. э., как и у любых первобытных народов Америки или Австралии.

28 марта с. г. в Ученом совете Института истории АН СССР обсуждался план издания пятитомника по истории СССР. Принят соответствующий план, причем по данному плану к 1 мая с. г. первый том этого издания, подготовляемого преимущественно Институтом истории материальной культуры, будет вчерне уже готов.

Апрельская сессия ООН была посвящена докладам по проблемам «Археология на службе истории народов СССР». Были зачитаны доклады ряда археологов, преимущественно тех, которые практически заняты составлением первого тома «Истории народов СССР». В прениях выступало много сотрудников Института истории материальной культуры и его Московского отделения.

Особый интерес на апрельской сессии ООН вызвал доклад проф. С. П. Толстова о древнем Хорезме. Автор на большом материале археологических раскопок последних лет и 1937 г. в особенности, а также основываясь на данных древнехорезмийского алфавита, сумел построить интересное сообщение о древней истории Хорезма, с попыткой реконструкции социального быта последнего. В прениях выступали акад. И. А. Орбели, чл.-корр. А. А. Фрейман и др.

Майская сессия ООН была в основном посвящена юбилейным докладам, в связи с исполнившимся 750-летием великого произведения древнерусской литературы— «Слова о полку Игореве». Было проведено торжественное заседание АН СССР 25 мая с сообщениями президента Академии акад. В. Л. Комарова, акад. А. С. Орлова и писателя И. А. Новикова.

В группе истории был прочтен доклад акад. Б. Д. Грекова на тему «Эпоха «Слова о полку Игореве», вызвавший интересный обмен мнений. Обратили на себя внимание обстоятельной разработкой доклады проф. Арциховского, проф. Приселкова и др., посвященные «Слову о полку Игореве», как историческому источнику.

В группе литературы доклады были посвящены вопросам преподавания истории и теории литературы в советских гуманитарных вузах.

В заключение обзора работы сессий ООН АН СССР за первое полугодие приходится сказать, что наряду с постановкой многих чрезвычайно интересных док-

ладов, недостаточно все же ставится вопрос практического служения науки советскому народу. В Институте истории, например, как известно, пишутся учебники по истории и для средней и для высшей школы, и, тем не менее, вопрос об учебниках ни разу не занимал ООН.

В настоящее время написан проект стабильного учебника по древней истории, но им не интересуется ни Институт истории, ни ООН. Это тем более странно, что в авторской группе не имеется единства взглядов как по некоторым вопросам построения и изложения материала, так и по некоторым общеисторическим проблемам. Поэтому обсуждение этих вопросов на широком совещании специалистов в ООН и с привлечением учительства дало бы авторам, несомненно, многое и способствовало бы решению тех спорных вопросов, которые остаются еще на сегодняшний день.

В кафедре древней истории Московского университета (проф. В. С. Сергеев) по плану данного учебного года были прочитаны доклады: проф. Сергеева—«Нумизматический материал для изучения Римской империи», проф. Мишулина—«К истории восстания Спартака» (см. «Вестник древней истории», №1), проф. Машкина на тему «Агонистики, или циркумцеллионы, в кодексе Феодосия» [см. «Вестник древней истории», №1 (2)], проф. Мишулина—«О развитии советской историографии по древней истории за 20 лет» [(см. «Вестник древней истории» № 1 (2)] и Г. П.Полякова — «Витрувий и император Август».

В мае состоялся доклад проф. Машкина «Эдикт Августа из Киренаики».

В кафере древней истории педагогического института им. К. Либкнехта (проф. А. В. Мишулин) в плане стоят ряд докладов, из которых особенно интересны по своей тематике следующие: Г. П. Полякова—«Витрувий, как исторический источник», С. П. Кондратьева—«Спартак в художественной литературе нового времени», проф. К. К. Зельина—«Новое в хеттологии», проф. В. Н. Дьякова—«Из истории дунайских провинций Рима» и проф. Мишулина—«Обзор источников по Испании эпохи Римской республики».

Из аспирантских докладов внимание обратили доклады: Смирнова—«О местонахождении «Геррос», Мишиной—«Выступление Максимина и позиция сената» и Новгородова—«Борьба Валента с готами».

В июне кафедра из докладов данного года составляет том '«Ученых записок» института.

В кафедре истории древнего мира Института истории философии и литературы (пред. проф. Сергеев) стоят следующие доклады по плану: проф. Куна—«О мифологии, в связи с новой книгой М. С. Альтмана» (см. «Вестник древней истории» № 2 (3); и др.

В плане научно-исследовательской работы Московского государственного педагогического института значатся следующие работы:

Проф. С. А. Лясковский— «Демокрит, как представитель греческой науки».

Ассистент В. В. Оранский-«Учение Аристотеля о праве».

Аспирант кафедры А. Б. Гофман-«Цицерон, как политический деятель».

Аспирант Д. Д. Петров-«Испания до римского завоевания».

A. M.

Редакция журнала «Вестник древней истории» выражает свое соболезнование кафедре древней истории Московского государственного педагогического института по поводу безвременной кончины ее руководителя, проф. Ю. В. Сергиевского, смерть которого является большой потерей для кафедры института и советской науки по древней истории.

М А Т Е Р И А Л Ы К ИСТОРИИ АНТИЧНЫХ КОЛОНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

Акад. А. И. ТЮМЕНЕВ

ХЕРСОНЕССКИЕ ЭТЮДЫ

1. К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса

В то время как относительно датировки основания остальных колоний Северного Причерноморья (равно как и Понта вообще) археологический материал и частично и античная литературная традиция содержат более или менее точные указания, почему и среди современных исследователей никаких сомнений на этот счет не возникает (расхождения в датировке основания отдельных городов не превышают полустолетия), вопрос о времени основания Херсонеса до сих пор остается открытым и отдельными исследователями разрешается самым различным образом. Время основания Херсонеса относят к VI в. до н. э.1, к концу VI в., к началу V в., наконец, к концу V в. и даже к первой половине IV в. Итак, разница в датировке составляет два столетия.

К VI в. относят основание Херсонеса П. Беккер², Эд. Мейер³, К. Ю. Белох4, Е. Миннс5, М. И. Ростовцев6, также С. А. Селиванов7, А. Бобринский⁸, Е. Э. Иванов⁹, Ю. В. Готье¹⁰. На рубеже VI и V вв. помещают его Тирион¹¹ и Бузескул¹². К началу V в. относят основание Херсонеса Шней-

² P. Becker—Die Herakleotische Halbinsel, Leipzig 1856, S. 50.

⁶ M. Rostovtzeff—Iranians and Greeks in South Russia, Oxford, 1922, p. 63. ⁷ С. А. Селиванов—О Херсонесе Таврическом. Речь, Одесса, 1898, стр. 16—17.

1905, стр. 8.

9 Е. Э. И в а н о в—Херсонес Таврический, историко-архелогогический очерк; Симферополь, 1912, стр. 8.

10 Ю. В. Готь е—Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы,

Ленинград, 1925, стр. 175.

11 Thirion—De civitatibus quae a Graecis in Chersoneso Taurica conditae fuerunt, p. 30.

12 В. Б уз е с к у л—Изучение древностей северного побережья Черного моря, Киев 1927, стр. 11.

¹ Были даже, впрочем, совершенно несерьезные, попытки относить основание Херсонеса к концу VII в. до н. э.

<sup>Ed. Meyer—Geschichte des Altertums, II, Stuttgart 1893, S. 676—677.
K. J. Beloch—Griechische Geschichte, 2 Aufl. I,1, Strassburg, 1912, S. 260;</sup>

II, 2, Strassburg, 1913, S. 235.

⁵ E. H. Minns—Scythians and Greeks, Cambridge 1913, p. 515. Миннс осторожно говорит, что Херсонес, возможно, был основан демократами, изгнанными из Гераклеи вскоре после ее основания.

⁸ А. Бобринский — Херсонес Таврический, исторический очерк. ПБ,

дервирт¹, С. А. Жебелев² и вслед за ним Г. Д. Белов³, неопределенно к V в.—Ю. А. Кулаковский⁴, И. И. Толстой⁵ и Л. Моисеев⁶. К концу V или началу IV в.—Е. Штерн⁷, наконец, к первой половине IV в.—Бертье-Делагард⁸, А. Кацевалов⁹, Брандис¹⁰ и Н. И. Репников¹¹.

Все эти разнообразные гипотезы о времени возникновения Херсонеса по существу, как видим, могут быть разделены на две основные группы: это, с одной стороны, гипотезы, признающие раннее возникновение Херсонеса и относящие его к VII—VI вв., причем в таком случае основание херсонесской колонии связывается с общей торговой колонизацией области Понта и рассматривается, как завершительный момент этой последней. Другая основная группа гипотез, напротив, считает временем возникновения Херсонеса или конец V в. или, чаще, первую половину IV в., связывая основание колонии исключительно с событиями внутренней или внешней истории ее метрополии—Гераклеи. Особую модификацию датировок возникновения Херсонеса представляет предположение о существовании на месте позднейшего Херсонеса еще до основания здесь поселения гераклейцев ионийской—милетской (Ростовцев) или теосской (С.А.Жебелев и вместе с ним Г. Д. Белов) торговой фактории. Существование такой фактории предполагается в VI в. и даже еще в конце VII в., основание же гераклейской колонии относится к началу или, во всяком случае, к первой половине V в., что связывается с фактом ослабления и начинающегося упадка Милета к этому времени. Несколько неожиданно то же предположение о существовании на месте Херсонеса до его основания ионийской фактории разделяет и Н. И. Репников, держащийся, как мы видели, гипотезы позднего происхождения гераклейского Херсонеса: существование ионийской фактории он относит к концу V в., основание гераклейской колонии—к первой половине IV в. 14.

Такое расхождение во взглядах исследователей на время возникновения Херсонеса обусловливается не только и не столько недостаточностью наших сведений об этом, сколько игнорированием и иногда сознатель-

¹ H. Schneiderwirth—Zur Geschichte von Cherson (Sebastopol) in Taurien (Krim), Berlin, 1897, S. 3-4.

⁶ Л. Моисеев—Из истории зап. побережья Тавриды [оттиск из «Известий

⁸ А. Л. Бертье-Делагард—О Херсонесе, ИАК (1907), стр. 196. ⁹ А. Кацевалов—Нариси з історії економічного життя грецьких колоній на північному узбережжі Чорного моря, «Збірник законознавства Всеукраїнскої Академіі наук», Киів, 1929, стр. 21 (со ссылкой на Бертье-Делагарда). ¹⁰ В r a n d i s—Chersonesos, RE, III, S. 2263.

² С. А. Жебелев — Возникновение Херсонеса Таврического, «Доклады Академии наук», 1930, № 9, стр. 160. Ср. его же-Херсонесская присяга, «Известия ООН»,

^{1935, № 10,} стр. 915.

³ Г. Д. Белов—Музей и раскопки Херсонеса, Симферополь, 1936, стр. 8.

⁴ Ю. А. Кулаковский—Прошлое Тавриды, Киев, 1906, стр. 6.

⁵ И. И. Толстой—О. Белый и Таврика на Евксинском Понте, П. 1918,

Тавр. уч. арх. комиссии», 54 (1918) стр. 1].

7 Е. Штерн—О местоположении древнего Херсонеса, Одесса, 1908, стр. 25. Его же-Die politische und soziale Struktur der Griechenkolonien am Nordufer des Schwarzmeergebietes, «Hermes», L (1915), S. 174.

¹¹ Н. И. Репников-Памятники аграрного устройства автономного Херсонеса (рукопись), стр. 263

¹² Iranians and Greeks, р. 63; ср. «Эллинство и иранство на юге России», стр. 80. 13 С. А. Жебелев—Возникновение Херсонеса, стр. 161; Г. Д. Белов—ук. соч., стр. 8.

¹⁴ Н. И. Репников—ук. соч., стр. 263.

ным отклонением имеюшихся данных. Вместо анализа и исследования тех сообщений об основании Херсонеса, какие дает античная литературная традиция, при решении вопроса обычно довольствуются соображениями общего характера. Так, Эд. Мейер, Белох и Жебелев исходят из предположения, что Херсонес должен был быть основан вскоре после другой колонии Гераклеи—Каллатиса, основание которого относится к последней четверти VI в. Миннс ставит в связь основание Херсонеса с олигархическим переворотом, происшедшим в Гераклее вскоре после ее возникновения. Ростовцев в качестве мотива к основанию гераклейцами колонии на Крымском полуострове предполагает желание их иметь собственную гавань для получения крымского хлеба. В торговых же целях, в желании завязать «хотя и опасную, но приносящую денежный доход торговлю с тавроскифами» («zwar gefährlichen, aber goldbringenden Verkehr mit den Tauroskythen»), усматривает главный мотив основания херсонесской колонии и Шнейдервирт 1. Беккер исходит из первоначального названия города Мегарикой, когда связь с Мегарами еще не забылась. Тирион связывал время основания Херсонеса с освобождением Делоса и других островов Эгейского моря от персидского владычества². Бобринский и Иванов видели подтверждение устанавливаемой ими даты в факте упоминания Херсонеса в Перипле Скилака, современника царя Дария. Наконец, исследователи, относящие время основания Херсонеса к первой половине IV в., связывают это событие с войной, которую гераклейцы вели в это время из-за Феодосии с боспорскими царями (Сатиром и затем Левконом). При этом основание Херсонеса относят или ко времени до начала этой войны, и в таком случае война рассматривается, как оборонительная, в целях приобретения в Феодосии своего рода форпоста для защиты вновь основанной колонии от посягательств со стороны Боспора (Б р а н д и с), или же, напротив, после этой войны, как следствие неудачи, постигшей гераклейцев в их попытке овладеть Феодосией и таким образом укрепиться на Крымском полуострове (Бертье-Делагард).

Не говоря уже о Бобринском и Иванове, которые или игнорируют или просто-напросто не знают того факта, что Перипл Скилака в действительности не принадлежит ему и составлен не ранее второй половины IV в.³, и доводы, приводимые другими исследователями в обоснование их датировок, по существу, оказываются также малоубедительными. Так, предполагакт, что основание Херсонеса должно было последовать вскоре после основания Каллатиса. Но уже если строить подобного рода предположения, то более правдоподобной, думается, является обратная мотивировка: сама недавно основанная Гераклея вряд ли была бы в состоянии да и вряд ли имела бы основания для вывода двух новых колоний подряд. Гораздо вероятнее, напротив, предполагать более длительный промежуток между временем основания обеих колоний Гераклеи. Не более убедительны и соображения Миннса о выселении из Гераклеи демократов в результате последовавшего вскоре после возникновения этого города олигархического переворота. Правда, по свидетельству Аристотеля (если

¹ Schneider wirth—Das pontische Heraklea, Kather. Gymnasium zu Heiligenstadt. Bericht über das Schuljahr 1881—1882, Heiligenstadt, 1882, S. 16.

² «Eo tempore, quo Delii ceterarumque maris Aegaei insularum cives in Persarum ditionem antea reducti sese in libertatem vindicavere», p. 30 (цитировано по В r a n-d i s, S. 2262).

dis, S. 2262).

3 Действительная хронология Перипла была установлена еще Мюллером (Geographi graeci minores, I, p. XLIV).

только у него действительно речь идет о Гераклее Понтийской), олигархический переворот действительно имел место в только что основанной Гераклее¹, но, с одной стороны, результатом удаления демократических элементов из Гераклеи могло явиться основание Каллатиса, дата которого нам приблизительно известна, с другой же стороны, внутренняя борьба продолжалась в Гераклее и в течение двух последующих столетий, что могло неоднократно подавать также поводы для повторного выселения побежденной партии. Совершенно неосновательны предположения Ростовцева и др. о том, что гераклейцы, основывая Херсонес, могли иметь в виду приобретение торговой гавани для вывоза крымского хлеба. Для подобного назначения именно Гераклейский полуостров, отрезанный рядом горных хребтов от степного Крыма, годился менее всего. Если бы гераклейцы действительно ставили себе такую цель, они основали бы колонию не в Херсонесе, а на месте Керкинитиды или где-нибудь в другом пункте западного побережья Крыма. Еще менее вероятно предположение Шнейдервирта о том, что гераклейцы, основывая Херсонес, рассчитывали получить какие-то денежные выгоды от торговли с населением бедной и полудикой Таврики. По тем же соображениям и, прежде всего, в силу отсутствия данных для сколько-нибудь значительного развития местной торговли, маловероятным представляется и существование на Гераклейском полуострове какой-либо ионийской торговой фактории, тем более в конце V в., как предполагает Н. И. Репников, когда Милет и другие ионийские города оттеснены были Афинами и переживали состояние временного упадка. Нет, наконец, никакой необходимости связывать дату возникновения Херсонеса с войной Гераклеи против Боспора. Вряд ли можно предположить у гераклейцев намерение подчинить себе Феодосию, так как для того, чтобы подчинить себе независимый греческий город и удержать его против такого могущественного соседа, как Боспор, у них не оказалось бы ни достаточных средств, ни возможности. Дело, повидимому, сводилось к отправке вспомогательного корпуса в помощь Феодосии в ее борьбе против наступления со стороны Боспора2. Но в таком случае, если война со стороны Феодосии носила оборонительный характер, и агрессия исходила не от Гераклеи, а от Боспора, то у нас есть все основания связывать начало этой войны с фактом установления монархии и роста внешнего могущества Боспора, но никак не с фактом недавнего основания Херсонеса, как полагает Брандис.

Таким образом, как видим, все соображения, на которых строились различные датировки времени возникновения Херсонеса, оказываются шаткими и недостаточными. Правда, делались попытки обосновать ранние датировки, в частности, предположение о первоначальном существовании на Гераклейском полуострове ионийской фактории, археологическим материалом; однако при ближайшем рассмотрении и эти аргументы не выдерживают критики. Уже самый тот факт, что существование ионийской фактории в VI в. и даже в VII в. констатируется на основании единичных находок ионийских черепков, сам по себе способен вызвать сомне-

стр. 14—16.

¹ Аристотель—Политика, V (VIII), 4, 2. «Ниспровергнута была демократия и в Гераклее тотчас же после основания там колонии, благодаря демагогам: притесняемые ими аристократы удалились в изгнание, затем изгнанники объединились и, возвратившись в Гераклею, уничтожили в ней демократическое правление» (цитировано по переводу С. А. Жебелева, стр. 20).

² Ср. С. А. Жебелев—Боспорские этюды, ИГАИМК, вып. 104 (1934 г.).

ние. «Тут,—по справедливому замечанию акад. С. А. Жебелева, или явное недоразумение или значительное преувеличение»¹. Достаточно сопоставить эти единичные находки с тем обильным материалом, какой обнаружен был на месте существования действительной ионийской фактории на о. Березани, чтобы видеть в этих ионийских черепках не доказательство существования здесь постоянной торговой фактории, но, в лучшем случае, результат случайного обмена проезжих ионийских мореплавателей. заходивших в Херсонесскую гавань, с туземным населением². Однако даже и в таком предположении случайного торгового обмена, по крайней мере в более раннюю (до V в.) эпоху, нет необходимости, так как, в конце концов, по компетентному отзыву Т. Н. Книпович, и те немногие черепки, какие были найдены в Херсонесе, не принадлежат ни к VI в. ни, тем более, к VII в. и , например, склеенные черепки, обозначенные в описи предметов, найденных при раскопках Р. Х. Лепера, громким названием «навкратийского кубка», представляют собою не более, как «дюжинный ионийский сосуд, относящийся V в. или, быть может, K началу V в.»

2

Непосредственной причиной той неопределенности, в какой вопрос о дате возникновения Херсонеса остается до настоящего времени, является, как сказано, игнорирование данных, имеющихся по этому вопросу в античных литературных источниках, и подмена анализа этих данных соображениями и предположениями более или менее субъективного характера. Обратимся же к этим данным и посмотрим, нельзя ли в них найти ключ к разрешению вопроса. Сведения эти, в сущности, исчерпываются кратким сообщением, содержащимся в Периэгезе («Землеописании») Псевдоскимна. Цитирую это место по переводу Н. Бережкова в издании В. В. Латышева с этими местами граничит так называемый Херсонес Таврический с эллинским городом, основанным $\Gamma \in (u)$ раклеотами и Делосцами (Делийцами) (ηv 'Нрах δv со δv

Содержание приведенного отрывка сводится в сущности к краткому указанию, что Херсонес основан был гераклейцами вместе с делосцами по предписанию оракула (дельфийского). Из этого сообщения обычно принимается, как бесспорный, лишь факт основания Херсонеса гераклейцами, факт же участия в колонизации Херсонеса делосцев обычно или игнорируется или прямо отрицается. Так, Брандис выражает сомнение в совместном участии дорян гераклейцев с ионянами делосцами в одном предприятии. Свои сомнения он подтверждает ссылкой на факт отсутствия в диалекте и в магистратурах Херсонеса каких-либо ионийских элементов, что должно было бы быть в случае участия в основании города делосцев. Вместо делосцев (Δήλιοι) он предлагает, поэтому, читать «дельфийцы»

¹ С. А. Ж е б е л е в—Возникновение Херсонеса, «Доклады Акад. наук», 1930, 9, стр. 158

² Такие же случайные находки греческой керамики VI—V вв. имели место, например, и в области тавров на урочище Форос. См. Н. И. Репников—Предполагаемые древности тавров («Известия Тавр. общ. истории, археологии и этнографии», т. I (58), 1927, стр. 140).

⁸ С. А. Жебелев—Возникновение Херсонеса, стр. 158.

⁴ В. Латыше в—Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, СПБ, 1890, стр. 88—89.

(Δελφοί). Согласно принятому Брандисом чтению, Херсонес был основан по указанию дельфийского оракула гераклейцами, но совместно не с делосцами, а с самими дельфийцами¹. К сомнению Брандиса присоединяется Миннс, также предполагающий в данном месте порчу текста (a confusion with the tradition) и ссылающийся на отсутствие ионийских элементов в языке и установлениях Херсонеса². Сомнение в возможности участия делосцев в колонизации Херсонеса высказывал также Бертье Делагард³.

Возражая Брандису и совершенно резонно указывая при этом, что факт переселения в Херсонес части дельфийцев сам по себе не менее трудно допустим, и что самая замена слова Δήλιοι в написанном ямбическим триметром произведении Псевдоскимна словом Δελφοί нарушило бы правильность скандовки стиха, акад. С. А. Жебелев, к сожалению, сам тем не менее пошел по тому же пути сомнения в точности сообщений источника⁴. И он, равным образом, не находит возможным допустить факт участия делосцев в основании Херсонеса. «История Делоса, —пишет акад. С. А. Жебелев, —известна хорошо, и мы не слышим, чтобы он когдалибо принимал участие в основании какой-либо колонии. В VII—VI вв., в эпоху развития греческой колонизации, Делос имеет важное значение как религиозный центр, объединяющий ионийцев вокруг культа Аполлона. В V в. Делос находится всецело в сфере афинского влияния»⁵. Отвергая чтение Δήλιοι, акад. С. А. Жебелев исправляет текст, «считаясь, помимо палеографических соображений, и с метрическими требованиями, и с реальной ситуацией». «В силу первых,—замечает он,—напрашивающиеся прежде всего Μιλήσιοι, Μιλησίοισι исключаются. В силу вторых ближе всего подходило бы Түю и Түгогог; Теос, колонизовавший Фанагорию, был связан с Северным Причерноморьем»⁶.

Как видим, и в основе сомнений акад. Жебелева, как и Брандиса, лежит не критика текста по существу, но лишь соображения, в сущности, субъективного свойства о том, что делосцы, по тем или иным причинам и условиям, с точки зрения обоих исследователей, не могли и, следовательно,

не должны были принимать участия в основании Херсонеса.

Но обратимся к самому разбираемому источнику и посмотрим, в какой мере, действительно, обоснованы сомнения по поводу сообщаемых им о возникновении Херсонеса сведений. Периэгез («Землеописание») Псевдоскимна представляет собой чисто компилятивное произведение, относящееся, повидимому, к последней четверти II в. до н. э.⁷. В основу описания берегов Понта Псевдоскимном положены, с одной стороны, географическая часть истории Эфора, с другой-географическое сочинение об Азии и Европе (Περὶ ᾿Ασίας καὶ Εὐρώπας) Димитрия из Каллатиса (жившего в конце III в.). Ссылки на Эфора в описании Понта делаются трижды, на Димитрия—два раза8. Но именно в части, касающейся Гераклейского

8 Р s. S с у m n., ссылки на Эфора—ст. 841, 870, 880, на Димитрия—ст. 796, 879.

¹ Brandis, RE, III, S. 2262. ² Minns—Scythians and Greeks, p. 515. ³ А.Л. Бертье-Делагард—О Херсонесе, ИАК, 21 (1907), стр. 196, прим. 1. ⁴ С. А. Жебелев—Возникновение Херсонеса, стр. 160 сл.

⁵ Там же, стр. 160—161. ⁶ Там же, стр. 161.

⁷ Основанием для датировки Периэгеза Псевдоскимна является посвящение его вифинскому царю Никомеду (v. 20). Это мог быть только или Никомед II (147—95 гг.) или Никомед III (95—75 гг.). К. М ü 1 l е г, относя посвящение к Никомеду III, определяет дату составления Периэгеза ок. 90 г. Однако Рагеti (Attid. r. Accad. di Torino, 45, 1910, стр. 249 сл.) приводит убедительные доказательства в пользу более ранней датировки, именно между 133 и 110 гг.

полуострова, в частности г. Херсонеса, источником Псевдоскимна должен был служить Димитрий из Каллатиса. К такому выводу приходит М. И. Ростовцев в результате специального анализа источников Псевдоскимна: «Интересно, — замечает он, — что там, где мы имеем несомненную эфоровскую традицию, мы сейчас же замечаем тесную связь с Геродотом. Та же теснейшая связь ясна с первого взгляда и в описании Скифии, которую Псевдоскими вводит определенной цитатой Эфора (ст. 841 — 865). Это одно уже должно было бы показать Доппу¹, что предшествующее описание Крыма с Херсонесом не может быть эфоровским (ст. 823—835). Не может быть эфоровской и характеристика таврономадов, как варваров и убийц... В изображении Эфора и его последователей и тавры испытали известную идеализацию»². Но и независимо от всех этих соображений мы уже по одному тому имеем все основания приписать сообщение о Херсонесе именно Димитрию, а не Эфору, что представляется сомнительным, чтобы малоизвестный в то время в Греции Херсонес привлек к себе внимание Эфора, тем более, что Эфор вряд ли мог располагать и какими-либо сведениями об его основании. Зато, напротив, именно Димитрий, живший в Каллатисе (родом он был из Одесса), колонии, основанной той же Гераклеей, как и Херсонес, имел и больше оснований интересоваться Херсонесом и больше возможностей получить сведения о нем. Итак, наши сведения об основании Херсонеса восходят к Димитрию из Каллатиса. Но именно Димитрий уже в древности считался надежнейшим авторитетом в области географии Понта³. Помимо Псевдоскимна им широко пользовались и другие позднейшие географы—Агафархид и Страбон. В своих сообщениях он или исходил из собственных наблюдений или же черпал свои сведения из первых рук и из первоисточников⁴ и, как уже указывалось, именно в вопросе о Херсонесе мог почерпнуть свои сведения из наиболее непосредственных источников.

Но если, таким образом, первоисточник, к которому восходят наши сведения о Херсонесе, заслуживает полного доверия, то, с другой стороны, у нас в сущности нет никаких оснований предполагать в данном случае и порчу первоначального текста при переписке, поскольку предположение о такой порче текста базировалось исключительно на чисто субъективных соображениях, что Делос не мог и, следовательно, не должен был участвовать в основании Херсонеса. Стоит только не согласиться с этими соображениями (а мы ниже увидим, что они в действительности фактами не оправдываются), и вместе с этим отпадает и необходимость признавать предполагаемую порчу текста. Предполагать в данном случае ошибку переписчика у нас тем менее оснований, что уже в самом тексте упоминание делосцев встречается дважды (ст. 824 и 827), и, таким образом, мы должны уже предполагать не единичную, а двойную описку. Но этого мало. Периэгез Псевдоскимна, составитель которого заимствовал свое сообщение о Херсонесе у Димитрия, сам, в свою очередь, послужил одним из источников для позднейшего составителя перипла Евксинского Понта (т. н.

¹ Имеется в виду автор монографии «Die geographischen Studien zur Ephoros», 1—III (1901—1909), который мало внимания уделял Димитрию, как автору, служившему наряду с Эфором источником Псевдоскимна.

² М. И. Ростовцев—Скифия и Боспор, Л. 1925, стр. 28. (в нем. издании— «Skythien und Bosporus», Berlin, 1931, S. 29).

³ Cm. Schwartz—Demetrios von Kallatis. RE, IV, S. 2807, cp. W. Christ—W. Schmidt—Geschichte d. griechischen Litteratur, II, 15, München, 1909, S. 186.
4 Schwartz, yκ. cou., crp. 2807.

Анонима, V в. н. э.), и здесь цитированное нами выше место (с двукратным упоминанием делосцев) приводится текстуально. Но в таком случае мы должны предположить, что этот позднейший автор пользовался именно испорченным экземпляром, что представляется еще менее вероятным.

3

Таким образом, у нас, как видим, нет оснований для того, чтобы отвергать достоверность содержащегося у Псевдоскимна сообщения. Мало того, вся последующая история взаимоотношений между Делосом и Херсонесом, с одной стороны, Дельфами—с другой, может быть понята лишь в свете сообщения Псевдоскимна². Сомнение в достоверности сообщения Псевдоскимна не имеет под собою почвы и закрывает путь для дальнейшего исследования. Исследователи, не признающие факта участия делосцев в основании Херсонеса, вместе с этим сами лишают себя того ключа к установлению как более точной даты, так и обстоятельств возникновения Херсонеса, ибо этот ключ как раз и заключается в тех самых моментах и обстоятельствах, которые обычно служат основанием для сомнения в достоверности всего известия. Нам говорят, что участие делосцев в основании Херсонеса представляется невозможным, так как Делос вообще не участвовал и не мог участвовать ни в какой колонизации, так как самое участие гераклейцев-дорян и делосцев-ионян в одном предприятии сомнительно, так как, наконец, Делос входил в состав Афинского морского союза, враждебного Мегарам и их колониям. Все это так. Но если само по себе участие делосцев в основании колонии гераклейцами представляется маловероятным, то вместо того, чтобы на основании одного этого сомнения отвергать самый факт, методологически более правильно было бы попытаться найти в истории того и другого города какие-либо исключительные обстоятельства, которые сделали бы соучастие их в основании колонии, во всяком случае, возможным, а быть может и необходимым. При этом именно самая исключительность этих обстоятельств помогла бы нам установить более точную дату основания Херсонеса, поскольку в другое время в обычных условиях, и прежде всего в условиях зависимости Делоса от Афин, соучастие делосцев и гераклейцев в одном предприятии, действительно, представлялось бы маловероятным, чтобы не сказать исключенным. И в истории Делоса и Гераклеи, действительно, были обстоятельства, сблизившие на один момент судьбы того и другого города. Эти обстоятельства имели место в первый период Пелопоннесской войны (во время так наз. Архидамовой войны). На них мы теперь специально и остановимся.

Начнем с Делоса. Делос входил в состав Афинского морского союза. Однако заключать отсюда о враждебности его населения в отношении Мегар и их колоний, входивших в антиафинскую коалицию, и, следовательно, о невозможности совместного предприятия Делоса с колонией Мегар Гераклеей было бы слишком поспешно. Факт вхождения Делоса в союз, несмотря на ту существенную роль, какую он играл в союзе, не только не исключал, а, напротив, именно создавал напряженные отношения между ним и городом-гегемоном. Весь полуторастолетний период хозяйничания Афин полон фактами враждебных выступлений населе-

^{1 &#}x27;Ανωνύμου 'Αρριάνου ώς φέρεται περίπλους, 80 (В. Латышев—Известия древних писателей..., вып. 1, стр. 283—284).

² См. ниже II—Херсонес и Делос.

ния острова против афинян и попыток освободиться от афинской зависимости. Уже в начале Пелопоннесской войны напряженность отношений между делосцами и афинянами достигла такой степени, что афиняне выселили с острова все его население. Делосцы нашли временный приют в Атрамиттии в Малой Азии и были возвращены лишь спустя год после заключения мира со Спартой и прекращения военных действий и притом по специальному настоянию дельфийского оракула. Окончательное поражение и катастрофа Афин освободили Делос от афинской зависимости, причем инициатива этого освобождения исходила от самих делосцев, о чем свидетельствует обращение их к спартанскому царю Павсанию1. Освобожденный от афинской зависимости, Делос сближается со Спартой, о чем свидетельствуют пожертвования, сделанные в сокровищницу храма Лисандром и затем спартанским навархом Фараксом². Когда в результате победы при Книде и, в особенности, с основанием второго морского союза афиняне вновь утвердились на острове, это вызвало реакцию со стороны местного населения, реакцию, выразившуюся в удалении и в изгнании из храма афинских амфиктионов (άμφιχτύονες 'Αθηναίων, как именовались они в документах). Дело на этот раз окончилось присуждением к штрафу и к изгнанию нескольких делосских граждан³. Распад союза в результате так наз. союзнической войны и затем неудачи афинян в войне с Филиппом вновь пробуждают надежды делосцев на освобождение от афинской зависимости, и они с этой целью обращаются в Дельфы к совету пифийской амфиктионии в расчете на поддержку председательствовавшего в совете Филиппа⁴. Это настроение одновременно нашло себе отражение в преследовании сторонников Афин⁵. На этот раз, однако, Филипп, только что заключивший так наз. Филократов мир с Афинами, не желая вновь ссориться с афинянами, не поддержал ходатайства делосцев, и Делос окончательно освободился от Афин лишь тридцать лет спустя, в годы войны диадохов. Уже из этого краткого очерка взаимоотношений Афин и Делоса нетрудно убедиться, что отношения эти были не таковы, чтобы они исключали возможность сближения Делоса с врагами Афин. Напротив, мы видим, что делосцы при всяком удобном случае ищут такого сближения (сначала со Спартой, затем с Филиппом Македонским).

Из всех этих событий внешней истории Делоса наше внимание прежде всего должен привлечь к себе факт изгнания делосцев с острова в первые годы Пелопоннесской войны, так как, с одной стороны, именно в этом факте обострение взаимоотношений с Афинами выступило в особо отчетливой и осязательной форме, а, с другой стороны, в связи именно с этим фактом, делосцы, никогда не принимавшие участия в колонизации, на что справедливо обращает внимание акад. С. А. Жебелев, должны были так или иначе искать новых мест для поселения⁶. Напряженность отношений

¹ P I u t.—Арорht. Lacon., 15. Об освобождении Делоса свидетельствует спартанский декрет 402 г. Syll.3, 119-а.

² IG. XI,2, 161 В, 1. 59. Вклады Лисандра и Фаракса фигурируют и во всех последующих инвентарях вплоть до римской эпохи.

IG II,2, 1635 (Syll.3, 153 c.), 1.134 sc.
 De m., XVIII (περὶ τοῦ στεφάνω), 134—135; cp. Schöffer—De Deli insulae rebus, Berlin, 1889, S. 85.

 $^{^{5}}$ Об этом свидетельствует афинский декрет в пользу делосца, пострадавшего от этих преследований. IG II², 1, 222; Syll.³ 226, также 158; ср. D u r r-b a c h—Ch ix d'inscriptions de Délos, Paris 1921, № 10, р. 10—12.

⁶ На связь между фактом изгнания делосцев и их участием в основании Херсонеса обратил внимание S c h n e i d e r w i r t h—ук. соч., стр. 15. В своей позднейшей специальной работе о Херсонесе (1897) он относит, как мы уже знаем, время основания

между Афинами и Делосом, как и в отношениях с другими «союзниками», восходит, в сущности, еще к половине V в. С перенесением союзной казны в Афины афиняне оставили в своих руках и распоряжение храмовым имуществом Аполлона на Делосе. Об этом свидетельствуют отчеты должностных лиц из афинян, носивших соответственно и наименование ' $A \vartheta \eta \nu \alpha i \omega \nu \dot{\alpha} \mu_{\gamma} i \alpha \tau \dot{\omega}$ очес. Такие отчеты сохранились, например, от 434/33 г. (год архонтства Кратета в Афинах)² и от 410/09 г. (в архонтство Главкиппа)3. Распоряжение делосской сокровищницей оставалось в руках «афинских амфиктионов» и в IV в., после нового водворения там афинян4. Уже такое хозяйничание не могло не вызвать раздражения со стороны жителей острова. Но вмешательство афинян на этом не остановилось. Зимой 426 г. афиняне произвели очищение всего острова, для чего все гробы с покойниками были удалены, причем и в последующее время воспрещено было хоронить и рожать на острове. Умирающих и рожениц с этой целью предписывалось перевозить на соседний остров Ренею. По очищении острова афиняне ввели здесь новый праздник (пентетэрию), справлявшийся с особым торжеством через каждые 4 года с мусическими, гимническими и гиппическими состязаниями, праздник, совершенно затмивший справлявшийся до того ежегодный местный праздник Аполлона5. Это уже было вмешательством не только в финансовое управление, но и в религиозную жизнь и даже в бытовые условия, вместе с чем затрагивались интересы всего населения острова. Естественно, что такая мера должна была вызвать общее недовольство, вылившееся, по всей вероятности, в достаточно резкой форме. Во всяком случае, уже спустя менее пяти лет после того афиняне решили прибегнуть к решительной мере в виде выселения всех жителей с острова⁶. О причине изгнания Фукидид говорит очень неопределенно: «афиняне выселили с Делоса делосцев, придя к тому убеждению, что остров был признан священным прежде, чем его жители очистились от некоей давней вины (ήγησάμενοι хата̀ παλαιάν τινα αἰτίαν οὐ χαθαροὺς ὄντας), что и сами афиняне недостаточно еще исполнили дело очищения острова, удалив с него гробницы умерших и сочтя это правильным»⁷. Фукидид, очевидно, передает официальную афинскую версию. Ссылка на некую давнюю вину служила только предлогом, так как иначе эта «давняя вина» фигурировала бы еще во время первоначального очищения острова. Более определенно говорит о факте изгнания и о его мотивах Диодор, и повидимому, в данном случае его сообщение, восходящее, быть может, к Эфору, заслуживает большего доверия: «Афиняне, —по его сообщению, — обвинив делосцев в заключении тайной симмахии с лакедемонянами, изгнали их с острова и удержали город за собой». Мы уже знаем, что именно победе Спарты делосцы впоследствии были обязаны своим освобождением. Из другого источника нам известно, что делосцы

Херсонеса к началу V в. Повидимому, смущенный более ранними датами (VI в.) основания Херсонеса, устанавливаемыми такими авторитетами, как Э. Мейер и Белох, Шнейдервирт поспешил отказаться от своего первоначального мнения.

¹ Schöffer—De Deli insulae rebus, p. 27.

² IG I², 377. ³ BCH VIII, (1884), p. 283.

⁴ Сохранились отчеты афинских амфиктионов, начиная с первого десятилетия IV в. и кончая 333/32 гг. IG II,2, 1633—1653; ВСН, Х (1886), 461 (364/63 г.), VIII (1884), р. 294 (341/40). Участие андросских амфиктионов было, повидимому, лишь номинальным, ср. Schöffer, S. 74. ⁵ Thuc., III, 104, 2—3.

⁶ Thuc., V, I; Diod. XII, 73, 1.

⁷ Цитировано по переводу Мищенко—Жебелева, т. II, стр. 3.

обращались к спартанскому царю Павсанию (Павсаний ошибочно назван у Плутарха сыном Клеомброта вместо Плистоанакта) и что содержание этого обращения составляли именно жалобы на лишение их обладания островом, где ни умершие не должны были погребаться, ни женшины рожать, чем и вызван был насмешливый ответ Павсания: «Какая же это ваша родина, —отвечал он посланцам, —если вы не можете там ни родиться, ни оставаться после смерти»¹. Хотя это обращение и имело место, повидимому, двадцать лет спустя, уже после падения Афин², все же в нем достаточно определенно выявляются причины и поводы, вызывавшие прежде всего враждебное отношение делосцев к Афинам и вместе с тем сочувственное отношение к их врагам, которое и должно было проявиться с особой силой в годы, непосредственно следовавшие за мерами, проведенными афинянами на острове. Не забудем, что и в Афинах это было время господства Клеона, сторонника крайних и решительных мер в отношении союзников.

Какова же была судьба изгнанных с острова делосцев? Согласно обоим нашим источникам, они удалились в Атрамиттий, город на побережье Малой Азии в Мисии, предоставленный им персидским сатрапом Фарнабазом3. Однако и с переселением в Атрамиттий злоключения делосцев не прекратились. Приглашенные Фарнабазом делосцы встретили здесь враждебное отношение со стороны местного персидского правителя Арсака и, вероятно, и со стороны местного населения. У Фукидида⁴ мы находим сообщение, что Арсак возымел вражду к делосцам, поселившимся в Атрамиттии. Выманив лучших из них, как рассказывает Фукидид, из города под предлогом снаряжения в военный поход, он неожиданно для них окружил их своими воинами и велел перебить дротиками. В таком положении со стороны делосских изгнанников вполне естественно было искать нового места для поселения. Спустя год после изгнания жителей Делоса, летом следующего 421 г., афиняне разрешили им вернуться обратно⁵. Сделано это было, как говорят наши источники, по предписанию дельфийского оракула6. Решающую роль при этом, конечно, играло не столько данное из Дельф предписание, сколько торжество в это время мирной партии в Афинах и факт заключения мира и даже союза со Спартой за время после изгнания делосцев. Возможно, что и самый оракул был дан по согласованию со Спартой и ее союзниками. Для нас, во всяком случае, представляет интерес то обстоятельство, что именно в данный момент делосцы находились под специальным покровительством со стороны дельфийского божества.

¹ Plut.—Apopht. Lacon., 15.

² Правда, Павсаний еще и в 426 г. был царем Спарты, так как его изгнанный отец Плистоанакт только в этом году вернулся в Спарту и был восстановлен в звании царя, однако обращение к нему делосцев уже в это время маловероятно, так как меры Афин, вызвавшие жалобы делосцев, были приняты лишь в конце этого и, быть может, в начале следующего года. Насмешливый ответ Павсания объясняется, повидимому, его склонностью к более мягким условиям мира; напротив, именно Лисандра мы встречаем в числе жертвователей и, вероятно, сторонников освобождения Делоса.

³ Thuc., V, I; Diod. Sic., XVI, 73, I.

⁴ T h u c., VIII, 108, 4. ⁵ T h u c., V, 32, 1; Di o d. S i c., XII, 77, 1. Диодор дает дату годом поэже, в архонтство Астифила, т. е. 420-419 гг. Но, несмотря на точную датировку, все же свидетельству Фукидида мы должны отдать предпочтение (cp. Schöffer, crp. 42). Фукидид указывает, что на возвращение делосцев афиняне решились, между прочим, под впечатлением военных неудач (именно, поражений при Делионе и Амфиполе).

⁶ Τοῦ ἐν Δελφοῖς θεοῦ χρήσαντος (Фукидид); κατά τινα χρησμόν (Диодор)

Таким образом, именно в эти годы (422 и 421) в истории Делоса мы находим и факт особого обострения отношений с Афинами и, следовательно, сближения с противниками Афин, и факт вынужденного выселения, и, наконец, факт специального покровительства делосским изгнанникам со стороны Дельф. Но именно стечение всех этих обстоятельств как раз и могло составить необходимую предпосылку как для участия Делоса в колониальном предприятии, так, в частности, и для участия в таком колониальном предприятии совместно с мегарской колонией Гераклеей, и, наконец, для вмешательства в дело основания колонии со стороны дельфийского оракула.

Обратимся теперь к истории Гераклеи и посмотрим, что происходило там в эти годы. Основана была Гераклея в половине VI в. мегарцами при участии беотийцев (одни источники говорят об участии в основании Гераклеи танагрцев, другие-фивян)1. Поводом к основанию ее послужила происходившая в это время ожесточенная внутренняя борьба в Мегарах. Такая же ожесточенная борьба вскоре после основания вспыхивает в самой Гераклее². С этого времени в течение последующих двух столетий до установления тираннии Клеарха внутренняя борьба, то вспыхивая, то замирая, здесь не прекращалась3. Мы знаем, с другой стороны, что годы пелопоннесской борьбы были временем наивысшего обострения общественных противоречий в древней Греции и что в это время достаточно было малейшего повода для того, чтобы взаимная ненависть олигархических и демократических элементов прорвалась наружу и вылилась в форме ожесточенной партийной борьбы. Таким поводом для обострения внутренней борьбы в Гераклее и должно было послужить появление афинского стратега Ламаха в понтийских водах в 424 г.

Летом этого года афинский флот под начальством трех стратегов— Демодока, Аристида и Ламаха-крейсировал у берегов Малой Азии в окрестностях Геллеспонта. В то время как Демодок и Аристид заняты были борьбой с митиленскими изгнанниками, утвердившимися в Антандре (в области Троады), их коллега, небезызвестный Ламах, вошел в Понт. направился в область Гераклеотиды и высадился здесь в устье р. Калета. Вследствие сильных дождей вода в реке поднялась и унесла корабли в море, где они и разбились о скалистый берег4. Потерпев таким образом неудачу, Ламах должен был вернуться обратно через земли вифинских фракийцев, выйдя к мегарской колонии Калхедону⁵. Ни у Фукидида, ни у Диодора, сообщающих об этом походе Ламаха, мы более никаких подробностей не находим. Более обстоятельные сведения дает Юстин, включая их в общий экскурс, специально посвященный истории Гераклеи и восходящий, очевидно, к местному источнику: «когда афиняне заняли господствующее положение и, победив персов, наложили на Грецию

¹ Колонией мегарян называют Гераклею Ксенофонт (Anab., VI, 2, 1) и Арриан (Peripl 18). Об участии беотян в основании Гераклеи говорят Эфор (fragm. 83, Müller), Псевдоскимн (ст. 973), Юстин (XVI, 3), ср. Steph. Ву z., s. v. Πάνελος (Панелос—участник колонизации Гераклеи, потомок Пенелея, предводителя беотийцев под Троей; II. II, 494). Об участии танагрцев говорит Раиз., V, 26, 7; об участии фивян Suid., s. v. 'Ηρακλείδης Εὂφρονος. Страбон, по очевидному недоразумению, называет основателями Гераклеи милетцев (Strabo, XII, 542, 3, 4).
² Arist.—Pol., V (VIII), 4, 2; ср. выше, стр. 248

³ Cp. Justin., XVI, 3: Multa deinde huius urbis adversus finitimos bella, multae etiam domesticae dissensiones fuere. См. также Н. Schneiderwirth—ук. соч.,

⁴ Thuc., IV, 75, 1—2; Diod. XII, 72, 4. ⁵ Thuc., V, 75, 2.

и Азию дань, предназначенную на содержание флота, все охотно делали эти взносы, служившие для их собственного блага (спасения). Только гераклейцы, дружившие с персидским царем, отказались от взносов. Афиняне послали Ламаха с войском, чтобы вынудить силой то, в чем было отказано. Пока он, оставив у берега суда, опустошал поля гераклейцев, он потерял с большей частью войска свой флот, потерпевший крушение вследствие внезапной бури. Лишившись судов, он не мог вернуться обратно морем и не отважился также с небольшим (оставшимся у него) отрядом следовать через земли стольких диких народов. Однако гераклейцы, полагая более достойным в данном случае оказать поддержку, чем мстить, отослали афинян, дав им съестные припасы и вспомогательный отряд. Они полагали при этом, что хорошо вознаградят себя за опустошение полей, если врагов превратят в друзей»¹.

Уже один факт появления Ламаха в области Гераклеи, о котором говорят Фукидид и Диодор, мог бы сам по себе послужить достаточным основанием для того, чтобы предполагать оживление в связи с этим партийной борьбы в Гераклее. Но в сообщении Юстина мы имеем, повидимому, и более определенные указания на этот счет. Прежде всего мы находим здесь сообщение о дружественных отношениях Гераклеи к персидскому царю: обстоятельство, свидетельствующее о господстве в это время в городе олигархической партии. Об этом же говорит факт упорного нежелания Гераклеи войти в Афинский союз, равно как и самый факт вторжения в Гераклеотиду и опустошения ее полей Ламахом. С другой стороны, и внезапный перелом в настроении и поведении гераклейцев вряд ли в действительности объясняется той игрой в благородство, какую приписывает им Юстин. Мы вправе, повидимому, предположить, что под влиянием факта появления в Гераклеотиде афинян в городе произошел демократический переворот. Гераклейские демократы, по всей вероятности, и помогли Ламаху выйти из того затруднительного положения, в каком он оказался. Напротив, удаление его, в свою очередь, должно было иметь своим последствием возвращение к власти олигархов и вынужденное выселение демократических элементов и основание ими колонии. Такой ход событий тем более вероятен, что он имел свои прецеденты как в основании самой Гераклеи, так и в условиях основания ее первой колонии Каллатиса. Впрочем, если даже и не предполагать такого обострения партийной борьбы в Гераклее, естественным, во всяком случае, представляется желание гераклейских олигархов освободиться от наиболее демократических и беспокойных элементов населения.

Круг нашего исследования заканчивается. Исследование истории Делоса и истории Гераклеи приводит нас к заключению, что и там и тут в одно и то же время, даже в один и тот же год, создались предпосылки для вынужденной колонизации. Именно этот год является, по всей вероятности, годом основания Херсонеса. Это 422—421 гг. Сообщение об изре-

¹ Justin, XVI, 3: Quum rerum potirentur Athenienses victisque Persis Graeciae et Asiae tributum in tutelam classis descripsissent, omnibus cupide ad praesidium salutis suae conferentibus soli Heracleenses ob amicitiam regum Persicorum collationem abnuerunt. Missus itaque ab Atheniensibus Lamachus cum exercitu ad extorquendum, quod negabatur, dum, relictis in littore navibus, agros Heracleensium populatur, classem cum majore parte exercitus naufragio repentinae tempestatis amisit. Itaque quum neque mari posset, amissis navibus, neque terra auderet cum parva manu inter tot ferocissimas gentes reverti, Heracleenses, honestiorem beneficii quam ultionis occasionem rati, instructos commeatibus auxiliisque dimittunt, bene agrorum suorum populationem impensam existimantes, si, quos hostes habuerant, amicos reddidissent.

чении оракула в интересах делосцев находит себе подтверждение, как мы видели, в факте покровительства в указанные годы Делосу со стороны Дельф. Любопытно, что и этот факт имеет свой прецедент в прошлом Гераклеи, которая сама была основана, как мы видели, не одними мегарцами, но совместно с беотийцами, причем и тогда участие беотийцев было обусловлено предписанием дельфийского оракула¹.

В обстоятельствах изгнания и затем возвращения делосцев на остров легко находит себе объяснение и чисто дорический характер Херсонеса и отсутствие в его жизни каких-либо ионийских элементов. Поскольку делосцы уже через год получили возможность возвратиться обратно. их фактическое участие в основании новой колонии свелось к минимуму. если только вообще не осталось чисто номинальным. Наконец, можно привести еще одно, правда, косвенное, но в связи с другими данными также имеющее свое значение, доказательство в пользу основания Херсонеса гераклейцами и делосцами именно в указанном году и при указанных обстоятельствах. Изгнанные с острова жители Делоса направились первоначально в Атрамиттий и затем уже оттуда, повидимому, предполагалось участие их в колонизации Херсонеса. Как бы то ни было, происходило ли переселение в Атрамиттий и участие в основании новой гераклейской колонии одновременно или последовательно, во всяком случае оба города могли так или иначе, пусть номинально, считать и называть своей метрополией о. Делос. И вот с этой точки зрения представляется любопытным и знаменательным тот факт, что если в III в. Херсонес выступает чуть ли не единственной греческой общиной, делающей вклады в делосскую сокровищницу, то столетием раньше в среде жертвователей при таком же незначительном числе греческих общин, делающих вклады на Делосе, мы встречаем неожиданно Атрамиттий, город еще менее значительный и принимавший не большее участие в общеэллинской жизни, чем Xepconec².

Нам остается остановиться на археологических данных и посмотреть, в какой мере устанавливаемая нами датировка оправдывается этими данными. Сопоставление вещественного материала, найденного в Херсонесе, с вещественным материалом других греческих городов Северного Причерноморья оставляет вполне определенное впечатление о значительно более позднем возникновении Херсонеса. Различие в датировке древнейших вещей Херсонеса и других причерноморских городов достигает ста—полутораста лет. В древнейшем греческом поселении в области Северного Причерноморья на о. Березани, поселении, просуществовавшем с VII в. до первых десятилетий V в. и затем утрачивающем значение, найден обильный материал, относящийся почти исключительно к архаической эпохе. Здесь представлены все стили и центры греческого керамического производства, начиная с геометрического стиля³ и кончая аттическими чернофигурными и ранними краснофигурными вазами. Здесь в значительном числе встречается архаическая керамика с о. Феры, милетская, самосская, навкратийская, клазоменская, протокоринфская, коринфская, наконец,

³ «Arch. Anzeiger», 1910, стр. 227, рис. 27.

¹ Justin., XVI, 3. ² В инвентаре 364 г., ВСН, X, 1886, стр. 462, 1. 13—14.

как уже сказано, аттическая чернофигурная и ранняя краснофигурная¹.

Возникновение другого древнейшего центра—Ольвии, датировавшееся раньше второй половиной VII в., в настоящее время определяется более поздней датой, именно—серединой VI в. Несмотря на относительно более позднюю дату возникновения Ольвии, и здесь при раскопках был найден богатейший материал, также относящийся к архаической эпохе. В наиболее глубоких слоях Ольвии встречаются отдельные предметы, восходящие к VII в.² Шестой век представлен в Ольвии не только богатейшим, но и самым разнообразным материалом. Как и на о. Березани, мы имеем здесь художественные вазы всех архаических стилей-милетские, родосские, самосские, навкратийские, клазоменские, протокоринфские, халкидские, аттические чернофигурные³, архаические терракоты⁴, фрагменты скульптуры VI в. 5, предметы туалета и домашнего обихода, зеркала⁶, золотые подвески (в виде львиной головы)⁷, печати со второй половины VI в. В. Ольвийские монеты также восходят к началу V и, быть может, даже ко второй поло-

¹ ОАК, 1901, стр. 133; 1903, стр. 152 сл.; Э. Ш т е р н—«Записки Одесского общ. ист. и древностей» (протоколы заседаний), 1905, № 369; 1906, № 377; 1907, № 384; 1908, № 391; 1909, № 397; 1913, № 430; E. Stern—Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Lichte archäologischer Forschungen, «Klio» ат Nordgestade des Schwarzen Meeres im Lichte archäologischer Forschungen, «Кно» IX (1909), S. 142—144; В. Р h a r m a k o w s k y, «Arch. Anz». 1909—1910; М i n n s— Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, р. 338—339, 451—452. Ср. Н. Р а д л о в— Два черепка с о. Березани, ИАК, 37 (1910), стр. 81—86; Н. А. Э н м а н—Навкратийский кубок, найденный на о. Березани, ИАК, 40 (1911), стр. 142—158; ср. Т. Н. К н ипо в и ч, «Известия ГАИМК», V (1927), стр. 95, табл. XII; М. Б о л т е н к о—Допитання про час виникнення та назву давниішої йонійської оселі над Бористеном; Л. М. С л а в і н—Ольвія, Київ, 1938, стр. 8.

2 Б. Ф а р м а к о в с к и й—Раскопки в Ольвии в 1902 и 1903 гг., ИАК, 13 (1906), стр. 215 сл. Е г о ж е—Оlbia, 1901—1908, ИАК, 33 (1909), стр. 118—119. Е г о ж е—Архаический периол в России. Мат. арх. Росс., вып. 34, табл. 1. Е г о ж е—

Его же-Архаический период в России, Мат. арх. Росс., вып. 34, табл. 1. Его же-Раскопки в Ольвии в 1924 г., «Сообщения ГАИМК», 1 (1926), стр. 156, рис. 8—9. И. П. Малев—Две архаические коринфские вазы, ИАК, 58 (1915), стр. 57—81. Большая часть вещей, относимых ранее к VII в., в настоящее время датируется более поздним временем (не ранее второй четверти VI в.), см. Т. Н. К н ипович—К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII—Vвв. до н. э. (сб. «Из истории Боспора», М.-Л. 1934, стр. 102-103). Тем не менее наличие вещей VII в. в Ольвии констатируется и в книжке С л а в и н а — Ольвія, Київ, 1938 г., стр. 61, хотя последний относит основание Ольвии только к половине VI в.

³ ИАК, 13, стр. 148, рис. 94; стр. 187, рис. 143; стр. 217, рис. 157—160; 33, стр. 118 и рис. 23—30. Б. Фармаковский — Архаический период в России. Его же— Раскопки в Ольвии в 1925 г. «Сообщения ГАИМК», 1, стр. 182—183, прим. 1; 190, рис. 9 Его ж е—Ольвия, М. 1915, стр. 33, рис. 18 и 19. И. Малев—Коринфские арибаллы с растительным орнаментом из Ольвии, ИАК, 54 (1914), стр. 83—98. J. Воећ 1 а и—Sammlung Vogell, Cassel, 1908, № 16—47 и табл. I—II; ср. Міппs, р. 339. Т. Н. Книпович—«Известия ГАИМК», V, 1927, стр. 91 сл. (табл. XI, 2); стр. 96 сл. (табл. XIII). Л. М. Славин—ук. соч., стр. 57 сл., 61 сл., рис. 35, 39—42. 4 ИАК, 1908, стр. 18 и 22, рис. 26 и 33; ИАК, 33, стр. 116 сл., рис. 17—21. Б. Фар-

маковский—Ольвия, стр. 15. Вое h l a u—№ 643 сл.; Міппs, стр. 364. ⁵ Б. Фармаковский—Ольвия, стр. 15, ИАК, 33, стр. 117, рис. 22; егоже—

Архаический курос из Ольвии, «Сообщения ГАИМК», 1 (1926), стр. 164—170, рис. 23—26 (раскопки 1924 г.). То же в сборнике в честь С. А. Жебелева, Л. 1926.

⁶ Жебелев и Мальмберг—Три архаические бронзы, Мат. арх. Росс.,

^{32.} Славін, рис. 47, 52. ⁷ Б. Фармаковский, Мат. арх. Росс., 34, табл. ІХ, 1. Его же—Раскопки в Ольвии в 1924 г. «Сообщения ГАИМК», 1, стр. 163 и рис. 21. Его же-Ольвия, стр. 30—31.

⁸ М. И. Максимова—Античные печати Северного Причерноморья, «Вестник древней истории», 1, М. 1937, стр. 253.

вине VI в. В Ольвии мы имеем, наконец, даже следы строительства архаической эпохи в виде случайно уцелевшей части полигональной стены² и фрагмента архаической ионийской кимы³.

Если относительно времени возникновения Ольвии еще могут оставаться сомнения, то факт основания Пантикапея и других греческих городов на Керченском и Таманском полуостровах не ранее середины VI в. вряд ли может подлежать сомнению. И тем не менее раскопки на месте древнего Пантикапея и в его окрестностях обнаружили не только вещевой материал второй половины VI в., но также в небольшом количестве предметы, восходящие к первой половине VI в. 5 В пантикапейском некрополе найдены сосуды и амфоры стиля фикеллуры⁶, вазы самосские, ионийские, коринфские, аттические чернофигурные 7. То же наблюдается и в других греческих поселениях Керченского полуострова. «Археологический материал нижних культурных слоев позволяет говорить о возникновении Тиритаки и Мирмекия приблизительно в половине VI в. до н. э. Дата эта устанавливается находками архаической, преимущественно родосско-ионийской, керамики»⁸. Вазы ионийского, милетского, клазоменского, родосского стилей в значительном числе и в хорошей сохранности находимы были также на месте греческих поселений [Фанагории, Гермонассы (?) и др.], равно как и в туземных погребениях на Таманском полуострове. Монеты Пантикапея

³ ОАК, 1905, стр. 14—15, рис. 13—14; ИАК, 33, стр. 116, рис. 16; ср. «Arch.

Anzeiger», 1906, crp. 122, puc.7.

8 В. Ф. Гайдукевич—Боспорские города Тиритака и Мирмекий на Кер-

ченском полуострове, «Вестник древней истории», 1, М. 1937, стр. 217.

¹ Репников и Фармаковский относят древнейшие ольвийские монеты к началу V в. (ИАК, 13, стр. 283, рис. 161—162); Міпп s—к VI в. (стр. 484, табл. 11, 1 и 2).

² Б. Фармаковский—Ольвия, стр. 12; ИАК, 13, стр. 38, табл. IV.

⁴ Beloch—Griechische Geschichte, I², 2, S. 335. Ed. Meyer—Geschichte d. Altertums, III, Stuttgart 1937, S. 420. Более специально вопрос о времени основания Пантикапея исследуется в статье акад. Ж е б е л е в а - Возникновение Боспорского государства, «Известия Академии наук», ООН, 1930, № 10, стр. 800 сл.

⁵ Прежняя датировка археологического материала Пантикапея концом VII и началом VI в. в настоящее время значительно изменена, и материал этот датируется первой половиной VI в. и притом ближе к его середине; см. Т. Н. К н и п о в и ч, ук. соч., стр. 103-104

⁶ ОАК, 1912, стр. 37; 1913—1915, стр. 91, рис. 153.

⁷ ИАК, 17 (1905), рис. 22 и 23; 25 (1907), стр. 29, погреб. 126; 30 (1909), стр. 30—31, рис. 18 и 19; 35 (1910), стр. 26, рис. 13; 60 (1916), стр. 10, рис. 1 и 2; стр. 12, рис. 3 и 4; рис. 18 и 19; 35 (1910), стр. 26, рис. 13; 00 (1916), стр. 10, рис. 1 и 2; стр. 12, рис. 3 и 4; Б. Фармаковский — Милетские вазы из России, «Древности Моск. арх. общ.», XXV (1914), табл. VIII—IX, XI. Его же—Архаический период в России, Мат. арх. Росс., 34, стр. 46 сл.; В. Шкорпил—Археанактиды, «Изв. Тавр. арх. ком.», 54 (1917); М. Ростовцев—Скифия и Боспор, Л. 1925, стр. 185 (нем. изд. стр. 171); Т. Н. Книпович, «Известия ГАИМК» 1 (1927), стр. 90—91, табл. XI, 1; Ю. Ю. Марти—Путеводитель по Керченским древностям, Керчь, 1926, стр. 37—39. Следует заметить, что и в данном случае среди археологов наблюдается тенденция к снижению первоначальных датировок; ср. С. А. Жебелев-Возникновение Боспорского государства, «Известия Академии наук» ООН, 1930, № 10, стр. 799, прим. 1.

⁹ М. Ростовцев, стр. 263—264 (нем. изд. стр. 238) (Фанагория); В. Шкорпил—ИАК, 56 (1914), стр. 1; ОАК, 1913—1915, стр. 110 сл. (Некрополь Гермонассы); ср. Ростовцев, стр. 282: Н.А. Энман—Ионийская амфора с Таманского полуострова, ИАК, 45 (1912), стр. 92—103, табл. VII—XI; С.Д. Руднева—Амфора милетского стиля из окрестностей станицы Таманской, там же, стр. 104-110, табл ХП-XIII; Е. О. Прушевская—Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове, ИАК, 63 (1917), стр. 31 сл., 48 сл., табл. ІІІ (теперь Прушевская датирует родосскую вазу «несколько раньше середины VI в.»); Т. Н. К н и п ов и ч-Ионийская ваза с Таманского полуострова и клазоменский стиль в памятниках греческих поселений северного побережья Черного моря, «Известия ГАИМК»,

восходят также к VI в.1, печати-к началу V в., причем последние находимы были не только в греческих ^{2} , но и в большом числе в туземных ^{3} погребениях.

Даже в таком относительно менее богатом и значительном и притом систематически до сих пор необследованном поселении, как Феодосия (основана во второй половине VI в.), найдено было не только значительное количество аттической краснофигурной керамики V в., но и немало следов культурной жизни второй половины VI в. (чернофигурная ваза, террақоты и др.)4. Наиболее ранние, правда, встречающиеся в единичных экземплярах, монеты Феодосии также могут быть датированы V в. Наконец, в позднее (повидимому, уже в V в.) возникшем Нимфее мы имеем монеты⁶, погребения⁷ и надписи V в. Чеканка собственной монеты (с женским изображ (нием нимфы и с надписью NYM) производилась здесь, повидимому, во второй половине V в. и с концом этого века, вероятно, в связи с подчинением Пантикапею, прекращается9.

Приведенный сбзор показывает, что во всех греческих городах Северного Причерноморья находимый при раскопках археологический материал восходит не только ко времени их основания и начального существования, но частично и ранее возникновения на месте постоянного греческого поселения¹⁰. Так, в Ольвии, основание которой датируется теперь первой половиной и даже серединой VI в., в Пантикапее и смежных с ним греческих городах, возникших в половине VI в. и даже несколько позднее, встречается много предметов, восходящих к первой половине VI и частью ко второй половие VII вв.; древнейший археологический материал, найденный в Феодосии, основанной во второй половине VI в., и на месте древнего Нимфея, возникшего уже в V в., относится также либо к самому началу их существования, либо предшествует ему. Это происходит, как известно, оттого, что образованию постоянного греческого поселения предшествовало возникновение торговых сношений с местным населением, и иногда основание торговой греческой фактории. В то же время нисколько не исключены, но, наоборот, обычны были случаи захоронения с покойником вещей не только современных ему, но и восходящих к более раннему времени. Так, в пантикапейском некрополе в могиле V в. рядом с краснофигурными вазами строгого стиля в изобилии найдены были чернофигурные сосуды, относящиеся еще ко второй поло-

V (1927), стр. 85—101, табл. IX—XI, XIV [датировка двух самосских амфор (стр. 100) также должна быть изменена на вторую половину VI в.].

¹ М. Ростовцев, стр. 173, 284 (нем. изд. стр. 169, 255); Міппs, стр. 628, табл. V. По определению А. Н. Зографа («Античные монеты» — рукопись, стр. 128), типы древнейших пантикапейских монет (вдавленный квадрат на оборотной и примитивно исполненная львиная голова на лицевой стороне) заставляют отодвигать их далеко в глубь VI в.

² М. И. Максимова, ук. соч., стр. 253.

³ Там же, стр. 255 сл.

⁴ Э. Штерн-Феодосия и ее керамика (Музей Од. общ. ист. и древн.), Одесса 1906, стр. 85 сл., стр. 363—364; Minns, стр. 363—364; Ростовцев, стр. 252—

^{1906,} стр. 35 сл., стр. 365—364, итти и стр. 365 сол, 1 стр. 36 сл., стр. 228).

⁶ А. Н. Зограф, рукопись, стр. 121.

⁶ А. Л. Бертье-Делагард, «Нумизматический сборник», II, стр. 45;
Міппs—табл. ІХ, 8—9.

⁷ М. Ростовцев, стр. 253—254 (нем. изд. стр. 230).

^в В. Латышев—Эпиграфические новости из Южной России (находки 1901— 1903 гг.), ИАК, 10 (1904), стр. 25, № 20; стр. 52, № 47.

⁹ А. Н. Зограф, стр. 125—126.

¹⁰ Этот факт констатируется и в цит. статье С. А. Жебелева, стр. 801.

вине предшествовавшего столетия¹. Время основания причерноморских греческих колоний определяется, таким образом, вовсе не самыми ранними найденными на месте предметами. О возникновении и существовании постоянного поселения можно говорить лишь с того времени, когда археологический материал, на основании которого производится датировка, представляется и достаточно обильным и достаточно разнообразным2.

Подходя с этой меркой к вещественным памятникам Херсонеса, мы и здесь встречаем ту же картину, как и в других колониях Северного Причерноморья, только, как уже сказано, с опозданием на сто-полтораста лет. Наличие в Херсонесе аттической керамики, частично восходящей к середине V в. и даже несколько ранее (вплоть до отдельных чернофигурных фрагментов), не говорит еще за существование здесь постоянного греческого поселения. Эта посуда могла являться результатом случайного обмена с жителями туземного поселения, существовавшего, повидимому, на месте позднейшего Херсонеса, а также могла быть завезена и самими гераклейскими поселенцами, которые не с пустыми же руками явились на место нового поселения. Основной херсонесский материал, напротив, не восходит ранее последней четверти или трети V в. Типичной для него представляется позднейшая краснофигурная и чернолаковая керамика. Фрагменты ионийской керамики, как мы видели на примере так наз. «навкратийского» кубка, вовсе не обязательно восходят к раннаму времени, причем встречаются они обычно совместно с краснофигурными и чернолаковыми фрагментами. Остальной вещественный материал Херсонеса не восходит ранее конца V или начала IV в. до н. э. Так, из многочисленных найденных в Херсонесе терракот самые ранние относятся к концу V в.3 Печати, которые в других греческих городах Причерноморья имеются уже от V в. и частью (в Ольвии) от VI в., в Херсонесе также не восходят ранее IV в. 4 Чеканка херсонесской монеты, по определению Бертье-Делагарда, начинается с половины IV в. 5 А. Н. Зограф относит начало чеканки монеты ко второму или третьему десятилетию IV в. В. Не ранее конца V начала IV вв. сооружены первые стены Херсонеса. Наконец, если обратиться к эпиграфичэскому материалу, то и здесь увидим ту же картину. В Ольвии найдены фрагменты надписей, относящихся к V в. В Пантикапее и в Нимфее также найдены отдельные фрагменты погребальных и других надписей V в.; в Нимфее даже, как мы видели, надпись архаического типа, восходящая к началу этого столетияв; в Херсонесе, напро-

2 Ср. цит. выше статью Т. Н. Книпович, где это положение констатируется в общей форме (стр. 91) и затем иллюстрируется на материале Ольвии (стр. 103), Пан-

¹ Ростовцев, стр. 186 (нем. изд. стр. 172).

тикапея (стр. 104), Танаиса (стр. 108).

3 В. К. Мальмберг—Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 гг., Мат. арх. Росс., 7 (СПБ. 1892), стр. 3—23, табл. І—ІІІ. Г. Д. Белов—Терракоты Херсонеса из раскопок 1908—1914 гг. («Херсон. сборник», III, Севастополь, 1931, стр. 219—245).

⁴ М. И. Максимова, ук. соч., стр. 253.
5 А. Л. Бертье-Делагард—Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского, М. 1912 г. (оттиск из «Нумизм. сборника», т. II), стр. 3, 300, т. XXVI, стр. 222 сл.

⁶ Согласно подготовленной к печати работе об античных монетах, гл. IX, «Монеты

Херсонеса Таврического», стр. 67—68. ⁷ IosPE, I² 1916 № 20, 208, 270 (известная надпись Леокса, сына Мольпагора, между 495 и 460 гг.), 275.

⁸ Пантикапей, IosPE, II, № 97, также 204, 280, 292. Нимфей, ИАК, 10 (1904), стр. 25, № 20; стр. 52, № 47.

тив, нам неизвестно ни одного эпиграфического документа ранее IV в., причем и надписи IV в. относительно немногочисленны.

Во время раскопок, производившихся в Херсонесе Г. Д. Беловым в 1936—1937 гг., открыт был некрополь, который Г. Д. Белов, повидимому, не без основания, признает древнейшим и современным начальному существованию здесь греческого города. «Открытый нами некрополь,—замечает в отчете о раскопках 1936 г. Г. Д. Белов¹,—представляет большое значение для истории Херсонеса. Во-первых, ценность его заключается в том, что этот ранний некрополь впервые открыт как сплошной массовый некрополь. До сих пор погребения IV в. до н. э. были известны в Херсонесе по раскопкам только единицами (склеп № 10—12 раскопок 1899 г.)... Во-вторых, раскопки некрополя дают важные указания по вопросу о первоначальном местонахождении города и постепенном росте его территории. Археологические данные этого года позволяют считать, что начальное поселение находилось на западном берегу Карантинной бухты и в нынешней восточной части. Северный же берег в средней его части (против усадьбы музея) в V—начале IV вв. до н. э. находился вне города и был занят кладбищем. В дальнейшем, при бурном (?—A. T.) росте Херсонеса, в IV в. территория города расширяется и кладбище застраивается жилыми домами. Таким образом, можно проследить постепенный рост городской территории, --этот рост происходил с востока на запад. В-третьих, раскопками этого года открыто опять-таки впервые большое количество скорченных погребений. Это открытие чрезвычайно важно для истории раннего периода жизни Херсонеса. Скорченные погребения свидетельствуют о том, что наряду с греками-пришельцами в Херсонесе жило и местное население, повидимому, тавры».

С соображениями Г. Д. Белова в пользу того, что открытый им некрополь представляет древнейший некрополь Херсонеса, повидимому, можно вполне согласиться. За древность некрополя 1936 г. говорит прежде всего самое его местоположение. Известные до сих пор некрополи Херсонеса (начиная с эллинистического времени) расположены были вдоль южной и юго-западной оборонительных стен города, причем они постоянно находились вне городской черты. Некрополь 1936 г. открыт был, напротив, в необычной—северной, прибрежной части города (к северу от главного корпуса музея—бывшего собора)2, застроенной и густо заселенной уже во второй половине IV в. Другой факт, несомненно свидетельствующий о древности некрополя, это большой процент скорченных туземных погребений. Из общего количества 70 погребений (не считая жженных костей и детских погребений в амфорах) 28, т. е. 40%, было скорченных3. Заключать из факта наличия столь значительного количества скорченных погребений о характере позднейших взаимоотношений между пришлым греческим и местным населением, как это делает Г. Д. Белов⁴, было бы

⁴ Crp. 145.

¹ Стр. 144—145. Цитирую по корректурному оттиску, любезно присланному мне автором.

² Стр. 109 и сл. корректурного оттиска.

³ Стр. 143 корректурного оттиска отчета. Во время раскопок 1937 г., производившихся на территории к югу от раскопанной в предшествовавшем году, найдено было продолжение некрополя, датируемого тем же временем. Однако ввиду большой застроенности этого района уже с IV в. некрополь был здесь нарушен более, чем в северной части, и погребений встречались лишь островками. Из 29 открытых погребений половина оказалась детских в амфорах; из 9 погребений взрослых 2 было скорченных и 7 —в вытянутом положении на спине. См. Г. Д. Белов—Отчет о раскопках Херсонеса в 1937 г. (рукопись, стр. 4—11).

вряд ли правильно и, во всяком случае, преждевременно. Единственный вывод, который отсюда можно сделать, это то, что некрополь относится к тому времени, когда следы существовавшего здесь до основания греческого города туземного поселения не успели еще исчезнуть и когда основанный гераклейцами город или сосуществовал с туземным поселением или только что его вытеснил и занял его место.

Если, таким образом, некрополь 1936 г., как мы имеем все основания предполагать, действительно является древнейшим и современным возникновению города некрополем, то датировка найденных в нем вещей для стоящего перед нами вопроса о времени основания Херсонеса имеет первенствующее значение. Вот что читаем мы по этому поводу в отчете: «Открытый в этом году некрополь может быть датирован концом V—началом IV вв. до н. э. При нескольких погребениях найдена чернолаковая посуда раннего времени: солонки, чашечки, килики, покрытые хорошим черным лаком. При одном погребении (№ 32) найден ионийский кувшинчик. Прочий инвентарь (перстни и браслеты) был плохой сохранности. Культурный слой, покрывающий погребения, содержал в себе фрагменты ионийской посуды, краснофигурной, чернолаковой, а также обломки амфор, блюд, мисок и пр. Таким образом, насыпь над некрополем датируется не позднее, чем первой половиной IV в. до н. э. Городские постройки возникают здесь около середины IV в. Следовательно, погребения совершались на этой территории только до середины IV в. до н. э.»¹

Инвентарь, найденный в погребениях древнейшего херсонесского некрополя, датируется, таким образом, концом V—началом IV в. Судя по наличию обильной чернолаковой посуды, датировка вещей, данная Беловым, склонным, как мы знаем, относить время возникновения Херсонеса не к концу, а к началу V в., грешит скорее в сторону преувеличения, чем преуменьшения даты. Ту же датировку вещей некрополя в общем дает и T. H. Книпович, имевшая возможность ознакомиться с материалом во время отчетного сообщения Белова в Γ AИМК. При этом еще следует учитывать то обстоятельство, что туземные скорченные погребения, возможно, восходят еще ко времени до основания здесь греческого поселения.

Подводя итоги, мы можем, таким образом, констатировать, что открытый в 1936 г. некрополь представляет древнейший и притом современный основанию города некрополь Херсонеса и что в то же время вещественный материал, найденный в этом некрополе, датируется концом V—началом IV в. Таковы, по крайней мере, предварительные итоги, но если эти предварительные итоги подтвердятся дальнейшим, более специальным обследованием материала, то лучшего доказательства в пользу предложенной датировки основания Херсонеса желать не приходится. Вывод, сделанный на основании анализа эпиграфических и литературных данных, нашел бы себе в таком случае полное подтверждение и на археологическом материале.

¹ Отчет (корр. оттиск), стр. 144. Инвентарь погребений, открытых в 1937 г., крайне незначителен (см. рукописный отчет, стр. 11). В античном культурном слое над некрополем, значительно лучше представленном, чем в раскопках предшествовавшего года, открыт ряд жилых комплексов эллинистического времени, преобладающую массу составляли предметы III—II вв.; значительно меньше было вещей IV в. Только «небольшая часть посуды относится к V в. (ионийская)» (см. рукописный отчет, стр. 31). Этот факт нахождения отдельных экземпляров керамики V в. в части города, застроенной лишь во второй половине IV в., является лишним доказательством в пользу выставленного выше положения о возможности случаев более ранней датировки вещей по сравнению с поселением, на месте которого они найдены.

II. Херсонес и Делос

Сообщение Псевдоскимна об основании Херсонеса гераклейцами совместно с делосцами по указанию дельфийского оракула, восходящее к вполне доброкачественному первоисточнику, именно к сочинению географа конца III в. до н. э. Димитрия из Каллатиса, является единственным свидетельством для начальной истории Херсонеса. Свидетельство Псевдоскимна и вызванные им сомнения специально разобраны выше¹. Настоящий этюд имеет своей целью исследование данных, касающихся позднейших взаимоотношений между Херсонесом и Делосом. Эти данные с несомненностью показывают, что дорийский Херсонес не только не чуждался Делоса, но, напротив, находился с ним в тесных взаимоотношениях, которые в свою очередь свидетельствуют о какой-то специфической связи, соединявшей его с Делосом. В этой связи не менее показательными представляются также и специальные дружественные отношения, существовавшие между Херсонесом и Дельфами, которые, по свидетельству Псевдоскимна, играли посредническую роль при совместном предприятии Гераклеи и Делоса по основанию колонии на Гераклейском полуострове.

Внешние отношения и связи Херсонеса не были обширны. Из девяти декретов о даровании проксении, в которых этникон лица, получающего проксению, известен, только один дарует проксению родосцу. Остальные восемь не выходят за пределы области Понта, причем три из них относятся к гражданам херсонесской метрополии Гераклеи, два—к синопцам, оказавшим при дворе понтийского царя определенные политические услуги городу. И вот, при такой ограниченности внешних отношений Херсонеса, тем показательнее, что вне области Понта можно установить близкие и дружественные отношения только между Херсонесом и Делосом, с одной стороны, Дельфами—с другой, причем эти отношения, как уже сказано, носят специфический характер.

Маленький остров Делос являлся, прежде всего, религиозным центром, и именно этим значением религиозного центра определялось и его место в политической жизни древней Греции. Первоначально центр ионийской островной амфиктионии, Делос в дальнейшем привлекает к себе специальное внимание со стороны городов и государств, претендовавших на гегемонию в области Восточного Средиземноморья и стремившихся укрепить свое господство авторитетом религии. Уже с VI в. остров является яблоком раздора между Писистратом Афинским и Поликратом Самосским (Фукидид, III, 104, 1—2). В V в. морской союз, образовавшийся под гегемонией Афин, получает название Делосского союза, но фактически Афины подчиняют Делос себе и распоряжаются на острове, как полные хозяева. После поражения Афин Делос получает свободу и временно становится предметом внимания со стороны Спарты. Вскоре, однако, он вновь подпадает под влияние Афин и остается в таком зависимом положении до последней четверти IV в. Затем наступает период так называемой независимости, который длится в течение всей эллинистической эпохи вплоть до того времени, когда остров был передан римлянами Афинам, а жители его выселены. В это время Делос не только в качестве религиозной святыни, но и как средоточие союза островитян, находился в центре внимания эллинистических властителей, оспаривавших влияние на Эгейском море.

 $^{^{1}}$ См. «К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса», стр. 250 сл.

С Делосом поддерживаются дружественные связи и отношения, его святилище осыпается дарами. Рядом с почетными декретами¹, инвентарные храмовые списки Делоса с указанием жертвователей составляют один из важнейших источников по истории области Эгейского моря в эллинистическую эпоху. Пожертвования в делосское святилище со стороны отдельных правителей обусловливаются, прежде всего, той ролью, какую каждый из них играл или стремился играть в данный момент в союзе островитян ^{2} .

Влияние в области Эгейского моря оспаривал у эллинистических монархов о. Родос³, и этим объясняются его религиозные связи с Делосом, ежегодно посылаемые на Делос теории и, наконец, те обильные пожертвования, какие в течение всего ІІІ в. поступали как от родосской общины в целом, так и от отдельных граждан Родоса в делосскую храмовую сокровищницу4. Такие же постоянные и тесные отношения поддерживал с Делосом и второй религиозный центр области Эгейского моря, о. Кос5.

1 Делосские декреты в честь отдельных эллинистических правителей и их должностных лиц и союзников см. IG XI, 4. Избранные декреты, но с обстоятельными комментариями см. D urrbach—Choix d'inscriptions de Délos, Paris 1921.

² Пожертвования Димитрия Полиоркета, его дочери Стратоники и зятя, Селевка Никатора, обусловливались, повидимому, временным преобладанием Димитрия в области Эгейского моря. Когда с 80-х годов над союзом островитян устанавливается гегемония Египта, в качестве жертвователей выступают египетские Птолемеи, их жены, стратеги и союзники — Филокл Сидонский и Филетэр Пергамский. В числе жертвователей первой половины III в., в архонтство Артисилея (251 г.) мы встречаем Перисада (повидимому II, Боспорского) см. IG, XI—2, 287 B, 1. 126—127; Durrbach—Inscriptions de Délos. Comptes des Hiéropes (Nº 290-371); Academie des Inscr. et Belles Lettres, Paris, 1926, № 298, А, І. 95—96=313 а, І. 74=314 В, І. 82. Связи Боспора с Делосом были, однако, не политического, но, прежде всего, коммерческого характера. В первой половине III в. Делос продолжал еще в значительной мере получать хлеб из области Понта, о чем свидетельствуют, например, декрет в честь византийца Дионисия, снабдившего Делос проданным хлебом (IG, XI, 2, 627, ср. Durrbach—Choix des inscriptions de Délos, Paris 1921, № 46), равно как и многочисленные проксении, данные гражданам Византии и других понтийских городов. В свою очередь и боспорский царь, опасаясь возраставшей конкуренции египетского хлеба, мог стремиться в то же время поддерживать хорошие отношения с Делосом. В половине III в. гегемония на море переходит к македонским царям, и в связи с этим пожертвования и вклады со стороны Птолемеев прекращаются вовсе и сменяются пожертвованиями македонских царей Антигона Гоната и его жены Филы, Димитрия II, Антигона Досона и их союзников (например Николая из Этолии). В царствование Филиппа V влияние Македонии в области Эгейского моря ослабело и преобладение на море оспаривалось. Вот почему рядом с пожертвованиями Филиппа Македонского в это время поступают дары от ряда других жертвователей—Аттала Пергамского, Антиоха, ахейцев (Мегалополь) (ср. декрет в честь Александра Мегалополита, Durrbach, № 60). Наконец с начала II в., в связи с растущим вмешательством Рима во внутренние дела Греции, рядом с македонским царем Филиппом и его сыновьями Димитрием и Персеем, все чаще в качестве жертвователей начинают фигурировать римляне. В числе вкладчиков мы находим имена Публия Корнелия Сципиона Африканского, его брата Люция Корнелия Сципиона, Тита Фламинина, преторов, командовавших римским флотом в войну с Антиохом, и др. Сведения о лицах, делавших пожертвования в сокровищницу Делосского храма см. H o m o l l e, BCH, VI (1882), p. 157—164 и XV (1891), p. 118—149 и его же— Les archives de l'intendance sacrée à Délos, Paris, 1887; V. S c h ö f f e r—De Deli insulae rebus, Berlin, 1889, p. 176—178, cp. p. 91—108. Об отношении эдлинистических монархов к союзу островитян, в частности к о. Делосу, см. также С. А. Ж е б ел е в —Союз островитян, ЖМНП, 1905, стр. 219—260.

3 С. А. Жебелев говорит даже об «эпохе родосской опеки», ук. соч., стр. 257.

⁴ Правда, III в. был временем оживленной торговли между Делосом и Родосом, однако расширение торговых интересов нашло себе отражение не столько в увеличении числа пожертвований, сколько в установлении проксенических связей (см. об этом ниже).

⁵ V. Schöffer — De Deli insulae rebus, Berlin, 1889, p. 178.

Если Родос и Кос, таким образом, соперничали с эллинистическими монархами в пополнениц сокровищницы Делоса щедрыми и обильными дарами, то остальные греческие общины (я имею в виду именно городские общины в целом, а не пожертвования отдельных граждан по различным частным поводам) как в эпоху так наз. независимости, так и в предшествующую эпоху, за отдельными исключениями, не принимали в этих пожертвованиях почти никакого участия. Упоминания в инвентарях делосской сокровищницы о пожертвованиях со стороны греческих общин крайне немногочисленны. Но и из этих немногочисленных пожертвований большая часть относится к предшествующей эпохе, ко времени господства на острове афинских амфиктионов. Так, постоянно упоминаемые в инвентарях III в. золотые и серебряные фиалы, пожертвованные Наксосом¹, Миконом², иосцами³, Наксосом из Сицилии⁴, уже в половине III в. называются в числе τῶν ἀργαίων φιάλων и, действительно, мы встречаем их еще в инвентаре 364 г. (в архонтство Тимократа). То же самое следует сказать о фиале леонтинцев, упоминаемом как в инвентарях III и II вв., так и 364 г. 6 Три фиала, пожертвованные в делосскую сокровищницу тавроменийцами, помещаются обычно в списке пожертвований рядом с пожертвованиями афинян Никия и Калликла (датируемыми 417 г.)?, и также упоминаются в инвентаре 364 г. в. Все эти пожертвования восходят, таким образом, к первой половине IV в., а может быть и ранее. Любопытно, что и почти все эти пожертвования более раннего времени сводятся, в конце концов, к одной общей причине, именно, к давним связям, объединявшим Делос с непосредственно соседящим с ним (как и Микон) островом Наксосом. Дружественные связи между Наксосом и Делосом восходят еще к концу VII в.9 До Писистрата именно наксосцы играли на Делосе преобладающую роль 10. Остальные же города-жертвователи—сицилийский Наксос, Леонтины, Тавромений—в большей или меньшей мере могли признавать себя колониями Наксоса¹¹ и, вероятно, именно в качестве таковых и в данном случае следовали примеру города-метрополии.

В инвентаре 364 г. упоминаются еще серебряные кружки (πρέχοι) из Атрамиттия, маленького городка на южном побережье Мисии 12. Это

¹ IG, XI, 2, 161 B, 1. 31 (279 r.); 162 B, 1. 23 (278 r.); 199 B, 1. 55; 203 B, 1. 82 (269 r.); 223 B, 1. 15 (262 r.); 287 B, 1. 13 (250 r.); Durrbach—Comptes des Hiéropes, 296 B, 1. 32=298 A, 1. 59—60, 61=299, 1. 4=313 A, 1. 49, 51=314 B., 1. 50, 52=320 B, 1. 11 = 358, 1.12, 13.

² Durrbach, 298 A, 1. 61=313 a, 1. 50=314 B, 1. 51=315, 1. 14=320 B, 1. 12 = 358, 1. 12.

³ Durrbach, 298 A, 1.58 и 63 ит. д.—те же номера, как и в примечании 2.

⁴ IG, XI, 2, 245b. 1. 4; Durrbach, 314 B, 1. 51, 320 B, 1. 14; 358, 1. 15; Durrbach—Comptes des Hiéropes (N 372—398), Paris 1929; 396 B, 1. 22; 422, 1. 28 (=BCH 1938 = Sylloge², 588). 1. 51—52; 455, Bb, 1. 16; 461 Ba, 1. 57. 5 H о m o l l e, BCH, X (1886), p. 461 sq., 1. 1. 26—34 и 57. 6 Упоминается в инвентарях 364 г. BCH, X (1886), p. 464, 1. 92—93, 279 г.—

IG, XI, 2, 161 B, 1. 14, 276 r. 164 A, 1. 59.

⁷ IG, XI, 2, 154 A, 1. 64; 161 B, 1. 103—104; 164, 1. 37; 199 B, 1. 26. Durrbach— Comptes des Hiéropes, 296 B, 1. 12=298 A, 11. 114-115=358 1. 1.

⁸ BCH, VI (1886), p. 465, l. 117.

⁹ Durrbach—Choix d'inscriptions de Délos, Paris, 1921, № 1, 2, 3, p. 3—4. ¹⁰ Ibid., cp. Di od., VII, fr. 13.

¹¹ Наксос Сицилийский был основан халкидянами совместно с наксосцами; сицилийские же наксосцы, в свою очередь, участвовали в основании Леонтии и Тав-

¹² BCH, X (1886), p. 462, 1. 13-14.

пожертвование небольшого городка представляет для нас специальный интерес1. Не считая этих наиболее ранних пожертвований Наксоса и связанных с ним общин, нам известны только пожертвования г. Мегалополя в материковой Греции² и о. Книда³ и небольшого, соседнего с Косом. о. Калимна⁴ из островной Греции, которые, быть может, относятся к эпохе так наз. независимости.

Установление связи с Делосом путем пожертвований в храмовую сокровищницу, таким образом, как видим, не составляло обычной практики греческих общин. Такие специальные связи существовали только между Делосом и отдельными общинами—между Делосом и Наксосом в IV в. и между Делосом, с одной стороны, и Родосом, Косом и смежными с ними островами Калимном и Книдом в III в.—с другой. Тем неожиданнее. но вместе с тем показательнее представляется факт относительно крупного пожертвования в делосскую сокровищницу, именно, трех серебряных фиалов, «херсонеситами с Понта». Дата пожертвования может быть установлена точно, именно: год архонтства Сосимаха—276 г. Такой факт пожертвования со стороны Херсонеса, города, расположенного на периферии эллинского мира и, притом, с крайне ограниченными внешними сношениями, может быть объяснен только особой специфической связью, существовавшей между ним и Делосом, и этой связью, по всей вероятности, и была связь колонии с метрополией. Начиная с ближайших годов после пожертвования и вплоть до последних лет «независимости», фиалы херсонеситов систематически вносятся во все инвентари⁷. Характерно при этом, что пожертвованный в 251 г. Перисадом Боспорским фиал, обычно упоминаемый в инвентаре рядом с херсонесскими фиалами, уже около 230 г. исчезает и в дальнейшем специально не упоминается8.

О специально религиозных отношениях, связывавших Херсонес с Делосом, свидетельствует и фрагмент декрета об увенчании лавровым венком херсонесского гражданина..., сына Аполлония (вероятно Зета) за выказанное в отношении делосского святилища благочестие⁹. И это в то время, как многочисленные проксенические декреты, изданные делосцами в пользу

¹ См. «К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса» стр. 258. ² IG, XI, 2, 199 B, I. 14; 203 B, I. 38=224 B, I. 35=280 b, I. 6=287 B, I. 43-44;

Durrbach—Comptes..., 310, 1. 5.

* IG, XI,2, 226 B, I. 3-4; 287 B, I. 83=296 B, I. 14=298 A, I. 117=313, I. 92—93. B первой трети III в. между Делосом и Книдом существовали специальные политические связи. Так, из нескольких делосских декретов в честь известного архитектора и строителя Фаросского маяка, Стратона Книдского, мы узнаем о той посреднической роли, какую играл этот последний в отношениях между Делосом и Птолемеем Филадельфом, IG, XI, 4, 1138; cp. также 563, 1130, 1190; cp. Durrbach—Choix..., p. 31 sq.

4 IG, XI, 2, 199 B, 1. 6; 203 B, 33; 219 B, 1. 1. 32; 287 B, 1. 37.

5 Durrbach—Comptes..., 313a, 1. 73—74; ἐπὶ ∑ωσιμάχου φιάλει Χερσυνησιτῶν ἀνάθημα

⁶ Относительно связей религиозного характера, существовавших между колониями и их метрополией, см. В u s o l t - S w o b o d a—Griechische Staatskunde, II,

München, 1929, S. 1269—1270.

7 IG, XI, 2, 196, 1. 14 (275 г. ?); 199 B, 1. 91 (274 г.); 203 B. 1. 26 (269 г.); φιάλην χερσονησιτῶν όλκή Η ἄλλην Χερσονησιτῶν όλκή Η, ἄλλην Χερσονησιτῶν όλκή Η; 245 a. l. 7—8 (между 255 и 251 гг.). D u r r b a c h—Comptes..., 1926, 298 A, l. 95 (240 г.); 313 a, l. 74 (234 г.); 314 В, І. 80 сл. (232 г.); 320 А, 40—41 (229 г.). Comptes..., 1929, 385а. 1. 37—39 (196 г.); 386, І. 8—9; 399 В, І. 16 (192 г.); 421, І. 44—45 (ок. 190 г.); 439а, І. 14—15 (181 г.); 442 (=SyII.² 588), І. 15—17 (179 г.); 453 В,І. 11 (174 г.); 455 Аа, І. 17—18 (173 г.); 461 Ва, І. 22—23 (169 г.); 465 е. І. 6—7.

⁸ Одновременно из списков исчезают и имена других городов-жертвователей за исключением Коса и сицилийского Наксоса.

⁹ IG, XI, 4 (Roussel), Berlin, 1914, № 844.

граждан прежде всего торговых общин Греции (их сохранилось свыше пятисот и касаются они граждан восьмидесяти общин1), свидетельствуют о деловом характере отношений в связи с растущим торговым значением о. Делоса.

Уже из приведенных фактов можно, таким образом, сделать заключение, что между Херсонесом и Делосом в III в. существовали какие-то специальные, прежде всего религиозные, отношения, каких не существовало у Делоса в это время ни с какой другой греческой общиной. Но еще более показательным представляется факт учреждения на Делосе специального праздника Херсонесий.

Помимо пожертвованных фиалов, в инвентарях мы часто встречаем упоминания о специальном капитале χερσονήπον, который отдается в рост², и проценты с которого предназначены на устройство соответствующего праздника γερσονήσια в месяце Ленеоне³. В отчетах гиеропрев рядом с указанием процентов, полученных на этот капитал, упоминаются также и выдачи из этих средств на расходы по устройству праздника -/ερσονήσια⁴. Омолль высказал предположение, χερσονήσια-что праздник, устраиваемый на специальные средства, пожертвованные с этой целью херсонесцами с Понта, «взаимоотношения которых с Делосом, —добавляет он, —известны» (dont les rapports avec Délos et avec Delphes sont connus)⁵. К этому предположению, также с указанием на «тесные отношения» (enge Beziehungen), существовавшие между Херсонесом и Делосом, присоединяется Цибарт в. Шульхоф идет еще далее и самый факт учреждения праздника Херсонесий непосредственно объясняет участием делосцев в основании Херсонеса⁷. Другие исследователи, однако не разделяют мнения Омолля. Шеффер говорит о «загадочном»⁸, Нильсон о «неизвестном значении» праздника Херсонесий. Наконец, Дюррбах дает свое толкование, исходя из факта существования участка Херсонеса (притом не на самом Делосе, а на Миконе); он определяет χερσονήσιον, как доходы, поступавшие с этого участка; от этого же участка он производит и название праздник χερσονήσια 10. Дюррбах основывает это свое предпо-

τοίαι τοίς εντυγχάνουτιν αὐτῶι τῶν πολιτῶν εἰς ἃ ἄν τις εαυτὸν παρακαλεῖ.

2 Durrbach—Comptes des Hiéropes, 354, 1. 22 (οτчеτ πο Durrbach'y, 218 r., по другим ср. Ziebarth—Delische Stiftungen, «Hermes», 1917, S. 430—220 г.) отчет

¹ IG, XI, 4, № 510—1021. Обычный текст проксений мотивирует дарование проксении услугами, оказанными данным лицом как делосской общине в целом, так и отдельным, обращавшимся к нему делосским гражданам. Вот пример обычного текста: άγαθὸς ὢν διατελεῖ περὶ τὸ ίερὸν καὶ τὸν δημον τῶν Δηλίων καὶ χρείας παρέχεται κοινεῖ καὶ

¹⁷⁶ r., BCH, XXXIV (1910), p. 146. Comptes... 1929, 449 A, 1. 27, 40, 42.

3 Durrbach, ibid, 328, 1. 10=353, 1. 44-45: δανείου έστιατικοῦ τοῦ εἰς τὰ Χερσο--νήσια; BCH, XXXIV (1910), 146 cn: καὶ τόθε ἄλλο ἀργύριον ἐδανείσαμεν τοῦ ίστιατικοῦ ἀργυρίου... τοῦ Χερσονησίου ΗΕ...

⁴ Durrbach, ibid, 1.22: είς τὰς θυσίας μηνὸς (Λ)ηναιῶνος τοῦ Χερσονησίου παρ' ίεροποιοῦ Τερομβρότου παρελάβομεν Η; 366 1. 131—132: ἐδόχαμεν δὲ καὶ τοῖς ἐπιστάταις εἰς τὰς θυσίας ἐν τοῖς καθήκουσι χρόνοις... 'Αριστοπάππωι Τέλλιος εἰς Χερσον(ήσ)ια ΗΗΗΗ.

5 Η ο m ο 1 l e—Compte et inventaires des temples déliens en l'année 279, BCH

XIV (1890), p. 506.

⁶ Zie barth-Delische Stiftungen, «Hermes» 1917, S. 430-431.

⁷ E. Schulhof-Fouilles de Délos; Inscriptions financières, BCH, XXXIV

^{(1908),} p. 127. * Schöffer—Chersonesos (RE. IV), S. 2442. Fest der Chersonesia (Bedeutung rätselhaft).

⁹ M. P. Nilsson-Griechische Feste, Leipzig 1906, S.467: χερσονήσια auf Délos von unsicherer Bedeutung. Die BCH, XIV (1890), 506, vorgetragenen Erklärungen sind nicht sehr ansprechend.

¹⁰ Durrbach—Comptes des Hiéropes, Paris 1926, р. 112; основанием для такого заключения Дюррбаха служит № 346 1. 13: των τεμένων των έν Θαλέωι καὶ Δωριούς καὶ Χερσονήσοι το γινομένον ενηρόσιον έδομεν βονλή και επιστάταις, cp. 366, 1. 99-102.

ложение исключительно на факте существования участка под названием Херсонес, притом, как сказано, не на самом Делосе, а на соседнем острове Миконе. Против этого предположения говорит уже тот факт, что доход. с темена Херсонеса получался не отдельно, но совместно с доходом от темена Дорион и уже по одному этому не мог обозначаться специальным тер-ΜИНОМ ΥΕΟσονήσιον.

Но этого мало. Самое предположение, что под χερσονήσιον имеется: в виду вообще доход с земельного участка, находится в решительном противоречии с данными наших документов. В документах содержится прямое указание на значение угрэо ήσιον, как і іστιατικόν (έστιατικόν) άργύριον т. е. как на денежный капитал². Капитал этот, как видно из тех же документов, отдается взаймы и приносит проценты (τόχους), которые и употребляются на совершение жертвоприношений во время Херсонесий. Таким образом, как видим, он не имеет ничего общего с земельным доходом. Для обозначения земельного дохода в инвентарных записях Делоса применяется совершенно иной и специальный термин ένηρέσιον; в частности, именно этим термином обозначается доход с теменов Херсонеса и Дориона, который Дюррбах, как видим, произвольно отождествляет с γερσονήσιον, причем об этом последнем в данном документе совершенно нет речиз. Мало того, в том же документе содержится и прямое указание на то, куда поступали доходы с темена Херсонеса, равно как и с других принадлежащих делосскому святилищу угодий. Именно: доходы эти поступали в распоряжение βουλή. В других, несколько позднейших документах мы встречаем и более точные указания на этот счет. Так, в одном инвентаре 80-х годов II в. читаем: τὰ δὲ ἐνηρόσια Θαλέου καὶ Δωρίου καὶ Χερσονήσου πράξαντες (ἐδ)ώχαμεν τοῖς πρυτάνεσιν εἰς τὰ χατὰ μῆνα χαὶ τῆς ζιά\(η)ς, τὸ δὲ λοιπὸν ἔδομεν τῶι (ἐπι)στ(άτει): ἔδομεν δὲ προεισενέγχαντες τοῖς ἐπιστάταις τοῖς αἱρεθεῖσιν εἰς τὰς θυσίας τὸ ἀργύ(ρ)ιον ἐν τοῖς καθήκουσιν χρόνοις, ἵνα συντελώνται αί θυσίαι τοῖς θέοῖς ^{4} .

Из этого текста мы видим, что ένηρόσιον поступало в совет, именно, в распоряжение пританов, прежде всего на удовлетворение «месячных», т. е. текущих, культовых расходов⁵. Только остаток поступал в распоряжение эпистатов и мог быть употреблен на жертвоприношения, но не в качестве основного источника, а, повидимому, лишь временно, в виде авансирования необходимых сумм на случай задержки получения процентов с соответствующего, пожертвованного на устройство жертвоприношения капитала. Аванс этот впоследствии должен был быть возращен, что видно из слов προεισενέγκαντες τοῖς ἐπιστάταις. При этом подобные авансовые выдачи производились равным образом из других средств. Как видим, таким образом, назначение доходов (కేర్చానికుండా) с теменов Херсонеса, Дориона и др., поступающих в распоряжение βουλή на текущие расходы, определенно отличается от капитала γερσονήσιον, предназначенного для устрой-

Durrbach, 366 A, 1. 101 ἐπράξαμεν δὲ καὶ τὰ ἐνηρόσια ... Δωριοῦς καί Χερσονήσου παρά 'Αριστοπάππου ΗΗΗ.

² BCH, XXXIV (1910), 34 A (146 сл.), 1. 27, 40. Durrbach—Comptes..., 328, 1. 10; 353, 1. 44; 354, 1. 22; 366 A, 1. 132.

³ Там же. 346, І. 13.

⁴ Comptes..., 1929 440 A, 1. 56—59 Ср. ВСН, XXXII (1908) р. 130; см. также

^{401, 1 25} sq.; 403, 1. 55—56; 449 A, 1. 4 sq; 460, 1. 22—23; 461 A, 1. 30—31.

5 Перечень таких расходов встречается почти во всех отчетах, ср., например, Comptes..., 290, 1. 47 sq. и пр. и пр.

⁶ BCH XXXII (1908), crp. 132, XXXIV (1910), crp. 154—156.

⁷ Durrbach..., Comptes, 1929, 461 Ab., 1. 29.

ства жертвоприношения во время Херсонесий и отдаваемого с этой целью в ссуды под проценты. И, напротив, именно такое назначение капитала γερσονήσιον находит себе полную аналогию в ряде других капиталов, пожертвованных (эллинистическими правителями, а также частными лицами) на такие же цели-устройства специальных жертв и праздников и используемых совершенно таким же образом, т. е. путем отдачи их в рост и устройства на полученные проценты соответствующих жертвоприношений. При этом капитал усобомубом и праздник усобомуба всегда упоминаются именно в ряду этих капиталов, как в отчетах по сдаче их в ссуду и получению процентов, так и в отчетах о выдачах на соответствующие жертвоприношения (είς θυσίας). Термин ίστιατιχόν (έστιατιχόν) άργύρον, κοτοрым, как мы видели, обозначался херсонесский капитал, и значение которого не совсем ясно¹, употребляется в инвентарных списках и записях только специально для обозначения именно таких пожертвованных капиталов2. А таких жертвенных капиталов с соответственными праздниками и жертвоприношениями помимо Херсонесий нам известен целый ряд3. Именно: 1) (γ ι\αδέ\ γ ειον) (3300 др.), учрежденный до 267 г. на средства несиарха Гермия в честь Арсинои Филадельфы (жены Птолемея II)4; 2) φιλεταίρειον (4000 др.), учрежденный самим Филетэром Пергамским до 262 г. или его преемником Евменом5; 3) φιλόχλειον (6000 др.), учрежденный в первой половине III в. сидонским царем Филоклом⁶; 4) στησί \ειον (1500 др.), учрежденный делосцем Стесилеем в конце IV $\mathbf{B}^7$. 5) учова сворочения и провеждения делосцем Стесилеем в конце IV $\mathbf{B}^7$. 5) учова сворочения стесилеем в конце IV $\mathbf{B}^7$. 5) учова сворочения сворочени (3500 др.), основанный ок. 260 г. Несиадом⁸; 6) ξενοχ λείσειον, основанный в первой половине III в. Ксеноклейдом⁹; 7) еуєміх вом (3000 др.) учрежденный дочерью Стесилея, Эхеникой в середине III в. $^{1.0}$; 8) μ іх $\dot{\nu}$ 0 вісо ν , основанный Микитом около того же времени¹¹; 9) $\varphi i \lambda \omega v i \delta \varepsilon i \circ v$ (8700 др.),

donations particulières et dont les revenus etaient affectés à la celebration des sacrifices perpetuels ainsi qu'à la confection des vases sacrés. Сводку мест, в которых встречается применение этого термина, см. в статье E. Ziebarth, «Hermes», LII (1917), S. 437—739.

¹ Толкование Омолля, производящего этот термин от ' Εστια = 'Ιστία и связывающего ero с Пританеем (Homolle—Les archives de l'intendance sacrée à Délos, Paris, 1885; cp. Durrbach, IG, XI, 2, 287 A ad. l. l. 14—15) не представляется убедительным.

2 F. Durrbach—E. Schulhof—BCH XXXIV (1910). S. 161: «Quelle qu'en soit l'origine le mot paraît comprendre les differents fonds, qui provenaient des

³ E. Ziebarth—Delische Stiftungen, «Hermes» LII (1915), crp. 425, 441; Schulh o f, BCH XXXII (1908), 102 сл., 121 сл. О форме и условиях отдачи пожертвованных капиталов в рост см. Но molle BCH, XIV (1890), р. 451 сл.; Durrbach—Schulhof, BCH, XXXIV (1910), p. 129 sq.

4 E. Schulhof—BCH, XXXII (1908) p. 113—116; Ziebarth, yk. cou., S. 429, 8.

⁵ IG, XI, 2, 224 A, I. 4; Comptes.., 1926, 320 B. I. 78, 84; Comptes... 1929, 449 A. 1. 42; Ziebarth, S. 428, 4.

^{6 «}Comptes»... 1926, 370, 1. 39, 47; Comptes... 1929, 396 A, 1. 124; 406 B, 1. 29; 449 A, 1. 30, 32, 45. Ziebarth, S. 429, 9.
7 IG XI, 2, 105, 1. 4. Comptes... 1926, 370, 1. 40—41; BCH, XXXII (1908), p. 122

et suiv.; Ziebarth, S. 426, 2.

^{IG, XI, 2, 287 A, 1.193; 288, 1. 6; 289, 1. 16. Comptes... 1926, 290, 1. 43; 316, 1. 20. Comptes... 1929, 396 A, 1. 125; 406 B. 11. 8. 13, 19, 44; 449 A, 1. 43, 45; Ziebarth,} S. 427—429.

<sup>5. 421—429.

9</sup> IG, XI, 2, 288, 1. 8, Comptes... 1926, 1. 139; 320 B, 1. 78, 86, 91; 362 B, 1. 20. Comptes... 1929, 449 A, 1. 31, cp. BCH, XXXII (1908), p. 164; Z i e b a r t h, S. 429—430, 10.

10 IG XI, 2, 287, A, 1. 123; 288, 1. 9, Comptes... 1926, 290, 1. 45 320 1. 41, 44; 370, 1. 42; 372, 1 71, 132, 135.Comptes... 1929, 407, 1. 43; Z i e b a r t h, S. 426, 3.

11 IG, XI, 2, 117, 1. 12, sq., 127, 1. 34. cp. Ho molle—Archives, p. 53; S c h u l-h o f, XXXII (1908), p. 125; Z i e b a r t h, S. 427, 5.

основанный делоской Филонидой ок. 240 г. 1; 10) γοργίειον (6730 др.), основанный в 232 г. делосцем Горгием²; 11) εὐτύχειον (3500 др.), основанный ок. 230 г. банкиром Евтихом Хиосцем³; 12) σωπάτρειον, основанный ок. 230 г. банкиром Евтихом Хиосцем³; 12) σωπάτρειον, основанный ок. ванный тоже ок. 230 г. Сопатром4. Сверх того из документов нам известны и другие, учрежденные эллинистическими монархами и частными лицами праздники с жертвоприношениями без упоминания соответственных капиталов. Таковы Птолемэи (πτολεμαιεία), учрежденные Птолемеем в 285/4 г., Стратоники (учрежденные Стратоникой, дочерью Димитрия Полиоркета и женой Антиоха), Димитрии (учрежденные Димитрием II), Филиппии (учрежденные Филиппом V), Атталии (учрежденные Атталом I), Николаи (учрежденные Николаем из Этолии); празднества, учрежденные различными частными лицами: Патайкии (Патайком) Евдемии (Евдемом), Донакии (Донаком); наконец, празднества делосских триттий—Тиэстид, Окинеид, Мапсихид⁵.

Специальной статье доходов, поступивших со всех перечисленных жертвенных капиталов, соответствовала и специальная статья расходов. В отчете гиеропэев о расходах, произведенных в 207 г., имеется любопытный перечень выдач на жертвенные празднества, причем в числе других упоминаются здесь и специально интересующие нас выдачи на праздник Херсонесий. Именно: здесь перечисляются Филадельфии, Филетэрии, Евтихии, Херсонесии, Филоклии, Стесилии, Эхеникии, Филонидии и Несиадии в.

После всего сказанного вряд ли может оставаться сомнение, что жертвоприношения во время Херсонесий были учреждены именно херсонесцами, для чего ими был пожертвован специальный капитал— γ ερσονήσιον в размере 4000 др. 7 Это обстоятельсто еще определеннее, нежели факт пожертвования фиалов8, говорит о каких-то специальных связях, существовавших между Херсонесом и Делосом. А такой связью, как уже сказано, именно и могла быть только связь, соединяющая колонию с метрополией. В данном случае можно сослаться на аналогию сицилийских городов, которые, как мы видели, в IV в. делали пожертвования в делосскую сокровищницу, следуя примеру своего города метрополии (Наксоса).

¹ Comptes... 1926, 371. 1. 44. Comptes... 1929, 396 A, 162; 399 A, 1. 123; 406 B,

¹ Comptes... 1926, 371. 1. 44. Comptes... 1929, 396 A, 1 62; 399 A, 1. 123; 406 B, 1. 35; 407, 1. 43; 449 A, 1. 30, 31, 44.

2 Comptes... 1926, 320 B, 1. 79, 95. Comptes... 1929, 407, 1. 38, cp. Ho molle—Archives, p. 49; Ziebarth, S. 430, 11.

3 Comptes... 1926, 370. 1. 40, 44, 46. Comptes... 1929, 396 A, 1. 39, 32, 35, 42, 46, 49; 399 A. 1. 126; 406 B. 1. 22, 35, 41; 449 A, 1. 32, 37, 42; Ziebarth, S. 430, 13.

4 BCH, XXXIV (1910), crp. 148, № 34, 1. 42; Schulhof, BCH, XXXII (1908), crp. 108; Ziebarth, S. 431, 15 cp. ad 449 A, 1. 42.

5 Ziebarth, S. 429, 7; 431—432, 16—24.

6 Durrbaccheckers..., 366 A, 131 sq. cp. 3HB.

7 Ziebarth, S. 430—431, 14 и таблица.

8 Фиалы нерелко желтвовались в связи с учреждением празднества и например.

⁸ Фиалы нередко жертвовались в связи с учреждением празднества и, например, в том же инвентаре 207 г., в котором содержится список выдач на жертвенные празднества, находим и перечень фиалов, связанных с определенными празднествами Птолемэями, Стратоникиями, Атталиями, Антигониями и пр. [D ц r r b a c h—Comptes... 366 A, l. l. 53—94; ср. 372 B, l. 9 sq., 379, l. 4 sq., 442, ll. 156—162 и др. S c h u l h o f, BCH, XXXII (1908), р. 101 след.]. В списках постоянно упоминаются также и фиалы, связаные с названными празднествами-Евтихиями, Филадельфиями, Филетэриями и др. Мы не знаем, находились ли пожертвованные херсонесцами фиалы в такой же связи с учрежденным ими празднеством. Ответ, скорее, должен быть отрицательный, поскольку слишком значительный промежуток времени отделяет время пожертвования фиалов (276 г.) от первого упоминания о херсонесском капитале и празднике (221 г.), «Archives», LXII; ср. «Revue de philologie», XXX (1908), № 111 B, 1. 44.

Еще естественнее, следовательно, было со стороны Херсонеса, признававшего так или иначе Делос своей непосредственной метрополией, почтить его святилище дарами и жертвенным праздником.

Остается вопрос, почему херсонесцы только в первой половине III в. устанавливают более постоянные связи со своей метрополией (пожертвования их датируются 276 г., χερσονήσια впервые упоминаются не ранее 20-х годов III в.). И на этот вопрос, думается, нетрудно ответить. Настоящей метрополией Херсонеса была, конечно, Гераклея, Делос же, в сущности. мог считаться его метрополией лишь очень условно и в значительной мере номинально. Вот почему, пока Делос оставался в зависимости от Афин и не имел самостоятельного значения, херсонесцам не было повода вспоминать о своей номинальной «метрополии». Напротив, с началом эллинистической эпохи, когда Делос не только освободился от афинской зависимости, но и занял видное место в качестве торгового и, в особенности, религиозного центра Греции, естественно было и Херсонесу, находившемуся на окраине греческого мира и в окружении враждебных варварских племен, вспомнить о тех связях, которые соединяли его с общеэллинской святыней и придать этим связям более осязательные формы. В связи с этим, вероятно, находилось и учреждение праздника Херсонесий. Аполлон, первоначально занимал в пантеоне Херсонеса второстепенное место. И вот именно в III в., когда херсонесцы стремились установить более тесные взаимоотношения со своей второй, номинальной метрополией, естественно было с их стороны почтить делосского бога сначала путем пожертвований в его сокровищницу, затем-учреждением специальных жертвоприношений и праздника в его честь ^{1} .

Более известны отношения Херсонеса к Дельфам. Херсонес, внешние связи которого вне области Понта были, как указывалось, совершенно ничтожны², напротив, по числу проксений, полученных его гражданами в Дельфах, среди понтийских городов занимает первое, чтобы не сказать исключительное, место³. В 263—260 гг. херсонесец Сокрит получает проксению наряду с гражданами пятнадцати других городов, в том числе Борисфена (Ольвии) и Боспора (Пантикапея)⁴. Целью этих проксений, повидимому, являлось, прежде всего, обслуживание проксенами феоров—дельфийских послов, оповещавших греческие города о времени начала празднеств и игр по их пути на север. Об этом ясно свидетельствует самое расположение городов, с которыми устанавливаются отношения проксении, в направлении к Понту и по берегам самого Понта (через Македонию, Фракию, Пропонтиду, по западному и северному берегам Понта.

Если в этом списке проксений, образованных с определенной целью, Херсонес фигурирует в числе и наряду с другими понтийскими городами, то совершенно иную картину дает список дельфийских проксенов первой половины II в., охватывающий период времени свыше 30 лет (с 197/6 по 165/4 г., с пробелом даже до 149/8 г.) и включающий, таким образом, проксении, установленные не по одному какому-нибудь поводу

¹ На позднейших (правда, уже периода элевферии) херсонесских монетах наряду с Девой часто фигурируют изображения Аполлона; см. Міппs, р. 547, ср. р. 544—545.

² См. выше, стр., 265.

³ Относительно проксенических связей Дельф—см. M o n c e a u x—Les proxenies grecques, Paris, 1886, Chap. V, p. 271—285.

⁴ BCH, LII (1928), p. 189—192.

и не с одной целью, но по различным поводам, не в определенных географических границах, но по всей Греции¹. На 135 записанных здесь проксений мы находим три проксении, дарованные херсонесцам: Гимна, сына Скифа, в 195/4 г. (Syll.³, 585, l. 20), (лицо, занимавшее видные должности в Херсонесе) Формиона, сына Питиона, и Гераклида, сына Рисфы (оба в 192/1 г.) (Syll.³, 585, l. 56). По числу дельфийских проксений Херсонесу принадлежит в области Понта не только первое, но, по существу, исключительное место. Рядом с тремя херсонесскими проксениями мы встречаем на всю область Понта (включая северное, южное и восточное побережья Понта) всего одного проксена из Пантикапея (в 195/4 г.)².

Мало того, и по сравнению с большинством остальных греческих городов Херсонес по числу полученных от Дельф за этот период времени проксений занимает одно из видных мест³. Выше Херсонеса по числу дельфийских проксенов стоят только Александрия (11 прокс.), Родос (9 прокс.). Афины (7 прокс.), Коронея, Лебадея (по 5 прокс.), Сикион и Массалия (по 4 прокс.). Хиос, Коринф, Феспии, Элатея, Элея (в Италии) занимают такое же место, как Херсонес; остальные города, в том числе даже такие. как Фивы, Танагра, Аргос, Мегалополь, Тарент, Акрагант, Регий и др. стоят по числу дельфийских проксений ниже Херсонеса, имея не более одного-двух проксенов.

Такая исключительная связь центрального святилища всей Греции с отдаленным, почти не принимавшим никакого участия в исторической жизни и судьбах Эгейской области, городом, может быть, с нашей точки зрения, объяснена только специальными отношениями, связывавшими Херсонес с Дельфами. В этом отношении характерны те обстоятельства, при каких херсонесцы Формион и Гераклид получили проксению. Дарование проксении этим лицам мотивируется не какими-либо специальными, оказанными ими, услугами (оба они фигурируют исключительно в качестве послов и представителей своего города), но непосредственно свя-

8 См. таблицы проксенов по местностям и городам, Syll.3 II, р. 104.

¹ Syll.³, 585. По вопросу о способе составления этого списка дельфийских проксенов в науке мнения расходятся. По А. М о m m s e n 'y [Delphische Archonten nach der Zeit geordnet, «Philologus» XXIV (1886), S. 1 f.; ср. его ж е—Zur Orientierung über die delphische Chronologie, «Philologus», LX (1900) S. 25 f.], список составлялся постепенно, по мере дарования проксений, заменив собою существовавшую до того практику опубликования специальных декретов в каждом отдельном случае. По В е г g k 'y [Delphi, «Philologus», XLII (1884), S. 228—265], напротив, список составлен единовременно в 146/5 г., охватывая время от истмийской прокламации Фламинина в 197/6 г. до падения Коринфа в 146/5 г., и представляет собой выдержку из отдельных декретов. Помто в [«Philologus», LVIII, (1898), 552 f.] и А. Никитский (Исследования в области греческих надписей, Юрьев, 1901) держатся среднего мнения. высказываясь, в общем, против единовременного составления списка. Изложение и критику различных мнений см. у Никитского, стр. 92 сл.

тику различных мнений см. у Никитского, стр. 92 сл.

2 Syll.3, 585, 1. 23. Любопытно, что мы встречаем здесь еще двух проксенов гераклеотов (1,75, 301—303). Обычно этникон этих гераклейцев усматривают в Гераклее Малийской, ссылаясь, с одной стороны, на то, что отсутствует более точное определение, с другой—на важное стратегическое значение Гераклеи Малийской (на Эте). Однако Гимн, например, обозначен просто как χερτονασίτας без добавления εχ τοῦ Πόντου. В то же время старые религиозные связи с дельфийским оракулом могли послужить не меньшим основанием, чем стратегическое значение того или иного пункта притом не собственно для Дельф, а для Этолийского союза в целом, для установления проксении. Если бы мы действительно имели в данном случае гераклеотов с Понта. тогда и связь с Херсонесом Дельф на этом фоне приобрела бы еще большее показательное значение. Никитский, ук. соч., стр. 126—127; ср. Ро m to w. «Негтев» 1898, S. 329 f. «Neue Jahrb.», 1898, S. 761; Hiller v. Gärtringen, Sylloge, II, p. 104.

зывается с декретом в честь всей Херсонесской общины в целом1. Декрет начинается с указания на особые услуги, оказанные дельфийским феорам, посланным с объявлением о предстоящем пифийском празднике. В чем заключались эти услуги, не вполне ясно, так как соответственное место Β μεκρετε—⁵ Ην (ήσαν) λελυτρωμένοι ὑπ' αὐτῶν καὶ πεπολυωρημένοι ἐμ πάντοις именно термин λελυτρωμένοι, допускает различное толкование. Издатели текста обычно понимают этот термин в смысле принятия на себя херсонесцами всех издержек по содержанию послов². Согласно другому толкованию (Соколова, А. Вильгельма, к которым примыкает автор новейшей работы о Дельфах Georges Daux)3, термин λελυτρωμένοι понимается в буквальном смысле—были «выкуплены», —предполагается после пленения их пиратами. Это последнее обстоятельство, если бы оно действительно имело место, еще более подчеркивало бы специфический характер взаимоотношений между Херсонесом и Дельфами. Однако такое толкование вызывает сомнение⁴. Далее, отпуская послов, херсонесцы приняли специальное постановление с выражением расположения (αίρεσις) к дельфийцам. Возвратившиеся послы (феоры) доставили это постановление в Дельфы и со своей стороны свидетельствовали о дружественном отношении херсонесцев к их городу. Не довольствуясь этим, херсонесцы снарядили собственное посольство в Дельфы в лице Гераклида и Формиона. Послы принесли обильные жертвоприношения Аполлону (βούπρων сто голов мелкого скота и одного быка) и Афине (δωδεχαίδα βούπρωιρον), причем мясо жертвенных животных поделено было между дельфийскими гражданами. В ответ на выражение дружественного расположения дельфийцы в цитируемом декрете и постановили дать Херсонесу право промантейи, а обоим послам—проксению. Дарование проксении херсонесским гражданам, таким образом, как видим, не носило какого-либо случайного характера, но являлось специальным выражением особо тесных и дру-жественных отношений, связывавших Херсонес с Дельфами. Предполагать такую специальную и притом исконную связь Херсонеса с Дельфами мы имеем тем более оснований, что сохранение известной связи между Дельфами и основанными по указанию дельфийского оракула колониями в Греции составляло как бы общее правило 5.

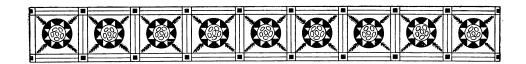
¹ BCH VI (1882), p. 214 sq. GDI 2652=Syll.³, II, № 604. ² Haussolier—BCH VI (1882), p. 216; Dittenberger, Syll² I, p. 450, n. 5, Вац-пас GDI № 2652; Рот to w—Syll.³ II, p. 137, п. 5 и «Berl. Phil. Wochen-

schrift», 1910, S. 1083.

3 Ф. Ф. Соколов—Ежегодные праздники пифийский и немейский, ЖМНП, 1899, июль, стр. 2. Труды, П. Б. 1910, стр. 316=«Klio» V (1905), S. 220; A. Wilhelm, «Gött. G. А.», 1903, S. 794, «Anzeiger», 1924, S. 93—96; G. Daux—Delphes au II et au I siècles, Paris, 1936, p. 660, n. 1.

⁴ Против предположения о пленении и последующем выкупе послов херсонесцами можно привести то соображение, что такой факт вряд ли был бы отмечен в повествовательной части декрета всего одним словом и, во всяком случае, должен был бы быть упомянут и в мотивировке резолютивной части декрета. Сомнения Ф. Соколова относительно несовпадения даты пифийского празднества, падавшего на 194 г., и даты декрета—192 г. («Труды», стр. 347) находят себе, мне кажется, вполне достаточное объяснение в замечании Помтова, разделяющего эти события: дельфийское посольство имело место в 194 г., ответное же херсонесское посольство могло быть отправлено не сразу, а только в 192 г. (ср. в тексте 1. 7—хад үзү, Ро m to w. S, 1086; ср. На u s-s o lier, BCH VI (1882), p. 216; Dittenberger, Syll.² I, p. 450, n. 3.

⁵ Относительно связи Дельф с основанными по их указанию колониями см. М о n c e a u x—Les proxénies grecques, Paris, 1886, p. 276.

Д. П. КАЛИСТОВ

ЭТЮДЫ ИЗ ИСТОРИИ БОСПОРА В РИМСКИЙ ПЕРИОД

I. Боспор, Митридат Евпатор и Рим

В археологической и исторической литературе, посвященной Северному Причерноморью, давно уже вошел в обиход термин «римский период» для обозначения отрезка времени, начиная от I в. до н. э. и кончая, приблизительно, V в. н. э. Многие вопросы, связанные с научным раскрытием и определением этого существенного этапа в историческом развитии Северного Причерноморья, остаются недостаточно выясненными, а во многих случаях и почти незатронутыми научным исследованием. К числу таких вопросов может быть отнесен до известной степени и вопрос о характере политических взаимотношений, установившихся между Римом и Боспором с того момента, огда оба эти государства приходят в непосредственное политическое соприкосновение.

До сих пор не только в современной, но и в прежней исторической литературе нет работ монографического характера, которые ставили бы своей задачей систематическое исследование этих взаимоотношений. Впрочем, последнее отнюдь не означает, что в общей и специальной литературе вообще отсутствовало более или менее определенное представление о характере римско-боспорских отношений. Еще со времени выхода в свет V тома «Римской истории» Моммзена, в результате попутных высказываний и исследований частных вопросов утвердилось мнение, что в развитии этих взаимоотношений решающая роль принадлежала только одной стороне, именно Риму. Пока римляне не были заинтересованы в подчинении Северного Причерноморья, их позиция ограничивается лишь политикой наблюдения за этим районом из соседних с ним провинций. Но когда такая заинтересованность, под влиянием ряда причин, не связанных непосредственно с Северным Причерноморьем, у римлян появляется, Боспор превращается в достаточной мере пассивный объект римской политики. Естественно, что местные боспорские силы, как фактор в той или иной степени влиявший на характер складывающихся взаимоотношений, не могли найти себе должное место в этой концепции. Такого рода взгляд характерен не только для представителей старой школы. В различных, хотя и не затрагивающих принципиального существа дела вариантах такой взгляд в одинаковой мере присущ Т. Рейнаку, В. В. Латышеву, Брандису, А. Л. `Бертье-Делагарду, А. В. Орешникову и др. и, наконец, современным авторам соответствующих отделов IX и X томов «Cambridge Ancient History».

Нет нужды указывать, что в свете наших методологических установок и в результате ряда археологических, исторических и лингвистических работ и исследований советских ученых, в частности исследований Н. Я. Марра и С. А. Жебелева (имеется в виду прежде всего его работа о последнем Перисаде), вопрос о критическом расследовании концепции «всесильного Рима» приобретает особую, и не только научную, актуальность. Это следует из того, что, во-первых, речь идет об историческом прошлом района, неразрывно связанном с историей нашей страны; во-вторых, потому, что именно теперь фальшивая интерпретация истории, и в частности приувеличенные представления о римском могуществе, широко используется за нашим рубежом для целей, ничего общего с наукой не имеющих. Из всего сказанного вытекает, что в дальнейшем изложении, посвященном одному лишь звену в длинной цепи событий, образующих римский период в истории Боспора, в центре нашего внимания встанет вопрос о соотношении сил в процессе установления взаимоотношений между римской мировой державой и Боспорским государством. Были ли Боспор и окружающие его племена только пассивным объектом римской политики или перед нами сложный процесс борьбы и взаимодействия с перевесом сил то на одной, то на другой стороне?

В период третьей войны Митридата с римлянами, когда военный перевес уже явно был на стороне последних и когда Лукулл (70—71 гг.), захватывая на южном побережье Понта один город за другим, подходит, наконец, к столице Понтийского царства1, сын Митридата Евпатора и его наместник на Боспоре, Махар, посылает Лукуллу золотой венок с одновременной просьбой включить его в число друзей и союзников Рима. Рассказ об этом событии дошел в изложении трех представителей античной историографии, в изложении Аппиана, Плутарха и Мемнона². Из них Мемнон, очевидно, в силу того, что он был урожденцем Гераклеи Понтийской, непосредственно задетой войной, наиболее подробно сообщает об этом посольстве. По Мемнону, Лукулл, как и следовало ожидать, благосклонно (ἀσμένως) отнесся к предложению Махара и, в свою очередь, предложил ему прекратить снабжение осажденной Синопы продовольствием. Махар не только выполнил это требование, но даже переслал Лукуллу заготовленные ранее для отсылки войскам Митридата запасы, что и решило участь Синопы³.

Это удостоверенное единодушными свидетельствами трех названных авторов событие является первым, насколько нам известно, шагом Боспора в смысле установления непосредственных отношений с Римом. Однако в данном случае в термины φίλος καὶ σύμμαχος вряд ли приходится вкладывать какой-нибудь иной смысл кроме того, что Боспор вышел из войны и оказал помощь римлянам посылкой продовольствия, явившегося своего рода отплатой за сепаратный мир. По крайней мере, в эпиграфическом и нумизматическом материале отсутствуют какие-либо данные, которые дали бы основания говорить о стеснении свободы действий Махара или установлении каких-либо других форм его зависимости от Рима⁴.

^{· 1} См. Тh. Reinach,—Mithr. Eupator (немецк. пер. Goetz, 1895), стр. 345 сл., где сведены основные источники.

² Plut.—Luc., XXIV, App.—Mithr., 83; Memn., LIV (см. ¶«Scythica et Caucasica» Латышева, стр. 510).

⁸ Memn., LIV («Scyt. et Cauc.», p. 510).

⁴ Латы шев—Поутиха́, стр. 95; Бертье-Делагарід, [300, т. XXIX, стр. 142, 210.

Очевидно Лукулл ограничился требованием продовольственных поставок, ибо в это время ему было не до Боспора. Подчинение всего Понтийского побережья еще не было закончено; предстояло еще захватить Амасию и в перспективе, при относительной ограниченности сил Лукулла. стояла необходимость продолжать военные действия уже на территории Армении¹. При таких условиях Лукулл, повидимому, не располагал достаточными средствами для более действительного подчинения Боспора, да навряд ли, после того как тот вышел из войны, ощущал в этом и необходимость.

Таким образом, измена Махара Митридату Евпатору не выходит за рамки эпизода, вызванного неблагоприятным для Митридата поворотом в ходе военных действий. Но этот эпизод не был исключением. Одновременно с Махаром Митридату изменяет и его полководец Диокл. также перебежавший «с золотом и множеством даров», предназначенных для «варварских царьков», на сторону римлян2.

Причины такой неустойчивости в тылу, значительно облегчавшей римлянам борьбу с Митридатом, можно объяснить двоякого рода соображениями. Во-первых, тут могли играть роль военные неудачи Митридата, которые, естественно, должны были породить стремление отдельных частей неоднородной по своему составу Понтийской державы обеспечить свое будущее на случай окончательного поражения Митридата; во-вторых. и это представляется гораздо более существенным, здесь влияла и сама

политика Митридата.

Выступление Митридата в Северном Причерноморье совпадает с периодом острого кризиса, охватившего главные городские рабовладельческие центры прибрежной полосы. Под влиянием этого кризиса Боспор, Херсонес и, повидимому, Ольвия оказались подчиненными не силой оружия. но сами добровольно изъявили Митридату свою покорность3. В истории античности это далеко не единственный случай добровольного отказа от автономии. Аналогии, относящиеся, в общем, к тому же периоду ІІ в. до н. э.—І в. н. э., можно найти в истории ряда малоазийских государств. Отсюда вытекает, что мы имеем дело с явлением, до известной степени. общего характера, обусловленного рядом общих для античного мира причин. Анализ этих причин привел бы нас к вопросу о социально-экономическом кризисе античного рабовладельческого общества, восходящем еще к концу V и IV вв. до н. э., замедленном развитием греко-македонской экспансии и вновь обнаружившемся уже в истории эллинистического времени. Являясь, в известной мере, органической частью античного мира, прибрежные города, естественно, не могли остаться в стороне от общегреческого кризиса. В Северном Причерноморье, может быть, с некоторым опозданием, ибо речь ведь идет об относительно далекой окраине, можно наблюдать те же явления социальной и экономической деградации рабовладельческого строя, вплоть до открытого выступления рабов и развития пиратского движения, этого неизбежного спутника

¹ Th. Reinach, op. cit., S. 353 f. ² App.,—Mithr., 78.

² А р р.,—Мипг., 10.

³ В отношении Боспора и Херсонеса этот факт непреложен. См. Strab., VII, 4.

4; IosPE I², № 402, с комментарием Лепера в ИАК, 45, стр. 23 и надпись IosPE I²

№ 352, в последний раз подробно разобранную С. А. Жебелевым и в «Известиях ГАИМК», вып. 70. В отношении Ольвии этот факт вытекает из нового, пока еще не опубликованного восстановления и толкования С. А. Жебелевым IosPE I² № 35. Об этой надписи см. Wilhelm, «Klio», XXIX, S. 50-59.

античных кризисов¹. Специфику в данном случае следует искать не в этих общих для всего античного мира явлениях, а в непосредственном соседстве Северного Причерноморья с «варварами». Именно здесь кроется главное отличие причерноморских городов береговой полосы от районов греческого Средиземноморья.

Бросается в глаза, что ослабление рабовладельческих городов побережья, вызванное кризисом, сопровождается параллельным процессом роста социальных, экономических и политических сил «варваров». В среде туземного населения в это время начинает проявляться тенденция к концентрации сил в формах, выходящих за пределы прежних племенных объединений. В этом отношении продолжительный период соседства с греками, с одной стороны, открывал возможность заимствования более совершенных форм социальной организации, а с другой—порождал естественную реакцию против колониальной политики прибрежных городов, основанной прежде всего на эксплоатации туземного населения².

Мы знаем, что в Крыму возникает Скифское государство Скилура и Палака, в котором нельзя не видеть одну из самых существенных форм враждебной городам побережья активизации «варваров»³. Таким образом, ослабление прибрежных рабовладельческих городов и рост враждебной им активности местного населения теснейшим образом связаны друг с другом. Здесь две стороны одного и того же процесса, подобно тому как процесс социального и политического упадка Римской империи под ударами кризисов и революции рабов изнутри был неразрывно связан с ростом активности «варваров» извне, которые под конец «объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим» (С т а л и н)⁴.

С конца III в. до н. э. «варвары», теперь уже располагающие своей собственной государственной организацией, переходят в энергичное наступление. Это явилось началом того движения, которое в дальнейшем развитии, по словам Энгельса, выливается уже в форме «общего наступления... по всей линии Рейна, римского пограничного вала и Дуная, от Северного до Черного моря...» В условиях ожесточенной борьбы с «варварами» и под влиянием внутреннего кризиса прибрежные города истощают собственные ресурсы. Поэтому появление на арене борьбы новой силы в лице Понтийского государства воспринимается ими совершенно особым образом. Конечно, понтийские цари, развивая свою деятельность в Северном Причерноморье, преследовали свои цели, далекие от интересов прибрежных городов, и последние, под угрозой «варварской» опасности, были вынуждены вступить на путь политики выбора наименьшего зла.

Последнее обстоятельство предопределило политику Митридата Евпатора на всем протяжении первого периода его деятельности в Северном Причерноморье. Бесспорно, наиболее ярким памятником этой политики

¹ О выступлении рабов см. у Ж е б е л е в а—Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре («Известия ГАИМК», вып. 70). Об экономическом кризисе у н е г о ж е — Экономическое развитие Боспорского государства, ИАК (1934), стр. 669 и сл. О движении пиратов на Черном море: E. Z i e b a r t h—Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels im alten Griechenland (1929), S. 22.

² Ср. Жебелев, «Известия ГАИМК», вып. 70, стр. 14.

³ Одновременно это государство, по ряду своих особенностей, дает основания для того, чтобы назвать его греко-скифским. Особенно ярко заимствования у греков и их влияние обнаруживаются в нумизматическом материале. См. О р е ш н и к о в, «Известия ГАИМК», т. II, стр. 121 сл.; «Нумизм. сб.», т. III, стр. 1 сл.

⁴ И. В. Сталин—Вопросы ленинизма. Изд. 10-е, 1936, стр. 547. Ср. там же

стр. 527. ⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, 1937, стр. 124.

является известный херсонесский декрет в честь Диофанта (IosPE I^2 № 352). В этом документе государство Митридата выступает в роли спасителя прибрежных рабовладельческих городов от внешних и внутренних потрясений. Отсюда ясно, почему альтернатива: зависимость от «варваров» или зависимость от Митридата, была решена господствующими в Херсонесе и на Боспоре группами в пользу последнего. По своей социальной природе, Понтийское царство Митридата было неизмеримо им ближе. С другой стороны, и не в интересах Митридата было портить отношения с местным населением в районе, которому он готовил роль тыла в предстоящей войне с римлянами (S t r a b., VII, 4, 3; A p p.—Mithr., 15).

Приводимые Страбоном (Ibid., 4, 6) цифры ежегодной дани в 200 талантов серебра и 180 000 медимнов хлеба, наложенной Митридатом, не говорят о тяжелом бремени. По данным того же Страбона (ibid.), Левкон посылал афинянам 2 100 000 медимнов. Если даже в согласии с Коцеваловым¹, величину ежегодного боспорского экспорта в Афины определить только в 800 000 медимнов, то и тогда указанная выше цифра дани составит только около 25%. Но при этом нужно учесть, что, по Страбону, 180 000 медимнов хлеба и 200 талантов серебра были наложены не только на европейский Боспор, но и на синдов и Таврический полуостров. Кроме того, не лишено основания предположение, что сюда же входит и дань, платимая Митридату некоторыми туземными царьками². Поэтому, существуют основания думать, что в условиях энергичной подготовки к войне с Римом политика Митридата преследовала прежде всего цель не извлечения дохода, а консолидации местных сил, повидимому, вокруг местного же центра, которым делается Боспор³.

Здесь политическое оформление его власти, после «добровольного» отказа Перисада, а потом и его смерти, решается водворением Митридата на престоле боспорских царей. Таким образом, личная уния, так сказать, механически ввела Боспор в состав Понтийского царства. Что касается Херсонеса, то, помимо уже отмеченного выше обязательства,—выплаты дани и некоторых ограничений в области чекана монеты⁴, вряд ли можно предполагать какие-либо существенные ограничения внутренней автономии города. Во время своих походов Диофант, когда ему понадобилась военная поддержка херсонесцев для борьбы с Савмаком, был вынужден не требовать, но обращаться к народному собранию с призывами оказать ему помощь— $\pi \alpha \rho \alpha x \alpha \lambda \epsilon \sigma \alpha \zeta$ той ζ той (IosPE I² 352). Следовательно, в это время херсонесская автономия еще продолжает существовать

 $^{^1}$ A. K о с e v a l o v—Rh. Mus., XXXI, стр. 321 сл. Он полагает, что боспорский хлебный экспорт составлял 50% общей цифры импортируемого в Афины хлеба, составлявшей 1 600 000 медимниов.

² CAH, IX, p. 233.

³ Эта политика находит свое отражение в нумизматическом материале, в котором с достаточной ясностью выступает тенденция к унификации монетных систем. См. Бертье—Делагард, ЗОО, т. XXIX, стр. 207, сл. и т. XXVI, стр. 257. Ср. Орешников, «Нумизм. сб.», т. II, стр. 3 сл. В частности в связи с широким распространением практики перечеканки устаналивается новый средний вес 3,80—3,90 г и общий для Пантикапея, Фанагории, Горгипии и Херсонеса монетный тип с изображением пасущегося оленя, заимствованный из статеров и тетрадрахм Митридата. См. Бурачков—Кат. мон., табл. XV, р. 13—14 для Херсонеса; табл. XXII, № 168—для Пантикапея; табл. XXIII, № 20—21—для Фанагории и № 2 — для Горгипии. Ср. Giel—Kleine Beiträge, Taf. IV, f. 1—4, для Пантикапея и Фанагории.

⁴ См. статью О р е ш н и к о в а в «Известиях РАИМК», т. II (стр. 15), в которой он констатирует исчезновение имен магистратов с херсонесских монет.

в полном объеме, и Диофант обращается с городом, как с равноправным союзником. Это можно объяснить прежде всего тем, что Митридат, повидимому, не только не располагал дополнительными военными силами для более действительного подчинения Северного Причерноморья, но, как это вытекает из Аппиана (Арр.—Mithr., 13, 15, 19, 69), сам видел в этом районе, прежде всего, источник вербовки воинов1. Если же власть Митридата над Северным Причерноморьем, в частности над Херсонесом, не могла непосредственно базироваться на военной силе, то и зависимость. от него не могла быть полной. В этом смысле, очевидно, и следует понимать известное место Страбона (VII, 4, 3), где он рассказывает, как Херсонес, опустошаемый варварами, вынужден был пригласить Митридата в качестве своего «προστάτης». Повидимому, обнаружившаяся в предшествующем периоде неспособность Херсонеса самостоятельно защищать себя от своих соседей, явилась достаточной гарантией его преданности Митридату. Вместе с тем, пока Херсонес видел в своих взаимоотношениях с Митридатом надежную защиту от скифов и сарматов, у него, как и у остальных городов, вошедших в зависимость от Понтийского царства, не былооснований для недовольства новым порядком; но положение изменилось, когда под влиянием неудач и тягот, затяжных и повторных войн с Римом², Митридат меняет свою политическую ориентацию. Начав свою деятельность в Северном Причерноморье с походов против «варваров» и вооруженной ликвыдации восстания рабов, он заканчивает ее политикой союзов с варварскими династами и вербовкой в свою армию тех же самых рабов и пиратов³. До настоящего времени на эту сторону деятельности Митридата не было обращено надлежащего внимания. Поэтому до сих пор и причины, толкавшие этого эллинистического монарха на совершенно исключительные по своему радикализму политические шаги, равно как и перипетии его политики, остаются не вполне выясненными. Во всяком случае, несомненно, что уже с самого начала деятельности Митридата вооруженная борьба с «варварами» при опоре на прибрежные рабовладельческие города и широкое использование покоренных силой оружия племен для борьбы с Римом сочетались с практикой чисто дипломатического на них воздействия. Аппиан неоднократно упоминает о заключаемых Митридатом союзах с «варварскими» племенами. Так, в главе 57 «Митридатовой истории» рассказывается о посольствах Митридата к фракийцам, савроматам и скифам, а в главе 69 содержится перечень целого ряда «варварских» племен, граничащих с боспорской территорией и названных присоединившимися к нему союзниками. Из главы 101 мы узнаем, что Митридат обручает своих дочерей с могущественнейшими из «варварских» правителей.

¹ Предположение о существовании в Херсонесе постоянного понтийского гариизона, которое насколько нам известно, было выдвинуто в литературе только Юргевичем (ЗОО), т. XII, стр. 5 сл.) и Ростовцевым (сборник в честь Уваровой стр. 8 сл.), исключительно основано на двух главах, 102 и 108, Аппиана. Но в первой из этих глав, где рассказывается о бегстве Махара в Херсонес, ни словом не упоминается о существовании в нем гарнизона. Во второй же, в рассказе о восстании Фанагории, в фразе «все ближайшие укрепления, недавно захваченные Митридатом» (в число этих укреплений, как видно из дальнейшего перечня, входит и Херсонес) подчеркнуто именно слово αρτίληπτα, что как раз говорит об обратном, т. е. о том, что до этого захвата город был свободен от оккупации.

² Об экономических последствиях этих войн см. Жебелев—Экономическое развитие Боспорского государства, ч. 2, стр. 673 сл. (ИАН, 1934).

³ Plut.—Pomp., XXXIV; App.—Mithr., 107; Cp. Th. Reinach, op. cit. S. 375 f.; Ziebarth, op. cit., S. 37 f.

Аналогичные данные можно почерпнуть у Мемнона¹ и особенно у Юстина. Последний прямо говорит, что Митридат привлек на свою сторону галло-греков, сарматов и бастарнов «различными благодеяниями» (variis beneficiorum muneribus iam ante inlexerat) (J u s t., XXXVIII, 3, 5).

Мы не возьмемся сейчас решать, в чем именно заключались эти «beneficia varia», привлекавшие «варварские» племена к Митридату. Может быть, то, что Митридат выступил против Рима, на территориях которого томились в цепях рабства многочисленные сородичи его туземных союзников, сыграло в этом решающую роль. Одно ясно, фраза Аппиана (гл. 15), где он называет всех живущих на пространстве от Танаиса до Истра и вокруг Мэотиды друзьями Митридата, готовыми выполнять все его приказания, — не только риторический оборот. Даже тогда, когда Митридат, уже разбитый (65 г.), был вынужден с горсточкой своих телохранителей бежать на север, его продолжают радушно принимать и провожать богатыми дарами его туземные союзники (A р р.—Мithr., 101, 102), так что план обойти кругом весь Понт и, собрав здесь силы, снова обратить фронт против римлян (A р р.—Мithr., 101; Ср. F 1 о г и s, 1, 40, 20), имел под собой реальную почву.

Однако дальнейшие события показывают, что эта политика сближения с окружающими Боспор туземными племенами оказалась совершенно несовместимой с одновременным сохранением верности со стороны рабовладельческих городов побережья. Очевидно, интересы господствующего в этих городах класса нельзя было примирить с интересами более широких кругов туземного населения.

Очень интересен в этом отношении рассказ Аппиана о последовавших после измены Махара событиях (А р р.—Міthr., 102). Когда Махар узнал о приближении своего отца, поддержанного мэотийскими племенами, он оказался вынужденным бежать. При этом он не предпринимает никаких попыток опереться на туземные племена, бежит не в степи, а направляется прямо в Херсонес, этот, по выражению Плиния (Р1 і п.— Nat. Hist., IV, 85), наиболее греческий,—т. е. наиболее далекий по своему складу от «варваров», город побережья. Повидимому, не случайно в главе 108, посвященной восстанию Фанагории, Аппиан причисляет Херсонес к числу укрепленных пунктов, недавно захваченных (ἀρτί\ηπτα) Митридатом.

То, что было в дни Диофанта и сопровождалась установлением в честь него почетного декрета, не подпадает под понятие захвата. Кроме того, эти события в отношении к рассматриваемому времени произошли отнюдь не недавно, а отделены от него почти полувековым расстоянием. В таком случае остается предположить, что словом ἀρτίληπτα Аппиан хотел подчеркнуть гораздо более близкие события. Этими событиями могли быть только выступления Херсонеса и других городов² на стороне Махара против Митридата, ибо иначе нельзя объяснять факт их вторичного подчинения последним. Если же это так, мы приходим к выводу, что восстание городов во главе с Фанагорией было не единственным случаем открытого выступления против Митридата. При этом чрезвычайно важно отметить,

¹ M e m n., XXX, συμμάχους δὲ Πάρθους καὶ... Σκυθικούς βασιλέας καὶ τόν "Ιβηρα προσηταιρίζετο...

² Сочувствие Херсонеса программе Махара вытекает из последующего участия этого города в восстании, поднятом Фанагорией, которое шло под тем же лозунгом перехода на сторону римлян (см. А р р.—Mithr., 108).

что таким образом оппозиция со стороны городов возникает еще до того, как римляне блокировали Черное море, ибо Плутарх, от которого мы узнаем об этом факте, приурочивает его уже к деятельности Помпея¹. Следовательно, экономические следствия этой блокады, наряду с возросшими налогами и повинностями, не породили, а только усилили и активизировали существовавшую уже и до этого оппозицию со стороны рабовладельческой части городского населения.

С этой точки зрения измену Махара, поддержанную рядом городов, последующее восстание городов во главе с Фанагорией и, наконец, измену и переход на сторону римлян Фарнака следует рассматривать, как единое движение, направленное против чрезмерного радикализма политики местного общества. Характерно, что более широкие слои, и в первую очередь окружающие Боспор «варварские» племена, наоборот, остаются верными Митридату до конца. Аппиан, Дион Кассий и Орозий, сообщающие в общем одну и ту же версию о восстании городов и измене Фарнака нигде прямо не говорят об участии в этих событиях «варваров». Только одно известие Диона Кассия о брожении в войсках Митридата (Dio С a s s., XXXVII, 11), состоявших, как известно, преимущественно из «варваров», может внушить в этом отношении некоторые сомнения. Однако они рассеются, если сопоставить это известие Диона с соответствующим местом из Орозия (Oros., VI, 5, 1—6.). Оба приводят один и тот же факт выдачи восставшими детей Митридата римлянам. Разница в том, что Дион говорит о нем в общей форме, опуская подробности, тогда как Орозий конкретно указывает, что римлянам было выдано четыре сына Митридата, причем иницатором этой измены был не «варвар», а вождь фанагорийского восстания Кастор. Имя Кастора в той же роли инициатора восстания Фанагории мы встречаем и у Аппиана (А р р.—Mithr., 108). Из этого, следует, что в основе всех трех источников, в данном случае, лежит один и тот же круг первоисточников, из которого Орозий приводит наиболее подробные данные. Если это так, мы получаем право: во-первых, уточнить известие Диона данными Орозия; во-вторых, составить себе представление о событиях, непосредственно следующих за выдачей детей Митридата римлянам, на основании данных Аппиана. Поскольку, по Аппиану, Митридат и после подавления фанагорийского восстания продолжает посылать скифским династам своих дочерей и просьбы о помощи (ibid.)2 т. е. не меняет своей тактики, можно прийти к окончательному выводу, что брожение в войсках, предшествовавшее фанагорийскому восстанию, о котором сообщают все три названных автора, происходило помимо участия в нем «варварской» части воинов Митридата. По Аппиану (ibid., 109), даже в последние дни жизни Митридата, когда он потерял надежду получить помощь от скифов (ibid.), и положение его было близко к полной безнадежности, Фарнак все же не может решиться на открытое выступление и вынужден действовать под покровом ночной темноты. Очень интересно, что в рассказе Аппиана Фарнак начинает подстрекать к восстанию не «варварскую» часть войска, а римских перебежчиков. Да и тут, чтобы получить надлежащий эффект, ему приходится, по выражению Аппиана, представлять в «преувеличенном виде» грозившую им от похода в Италию опасность и обнадеживать их многими от себя милостями. Несмотря на все это, когда настало утро, и римские перебежчики первые

¹ P I u t.—Pomp., XXXIX. Об экономических следствиях блокады см. С. А. Ж е- белев—Экономическое развитие Боспорского государства, стр. 673 сл.

² A p p.—Mithr., 108; Dio Cass., XXXVII, 10—14; Oros., VI. 5.

подняли клич к восстанию, остальные воины стали переходить на сторону Фарнака «скорее из страха и по принуждению, чем по добровольному решению» (φόβω καὶ ἀνάγκη μᾶλλον ἢ ἑκουσίω γνώμη συνεπήχουν).

Таким образом, недаром Помпей в дальнейшем вознаграждает фанагорийцев автономией (A р р.—Mithr., 113). Инициатива последнего выступления против Митридата и перехода на сторону Рима целиком принадлежала городам побережья, ибо «варваврские» племена в лучшем случае, как, например, в отмеченном выше факте отказа в помощи Митридату, играли в поднявшемся против него движении только пассивную роль. Само выступление Фарнака последовало уже после выступления городов и предшествовавшей ему безрезультатной попытки Митридата вступить в переговоры с Помпеем1.

Аппиан и Дион (A p p.—Mithr., 110; Dio Cass., XXXVII, 12) видят побудительную причину измены Фарнака в стремлении таким путем. добиться снисхождения римлян и удержать за собой царство. В данном случае Фарнак в основном повторяет попытку Махара найти выход из создавшегося положения в непосредственных переговорах с римлянами. Однако, очевидно, не страх перед внешней опасностью римского вторжения сыграл тут решающую роль. Дело в том, что военные действия Помпея вдоль Кавказского побережья натолкнулись на активное сопротивление албанцев и иберов². И тут эти племена «варваров» остались верными Митридату и не перешли в лагерь его врагов. Затянувшаяся война на Кавказе вынудила, в конце концов, Помпея отказаться от несомненно существовавшего у него первоначально плана вторгнуться в пределы Боспора (Plut.—Pomp., XXXIV). Таким образом, военная деятельность Помпея на этом участке может быть расценена только как крупная неудача, граничащая с поражением. Во всяком случае, непосредственная угроза римского вторжения на Боспор после этого отпала, ибо Помпей оставляет Кавказское побережье и возвращается в Малую и Переднюю Азию (ibid., XXXIX). Правда, сохраняется блокада северного побережья со стороны моря римским флотом (ibid.), но, как уже было упомянуто, эта блокада не породила, а только усилила и без того уже существовавшие противоречия в лагере Митридата. Кроме того, сохранение блокады уже после прекращения сухопутных операций еще больше подчеркивает провал первоначального плана, по всем данным задуманного как комбинированные действия на суше и на море. Только потерпев неудачу на фронте прямых военных действий, римское командование, в лице Помпея, оказалось вынужденным перенести центр тяжести на этот обходный маневр, рассчитанный уже не на внешний эффект, а на внутренние осложнения в тылу неприятеля.

Расчет этот мог оказаться правильным только при наличии предпосылок для этого во внутренней жизни Боспора. Учитывая опыт предшествующих событий, римляне, повидимому, это хорошо понимали, ибо блокада должна была ударить прежде всего по интересам торговых городов побережья. Расчет этот оказался правильным, так как под влиянием внешнего и внутреннего ослабления, раз став на путь политики поисков опоры извне, города эти уже не оказались в состоянии с него сойти. С другой стороны, после отмеченного выше поворота в

¹ Арр.—Mithr., 10; Ого s., VI, 5. Ср. Reinach, ор. cit., стр. 406 сл. и Момм 3 е н—Римская история, т. III, стр. 111 сл. (русск. изд. 1880 г.).

² P I u t.—Ротр., XXXV; D i o C a s s., XXXV, 54; XXXVII, 1—5; S t r a b., XI, 1, 6; E u t r o p., VI, 14.

политике Митридата, рабовладельческий Рим естественно стал им гораздо ближе, чем их прежний $\pi \rho \circ \sigma \tau \acute{\alpha} \tau \eta \varsigma^1$.

Из всего изложенного следует, что главной причиной поражения Митридата были не его военные неудачи и очень сомнительное, в данном случае, военное превосходство римлян, но внутренний крах его политики. Попытка построить свое политическое влияние и власть над Северным Причерноморьем разом на двух, находящихся в постоянной вражде, силах окончилась неудачей, ибо эти силы были разделены непреодолимым барьером противоречий, в значительной мере классового жарактера. Несмотря на близкое соседство и постоянное соприкосновение друг с другом и в то же время вне зависимости от процесса социального расслоения внутри «варварского» общества, каждая из этих сил шла по своему историческому пути. И в то время, когда рабовладельческие города побережья, под влиянием глубокого кризиса всей той системы, которую они представляли, шли уже по пути вниз, в широких слоях туземного «варварского» населения постепенно созревали предпосылки, которые дали ему в дальнейшем силы, как говорит Энгельс, — «омолодить мир, страдающий от того, что старая цивилизация умирает»².

Вот почему уже в Ів. до н.э. и Митридат и римляне вынуждены были прежде всего считаться с этой силой, как с главным фактором, определявшим собой сложившуюся к этому времени в Северном Причерноморье обстановку.

Эпопея Митридата закончилась трагическим для него образом, очевидно, потому, что в его время «варварское» общество еще не было в состоянии противопоставить себя античным рабовладельцам. Однако справедливая слава имени Митридата, как исторического деятеля первой величины, может быть, в том и заключается, что под конец своей жизни у него хватило решимости смело повернуть свою политику в сторону тех, за кем было историческое будущее.

Возвращаясь к вопросу о римской политике этого времени, следует, прежде всего, еще раз подчеркнуть, что своей победой над Митридатом римляне были обязаны не военной удаче, но сложной внутренней обстановке в самом Боспоре. Это была пассивная победа. Очень важно отметить, что римская политика ни теперь, ни в течение следующих десятилетий не может выйти за пределы пассивного восприятия событий, в значительной мере протекающих помимо непосредственного участия Рима. Конечно, в этом немалую роль сыграли острые внутренние потрясения в самом Риме, падающие на этот же промежуток времени. Однако они только частично могут объяснить это явное оскудение римской внешнеполитической мощи. Внешние для Рима причины безусловно сыграли тут

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 133.

¹ Для позиции рабовладельческих городов во время митридатовских войн очень характерна аналогия с Афинами и Малой Азией. Здесь наблюдается тот же радикализм в политике Митридата. Преследуя цель объединения всех враждебных Риму элементов и широко используя для этого классовые противоречия современного ему общества, Митридат доходит до того, что некоторые из его мероприятий приобретают уже явно революционную окраску. В Малой Азии им широко проводится аннулирование долгов, раздача земель и освобождение рабов. В Афинах от его имени выступает Аристион, раб по происхождению, и т. д. Совершенно понятно, что и здесь реакцией на эту политику было восстание против Митридата и переход на сторону Рима, еще в конце первой войны, ряда таких центров, как Смирна, Колофон, Эфес и др. См. Тh. R е і а с h, ор. сіt., S. 133 f.; М о м м з е н—Римская история, т. II, стр. 271 сл. (русский перевод изд. 1937 г.); С. А. Ж е б е л е в—Из истории Афин 229—231 гг. до нашей эры (1898), стр. 234 сл.

неменьшую роль. Недаром через античную историческую традицию красной нитью проходить мысль о непобедимости и грозной храбрости скифов. Особенно ярко это чувствуется у латинских авторов. Достаточно прочитать полные ужаса строки «Печальных песен» Овидия, который на коленях молит Августа спасти его от опасности, еле сдерживаемой водами Данувия (O v i d.— Trist., II, 185—204), или настоящий панегирик у Юстина (Just., XXXVII, 3, I; XXXVIII, 7, 3) Митридату за то. что он успел подчинить прежде непобедимых скифов.

Как показал опыт похода Помпея, именно в силу этих причин боспорская территория оказалась за чертой досягаемости для римских войск. Ποэтому термины φίλος χαί σύμμαχος, имевшие в практике римской политики различное значение1, в применении к Фарнаку должны были означать очень немногое. Во всяком случае, в нумизматическом² и эпиграфическом материале попрежнему отсутствуют какие бы то ни было следы стеснения боспорской независимости. Литературные же источники определенно говорят о военных мероприятиях Фарнака, направленных к расширению границ его царства вплоть до Танаиса³. В последнем случае уже, несомненно, таилась опасность рецидива митридатовских войн, ибо Евпатор начала подготовку к борьбе с Римом также с предварительногообъединения и расширения территории своего государства (Th. R e iп a c h, op. cit., S. 48—100). Мы не располагаем никакими сведениями о мероприятиях Рима по предотвращению этой явной опасности, если не считать выделения Помпеем Фанагории в качестве неподвластной Фарнаку и автономной единицы (Арр.—Mithr., 113). Только в этом можно видеть единственную слабую попытку римской дипломатии применить к Северному Причерноморью старый внешнеполитический принцип divide et impera. Впрочем, попытка эта обнаружила свой характер паллиатива. сразу же после того, как Фарнак приступил к выполнению задуманного им антиримского плана⁴.

¹ Dessau-Geschichte d. röm. Kaiserzeit (1924), I, S. 298 f.

² Монеты Фарнака см. Бурачков—Общ. кат., стр. 228 сл. и Кене—Опис.

муз. Кочубея, т. II, стр. 138. ³ Strab., VII, 4, 3; XI, 2, 11; XI 5, 8. Cp. Brandis—Bosporos, III. RE.. стр. 777 сл. и Латышев—Ποντικά, стр. 96.

⁴ Арр.—Mithr., 120; ср. Моммзен—Римская история, II, стр. 271 сл. (русский перевод изд. 1937 г.).

ПРОФ. А. Н. ЗОГРАФ

РЕФОРМА ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В БОСПОРСКОМ ЦАРСТВЕ ПРИ САВРОМАТЕ ІІ

І щательное исследование штемпелей, которыми биты монеты, установление тождественности их, сопоставление различного размера штемпелей, резанных одной рукой, сделалось сейчас необходимым для всякой монографии по античной нумизматике, оперирующей со сколько-нибудь полным материалом. Этот метод работы обеспечивает основанную на объективных: признаках правильную хронологическую группировку, могущую послужить исходной базой для построения на ней исторических выводов. Монеты Боспорского царства представлены в Эрмитаже настолько полно, что дают возможность с успехом применить этот разработанный в исчерпывающих монографиях corpus'ного типа метод и без привлечения материалов из других собраний. Подобная работа над царскими боспорскими монетами тем более важна и необходима, что, поскольку золотые статеры неизменно датированы годами Боспорской эры, объединение с ними в соответствующие серии медных монет (серебра на Боспоре со времени Фарнака не чеканится) дает точную хронологию и для этих последних. А в свою очередь данные такой хронологической группировки медных монет при сопоставлении с распределением золотых статеров по годам в сводках Бертье-Делагарда дают основания для чрезвычайно интересных заключений.

Так, например, обильная медная чеканка Савромата I, начинающаяся со времени его вступления на престол, внезапно прекращается около 415 г. Б. э. (118 г. н. э.), т. е. в момент, непосредственно следующий за приходом. к власти Адриана. Однако одновременно с этим заметно оживляется выпуск золотых статеров. В царствование Римиталка с 434 г. Б. э., даты вступления на престол Антонина Пия, наступает пятилетний перерыв в чеканке: золотых статеров, может быть, стоящий в связи с упоминаемым у Юл. Капитолина вызовом царя в Рим². Чеканка золотых статеров после перерыва возобновилась в прежних размерах, между тем как чеканка медной: монеты, замирающая одновременно с перерывом, возобновляется впоследствии лишь в очень слабой степени. При преемнике Римиталка—Евпаторе несравненное увеличение выпуска золотых статеров, которые именнотеперь заметно бледнеют и становятся по существу электровыми, совпадает со вступлением на римский престол Марка Аврелия. Что же касается мед-

¹ Материалы для весовых исследований («Нумизматический сборник», т. II, стр. 106 сл.). ² Vita Ant. Pii, IX, 8.

ных монет Евпатора, то они вообще немногочисленны и резко распадаются на две группы: первую—полновесную, в которой преобладают монеты младшего номинала ($K\Delta$), относящуюся к первым годам правления царя, и вторую, выпущенную во вторую половину его царствования и состоящую только из монет высшего номинала (MH), но значительно упавших в весе (см. синоптическую таблицу весов).

Сделанные наблюдения обнаруживают, что, поскольку изменения в развитии боспорской царской чеканки совпадают с моментами смен на римском императорском престоле, развитие этой чеканки, без сомнения, регулировалось распоряжениями из центра. При этом основным мотивом римской политики по отношению к боспорскому монетному делу, повидимому, было поощрение выпуска золотых статеров при одновременном строгом наблюдении за тем, чтобы выпуск медной монеты не переходил за известные пределы, что и осуществлялось, как в городских чеканках императорской эпохи, прекращением время от времени выпуска медной монеты¹. Причину этого мы можем видеть в охране интересов обращавшегося во всяком случае на периферии Боспорского царства римского денария. В самом деле, обмен денария на боспорский царский статер, сохранивший и после уменьшения в весе римского ауреуса свой первоначальный вес-около 7.8-7.9 г-был более выгоден для денария, чем обмен на медные боспорские монеты условной ценности. Однако эти медные монеты в большом количестве обращались на месте, и с ними приходилось считаться. Приложенная табличка весов боспорских медных монет показывает, что они обнаруживают тенденцию к последовательному падению веса уже в І в. н. э. Очень резко обнаруживается это падение веса в монетах, носящих знак ІВ (ассах) в правление Котия I, и, может быть, этим объясняется то, что Нерон в 62 г. н. э. изъял из обращения эти медные ассы и заменил их двумя номиналами большего веса, но в то же время и большей номинальной ценности, со знаками МН и К (сестерциями и дупондиями; о правильности этих наименований я буду говорить ниже). Если учесть, что на самом Боспоре денарий едва ли широко обращался и что, согласно римскому денежному счету (ауреус=25 денариям=100 сестерциям=400 ассам), боспорский статер при Котии I должен был прямо размениваться на 400 медных ассов, бывших высшим номиналом медной монеты, то приходит мысль, что Нерон в своих денежных мероприятиях, признавая произошедшее понижение веса медной монеты, но в то же время увеличивая номиналы ее, пытался путем сближения между собой статера и высшего номинала меди остановить дальнейшее падение веса медной монеты. Став на эту точку зрения, мы можем представить себе все дальнейшее развитие боспорского монетного дела как результат взаимодействия двух тенденций. Рим стремится удержать монетное дело Боспора в тех пределах, в которые его ввел Нерон. Боспорские цари Савромат I и Римиталк (см. таблицу весов) пытаются итти дальше по этому пути, ограничиваясь выпуском только высшего номинала меди МН. Котий II и Евпатор, напротив, следуя предписаниям Рима, выпускают оба номинала и даже младший в большем количестве, чем старший. Если Евпатор во вторую половину царствования вынужден отступить от этой лойяльности по отношению к Риму и уменьшить вес высшего номинала, то это лишний раз свидетельствует, что обесценение медной монеты прогрессировало, и кризис, вызвавший реформу Савромата II, развивался.

¹ Ср. «Известия ГАИМК», т. VI, вып. 4, стр. 5.

Эти предварительные замечания, на которых я по условиям места принужден лишь очень кратко остановиться, совершенно необходимы для понимания дальнейшего.

Перехожу теперь к чеканке в долголетнее царствование Савромата II. исключительно обильно и полно представленной в собрании Эрмитажа. Вступив на престол еще при Марке Аврелии (174 г. н. э.), этот царь продолжает занимать его до самого конца правления Септимия Севера (210 г.). Медные монеты Савромата II чрезвычайно многочисленны, типы их очень разнообразны, претенциозны и в виду обилия дают особенно интересный и благодарный материал для хронологической классификации путем подбора штемпелей и сличения их с портретами на статерах. Важность применения в данном случае такого уточняющего хронологию анализа усугубляется еще и тем, что картина произведенной Савроматом II «реформы монетного дела», выразившейся в замене прежних номиналов медной монеты, носивших знаки МН и КД, новыми, с иными обозначениями, может благодаря ему значительно проясниться. Вопрос этот был поставлен и подробно разработан Бертье-Делагардом¹, но именно отсутствие у него прочных хронологических опорных пунктов в пределах этой, распространяющейся на все долговременное царствование, чеканки повело его по совершенно ложному, на мой взгляд, пути, позволило отнести реформу уже ко времени правления Септимия Севера и усмотреть в ней попытку восстановления «полноценного асса». Путем анализа и сравнения штемпелей в медной чеканке Савромата II отчетливо выясняются следующие три периода:

Первый период: 471—483 гг. Б. э. = 174—186 гг. н. э.

В этом периоде мы встречаем исключительно монеты прежнего высшего номинала МН, по размеру и весу близко подходящие к таковым же последних выпусков Евпатора, но с тенденцией к дальнейшему понижению веса. Монеты эти сравнительно малочисленны—в Эрмитаже всего вместе с дублетами 30 штук. Большая часть из них представляет портретные монеты, по типам оборотных сторон подобные таковым же монетам предыдущих царей. Всем портретам медных монет в этом периоде можно подыскать точные аналогии в портретах на статерах (см. рис. 1, 1—6), но не все статеры с этой стороны находят соответствие в меди. Отнесение к этому же периоду очень немногочисленных непортретных монет помимо размера и веса удостоверяется общностью типов, а иногда и штемпелей оборотных сторон с портретными монетами.

Второй период: 483—493 гг. Б.э.=186—196 гг. н.э. Вэтом периоде, когда и происходит реформа монетного дела, медные монеты чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Об этом можно судить по нижеприведенным цифрам. Номиналы в порядке размера и веса, начиная с высших, имеют следующие типы и обозначения: 1) знак ВЖ, размер 28—31 мм, средний вес 15,96 г. Типы оборотных сторон очень разнообразны: царь на коне; царь, венчаемый Никой, царь с трезубцем и палицей; различные подвиги Геракла. В собрании Эрмитажа, считая с дублетами, монет этого номинала 72 штуки. 2) Знак Ж, размер 25—30 мм, ср. вес 11,18 г, тип оборотной стороны—восседающая на троне богиня. В Эрмитаже 50 штук. 3) Знак РМД (144), размер 24—28 мм, ср. вес 10,90 г. Тип оборотной стороны—орел с венком в клюве. В Эрмитаже 52 штуки. 4) Знак МН

¹ Диференты на боспорских царских монетах римского времени («Нумизматический сборник», т. I, стр. 305 сл.).

(48), размер 20—24 мм, ср. вес 5,93 г. Типы оборотной стороны старые— МН в венке и др. В Эрмитаже 5 штук. Берьте-Делагард в упомянутой статье¹ опубликовал впервые дотоле совершенно неизвестную монету—размером 26 мм, вес 8,58 г—со знаком % (96) и типом орла с венком на оборотной стороне, которая по портрету лицевой стороны должна быть отнесена также к этому периоду. Эта монета в Эрмитаже не представлена; изданный Бертье-Делагардом экземпляр, повидимому, представляет собою уник. Общее число медных монет этого периода в собрании Эрмитажа 179 штук. Чрезвычайно важно отметить, что едва ли не 50% всех этих монет носят круглые надчеканки с изображением головы Септимия Севера (рис. 1. 7—9; 2, 11—16).

Третий период: 493—507 гг. Б. э. =196—210 гг. н. э. В этом периоде мы встречаем все те же номиналы, что и во втором, за исключением редкого в 96 единиц. Репертуар типов оборотных сторон значительно беднее. Высший номинал В х сохраняет из прежних лишь тип царя на коне, но к нему присоединяется тип сидящей богини, служивший в предшествующем периоде типом номинала в одну крупную единицу. Для чеканящегося в меньшем количестве этого последнего номинала Х используется один из вариантов типа сидящей богини, добавляющий к ней фигуру Ники с венком. Типы остальных двух номиналов остаются те же. Характерной чертой, общей всем медным монетам этого третьего периода, является обязательное присутствие в поле оборотной стороны головы Септимия Севера. встречавшейся иногда и на монетах предшествующего периода в качестве позднейшей надчеканки, здесь же вырезанной в самом штемпеле и, таким образом, составляющей неотъемлемую часть типа (рис. 3, 20—25). О размере, весе и количественном взаимоотношении номиналов в этот период дают представление следующие цифры: 1) В , размер 25—27 мм, ср. вес 9,89 г, в Эрмитаже 46 штук. 2) ★, размер 25—26 мм, ср. вес 9,96 г.. в Эрмитаже 7 штук. 3) РМД, размер 23—25 мм, ср. вес 7,34 г., в Эрмитаже 11 штук. 4) МН, размер 23—24 мм, ср. вес 7,73 г, в Эрмитаже 6 штук. Общее число медных монет этого периода в собрании Эрмитажа 71 штука. Заслуживает быть отмеченным значительное понижение веса высшего номинала и уменьшение разницы в весе между номиналами.

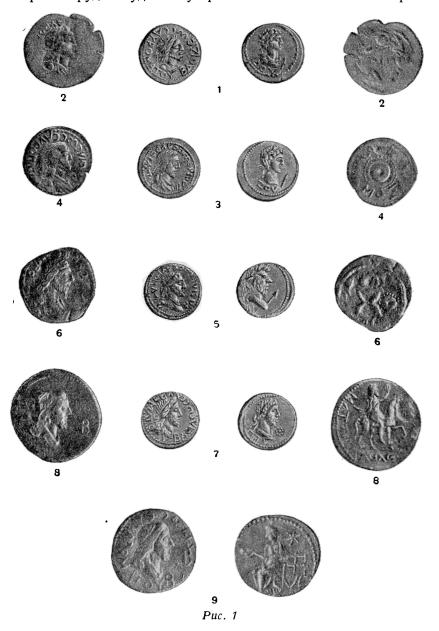
Каждая из трех групп, соответствующих намеченным трем периодам, как мы видим, обладает определенными признаками, отграничивающими их друг от друга.

Выше было указано, что именно во втором периоде происходит так называемая реформа монетного дела, по существу являющаяся лишь расширением и пополнением денежного обращения рядом более крупных номиналов без полного, однако, в противовес мнению Бертье-Делагарда, исключения из оборота прежнего номинала в 48 единиц. Последний лишь как явно обесценившийся, теряет всякое значение и чеканится в незначительном количестве. Что в данном случае мы имеем налицо сознательное пополнение денежного обращения более высокими номиналами—нововедение, которое началось с разного рода опытов, особенно ясно показывает монета собрания Эрмитажа № 149 (рис. 1, 8), очевидно наиболее ранняя в этой группе. Монета эта была в свое время опубликована А. В. Орешниковым², причем там же им издан другой экземпляр той же

¹ Ук. соч., стр. 312.

² «Нумизматический сборник», т. III, таб. II, 43.

монеты, принадлежащий Венскому собранию. Оборотные стороны обоих экземпляров—одного штемпеля; о тождестве или различии штемпелей лицевой стороны трудно судить с уверенностью из-за плохой сохранности

венского экземпляра. Особенность этой монеты заключается в том, что титул и имя царя помещены не на лицевой стороне, вокруг портрета, как обычно, а на оборотной, вокруг конной фигуры царя, портрет же лицевой стороны совсем не имеет надписи, а имеет лишь одни знаки $\times$ и В

в поле, по сторонам бюста. Естественно предположить, что таким нарушением сохранявшейся более века традиции в медной чеканке пытались выставить вперед знаки ценности на новой монете, подчеркнуть, что она представляет совершенно новый номинал. Царский портрет на этой монете находит точное соответствие в статере 483 г. Б. э. (рис. 1, 7), и тем самым начало реформы датируется этим годом. Что это была проба, опыт, впоследствии оставленный, явствует из того, что этот же штемпель лицевой стороны, которым бита монета № 149, был впоследствии переработан: вокруг портрета на нем была нанесена надпись с титулом и именем царя, добавлена розетка, и он сделался, таким образом, совершенно подобным другим, возвратившимся к прежней схеме, штемпелям лицевых сторон. В таком переработанном виде этот же самый штемпель послужил для чеканки лицевой стороны монеты № 221 собрания Эрмитажа (рис. 1, 9). Здесь, между буквами надписи на лицевой стороне, можно еще совершенно ясно видеть плохо затертые на штемпеле следы знаков ценности: Жслева и В справа, хотя монета сама по себе представляет номинал Ӿ и имеет этот знак при соответствующем типе на оборотной стороне1. Отголоском этого опыта остаются относящиеся к тому же периоду редкие монеты, на которых имя и титул царя повторяются дважды—и на лицевой и на оборотной сторонах².

Другой, вероятно предшествовавший этому, опыт представляет, как увидим ниже, изданная Бертье-Делагардом уникальная монета в 96 единиц.

Правильность предлагаемой хронологической группировки подтверждается следующим обстоятельством. Большие и парадного вида экземпляры высшего номинала, имеющие на оборотной стороне изображение царя, венчаемого Никой, связываются портретом лицевой стороны со статерами либо 489 г. Б. э., либо—491 г. (рис. 2, 15, 16; рис. 3, 17, 18). а к 490 г. относится надпись, повествующая о победе над скифами и сираками и об очищении от пиратов южной части Черного моря3. Как увидим в дальнейшем, и грани между намеченными периодами находят подтверждение в фактах истории Черноморья.

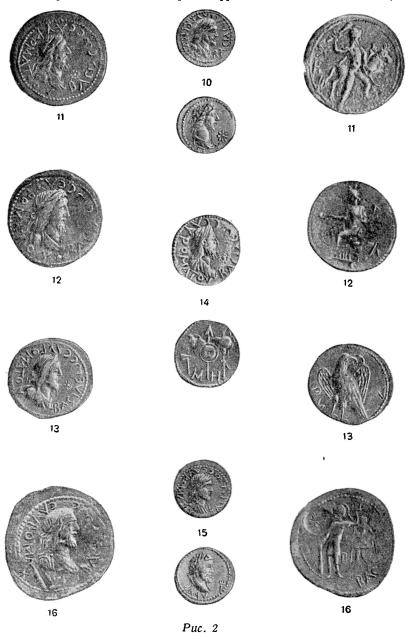
Выше я уже высказал свой взгляд на реформу Савромата II, как заключавшуюся лишь в расширении денежного обращения путем постановки над обесценившимся номиналом МН ряда монет более крупной номинальной ценности. Иначе говоря, реформа была дальнейшим уже не шагом, а скорее резким скачком по пути, на который, как указывалось. принужден был вступить в своих монетных мероприятиях на Боспоре Нерон. Теперь нам предстоит ответить на вопрос, как понимать перечисленные знаки ценности на монетах, что это за номиналы и каково их отношение к римской монетной системе. На этом вопросе также подробно остановился Бертье-Делагард в вышеупомянутой статье; им использована вся предшествующая литература, Миннз лишь кратко резюмирует его

Факт применения этого штемпеля лицевой стороны для чеканки другого, низшего номинала сам по себе не может вызывать удивления. Во втором и третьем периодах чеканки Савромата II нередки случаи, когда одним и тем же штемпелем лицевой стороны выбиваются одновременно номиналы В 🗙 , 💥 и РМД или РМЗ и МН. И в городской чеканке Северного Черноморья наблюдаются такие случаи распространения одного штемпеля лицевой стороны на различные соседние номиналы; они лишний раз свидетельствуют об условном, неполноценном характере этих медных монет.

² Собр. Эрмитажа, № 181, 182. Изобр. см. Гиль—Новые приобретения, табл. VII. 72 (3PAO, т. V). ³ IosPE, II, № 423.

^{4 «}Scythians and Greeks», p. 633.

предположения, не прибавляя ничего со своей стороны. В сводной табличке1 Бертье-Делагард сопоставляет расшифровки этих обозначений, кото-

рые прямо или косвенно можно извлечь из «Описания Музеума Кочубея» Кене, расшифровки, получаемые согласно схеме Моммзена² и, наконец,

Ук. соч., стр. 319.
 «Geschichte des Römischen Münzwesens», S. 701.

предлагаемые им самим. Как он правильно замечает, определения Кене бессистемны, непродуманы и часто противоречивы, и с ними поэтому уже он мог бы не считаться. Нам остается решить вопрос, кто ближе к истине— Моммзен или Бертье. Схема Моммзена очень проста, и в этом ее преимущество. Согласно ей, единица, лежащая в основе счета медных боспорских монет, начиная со времени Тиберия, есть унция или нуммий. В силу этого из упомянутых нами номиналов монета со знаком ІВ составит 12 унций. или асс, со знаком $K\Delta$ —24 унции, или дупондий, со знаком MH—48 унций, или сестерций, со знаком 95 (монета, неизвестная Моммзену)— 96 унций, или 2 сестерция, со знаком РМ∆—144 унции, или 3 сестерция. Знак $\times$ обозначает денарий (4 сестерция) и $B \times -2$ денария. Бертье-Делагарда не удовлетворяет в этой схеме то, что при таком объяснении номинал РМ представляет монету в 3 сестерция, не встречаемую в римской чеканке1. Главное же, что его смущает, это несоответствие между количествами меди, представляющими указанные номиналы, и их номинальной ценностью. Привожу его слова²: «Иными словами говоря, условная монетная цена меди на Боспоре была, будто бы, почти в 15 раз больше, чем в империи. Можно ли допустить, что подобный чекан стерпели римские императоры, эти принципиальные фальшивомонетчики?». В силу этого автор и предлагает свою схему, которая, по его мнению, дает вполне согласующуюся с римским обиходом расшифровку знаков на монетах, о которых идет речь. Вот вкратце ход его рассуждения. В эпоху до Савромата II единица, лежащая в основе счета боспорских монет, представляет семунцию, и, таким образом, высший номинал МН, в 48 единиц, является дупондием. следующий за ним КА, в 24 единицы, ассом. Чеканящиеся при Котии I и ранее более мелкие номиналы: **Δ** (4), 5 (6), **H** (8) и IB (12) соответственно оказываются секстансом, квадрансом, триенсом и семисом. Савромат II по успешном окончании своих военных предприятий с ведома и. может быть, даже поощряемый Септимием Севером—на это, говорит Бертье, указывает его портрет в надчеканках на монетах-производит реформу, заключающуюся в изъятии из обращения испорченной его предшественниками легковесной монеты, в замене ее новой, уже полновесной монетой и в одновременном изменении, в целях лучшего различения новой монеты от старой, системы счета и обозначений. Высшими номиналами, таким образом, и после реформы остаются восстановленные в своем первоначальном весе—соответственно 10,5 и 14 г—те же асс и дупондий, но обозначения для них принимаются иные, новые, именно: для асса знак Ӿ, для дупондия тот же знак с добавлением В. Меньшие номиналы РМ∆ (144) и 95 (96) представляют, по его мнению, согласно традиционной римской системе подразделения асса, семис и триенс, причем в основу счета теперь ложится уже не семунция, а скрипул.

Уже одно допущение, что скрипул разделил судьбу монетного асса в смысле отрыва от своего первоначального весового значения и в качестве такой редуцированной до микроскопических размеров величины мог приниматься за единицу для счета монеты, да еще медной, делает построение Бертье-Делагарда фантастическим и неприемлемым. Совершенно невероятно также предположить, что, если уже Нерон счел возможным допустить ограничение медной чеканки на Боспоре одними сравнительно высо-

¹ Это отмечал и Моммзен, как возможное в местной провинциальной чеканке отступление от римской системы.
² Ук. соч., стр. 316.

кими номиналами (по Бертье-Делагарду дупондием и ассом), Савромату II прищло бы в голову более столетия спустя вводить в обиход подразде-

ления асса, о которых и в самом Риме начали в это время забывать. Но наиболее сокрушающими для построения Бертье-Делагарда оказываются следующие соображения. Он мог говорить об изъятии из обращения при реформе прежних легковесных дупондиев и о выпуске вместо них новых,

полновесных, с иными обозначениями ценности того же номинала, так как ввиду отсутствия у него прочной основы для хронологической группировки монет в пределах царствования ничто не мешало ему все монеты с обозначением МН относить ко времени до реформы, и даже те из них, которые имеют голову Септимия Севера не в надчеканке, а в самом штемпеле. Произведенная мною разбивка монет по периодам, помимо датировки реформы временем на десятилетие ранее окончательного торжества Септимия Севера над его соперниками, с полной ясностью обнаруживает, что монеты с обозначением МН, хотя их выпуск после реформы значительно сократился, все же не перестают совершенно чеканиться и встречаются в сериях как второго, так и третьего периодов, причем по размеру и весу они не отличаются от монет первого периода. Продолжая последовательно схему Бертье, в этих монетах второго и третьего периодов рядом с номиналами $PM\Delta$ и 95 пришлось бы признать секстансы, но тогда реформа вместо ясности и оздоровления, как предполагает автор, внесла бы невообразимую путаницу, так как монеты, еще недавно считавшиеся дупондиями, после реформы, без всякого изменения их внешности, оказались бы в обращении монетами в 12 раз меньшей ценности. Ясно, что об изменении счета не может быть речи и что буквы МН, как при Нероне, так и при Савромате II, имеют одно и то же значение. В результате того же отсутствия группировки и смешения в одно монет Савромата II, принадлежащих различным периодам, Бертье-Делагард определяет средний вес высшего номинала в 14 г, а следующего за ним-в 10,5 г. На деле, как мы видели, высший номинал во втором периоде имеет средний вес около 16 г, в третьем периоде—около 10 г, следующий за ним номинал, соответственно, 11,18 и 9,96 г. Эта подробность для нас очень важна, с одной стороны, как показатель того, что первоначально средний вес высшего номинала на 2 г превышает средний вес высшего номинала МН нероновской эпохи, а также и нормы дупондия в самом Риме; с другой стороны, как свидетельство быстрого дальнейшего понижения веса, не располагающего в пользу гипотезы о восстановлении Савроматом II полноценной медной монеты. Незначительные различия и даже перебои в весе между номиналами, особенно в третьем периоде ($B \times -9.89 \, \text{г}$, $\times -9.96 \, \text{г}$; РМ Δ -7,34 г; МН-7,73 г), также не позволяют думать о восстановлении полноценного асса и его частей. Неприемлема, наконец, и попытка Бертье расшифровать знак $\times$ на медных боспорских монетах, как обозначение асса. Он совершенно прав, отвергая, в противовес Моммзену и др., истолкование шестиконечной звезды на статерах Савромата II как знака золотого денария, поскольку этот знак чередуется на статерах этого царя с трезубцем, розеткой, орлом и другими символами и, следовательно, подобно этим последним, служит лишь диферентом для различения выпусков в пределах одного года. Но когда он делает отсюда дальнейший вывод, что и на медных монетах, где подобный знак $\star$ не чередуется с какимилибо иными, а неизменно сопровождает все монеты одного типа и размера, он должен обозначать не денарий, а какую-то другую монетную единицу, то такая аргументация естественно вызывает недоумение. Автор не отрицает того, что, хотя употребление этого знака на римских денариях, и вообще, прибавлю, бывшее очень недолговременным1, прекратилось еще во II в. до н. э., он продолжал употребляться в письменности и в тече-

¹ Grueber-Cat. Brit. Mus., Coins of the Roman republic, t. I, p. XLI.

ние всей императорской эпохи¹, а в таком случае применение его на Боспоре для обозначения асса не могло повлечь ничего, кроме путаницы и недоразумений.

Независимо от Бертье-Делагарда, совершенно, очевидно, не зная его статьи даже в изложении Миннза, высказался против гипотезы Моммзена А. Сегре². Ограничившись указанием на недопустимость введения на Боспоре еще со времени Августа счета на нуммии, он, не углубляясь в соображения Моммзена, отвергает его схему и предлагает, также без всякой мотивировки, свою собственную. По его предположению, монеты со знаками $\dot{H}$, IB, $K\Delta$, MH и $PM\Delta$ представляют соответственно: $\frac{1}{2}$, $\frac{3}{4}$, $1^{1}/_{2}$, 3 и 9 денариев, или тетробол, одну, две, четыре и двенадцать драхм, и единица, лежащая в основе их счета, -ассарий. О значении знаков 🛨 и В 🛨 он просто умалчивает. Можно думать, что наталкивают его на подобное истолкование упоминаемые им немного ранее критские монеты времени Нерона с надписями $A\Sigma$ IT IB, $A\Sigma$ IT $K\Delta$, правильно распространяемыми в ασσάρια ιταλικά ιβ', и т. д. Но ведь это серебряные монеты, которые можно поставить в связь с драхмой системы кистофоров, к весу которых они близки. Расшифровывая таким же образом знаки боспорских монет, пришлось бы уже в первой половине І в. н. э. без предшествующих ступеней обесценения допустить наличие на Боспоре медной кредитной драхмы. Построение Сегре для нас неприемлемо не только в силу неясности ряда пунктов и недостаточной обоснованности, но, главным образом, именно потому, что оно слишком легко переносит на античное монетное дело наши современные представления о кредитной монете. Не отрицая того, что античная медная монета очень часто становилась фактически кредитной, я думаю, что происходило это всегда лишь постепенно, после более или менее длительного процесса обесценения монеты, ход которого в I—II вв. н. э. на Боспоре данная статья и старается осветить.

Итак, расшифровка номиналов боспорской медной монеты, предложенная Моммзеном, заслуживает большего доверия, и вышеизложенный взгляд на реформу, как представляющую дальнейшее, и очень резкое, повышение номинальной ценности медных монет, имеет больше оснований. Однако Бертье-Делагард даже не использовал в достаточной мере выгодного момента для предполагаемого им отождествления номинала МН с дупондием. Он берет лишь средний вес этого номинала при Рискупориде II и Савромате I, определяя его в 13 г, и указывает, что он очень близок к весу римского дупондия. Правильнее было бы для такого сопоставления выбрать момент первого появления на Боспоре номиналов МН и КД, т. е. эпоху Нерона³. Если взять средние веса боспорских монет, выпущенных с именем Нерона, то они дадут следующие цифры: для номинала МН—13,37 г, для номинала КД—10,43 г, цифры, действительно очень близкие к весам нероновских же дупондия и асса в римской чеканке⁴.

¹ RE, V, 213.

² A. S e g r è—Metrologia e circolazione monetaria degli antichi, Bologna, 1928, 398. ³ Во избежание недоразумений я должен здесь же заметить, что монеты номинала $K\Delta$ с надписью τειμαὶ βατιλέως Κότως τωῦ 'Ασπούργω (Б у р а ч к о в, табл. XXVII, 112) я считаю чеканенными во всяком случае после нероновского вмешательства, т. е. после 62 г. н. э.; в предшествующей медной чеканке Котия I места для них ни с типологической, ни с весовой точки зрения нет.

⁴ Фактические средние веса: по H. M a t t i n g l y—Cat. Brit. Mus., Coins of the Roman Empire, t. I, p. LIV f., дупондий: 14,55 г (Рим), 13, 47 г (Лион); асс: 10,97 г (Рим), 10,48 г (Лион); по E. S y d e n h a m, «Numism. Chronicle», 1919, p. 125: дупондий—15.07 г. асс—10,81 г.

Как ни поражает спервоначала подобное совпадение, им, однако, не следует увлекаться. По размеру высший номинал Нерона МН гораздо ближе подходит к сестерцию, а тип оборота младшего номинала Ка— Ника с венком и пальмовой ветвью—представляет как раз тип нероновского дупондия, на ассах того же императора Ника несет в руках щит¹. Далее, к осторожности призывает и следующее соображение. Выше было указано, что резкое падение веса медной монеты наблюдается еще до нероновской реформы, при Котии I, когда высшим номиналом меди была монета со знаком IB, и что реформа Нерона, повидимому, признала это понижение. Если же обратиться к самому началу чеканки этого номинала IB, к монетам Аспурга и Мифрадата VIII или даже к наиболее ранним выпускам того же Котия I, то там мы найдем нормы среднего веса, близко подходящие к современному им римскому ассу, но чрезмерно большие для предполагаемого Бертье-Делагардом семиса.

Но и помимо сказанного, самая предпосылка, что нормы римской медной монеты были в такой же мере обязательными и для автономной чеканки городов и для окраинных вассальных царств, далеко не может считаться сама собой разумеющейся в такой степени, как это предполагал Бертье-Делагард. Еще Моммзен предостерегал² от безоговорочного перенесения римских наименований и весовых норм на монеты городской чеканки императорского времени. Но и в настоящее время вопрос об этой чеканке с метрологической стороны еще далеко не достаточно разработан, и, если можно теперь с некоторой уверенностью говорить в общем смысле, что римская система счета распространилась во всех частях империи3, то в деталях все же остается много неясного. Городские медные монеты, носящие обозначения ценности в единицах, с достоверностью признаваемых за ассарии, хотя и не по весу, но по цене соответствующие римскому ассу, в большинстве относятся к сравнительно позднему времени—концу II—началу III в.-и позволяют лишь ретроспективно догадываться о положении в предшествующую эпоху. Отмечается неправильный и низкий вес этих монет, далеко отстающий от современных им римских норм. Так, например. в городах Западного Черноморья вес одного ассария составляет 2-3,5 г. монеты в 4 ассария (сестерция)—10—13 г⁵, между тем как вес римского сестерция, лишь при Севере Александре упавший до 20 г, даже при Галлиене не опускался ниже 16 г^в. Поэтому особенно важное значение и ценность приобретают для нас квази-автономные монеты острова Хиоса. выпускавшиеся со времени Августа до Галлиена и неизменно носящие обозначения ценности как в оболах и халках, так и, особенно часто, в ассариях. Во-первых, вытеснение обола уже во втором периоде чеканки обозначением в ассариях свидетельствует о быстром возобладании римской системы счета; во-вторых, полностью выписанное название ассария не оставляет никаких сомнений относительно единицы, положенной в его основу. Собранные Маврогордато в его монографии и сведенные в синоптическую

 $^{^1}$ M a t t i n g l y, op. cit., p. 241, 246, 269, 274. ^{2} Yk. cou., crp. 708.

³ H. Mattingly—Roman coins, L. 1928, p. 200.

⁴ F. I m h o o f - B l u m e r—Griechische Münzen, S. 161 f.; B. P i c k—Die antiken Münzen Nordgriechenlands, Bd. I, S. 75; K. R e g l i n g, ibid., S. 625.

⁵ B. Pick, K. Regling, ук. мм. ⁶ H. Mattingly-Sydenham—The Roman imperial coinage, L., 1923,

⁷ F. I m h o o f - B I u m e r, op. cit., S. 135; J. Mavrogordato—Chronology of the coins of Chios, «Num. Chron.», 1918, p. I f.

табличку весовые данные показывают, что, если в последнем периоде, относящемся к III в. н. э., вес ассария колеблется приблизительно в тех же пределах 1,80—3,5 г, что и в монетах Западного Черноморья, то в предшествующие периоды он значительно выше, в среднем 5-8 г, но далеко все-таки не доходит до норм современного римского асса. Только в самом раннем выпуске, стоящем, по признанию автора, особняком даже среди монет первого периода, максимальная цифра 11,5 г может считаться удовлетворяющей этой последней норме; добавлю, что минимальный вес в том же выпуске—7,14 г. Это резкое расхождение между максимумом, в первое время частично приближающимся к римским нормам, и минимумом, нередко не превышающим их половины, чрезвычайно характерно: оно делает суждение на основе средних весов малоубедительным. Поэтому Маврогордато совершенно прав, не ограничиваясь в своей табличке средними весами, а давая также максимальные и минимальные цифры для каждого номинала. Ему это было тем более необходимо, что количество весов, с которыми он мог оперировать в каждой отдельной группе, сравнительно невелико. Хотя мой весовой материал по боспорским монетам несравненно обильнее, я в прилагаемой ниже таблице весов держусь той же системы и, полагаю, не напрасно, так как, решая вопрос о значении номинала МН, установленного Нероном, мы можем сослаться на то, что максимальный вес этого номинала в чеканке Рискупорида ІІ—22,59 г—намного превышает вес римского дупондия и отстает от веса римского сестерция не более, чем соответствующие веса хиосских монет первого и второго периодов. Другая черта, наблюдаемая при анализе весов хиосских монет и заслуживающая внимания, заключается в том, что вес ассария, исчисляемый на основе монет в 3, 2 и $1^{1}/_{2}$ ассария, большей частью оказывается ниже такового же, извлекаемого из ассария и его подразделений. Эта черта, представляющая прямую противоположность тому взаимоотношению между весами крупных и мелких номиналов, какое характерно для серебряной городской монеты автономной эпохи, и тем самым лишний раз свидетельствующая об условном, неполноценном характере этой городской меди императорского времени, свойственна также и вышеупомянутым городским монетам Западного Черноморья и нашим боспорским царским монетам. Нам тем более необходимо обратить внимание на это обстоятельство, что оно поможет нам спокойнее отнестись к малым величинам ассария, определяемым на основе этих последних монет. В самом деле, если мы попытаемся исчислить вес ассария по среднему весу высшего номинала послереформенной меди Савромата ІІ — двойного денария, то цифра — $16 \, \mathrm{r} : 32 = 0.5 \, \mathrm{r}$ —получится действительно невероятно малая, а для третьего периода— $10 \, \text{г} : 32 = 0.31 \, \text{г}$ —и того меньше; это именно и отпугнуло Бертье-Делагарда. Но если применить для той же цели младшие номиналы сестерции, то получаются цифры: для второго периода $6 \, \text{r}: 4 = 1,5 \, \text{г}$, для третьего периода-8 г : 4=2 г, — цифры, не столь уже далекие от весов ассария в чеканке городов Западного Черноморья.

На этих исчислениях я остановился, чтобы показать, что между боспорской царской медью и городскими монетами со знаками ценности не лежит неодолимой пропасти. Единственное, чего по аналогии с хиосскими монетами мы могли бы ожидать от боспорской медной чеканки, это, чтобы она в своих первоначальных, исходных образцах приближалась к римской норме асса и в первое время после того не слишком удалялась от нее,

¹ Ук. соч., стр. 71.

хотя бы лишь в максимальных цифрах. Этим требованиям, как показывают вышеприведенные соображения относительно ассов Аспурга и сестерциев Рискупорида II, боспорская чеканка в I в. удовлетворяет. Если от городской монеты не требовалось точного следования римским нормам, то нет основания думать, что к Боспору могли бы относиться строже; тем более, что там выпускалось свое золото, обеспечивавшее эту медь и позволявшее римским властям, не интересуясь нормами меди, следить лишь, как было констатировано выше, за тем, чтобы ее выпускалось не слишком много. Но есть все же одно резкое различие между городской чеканкой императорского времени и чеканкой боспорских царей. Именно, в то время как и на Хиосе, и в городах Западного Черноморья, и в киликийских городах еще в III веке н. э. продолжают, хотя и в небольшом количестве, выпускаться монеты в один ассарий, на Боспоре со времени Нерона самой мелкой монетой становится дупондий, а при Савромате II—сестерций. Иными словами, цари Боспора в конце II в. заканчивают свою денежную систему тем номиналом, которым города Западного Черноморья, например, ее возглавляют. Объяснение этого различия должно осветить нам истинный характер «реформы» Савромата II. Главное затруднение, препятствовавшее Бертье-Делагарду согласиться на признание схемы Моммзена, состоит в наличии в денежной системе Савромата II двух высших номиналов меди, по ценности равных одному и двум серебряным римским денариям. Как действительно примириться с тем, чтобы медная монета могла, хотя бы и в качестве местного средства денежного обращения, считаться эквивалентом серебряного денария? Моммзену было несколько проще допустить это, так как он, не зная действительного количества этих монет и их распределения по периодам, считал их в большинстве чеканенными уже в III в., вто время когда сам римский денарий был совершенно обесценен. Дата 186 г. н.э., которую мне удается точно установить для момента проведения реформы Савромата II, может, казалось бы, поколебать эту решимость. Разгадка, думаю, лежит в том, что кредитный характер, потенциально присущий и городской медной чеканке, а боспорской, как только что указывалось, тем более, в денежных мероприятиях Савромата II проявился в полной мере.

Следующие соображения позволяют мне высказать эту мысль. Во-первых, хотя номиналы В $\times$ продолжают чеканиться во все царствование Савромата II, но при Рискупориде III, вступление на престол которого совпадает с началом правления Каракаллы, выпускается только один номинал $\times$, т. е. дена рий. Возобновляется чеканка номинала В $\times$ при его преемниках Савромате III и Котии III, т. е. с конца 20-х годов, и в дальнейшем при Ининфимее и Рискупориде V его вес и размер стремительно летят вниз, и вскоре вслед за тем выпуск медной монеты вообще прекращается. В это время действительно и римская серебряная монета испытывает уже почти полное обесценение. Таким образом, некоторое отступление, шаг назад, при Рискупориде III, связанное с очень обильным выпуском им хотя и низкопробных (бледного электра) статеров, придает денежной системе его предшественника характер, если и длительного, то все же временного мероприятия, вызванного хозяйственными условиями момента.

С другой стороны, есть основания думать, что первый решительный толчок в сторону обесценения был испытан римским денарием именно в правление Коммода. Хейхельхейм приводит в пользу этого очень убеди-

¹ «Zur Währungskrisis des römischen Imperiums im 3 Jahrh. n. Chr.», «Klio», XXVI, 1932, S. 96—113.

тельные доводы: Прослеживая по папирусам цены на хлеб в Египте в продолжение конца I в. и во II в., он отмечает, что, несмотря на неуклонное увеличение лигатуры в денарии, цена при Антонинах не растет, а даже падает по сравнению с флавиєвской эпохой. Напротив, при Коммоде, в связи с начавшейся «инфляцией», цена сразу увеличивается в 2,5—3 раза. и соответственно этому изменяется взаимоотношение между драхмой и ауреусом. Очень важно для нас, что он подчеркивает одновременное прекращение чеканки в Египте медной монеты. Увеличение цен вдвое в конце II в. он констатирует и в Ефесе¹. Для того, чтобы судить о положении цен на Боспоре в эту эпоху, у нас, к сожалению, насколько я знаю, нет данных. Следующие расчет и сопоставление ни в какой мере не могут заменить отсутствия этих данных, но показывают, в какой пропорции Савромат II увеличил номинальную ценность известного количества меди, и свидетельствуют, что подобного рода денежная операция не была одинокой на Черноморье. Средний вес монеты со знаком В Х, т. е. двойного денария, 15,96 г-приблизительно вдвое превосходит вес своей восьмой части—сестерция (МН)—7,55 г в первые годы правления того же царя, оставшийся, как мы видели, почти неизменным и в немногочисленных выпусках позднейшего времени. Таким образом, увеличение номинальной стоимости определенного количества меди можно предполагать в 4 раза. . Любопытно, что в Ольвии мы встречаемся в это же время с аналогичным фактом. Есть очень распространенная группа так называемых грековарварских ольвийских монет2, которые были выпущены около середины II в. н. э., частью, может быть, даже еще в первой его половине, но имели хождение очень долго и уже в сильно потертом виде трижды подверглись надчеканке, в первый раз изображением кадуцея, во второй и третий разцифровыми обозначениями. Нам интересны именно эти две последние надчеканки, которые ввиду их взаимоотношения по степени стертости не могут быть разделены друг от друга значительным промежутком времени, и обе, по всей вероятности, относятся ко времени Коммода. Эти цифры на монетах меньшего размера А и Д, на монетах большего размера В и Н (совмещения A с H и B с A мне никогда не попадалось). Таким образом, и здесь мы встречаем увеличение номинальной стоимости той же самой монеты в порядке надчеканки в 4 раза.

Надчеканки с изображенисм головы Септимия Севера на самих боспорских монетах Савромата II, второго периода и именно на высших номиналах, $\mathbf{B} \times \mathbf{X} \times \mathbf{Y}$ и $\mathbf{PM}\Delta$, также едва ли могут свидетельствовать о чем-либо ином, чем о подтверждении санкцией Рима их номинальной стоимости. Мало того, надчеканки с буквой $\mathbf{B}$, фигурирующие рядом с только что упомянутыми надчеканками на монетах второго периода, обозначенных знаком $\mathbf{X}$, $\mathbf{T}$. е. денариях, говорят уже и об изменении номинальной стоимости этих монет. Не может быть семнения в том, что поставлены эти последние надчеканки в третьем периоде и с той целью, чтобы дать этим денариям второго периода, по среднему весу даже несколько превышающим двойные денарии третьего периода, курс этих последних.

² Бурачков, табл. VII, 167; VIII, 172.

¹ В провинциальной чеканке Кесарии Каппадокийской в правление Коммода вес дидрахмы делает резкий скачок вниз—с 6,32 г при Антонинах на 4,40 г, в то время как драхма падает значительно меньше—с 3,18 на 3,03 г. Ср. Е. S y d e n h a m—The coinage of Caesarea in Cappadocia. L., 1933, р. 5. Нам это очень важно отметить, поскольку кесарийские провинциальные серебряные монеты в обилии обращались на Кавказе (ср. «Известия ГАИМК», т. VII, вып. 10).

Вернемся теперь к вопросу о том, как объяснить то, что в одну и ту же эпоху та же самая, повидимому, монета в 4 ассария в городах является самой крупной монетой, в то время как в Боспорском царстве она оказывается самым мелким номиналом. Едва ли будет ошибкой сказать, что объяснения этого факта надо искать в различном назначении денежной системы там и тут. В то время как города, в значительном большинстве унаследовавшие свою монетную чеканку еще от периода автономии, хотя и ограниченную со времени империи одной лишь медью, ставили ее задачей обслуживание интересов городского рынка, удовлетворение его ежедневных нужд, чеканка боспорских царей имела своей целью в первую голову содержание и оплату войска. Такой взгляд подтверждается не только наличностью военных и триумфальных сюжетов в обильных чеканках Савроматов II и І. Здесь уместно вспомнить, что Асандр помимо золотых статеров выпускал медь в двух высших номиналах ее — оболах и тетрахалках1, и что к оплате своих военных расходов в значительной доле медью был вынужден прибегнуть еще Мифрадат VI. По крайней мере, только передвижением его военных сил можно объяснить обильные, как единичные, так и кладовые, находки монет понтийских городов его времени на Северном Черноморье². Важно для нас при этом отметить, что в то время как чеканка более мелкой меди, тетрахалков и ниже, была им предоставлена и на Боспоре и в Понте городам, крупные медные монеты, очевидно оболы, с его идеализированной головой в виде Диониса³ выпускали на Боспоре его наместники или агенты. Учтя этот военный характер монетного дела Боспорского царства в императорскую эпоху, мы яснее представим себе, какую важную, более чем подсобную, роль при отсутствии серебра должны были играть в нем медные монеты, именно их крупные номиналы, в практике оплаты войска. И если в Риме вознаграждение солдат неуклонно росло, особенно в течение ІІ в., то более чем вероятно, что и на Боспоре происходило то же, а следствием этого было постепенное отмирание низших номиналов меди и переход к более высоким. Поэтому не должно нас удивлять и то, что еще Нерон в своих монетных мероприятиях на Боспоре, считаясь с местными условиями, пошел по тому же пути повышения номиналов, так как не очень обильная и, повидимому, недолговременная боспорская чеканка с его именем преследовала, очевидно, те же цели оплаты армии.

Допущение кредитного характера денежных мероприятий Савромата II даст нам и объяснение номинала $PM\Delta$ (144 унции — трем сестерциям), отсутствие соответствия которому в римской системе, отмеченное и Моммзеном, Бертье-Делагард выдвинул одним из главных аргументов против него. В самом Риме действительно такого соответствия нет, но на Востоке таким естественно могла оказаться провинциальная серебряная драхма, равнявшаяся $^{3}/_{4}$ денария, так как провинциальная тетрадрахма, прямая наследница кистофора, приравнивалась трем денариям. Подтверждение этого предположения, может быть, можно видеть в типе оборота монет $PM\Delta$, орле с венком в клюве, совпадающем с типом антиохийских тетрадрахма.

¹ Бурачков, табл. XXV, 45 сл., 47 сл. Монеты эти почти сплошь представляют перечеканки одноименных номиналов мифрадатовской эпохи.

² Данные об этих находках сопоставлены мною в ненапечатанной, к сожалению, до сего времени статье: «Монеты из раскопок в Ольвии в 1926 г.».

³ Бурачков, табл. XXIII, 25 сл. ⁴ Моттвеп, ZfN, Т. XIV, S. 40.

Нам остается объяснить номинал 95, который Бертье-Делагард считал триенсом. По схеме Моммзена, которому эта монета не была известна, он оказывается равным двумя сестерциям или квинарию и, таким образом, с этой стороны не встречает возражений. Но мне думается, что на более естественное истолкование появления в чеканке Савромата II этого номинала наводит самый факт исключительной редкости этой монеты. Именно в силу этого, как мимоходом указано выше, в ней можно видеть мимолетный эпизод, неудавшийся и вследствие этого оставленный опыт. В пользу такой догадки говорит и то обстоятельство, что этот номинал не имеет своего особого типа оборотной стороны, подобно другим, а разделяет его с номиналом РМА. Опыт заключался в простом удвоении номинальной стоимости самой крупной медной монеты (в данном случае и единственной) предшествующих выпусков. Прием этот не был, повидимому, новостью на Боспоре и повторялся и после Савромата II, причем в последнем случае объектом этой финансовой операции служили уже обесценившиеся биллоновые статеры. По крайней мере, недалека от него выше упоминавшаяся замена при Нероне прежнего асса дупондием и сестерцием, а внезапное появление на биллоновых статерах Рискупорида V, 562 г. Б. э., знака $\mathbf{K}$ (20) вместо прежнего $\mathbf{I}$ (10) ^{1} может быть истолковано только в этом смысле. Любопытно здесь вспомнить, что сохраненная Полиэном² традиция приписывала финансовую махинацию подобного рода еще Спартокиду Левкону (I?). Этот опыт Савромата, очевидно, не имел успеха, так как рост цен и потребности бюджета переросли в этот момент те возможности, которые предоставляло такое удвоение, и требовали значительно более многократного увеличения номинальной ценности монет, каковое немедленно вслед затем и последовало, сделав этот номинал в 96 унций ненужным.

В заключение обрисую вкратце, как мне представляется самый ход мероприятий Савромата II в области монетного дела. В первое десятилетие своего правления он выпускает статеры в «нормальном» для всего II в. количестве и медь только в номиналах МН по норме, несколько пониженной даже по сравнению с той, которая была принята Евпатором во вторую половину его царствования. Потребностям этой поры эти скромные выпуски, видимо, так или иначе удовлетворяли. Военные предприятия, перечисленные в надписи 490 г., достаточно многочисленны и обширны, чтобы выполнение их и подготовка к ним затянулись более чем на пять лет. Не будет, думаю, натяжкой поэтому предположить, что начинающееся еще с 483 г. Б. э. (186 г. н. э.) увеличение выпуска статеров объясняется именно военными мероприятиями. Но те же военные расходы требовали и разменной монеты в достаточном количестве и с достаточной покупательной способностью. Обесцененный и потерявший эту способность сестерций не удовлетворял этой задаче; увеличение его выпуска с дальнейшим понижением веса также не помогало делу. Первой попыткой справиться с положением был выпуск монет удвоенной номинальной стоимости, со знаком 95; но эта попытка, как запоздавшая, выхода не дала. Второй, имевшей больший, конечно, лишь временный, эффект, попыткой было создание

² Polyaeni — Strategemata, VI, 9.

¹ Статеры этого года, когда происходит смена знаков, не изданы, но в Эрмитаже имеется 10 экземпляров статеров 562 г. со знаком I и 9 экземпляров того же года со знаком К. Статеры предшествующих и последующих годов см. Кене, ук. соч., т. II, стр. 33, № 15 сл. Все описывавшие подобные статеры видели в этом знаке символ палицы, но в том, что он представляет букву I, не позволяет сомневаться его начертание в виде вертикальной черты с точками на концах и указанная смена его знаком К.

СИНОПТИЧЕСКАЯ	ТАБЛИЦА	BECOB	медных	MO
---------------	---------	-------	--------	----

						<u> </u>			1	
	в Ӿ	(двойн	юй де	нарий)	🗡 (денарий)				РМА	
	Cp. B.	Макс.	Ман.	Число	Cp. B.	Макс.	Мин.	Число	Cp. B.	Манс.
Монеты с монограммой										
Аспург (моногр. В, А, Р) 14-37 гг.	_		_	_			l		l _	_
Мифрадат VIII, 39-41 гг				l —	_		_	_	l _	i
Котий I, 45-54 гг		_		_	_	_	! —	_	! _	
▶ I, 54—62 гг	_		—	_	-	_			_	_
Нерон, около 62 г	_		-	_	l —	_	-	l —	-	_
Котий I, после 62 г. или Риску- порид II около 68 г. 1	_	_	_	_		_	_	_	_	_:
Рискупорид II, ок. 68 г	_	—	_	-		_		-	-	—
Рискупорид II » 6 -80 гг		l —		-		_	_	_	-	_
Рискупорид II » 80-91 гг	_	<u> </u>	-	_	—	_	-	_	1 -	l —
Савромат I, 93—103 гг	_	-		_	-	_	_	-	-	i —
Савромат I, 103—123 гг		_	-	_	-	_	_	_	-	-
Котий II, 123—132 гг	_	-	l —	_	_	_			-	-
Риметалк, 131—153 гг. •	_	-	-	-	-	_	-	-	-	—
Евпатор 154—160 гг	_	_	—	-	-	-	_	_	· —	-
» 161—170 гг	_		-	_	-	_	-	_	-	-
Савромат II, 174—186 гг	. —	-	-	_	-	-	-	-	-	_
Савромат II, 186—196 гг					11,18				10,90	
Савромат II, 196—210 гг	9,89	18,88	6,90	46		11,63			7,34	8,11
Рискупорид III, 211—226 гг	_	-	_	-	9,27	15,45	5,58	147	-	_
D	0								!	

В каждом столбце, посвященном отдельному номиналу, первая графа дает средний вес шрифт), графа четвертая—число наличных экземпляров (курсив).

кредитных двойного денария, денария и драхмы. Что Рим дал возможность осуществиться этому мероприятию, едва ли должно нас удивлять. Сам он во вторую половину правления Коммода испытывал острый финансовый кризис и единственно возможной реальной помощи в виде доставления значительного количества полноценной монеты оказать Боспору не был в состоянии. Помимо того, занятый дворцовыми затеями и интригами, он едва ли мог очень интересоваться положением в отдаленном вассальном царстве. Тем более, что ничего нелойяльного в мероприятиях Савромата не было. поскольку статеры с портретом императора продолжали выпускаться. Еще более самостоятельным мог чувствовать себя Савромат II, начиная с 193 г., по смерти Коммода, когда Север был занят борьбой со своими соперниками, и мы видели, каким торжественным триумфатором он выставляет себя на монетах около этого времени. Однако с окончательным торжеством Севера над своими противниками, после взятия Византия. начиная с 196 г., Савромат вновь принужден считаться с Римом и искать его санкции для своей новой чеканки. Сам ли он идет навстречу или делается это по приказу из Рима, но на монетах, выпущенных в течение второго периода, очевидно, именно в этом году, появляются надчеканки с портретом Септимия Севера, а на новых, начинающихся с этого времени монетах третьего периода этот портрет входит в состав самого типа. Такое видоизменение типа было с точки зрения Рима тем более необходимо. что три высших номинала этих серий приравнивались по ценности серебряным монетам, обращавшимся в соседних с Боспорским царством провинциях и носившим такие императорские портреты. Последствия «реформы» Савромата сказались: если во втором периоде, в особенности в претенциоз-

¹ См. стр. 297, прим. 3.

НЕТ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА В I—II вв. н. э.

(драхм	a)	МН (сестерций)				КА (дупондий)				IB (acc)			
Мин.	число	Cp. B.	Макс.	Мин.	Число	Ср. в.	Макс.	Мин.	Число	Cp. B.	Макс.	Мин.	Число
												1	•
  						 10,43	- - - - 12,80	 7,44		7,94	11,18		77 90 67 16
-	_	14 69	_ 16,75	_ 12,35	- ₇	6,62	8,17	5,28	21	-		-	-
	_	12,78			74			_	_	_	_	_	_
_	_		17,05		26	6,35	8,84	4,26	21	_		_	_
_		11,87			177	5,72		4,57	2	_	_		
-	-		18,22	6,47	244			_	_	_	_	_	
_	_	9,67	15,14	6,00	117	7,45	10,65	4,60	16	-			
_	-		16,63		140		- 1	- 1		-			_
_			14,75		9	7,94	12,56	4,24	28	- 1	- 1	-	•
_	_	8,42			8	-	-	-	-	-	-		
	-	7,55			30	_	-	-	-	-	- 1	-	_
8,17	52	5,93		4,15	5	-	-	-		-	-	-	
6,17	11	7,73	8,28	6,73	6	_	-	-	_	_	_	-	_
_	_	-	-	_	_	_	_	-	-	-	-	-	_

(жирный шрифт), графы вторая и третья-максимальный и минимальный вес (нормальный

ных сериях с изображениями подвигов Геракла, царя, венчаемого Никой и др., его чеканка производит впечатление временного подъема, то в третьем периоде она носит гораздо более спокойный и скромный характер. Статеры к концу его царствования становятся все бледнее, а вес высшего номинала меди В $\times$ резко падает. Наряду с этими двойными денариями новой чеканки ту же роль, как указано выше, в течение третьего периода были призваны исполнять денарии второго периода, снабженные помимо надчеканки с головой императора второй надчеканкой с буквой В. Продолжали ли в это время обращаться по той же цене и значительно более тяжелые двойные денарии второго периода или они подверглись изъятию и перечеканке, мы не можем сказать. Против последнего предположения говорит то, что до нас дошло их достаточное все же количество. Во всяком случае попытки дать им более высокую номинальную стоимость не было сделано, так как никаких надчеканок, кроме головы Севера, на них не встречается. Показательно, что в начале третьего периода, особенно в 198 г. н. э., мы имеем новое резкое увеличение выпуска статеров, может быть, именно для обеспечения новых обильных выпусков меди.

Последний вопрос, которого нам необходимо коснуться,—вопрос о том, каково же было взаимоотношение между, хотя и очень побледневшим, но все же еще заключавшим значительное количество золота¹

 $^{^1}$ Единственными имеющимися в нашем распоряжении анализами боспорских статеров остаются данные у К е н е, ук. соч., II, 411; их повторяет и H a m m e r, ZfN, XXVI, S. 66. Согласно этим данным, статер Рискупорида III 519 г. заключает около 30% золота, на столько же меди и около 40% серебра; анализов статеров Савромата II у него нет. Новые анализы, конечно, необходимы.

статером и высшим номиналом меди. Моммзен, основываясь на римской системе, определял для всей боспорской чеканки это отношение так: один статер (ауреус) равняется 25 денариям, а следовательно, 12,5 двойным денариям. Едва ли можно спорить, что в I в. и в начале II в. статер действительно равнялся 25 денариям, или 100 сестерциям, и из этих цифр мы исходили выше при определении отношений в эпоху реформы Нерона. Но итти вслед за Моммзеном дальше и признавать это отношение незыблемым и для момента монетной реформы Савромата II нельзя, тем более. что такое дробное взаимоотношение маловероятно. В самом Риме в эту пору отношение между ауреусом, сохранявшим чистоту металла, и денарием, в котором количество лигатуры стало подходить к 50%, начало колебаться Поскольку ухудшение качества боспорской золотой монеты является прямым и неизбежным последствием порчи серебряной монеты в Риме, изменение в денежном счете в это время и на Боспоре весьма вероятно. По одним монетам установить это взаимоотношение нам не удастся, и при настоящем состоянии наших источников по истории Боспорского царства в эту пору вопрос этот приходится оставить открытым.

¹ Cp. Heichelheim, op. cit.; Sydenham, «Num. Chron.», 1919, p. 130: W. Giesecke, «Frankf. Münzztg.», IV, 1933, S. 65 f.

Л. А. ЕЛЬНИЦКИЙ

ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ДРЕВНЕЙ КОЛХИДЫ

Античная археология Колхиды настолько бедна, что не в состоянии представить еще почти никакой вещественной документации для очень большого периода времени колонизации кавказских берегов греками и их оккупации римлянами.

В значительной мере это объясняется тем, что естественные условия в прибрежных местах Колхиды и Абхазии, во всяком случае в тех местах, где нужно предполагать остатки греческих поселений, как бы специально созданы для того, чтоб прятать и оберегать от самого настойчивого любопытства все, что ни попадет в землю. Раскопки Сизова в Сухуми в 1886 г. показали, что культурный слой, содержащий остатки эллинистического времени, лежит ниже современного уровня грунтовых вод. Многие участки побережья сильно заболочены, как заболочена долина нижнего течения Риона — место древнего Фасиса; как заболочена и заросла лесом полоса берега южнее устья Кодора и у мыса Искурии, —предположительное место древней Диоскуриады.

Болотистая непроходимая лесная чаща может долго и упорно беречь все, что бы в ней ни таилось, поэтому у нас так мало вещественных остатков греческой или эллинизированной варварской жизни древней Колхилы

Колхида не дала до сих пор ни одной древнегреческой надписи и всего лишь один латинский фрагмент (в Сухуми, см. ниже). Тем ценнее для всех интересующихся ее древними судьбами каждое литературное свидетельство, — мы находим их немало у самых разнообразных писателей древности (географов, мифографов, историков), особенно же у Страбона, Плиния, Птолемея и в двух периплах (Арриана и анонимного автора). Нельзя пройти мимо важных свидетельств, заключающихся в «Tabula Peutingeriana» и в «Космографии» Равеннского анонима.

К данным Страбона, Плиния, Арриана о местонахождении древних греческих поселений Кавказа обращалось уже немало ученых, из которых прежде всего нужно назвать французского путешественника первой половины XIX в. Дюбуа де Монпере, издателя и комментатора обоих периплов (Арриана и Анонима), К. Мюллера и, наконец, знатока южнорусской исторической географии Ф. Бруна. Капитальным работам этих уче-

¹ Некоторое исключение, повидимому, нужно сделать лишь для нумизматики древней Колхиды.

ных по древней топографии черноморских берегов Западного Кавказа всецело обязан этот маленький этюд, в котором подвергнуты пересмотру свидетельства древних авторов о поселениях побережья древней Колхиды и некоторые точки зрения упомянутых исследователей.

На пути от Трапезунта, вдоль восточного берега Черного моря, Арриан. шедший вдоль самого берега на весельно-парусных судах, отмечает устья всех речек, могущих в случае нужды служить стоянками для судов, и указывает разделяющие их расстояния. Он описывает более подробно те населенные пункты, где имелись сторожевые укрепления и были раскварти-

рованы римские гарнизоны.

Несколько крупных станций, упоминаемых Аррианом в начале пути от Трапезунта к северо-востоку, могут быть нанесены на современную карту без всяких сомнений: географическое положение Ризия, Афин, Архабия вряд ли кем-нибудь может оспариваться ввиду почти полного совпадения древних и новых названий соответствующих пунктов и расстояний между ними по данным Арриана и по данным современной карты.

Промежуточные станции — устья мелких, большей частью несудоходных речек — точно так же могут быть без труда отождествлены с тем или другим из многочисленных ручьев, бегущих с гор к морю. Их теперешние названия не связаны фонетически с указанными в перипле, но промежуточные расстояния между ручьями вполне соответствуют его расчетам.

Так дело обстоит на участке пути от Трапезунта до последнего из названных пунктов, Архабия Арриана — Архаве современных карт, т. е. как раз до того места, откуда берет начало изучаемый нами отрезок побережья древней Колхиды и где теперь проходит советская граница.

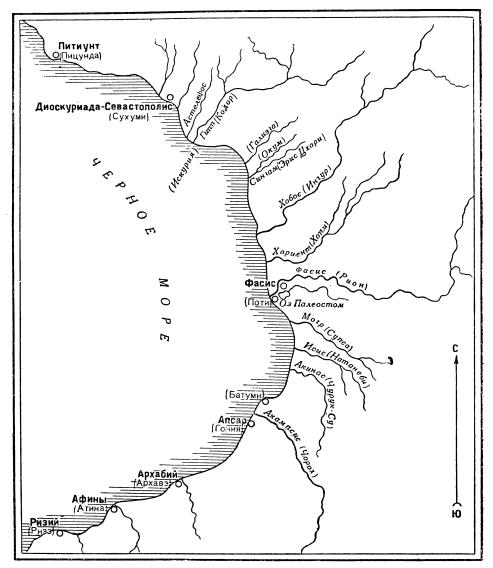
Вслед за этим пунктом, в 60 стадиях $\hat{i}$ к северу от Архабия, Арриан помещает поселение Апсар ($\hat{i}$ А ϕ $\hat{i}$ $\hat{j}$ $\hat{j}$ (A p p и а н, перипл, гл. 8, у Латы шева в «Scythica et Caucasica» стр. 219).

При ближайшем рассмотрении положение этого пункта должно было показаться спорным, так как несколько выше Арриан (гл. 6 и 7, у Л а т ыше в а стр. 218) упоминает о том, что, отплыв вечером или ночью из Афин. он добрался до Апсара лишь к полудню следующего дня, пробыв, таким образом, 10—12 часов в пути и покрыв расстояние больше чем в 500 стадиев. Так как это замечание противоречит приводимым им же несколько ниже расчетам (по которым сумма расстояний между Афинами и Апсаром равна 220 стадиям), К. Мюллер в своем издании аррианова перипла (Geographi graeci minores, v. I) предположил, что слово пятьсот (πενταχέσιοι) появилось вследствие искажения текста, и поместил Апсар у устья нынешней речки Хоп-Чай, километрах в 17—18 от Архаве, что, однако. должно было нарушить всякое соответствие между дальнейшими расчетами Арриана и данными современной карты.

Начать хотя бы с того, что Арриан помещает в 15 стадиях к северу от Апсара судоходную реку Акампсис ("Ακαμψις ποταμός ναυσίπορος), которая ни в коем случае не может быть отождествлена ни с речкой Хоп-Чай. ни с какой-либо другой, близ текущей, речкой.

Ближайшая к северу от Архаве большая и на некотором протяжении действительно судоходная река Чорох протекает значительно севернее. впадая в море километрах в 7—8 к югу от нынешнего Батуми.

¹ Стадий Арриана (и Анонима) составлял около 200 м. Это следует из сличения длины различных стадиев, употреблявшихся в римское время и дающих цифры от 192 до 210 м, а также из отношения цифровых данных Арриана к данным Плиния, выраженным в римских милях.

Побережье древней Колхиды

Между тем, если указание на 500 стадиев, разделяющих Афины и Апсар, счесть заслуживающим доверия и, наоборот, исчисление пути от Архабия до Апсара, равного 65 стадиям, признать за результат позднейшего искажения текста (что повлияло также и на исчисление общей суммы расстояний между Трапезунтом и Себастополисом, равное 2260 стадиям по расчету, приведенному в гл. 25 перипла, Латышев—Scythica et Caucasica, стр. 223), то расстояние между Архаве и Чорохом приблизительно будет соответствовать приходящимся на этот промежуток пути 295 стадиям.

Принимая, очевидно, все это во внимание, К. Мюллер несколькими годами позже изменил свою точку зрения и в комментарии к средней части «Перипла безыменного автора» (опубликованной по обнаруженному им

кодексу Британского музея в пятом томе «Fragmenta historicorum gracorum», стр. 174) идентифицирует Акампсис, равно как и Апсар, с Чорсхом: «verissimum esse censeo quod Ritterus («Erdkunde», В. 18, S. 938, conjecit fortasse apud Arrianum Apsari nomine significari Tchorok fluvilostium occiduum, alteri autem Acampsis nomen dari».

Как видно из приведенных слов, Мюллер один из рукавов дельтыр. Чороха (западный) считает древним Апсаром, другой же (восточный) —

Акампсисом.

Так же точно толковал текст Арриана, повидимому, еще и Дюбуа де Монпере: в составленной им, по данным перипла, карте он помещает Апсар близ р. Чороха, километрах в 5—7 к югу, у нынешнего местечка Гония или Гуния (см. «Voyage autour du Caucase», Atlas, v. I, pl. XIII

Эта поправка безусловно приближает Дюбуа к истине и вот почему Арриан замечает, что Апсар очень древнее, следовательно, должно быть и сравнительно крупное поселение, связанное с традицией Аргонавтики, как место гибели брата Медеи — Апсирта, по имени которого оно и получило свое название, впоследствии немного искаженное. Во времена Арриана в Апсаре стояло 5 римских когорт. Это значит, что там было возведен: укрепление, которое должно было занимать стратегически наиболее выгодное и господствующее над всей окрестной территорией положение.

Между нынешним местечком Гония и Чорохом (в 1—2 км от Гонии: современная карта отмечает развалины древней крепости. Турецкой крепости Гонии, о развалинах которой идет речь, естественнее всего был: стоять на месте римского укрепления, чьи остатки надо искать под грубой

и неряшливой кладкой турецких стен.

Сопоставляя свидетельства Арриана об Апсаре с его же замечанияма о крепостях, возведенных и занятых римскими гарнизонами на Кавказском побережье в Фасисе, Себастополисе и Питиунте, а также принимая в внимание все нам известное о римских крепостях северных берегов Черног моря — в Ольвии, Херсонесе и Хараксе на Ай-Тодоре, есть все основани предполагать, что Апсар был в І—ІІ вв. н. э. важным звеном в длинной цепи сторожевых крепостей, составлявших оборонительную линию римской пограничной охраны, защищавшую море, гавани и важнейшие путе внутрь союзных стран северо-восточных пределов империи.

Помимо перипла Арриана, о значении Апсара, как римского военнеадминистративного центра, говорит еще один весьма любопытный и близ-

кий периплу по времени документ.

В CIL (т. X) Моммзеном переиздана надпись, вырезанная на пьедесталенайденном в Абеллах, близ Нолы (в Италии). Из ее текста явствует, чт. упомянутый в ней Н. Марций Плеторий Целер, патрон колонии Абелльбудучи центурионом многих легионов, награжденный императором Траяном, как участник Парфянской войны, одно время исполнял также обязанности командующего (praepositus) сторожевыми отрядами вспомгательных римских войск, расположенных на восточном берегу Черног моря и расквартированных в Апсаре (numeri tendentes in Ponto Absarc

Вот полный текст этой надписи, который, насколько мне известнееще ни разу не цитировался в русской литературе, но представляет бесспорный интерес для всех занимающихся древней историей Кавказа N. Marcio /N f(ilio) gal(eria)/ Pl(a)etorio Celeri quaest(ori) II vir(o), centurioni leg(ionis) /VII gemin(ae), centurioni leg(ionis) XVI fl(aviae) firm(ae donis donato a divo Traian(o) bello parthic(o) /corona murali torquib(us armillis, phalaris, centurioni leg(ionis) II[I]/gall(icae), centurioni leg(ionis)

XIIII gem (inae) mart(iae) victr(icis)/ centurioni leg(ionis) VII cl(audiae) p(iae) f(idelis) centurioni leg(ionis) I adi(utricis) p(iae) f(idelis) p(rimi). p(ili), leg(ionis), eiusd(em) praeposit(o) numerorum/ tendentium in Ponto Absaro, trib(uno) coh(ortis) III vig(ilum), patron(o) colon(ia) d(onum) d(at) (CIL, v. X, pars pr., № 1202).

Таким образом, эта надпись прямо подтверждает свидетельство аррианова перипла. Упоминаемые ею numeri (название для военного отряда, постепенно утвердившееся в поздние времена империи вместо употреблявшегося ранее cohors), по всей вероятности, соответствуют тем σπειραί,

которых, по Арриану, в Апсаре стояло пять.

Это был один из самых многочисленных римских военных отрядов на северном и восточном побережье для этого времени, и крепость Апсар должна была иметь весьма значительные размеры.

Следующий по порядку пункт, отмеченный периплом, это-река Бафис (Βαθύς—глубокая), впадающая в море на расстоянии 75 стадиев от р. Акампсис.

Ее приходится идентифицировать с одной из небольших речек, устья которых расположены к северу от батумской бухты, например, с рекой Коронис-цхали, как это делает Дюбуа де Монпере на упомянутой уже карте к аррианову периплу.

В полном противоречии с этим оказались предположения Ф. Бруна («Черноморье», т. II, статья «Восточный берег Черного моря по периплам и компасным картам»). Брун, на основании некоторых соображений, заставлявших его искать римское укрепление Фасис не у устьи Риона, но у юго-восточного берега о. Палеостом (подробнее об этом немного ниже), соответственно передвигает к югу все названные Аррианом до Фасиса пункты и отождествляет поэтому Бафис с Чорохом (в приложенной к т. II «Черноморья» синоптике ошибочно Челох).

Но как мы уже убедились при последовательном изучении карты и перипла в движении с юга на север и при внимании ко всем вышеприведенным соображениям, с отождествлением Бафис — Чорох согласиться совершенно нельзя.

Упоминаемые далее Аррианом устья речек Акинаса ('Αχίνασις), Исиса (Ίσις) и Могра (Μόγρος) (по периплу безыменного автора Кинас, Исис, Могр или Нигр—Кίνασος, Ίσις, Μόγρος ήτοι, Νύγρος) без труда отождествляются соответственно указанным расстояниям с современными Кинтраш (или Чурук-Су), Натанеби и Супсой, в согласии с Дюбуа де Монпере и Мюллером.

Комбинируя свидетельства Страбона, Арриана и безыменного перипла, римскую крепость Фасис и одноименный эмпорий следует поместить у устья р. Риона, у левого ее берега. Но для того, чтобы согласовать эти свидетельства с действительностью, необходимо предположить, что во всяком случае тот остров, на котором ныне расположена портовая часть города Поти, не существовал во времена, близкие к началу нашей эры, а представляет собою более поздний намыв, разбивший дельту Риона на два больших рукава.

Страбон в следующих, совершенно точных выражениях определяет положение города: «При Фасисе (река) лежит город того же имени, торговый порт колхов, имеющий перед собою с одной стороны реку, с другойозеро, с третьей—море» (Латышев—Scythica et Caucasica, стр. 136— 137; Strab., XI, 2, 17).

Арриан прибавляет к этому чрезвычайно любопытные подробности, касающиеся как крепости, так и города: «Самая крепость, где помещается 400 отборных воинов, мне показалась весьма сильной по природным свойствам местности и расположенной на месте, очень удобном для защиты плавающих здесь. Вокруг стены проведен двойной ров; оба они широки. Прежде стена была земляная и на ней стояли деревянные башни, но теперь стена и башни построены из обожженного кирпича; она построена на прочном фундаменте (τεθεμελίωται ἀσφαλῶς), на ней поставлены военные машины, одним словом, она снабжена всем для того, чтобы никто из варваров не мог даже и приблизиться к ней, не говоря уже о невозможности угрожать осадой ее гарнизону. А так как и самая гавань должна была служить безопасным убежищем судам, равно как и пространство, которое вне укрепления было заселено отставными военными и некоторыми другими торговыми людьми, то я решил от двойного рва, окружающего стену, провести другой ров до реки, который окружит гавань вне стены» (Л а ты ш е в—Scythica et Caucasica, стр. 221).

Из этих слов явствует, что крепость, расположенная невдалеке от гавани, так же как, повидимому, и от устья реки, которое, вероятнее всего и служило гаванью, была в то же время на таком расстоянии от берега Риона, что между ней и рекой умещался довольно значительный торговый поселок.

Определением местоположения древнего Фасиса занимались немало, но предположения, высказанные на этот счет различными исследователями, очень часто противоречат друг другу. Впрочем, имеются также и древние свидетельства о Фасисе, согласовать которые с приведенными только что описаниями Страбона и Арриана как будто совершенно немыслимо. Я имею в виду, например, указанные Птолемеем координаты устья р. Фасиса и одноименного с ней города, которые хотя и должны лежать на одном меридиане, но широты их разнятся на 15", причем город Фасис помечен к югу от устья реки.

Дюбуа де Монпере, единственный из новых исследователей, который воочию видел описанную Аррианом крепость, в т. III «Voyage autour du Caucase» весьма обстоятельно описывает свой путь от Наколакеви до Чаладиди (в 21—22 км вверх по реке от Поти) и оттуда мимо Патара-Поти (Старый Поти) по реке к морю на лодке. У Патара-Поти им был обследован древний канал, прорытый при Юстиниане (теперешнее название канала Надорта), связывавший Рион с речкой Пичорой и через нее с озером Палеостомом. Невдалеке от Патара-Поти во время войны Восточной империи с персами в VI в. стоял римский лагерь, от которого при Дюбуа де Монпере уже не было, за исключением нескольких разрозненных обломков кирпичей, никаких следов.

«От канала нам оставалось еще 14 верст до крепости Поти. Прямым путем по земле это было бы только 8 верст, если бы местность была хоть сколько-нибудь проезжей... Я шел один; никто не пожелал сопровождать меня, за исключением одного лишь солдата, которому я пообещал на водку. Какого труда стоило нам добраться до невысокого холмика, все время маячившего перед моими глазами, как блаженный остров! Наконец, наши ноги ступили на нечто твердое, и эта твердь посреди болота в 700 шагах от реки, была не чем иным, как остатками сложенного из кирпича квадратного укрепления, в котором без труда можно было признать то самое, что описал и реставрировал Арриан. С четырех сторон возвышались квадратные башни, по 40 шагов с внешней стороны. Ворота крепости были обращены к морю. Кирпичи, послужившие для ее сооружения, имели 10 дюймов 6 линий в длину, 6 дюймов в ширину, 1 дюйм в толщину;

они были связаны между собой какой-то красноватой цементирующей массой.

Внутренность крепостного двора, имевшая 140 шагов в ширину — пространство как раз необходимое для помещения 400 римских солдат, составлявших ее гарнизон, теперь представляла собой, и зимой и летом, грязную лужу, а входные ворота — заплывший и тинистый канал. Холмы, образовавшиеся от обвала башен, затянуты толстым глинистым слоем рионского ила...

Страбон (кн. XI) говорит совершенно определенно, что город Фасис, большой торговый порт колхов, был у устья реки, ограниченный с одной стороны морем, с другой — озером, а с третьей — рекой. Нельзя более точно определить положение Фасиса, и этот город должен был стоять очень близко от только что описанных мною развалин. Ибо Арриан, писавший столетием позже Страбона, говорит также совершенно определенно, что город был между крепостью и рекой. Но эта крепость теперь в 5 верстах от устья Фасиса и морского берега, где она была воздвигнута для защиты входа в реку и порта. Уровень Черного моря не изменился... но из того обстоятельства, что устье передвинулось на 5 верст, вытекает, что уровень воды в реке в известной части ее течения должен был повыситься для того, чтобы получить высоту падения, необходимую для этих новых 5 верст. Расчет этой высоты не может быть меньше чем 1 фут или 1,5 фута на версту. Вот почему крепостной двор превратился в озеро, ее ворота в тинистый канал, а окружающая ее равнина — в болото. Все это некогда было футов на 7—8 выше уровня реки, теперь же—на одном уровне.

Мурат, генералиссимус султана Амурата III, выстроил крепость Поти в 1578 г., во времена турецко-персидской войны. За два с половиной века ее существования море отодвинуло свои берега и покинуло ее стены; она теперь в 2 верстах от него, что привело к необходимости поставить маленький форт в самой близи современного устья реки. Если море будет отступать дальше, то с Поти произойдет то же, что произошло с древней крепостью: он покроется болотной водой. Уже теперь почва города возвышается не больше чем на 3 фута над уровнем реки. Наши потомки скажут, что он опустился под воду.

Возвращаясь к римской крепости, я должен прибавить, что как раз напротив нее в реке подымается дикий остров, на котором, как можно предполагать, был храм Кибелы, руины которого видел Шарден¹ и о котором Арриан говорит, что он расположен налево при входе в Фасис. От этого сооружения ныне нет никакого следа. На твердой земле на другом берегу Фасиса, около кирпичного завода, заметны кое-какие следы древнего обиталища, может быть, остатки части древнего города или одного из тех лагерей римлян и лазов, которые воздвигались неоднократно во время войн с Хозроем» (D u b o i s d e M o n t p é r e u x — Voyage autour du Caucase, v. III, p. 67—76).

Последовательное и обстоятельное описание Дюбуа де Монпере, вместе с двумя чертежами, приложенными в атласе, не возбуждает никаких

¹ Что касается ссылки Дюбуа де Монпере на французского дипломата и путешественника Шардена («Voyage du chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient». Nouvelle édition par Langlés, 1811, I), будто тот видел на указанном острове Риона развалины храма «фасианской богини», то, к сожалению, ее приходится отвести, ибо Шарден (т. I, стр. 421—422 ук. издания) говорит как раз обратное, а именно, что его попытки обнаружить следы храма не дали никаких результатов. Правда, он искал их почти у самого моря, т. е., повидимому, значительно западнее того места, где эти остатки могли бы быть, если только они сохранились вообще.

сомнений в том, что ему действительно удалось обнаружить в указанном им месте остатки римского укрепления, которое соответствует описанному Аррианом и ориентация которого совпадает вполне со страбоновской.

Место это должно лежать на расстоянии около километра от последних строений современного Поти, к востоку от города, у поворота реки, против и сейчас существующего острова. Местность вокруг с тех пор заросла мелким кустарником, была заболочена и заливаема водой после обильно выпадающих дождей.

Этим ограничиваются наши сведения о древнем Фасисе.

К северу от Фасиса, на расстоянии 90 стадиев (18 км) Арриан указывает судоходную р. Хариент (Харієїς—прекрасную), а за ней на таком же расстоянии—р. Хобос (Х $\tilde{\omega}$ β ос), в устье которой он зашел и задержался по каким-то делам.

На современных картах в соответствующих расстояниях к северу от Риона обозначены две могущие быть принятыми в расчет реки — Хопи и Ингур.

Название первой из них, фонетически весьма близкое к Хобосу Арриана, заставило почти всех, изучавших его перипл, безоговорочно идентифицировать Хопи и Хобос вопреки тому, что расстояние первой от Риона не превышает 17—18 км. И в этом случае устье р. Хариента приходилось искать где-то посередине между Рионом и Хопи, где по современным картам вовсе нет никакой реки. Трудно вообразить, что за промежуток времени менее чем в две тысячи лет местность могла настолько измениться, что исчезла бесследно довольно значительная (судоходная по Арриану) река.

Как бы ни был велик соблазн принять те или другие доводы в защиту отождествления Хобоса и Хопи, постараемся, однако, сначала разобраться в вопросе, руководствуясь данными Аррианом расстояниями для отдельных участков пути между Фасисом и Себастополисом, с привлечением всех его сообщений об их топографии, и, наоборот, оставляя пока в стороне возможности совпадений древних и новых названий.

Первое, на что наталкиваешься, это—несоответствие данных у Арриана суммы расстояний между Поти и Сухуми (равно как и между Архаве и Поти) с длиной этих участков берега по современным картам. Правда. точность и современных, а тем более древних измерений весьма относительна, но все же даже при прикидывании по масштабу бросается в глаза. что расстояние между Архаве и Поти несколько больше указанного Аррианом, в то время как расстояние между Поти и Сухуми (не более 130—135 км)—несколько менее тех 810 стадий, которые насчитывает Арриан¹.

Между тем, на пути от Поти до Сухуми плывущий вдоль берега встретит 31 устье рек и ручьев, из которых ему придется избрать 6 для отождествления с реками, указанными в перипле. Причем сделать это необходимотак, чтобы, не добиваясь, быть может, всегда абсолютного совпадения современных и древних промеров, все же постараться сохранить с наивозможной точностью отношения указанных Аррианом расстояний между собой. Ибо если Арриан мог легко ошибиться в абсолютных числах несколько их преувеличив, то уже гораздо менее вероятно, чтобы он мог напутать в пропорциях этих чисел.

¹ Это обстоятельство могло бы быть сочтено за довод в пользу гипотезы, перемещающей древнее русло Риона к югу, если забыть о том, что при Страбоне устье реки занимало то же самое положение, что и теперь.

Действуя так, мы постараемся привлечь на помощь и некоторые другие соображения, прямые или косвенные, почерпнутые из того же аррианова

перипла и из некоторых посторонних источников.

Покинув Фасис, Арриан миновал судоходную реку Хариент и зашел в устье Хобоса, до которого, как он пишет в главе 16 перипла (Латышев—Scythica et Caucasica, І, стр. 222—223), путь его лежал на север: «Апсар же показался мне крайним пределом длины Понта, так как отсюда мы держали путь уже на север, вплоть до реки Хобоса и за Хобосом до Сингама (Σιγγάμης). От Сингама мы поворотили на левую сторону Понта

до реки Гиппа ("Іппос)».

Достаточно беглого взгляда на карту для того, чтобы представить себе, где следует искать реку Сингам. Она не может быть севернее Окума или Гализги у Очемчири, ибо далее берег весьма резко поворачивает к западу. Между Поти и Очемчири могут быть названы лишь две реки, доступные для мелких судов. Из них на первом месте следует поставить Ингур — одну из крупнейших рек побережья, а на втором — Хопи, незначительную речку, судоходную, вероятно, лишь на небольшом протяжении ее нижнего течения, проходящего через северную часть Колхидской низменности.

Только эти две реки и могут претендовать на отождествление с Хариентом и Хобосом Арриана. И что Хобос—именно Ингур, а не Хопи, об этом, кроме вышеприведенных слов Арриана, свидетельствует, кажется, одно место кн. VI «Naturalis Historia» Плиния, упоминающего «Flumen Chobum e Caucaso per Suanos fluens» (VI, 4), т. е. реку Хобус, текущую с Кавказа через землю сванов, которых все древние авторы помещают на территории, совпадающей с теперешней Сванетией.

Плиний лучше многих других информирован о географии и этнографии внутреннего Кавказа, и если, обратив внимание на это свидетельство, мы возьмем в руки карту, то увидим, что Ингур действительно берет начало в горах Сванетии, в то время как истоки Хопи теряются в предгорьях Мегрелии, неподалеку от низменной долины Риона.

После всего сказанного, несмотря на соблазн созвучия Хобос — Хопи, нам необходимо отказаться от этого общепринятого отождествления и признать за Хопи древнее название Хариент, с Хобосом же отождествить Ингур, тем более, что по приблизительному расчету это как раз должно

соответствовать показанным у Арриана расстояниям.

В цитированном несколько раньше месте Арриан указывает, что поворот берега к западу продолжается до р. Гиппа. Глядя на карту побережья, мы видим, что отклонение берега к западу имеет место до устья р. Кодора, обогнув которое, берег до самого Сухуми продолжается в северном направлении, с едва заметным отклонением на запад.

Сумма расстояний от Хобоса до Гиппа, указанных в перипле, равна 480 стадиям, или 96 км. Это—несколько больше того, что есть в действительности, так как длина берега между Ингуром и Кодором не превышает 85—90 км.

Но Арриан в этом случае как будто и сам не претендует на большую точность. Он говорит: «После Хобоса мы миновали судоходную реку Сингам: она отстоит от Хобоса не более чем на 210 стадий» (Латышев—Scythica et Caucasica, стр. 221).

¹ Следует оговориться, что отождествление Хобоса с Хопи отверг еще в 1925 г. исследователь местного края Иващенко в своей работе, посвященной древней топографии Абхазии и опубликованной в вып. IV «Трудов Абхазского научного общества».

Выгодно было бы представить себе, что приближение Арриана допускает уменьшение этой цифры стадиев на 25—30.

К тому же есть еще один очень серьезный довод, убеждающий нас в необходимости отождествления Кодора с Гиппом. В главе 16 Арриан далее пишет: «На пути от Гиппа вплоть до Астелефоса и Диоскуриады (т. е. Себастополиса; Арриан употребляет оба названия) нам были видны Кавказские горы, по высоте более всего подходящие к кельтическим Альпам; нам показывали одну вершину Кавказа—имя вершины Стробил (Στρέβιλος)» (Латышев—Scythica et Caucasica, стр. 223).

Дюбуа де Монпере в описании сухумского побережья замечает, что с мыса, омываемого устьем Кодора, открывается прекрасный вид на снеговую цепь Большого Кавказа. Отчетливой и выше других поднимается при взгляде с этого места вершина Джумантау (Эльбрус?), которую Дюбуа полагает идентичной Стробилу аррианова перипла («Voyage», I, р. 305—306). И хотя он не сообщает более ничего о том, насколько видны эти горы к югу от Кодора, но взгляда на карту достаточно для того, чтобы представить себе, как на побережье от Ингура до Кодора поднимающиеся на некотором расстоянии от моря возвышенности заслоняют собой от зрителя, плывущего вблизи от берега, снеговой хребет. Об этом же факте для сведения водителей судов говорится в «Лоции Черного моря» (т. I, стр. 186).

Между Хобосом и Гиппом Арриан отмечает две реки—Сингам (Σιγγάμης) и Тарсур (Ταρσούρας). Первая отстоит от Хобоса на расстоянии
210 стадий, вторая от него— в 330 стадиях. Как мы уже заметили раньше,
в действительности длина береговой полосы между Ингуром и Кодором
несколько меньше, чем хочет того Арриан. Но, имея в виду отношение
этих расстояний между собою, мы все же более или менее правильно можем
указать эти две реки среди 17 рек, впадающих в море на этом береговом
участке.

Арриан отмечает р. Сингам, как судоходную. Безыменный автор прибавляет к этому, что в его время она называлась также Зиганием, но среди теперь существующих названий нет и отзвука ни того, ни другого имени. Соответственно указанным расстояниям это могло бы быть или устье Гализги, или общее устье Окума и Эрисцкари. Последнее мне представляется более вероятным. Во всяком случае нетрудно допустить, что общее русло Окума и Эрисцкари более многоводно, чем устье Гализги.

В таком случае р. Тарсур пришлось бы отождествить с современной Моквой. Безыменный автор сообщает, что в его время р. Тарсур называлась Моха. Имеем ли мы в данном случае совершенно случайное совпадение или удержание древнего имени? Судя по тому, что все прочие древние названия рек на этом участке Черноморского побережья не удержались, трудно придавать этому созвучию решающее значение.

От Гиппа до Диоскуриады Арриан насчитывает 150 стадиев, отмечая по пути в 30 стадиях от Гиппа р. Астелеф ('Αστέλεφος). Безыменный же автор считает расстояние от Гиппа до Диоскуриады равным 165 стадиям, причем Астелеф он помещает также в 30 стадиях от Гиппа, с ука-

занием, что в его устье могут войти суда.

Таким образом, устье р. Астелеф следует искать километрах в шести от устья Кодора. «Лоция Черного моря» (т. І, стр. 185) сообщает, что река Кодор «вливается (в море) тремя рукавами, недоступными даже для гребных судов». Нет ничего удивительного поэтому в том, что древние морепла-

ватели принуждены были искать стоянку где-нибудь поблизости, в доступном речном устье. На карте на соответствующем расстоянии к северу показана безыменная речка, может быть, и носившая в древности имя Астелеф.

Местонахождение Себастополиса, или Диоскуриады, как этот город назывался до времен Августа, когда он был разрушен при неизвестных нам обстоятельствах, повидимому, в результате варварского набега, и вскоре отстроен на прежнем месте, но уже под новым названием,—настолько же не определено, по данным новых исследований, как и положение Фасиса.

Собственно говоря, существует два мнения. Соответственно одному из них, Диоскуриада и Себастополис стояли на месте современного Сухуми, в почве которого и следует искать их остатки.

Другая версия не указывает никакой преемственной связи древних поселений и современного города, а ищет их развалины в другом месте—значительно южнее Сухуми, за устьем Кодора, у мыса Искурии.

Это последнее предположение было выставлено Дюбуа де Монпере: «Может показаться странным, что милетяне, основавшие Диоскуриаду, расположили ее не при Кодоре, самой большой реке Абхазии, но у малень-кой речки, истоки которой не углубляются далеко в горы. Обитатели страны дают ей разноречиво имена Искурия, Цхузамели, Мармар. Но именно там заметны значительные руины, укрытые громадным лесом, среди которого разбросано несколько абхазских селений» («Voyage», v. I, p. 316—317).

В полном согласии с мнением Дюбуа де Монпере находится точка зрения К. Мюллера (см. FHG, v. V, p. 186, синоптическая таблица).

Наоборот, Брун, опираясь на предположения Неймана и Тетбу де Мариньи и привлекая некоторые археологические данные, указывает на сухумскую бухту, как на место древнего поселения.

Наличие древнего поселения на месте Сухуми доказано раскопками, произведенными В. И. Сизовым в 1886 г. (см. «Материалы по археологии Кавказа», т. II). Античный культурный слой обнаружен был им на глубине несколько больше аршина от поверхности, под слоем позднейшего намыва, состоящего из мелкого щебня. Слой, содержащий чернолаковую и краснолаковую керамику, представляет собой сероватую глину, причем современный уровень грунтовых вод выше древнего поселения. Это обстоятельство помешало Сизову довести раскопки до материкового грунта. Вода заливала траншею уже на глубине около двух аршин. Обломки керамики и другие предметы, относящиеся к эллинистической эпохе, извлекались им из воды.

По наблюдениям Сизова, культурный слой более всего насыщен остатками в прибрежной части северо-западного угла современного Сухуми; впрочем в южной части города, при устьи р. Беслаты, также имеются некоторые следы древнего поселения, относящегося, повидимому, лишь к позднеримской и византийской эпохам. Судя по наблюдениям Сизова и известного знатока местного края Чернявского (см. «Труды подготовительного комитета к V Археологическому съезду в Тбилиси», стр. 14), береговая сторона древнего поселения разрушена на значительном протяжении под влиянием опускания почвы (как, между прочим, предполагает и А. А. М и л л е р, см. его «Разведки на Черноморском побережье Кавказа» в ИАК, вып. 33, стр. 72) или просто под действием прибоя. Во всяком случае, постоянно морские волны, в которых погребена уже часть древнего города, размывают культурный слой, выбрасывая на берег строительные остатки, керамику и монеты. На территории города, на поверхности и под землей, а также и в воде у самого берега сохранились фундаменты и кладки древних строений, которые, может быть. в некоторой части принадлежат римскому или еще более раннему времени. Среди предметов, добытых раскопками Сизова, нет ни одного древнее второй половины IV в. до н. э. Известные мне случайные находки также не дают материала, относящегося к классической или тем более архаической эпохе. Стало быть, обнаруженное на месте нынешнего Сухуми древнее поселение не может быть принято за Диоскуриаду эпохи ионийской колонизации. Нет никаких препятствий к тому, чтобы обследованное Сизовым поселение эллинистическо-римского времени признать за Диоскуриаду и Себастополис Страбона, Плиния и Арриана. Это вполне подтверждается и расчетом расстояний по Арриану и всей позднейшей традицией, которая (начиная с Прокопия и итальянца Ламберти) помещала на этом месте город и порт Севастополь.

Что касается местонахождения архаической милетской колонии, то ведь нет никаких доказательств того, что на протяжении всей своей многовековой истории город существовал на одном и том же месте. Наоборот, некоторые соображения заставляют думать, что это было совсем не так.

Эд. Мейер («Geschichte des Altertums», II, S. 440, 449) замечает о колониях и торговых факториях Эгейского моря и Адриатики, появившихся в архаическую эпоху, что необходимым естественным условием их возникновения была не бухта или какая-либо искусственная гавань, как в более позднее время, но совершенно открытый, низменный песчаный берег, на который греческие мореходы вытаскивали на время стоянки свои легкие и узкие суда. Следовательно, условия существования позднейшего греко-римского поселения могли существенно отличаться от условий существования милетской колонии. Разумеется, только тщательная проверка этих мест может выяснить окончательно спорный, но очень важный вопрос о местонахождении древнейшей Диоскуриады. Заболоченный лес малопривлекателен для туриста, отсутствие же каких-либо остатков на самом берегу моря еще не решает дело окончательно в отрицательном смысле.

Фукидид замечает, что все древние города строились большей частью в известном отдалении от моря, из боязни грабительских набегов соседей, занимавшихся морским разбоем (T h u c., I, 7).

Мыс Искурия не только по своему наименованию, повторяющему название древнего города, но и по естественным условиям, повидимому, не исключает нахождения архаической Диоскуриады именно близ него: и по описанию Дюбуа де Монпере и по «Лоции Черного моря» от устья Кодора и до мыса Искурии берег низменный, чистый грунт его глинистопесчаный, море у берега довольно глубоко.

В 1925 г. в Сухуми, близ того же места, где в 1886 г. производил раскопки Сизов, вновь были произведены пробные раскопки А. С. Башкировым, давшие еще меньше, чем раскопки Сизова. Наиболее древним слоем в этих раскопках оказался слой, содержащий остатки римского времени. Тот же глинисто-илистый слой, из которого Сизов извлекал фрагменты чернолаковой керамики, здесь был совершенно стерилен. Здесь были произведены раскопки несколько дальше от берега моря, чем Сизов. Этим и следует объяснить отсутствие в его раскопках эллинистиче-

ской керамики, так как более древнее поселение, очевидно, занималоменьшую территорию и было расположено ближе к морю.

Изучение развалин турецкой крепости, стоящей на берегу сухумской бухты, не дало ничего такого, что могло бы навести на следы сооружений эллинистического времени. Это исследование не дало никаких убедительных признаков того, что турецкая крепость стоит на фундаменте римского сторожевого укрепления, о котором упоминается в арриановом перипле. Но что это именно так, к счастью, может быть доказано с помощью другой очень важной находки, сделанной в сухумской крепости еще в 80-х годах.

Речь идет о единственном пока эпиграфическом документе, найденном на побережье и относящемся к римскому времени. По словам Иващенко (цит. статья в «Трудах Абхазского научного общества»), камень с надписью, о котором идет речь, хранился в Сухуми у Чернявского и исчез после его смерти. Но мы располагаем двумя публикациями (первая—в сопровождении транскрипции и комментария—в специальной заметке, опубликованной в «Записках Од. общества истории и древностей», заседание 365-е, прилож. 1-е; вторая (лучшая)—в статье, озаглавленной «Новые латинские надписи с юга России», в ИАК, вып. 33, табл. І и примечание 4 на стр. 12). По сообщению В. Пирогова, камень был извлечен из сухумской крепости. Он представлял собою плиту из известняка, фрагментированную с трех сторон (сверху и с боков), неповрежденную только снизу. На камне уцелели только три обрывающиеся с обеих сторон строки. Надпись в транскрипции и с вероятными дополнениями читается следующим образом:

...H] ad [rianus] .../per Fl(avium) A [rrianum] .../... leg(atum) [pro pr(aetore)] ...

Надпись, судя по ее формуле, строительная и составлена скорее всего от имени императора Адриана или (как полагает Ростовцев), может быть, также и Антонина Пия. Она, по всей вероятности, гласила, что император Адриан воздвиг такое-то сооружение через посредство легата. Ростовцев в комментарии к изданной им надписи замечает: «Сопоставление двух имен—Адриана и Флавия А..., всякому, знакомому с историей нашего Юга (между прочим, и Чернявскому), навязывает мысль, что перед нами известный легат императора Адриана и известный писатель Флавий Арриан. Предположение это находит себе ряд подтверждений. Прежде всего имя. Имя Арриана упоминается в официальных документах трижды: в известной надписи 137 г. из Себастополя Капподокийского (S c h u lt z e—Geschichte d. lat. Eigennamens, I, 487 ff.), в афинской надписи (IG III, 1116) и в рескрипте Адриана (D i g., 49, 14, 2, 1). Везде его имя звучит F1. Arrianus без praenomen и с сокращением родового имени» («Записки Од. общества истории и древностей», т. XVII, заседание 365-е, стр. 4).

В дополнение к этому следует заметить, что усиление охраны восточного берега Черного моря при Адриане (см. ИАК, вып. 33, стр. 12) должно было, безусловно, форсировать строительство крепостных сооружений везде, где были расквартированы римские гарнизоны. Мы знаем из собственных слов Арриана, что им была перестроена крепость в Фасисе (см. выше). Весьма вероятно, что им или по его приказанию производились строительные работы также и в Себастополисе раньше или позже составления перипла, в котором он об этих работах не упоминает.

Если все приведенные соображения достаточно убедительны, то перед нами очень любопытный документ, подтверждающий, с одной стороны, данные аррианова перипла, с другой стороны—позволяющий утверждать со всей несомненностью, что упоминаемая Аррианом римская крепость Себастополис, или Диоскуриада, стояла на месте турецкой крепости Сухума, и камни, из которых она была сооружена, пошли на постройку позднейших стен.

Этим документом заключается круг сведений, которыми мы пока располагаем в отношении местонахождения Себастополиса и его предшественницы Диоскуриады.

Имеются все основания для надежды на то, что ближайшие годы принесут с собой немало археологических открытий в области истории древней Колхиды. Огромные работы, предпринятые для осущения Колхидской низменности, уже отвоевали у болот значительные пространства земли, прежде совершенно недоступной для лопаты археолога.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

РАСКОПКИ ХАРАКСА в 1931, 1932 и 1935 гг.

На южном берегу Крыма, в 10 км к западу от Ялты, на круто поднимающемся над морем Ай-Тодорском холме, находятся развалины древнеримского укрепления Харакс. До сего времени Харакс мало привлекал внимание исследователей, и посвященная ему литература крайне ограничена¹, хотя он находится в поле зрения археологов уже около ста лет².

Раскопки в Хараксе производились, начиная с середины XIX в.3 Но раскопки велись бессистемно, нет раскопочных дневников и отчетов, описей находок и надлежащих чертежей, обнаруженных памятников архитектуры. Поэтому, несмотря на то, что старыми раскопками вскрыта значительная площадь укрепления, в настоящее время исследователь располагает лишь из год в год разрушающимися, сильно заросшими буйной растительностью и частично заплывшими землей руинами античных зданий, назначение и первоначальный облик которых далеко не всегда поддаются восстановлению.

Не лучше, чем с архитектурными остатками, обстоит дело с вещевыми находками из раскопок в Хараксе в 1896—1911 гг.: в Ялтинском музее краеведения находится большая коллекция этих памятников, но полное отсутствие описей не только не позволяет установить, где и при каких условиях они были найдены, но даже не всегда с уверенностью утверждать их происхождение из Ай-Тодора.

Все же эта коллекция дает нам с известной достоверностью представление о характере жизни и занятиях населения. В ней мы находим орудия труда: принадлежности для рыбной ловли (рыболовные крючки, грузила, игла для плетения сетей), для обработки земли (двуконечная мотыга), для мукомольного дела (жернова) и предметы для рукоделий (костяные проколки, костяные и бронзовые иглы и пр.). Несколько свинцовых пластинок и стержней представляют, вероятно, материал для скреп разбитой посуды. К предметам вооружения относятся железные наконечники копий, железные и бронзовые наконечники стрел, а также значительное

¹ Литература о Хараксе собрана в работе В. Н. Дьякова—Древности Ай-Тодора. Ялта, 1930.

 $^{^{2}}$ Р. К е $^{\circ}$ п е н-О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПБ, 1837, стр. 191 сл.

³ В. Х. Кондараки—Универсальное описание Крыма. Николаев, 1873, часть 1, стр. 169.

количество булыжников в кулак величиной, которые служили ядрами баллист¹. Далее следует отметить глиняную посуду (и многочисленные фрагменты ее), краснолаковую (большей частью с рельефными украшениями), простую—тонкостенную и толстостенную (пифосы); характерны обломки узкогорлых амфор и римских светильников, большей частью покрытых лаком, с рельефными украшениями на щитках. Имеется несколько тер-

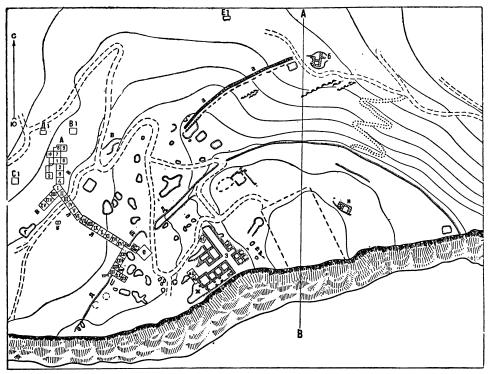

Рис. 1. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН ХАРАКСА: а—в—наружная киклопическая стена; б—башня; г—ворота; д—внутренняя оборонительная стена: е—нимфей; ж—термы; з—комплекс помещений с северо-запада от терм; и—раскоп 1931—1932 гг.; к—раскоп 1931 г.; л—пустырь между оборонительными стенами

ракотовых статуэток и их фрагментов. Местная керамика представлена ручкой сосуда из грубой глины с насечкой. Далее отметим фрагменты стеклянной посуды (прозрачное зеленоватое и бесцветное стекло). Затем следуют различные металлические предметы и фрагменты их: железные конские удила, клинок ножа, гвозди и ключи, а также бронзовые гвозди, гвоздики, ключи и различные бляшки; упомянем еще точильные бруски. Предметы игры и игрушки представляют собой свинцовую кость, колокольчик и астрагалы. Весьма обильны предметы украшений и уборов: различные бусы, серьги, бронзовые кольца, перстни (бронзовые, стеклянные и один золотой), резные камни, бронзовые фибулы, браслеты, пряжки и прочие изделия, исполненные преимущественно из бронзы.

Ряд находок дает нам яркое представление о строительном деле в Хараксе, свидетельствуя о значительной его высоте. Некоторые из найденных кирпичей и черепиц имеют клейма, которые являются весьма важным источ-

¹ Ср. «Arch. Anz.», 1917, 1/II, стр. 3—11, рис. 1—2.

ником для истории Харакса. Клейма эти трех типов. Исследование¹ их показало, что они носят наименование изготовлявших черепицу и кирпичи воинских частей. Первый тип штемпеля может быть прочтен следующим образом:

vex(illatio) c(lassis) Rav(ennatis) s(umptu) p(ublico),

что указывает на оккупацию Харакса десантом моряков Равеннской эскадры, вероятно, происшедшую после походов Плавтия Сильвана (при императоре Нероне). Вместе с тем эти клейма не могли быть позднее эпохи императора Веспасиана, ибо при нем Равеннская эскадра получила (отсутствующее на клеймах) наименование praetoria.

Второй тип штемпеля транскрибируется таким образом:

Per L... A... C(enturionem) leg (ionis) I It(alicae) praep(ositum) vex(illationi) Moes(isae) inf(erioris).

Другими словами, этот штемпель относится к вексилляции І Италийского легиона, временем оккупации которой Харакса был II в. н. э. Наконец, третий вид штемпеля был прочтен следующим образом:

Leg(io) XI Cl(audia).

Солдаты XI Клавдиева легиона, упоминаемого на последнем штемпеле, видимо, были последними оккупантами Харакса. В Херсонесе, который во II в. и первой половине III в. н. э. был главным центром римской оккупации Крыма, солдаты XI Клавдиева легиона появляются после слияния последнего с I Италийским легионом². Ориентировочные даты нам может дать следующее: стоявший в эпоху Траяна на Дунае XI Клавдиев легион при Антонине Пие в 155 г. з квартирует в Мёзии, откуда и посылает вексилляции оккупантов в Крым. Вместе с тем в 185 г. начальником римского гарнизона Херсонеса был военный трибун І Италийского легиона4.

Памятники лапидарной эпиграфики из Харакса представляют три 5 довольно высоких алтаря из известняка с посвятительными надписями бенефициариев. Одна из них относится к эпохе Антонина Пия (138—155 гг.), две других—ко II—началу III в. Эти алтари были найдены в расположенном за наружной крепостной стеной на северо-восточном склоне холма святилище бенефициариев. Там же были обнаружены небольшие фрагментированные вотивные рельефы⁶, которые наглядно свидетельствуют о том, культы каких божеств (Дионис, Митра, Гермес, Артемида, Геката, фракийские всадники) были распространены среди солдат гарнизона Харакса. Иконография Диониса и других божеств, не говоря уже о фракийских всадниках, носит явно выраженный фракийский характер7, что вполне

¹ О транскрипции и датировке штемпелей см. ЖМНП, 1900, стр. 142—144. 154—158; «Klio» 1902, II, 1, S. 93 ff.; ИАК, вып. 40, стр. 36.

² ЖМНП, 1900, стр. 144. ³ IosPE, № 222, p. 208—209. R. Cagnat—Legio; Daremberget Sagli o—Dictionnaire des antiquités, 1086, III, 2; см. также JRS, 1928, XVIII, р. 55. 4 IosPE, № 94, p. 70—71.

⁵ ИАК, 1911, вып. 40, стр. 5 сл.

⁶ Там же, стр. 12 сл. Изданные там (стр. 15) под № 8 и 10 фрагменты рельефа, представляющие фракийского всадника, были ошибочно описаны, как части двух различных рельефов.
⁷ Там же, стр. 17 сл., стр. 32 сл.

естественно, ибо войска, оккупировавшие Харакс, комплектовались в северо-восточной части Балканского полуострова. Согласуется с этим и характер¹ монетных находок в святилище: там преобладали монеты придунайских городов.

Другая группа рельефов (фрагментированных) была найдена на западном склоне холма. Вторая группа рельефов, видимо, связана с другим святилищем, вероятно, тоже находившимся за крепостными стенами и посвященным Артемиде, культ которой, нужно думать, носил местный характер.

Кроме того, в Ялтинском музее хранятся два неопубликованных фрагмента: 1) обломок рельефа (выс. 0,08 м) с изображением левой руки с тирсом—повидимому, часть изображения Диониса; 2) нижняя половина рельефа (выс. 0,12 м) с изображением фракийского всадника, под ногами лошади голова кабана.

Упомянем еще грубо высеченную из известняка своеобразную «каменную бабу» (выс. 0.65 м)², служившую, вероятно, надгробным памятником.

Вероятно, с некрополя Харакса происходит большое мраморное надгробие³ (выс. 0,87 м), ныне находящееся в Гос. музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. На надгробии представлено рельефное изображение фракийского всадника, собаки и кабана, как показывает и надпись: D(is) M(anibus) L. F(urio) Seu(tho) op(tioni) [prae] f(ecti) coh(ortis) I T[hracum)]...

Плита служила надгробием Люция Фурия Севта, оптиона префекта I Фракийской когорты, что позволяет предполагать наличие в гарнизоне Харакса наряду с легионерами солдат вспомогательных отрядов.

Мы дали беглый обзор того материала, которым располагал исследователь, приступивший к работе под Хараксом до последних раскопок.

В 1931, 1932 и 1935 гг. производились раскопки в Хараксе, в которых приняли участие: Гос. Академия искусствознания, Московское отделение Гос. Академии истории материальной культуры, Гос. музей изобразительных искусств, Гос. Исторический музей и Центральный антирелигиозный музей.

Раскопки производились в следующих пунктах: 1) в верхней части восточного склона холма в 1931—1932 гг. (u), 2) на северо-западном склоне холма, недалеко от крепостных ворот, в 1931 г. (κ) , 3) то же на северо-западном склоне холма, за наружной крепостной стеной, где в 1932 г. был обнаружен некрополь; исследование его было продолжено в 1935 г. Отправляясь от некрополя, раскоп был продвинут вверх, причем были исследованы: наружная оборонительная стена (s), пространство между двумя стенами (n), внутренняя оборонительная стена (d) и небольшая площадь внутри последней. Раскоп A 1935 г. растянулся на протяжении около 105 м. Затем были произведены расчистка и исследование нимфеят терм, причем около последних были вскрыты небольшие площади (раскопы B и C). За пределами Ай-Тодорского холма производились небольшие работы, главнейшей из которых было исследование водопровода, находившегося приблизительно в 700 м на запад-северо-запад от нимфея.

¹ ИАК, стр. 35—36. В Ялтинском музее хранится, помимо перечисленных памятников, коллекция монет из Харакса. О них см. ЖМНП, 1900, стр. 153 сл.; «Klio», 1902, S. 92 ff.

² Cp. G. Kieseritzky und C. Watzinger—Griechische Grabreliefs aus Südrussland, B., 1909, 137, № 747, табл. LV, и особенно 139, № 766, 1—7, табл. LVI.

[&]quot;³ ИАҚ, вып. 40, 38 сл., табл. III, рис. 3.

Наименее удачными по достигнутым результатам следует признать работы на восточном склоне холма. Они были предприняты в верхней части холма, так как очень крутая нижняя часть покрыта лесом, а средняя повреждена плантажем. Этими раскопками, доведенными до материковой скалы (средняя глубина около 1,00 м, наибольшая 1,65 м), были обнаружены остатки постройки, которая не может быть признана античной; вскрытый около стен культурный слой носил явные следы глубоких повреждений его в XIX в. (когда, видимо, была сооружена и упомянутая постройка).

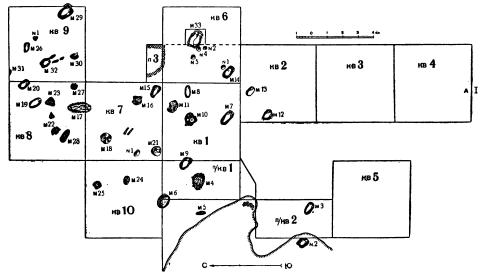

Рис. 2. План некрополя Харакса (раскопки 1932—1935 гг.)

Находки в этом перекопанном слое заключали много предметов, типичных для поселения римского времени, главным образом, фрагменты посуды (краснолаковой, простой, местной) и черепицы, обломки прозрачного стекла, фрагмент бронзовой фибулы (1931 г., № 199 г)¹. Особый интерес представляют, правда, довольно малочисленные, фрагменты керамики эллинистической эпохи и некоторые обломки посуды, которые могут быть датированы временем более поздним, чем середина III в. н.э. Эти находки позволили поставить вопрос о существовании Харакса в доримское и послеримское время, вопрос, к которому мы еще вернемся.

При раскопках 1931 г. на северо-западном склоне холма работы были доведены до материковой скалы (наибольшая глубина 0,45 м), причем никаких архитектурных остатков обнаружено не было. Прочие находки мало характерны и относятся к римскому (частично, возможно, и послеримскому) времени.

Значительно больший интерес представляют результаты раскопок 1932 и 1935 гг. на северо-западном склоне холма, за внешней оборонительной стеной, где был обнаружен некрополь. За два года работ

¹ Ср. ОАК, 189, стр. 30, рис. 90 и стр. 128, рис. 247, гроб. 987.

² Мой краткий отчет о раскопках некрополя 1932 г. (не лишенный досадных опечаток) см. «Проблемы ист. мат. культ.», ГАИМК, 1933, № 1—2, стр. 55—60.

была вскрыта площадь около 272 кв. м (полуквадраты A 1 и A 2 и квадраты A 1—A10).

Работы велись на склоне холма, ближе к его подошве, в сильно пересеченной местности, заросшей крупными кустами и деревьями.

Раскопками были обнаружены 33 могилы, сконцентрированные на квадратах A1, A2, A6—A10 и полуквадратах 1 и 2 и их прирезках. Подавляющее большинство погребений представляет кремацию, причем жженые кости покойника часто лежат в остродонной амфоре. Наблюдается постоянная ориентация амфор горлом на юго-восток. Нередко около горла такой амфоры встречались фрагменты местных сосудов из грубой глины, которые, может быть, иногда служили крышками. Реже жженые кости покойников клались в могилу в мягких оболочках (которые не сохранились), еще реже помещались в урну или местный сосуд. В могилах встречались бронзовые пряжки, перстни и фибулы, медные монеты, железные ножи, бусы из стеклянной пасты и других материалов, глиняные сосуды и стеклянные стаканы. Сосуды найдены большей частью раздавленными. Стеклянные стаканы обычно помещались вместе с жжеными костями в амфору, а металические предметы клали под нее. Большой интерес представляют обнаруженные в могилах орудия труда (топоры, серпы, рыболовные крючки, пряслица), характеризующие занятия погребенных. Находок предметов вооружения довольно мало (кинжалы, наконечник копья).

Над захоронением иногда встречался заклад, выложенный из необра-

ботанных камней, засыпавшийся сверху землей.

Приведем описания наиболее характерных погребений.

Могила № 3 (глубина 0,50 м, длина 0,65 м, ширина 0,25 м). Жженые кости лежали в амфоре, ориентированной горлом на юго-восток. Над горлом найдена разбитая чашка из грубой глины. Около амфоры бронзовая и железная пряжки и фрагменты местной посуды. Под амфорой обнаружены обломки местной посуды, бронзовый браслет, нож и кусок железного шлака.

Могила № 6 (глубина около 0,50 м). Жженые кости лежали без оболочки; при них были обнаружены обломки простого сосуда, осколок кремня, фрагменты глиняной посуды, бронзовая пряжка, обломки железа и шесть медных монет¹: 1) императора Траяна (103—111 гг.; Со h е п, II, 63, 431; Моt—Seyd, II, 281, 521), 2) херсонесская, второй половины III в. н. э. (Бурачков, XVI, 117), 3) Константина I (306—337 гг.; Со h е п, VII, 292, 546), 4—5) Лициния Старшего (307—323 гг.), одна из которых бита в Никодимии (Со h е п, VII, 196, 74), а другая—в Гераклее Понтийской (Со h е п, VII, 203, 145) и 6) цезаря Константина II (317—337 гг.; Со h е п, VII, 384, 161).

Могила № 7 (глубина 0,625 м, длина 1,05 м, ширина 0,45 м). Жженые кости лежали в амфоре. Ориентированное на юго-восток горло ее было закрыто плоским кирпичом (размер 0,27 м × 0,27 м × 0,038 м), покрытым с одной стороны слоем раствора. Под амфорой найдена челюсть свины. В могиле обнаружены зубы животных, бронзовые браслеты², пряжка и рыболовный крючок, два железных ножа и топор, а также фрагменты стеклянной и глиняной посуды.

Могила № 10 (глубина могилы 0,68 м, длина 0,57 м, ширина 0,55 м). Могила была покрыта каменным закладом (2,75 м×2,25 м), под которым

² Ср. ИАК, вып. 19, стр. 5, табл. XI, № 7.

¹ Определение этих монет, равно как и остальных, дано А. Н. Зографом.

находилась пифосообразная простая урна с жжеными костями; среди них был тонкостенный стеклянный сосуд. Раздавленная простая чашка покрывала урну. Около урны найдены: глиняный кувшин, два осколка кремня, железные серп, нож, пряжки и различные обломки, три бронзовых рыболовных крючка и обломок пряжки, а также три медных монеты: 1) Константина I, чеканенная после его смерти (т. е. 337 г. н. э.), 2) боспорская, Рискупорида VII (314 или 317 г. н. э.) и 3) тоже Рискупорида VII (327 г. н. э.).

Могила № 11 (глубина около 0,50 м, длина 0,64 м, ширина 0,50 м). Жженые кости лежали без оболочки, среди них обнаружены два бронзо-

вых обломка. В могиле были найдены: лежавшие вместе клинок кинжала с зубцами у основания хвоста¹, серп и железная ручка щита; отдельно от них железный умбон² щита, внутри которого были железный нож и пять бронзовых предметов: два перстня, два рыболовных крючка и кольцо. Кроме того, обнаружены фрагменты глиняной посуды, обломок стеклянного сосуда, куски шлака и угля. Грунт ложа могилы был сильно прожжен.

Могила № 16 (глубина 0,60—0,67 м). Жженые кости лежали без оболочки, компактной массой; около них найдены фрагментированный клинок ножа, несколько обломков железа, бронговая пряжка и пять медных монет: 1) Форорса (291 г.), 2) Форорса (297 г.), 3) римская (начала IV в. н. э.; Со h е n, VII, 331, 231), 4) Констанция II (323—335 гг.; Со h е n, VII, 465, 169) и 5) Рискупорида VII (324 г.).

Могила № 18 (глубина 0,45—0,76 м, длина 0,85 м, ширина 0,70 м). Жженые кости лежали без оболочки, около них найдены одноручный стеклянный кувшин, брон-

Рис. 3. Остродонная амфора (выс. 0,80 м) из могилы $\mathbb{N}$ 29 (Гос. музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина)

зовая ойнохая с железной ручкой, наконечник копья, топор, ножи, обломки их и других железных предметов, бронзовый браслет и фрагменты двух других, обломки бронзы, точильный камень, два пряслица (алебастровое и стеклянное), овальная вставка из белой пасты, десять бус, фрагменты глиняной и стеклянной посуды, а также четыре медные монеты: 1—2) Форорса (286 и 297 гг.), 3) Максимиана (286—305 гг.; С о h е п, VII, 151, 187), и 4) Гордиана III Антониана (238—244 гг.).

Могила № 22 (глубина 0,50 м, длина 0,85 м, ширина 0,57 м). Под закладом из камней, беспорядочно лежащих на глубине 0,03—0,14 м, обнаружена амфора с жжеными костями, ориентированная горлом на юго-восток. Среди костей найдены обломки бронзового браслета и медная монета Лициния (307—323 гг.; Со h е n, VII, 196, 70). Около амфоры обнаружены дно другой амфоры и небольшой горшок из серой глины.

Могила № 29 (глубина 0,65—0,98 м, длина 0,90 м, ширина 0,75 м).

¹ ИАҚ, вып. 56, стр. 125—126, рис. 1—6.

² Ср. железный умбон Керченского музя. Дополнит. описание, 23, V, 9.

Жженые кости лежали в амфоре, ориентированной горлом на юго-восток. Около нее найдены три краснолаковых миски и одноручный глиняной кувшин. В амфоре среди костей был стеклянный стакан. Под амфорой лежал пласт золы (0,01—0,08 м толщиной), в которой были найдены подвергшиеся действию огня стеклянный сосуд и несколько бус, фрагмент стекла, несколько железных предметов (может быть, удила), бронзовый рыболовный крючок, пряжка, поврежденная фибула и колечко с бусами, сварившееся с фрагментом железа, кусок шлака и четыре медных монеты: две—Рискупорида VII (323 и 325 гг.) и две с совершенно разрушенной поверхностью.

Могила № 32 (глубина 0,45—0,62 м, длина 0,58 м, ширина 0,54 м). Жженые кости лежали в одноручном лепном кувшине из грубой глины,

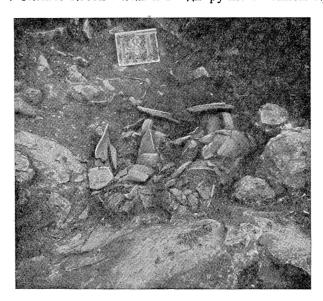

Рис. 4. Могила № 33

ориентированном горлом на юго-восток. Около дна сосуда найдена большая буса. Около горла кувшина с костями обнаружены три камня, расположенные в форме буквы П; возможно, что этоукрепление надгробного памятника, одновременное с могилой (между камнями и около сосуда с костями встречались обломки одного и того же тонкостенного кувшин-

Могила № 33 (глубина 0,39—0,60 м, длина около 1 м, ширина 0,75 м). Под закладом из камней, лежащих на глубине 0,32—0,44 м, длиной 1 м и 0,72 м шириной, лежа-

ли две амфоры с жжеными костями покойников, ориентированные горлами на юго-восток. Горла были закрыты обломками соленов; между ни ми было много фрагментов грубых сосудов. Около одной (ю.-з.) амфоры найдено глиняное пряслице, а внутри нее, среди костей, три стеклянных стакана с синими глазками, сломанный детский браслет и клинок ножа. Около другой амфоры (с.-в.) обнаружена бронзовая фибула, а внутри нее, среди костей, стеклянный стакан с синими глазками.

Время, к которому относятся могилы 1932—1935 гг., судя по обнаруженным в них вещам и монетам,—конец III—первая половина IV в. н. э., т. е. эпоха после эвакуации римлянами Крыма.

Нужно думать, что в данном некрополе погребались потомки романизованного туземного населения, культура которого носила смешанный карактер. Об этом свидетельствует погребальный ритуал. Видимо, результатом романизации является сжигание покойников; на долю туземного населения приходится обычай класть в могилу местные лепные сосуды из грубой глины и осколки кремней, которые встречались в некоторых могилах.

Довольно бедный характер погребений (золота в них не встречается вовсе, серебра очень мало, украшения весьма скромны и малочисленны)

и найденные в могилах орудия труда позволяют предполагать, что в этом некрополе погребали, главным образом, трудовое население.

Отметим, наконец, что отличающийся очень компактным расположением некрополь 1932—1935 гг. вряд ли был обширным. Как показали рас-

копки квадратов A2, A3, A4 и A5, могилы (в данном месте) не доходили до стены, оканчиваясь на расстоянии, примерно, 10—12 м от последней. Разбитые недалеко от основного раскопа A три пробных раскопа (на расстоянии 21 м на запад, квадрат С; 11 м на север—полуквадрат Д1; 7,5 м на северо-восток—квадрат В 11) не дали находок могил, что делает возможным предположение о сравнительно небольшой площади нашего некро-

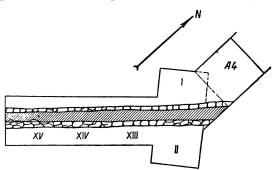

Рис. 5. План наружной оборонительной стены (раскопки 1935 г.)

поля, даже если принять во внимание, что часть могил, вероятно, погибла при земляных работах, производившихся на запад от участка 1932 г. В юго-восточном углу квадрата A4 была обнаружена внешняя сторона наружной оборонительной стены; к тому же квадрату примкнул квадрат

Рис. 6. Наружная оборонительная стена

A1, начинавший большой раскоп (город A), прорезавший пространство между наружной и внутренней стенами и пересекавший их.

 $^{^1}$ На квадрате B 1 были обнаружены следы, повидимому, древней кремации. Помимо перечисленных (B, C, $\mathcal{I}$) раскопок некрополя, был исследован также не давший могил полуквадрат E 1, разбитый в 146 м на северо-восток от раскопа A, и на запад-северо-запад от башни в районе святилища бенефициариев.

Квадратами A I, A II, A XIII, A XIV и A XV была захвачена наружная стена с примыкающим к ней пространством. Здесь стена имела направление с юго-запада на северо-восток, толщина ее была 2,20—2,40 м; кладка стены значительно отличалась от расположенной на восток от нее киклопической стены: она имела с внутренней и наружной стороны сложенные из довольно больших камней панцыри, пространство между которыми заполнял бут. С внутренней стороны стена сохранилась в высоту на 1,40—2,20 м, с наружной лишь на 1 м. Верхняя часть стены рухнула, главным образом, на северо-западе, образовав мощный завал, тянущийся на 4—5 м. В завале стены и культурном слое под ним встречались фрагменты простой грубой и краснолаковой посуды, а также строительной керамики, в том числе обломок черепицы с клеймом вексилляции Равеннской эскадры. В пласте глины, подстилающей основание стены, обнаружены фрагменты краснолаковой посуды, заставляющей датировать стену римским временем.

На квадратах, примыкающих к стене с внутренней стороны (AII, A XIII, A XIV и A XV), на материковой скале лежал слой глины, заключавший находки в подавляющем большинстве I—III вв. н. э. (обломки краснолаковой и простой посуды и прозрачного стекла); среди них встречались единичные фрагменты эллинистического времени и более поздней эпохи (III—IV вв. н. э.). Расположение находок и характер грунта заставляют считать его одним культурным слоем и датировать I—IV вв. н. э. (единичные эллинистические фрагменты, указывая на известные формы жизни на Ай-Тодорском холме до римлян, не дают основания датировать данный культурный слой более ранним временем). В силу этого можно предположить, что стены были построены еще в эпоху первой оккупации (вторая половина I в. н. э.) и просуществовали, может быть, подвергаясь ремонтам, до IV в. н. э.

Над глиной лежал мощный (толщиной 1-1,5 м) серый глинистый культурный слой, образовавшийся в результате наплыва. Сползая с холма. этот грунт задерживался стеной и скоплялся в большом количестве. Исследование квадрата A III показало, что серый грунт исчезает в 6 м от стены. Находки в этом грунте относятся к I-IV вв. н. э., другими словами. культурный слой или слои, которые, оползая, образовали это скопление. были одновременны с нижним глиняным слоем у стены.

Над серым глинистым слоем лежал гумусный (толщина 0,40 м), заключавший также культурные остатки.

Квадраты A II—A XII между наружной и внутренней стеной не дали остатков архитектурных сооружений.

В силу отсутствия правильных культурных напластований представляется возможным датировать культурные остатки только в целом (без дальнейшего расчленения на слои). Находки—в основной массе керамика (обломки краснолаковой посуды, остродонных и узкогорлых амфор. местных сосудов, черепицы и пр.), относятся, главным образом, к эпохе римской оккупации (середина I в.—середина III в. н. э.); незначительная часть датируется более ранним временем (например республиканский денарий 81 г. до н. э. и ручка раннеэллинистической остродонной амфоры. найденные на квадрате А II). Обильнее памятники III—IV вв. н. э. (горла и ручки поздних амфор, обломки реберчатых сосудов), частично аналогичные находкам на некрополе 1932—1935 гг.

Суммируя наши наблюдения, мы должны заключить, что междустенный участок, вскрытый в 1935 г., представлял пустырь, возможно, имев-

ший стратегическое назначение, подобно интервалам между крайними палатками и валом в римском лагере, по Полибию (VI, 31, 10—14).

Следующей группой квадратов ($\hat{A}$ XVI—A XXVII) была обследована верхняя оборонительная стена и прилегающие к ней площади. Культурные напластования в этом участке довольно значительны (они достигают на квадрате A XVI 3 м толщины). Направление обнаруженной стены—с юго-запада на северо-восток, сохранность ее хуже, чем нижней.

Стена сохранилась в высоту с внутренней стороны на 2—2,50 м, с наружной до 1,40 м, толщина ее 3 м, слой грунта над внутренним панцырем стены очень тонкий—0 10 м

стены очень тонкий—0,10 м, над наружным—0,65 м.

Датировку верхней стены определяют найденные в кладке ее фрагменты черепицы с клеймом вексилляции Равеннской эскадры, а равно и обломки краснолаковой посуды и прозрачного стекла, обнаруженные в забутовке и в нижнем культурном слое у стены, указывающие на сооружение ее в римское время, возможно, в эпоху первой оккупации, т. е. в Ів. н. э. Наличие более поздних (II—III вв. н. э.) остатков в культурном слое под стеной на квадратах AXVI—AXVIIзаставляет предполагать, что стена в последующее время ремонтировалась.

Внутри верхней оборонительной стены было обнару-

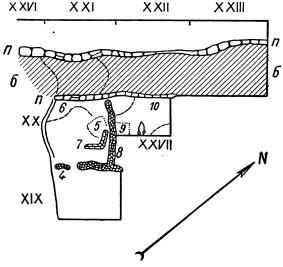

Рис. 7. План верхней оборонительной стены: п—панцырь; 6—бут; 4—8—стена; 7—стена; 5, 9—верхние вымостки; 6, 10—нижние вымостки; на квадрате XXI в стене пролом

жено два примыкающих к ней помещения, одно из которых, повидимому, некоторое время использовалось, как склад (квадрат A XXVII); другое, судя по обилию золы на вымостках, могло служить жилым (или караульным) помещением (квадрат A XX). При этом раскопками обнаружено наличие трех строительных периодов на квадрате A XX и двух— на квадрате A XXVII; эти периоды могут быть сопоставлены в хронологическом отношении с историческими данными об оккупантах Харакса. Последние результаты особенно существенны, ибо до раскопок 1935 г. проблема многосложности культурных напластований Харакса даже не вставала.

На юго-восток от квадратов A XVI и A XVII были частично вскрыты квадраты A XXV и A XVIII, которые подвели раскоп к открытому старыми раскопками бассейну—нимфею. Этот бассейн, не обмеренный в свое время, был использован, как яма для свалки мусора, поэтому для производства обмеров и фотографирования его пришлось зачистить. Как показала зачистка, нимфей представлял большую прямоугольную в плане цистерну, углы которой ориентированы по странам света. Длина (с северо-востока на юго-восток) равна 9 м, ширина 7,7 м. Стены нимфея сохранились на 2,55 м в высоту. Вдоль юго-восточной стороны бассейн снабжен лестницей, идущей до дна его; на остальных сторонах почти отвесные стены образуют

небольшой уступ. Пол нимфея ровный, постепенно понижающийся к северо-востоку, где в нижней части стены находится слив (отверстие его около 0,20 м в диаметре). Стены нимфея имеют сложную облицовку: щебневая забутовка по цемянке покрыта цемянкой с черными включениями, на которой, наконец, лежит цемянка, смешанная с толченой керамикой.

Исследование прилегающих к нимфею квадратов позволяет установить, что нимфей сооружен над скалой, а не вырублен в ней. Затем следует отметить обилие фрагментов черепиц, найденных на квадратах, примыкающих к нимфею (A XVIII и A XXV); это свидетельствует в пользу существования перекрытия над цистерной.

При зачистке здания терм установлено, что оно сооружено не одновременно: древнейшая часть его—ближайший к морю (ю.-в.) ряд помеще-

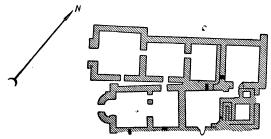

Рис. 8. План терм

ний, служивших баней. Другой (с.-з.) ряд помещений не одновременен с первым и, нужно думать, относится к двум строительным периодам. Наглядно об этом свидетельствует следующее обстоятельство: четыре северо-восточных помещения имеют общие внутренние стены, между тем как у четырех юго-западных помещений ближайшие к морю

комнаты отделены от дальних двойными непараллельными стенами (расстояние между ними 0,25—0,45 м). Посередине северо-западной стены¹ комнаты в западном углу здания находится перекрытый аркой пролет; в арке обнаружен фрагмент черепицы с клеймом XI Клавдиева легиона, что заставляет датировать помещение временем последней римской оккупации. Что же касается юго-восточного ряда комнат, то наиболее вероятной датой их является эпоха Равеннской эскадры, судя по сходству кирпичей пола в соседнем с бассейном (втором от восточного угла) помещении с клейменными кирпичами Ялтинского музея.

При расчистке терм обнаружены в ряде помещений фрагментированные водопроводные трубы, во внутренних стенах трех комнат северозападного ряда выявились просветы, имевшие арочные перекрытия и служившие, вероятно, для теплопроводов. Наконец, отметим у юго-западной стены здания остатки разрушенной лестницы, указывающей на существование второго этажа.

Около западного угла терм была вскрыта небольшая площадь (квадраты ВІ и ВІІ). Раскопками была обнаружена на глубине 0,80 м вымостка из известнякового раствора с мелкой галькой, битым черепком и каменными плитками, лежащая на буте. Вымостка находилась к северо-западуют того помещения терм, которое датируется черепицей ХІ Клавдиева легиона, и, нужно думать, была одновременна с последним. Рядом с вымосткой, на северо-запад от нее (на квадрате ВІІ), обнаружена монументальная кладка из камней на глине, связанная со второй вымосткой на известковом растворе с мелкой галькой и камнями (лежащей на глубине

¹ Эта стена выложена из плохо прилегающих один к другому различной величины камней с прокладкой из кирпичей и обломков черепицы на известковом растворе с примесью мелкой гальки и черепка.

1,15 м). Это заставляет нас отнести стену к более раннему строительному периоду, чем эпоха XI Клавдиева легиона. Вместе с тем эта кладка является частью комплекса помещений, расположенных к северо-западу от терм.

К северо-западу от этого комплекса на квадрате СІ были обнаружены остатки трех строительных периодов: в первом найдена известковая вымостка (глубиной 0,42—0,55 м); во втором (глубиной 1,55 м)—плохо сохра-

нившиеся кладки, продолжение комплекса к северо-западу от терм; в третьем (глубиной 2 м)— цементированный открытый водосток.

Подведем итоги результатам работ в районе терм. Здесь в некоторых пунктах мы наблюдаем обычное послойное напластование (квадрат С І); в других местах (терм) здание, продолжая существовать, получает пристройки, относящиеся к другим строительным периодам.

Таких строительных периодов в районе терм может быть намечено три. Древнейший (вторая половина I в. н. э.) может быть связан с оккупацией Ай-Тодора моряками Равеннской эскадры; к нему относятся юго-во-

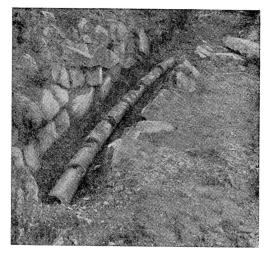

Рис. 9. Водопровод (в 700 м к западу-северозападу от нимфея)

сточный ряд помещений терм и водосток на квадрате C I. Второй период (первая половина и начало второй половины II в. н. э.)—эпоха вексилляции I Италийского легиона; к этому времени относятся комплекс помещений к северо-западу от терм, стены на квадрате C I, монументальная кладка и нижняя вымостка на квадрате B II и, возможно, северная часть здания терм. Третий период (конец II в.—первая половина III в. н. э.)—эпоха вексилляции XI Клавдиева легиона; к этому периоду относятся помещения в западном углу терм и вымостка на квадрате B I.

Помимо описанных работ, экспедиция 1935 г. расчистила и зафиксировала участок римского водопровода, находящегося на огороде, приблизительно в 700 м на запад-северо-запад от нимфея. Водопровод имел направление на нимфей, голова его, вероятно, была у подножия Ай-Петри. Водопровод был прослежен на 2,60 м (семь труб); разница уровней на этом отрезке была 0,18 м.

Вернемся снова к раскопкам на Ай-Тодорском холме и рассмотрим бегло находки городских квадратов. Как всегда, доминируют фрагменты глиняной посуды: краснолаковой, простой, остродонных и узкогорлых амфор, толстостенных и тонкостенных сосудов, реберчатых, а равно и посуды из коричневой, сероватой и грубой глины; попадались глиняные светильники и их обломки. Среди обломков черепиц и кирпичей некоторые имели клейма вексилляций Равеннской эскадры, XI Клавдиева и I Италийского легионов.

Реже встречались обломки стеклянной посуды, а также и металлические изделия и их фрагменты. Найдено несколько монет, медных и серебряных.

Немногочисленны предметы из кости: проколки, моталка для ниток и прочие обломки. Памятники искусства встречались редко.

Перечисленные находки позволяют сделать ряд наблюдений. Фрагменты простой керамики далеко превосходят числом местную посуду, в частности, грубую. Это обстоятельство, наряду с обилием характерноримского строительного материала (кирпичи, раствор, черепица), свидетельствует о том, что культурный уклад жизни в Хараксе имел античный¹, а не туземный характер.

Затем отметим небольшое, по сравнению с простой посудой, количество обломков краснолаковой, и особенно стекла. Бедность Харакса этими находками резко заметна при сравнении его с богатыми поселениями Причерноморья (Пантикапей, Ольвия) и, наряду с небольшим количеством художественных произведений из серебра, она наглядно свидетельствует о довольно скромном достатке населения Харакса—гарнизонных солдат и ремесленников.

Обильные находки костей животных свидетельствуют о развитии скотоводства в Хараксе. Встречались кости овец, крупного рогатого скота, свиней; затем лошадей и коз, значительно меньше—собак, кур и гусей. На занятие охотой указывают клыки кабанов и медведя. Рыболовство засвидетельствовано немногочисленными находками костей (и большой коллекцией рыболовных орудий, добытых старыми раскопками). Наконец, отметим находки раковин моллюсков и клешни краба.

Часть перечисленных находок иллюстрирует занятие населения Харакса скотоводством и рыбной ловлей. На занятие ай-тодорского населения гончарным и металлургическим делом указывают находки шлаков. Находки мотыги (старые раскопки) и обломков жерновов свидетельствуют о занятии сельским хозяйством и мукомольным делом.

В итоге исследования Харакса можно наметить основные моменты в истории Харакса. Укрепление на Ай-Тодорском холме возникает, нужно думать, задолго до прихода римлян. Киклопическая стена² на северном склоне холма, резко отличающаяся по своей кладке от других сооружений Харакса, относится к древнему укреплению тавров. Отсутствие культурных напластований доримского времени на территории внутри стены и малочисленность ранних находок заставляют предполагать, что Харакс в эту пору представлял собой не постоянное поселение, а временное убежище тавров на случай военной опасности (refugium). Точно датировать время возникновения этого укрепления очень трудно: известным указанием могут служить находки доримского времени, относящиеся к IV—I вв. до н. э.

При Нероне (54—68 гг.) после удачных походов правителя Мёзии Т. Плавтия Сильвина римляне появляются в Крыму, причем главным опорным пунктом их служит Пантикапей. В это время Харакс занимает, по всей вероятности, десант моряков Равеннской эскадры. Сооруженные римлянами оборонительные стены и нижний культурный слой, обнаруженный раскопками в помещениях внутри верхней стены, а равно юго-восточная часть здания терм являются вещественными остатками этой оккупации. При Домициане (81—96 гг.), вероятно, последовала эвакуация римлянами Крыма, и вторично он был занят уже во Пв. н. э., когда опорным пунктом римской оккупации стал Херсонес. Гарнизон Харакса во Пв.

¹ Этому не противоречит и основной характер других находок.

² «Известия Тавр. общ. ист., арх. и этн.», 1, 1927, стр. 129.

состоял из солдат I Италийского и позднее XI Клавдиева легиона. В эту эпоху сухопутное сообщение с Хараксом было предметом особых забот римлян, как на это указывает наличие особого поста дорожных наблюдателей (бенефициариев). К данному периоду относятся средний и верхний культурные слои.

Оккупация Харакса продолжалась до середины III в. н. э., когда, в беспокойную эпоху морских разбоев готов, римляне эвакуировали Крым.

Мы уже упоминали, что дата культурных слоев Харакса, заключающих архитектурные остатки и правильные напластования, не выходит за пределы середины III в. н. э. Но наряду с многочисленными находками эпохи римской оккупации, при раскопках поселения встречались более редкие и менее значительные¹ находки III—IV вв. (простая посуда). Но эти находки не образуют настоящего культурного слоя и лишь свидетельствуют об известных формах жизни на Ай-Тодорском холме после римской эвакуации. Возможно, что оставленные римлянами укрепления в течение некоторого времени служили временным убежищем (refugium) для окрестного населения. С этим позднейшим периодом существования Харакса связан некрополь, исследованный в 1932—1935 гг. Находки в могилах конца III—первой половины IV в. н. э. позволяют предполагать, что в них похоронены небогатые поселенцы, вероятно—потомки романизованного туземного населения.

В заключение остановимся на добытых раскопками монетах, которые позволяют нам сделать некоторые выводы. Находки в городских слоях 1935 г. близки по характеру известным нам по литературе находкам старых раскопок. Именно, небольшая часть их относится ко времени до середины І в. н. э., все же остальные приходятся на период с середины І в. до середины ІІІв. н. э., т. е. на время оккупации Харакса. При этом большинство и старых и новых находок представляют монеты херсонесские и римские императорские.

Совершенно иную картину дают монеты, происходящие с некрополя. Монеты, найденные в могилах, в подавляющем большинстве относятся ко времени после эвакуации римлянами Крыма. Преобладают монеты трех последних десятилетий III в. и трех первых десятилетий IV в. н. э. (самая поздняя из этих монет—337 г., из могилы № 10). При этом из монет 17—римских императорских, 17—боспорских и только 2 херсонесских. Другими словами, занимавшие видное место до середины III в. н. э. херсонесские монеты в более позднее время отступают на второй план; вместе с тем заметно выдвигаются монеты Боспора.

Это явление нельзя считать случайным. Харакс, служивший в эпоху оккупации своего рода форпостом Херсонеса, разумеется, был теснейшим образом связан с главной римской базой в Крыму во II в. и в первой половине III в. н. э. После же ухода римских войск Херсонес должен был утратить свое исключительное значение для Харакса, в силу чего могло появиться некоторое тяготение последнего к Боспору², свидетельством чего является отмеченный нами приток монет.

¹ Вне некрополя не было найдено ни одной монеты позднее середины III в. н.э. ² Это явление представляет интерес и для истории Боспора, ибо с IV в. н. э. мы располагаем весьма скудными сведениями (RE, III, 7851 ff.).

М. М. КОБЫЛИНА

К ИЗУЧЕНИЮ ИСКУССТВА ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ГОРОДА ФАНАГОРИИ

(Доклад, зачитанный на кафедре искусствознания ИФЛИ 19 марта 1938 г.)

Систематические раскопки Фанагории, производящиеся в течение двух последних лет (Гос. Историческим музеем и Музеем изобразительных искусств имени А. С. Пушкина)¹, и более ранние находки при раскопках фанагорийских курганов дакт уже некоторый материал для того, чтобы поставить вопрос об искусстве этого города.

Систематизация и обработка памятников искусства, найденных при раскопках греческих городов на территории СССР, является назревшей задачей для советского антиковеда. Это даст возможность сделать выводы относительно своеобразия этого искусства, отличающего его от искусства других греческих центров, которое найдет свое объяснение в особых условиях жизни этих городов и взаимоотношениях греков с населением южнорусских степей.

Таким образом, изучение искусства греческих городов на юге СССР неразрывно связано с изучением искусства их соседей—народов, населявших в древности территорию нынешнего СССР.

Фанагория представляет собою ионийскую колонию, основанную на берегу Таманского залива в Керченском проливе в VI в. до н. э. гре-ками—выходцами из Теоса. Она была главным торговым центром Таманского полуострова, населенного издревле жившими здесь полуоседлыми племенами синдов и мэотов, находившихся в непосредственном общении со скифами, позднее сарматами. Некоторые из этих племен сохраняли патриархальный уклад родового общества, другие, как скифы,—царские (по Геродоту), поднялись уже до раннерабовладельческого государства².

Первоначально представляя собою самостоятельный город, Фанагория позднее находилась в зависимости от Боспорского царства и его столицы Пантикапея.

На основании имеющихся источников можно констатировать как для Пантикапея, так и для Фанагории постепенное усиление значения местных жителей. При боспорских правителях II в. до н. э. местные подданные

А. П. С м и р н о в-Рабовладельческий строй у скифов-кочевников, М. 1935.

¹ В. Д. Блаватский—Раскопки на Таманском полуострове, «Искусство», 1937. № 1.

уже играют крупную роль, разделяя ее с греческими гражданами Боспорского царства ¹.

С подчинением Риму и включением Боспорского царства в орбиту римского влияния не только не падает, а, наоборот, усиливается значение местной культуры. И в этот период Фанагория продолжает оставаться крупным торговым городом. Античные авторы дают нам сравнительно скудные сведения об истории и культуре Фанагории, поэтому для выяснения последних особое значение приобретают археологические раскопки.

Раскопки в Фанагории, производившиеся Люценко и Бегичевым в 1853, Герцем² в 1859 и Забелиным в 1870—1872 гг. на территории города, дали значительные результаты. Но обнаженные ими развалины монументальных зданий не были соответствующим образом зафиксированы и изучены, каменные квадры были разобраны жителями для нужд строительства, и античные здания навсегда погибли для науки.

Во время этих раскопок были обнаружены плиты с надписями, упоминающими о святилище великого местного божества — Афродиты Апатурии, большом храме, находившемся на окраине города, а также храме Арте-

миды, Цезареуме и Гимнасии³.

Большие систематические раскопки в Фанагории были начаты Гос. Историческим музеем в 1936 г. и продолжались совместно с Гос. музеем изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в 1937 г. За эти два года был открыт комплекс построек греческого и римского времени и свыше 70 могил, главным образом, римского времени. Было открыто большое общественное здание IV—I вв. до н. э. Находки, сделанные во время этих раскопок, дают твердую базу для изучения культуры Фанагории.

В работах прежних лет наиболее ценными являются раскопки курганов; хотя они и производились несистематически, но все же дали весьма большое количество произведений искусства, главным образом, художественной промышленности, которые свидетельствуют о цветущем состоянии города в период V-lV вв. до н. э. и в эпоху эллинизма.

Характерно изобилие золотых украшений, прекрасных образцов художественной промышленности. Мы можем констатировать на основании этих находок обильный импорт произведений греческого искусства в Фанагорию. Таковы, например, находки в гробнице, открытой в 1852 г.4, представляющие собою золотые бляшки, подвески, серьги и пр., свидетельствующие о тончайшей технике торевтики и филиграни.

Не менее показательными являются фигурные сосуды аттической мастерской конца V—начала IV вв. до н. э. 5. Особенно замечательны находки в гробнице 1869 г. 6, сохранившие яркий и теплый колорит блестящих красок. Работы об этих находках несколько раз издавались 7.

¹ М. И. Ростовцев—Эллинство и иранство на юге России. П. 1918, стр. 402. ² Герц—Археологическая топография Таманского полуострова, М. 1870. Его ж е-История археологических открытий, М. 1876.

³ Ростовцев—Скифия и Босфор. Л. 1925. ⁴ «Древности Босфора Киммерийского». СПБ, 1855, XXXII, 14; XXI, 17,

⁵ Там же, LXX. ⁶ ОАК, 1869, V, 1870, 5; «Атлас», томы І и ІІ, 1, 2, 3, 5; т. ІІІ, 1, 2; т. VI, 1—6. ⁷ «Zeitschrift für bildende Kunst», XVIII, 7, 172; «Древности Босфора Киммерийского», СПБ, 1855, XXXII, 14; XXI, 17, 14, 5. А. А. Передольская—Античные вазы. Л. 1936.

Их наиболее глубокий анализ дает Б. В. Фармаковский в статье: «Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории» ^{1} . С ними были обнаружены шесть расписных ваз стиля Мидия, аттического вазописца конца V в. до н. э.

Эти фигурные сосуды являются высокими произведениями греческой классики, носящими печать скульптур Фидия. Статуэтка сфинкса изо-

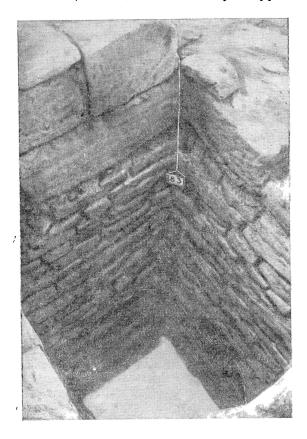

Рис. 1. Римский колодец около II в., раскопанный в Фанагории в 1936 г.

бражает демона смерти прекрасным и грозным. Е. М. Придик предполагает, что оригиналом для этого сфинкса послужил сфинкс под ручками трона Зевса в Олимпии. Б. В. Фармаковский считает возможным, что раскраска вазы воспроизводит расцветку хризэлефантинной скульптуры. Волосы сфинкса позолочены по желтому грунту, золотые розетки диадемы размещены на фоне красного цвета. Эта позолота мягко сочетается с розовым нежным цветом лица, груди и львиного тела.

Другая статуэтка изображает Афродиту выходящей из морской раковины. Статуэтка исполнена с той же техникой и в том же стиле. Она изумительна по красоте замысла: веерообразно расширяющиеся к концам членения раковины создают движение медленно раскрывающихся ее створок; из нежнорозовой глубины раковины поднимается строгая, но женственная фигура Афродиты, обнаженная шея и грудь которой покрыты

драгоценными украшениями; особенно тонко моделированная златокудрая голова богини четко вырисовывается над раковиной. Б. В. Фармаковский сопоставляет этот образ Афродиты с Афродитой Валентини², являющейся копией Афродиты Агоракрита, ученика Фидия, сохранявшего традицию фидиевской школы. Кроме этих аттических скульптур, в некрополе Фанагории открыто большое количество краснофигурных ваз, сетчатых арибаллов и лекифов, также привезенных из Аттики.

Эти привозные греческие произведения безусловно оказывали сильное влияние на местное производство, которое было в Фанагории широко

 ¹ «Записки Академии истории материальной культуры». Вып. 1. П. 1921.
 ² Furtwengler—Meisterwerke, Leipzig, 1893, S. 398; Arndt—Amelung. Einz. 1160.

развито. Находки в раскопках 1936—1937 гг. больших кусков глиняного шлака, терракотовых статуэток, оттиснутых в одной и той же форме и сделанных из местной глины, изобилие местной керамики являются бесспорным доказательством наличия местного производства.

К эллинистической эпохе относится наплыв произведений искусства и художественной промышленности из эллинистических центров Малой Азии. К их числу принадлежит саркофаг, открытый Бегичевым. Бегичев в письме к Перовскому от 21 сентября 1851 г.1 упоминает о находке мраморного саркофага «изящной работы, хотя все его украшения со-

Рис. 2. Статуя Кибелы, открытая в римском колодце в 1936 г.

Рис. 3. Бронзовый псалий с головой грифона V в. до н. э. из раскопок Фанагории в 1937 г.

ставляли карнизы, разрисованные красною краской». Герц пишет со слов местных жителей, видевших саркофаг, что украшения саркофага были написаны красною и голубою красками и золотом². Этот саркофаг погиб так же, как погибли раскопанные этими исследователями здания: открытый Бегичевым, он был оставлен на месте «за неимением необходимых снарядов для подъема». Пока Бегичев добывал снаряжение и вернулся с рабочими на Сенную, «какой-то варвар до того побил углы и карнизы гробницы, что ее уже не стоило трогать с места». Саркофаг не был точно замерен, зарисован и описан. Возможно, что он принадлежал к числу саркофагов сидонского или ликийского типа.

Другим примером может служить сильно фрагментированная мраморная статуэтка, восходящая к малоазийскому типу богини Кибелы. найденная в 1936 г. Среди находок 1936 и 1937 гг. на городище мы

¹ Г е р ц-История археологических открытий на Таманском полуострове с конца XVIII в. до 1859 г. М. 1876, стр. 38. ² «Пропилей», М. 1851, III, 380.

имеем эллинистические фрагменты сосудов с белой обмазкой, покрытых изображениями гирлянд, венков и т. д., и некоторое количество мало-азийской рельефной керамики. В 1936 г. на городище была найдена небольшая бронзовая статуэтка Тихе, эллинистического типа. Наряду с греческими произведениями искусства классического эллинистического времени, в Фанагории были открыты памятники негреческие; так, например, при раскопках города был обнаружен скифский бронзовый псалий с головой грифона—V в. до н. э. О том, что скифы играли на Таманском полуострове большую роль, свидетельствуют находки скиф-

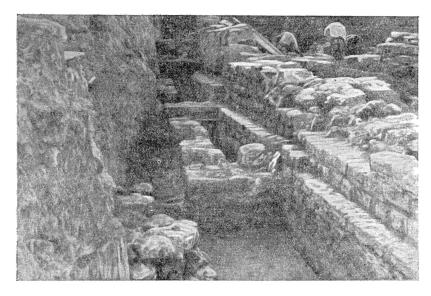

Рис. 4. Развалины греческого общественного здания в Фанагории. Раскопки 1937 г.

ских погребений, совершавшихся по особому ритуалу с захоронением колесниц, лошадей и убитых рабов. Геродот (IV, 28) сообщает: «Море и весь Боспор Киммерийский замерзают, так что скифы, живущие по ту сторону рва, толпами переходят по льду и на повозках переезжают в землю синдов».

Кроме находок скифских предметов, в Фанагории были найдены произведения иранского искусства. Находки Артюховского кургана, как указывают занимавшиеся ими исследователи, близки находкам де-Моргана в Сузе, в некрополе Сард, Аму-Дарьинскому кладу 1. Здесь были найдены драгоценные сосуды и украшения, относящиеся к эпохе раннего эллинизма: серебряный канфар с позолотой, киаф, золотые венки, серебряная ваза, гравированная и позолоченная, золотые пряжки с гранатами, тканая золотом материя, кольца с черной перегородчатой эмалью, золотые диадемы, золотые серьги с подвешенными изображениями голубей из белой эмали и множество других украшений. Характерно для ожерелий с обилием драгоценных камней применение эмали в сочетании со скатной и филигранной работой и яркие по цветам

¹ Ростовцев—Скифия и Босфор, стр. 272.

драгоценные камни. Особенно интересны диадема с узлом в центре 1, большие массивные негреческие кольца, например кольцо с надписью, сделанное в технике перегородчатой эмали с надписью Έστιαΐος Μαμία.

Таким образом, мы можем констатировать наличие сильного влияния ирано-эллинской культуры в эпоху раннего эллинизма.

Наконец, нужно отметить, что, кроме греческих и римских, ирано-эллинистических и скифских вещей, были обнаружены в Фанагории и сарматские. В 1937 г. вблизи городища было раскопано погребение с сарматскими кувшинами III в. Из всего этого ясно, какую сложную картину представляло искусство Фанагории.

Изучение культурных остатков по слоям при раскопках городища в 1936— 1937 гг. подтвердило, что рядом с греческой существовала развитая туземная культура, что дало возможность сделать ряд важных наблюдений.

В культурных слоях, прилегающих к зданию 28, было открыто много привозной греческой керамики классического и эллинистического времени. Но замечательно то, что наряду с нею обнаружено эчень много местной посуды различных типов: от грубой черно-серой и коричневой с толчеными раковинами и вдавленным геометрическим орнаментом до хорошо обожженной с орнаментом, подражающим орнаментации греческих ваз. Этот последний тип местной керамики свидетельствует о сильном воздействии греческого искусства на местное производство. Керамика покрыта черной глазурью, воспроизводящей греческий черный лак, или же лощеная. Здесь имеются подражания аттическим чернолаковым киликам со штампованным орнаментом и малоазийской посуде с рельефными украшениями. При этом наблюдается весьма резкое изменение греческого орнамента: он схематизируется, упрощается, наносится ниями.

Рис 5. Местная керамика, открытая на городище Фанагории в 1936—1937 гг. № 1, 2, 3, 5—подражания греческой чернолаковой кромке; № 4—фрагмент сосуда позднеримского, ранневизантийского времени

врезанными обобщенными ли-

¹ Min ns—Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 43.

Эта геометризация греческих форм представляет собою, конечно, их местную переработку и свидетельствует уже о туземном фанагорийском искусстве. Все вышесказанное о местном искусстве относится к керамике и произведениям художественной промышленности. Произведений монументального искусства в Фанагории открыто было очень мало, и они до сих пор не подвергались научной обработке. К их числу должна быть отнесена каменная плита Таманского музея; эта плита представляет собою настолько своеобразный и интересный памятник фанагорийской скульптуры, что заслуживает специального исследования, которое мы и попытаемся сделать. По словам директора Таманского музея А. Т. Остроумова, плита, найденная кладоискателем Дубовиком в конце XIX в. в одном из курганов Фанагории, была им вставлена в стену дома вместе с двумя другими плитами. Плита исполнена из известняка. Ее сохранность была бы прекрасна, если бы лицевая сторона не была выкрашена светложелтой меловой краской. Высота плиты 61,5 см, ширина 59 см. Пропорции плиты (слишком низкой и широкой) указывают, что она фрагментирована. Следы стески на нижней стороне представляют собою сглаживание следов излома; боковые стороны и задняя совершенно гладки. Сохранившаяся плита представляет собою верхнюю часть надгробия. Плита имеет неглубокое поле $(1^{1}/_{2})$ см) с плоской поверхностью и слегка суживающимися вглубь боковыми гранями. Оно заполнено изображением погребального пира в низком рельефе, высота которого соответствует глубине поля.

Плита увенчана фронтоном с тремя большими акротериями и тремя розеттами: одна—внутри фронтона, две—по сторонам его. Фронтон и розетты исполнены в еще более низком рельефе, чем изображение. Погребальный пир представлен очень просто: на роскошном ложе, со спинкой, украшенной резьбой, а скорее набивными металлическими пластинами, возлежит мужчина в длинной одежде, перед ложем—столик с тремя сосудами на нем и около него мальчик. Представлен героизированный умерший, пирующий (среди богов), в его руке канфар, перед ним яства в чашах—древневосточный мотив, широко распространившийся в античном мире и оставшийся особенно популярным на античном Востоке в период его расцвета, т. е. в эпоху архаики, эллинизма и Рима. В погребальном искусстве Боспора, близко соприкасавшегося с народами Востока, погребальный пир является наиболее характерным изображением.

На плите представлен мужчина с пышными вьющимися волосами и заостряющейся, слегка раздвоенной бородой, широкоплечий, высокий и очень стройный. Лицо удлиненное, довольно массивное, глаза миндалевидные, лоб низкий, губы широкие. Его костюм представляет местную переработку греческого, но не похож ни на скифский, ни на сарматский. Это кафтан с рукавами, запахивающийся спереди (а может быть, греческий хитон с рукавами; трактовка слишком схематична, чтобы сказать точно), и гиматий. На ногах мягкие кожаные башмаки с загибающимися вверх концами, горная обувь. Перед нами эллинизированный туземец. Изображение этого типа мы встречаем на костяных пластинках из Ольвии и на ряде других плит с Боспора с изображением всадников¹. К сожалению, сравнения затрудняются очень плохой сохранностью плит, обычно лица сбиты. Общий облик изображенного очень близок по особому местному колориту

¹ Kieseritzky und C. Watzinger—Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, XLI, 599, 600.

в трактовке одежды и лица изображению двух женских фигур на одной из стел Гос. Эрмитажа ¹. На нашей плите мы не имеем надписи, чтобы судить определенно об изображенном. Материал боспорских погребальных плит, собранный Кизерицким, указывает, что на них встречаются и варварские имена. Следовательно, некоторые из них могли отно-

Рис. 6. Надгробная плита из Фанагории. I в. до н. э.—начало I в. н. э. Таманский музей. Известняк

ситься к туземным погребениям. Отсутствие надписи затрудняет не только определение изображенного, но и дату плиты.

Для определения даты плиты придется обратиться к стилистическому анализу изображения. Сведение всех деталей в одно целое, ритмически увязанное с главным мотивом, мягкость линий, известная пластичность при полной плоскостности построения составляют определенное художественное качество этой скульптуры, сразу отличающее ее от упадочных эскизных плоскостных изображений на стелах позднего времени. Фигура возлежащего в трехчетвертном повороте сведена в один план: плечи развернуты почти в фас, сокращение левого плеча почти незаметно; левая нога, которая должна выступать вперед, втиснута

¹ Kieseritzky und C. Watzinger—Griechische Grabreliefs aus Südrussland, Berlin, 1909, XXX, рис. 436.

в плоскость; правая нога, сохраняя согнутое положение, распластана по плоскости. Однако при всем этом руки лежат довольно непринужденно в легком свободном сгибе. Под тканью кафтана вырисовываются мышцы груди. Обращает внимание ясный и четкий ритм складок. Складки кафтана симметрично спадают круглыми тонкими ребрышками с плеч к середине груди; короткими круглящимися штрихами как бы лепятся округлые формы рукавов. Плащ более схематичен: он не спадает с плеча, как обычно, а уходит под руки, завиваясь складками внизу груди, затем закрывает торс и ноги плотно натянутой тканью; складки орнаментальны и плоскостны. Складки плаща, которые обычно спадают вдоль бока, показаны здесь тремя врезанными линиями, параллельными ложу, совершенно прямыми, расположенными на равных расстояниях одна от другой.

С ложа спускается покрывало. Оно завершает композицию верхней части над ложем. Покрывало имеет округленную форму, в общих чертах повторяющую силуэт возлежащей фигуры, и является как бы ее отражением. Оно также плоскостно: резко очерчен его силуэт, складки на нем закругляются соответственно общему контуру.

Все остальные детали этой композиции приглушены, например столикего уровень совпадает с уровнем ложа, он как бы сливается с ним и не выпирает на зрителя, как это наблюдается на рельефах этого типа; крышка столика профилирована тремя ребрышками, повторяющими ребра складок покрывала на ложе. Две задние ножки ложа закрыты покрывалом совершенно неправдоподобно, чтобы провести непрерывающиеся линии и создать ровную плоскость. Мальчик, стоящий перед ложем, тоже воспринимается, как деталь единого целого. Его голова на уровне столика и одежда схематизированы тем же приемом, как и у возлежащего.

Рядом с этой плоскостностью и схематизацией выступает особая орнаментальная узорчатость, выражающаяся не только в повторяемости линии складок, но и в особой четкости отдельных мелочей, как, например, сложный профиль ножек ложа или орнамент его спинки. Аналогичной полной плоскостности, соединенной с такой ритмической схематизацией, мы не встречаем среди стел, изданных Кизерицким. Однако сопоставление с ними позволяет определить дату. Сравним прежде всего фронтон. Наш фронтон довольно широк и низок, с мягко сформованными деталями, размещенными свободно. Подобное построение фронтона характерно для стел II и I вв. до н. э. (см. у Кизерицкого, табл. XVII, в. до н. э.; XII, 164, I в. до н. э.; XV, 219, II—I вв. до н. э.; XXX, 436, 439; XXXV, 500), или же начала I в. н. э., но в более жестком исполнении (т а м ж е, табл. ХІІ, 160, 178). Но на более поздних стелах I в. акротерии являются очень громоздкими, чрезвычайно большими (например XVI, 240; IV, 76; XXX, 455; XXXIII, 454, 455). Следовательно, по типу фронтона наша плита должна быть датирована не позднее начала І в. Столь тщательно исполненного ложа мы не имеем ни на одной из стел, да и тип его несколько отличается от тех, которые изображены на боспорских стелах. Там мы везде имеем только изображение львиной головы с гривой (См. у Кизерицкого, табл. LII, 704, 718; LIII, 724; L, 693). Здесь же мы видим, кроме тщательно исполненной львиной головы, набивные розетки. И подушка ложа трактована не так, как на других стелах, где подушки торчат между спинкой ложа и плечом возлежащего. Подушки на нашем изображении очень п оские, при этом они повторяют линию контура спинки ложа. Только

на одной стеле (дат. сер. I) мы имеем такие же сплюснутые подушки (там же, LIII, 724). Но все изображение сравнительно с нашим кажется смятым—и подушки, и ткань, и тело. Ножки ложа на нашей стеле находят аналогии в ряде стел. Однако нужно оговориться, что хотя на стелах I в. и встречается тщательное исполнение ножек, но четкая архитектоника их теряется (ср. у К и з е р и ц к о г о, табл. XVIII, 270, 258, стела I в. н. э.). Сравнение же центрального изображения—самой возлежащей фигуры—с такими же изображениями на боспорских стелах указывает, что перед нами довольно своеобразная вещь, возможно уникальная, представляющая собою не шаблон, как большинство плит, но произведение искусства, исполненное рукой подлинного художника.

Обычен тип композиции из двух фигур: полулежащей мужской и сидящей женской. Но встречается и одинокая фигура (см. К и з е р и ц-к о г о, табл. L, рис. 690; табл. LIV, 730, 728; LIII, 726). На этих стелах I в. н. э. мы наблюдаем очень большую упрощенность и плоскостность, однако совершенно лишенную того стройного ритма, который есть в нашей стеле (К и з е р и ц к и й L, 690; LIII, 726; LIV, 730). Наблюдается, что стелы с изображениями фигур в туземных костюмах исполнены в более схематическом плоскостном и графическом стиле, чем остальные (ср. также К и з е р и ц к и й, табл. XXIX, 412, II—I в. до н. э.).

Весьма любопытную стилистическую аналогию представляет собою плита из Керчи, у Кизерицкого XXIX, 422. Общей нашим изображениям являются простота композиции и строгий линейный ритм: фигуры, втянутые и сухощавые, повторяются в одной и той же позе, повторяются все линии складок, лица переданы с такими же натуралистическими тенденциями. Стела датируется надписью І в. до н. э. Однако здесь нет характерной для нашей стелы графичности и узорчатости.

Те же особенности на стеле Гос. Эрмитажа (у Кизерицкого XXX, 436), датирующейся II—I в. до н. э. Изображены две женские фигуры и одна мужская; они плоскостны, трактовка складок графична, любопытен своеобразный туземный наряд женщин с головным убором типа модия и спускающимся с него покрывалом. Оформление фронтона стелы совпадает с оформлением нашей стелы. Стела I в. до н. э.—I в. н. э. в Гос. Историческом музее (Кизерицкий, табл. XVI, 235) имеет аналогичный фронтон и весьма схематичное, но гораздо более грубое изображение.

Близкую стилистическую аналогию представляет изображение на стеле из Керчи начала I в., приводимой Кизерицким на таблице XXII, 318. Лицо с тяжелыми щеками, выступающими скулами, прическа, перевязанная лентой, очень короткий плащ обрисовывают туземку. И так же, как на нашей стеле, плоскостно изображена фигура, складки нанесены мелкими параллельными линиями, образующими простой линейный узор, но наше изображение более пластично и более высоко-качественно. Хотя мы и встречаем приемы схематизации античных реалистических изображений даже на стелах II в. до н. э., все же мы не считаем возможным отнести нашу стелу ко II в. до н. э. Стелы II в. до н. э. имеют более правильно построенные акротерии фронтона (см. К и з ер и ц к и й, XXXV, 500; на стеле Астрагала, сына Диофонта—начала II в. до н. э.). Мы видим здесь резкий обобщенный силуэт, повторяющиеся врезы складок. На изображенном туземный костюм, коническая шапочка, в руках

у мальчика местная корзинка. Вместе с тем фронтон очень строго построен, верхний акротерий выше боковых, которые имеют более скромные размеры, чем на нашей стеле. На стелах I—II вв. н. э., наоборот, мы наблюдаем очень небрежное исполнение, упрощенность античных образов, доведенную до нелепости, очень часто грубое исполнение, нарушение правильности пропорций и нагромождение деталей (ср. К и з е р и ц к и й,

Рис.7. Надгробная плита в Гос. Историческом музее. 1 в. до н. э. Известняк

табл. L, 690; LIV, 732). При этом характер схематизации совершенно иной, пластичность утрачивается, складки исполняются врезанными прямыми линиями, напоминающими деревянную резьбу (ср. Кизерицкий, LI, 696).

Таким образом, на основании сравнения с датированными надписями боспорских стел мы считаем возможным отнести плиту из Фанагории ко времени І в. до н. э.—начала І в. н. э.

Хорошей стилистической аналогией нашей стеле является роспись склепа, открытого в 1895 г. во дворе Зайцевой на Гнилище, особенно изображение Плутона, похищающего Прозерпину¹. Мы видим здесь такого же рода схематичность, плоскостность и вместе с тем целый ряд неправильностей, не только не нарушающих ритмичности построения, а, наоборот, ее утверждающих.

Подобно тому, как на нашей стеле выделена главная фигура на ложе, так и здесь выделен Плутон на квадриге. Прозерпина очень мала и составляет с Плутоном единое целое, складки ее одежды повторяют складки плаща Плутона. Между спинами лошадей и группой Плутона и Прозерпины помещен возница, парящий в воздухе. Его голова приходится как раз на кривой линии, соединяющей головы лошадей и голову Плутона; таким образом, он не разрывает основных линий построения.

Аналогичным является прием композиции на нашей стеле: мальчик изображен вровень с ложем и столом. Однородным представляется и прием повторения одного и того же мотива: таковы округлые складки плаща Плутона. повторяющие контур его плеча; складки покрывала ложа, проходящие параллельно его краю; веерообразные, обобщенные до прямых линий складки плаща вдоль фигуры; повторяющийся четыре раза контур лошадиной головы и ног и повторяющийся рисунок подушек и ложа на нашей стеле. Даже характер неправильностей один и то же: неудачное изображение правого плеча Плутона и уродливо изогнутая правая нога фигуры на стеле; изображение колес на фреске—дано правое колесо и обрывающаяся

¹ М. Ростовцев-Декоративная живопись на юге России, XLVIII.

часть левого; далее у 8 лошадей изображены 6 ног, при этом передние чередуются по цветам иначе, чем задние; эти неправильности представляют собою обобщение ради ясности целого, ради четкого чередования красок. Аналогична трактовка столика и покрывала ложа на нашей стеле.

Подобно тому, как при таком обобщении не забыт орнамент на колеснице, а, наоборот, детально развернут, так и на нашей стеле четко переданы набивные металлические украшения ложа и членения ножек.

Аналогична и фигура женщины направо от входа на западном простенке северной стены склепа. Она имеет традиционную позу греческих надгробных изображений, очерчена резким контуром, представляющим собою одну непрерывающуюся плавную линию; трактовка складок гиматия, рукавов хитона аналогична изображению складок нашей стелы. Роспись этой катакомбы датируется I в. до н. э.—началом I в. н. э.

Таким образом, является еще одно основание для того, чтобы датировать наш рельеф концом I в. до н. э.—началом I в. н. э. и считать плоскостность, графичность и орнаментальность изображения местной переработкой объемного и пластического образа античного искусства. Вместе с тем, отсутствие вполне совпадающих аналогий среди боспорских стел свидетельствует о том, что перед нами памятник именно фанагорийского искусства, в котором туземные черты были наиболее сильными. Аналогичные явления, т. е. переработки античных образов, мы наблюдаем по всей периферии античного мира. Скульптура Галлии, Германии, Египта, Сирии и других мест дает любопытную картину местной передачи занесенных сюда античных образов. При этом искусство каждой из этих областей имеет своеобразные черты, связанные с особенностями местной культуры, местного населения.

В таких странах, как Галлия, Германия, мы наблюдаем упрощение античного образа, его переработку соответственно примитивному искусству племен, населявших эти области. В других местах, на восточных окраинах античного мира, происходит схематизация античных образов сотласно традициям древневосточного искусства. Приведу несколько примеров: надгробия из Паннонии І—ІІ в.; рельефы Адаклисси эпохи Траяна, особенно же интересен Майнцский рельеф с изображением сидящей пленницы эпохи Флавиев: трехчетвертной поворот переведен здесь в одну плоскость, закрывающая тело одежда показана в сетчатом узоре¹.

Эта схематизация и упрощение античных образов в различных частях античного мира относятся к различному времени, иногда очень раннему. Вот один из примеров. В Гос. музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина имеется прекрасный образчик скульптуры с острова Кипра—надгробная плита с изображением погребального пира IV в. до н. э. Дата этой скульптуры определяется формами головы льва, помещенного над плитой. Изображения же мужчины, возлежащего на ложе, и женщины, сидящей около него, чрезвычайно условны—волосы в виде выпуклых кружков, одежда расчленена сплошным узором в виде одинаковых параллельных, немного вдавленных полосок.

На стелах с изображением погребального пира, открытых в Египте (находящихся в Гос. музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина), мы наблюдаем введение местных деталей: колонки с фигурой сидящего

¹ «Oesterreichische Jahreshefte», 1930, S. 27, 18 ff.

на ней Анубиса, конические сосуды, бутоны лотоса в руках; особенно же интересно исполнение в рельефе еп сгеих и полное отсутствие сокращений. Голова ливийца из Египта начала I в. в Гос. музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина представляет собой исклк чительный образец соединения приемов римского портрета с египетской обобщенностью контура и поверхности лица, которое покрыто сплошным слоем левкаса и нанесенной по нему позолотой.

Где же корни своеобразного исполнения изображения на Таманской плите? Возникает вопрос о глиянии искусства Фракии.

Фанагория входила в состав Боспорского царства. В период эллинизма и Рима на Боспоре очень сильно сказывалось влияние Фракии и был

Рис. 8 Голова силена. Кость. I в. до н. э.

весьма распространен культ фракийских божеств. В 1938 г. на городище Фанагории был найден фрагмент статуэтки, напоминающей изображения бога Сабазия (фракийского Диониса), что свидетельствует о распространении фракийских культов и в Фанагории. Фракийская скульптура нам хорошо известна по находкам на Балканском полуострове. Такие же скульптуры были найдены в святилище фракийских богов в Ай-Тодоре. И здесь мы встречаемся со схематизацией и упрощением античного изображения, однако они носят совершенно иной характер 1: наблюдается беглость исполнения, некоторая эскизность, при резко выраженном контуре, мягкость и текучесть форм тела, их неопределенность; детали нанесены штрихами.

В нашем рельефе мы имеем какието другие истоки. Их нужно искать в туземном искусстве, с одной стороны, синдов и мэотов, с другой—в скифо-сарматском.

Местные племена находились на ранней стадии развития рабовладения, они только выходили из родового быта, искусство их носило, с одной стороны, религиозно-магический и условно-схематический характер. с другой—примитивно-натуралистический. Поэтому эти переработки имеют такое сходство с восточно-архаическим искусством, но мы не можем назвать их «архаистикой». Что стилизация представляет собою в данном случае местную переработку античного реалистического образа, об этом свидетельствуют находки стилизованных туземных вещей рядом с греческими в различных местах Причерноморья. Например, в кургане «Чмырова могила» (близ Мелитополя) рядом с ясно выраженным пластическим изображением головы Горгоны и Геракла IV в. до н. э. мы видим голову Пана (?) с натуралистическими чертами лица и схематической трактовкой волос². Таково же изображение двух борющихся фигур на золотой пла-

¹ ИАК, 40, табл. V.

² Альбом рисунков в ОАК 1882—1898 гг., стр. 70, № 402.

стинке¹; геральдическое изображение двух грифов² и орнамент на золотом

наушнике ³.

Таким образом, мы приходим к выводу, что плита Таманского музея из Фанагории является произведением местного искусства, в котором античный реалистический образ подвергся очень сильной туземной переработке. Наличие творческой местной переработки в сравнительно раннем памятнике искусства— $I_{\bullet}$ в. до н. э.—начало I в. н. э.—свидетельствует о силе туземной культуры, которая в значительной степени определяется и вышеуказанными находками на городище Фанагории.

К этой же группе переработанных по местному вкусу античных образов нужно отнести и барельефную голову силена, вырезанную из кости, открытую на городище Фанагории в 1937 г.

Греческий тип силена эллинистического времени, с резко выраженными выпуклыми формами надбровных дуг и переносья, с глубоко посаженными глазами и выпуклыми щеками здесь схематизирован; контур головы, шеи и бороды представляет одну обобщенную кривую, борода изображена параллельными рельефными волнистыми полосками, плоско лежащими; ухо превращено в орнамент, оно очерчено такими же рельефными полосками, повторяющими членения бороды; листья венка также схематизированы. Это тот прием превращения живой органической формы в орнамент, который мы наблюдаем в изображениях зверей в скибо-сарматском искусстве4.

Характер изменения античной формы здесь совершенно тот же, что и на рассмотренном нами надгробии.

Эта находка требует монографического исследования. Дело в том, что подобные пластинки резной кости были найдены в Пантикапее, а в последние годы и в Мирмикии, например опубликованная в «Вестнике древней истории», т. I, 1937, стр. 227. Является ли местом производства этих костеных изделий Фанагория или Пантикапей, или и та и другой, —решат толькі дальнейшие находки. Фанагория находилась на стыке различных культур. и это обещает дать интереснейшие находки, раскрывающие взаим: Гтношение этих культур и в тоже время усложняющие изучение искусства Фанагории. Несомненно, что для его понимания необходимо углубленное изучение не только античного, и не только местного, и скифосарматенте, но и персидского и фракийского искусства и древнемалоазийского. Баждое найденное местное произведение искусства требует специального жителя, открытая в Фаналарии и хранящаяся в Керченском музее. Группа терракотовых статусти иткрытых в 1936—1937 гг., должна быть обработана в связи с материалым старых фанагорийских находок, хранящихся в Эрмитаже, Историческом и Керченском музеях. Вместе с тем, при обработке памятников извусства, открытых в Фанагории, должно быть выяснено взаимоотношение изкусства Фанагории с искусством Боспора: представляет ли оно то же самае, что и последнее, как это указывалось до сих пор, или же имеет свои специрические особенности.

¹ Альбаж рисунков в ОАК 1882—1893 гг., стр. 69, № 396.

² Там же, стр. 69, № 397.

 ³ Там же, стр. 69, № 399.
 ⁴ И. Толстой и Н. Кондаков—Русские древности, III, стр. 56, 57.

Список сокращений, встречающихся в № 2(3) «ВДИ»

AJA - «American Journal of Ar haeology».

APAW - «Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften».

Arch für Pap - «Archiv für Papyrusforschung».

BCH — «Bulletin de correspondence Hellénique».

BGA — Bibliotheca geographorum arabicorum.

BGU-Ägyptische Urkunden von den Königlichen Museen zu Berlin.

BSOS - Bulletin of the School of Oriental Studies.

CIA - Corpus inscriptionum Atticarum.

CIL — Corpus inscriptionum Latinarum.

ДАН - «Доклады Академии наук».

ЖМНП - «Журнал министерства народного просвещения».

ЗВОРАО - «Записки Восточного отделения Российского археологического общества».

300-«Записки Одесского общества истории и древности».

FHG - Fragmenta Historicum Graecorum.

JA - «Journal Asiatique».

JHS - «The Journal of Hellenic Studies».

ИАК - «Известия Археологической комиссии».

ИАН — «Известия Академии наук».

IG - Inscriptiones Graecae.

IJG - Insciptions juridiques grecques.

IosPE - Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.

ИРАИМК.- «Известия Российской Академии материальной культуры им. Н. Я. Марра».

LGU-L. Mitteis, Agyptische Urkunden von den Königlichen Museen zu Leipzig.

МАК - Материалы по археологии Кавказа.

Мат. арх. Росс. — Материалы по археологии России.

ОАК - Отчеты Археологической комиссии.

RA — «Revue archéologique».

RB - «Revue Biblique».

RE-P a u l y — W i s s o w a — K r o l l, Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft.

RHR - Revue de l'histoire des religions.

RH - «Revue Historique».

SBAW — Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften (Philos.-philol.-hist. Klasse).

SHA - Scriptores Historiae Augustae.

SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum.

Syll. - W. Ditenberger, Sylloge Inscriptionum Graecorum.

ZDMG - «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft».

СОДЕРЖАНИЕ

Речь тов. Сталина на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая	Стр.
1938 г	3 5
Проф. Б. Грозный (Прага), Хеттские народы и языки	18
ского содержания (календарь)	34
Р. В. Шмидт, Античное предание о дорийском переселении	50
Проф. С. Я. Лурье, К организации нотариата в греческой метрополии	66
К. М. Колобова, Из истории классовой борьбы на Родосе	80
Проф. С. В. Бахрушин, «Держава Рюриковичей»	88 99
Е. И. Крупнов, Галиатский могильник, как источник по истории элан-	
OCCOB	113
В. Н. Худадов, Халды-урартийцы после падения Ванского царства А. А. Потапов, Рельефы древней Согдианы, как исторический источ-	122
ник	127
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Г. Поляков, К истории витрувианства на Западе и у нас $A\kappa a \partial$. И. Крачковский, Новое пособие в области южноарабских	138
древностей	145
А. Ранович, Из литературы о текстах Рас-Шамры	150
Проф. В. Авдиев, Раскопки в Мари	158
Л. Ельницкий, Раскопки в Дура-Эвропос	170
С. Толстов, Л. В. Баженов—Средняя Азия в древний период	177
Проф. Н. Кун, М. С. Альтман-Греческая мифология	180
К. Костко, История древнего мира в журнале «Историк-марксист»	182
К. К., История древнего мира в «Историческом журнале»	187
Издания исторической редакции Соцэкгиза	190
хрониқа	
.7. Ельницкий, Археологические раскопки в Греции и Восточном Сре-	
диземноморье за последние годы	194
в Польше	224
С. Киселев, Саяно-алтайская археологическая экспедиция в 1937 г А. М., В Академии наук СССР и в московских вузах	237 238
МАТЕРИАЛЫ Қ ИСТОРИИ АНТИЧНЫХ ҚОЛОНИЙ НА ТЕРРИ- ТОРИИ СССР	
Акад. А. И. Тюменев, Херсонесские этюды	245
Л. П. Калистов, Этюды из истории Боспора в римский период Проф. А. Н. Зограф, Реформа денежного обращения в Боспорском цар-	276
стве при Савромате II	287
Л. А. Ельницкий, Из исторической географии древней Колхиды	307
В. Д. Блаватский, Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг	321
М. М. Кобылина, К изучению искусства древнегреческого города Фанагории	336
нагории	350

SOMMAIRE

Discours du camarade Stalin à la réception des travailleurs de l'enseignement supérieur au Kremlin du 17 mai 1938
G. Poliakoff, De l'histoire du vitruvisme en Occident et chez nous
I. Kratchkovsky, de l'Académie des Sciences de l'URSS, Manuel nouveau des antiquités arabes du Sud
 L. Elnitzky, Les fouilles archéologiques en Grèce et en Orient de la Mediterranée durant les dernières années
Mediterranée durant les dernières années
20
CONTRIBUTIONS A L'HISTOIRE DES COLONIES ANTIQUES SUR LE TERRITOIRE DE L'URSS
A. I. Tioumeneff, de l'Académie des Sciences de l'URSS, Etudes de la Chersonèse

Цена 10 руб.

Henker